

КОЛОМЕНСКИЙ АЛЬМАНАХ

Литературный ежегодник

Орган творческого объединения писателей Коломны

ИЗДАЁТСЯ КОМИТЕТОМ ПО КУЛЬТУРЕ ГОРОДСКОГО ОКРУГА КОЛОМНА

ВЫХОДИТ С 1997 ГОДА

2014

ВЫПУСК
ВОСЕМНАДЦАТЫЙ

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕРВАЯ КОЛОНКА

ПРОЗА

ПОЭЗИЯ

МИХАИЛ ЛЕРМОНТОВ

ДУМА. СТИХОТВОРЕНИЕ7

АЛЕКСАНДР САХАРОВ

ВРЕМЯ ЛЕРМОНТОВА9

ЕВГЕНИЙ ШИШКИН

ИДИОТ И МАЛЫШ. Рассказ 19

ВИКТОР МЕЛЬНИКОВ

ДОГОРАЛА ОСЕНЬ. Рассказ 39

ТАТЬЯНА КОНДРАТОВА

ДОЛЬКА. Рассказ 55

АЛИНА САЛЫКОВА

А ПОТОМ БУДЕТ ПАРИЖ. Рассказ 67

ГАЛИНА САМУСЕНКО

РАССКАЗЫ О ЖИВОТНЫХ 77

ВЛАДИСЛАВ АРТЁМОВ

ЗОЛОТЫЕ ЛИСТЬЯ. Стихи87

TERRA INCOGNITA

ЗАРУБЕЖНЫЙ ПОХОД

АЛЕКСЕЙ ВИТАКОВ И ХОЛОД ШЁЛ С ДОЖДЯМИ И БЕДОЙ Стихи	97
НИКОЛАЙ КОНОВСКИЙ ТРОСТНИК. Стихи	109
ЛЕВ БОЛДОВ ГУДЯТ МОИ КОЛОКОЛА! Стихи	119
ЛАРИСА МОРОЗОВА АПОКРИФ ДЕРЕВА. Стихи	133
МИХАИЛ БОЛДЫРЕВ ПЕСНЯ ПРОСИТСЯ НА ВОЛЮ. Стихи	139
МИХАИЛ ПРОХОРОВ СОЛНЦЕ НЕСПЯЩИХ. Стихи	149
ЕВГЕНИЙ КИРСАНОВ ЗИМНИЙ РАЗГОВОР. Стихи	153
АНАСТАСИЯ СОЛДАТКИНА ЕСТЬ НА СВЕТЕ СЛОВО... Стихи	159
СЕРГЕЙ МАЛИЦКИЙ КУБИКИ. Повесть	167
ЮРИЙ КОЗЛОВ ПРЕКРАСНАЯ ТАЙНА БЫТИЯ. Рассказ ...	199
СЕРГЕЙ КАЛАБУХИН ЧЁРНЫЙ СЛЕДОПЫТ. Рассказ	213
РОМАН СЛАВАЦКИЙ ЗАКОЛДОВАННЫЙ ДОМ. Рассказ	227
ИВАН ЛАЖЕЧНИКОВ ПОХОДНЫЕ ЗАПИСКИ РУССКОГО ОФИЦЕРА	245

НА ЛЕРМОНТОВСКОЙ ТРОПЕ

АНАТОЛИЙ ПАРПАРА
ЗАМЕТЫ. ДУМАЯ О ЛЕРМОНТОВЕ 261

ВЛАДИМИР БОНДАРЕНКО
ДВОЙНОЙ РЕКВИЕМ 273

ОЛЕГ ПУГАЧЁВ
НАСЛЕДИЕ РУССКОГО ГЕНИЯ 283

ВЛАДИМИР ВИКТОРОВИЧ
ЗАГАДКИ ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ
(литературный диалог
Лермонтова и Лажечникова) 295

ТАТЬЯНА БАШКИРОВА
ВЕНОК ЛЕРМОНТОВУ 299

ГРАЖДАНИН КОЛОМНЫ

ЮРИЙ ОРЛИЦКИЙ
ПОЭЗИЯ В ПРОЗЕ ПИЛЬНЯКА 317

АЛЕКСАНДР АУЭР
ФИЛОСОФСКИЕ СЮЖЕТЫ В ПРОЗЕ
Б.А. ПИЛЬНЯКА 339

ДУХОВНАЯ НИВА

ВЛАДИМИР КРУПИН
ИГУМЕН ЗЕМЛИ РУССКОЙ 355

ПРОТОИЕРЕЙ ВЛАДИМИР ПАХАЧЕВ
ПРЕПОДОБНЫЙ СЕРГИЙ И КОЛОМНА .. 363

ВЛАДИМИР ПОТРЕСОВ
ВОЗРОЖДЁННЫЙ ХРАМ В ГОЛОЛОБОВЕ 369

ВАЛЕРИЙ ЯРХО
В ДАЛЬНЕМ ПРИХОДЕ..... 375

МУЗЫКА

НАТАЛИЯ КОЧЕТКОВА
«НОЧЬ ПЕЧАЛЬНА, КАК МЕЧТЫ МОИ...» 397

ОЛЬГА КОРОЛЁВА
НЕИЗВЕСТНЫЙ АЛЯБЬЕВ 409

ИРИНА ГРИШАНОВИЧ
К БЕРЕГАМ ДЕТСТВА. 419

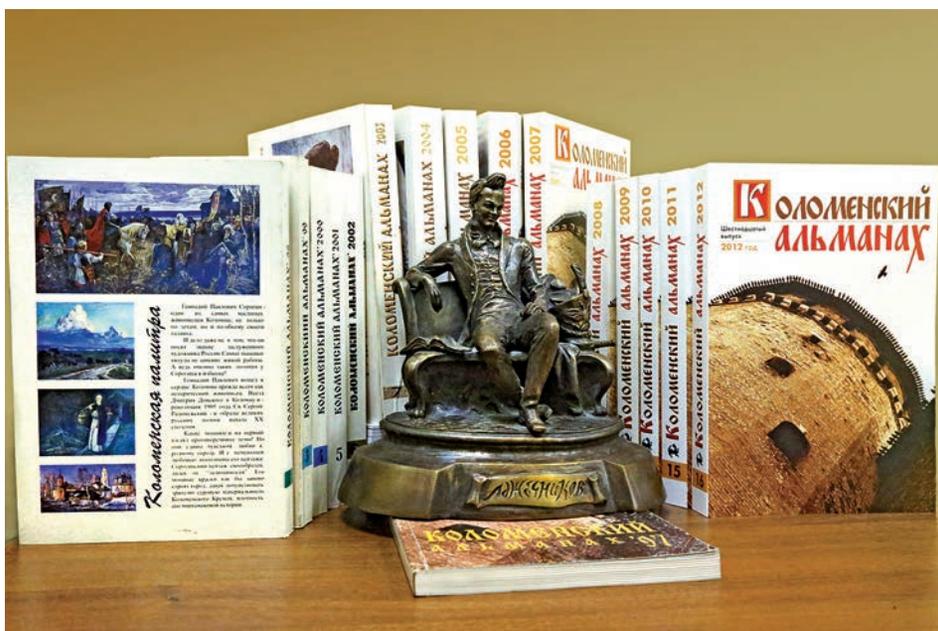
РОДИМАЯ СТОРОНА

ЛАРИСА ВАСИЛЬЕВА
РОДОСЛОВНАЯ ЛЮБВИ 445

НИСОН ВАТНИК
УРОКИ САМООТВЕРЖЕННОСТИ 455

ВЛАДИМИР ЕНИШЕРЛОВ
ВОЗВРАЩЕНИЕ В НОВОСЁЛКИ 467

АНАТОЛИЙ КУЗОВКИН
КОЛОМЕНСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ
КАЛЕНДАРЬ 493

Фотокомпозиция Александра Дудкина

ВРЕМЯ ДЕЛ

Сегодня даже страшно вспомнить, какой принимал Коломну Валерий Шувалов... Заросшая грязью Соборная площадь, руины Коломенского кремля, дикая провинциальная разруха...

А нынче, когда сияющий сказочной красотой Коломенский кремль стал символом России, когда ухоженная и цветущая Коломна вошла в число самых благополучных городов страны, прошлое кажется дурным сном. Как будто чудо произошло на нашей земле! На самом же деле это чудо стало результатом непрерывных упорных трудов. Каждый год город обновлялся, украшаясь возрождёнными памятниками архитектуры, шикарными мостовыми, дивными цветниками.

И за всем этим чувствовался рачительный хозяйский пригляд. Но дело не ограничилось «внешним»! Этот взгляд, постоянное внимание обращались и к духовной жизни города, к его культуре, тому глубинному бытию, которое и придаёт смысл любой эпохе.

Коломна стала символом России, а один из главных символов города — «Коломенский альманах»! За восемнадцать лет он стяжал заслуженную славу в литературном мире страны и приобрёл многотысячную читательскую аудиторию.

Это было бы невозможно без всемерной помощи и доброго участия главы города.

Дорогой Валерий Иванович! Все сотрудники альманаха, вся литературная Коломна поздравляет Вас с 60-летием! Это возраст мудрости, возраст политического расцвета. Дай Вам Бог сил и впредь трудиться на благо священной Коломны. Пусть щедрость и тепло вашего сердца продолжают в Ваших детях и внуках! И пусть не иссякает Ваш талант! Ведь нынче не время разговоров, а время дел. И одно из лучших дел Ваших — «Коломенский альманах». Потому и поздравления наши — не по обязанности, а по сердцу — как самому лучшему помощнику и другу!

ЗАГЛАВНОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

Алексей Ивантер

В прошлом марте весною не пахло,
в этом марте — запахло войной,
оружейною комнатой затхло,
холодком за горячей спиной.

Севастополь — столица бегоний!
На себе ощущая вину,
я твои примеряю погоны,
бескозырку твою и войну,

Не желая беды Украине,
с бориславской золой под полой,
я хочу, чтоб навеки отныне
Севастополь был русской землёй.

Если выбрать, где всё-таки лягу,
то, недолжным уже никому,
я хочу под Андреевским флагом
упокоиться в русском Крыму.

МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ ЛЕРМОНТОВ

(1814 – 1841)

ДУМА

Печально я гляжу на наше поколенье!
Его грядущее — иль пусто, иль темно,
Меж тем, под бременем познания и сомненья,
 В бездействии состарится оно.
 Богаты мы, едва из колыбели,
Ошибками отцов и поздним их умом,
И жизнь уж нас томит, как ровный путь без цели,
 Как пир на празднике чужом.
 К добру и злу постыдно равнодушны,
В начале поприща мы вянем без борьбы;
Перед опасностью позорно-малодушны,
И перед властью — презренные рабы.
 Так тощий плод, до времени созрелый,
Ни вкуса нашего не радуя, ни глаз,
Висит между цветов, пришлец осиротелый,
И час их красоты — его паденья час!

Мы иссушили ум наукою бесплодной,
Тая завистливо от ближних и друзей
Надежды лучшие и голос благородный
 Неверием осмеянных страстей.

Едва касались мы до чаши наслажденья,
Но юных сил мы тем не сберегли;
Из каждой радости, бояся пресыщенья,
Мы лучший сок навеки извлекли.

Мечты поэзии, создания искусства
Восторгом сладостным наш ум не шевелят;
Мы жадно бережём в груди остаток чувства —
Зарытый скупостью и бесполезный клад.
И ненавидим мы, и любим мы случайно,
Ничем не жертвуя ни злобе, ни любви,
И царствует в душе какой-то холод тайный,
Когда огонь кипит в крови.
И предков скучны нам роскошные забавы,
Их добросовестный, ребяческий разврат;
И к гробу мы спешим без счастья и без славы,
Глядя насмешливо назад.

Толпой угрюмою и скоро позабытой
Над миром мы пройдем без шума и следа,
Не бросивши векам ни мысли плодovitой,
Ни гением начатого труда.
И прах наш, с строгостью судьи и гражданина,
Потомок оскорбит презрительным стихом,
Насмешкой горькою обманутого сына
Над промотавшимся отцом.

1838 г.

Первая колонка

ВРЕМЯ ЛЕРМОНТОВА

Так уж сошлось, что несколько последних лет было переполнено великими юбилейными вехами. И наш альманах, всегда отличающийся пристальным взглядом на историю, конечно же, не оставался к ним равнодушен.

Год нынешний тоже необыкновенно богат на памятные даты! Литературные и духовные юбилеи снова и снова заставляют нас вглядываться в Прошлое, отыскивая в нём опору и научение.

Первое, что отзовется в любом русском сердце — 200-летие со дня рождения Лермонтова... Его имя ассоциируется не только с непревзойдённым лиризмом и беспощадной остротой зрения. Гений поэта основан на глубоком понимании русской истории – не только современной Лермонтову, но и таинственного Русского Средневековья.

Один из ярчайших светочей своей эпохи — преподобный Сергей Радонежский, 700-летие со дня рождения которого мы ныне торжественно празднуем! К сожалению, «школьное» образование стереотипирует только один факт: «Преподобный Сергей благословил Дмитрия Донского на Куликовскую битву». При этом мы забываем главное: святой Сергей — не политик, он создатель русской души. Его трудами Русь оделась драгоценной жемчужной россыпью монастырей, каждый из которых был центром богомыслия, нравственной традиции, культуры и просвещения. И на фоне этого чудесного преображения политика уже не кажется столь важной. Да и сама история с благословением гораздо сложнее, чем представляется на первый взгляд.

Великий игумен был прозорливцем. Он понимал, что битва за независимость

Дмитрий Донской у Сергия Радонежского. Миниатюра лицевого «Жития Сергия Радонежского», XVI в.

сопряжена с колоссальными потерями, что куликовская победа может обернуться катастрофой: Тохтамышевым нашествием и гибелью Москвы...

Не зря незадолго до битвы он увещевал великого князя: «Обычай твой удерживает: покоряться ордынскому царю должно».

И потом, достоверно узнав, что Мамай — не хан (царь) Орды, а фактически самозванец, уже благословляя, он советовал постараться решить дело миром. Надо сказать, что святой Димитрий последовал этому совету! Мало кто помнит, что перед походом из Коломны на Дон князь вёл трудные переговоры с послами темника Мамаю, к сожалению — безрезультатные.

Всё же благословение было дано, и была битва, в которой незримо участвовал сам преподобный, ибо в день Рождества Пресвятой Богородицы во время литургии он мысленным взором видел сражение и называл имена гибнущих воевод и князей...

Коломне святой Сергей особенно близок. О связях, которые делают его трогательно и родственно близким нам, повествует особый рассказ на страницах альманаха.

Бродишь по Коломне — и словно читаешь каменные скрижали истории... В 1614 году завершилась Смута, и грозный силуэт Маринкиной башни до сих пор напоминает о смерти пленной царицы и отзывается ахматовским эхом.

Это не случайно. Ахматова, которая подобно Лермонтову сочетала в себе поэтический гений и глубинное понимание Истории, тесно связана с коломенской землёй. Здесь пролегла её тропа, запечатлённая в прекрасных стихах. Для коломенцев это особенно важно сегодня, когда мы отмечаем 125-летие со дня рождения Ахматовой!

В 1714 году состоялось Гангутское сражение — одно из самых блестящих в истории русского флота. Молодой русский регулярный флот одержал первую большую морскую победу над сильнейшим в то время шведским. Значение Гангутской виктории огромно. Пётр I сравнивал её с победой под Полтавой.

Как тут не вспомнить, что Коломна напрямую связана с русским флотом: и через первый отечественный флагман «Орёл», и через Петра Великого, который несколько раз посещал город, и через прозу Пильняка, в которой отозвалось Петровское время. И, что характерно, тень Лермонтова также беспокоила воображение писателя! Трагической судьбе поэта посвящён один из его рассказов, который мы однажды опубликовали в альманахе.

А год 1814-й — апофеоз русской славы! Два века назад взятием Парижа и капитуляцией французских войск 31 марта 1814-го завершился зарибежный поход русской армии, начатый изгнанием Наполеона из России. «Между тем война со славою была кончена. Полки наши возвращались из-за границы. Народ бежал им навстречу. Музыка играла завоёванные

«Вступление российских войск в Париж. 31 марта 1814»: неизвестный художник с оригинала И. Ф. Югеля по рисунку У.-Л. Вольфа, 1815, Санкт-Петербург, Всероссийский музей Пушкина

песни: *Vive Henri-Quatre*, тирольские вальсы и арии из Жоконда. Офицеры, ушедшие в поход почти отроками, возвращались, возмужав на бранном воздухе, обвешанные крестами. Солдаты весело разговаривали между собою, вмешивая поминутно в речь немецкие и французские слова. Время незабвенное! Время славы и восторга! Как сильно билось русское сердце при слове *отечество!* Как сладки были слёзы свидания! С каким единодушием мы соединяли чувства народной гордости и любви к государю!» — вспоминал Пушкин в повести «Метель».

Как мощно отозвалась русская поэзия на события той войны! Какой глубокий отпечаток оставило освободительное движение в истории России и нашей Коломны!

В память о пути русской армии и взятии Парижа альманах продолжает печатать «Походные записки» нашего выдающегося земляка Ивана Ивановича Лажечникова.

Имя Лермонтова словно объединяет эти юбилеи.

Его творчеством восхищалась Ахматова. Однажды в статье «Всё было подвластно ему» Ахматова сказала: «...он подражал в стихах Пушкину и Байрону и вдруг начал писать нечто такое, где он никому не подражал, зато всем уже целый век хочется подражать ему. ... Слово слушается его, как змея заклинателя: от почти площадной эпитагмы до молитвы. Слова, сказанные им о влюблённости, не имеют себе равных ни в какой из поэзий мира».

Как мощно в его творчестве отозвались события освободительной войны с Наполеоном! Какое отражение в поэзии гения нашла вся русская история!

Михаил Лермонтов и поныне остаётся одним из самых загадочных русских поэтов... И хотя биография его перестала быть «нищенской», как обозначил её в начале века Александр Блок, намекая на скудость документов и воспоминаний, она таит ещё немало лакун и неясностей.

Пожалуй, не будет преувеличением сказать, что Отечественная война определила русское сознание на всё XIX столетие. Участники войны считали честью подписываться «Ветеран 1812 года»; офицеры с гордостью говорили: «Все мы были дети Двенадцатого года». А у них были свои дети — поколение, помнящее славу отцов.

Среди этого поколения одним из первых можно назвать Михаила Юрьевича Лермонтова, родившегося в послевоенной Москве вечером 2 октября (по ст. стилю) 1814 года. «Октября 2-го в доме господина покойного генерал-майора и кавалера Фёдора Николаевича Толя у живущего капитана Юрия Петровича Лермонтова родился сын Михаил. ... крещён того же октября 11 дня», — гласит запись в метрической книге церкви Трёх Святителей, что у Красных ворот. Сама церковь (известная также и тем, что в ней был отпет выдающийся русский полководец, герой Шипки — «Белый генерал» М.Д. Скобелев), да и Красные ворота — памятник славы русского оружия — не дошли до наших дней.

Лакуны в биографии Лермонтова и по сей день порождают множество вымыслов, некоторые из которых по прошествии времени обретают ореол «истинности». Так, уже с детских лет, прочитав школьные учебники, впитываем мы (и наши дети) мифы о самоубийстве деда поэта

М. В. Арсеньева, о «плохом отце, обижавшем мать и бросившем сына», о «вредном» характере самого поэта, вынудившем Мартынова вызвать его на дуэль и т. д.

А сколько появляется в последние годы нелепых «исследований», что поэт сговорился с Мартыновым под видом дуэли легко ранить Лермонтова, чтобы «свалить» ранение на черкесов и подать в отставку (Мартынов же, «плохой стрелок», ранил его смертельно). Или, например, что Лермонтов собирался принять ислам, чтобы вырваться из-под гнёта самодержавия, и выстрел Мартынова «спас» его и нашу поэзию от этого шага. Невзирая на воспоминания очевидцев, поражавшихся храбрости Лермонтова в бою, спустя 170 лет находятся люди, под флагом «объективности» обвиняющие Михаила Юрьевича в трусости, уклонении от боевых действий... Нет смысла, особенно в год юбилея поэта, перечислять подобные бредни.

Но вот о тайнах творчества Лермонтова говорить вполне уместно. Самая большая загадка — это Гений поэта. За свои неполные 27 лет, за 12 с небольшим лет творчества (по признанию самого Лермонтова, он начал писать стихи и «прибирать» их с 14 лет), он так много успел совершить! И он вовсе не «сводил счёты с жизнью» на поединке, как это предполагают некоторые «исследователи». Певец был полон творческих планов: хотел выйти в отставку, заняться творчеством, написать историческую трилогию, начиная со времён Екатерины II и Пугачёва, продолжив сражениями 1812 года и завершив событиями Кавказской войны при Ермолове!

История не имеет сослагательного наклонения, но, как знать, может, наша литература получила бы роман, превосходящий «Войну и мир», ведь сам Л. Н. Толстой писал, что не погибни Лермонтов, может, «не нужны были бы ни я, ни Достоевский».

Ещё один миф — богоборчество и демонизм Лермонтова. И это говорят и пишут о поэте, написавшем самые проникновенные «Молитвы»...

Очень много сочиняют о том, что современники не видели в Лермонтове гениального творца, но лишь обычного армейского офицера (как не вспомнить замечание самого поэта, что Бог дал ему обычную армейскую наружность) с дурным характером, не дававшего прохода знакомым довольно обидными шутками. Но, как заметил В. Г. Бондаренко, сам император Николай I знал и читал Лермонтова, читали его и в императорской семье, критика спорила о Лермонтове, так что не воспринимать его как поэта было довольно трудно.

Что же касается характера... Да, он был непростым: Лермонтов не терпел и малейшего проявления фальши, лжи, пошлости. А наряд Мартынова — черкеска с большим кинжалом, — вызвавший много шуток и карикатур Лермонтова, действительно был смешон и в глазах горцев, и в глазах русских военных, уверены современные исследователи — специалисты по истории военного костюма того времени. Всё равно что сейчас кто-то попробовал сочетать кроссовки и джинсы со смокингом. Истинные же друзья поэта вспоминали, что Михаил Юрьевич был очень душевным, деликатным человеком, дорожившим дружбой и искренне преданным небольшому кругу своих близких. Думается, что вся бравада и эпатаж лишь скрывали от посторонних одиночество и очень раннего человека. Эта ранимость, это «одиночество в толпе», мне кажется, роднят его с такими более поздними поэтами, как Есенин и Рубцов.

Тройка. Рисунок М.Ю. Лермонтова

Лажечников, Пильняк — это коломенские литераторы, жившие в Коломне, Ахматова приезжала в Коломну как в город Пильняка. А что связывает с нашим городом Лермонтова? В его биографии нет ни одного упоминания о Коломне. И всё же весьма вероятно, что поэт в Коломне был, хотя бы проездом. Бабушка Елизавета Алексеевна, ожидающая внука в отпуск, пишет ему 18 октября 1835 года в Санкт-Петербург, что «хотя Тарханы и Пензенской губернии, но на Пензу ехать слишком (так в оригинале — А. С.) двести вёрст крюку, то из Москвы должно ехать на Рязань, на Козлов (ныне Мичуринск — А. С.), а из Тамбова на Кирсанов и Чембар (современный г. Белинский — А. С.)». Выехал Лермонтов из Москвы лишь утром 27 декабря и прибыл в Тарханы в канун нового, 1836 года. Неизвестно точно, какой дорогой он ехал, но вполне вероятно, что он последовал совету бабушки. А так как дорога на Рязань проходит через Бронницы и Коломну (вспомним письмо В. Г. Белинского знакомым, фрагмент которого был опубликован в альманахе Г. Е. Горлановым), то можно предположить, что уже днём 27 декабря 1835 года поэт был в Коломне.

Признаком великого поэта всегда был дар пророчества. Такой дар имел и Лермонтов. «Когда всеильный Судия мне дал всеведение пророка...» А «Настанет год. России чёрный год...» и «Печально я гляжу на наше поколение...» Это ведь не только о николаевской России, не только об октябре 1917-го, это и о нашем времени!..

Символично, что именно в годы, юбилейные для поэта, происходят важные и тяжёлые для нашей страны события: 1914 — Первая мировая война, 1941 — Великая Отечественная, 1991 — развал Советского Союза...

Ровно сто лет назад началась Первая мировая война... Официальным поводом послужило убийство в Сараеве 28 июня 1914 года австрийского

эрцгерцога Франца-Фердинанда сербским студентом Гаврилой Принципом, членом организации «Млада Босна», борющейся за объединение южнославянских народов в одно государство.

Однако подлинной причиной было геополитическое противостояние стран Антанты (России, Великобритании и Франции) и Германии с Австро-Венгрией. Позже к противникам Антанты присоединились Турция и Болгария. В 1915 году на стороне Антанты в войну вступила Италия, бывшая прежде союзником Германии.

События развивались стремительно. 28 июля 1914 года Австро-Венгрия объявила войну Сербии, Германия 1 августа — России, и в тот же день немцы вторглись в Люксембург. 3 августа Германия объявила войну Франции, обвинив её в «организованных нападениях и воздушных бомбардировках», а также «в нарушении бельгийского нейтралитета». На ультиматум Германии 3 августа Бельгия ответила отказом, и на следующий день на её территорию вторглись германские войска. На помощь Франции направила войска Великобритания. Австро-Венгрия 6 августа объявила войну России. Первая мировая война началась.

Невозможно кратко описать весь ход военных действий. События разворачивались в основном на двух фронтах — французском и русском, а также на Балканах (в Сербии), на Кавказе и Ближнем Востоке. В 1914 году все участники собирались закончить сражения за несколько месяцев путём решительного наступления; никто не ожидал, что бойня примет затяжной характер...

Точка будет поставлена лишь 11 ноября 1918 года. В результате войны прекратили своё существование четыре империи: Российская, Германская, Австро-Венгерская и Османская. Все стороны понесли огромные потери: было убито более 10 миллионов солдат и около 12 миллионов мирных жителей...

И, конечно, эта война, как и впоследствии Великая Отечественная, затронула судьбы буквально каждой семьи в России.

Не осталась в стороне и Коломна. На здешних заводах производилась военная продукция. Коломенцы храбро сражались на фронтах, многие из них стали георгиевскими кавалерами. О событиях той незадолго забытой эпохи, как и о других юбилейных датах, рассказывает нынешний номер альманаха.

Братское кладбище Первой мировой войны у церкви Всех Святых в селе Всехсвятском (ныне – мемориальный парк у ст. м. «Сокол»)

Домик Лермонтова в Пятигорске

Грустно думать, что начало XX века стало трагической вехой в истории русского офицерства, образ которого так или иначе ассоциировался с фигурой Лермонтова.

Но, несмотря на все испытания и социальные катаклизмы, дух Лермонтова — порывистый, беспокоящий — всегда оставался с нами.

Ты мне близок тёмными глазами,
От которых некуда уйти,
Ты мне близок дерзостью желанья
Открывать неторные пути.

Так сказал о своём любимом поэте Константин Петросов в середине XX столетия. Но и сегодня Лермонтов близок нам — пронзительной искренностью своего стиха, так необходимой нынешней эпохе. Наше время — время Лермонтова!

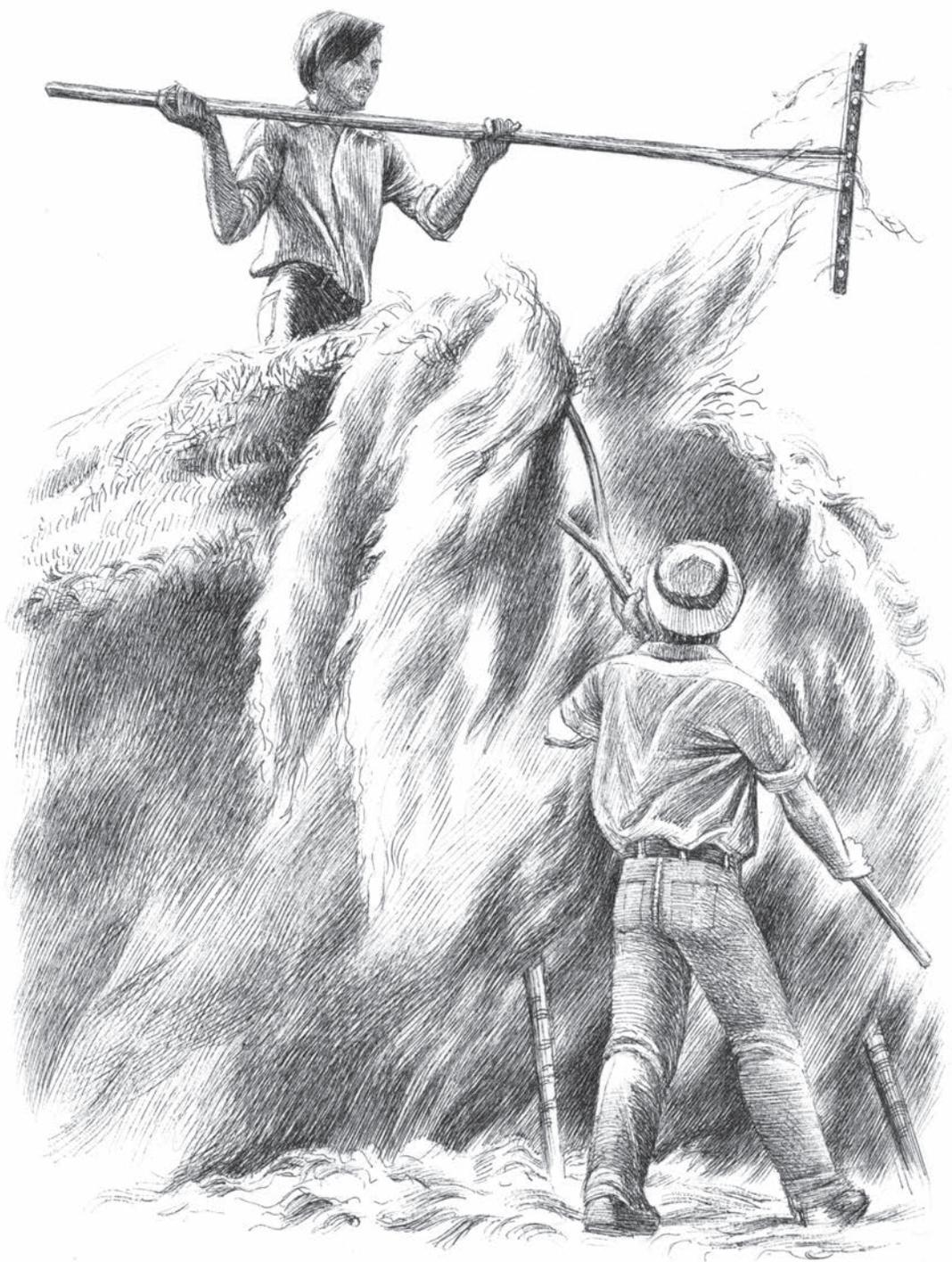
И это время возрождается! Русский Крым наконец воссоединился с Отчиной. Белый парус Севастополя вернулся в свою гавань. И Россия стала другой, и мир стал иным.

Александр САХАРОВ

Проза

Графика Василины Королёвой

ИДИОТ И МАЛЫШ

1

Евгений Васильевич Шишкин родился в 1956 году в Кирове. В 1979 году окончил факультет автоматики и вычислительной техники Кировского политехнического института, в 1985-м — филологический факультет Горьковского университета, в 1995 году — Высшие литературные курсы при Литературном институте им. М. Горького в Москве.

Евгений Шишкин — мастер яркой, захватывающей прозы. Он из поколения тех писателей, кто открыл российской словесности новые грани реализма. Автор всегда ищет смелые ходы в изображении своих «бунтующих» героев. Он даёт каждому шанс пройти через великое чувство любви и через коварный соблазн. Его сюжеты непредсказуемы, как сама жизнь.

Евгений Шишкин — член Союза писателей России. Лауреат многих литературных премий, в том числе имени В. Шукшина и А. Платонова. В настоящее время работает заведующим отделом прозы самого многотиражного «толстого» журнала «Наши современники».

Живёт в Москве.

Рассказ

Он называл Ларочку — Малыш. Об этом знал весь санаторий. Весь санаторий знал и о другом: в прошлом году свою предыдущую курортную любовницу он тоже называл уменьшительно-ласковым именем Малыш и так же, как нынче Ларочку, на виду у всех отдыхающих нёс на руках по пляжу — мимо полунагих загорелых тел, мимо любопытствующих носов и завистливых глаз, — в объятиях с ней бросался в объятия тёплых морских волн и целовался с ней под шорох гальки и шум прибоя в открытую, невзирая...

— Он и жену свою на такой же манер зовёт, — шептала за ужином Зое соседка по столу, востроносая, хитроглазая полустарушница Серафима Юрьевна. — Мне знакомая рассказывала, его землячка: ихняя семья в городе известная. Он в судах работает, этим... Как его? Адвокатом. А жена у него с телевидения. Сынок у них уже в школу ходит. А он всё жену-то — Малыш да Малыш. — Серафима Юрьевна тихонечко хихикнула, скосила шустрые глазки, чтобы подглядывать за курортным героем, который невдалеке придвигал стул для Ларочки, тоже размещаясь за ужинным столом. — Почти каждый год он сюда ездит, у него тут связи с главврачом, — прибавляла Серафима Юрьевна, мелко жуя хлебешек с омлетом и низко склоняясь к тарелке. — И всякий раз такая же история. Выберет себе подходящую, и все у него — Малыши.

«Пошляк! — брезгливо подумала Зоя, исподтишка метнула острый взгляд в сторону Виктора. — Стиляга и пошляк!» Он как всегда был щегольски

одет: непогрешимой свежести и уютности голубая рубашка с тонкой синей строчкой, светлые летние котоновые брюки с серым плетёным ремнём; на шее — серебряная цепочка с круглым амулетом; лицо безукоризненно выбрито, «выглажено»; Зоя показала, что даже на недопустимом расстоянии она чувствует запах одеколона, которым он пользуется, — наверняка французского. А эта дурёха Ларочка в горошковом мини-сарафанчике на узких бретельках аккуратно держит вилочку и сияет рядом с Виктором, «как медный таз на солнце». Чуть позже коротким, но цепким взглядом Зоя подметит, что, уходя из столовой, Виктор не просто держал Ларочку за руку, а слегка тискал её руку — истинно, как двое показательно влюблённых студентов, которые только и ждут уединения и потёмок... «Распутник и негодяй!» — У Зои уже имелся повод оскорбить Виктора и чуточку возненавидеть.

Санаторий считался узкопрофильным, не очень крупным и был несколько удалён от курортных столиц. Он примыкал к немногочисленному посёлку с малоэтажными строениями, уютно вкрапленными в густо-зелёную широкую подкову морского побережья. За тылами посёлка бесконечно высились горы, а перед фасадными окнами домов, отчёркнутое белой галькой пляжа, бесконечно простиралось море. Впустив в своё безмятежное лоно санаторий, посёлок только выиграл: взбодрился и запестрел от приезжего отдыхающего люда, нарастил рыночный торговый оборот, поразнообразил темы разговоров местных обывателей.

Публика санатория была отчасти постоянной, циклически наезжающей сюда притормозить ход хронической болезни, продолжить знакомства с благожелательным персоналом и утешиться целебным источником. Серафима Юрьевна слыла тут всезнающей старожилкой и во время столования просвещала Зою о неписанных порядках санатория: о мелких взяточнических грешках медсотрудников, о тонкостях лечебных методик и, безусловно, о любовных похождениях «той дамочки за третьим столом от окна» и «того усача-военного, который хохочет на весь зал»... Зоя бесстрастно наблюдала, как движутся узкие морщинистые губы Серафимы Юрьевны, как из-под жёлто-седой чёлки шныряют по сторонам её неумолимые глаза, как зелено и нелепо блестят крупные фальшивые изумруды серёжек в её одряблых мочках, и оставляла интимно-сплетническую информацию без крохотного участия и словесной поддержки. Курортные романы, сомнительные развлечения и болтовня об этом решительно отсекались планами её поездки: она здесь с единственной и чёткой целью — лечиться и не допустить прогрессирующей формы заболевания; грязи, минеральные ванны, солярий, массаж, морской моцион, консультации специалистов, а для досуга — книга Жорж Санд и вязание розовой кофточки; спинку кофточки Зоя начала ещё дома, а здесь намеревалась всю вещь закончить и вернуться назад в обновке.

Соседка по комнате, белотелая, в родинках, тучная и рыхлая больнушка Ольга, у которой на первом счету шла своя болезнь, а на втором — средства от её избавления, Зоя вполне устраивала. Ольга была напроочь лишена флирта, шарахалась от всякого заигрывания мужчин, а Зоя попользований разных волокит гордо не замечала, и этот автономный монашеский устрой вполне годился для полноценной поправки здоровья. Санаторный режим с обилием процедур втягивал в размеренный исцелительный ритм — без излишества эмоций и отвлекающих помех.

И возможно, все катилось бы так до конца путёвки, если бы не приехал, не «нарисовался» он — этот Виктор. Он сразу выделился, «выпятился» среди других своей «чистюлистостью, моднячеством, аккуратизмом» (эти эпитеты Зоя подберёт для «новенького» уже при втором взгляде на него). Он был, казалось, нарочито элегантен, ненатурален, пресыщенно вежлив, но всё же, как ни крути, претендовал на некоторую галантность. «Про него тут некоторые говорят, — подбавляла красок к портрету Виктора вездесущая Серафима Юрьевна, — он даже по телефону с женщиной не позволит себе разговаривать, если не побритый...» — «Хм... Надо же так манерничать!» — хмыкнув, подумала Зоя.

С приездом Виктора жизнь всего санатория как бы всколыхнулась, будто какой-то загадочный эпицентр соблазна появился здесь. Все молоденькие женщины, казалось, стали тщательнее охорашиваться, принаряживаться, филигранно удлиннять ресницы и ярче напомаживать губы, а увлечённые соглядатаи — серафимы юрьевны обоих полов — неусыпно следили за Виктором и ждали, на кого падёт его неминуемый выбор; некоторые — по слухам — даже заключали пари на претенденток. Виктор, однако, спешности не проявлял и вписывался в обстановку. Он много и живо общался со старыми знакомыми, расточал комплименты и угощал шоколадом медсестёр, раскланивался и шутил с усатенькой вахтёршей «тётъ Марусей»; в ярко-лимонной тенниске и полосатых бриджах бегал с ракеткой по корту, азартно подавал мячи на волейбольной площадке, вечером заходил в бильярдную — он всё время был на публике, на свету, будто демонстрировал себя: мол, смотрите! смотрите, пожалуйста! я вам не кот в мешке предлагаю, вот я какой, весь перед вами, можете подойти ко мне, поговорить, потрогать, если хотите... Невольно подхваченная приливом общего интереса к этому человеку, Зоя однажды пронаблюдала, как Виктор при входе в галерею минеральных вод стоял у зеркальной колонны и причёсывался. Ей показалось, что он не просто приглаживает свои тёмно-русые, со стальным отливом волосы, подстриженные наверняка мастером салонного уровня, а любит себя и даёт полюбоваться другим. «Да чего я на него внимание обращаю? Фигляр какой-то! Кривляка! И другие на него пялятся. Тоже мне Ален Делон! — уже тогда, в минуту той короткой подглядки, Зоя укорила себя за любопытство к этому «типу». — На кой чёрт он мне сдался? Фу ты!»

Прошло несколько дней, и, как многими ожидалось, Виктор стал действовать. С первого взгляда на него, с первого момента, как он только вошёл в комнату отдыха водолечебницы, Зоя по каким-то едва уловимым признакам его поведения — то ли по выражению его «общупывающих» глаз, то ли по игривой мимике — догадалась, что он подойдёт к ней. Здесь, в полупустом безмолвном помещении с зашторенными окнами и светлым сумраком покоя, Зоя, расслабленная после процедуры, сидела в кресле и не спеша, полусонно вязала розовый рукав кофточки. Но вот Виктор сделал несколько шагов в её сторону, и от какого-то безотчётного волнения Зоя резко встрепенула нитку, словно кто-то подтолкнул локоть, и нечаянно уронила клубок.

Виктор наклонился за клубком прежде, чем это успела сделать Зоя.

— Спасибо, не стоило беспокоиться, — коротко и сухо сказала она, принимая от него клубок и подмечая, как ровно, «маникюрно» подстрижены у него ногти.

— Вы позволите сесть рядом? — не нарушая обычая комнаты, тихо спросил он. На лице у него, чуть красноватом от свежего загара, была вежливая, чинная улыбка; от него исходил лёгкий аромат, вернее — шлейф аромата, изысканного одеколona.

— Сколько угодно, — с некоторым промедлением, равнодушно ответила Зоя, впрочем, равнодушие было натянутое, будущее соседство её раздражало: «Принесло этого кривляку. Отдохнуть не даст...» И чтобы отгородиться, отвлечься, она стала быстро, настойчиво вязать рукав, но петли почему-то не слушались и часто срывались с блестящего носа спицы.

— Мне кажется, вы очень торопитесь, поэтому у вас и не выходит, — наблюдая за её руками, сказал Виктор.

— Возможно, — холодно отозвалась Зоя. Пальцы у неё действительно стали скованными, нерасчётливыми, и во всём теле появилась некая напряжённость, будто от предчувствия посягательства на свой покой, на свою личность со стороны этого «франта», этого «позёра» — она так легко находила ему отрицательные характеристики, хотя, в сущности, он ещё не сделал ей ничего дурного.

— Я хочу подружиться с вами, Зоя. — Он смотрел ей в глаза неумолимо и прямо и говорил вкрадчивым полужёпотом.

«Ух как! — мысленно изумилась Зоя. — Откуда-то уже моё имя прознал. Шустёр красавец!»

— ...Не буду скрывать: вы мне понравились. Я второй день наблюдаю за вами. И эти наблюдения приносят мне удовольствие.

— Подружиться? Это как? Спать со мной? — с язвительной усмешкой спросила Зоя и была уверена, что Виктор сейчас начнёт словоблудить, извиваться, как уж.

— Я никогда не обманываю женщин и скажу вам честно: это тоже не исключается, — с обезоруживающей улыбкой и прямодушием ответил он.

Зоя смутилась, почувствовала, что краснеет и вся наливается непонятным неоправданным стыдом и не знает, как противостоять этой сладкоголосой деликатной дерзости.

— Поищите для этих целей другую, — наконец быстро и раздражённо вымолвила она. — У меня есть муж, которого я люблю. И я не намерена путаться с кем-то.

— У меня тоже есть жена, — шёпотом, словно бы по секрету, сказал Виктор, перехватывая её возражение. — И я тоже её люблю. Но ведь её здесь нет, и вашего мужа нет. Что мешает нам подружиться? Жизнь всего одна, а встречи в ней, увы, так редки!

Зоя взглянула на него исподлобья — искра презрения была в этом взгляде. Ах, вот как он рассуждает! Надушен, прибран и по-своему привлекателен. Врезать ему прилюдно пощёчину? Это подействует на него лучше, чем слово. Пожалуй, нет: пощёчины он ещё не заслужил. Да и она своим рукоприкладством слишком прославится в санатории. Сказать ему «Пошёл прочь!» — и этого сейчас будет достаточно.

— Тсс! — приложил он палец к своим губам. — Только не браните меня... Я не смею торопить вас, Зоя. Я подожду. Я буду целый день ждать вашего согласия. — Он положил ей свою ладонь на руку и, прежде чем Зоя успела скинуть его руку, избавиться от этого наглого прикосновения, опять опередил её: — Не спешите меня отталкивать и отвечать «нет». И

не будьте такой букой. У вас очень симпатичная улыбка. До завтра, — он встал и пошёл к выходу.

Сквозь пелену самообольщения: он ведь «выбрал» её, именно её! хотя в санатории есть такие милашки... — Зоя смотрела ему в спину и мысленно занзила: высокомерный самец! похабник! хлыщ! «Никаких разговоров у нас с тобой не будет!»

На следующий день Зоя избегала встреч с Виктором, опасалась его дальнейших «приставаний», после процедур не пошла в комнату отдыха, чтобы не оказаться там в ловушке коварно-льстивых рассуждений этого сластолюбца, и даже уговорила боязливую Ольгу поехать на экскурсию в горы, хотя накануне не собиралась.

2

Автобус, натужно урча, по серпантину поднимался в горы. Мимо окон, то приближаясь почти вплотную, то отдаляясь и открывая простор, ползли иссечённые трещинами отвесные скалы, перемежаясь с обтянутыми зеленью склонами. В прогалах между склонами было видно, как горы простираются длинными кривыми грядами с ветвями отрогов, дыбятся острями тёмных голых вершин и нисходят в долины и где-то на самой окраине мира мутятся, расплываются, тонут в седой, тускло-оранжевой дымке. Черда огромных белых облаков заслоняла доступ горных вершин к небу, тени этих облаков неуклюжими пятнами лежали на склонах. А по другую сторону от горных хребтов, в распах видимого внизу пространства, величественной неохватностью синела чаша моря, которое наполнило собой второе полукружье горизонта. Ближе к берегу море рябилося снежными гребешками волн, а дальше, где пенистые оторочки не различались, широко зыбилося золотом на синеве высокое солнце. На море тоже лежали тени облаков — скрадывали принадлежащее воде золото. И чем выше поднимался автобус, тем необъятнее и нереальнее — словно невсамделишные, нарисованные — представлялись цепи гор, облака в небе, котёл моря с отражением солнца и тем всё меньше представлялся человек, которому бесконечность напоминала о мимолётности его жизни...

Иногда ближний вид в окнах автобуса резко проваливался, и под самые колёса подбиралось головокружительной глубины ущелье, и казалось, экскурсанты — на краю преисподней. Ольга от страха хватала Зою за руку и укоризненно бубнила:

— Зачем я согласилась на твои уговоры? У меня сердце от такой высоты замирает.

— Ничего, не замрёт, — жестоко шутила Зоя. — Тебе как раз не хватает полнокровных эмоций. В тебе застоялся адреналин...

Не испытывая страха перед пропастью, Зоя отстранённо смотрела на каменистый обрыв и думала о стороннем — о вчерашнем знакомстве. «Хочет он, видите ли, подружиться. Удостоил... «Я тоже люблю свою жену», — передразнивала она Виктора. — Вот и любви на здоровье! Липучка!.. И чего я всё о нём думаю? Как он мне надоел! Всё настроение перевернул. Всего-то здесь четыре дня, а уже глаза измозолил. Задавака!» Она поморщилась, мысленно оттолкнула от себя этого типа и решила думать

о чём-нибудь приятном, согревающим душу. Через горные кручи, через равнины, через тысячу километров она перенеслась домой и улыбнулась с умильной грустью: она ведь уже соскучилась по своему Кубыкину.

Мужа она называла почти всегда по фамилии, даже иной раз дробила её на слоги: «Ку-бы-кин», в этом находила что-то иронически-заботливое; к тому же имя Валерий, как ей казалось, ему явно не подходило: какое-то заёмное, случайное, невпопад. Ещё ей казалось, что Кубыкин излишне сутулится, и она частенько шептала ему, особенно если выходили «на люди»: «Кубыкин, распрямись!»

Перед поездкой, которую диктовала необходимость подлечиться, Зоя с ласковой насмешливостью сокращалась: «Как ты будешь строить без меня дачу, Кубыкин? Кто тебе приготовит твою любимую окрошку?» Из всех блюд Кубыкин отдавал безусловное предпочтение окрошке. Он любил её с избытком зелени: лучок, укропчик, огурчики, редиска, петрушка, красный перец — всё шло в ход; он съедал обыкновенно по полной-полной объёмистой тарелке, причём квас использовал только собственного, особенного приготовления; он приправлял эту вкуснятину майонезом, сметаной, иногда даже горчицей и аджикой и непременно — тёртым хреном — хрен в данной рецептуре шёл деликатесом. Зоя же, хотя сама чаще всего готовила ему это блюдо, окрошку недолюбливала: от кваса у неё всегда пучило живот, да и остроту кубыкинских добавок она переносила со скрипом. «Кубыкин, как ты это ешь? — удивлялась она, передёргивая плечами. — Тут столько всего понапихано острого. Ложку в рот не вломишь». Кубыкин же ворчал с полным ртом.

У Кубыкина вообще имелась склонность поворчать. Чаще всего это проявлялось на даче, точнее — на строительстве этой дачи. По натуре он был упрямо-трудолюбив, настырен, хваток и весьма ворчлив, если что-то делалось не «по-его». Он готов был работать днём и ночью, если ставил себе цель, и не очень-то считался с мнением и положением других, пренебрегая по сути и самим собою — забывал о всяком отдыхе и комфорте.

«Конечно, он не такой, как этот... — думала Зоя, опять соскальзывая с дальних воспоминаний на близкие. — В нём нет такой показухи и щегольства. Но Кубыкин — труженик и в общем-то премилый, немного забавный человек со своей невыносимой окрошкой». Зоя сперва снисходительно, а потом таинственно и сладко улыбнулась — так улыбается всякая женщина, когда в разлуке с мужем вспоминает какую-нибудь радостную сердцу, сугубо интимную частность или дорогой штришок в портрете супружеской судьбы. «А этого... этого пройдоху надо поставить на место! Раз и навсегда! Чтобы не смел портить отдых!»

Зоя беспристрастно смотрела, как за высокой столпообразной скалой вдаль зыбятся белыми барашками зеленоватая синь моря, рассеянно прислушивалась к велеречивой экскурсоводше, кривила губы от «ахов» Ольги и потихоньку разгоняла себя, настропалила на расплату с тем типом, который, видите ли, соизволил повременить денёк, ожидая её огласия на бесстыдное предложение. И если утром она хотела просто улизнуть от этого зазнаистого похабника, то теперь чувствовала за собой непростительный должок. Почему она позволила так с собой обращаться! Кто дал ему право! Оставить это безнаказанным? Ни в коем случае! В ней забродил азарт мщения: дать урок этому женолюбивому галантному

проходимцу! Она даже срежиссировала сцену возмездия: где и что ему скажет — колко, беспощадно, оскорбительно!

Однако ни сцены, ни полсцены, ни даже короткой реплики не случилось: после экскурсии Зоя увидела Виктора уже в компании — он держал за руку худенькую светленькую молодую женщину с большими голубыми глазами — Ларочку, то бишь новоиспечённого сезонного Малыша.

Весь вечер того дня, когда увидела этого «негодяя» с «лупоглазой дурёхой» Ларочкой, Зоя просидела у себя в комнате, как в заточении; истово вязала кофточку, но петли получались какими-то разновеликими и хлябкими, нитки путались, да и вся задуманная обновка выходила с несоразмерно крупным рисунком, с обвислой спинкой и слишком просторными рукавами — Зоя наперёд знала, что своё вязание или распустит, или забросит. Нервировала Зою в этот вечер и квёлая «баржа» Ольга, которая словно бы гордилась количеством своих диагнозов и безумно надоела болтовнёй про экстрасенсов. «Жрать меньше надо! Тогда и сдыхать меньше будешь!» — вгорячах думала Зоя, глядя на отёчное круглое лицо соседки, на её толстые груди и неохватный живот. Сегодня её бесило общество Ольги. А Виктора, этого мерзавца, этого скота, она ненавидела каждой клеточкой: он унизил её, оскорбил — подлю, хамски — и не оставил возможности поквитаться! Порой Зою захватывала мстительная идея: тоже завести себе пару, подцепить какого-нибудь дешёвого мужичка назло этому «красавцу», досадить заносчивому прохвосту! Но мыслишка такая безрезультатно истлевала среди других вздорных, вспыльчивых намерений. На душе было пакостно, обидно, словно где-то на рынке не только подсунули порченный товар, но и к тому же обсчитали на крупную сумму.

3

В последующие дни в жизни санатория стало происходить что-то необыкновенное: под аккомпанемент разноголосых сплетенок, двусмысленных улыбок и хитроватых полукивков внимание курортников, казалось, устремлено исключительно к Виктору и Ларочке, к их панорамно развернувшемуся роману. Эпидемия такого любопытства заразила и Зою: ненавистный фронт со своей «глупыхой» вызывали у неё агрессивный, злорадный, ревностный интерес — интерес от всех скрываемый, но от этого не менее дотошный и властный; да и «сладкая парочка» сама лезла на глаза: как всегда неминуемо — на пляже, обязательно — в столовой, и далее — почти везде: на аллее санаторного сквера, в лечебном корпусе, на киносеансе в клубе, на спортивной площадке. Виктор и Ларочка нигде не расставались и ни от кого не прятались.

Серафима Юрьевна, оживлённая и посвежевшая от чужой интриги, ежедневно добывала примечательные сведения и с прерывистым дыханием, пригибаясь к обеденным тарелкам, торопливым полущёпотом рассказывала Зое:

— У неё, у Малыша-то, оказывается, жених есть. Военный. Офицер-морьяк дальнего плавания. Он сейчас в рейс ушёл, а её сюда отправил. На конец лета у них свадьба намечена, Малыш-то уж и платье свадебное купила. — Серафима Юрьевна только руки не потирала от удовольствия,

ибо энтузиазм её в таких разговорах обретал медовую смакучность голоса, а шаловливые глаза, подведённые по старинке чёрным карандашом, живо лучились от упоения. — Соседка по комнате и спрашивает у Малыша-то: «Как теперь с моряком будешь? Замуж выходить не страшно?» А она ей: «Наоборот!» Мне, говорит, после здешнего курорта не только замуж, но и на калёную сковородку не страшно!.. Вот оно (хи-хи-хи) как!

Героиня нынешнего летнего сезона, «эта» Ларочка, по приезде не очень заметная, даже серенькая и застенчивая на публике, в обществе Виктора поистине расцвела, «разбутонилась»; он как будто не в солёной волне моря её окунывал, а в чудотворной сказочной живой водице. Она слегка пополнела, выладилась, приятно загорела, избавившись от стеснительной бледности ног и плеч; голубые глаза её, и без того большие, выделялись ещё отчётливее от счастливого искрящегося блеска; губы на смугловатом от загара лице с чуть стыдливым и обаятельным румянцем казались бессовестно припухшими, с соблазнительно матово-алым абрисом; а походка стала более ленивой, плавной, женственной и даже грациозной — от всеобщего внимания. Каждодневно всеми замечалось на Ларочке нечто свеженькое: новая заколка в волосах, «другой» купальник, солнцезащитные очки вчера «были не эти», да и юбочка, видать, куплена только что на рынке... Гардероб и поведение Виктора исследовались и обсуждались ещё зорче и обстоятельнее, прямо как у киношной знаменитости.

...Побережье моря. Солнечный полдень. Курортный пляж. Люди на лежаках, надувных матрасах, в шезлонгах.

— Малыш, подай мне полотенце, пожалуйста... Спасибо, Малыш. Какое мороженое тебе купить? Ты ведь любишь с шоколадом. Правда, Малыш?.. Хорошо... Мы поедем вечером на морскую прогулку на катере? Тогда захвати с собой (Виктор шепчет Ларочке что-то на ухо, и они вместе смеются). Пойдём купаться, Малыш! Мы уже испеклись на солнце.

Виктор протягивает ей руку, Ларочка, находясь в парусиновом кресле, подаёт ему свою, он сперва целует её кисть, потом — её загорелое плечо рядом с лялочкой купальника, потом — её полуоткрытые губы; он склоняется к ней всем телом, а она подаётся к нему из кресла как-то медлительно — и это уже натренированная лукавая медлительность: Ларочка хочет, чтобы её несли в море на руках. «Как скоро она привыкла к баловству!» — злоехидно думает Зоя, наблюдая за ними. Но Виктор балует свою избранницу без натяжек, с пристрастием, по-гурмански... «Бабский угодник!» — про себя злится Зоя. Виктор и без намёка в движениях Ларочки поднял бы её на руки. Перед купанием он это делает всякий раз. И он это делать умеет. «Надрессировался, стервец!» — мысленно комментирует Зоя.

— Прижмись ко мне, Малыш! — этих слов почти никто из окружающих не слышит, но они легко угадываются по его губам.

Ларочка обвивает его шею, льнёт к нему и, подхваченная на руки, плывёт по пляжу над всеми к прохладе морского прибора. Их демонстративная нежность возбуждает в ком-то жгучую зависть, в ком-то — тупое поверхностное вождение, в ком-то — глухой брезгливый протест, в ком-то — мечту...

А Виктор и Ларочка уже в море, и раскованное воображение некоторых отдыхающих — в том числе и Зои — рисует вполне оправданную и

отчасти подтверждённую наглядностью сцену, как они под водой и над ней обнимаются, ищут сквозь волны и брызги ненасытные губы друг друга и как Ларочка, удобная и лёгкая в плотной морской массе, скользит и прижимается к Виктору гладким животиком, обхватив его тело ножками... «Тьфу ты!» — отворачивается от моря Зоя, ругая себя за нелепую, раздражающую слезку.

— Она, его Малыш-то, — выговаривалась за очередным ужином Серафима Юрьевна, — призвалась соседке: я, говорит, в таком раю ещё не бывала. Мне, говорит, ни один жених такого не устроит. Надо, говорит, пользоваться моментом... Теперь она всё с ним, не отходит. Даже стала процедуры пропускать. Всё позабыла: всех врачей, все болезни.

— Глупо, — кратким замечанием откликнулась Зоя.

Серафима Юрьевна согласительно закивала головой, хотя, судя по её благодушному умильному настрою, вряд ли выражала единодушие.

4

Зоя в последнее время стала хандрить: курортное пребывание всё больше делалось утомительным и скучно-однообразным. «Пожалуй, завтра же возьму билет на самолёт. Заранее, — прикидывала она. — И позвоню Кубыкину. Пусть встречает на три дня раньше срока. Улечу, как только кончатся основные процедуры. Наотдыхалась!»

Билет Аэрофлота, предвещающий отъезд прежде, чем положено, Зоя, однако ж, не купила, а с домом заказала междугородный телефонный разговор. Она и обещалась в этих числах позвонить Кубыкину. К тому же разговор с ним мог облагородить её потускневшее настроение и сделать тоску необременительной, светлой.

Почтово-телеграфный узел находился в здании спального корпуса, на первом этаже, напротив бильярдного зала. Телефонного соединения с домом пришлось ждать недолго, но в трубке с другого конца провода послышался голос не ожидаемого Кубыкина, а его матери — свекрови. Пришлось довольствоваться общением с ней. Свекровь рассказала, что Кубыкин «купил, по случаю, дешёвого пиломатериала», и теперь целыми днями «колотит на даче», обшивает веранду и чердак, что «начал уже бетонировать подвал», что «покрыл толем пристройку», и дальше, дальше — трубка тархтела о строительно-дачных успехах. Мужнины подвиги по возведению дачи Зою абсолютно не трогали: сейчас, отсюда, с благоденствующего побережья моря, где просыпались совсем другие потребности, это казалось отдалённым, полузабытым, скучным — суетой и ерундистикой. По правде-то, ей мечталось услышать Кубыкина, самого Кубыкина — услышать, что он соскучился по ней, что он безумно соскучился по ней! — что он любит её, что он очень сильно любит её! — что он будет рад, будет безмерно рад, если она вернётся домой хоть на день, хоть на час, хоть на минуту раньше, чем предписывала разлучница-путёвка. Но иллюзии — пшик, а взамен — ещё более полное ощущение пустоты, одиночества и какой-то неизъяснимой обманутости.

Зоя скомкала телефонную квитанцию, швырнула в урну и разочарованной, усталой походкой пошла к лифту. В это время из бильярдной вышел

Виктор и тоже наискосок направился к лифту. Встреча подгадывалась неожиданная и для Зои вовсе не ко времени: Виктор в светло-бежевом костюме из лёгкой материи, в чёрной шёлковой рубашке и роскошном серебристом галстуке — по-выходному параден, подобран и, похоже, беззаботно весел, а она — и одета случайно, на скорую руку: тёмная прямая юбка, невзрачная простенькая кофточка, на ногах — шлёпанцы, причёска — чёрт-те что, и расположение духа упадническое.

«Куда он так намылился? В концертный зал? Нет, скорее всего — в ресторан. Поехал, наверное, за своей лупоглазой, тоже на восьмой этаж». — Зоя невольно замедлила шаги, чтобы не оказаться вдвоём в лифте с этим человеком и не переживать неловкую минуту его близкого присутствия. Но затем она преодолела себя — приказала: «Не замечать его! Ещё подумает, что боюсь. Много чести будет...»

На площадке перед лифтом они оказались одновременно и одновременно потянулись к кнопке вызова, даже по нечаянности коснулись друг друга. Виктор рассмеялся и дружелюбно поздоровался с Зоей. «Здравствуйте», — негромко и равнодушно ответила она. Вздохнула и уставилась на красную сигнальную лампочку.

— После того случая вы, конечно, меня презираете, — тихо заговорил он, всё сильнее обволакивая Зою уже знакомым запахом одеколона и какой-то особой свежести, которую придаёт нарядность. — Право, я не хотел вас обидеть. Не сердитесь на меня. — Голос его звучал мягко, вежливо, даже с претензией на раскаяние.

Зоя не нашлась, что ответить, слегка пожала плечами. Кабина лифта спустилась, они вошли в неё, остались в уединении в затемнённом пространстве.

— Тогда я был с вами вполне искренен. Только в этом моя главная вина... В тот же день я понял, что вы откажете. Вероятно, я недооценил вас. А может быть, ещё не дорос до вас. В любом случае, Зоя, прошу: не держите на меня зла. Останемся хотя бы добрыми знакомыми. — Он и дружески, и любовно взял руку Зои и двумя ладонями, сверху и снизу, легонько пожал её. — Я по-прежнему радуюсь вашей улыбке и хочу видеть её чаще.

Зоя посмотрела ему в глаза, не отстраняясь и не вырывая свою руку; что-то внутри у неё стало ломаться, рушиться, исчезать и вместе с тем появляться, и ещё бы немножко, ещё бы чуть-чуть, хотя бы ещё половину лестничного пролёта, и она бы ему улыбнулась и даже что-нибудь ответила, но лифт, этот проклятый лифт, точно межпланетная ракета, уже примчался на восьмой этаж и затормозил. Двери прошуршали — разъехались, отняли полузатемнение и уединённость. Виктор кивнул Зое на прощание, и они расстались.

Он, нарядный, благоухающий, неповторимый, уходил по коридору, а в ту же минуту ему навстречу, с другого конца коридора, в огненно-красном, открывающем плечи платье с переливающейся атласной оборкой, в чёрных туфлях на высоких каблучках, с начёсанным начёсом светло-русых волос, с длинными висюльками на клипсах и рядами агатовых бус на шее — шла его Ларочка.

— Малыш! Ты очаровательна сегодня! — комплимент разнёсся на весь этаж.

Зоя не хотела, не могла наблюдать их встречу и поскорее пошла в другое крыло коридора к своей комнате. Чувство зависти и досады вмиг забродило и поднялось на дрожжах ревности. «Что ж, и я могла бы быть на её месте! Да, могла бы! Но я не Ларочка!» — с гордой пренебрежительностью, как нарицательное, прозвучало это имя. Зоя открыла дверь своей комнаты, увидела на кровати Ольгу, толстую, старомодную, замкнутую в своих то ли принципах, то ли болезнях, и сразу споткнулась на своей заносчивости. «Вон и Ольга — тоже не Ларочка. Что из того? Кому из этого прок?» — противоречиво намекнула себе Зоя.

А какие чудные стояли дни! Какие удивительные вечера! Почти неколебимо солнечная погода утвердилась на побережье, лишь иногда короткой грозовой серостью застилось небо, обрушивалось кратковременным освежающим ливнем, омывая измождённый от жары пляж и брусчатку улиц, шебарша в субтропических кронах, а потом ещё ярче, острее рассыпалось зеркальными бликами на волнах солнце, белело на каменных молах, серебрилось на влажно-зелёном газоне и листьях развесистых пальм, и опять чисто-голубой свод стерёг хребты гор или они его; а к вечеру и небо, и горы мягко, туманно тускнели, и с далёкой, недостижимой оранжевой пелены заката тянул лёгкий бриз, и пляж и море смолкали, последняя чайка парила с вечерним дозором, и близкая ночь уже сияла синей звездой в небе, к которой изо всех сил тянулся тонкий, как юноша, остроконечный кипарис на пригорке близ водолечебницы; санаторная публика меняла костюмы, в сумерках красивее, притягательнее становился загар женских ног, выразительной глубиной отличались глаза, таинственно-сладко и волнуяще делалось на душе, и так хотелось влюбиться...

Зоя лежала на кровати, точнее — валялась в полном безделье. Вязание окончательно позаброшено, книжные страсти французской романистки не привлекали; мысли кружились, как ночные мошки возле огня, вокруг недавней встречи. «...я ещё не дорос до вас», — эти слова — будто ей на душу. Зоя уже полусознанно простила тогдашнюю наглую «приставучесть» Виктора. Она ещё не признала этого и готова была по-прежнему ненавидеть его, однако... однако в лифте этот вероломный пройдоха переродился чуть ли не в паиньку. Зоя улыбнулась, ещё раз вспоминая приятные слова в лифтовой кабине — те, что касались её улыбки. Но тут же и вздрогнула, покоровилась: «Ну вот, здрастье вам, пожалуйста!» Это заснувшая Ольга на кровати напротив, лёжа навзничь, стала храпеть. Её ровный сап в какой-то момент переломился, и она затрещала на выдохе сырым храпом. «Этого ещё не хватало: дома — Кубыкин, здесь — она!» Кубыкин, случилось — особенно если выпьет с устатку водки — выдавал ночью звучного смачного храпака, и Зоя иной раз по полночи ворочала его с боку на бок, бессонно жмурилась, бурчала и невольно дожидалась нового выступления мужниного оркестра. «Интересно бы узнать: храпит ли он? Вряд ли. Он слишком... (Она долго подбирала точное слово и, наконец, нашла). Он слишком утончён, чтобы так сифонить.» Зоя поднялась с кровати, неприятно взглянула на открытый шумный рот Ольги и вышла на лоджию.

Справа вдали в отсветах закатного сиреневого багрянца простиралось необъятным разливом море, примолкшее, предсонное; слева, на востоке, под густой тенью наступающей тёмной южной ночи едва угадывались из-

зубрины гор; сверху, над ними, колеблющимся светом означились близкие созвездия; внизу, в прибрежной долине — раскиданы огни курортного посёлка с яркими врезками рекламных вывесок; а ближе, на санаторной аллее, где, чередуясь с вихрастыми каштанами, горели фосфорические шарообразные фонари, гуляли разодетые люди, в основном — парами, и чаще всего — он и она.

Зое вдруг стало нестерпимо обидно: в такую отдохновенную пору, в такой изумительный вечер — безвозвратный, ибо всё в жизни единственно и в единственный раз! — она киснет в комнате, в застое, в самосозданной изоляции, с несносной, скучнейшей Ольгой, и ещё слушает в придачу её сонное хрюканье, а не находится где-нибудь там, внизу, в свете огней, среди вечерних нарядов, в компании интересных людей и в потоке весёлых беспроблемных разговоров. Как нерационально, оплошно, не в полный накал протекает её отдых! Нет ничего осудительного, если бы она с кем-то провела вечер на скамейке у моря или в ресторане, выпила бы там хорошего вина — это не повредило бы лечению, — да и если бы поцеловалась с кем-то — что тут такого? К тому же здешние кавалеры к ней «сватались», да она их распугала своей несговорчивостью. Правда, до уровня Виктора они не дотягивали, но всё же, всё же...

Зоя опять вспомнила его: светлый костюм, искристый треугольник галстука на чёрном шёлке рубашки; его извинительные, зачаровывающие слова в кабине лифта. Тут же она представила его в ресторане — с Ларочкой. Музыка, цветные огни над эстрадой, серебро на бутылках шампанского, а они танцуют. Зоя даже услышала в себе музыку ресторанный ансамбля — лирическую пронзительность гитары, — Зоя стала немножечко Ларочкой и, осторожно прижавшись к Виктору, некоторое время плыла с ним в медленном танце, ощущая запах его одеколона, уют его руки, шорох прикосновений... Но нет, нет! всё это для Ларочки, не для неё! «Кстати, когда уезжает эта мартышка? Кажется, она приехала сюда раньше меня. У Серафимы Юрьевны надо спросить. Она-то наверняка знает... Боже! Вечер-то какой! А я одна, как монашка, как затворница. Как дура!

Серафима Юрьевна на пренебрежительно прозвучавший вопрос Зои «Когда у них кончится этот спектакль?» — ответила с охотой и детально:

— В один день уезжают. Она, Малыш-то, приехала его пораньше, но отсюда отправляются вместе. Она с администрацией договорилась ещё на несколько дней. Домой уже телеграмму отправила, что вернётся с отсрочкой. Невестушка-то! Хи-хи. Написала жениху, что процедуры продлены. Хороши процедуры-то!.. А вчера они в ресторан ходили. Уж так он с ней танцевал, уж такую музыку для неё заказывал — все только в ихнюю сторону и смотрели...

О ресторанных похождениях Виктора и Ларочки Зоя слушала с неприемлемым видом, но это была притворная поза: как никогда ей хотелось знать всё.

— ...Из ресторана он её на руках вынес — и прямо в море. Купаться. Он в одежде, в костюме, и она в платье. Такую, говорят, купалку устроили, что Малыш-то и бусы потеряла. И смеялись на весь пляж.

Зоя на миг представила, как Ларочку в выходном платье, расфуфыренную, с высокой причёской, окунывают в море — усмехнулась, подумала, что с его стороны это, по крайней мере, достойно того, чтобы оригинально

и памятно повеселить женщину и публику. Серафима Юрьевна приблизилась к Зое и, ещё поумерив голос, поспешила вычерпать себя до доньшка:

— Мне известно, они каждый вечер ходят купаться нагишом. Туда, на дикий пляж, за последний сектор... Вот такие вот процедуры.

— А вы, Серафима Юрьевна, осуждаете таких женщин?

— А за что? — У Серафимы Юрьевны был по-детски открытый, недоумённый взгляд, и зелёные серьги в ушах блестели так наивно! — Пускай отдыхают, развлекаются. Где ж им ещё-то?

— Да, может быть, — неопределённо сказала Зоя.

Сообщение о том, что Виктор и Ларочка уезжают из санатория в один день, Зою всерьёз, крепко огорчило: у неё была маленькая надежда, ничуть не вероломная, а по-своему деликатная, скромная, — побыть с Виктором наедине хотя бы час, даже полчаса. Пусть он и такой и сякой, но он ведь для неё небезынтересен, да и слова, сказанные им при последней встрече, дурманили — хотелось, чтобы для них нашлось продолжение. Однако на пути стояла Ларочка — эта легкомысленная вертушка, — а может быть, и не легкомысленная, а напротив — умная, расчётливая, хваткая женщина, на зависть и в назидание другим.

5

— Ой, что ты! Я бы так не смогла, — отвечала Ольга, когда Зоя окольными вопросами натолкнула её на разговор о «легкомыслии некоторых здешних особ». — Я бы, может, и хотела так же, но не создана... Да и кто меня на руки поднимет? Надорвётся. Во мне больше восьмидесяти... Хотя, конечно, всё это романтично. Но у каждого свои возможности, и психология, и здоровье. Мне только мечтать, — чуть зардевшись, рассуждала Ольга и немного жалась, ей хотелось вроде бы сделаться поменьше; так жмутся крупнотелые женщины при знакомстве с красивым мужчиной или перед объективом фотоаппарата, чтобы выглядеть чуточку помельче. — Пора идти. Скоро стемнеет. Здесь такие непроглядные ночи, хоть глаза выколи. Я темноты боюсь — жуть. Да ещё эти кавказцы. Мне про них столько наговорили.

— Пустяки тебе наговорили, — возразила Зоя. — Побудем ещё здесь немного. Скоро уедем. Когда ещё выберешься к морю?

Они сидели на лежаке солярия, в крайнем секторе, после которого уже тянулся дикий, редко обитаемый пляж. Зоя оказалась здесь в эту вечернюю пору неспроста: она рассчитывала увидеть, точнее — подглядеть, как Виктор и Ларочка в костюмах Адама и Евы будут вдвоём на пустынном берегу; а присутствие Ольги — для маскировки, для отвода глаз: вроде невинно прогуливались и невзначай увидали.

Багровый диск солнца уже наполовину утонул в море, оливково-сталистая гладь воды искрилась закатной дорожкой, а зеленовато-сиреневый сумрак мутной паранджой затягивал окрестности с дальнего северного края; белый пароход плыл куда-то в сторону заката, видно, пытаясь догнать уходящий день. Приятно свежело. Бесцветный месяц висел над горами.

— В поезде ехать — такая духота будет, — сказала Ольга.

— Ты бы на самолёте, — мимоходом посоветовала Зоя, всё поглядывая в одну и ту же сторону, на кромку берега, откуда могли появиться двое.

— На самолёте страшно. Да и у меня давление... Пойдём. Никого уже нету. Наверное, вечерний кефир дают. Пойдём.

Зоя пробовала упорствовать, предлагала посидеть «до лунной дорожки, до ночной экзотики», но Ольга настояла «на кефире».

Они уже отделились от пляжа, пройдя мимо всех пустынных секторов, уже сворачивали на аллею санаторного сквера, когда Зоя, оглянувшись напоследок, увидела между рядами лежаков и сниклых солнечных зонтиков две фигуры: он и она, в шортах, в белых футболках, — они брели возле самой воды, взявшись за руки. Это они! Без сомнений — они!

Ольга о чём-то болтала, поторапливалась, хотела после кефира успеть почитать какую-то чушь про гомеопатическое лечение. Зоя шла за ней, поотстав, машинально, как на поводу. Две увиденные фигурки на берегу теперь неистребимо стояли перед глазами, влекли к себе, звали, какой-то болезненной непреодолимой тягой пронизывали всё существо. Вдруг Зоя резко остановилась, ахнула, взмахнула руками:

— Стой! Я на лежаке её забыла! Санаторную книжку! Всё в руках её держала. А потом... Я вернусь, я быстро. Ты иди. Иди! Не жди меня. Я сейчас...

Вскоре Зоя осторожно, с оглядкой пробралась на прежнее место, где не могло быть никакой санаторной книжки, но откуда, если подойти к парапету и поближе к опоре ограждения, можно стоять, не замеченной с берега. Прислонившись к бетонной свае, таясь, она выглядывала из-за неё вниз, на полосу дикого пляжа. Она видела, как те двое раздевались. Совсем. Донага. Сердце Зои билось часто, напуганно, словно бы за ней кто-то охотился. Нет, это она охотилась — это она, воровски примостившись, охотилась за чужим счастьем. Стыдно, страшно, с холодком в груди и оттого ещё заманчивее!

Солнце окончательно размылось низкими сизыми облаками, свет заката уже не мазался на тёмно-зелёной воде бликами, берег быстро погружался в сень первых потёмков. Но Зоя пока могла всё разглядеть, а что не могла разглядеть, легко угадывалось и дополнялось красками воображения, даже амuletик на бронзовой шее мужчины отчетливо рисовался. Двое, оба нагие, о чём-то негромко переговариваясь, пошли к морю, держась за руки; немного потешно, непривычно белели их оголённые бёдра в контрасте с загаром. Тишина чутко воспринимала все звуки: шорох гальки под их ногами, лёгкий плеск воды, когда они входили в море, курлыкание голосов. Войдя в воду по колено, они остановились, обнялись; смуглые тела объединились в одно, померкла, спряталась под его грудью белизна её обнажённой груди; в неподвижности и безмолвии поцелуя замерло всё вокруг.

Затаив дыхание, Зоя стояла настороже: она очень опасалась, как бы кто-то её не заметил, а главное — те двое случайно её не заметили и не осмеяли. Но тем двоим, похоже, и дела не было в эти минуты до кого-то или чего-то не только на берегу, но и во всём мире. По-первобытному независимые от одежд и условностей, естественные в своём бесстыдстве, они, поднимая брызги, с радостным криком устремились на глубину, с разбегу кинулись в затихшую воду, поплыли, выбрасывая вперёд руки.

Они довольно далеко отплыли от берега, и различать их стало трудно, Зоя опустила глаза; но до неё доносился плеск воды, смех, выкрики и иногда — резкий весёлый визг той, которую он называл Малыш.

От берега, с пункта своего преступного наблюдения, Зоя уходила задумчивая, пораженная; ей никак не удавалось оценить и назвать то, что она сейчас видела: истинная любовь или сладострастная игра, полноценная радость жизни или ничтожный самообман; но как бы там ни было, ей всё ещё слышался плеск воды, взбудораженной неурочным счастьем.

— Ну, нашла? — спросила Ольга, когда Зоя появилась в дверях комнаты.

— Чего? — рассеянно сказала Зоя.

— Книжку санаторную, спрашиваю, нашла?

— Ах да! Всё в порядке. Она не терялась, она здесь, дома, — странно ответила Зоя и, чтобы изолировать себя от приземлённой скукоты разговоров с соседкой и остаться наедине, испытывая волнение от увиденного, поскорее ушла в ванную комнату.

Здесь она включила душ, разделась, но в ванну не полезла. Она долго стояла перед большим, в полстены, зеркалом, почти неподвижно и, пожалуй, впервые так пристально разглядывала себя. Подтянутая, пропитанная на морском берегу солнцем, с белыми фрагментами на теле от следов купальника, отчего загар выглядел ещё крепче, а тело казалось ровнее, упруге, с крупными розовыми медалями сосков на вершинках туго налитой, объёмной груди (Зоя даже провела ладонями по своей груди и слегка её сжала, как бы убедившись, что зеркало не врёт и грудь у неё действительно хороша, нежно тяжела), в тёмно-бронзовых чулках загара на стройных ногах, с темноволосым мыском внизу живота, уютно-гладкого, пружинистого (она и по животу провела рукою); а ещё она видела в зеркале своё лицо с трепетно полуоткрытым, влажно блестящим ртом, яркие, горящие внутренним огнём глаза и русый зачёс волос, слегка выгоревших и принявших необычный стальной лоск, и вся она в зеркале виделась взволнованно свежей, сочно молодой и чуточку отчаянной.

«А я ведь красива, — призналась она себе без стеснительности, любуясь на своё отражение. Она даже самозабвенно наклонила голову к плечу и легонько себя поцеловала. — Эта вертлявая Ларочка может не обольщаться. Я знаю цену и ей, и себе. Там, в море, со мной ему было бы не хуже...» Зная, что Ольга не услышит, так как голос забьют струи душа, Зоя мягко и ласково, в подражание тому, кто занимал её мысли, вслух произнесла:

— Малыш! — Она как будто окликнула себя чужим голосом: — Малы-ы-ыш!

Зоя усмехнулась и с полной искренностью для себя, раздетая внешне и не прикрытая никакой моралистикой внутри, ещё раз взглянула на своё отражение; однако вскоре просветлённо-таинственный вид её лица тронула тень разочарования и упрёка: так смотрят на дорогую изысканную вещицу, которая пока ни для чего не сгодилась и пропадает зря. Зоя вздохнула, прищёлкнула языком: «Проходит время, проходит отпуск, проходит жизнь. Кому нужна была моя недотроженность?» Она мимолётно вспомнила о Кубыкине, без всякого утешительного чувства, словно о чём-то случайном и неодошевлённом, и полезла под душ.

Ночью ей снился необыкновенный сон — один из тех редкостных упоительных эротических снов, которые долго угольком лежат на однород-

ном пепле забытых видений; он был необычен не столько красочностью образов и миражных ощущений, сколько свободой желаний, сокровенной разнузданностью чувств.

Виктор целовал её! Всю! С головы до ног...

На каком-то нездешнем необъятном песчаном пляже, где в отдалении синевато мерцало море под золотистым маревом солнца, она лежала нагая, нежась и сладко страдая от жара нагретого песка, от солнечного потока, от его ненасытных губ. Он усеял её всю поцелуями, он душил её в своих объятиях, он скользил губами по её телу, а она, прорываясь сквозь блокаду его губ, рук и объятий, кричала со смехом:

— Где же море? Где наше море? Ты же обещал мне море? — и порывалась встать, бежать к манящей далёкой воде, но он не пускал её, властно укладывал обратно.

— Вот оно! — наконец засмеялся он.

Откуда ни возьмись в руках у него появилась бутылка шампанского, и пена из-под вылетевшей пробки вырвалась белым искристым фонтаном, окатила Зое лицо, грудь, живот, ноги. Шипучего вина было в избытке, оно лилось и лилось из бездонной чудо-бутылки; Зоя захлёбывалась своим смехом, облизывала сладкую горечь винных брызг со своих губ и с его губ и то легонько, не всерьёз, отталкивала от себя Виктора, то льнула к нему всем гибким услужливым телом. А он целовал её и пил шампанское с её груди, обхватывая губами её влажные соски, её подбородок, схватывая ртом влагу вина с её загорелого живота. Порой Зое становилось несказанно страшно от его впивающихся губ: ведь следы останутся на теле! — но он был неукротим, ласково жесток, жаден и бесконечен, как нескончаемо было вино, — и целовал, целовал до исступления, до судорог и боли её лицо, её плечи, её грудь, её живот. Она лежала в вожденной истоме на горячем песке, сгорая от горячего безумства его горячих безумных губ.

Проснулась Зоя с испариной на теле. В комнате душно: Ольга опять закрыла на ночь дверь на лоджию, спасаясь от воображаемых простуд; но даже воспоминание об Ольге не перекрыло наваждения сна. Зоя не понарошку всполошилась, принялась оглядывать себя, искать красные преступные отметины следов от ночных поцелуев: ведь на днях ехать домой — Кубыкин заметит! Но даже когда пелена сновидения окончательно пала и обнаружилась действительность с зевающей на своей постели Ольгой, Зоя ещё долго жила ночным забытьём, то облегчённо усмехаясь: следов-то на теле нет, то с сожалением вздыхая: всё это «невзаправду»... И даже в ванной она ещё раз оглядела себя, будто старалась найти маленькую улику для действительности... и легонько поглаживала перед зеркалом исцелованное, натерзанное плечо.

6

Скоро, совсем скоро Зое уезжать с курорта; голубенький билет на самолёт лежит в паспорте, все процедуры пройдены и напутственные советы врача услышаны. Вчера покинула побережье Серафима Юрьевна. Как ни странно, без неё Зое стало пусто, появилась какая-то грустноватая брешь без её быстрых морщинистых губ, суетливых востроносых, быстро-

глазых ужимок и простительно фальшивых зелёных камней в её серьгах. Вообще Зое казалось, что отпуск пролетел безутешно быстро и несытно: как иной раз после стола — вроде бы ела, ела, а встала и опять есть хочется, да и десерт обещали, но так и не принесли... И всё же скрасить напоследок обедённость и смутную тоску Зои мог Виктор. Зоя долго увиливала от себя самой, скрывать не хотела всерьёз и определённо признаться, что хочет, что мечтает хоть несколько минут побыть с ним рядом. Она колебалась, «убегала» от себя, отмахивалась от своих мыслей, приструнивала: «Что за блажь? Глупости всё это!» Но когда времени до отъезда оставалось удручающе мало, она, уже не ерепенясь перед собой, не показывая характер, заявила себе: «В конце концов я должна сказать ему хотя бы «до свидания». Что в этом такого? Должна! И скажу! Скажу как доброму знакомому (воспользовалась она его же словосочетанием). Теперь надо было подкараулить Виктора, разумеется, одного, без этой... этой Ларочки. Зоя частенько прохаживалась возле бильярдной, сидела на трибуне теннисного корта, задерживалась в галерее минеральных вод и вечером подолгу прогуливалась — без прикрытия Ольги — по аллее санаторного сквера в надежде наткнуться на Виктора. Она прикидывала, что ему скажет, какие слова сразу при встрече, какие — потом:

«Я скоро уезжаю. Хочу с вами проститься. И поблагодарить...»

«За что?» — скорее всего, удивится он.

«За вашу науку... И ещё... Ещё за то, что я вас немножко... немножко люблю...»

Она произнесла это внутри себя сбивчивым голосом и тут же, испугавшись, замерла. Как же так? Неужели это правда? Но то, чего она боялась в себе или принимала за сентиментальные наивные мечтания, вдруг открылось сейчас в этой произвольной фразе с полной очевидностью. Она будто оказалась на самом краешке жуткого ущелья, головокружительной пропасти, от взгляда в которую пьянит и обволакивает сладким страхом... Но ведь это правда, сто раз правда! Она влюбилась. Пусть нелепой, безответной, недолговечной или ещё там какой-то любовью, но это чувство никуда не деть, от него не избавиться, не укрыться — ему лучше и приятнее подчиниться. «Я должна видеть его наедине! Хотя бы одну минуту!»

Вечером за день до отъезда Зоя надела своё лучшее платье, она учла все тонкости своей внешности: и подходящий цвет теней на веках, и перламутр лака на ногтях, — она готовилась основательно и кропотливо, она хотела нравиться, она была влюблена. Незадолго до этого в столовой, на ужине, она встретилась взглядом с Виктором, ей показалось, что он посмотрел на неё с доброй настроенностью и, казалось, хотел что-то сказать, и, может быть, сказал бы, если бы не соперница Ларочка... Зоя сидела на скамейке в сквере, на центральной аллее, на самом виду, чуть краснея перед проходившими перед ней людьми, мысленно перед кем-то оправдывалась, объяснялась — и с упорством ждала, ждала его появления, ждала до самой темноты, до той последней черты, когда наконец всё стало абсолютно тщетным. Он на аллее не появился, не пришёл к ней, не откликнулся на её умоляющий зов.

На следующий день с утра Зоя упаковывала чемодан, была мрачнее самой мрачной тучи и раздражалась на любое пустяшное слово Ольги. Сегодня Зою всё раздражало: и это море, которое синело в окне равно-

душной синью с белыми барашками волн, и нагроможденье гор — камней в сущности, и тощие кипарисы, и эти стены, и эти порядки, — и быстрее бы отсюда уехать, забыть дурацкую смуту в душе!

В середине дня Зоя пошла к регистратору — взять корешок от путёвки. Она вошла в холл административного корпуса и вздрогнула: Виктор был здесь. Один. Зоя оробела, сделала несколько неуверенных шагов, остановилась, ещё сделала один шаг к нужной двери. Виктор шёл ей навстречу.

— Я знаю, вы сегодня уезжаете, Зоя.

— Да, через два часа у меня самолёт, — тихо ответила она взволнованным голосом.

— Хочу надеяться, что вы улетите без обиды на меня, — казалось, он тоже сейчас немного волновался, а если уж не волновался, то, по крайней мере, не был тем смельчаком-охмурителем из первых курортных дней.

Зоя ничего не нашла ответить, посмотрела на него с подозрением, но это было не отталкивающее подозрение, а любопытствующее, с приятным сомнением и ожиданием.

— Честно признаюсь, мне бы хотелось проводить вас, но... Но в данной ситуации это будет не совсем уместно, — что-то неопределённое, но небезотрадное было в этой фразе. — Если вы не возражаете, Зоя, давайте договоримся так. Приезжайте сюда следующим летом. Будут проблемы с путёвкой — я улажу: главврач — мой давний приятель. Я вам позвоню, накануне, месяца за два — за три до сезона. Или даже раньше... Какой ваш телефон? Лучше служебный.

Зоя почти бессознательно назвала цифры номера телефона и даже вспомнила код своего города. Виктор всё записал в книжку и в ответ протянул визитную карточку.

— Здесь все мои координаты. Если я вам понадобится, звоните по любому случаю, без причины... А я буду помнить всё, о чём сказал вам сегодня. Год пролетит быстро. — Он достал из кармана старинную позеленевшую монетку с размытым незнакомым барельефом.

— Я нашёл её здесь, на берегу. Возьмите на память. Надеюсь через год снова увидеть её у вас в руках.

Она ничего не успела ему сказать из того, что припасла: она только успела ему улыбнуться, и он ушёл, на прощание легонько стиснув её руку повыше кисти. «Через год...» — будто эхом отзывались его удаляющиеся шаги, будто наваждение, будто фантастический призрак встретился Зое у дверей регистратора...

В самолёте на Зою что-то накатило, нашло, приятно задурманило; она сидела заворожённо, отвернувшись к иллюминатору, где простиралась бесконечная белоснежная пустыня облаков, и тихо, без всхлипов, плакала. Светлые лёгкие слёзы медленно катились по её щекам — так плачет невеста — хотя она ещё не знает, когда свадьба, но ей сделано предложение от любимого человека; такими слезами плачет бедняк, который, пройдя через унижения нищеты, вдруг получает от дальнего богатого родственника часть наследства, которого хватит до конца дней; так плачет актриса, которая, промучившись на второстепенных ролях, наконец-то удостоилась самой заветной, главной... Зоя плакала и не утирала слезы.

Кубыкин встречал Зою в аэропорту, с цветами — со слегка подувядшими гвоздиками, одной жёлтой и двумя красными, купленными, видеть, тут же, у старухи-цветочницы. Он был в белой рубашке с длинными рукавами, хотя стояла жара и можно бы выбрать рубашку с коротким рукавом и более выигрышной расцветки, или вполне обойтись стильной футболкой. «У него же они есть, — подумала Зоя. — Сама ему покупала. И опять он сутулится».

Кубыкин был оживлённо поспешен, даже чересчур суетлив, радостно сияющий, словно приготовил основательный сюрприз, но бережёт его для подходящей неотразимой минуты.

— Заедем домой, чемодан оставим — и сразу на дачу.

— Может быть, на дачу завтра? Я с дороги. Немножко устала. Я бы в ванной посидела. А на вечер могли бы купить бутылку вина, — осторожно намекнула Зоя, рассчитывая на ласковое «вечернее» внимание мужа.

— Нет, сегодня поедем. Там отдохнёшь. Я ведь на тебе пахать не собираюсь. Увидишь... — в чём-то секретничая, предупредил он.

Дача за время отсутствия Зои не просто подалась в строительстве: она крепко изменилась, расширилась и подросла внешне, и преобразилась внутри.

— Да ты посмотри, посмотри, чего я тут сотворил! Видишь вот! Второй этаж закончил почти... А сюда, сюда иди-ка! Смотри, как я веранду сделал: рейку обжёг и под лак... А потолок, ты потолки посмотри! Как в евроремонте!

Зоя рассеянно и недоумённо, словно бы на незнакомой новостройке, поглядывала то на одно совершенство, то на другое, пока ещё не поражаюсь и не радуясь, и время от времени выжидательно, даже с некоторым опасением останавливала взгляд на Кубыкине. Кубыкин, приехав на дачу, уже успел переодеться в рабочую одежду: в клетчатую рубашку с залоснившимся воротом и обшлагами и в широкие грубые штаны, подвязанные вместо пояса верёвочкой, и казался теперь почему-то поменьше ростом и как будто не очень побритым.

— Здесь, здесь-то погляди, чего я смудрячил, пока ты на югах прохлаждалась! В этот погреб можно мамонта положить, и холодильника не надо... Вот опалубку по периметру сделал — забетонирую. До холодов надо ещё стены успеть оштукатурить... Ты давай, тоже переодевайся, мы наверх с тобой слазим, увидишь, чего я там соорудил... Ну ладно, это потом. Давай поедим сперва. Там в подвале у меня квасок для окрошки приготовлен. Хрену надо потереть. Давай...

Зоя стояла всё ещё как бы не в себе — не домашняя, а тамошняя, курортная, и всё держала в руках сумочку, с которой боялась расстаться, — там внутри лежала визитка Виктора, изученная уже насквозь, и чужестранная монетка, уже десятки раз согретая ладонями.

— Ну, ты чего? — встрепенул Зою голос мужа.

Она слегка вздрогнула, положила сумочку, подошла к кухонному столу на веранде и резкими нерасчётливыми движениями ножа стала чистить варёную картошку.

Когда блюдо было почти готово, она поставила его на стол перед Кубыкиным и сказала:

— Ты ешь, я не буду. Я не хочу сейчас. — Она машинально улыбнулась и отошла от стола.

Кубыкин взял ложку, с краю огромной тарелки зачерпнул жижи, попробовал, добавил в блюдо соли, подложил еще зелёного лука и тёртого хрена, подлил из банки майонезу, перемешал, помазал хлеб горчицей и принялся есть. Ел он не спеша, с удовольствием, основательно прожёвывая попадавшуюся ветчину и зелёную гущу, иногда отдувался, наверное, чем-то острым перехватывало горло, ещё что-то добавлял из приправы, перемешивал и снова ел.

Зоя стояла позади мужа, смотрела на его ссутулившуюся спину, на взлохмаченный затылок (Кубыкин всегда прохладно относился к своим «причесомам»), на его уши. Ей почему-то теперь казалось, что при жевании Кубыкин весь немножко движется в такт со своими челюстями: и затылок, и уши, и плечи слегка приподнимаются и опускаются, как мерный поршень: вверх-вниз, вверх-вниз. Но тут вдруг Зоя вспомнила о своей сумочке: где она? Тут же нашла её взглядом на табуретке, и на лице у неё появился таинственный просветлённый след внутренней улыбки, радости и вдохновения.

«Малыш... Малы-ы-ыш», — откуда-то позвал её знакомый, незабвенный, сжигающий голос. «Малыш», — словно волшебное слово, словно пароль к счастью шептал ей этот голос, и вся она наполнялась огнём томительного нетерпения и радости надежды. Ещё недавно, всего несколько часов назад, она разлучилась с Виктором, а вернее — сблизилась с ним. И теперь она мучительно страдала этой разлукой, но вместе с тем упивалась надеждой будущей встречи и уже ярко, ощутимо, почти чувственно представляла, как она будет стоять вся нагая, свободная, искренняя на диком пляже перед затихшим малахитово-синим морем в лучах заката, прижавшись к плечу такого же свободного Виктора. Это представление было сейчас настолько поразительным, захватывающим, что, казалось, и наяву одежда Зои сползла с неё, упала у её загорелых ног.

В этот момент Кубыкин оглянулся на притихшую, зачарованную Зою. Она вздрогнула, даже чуть не вскрикнула от этого внезапного разоблачительного взгляда и инстинктивно, испуганно заслонила рукой свою грудь, словно и впрямь стояла в стыдливой наготе — без одежды.

— Ты чего? Чего с тобой?

— Так, пустяки... Задумалась, — отмахнулась Зоя, переводя дух, и опять машинальной дежурной улыбкой сгладила ситуацию.

— Ты вот чего: в следующий раз хрен на мелкой тёрке три, а то как-то крепко получилось, — Кубыкин негромко крикнул, будто что-то придавил сам в себе, и снова повернулся к крошке.

«Идиот, — беззвучно прошептала Зоя, глядя на его непричёсанный затылок и немножко двигающиеся при еде уши. — И-ди-от!» — И она вышла с веранды, с дачи — туда, на волю, где со всех сторон, отовсюду слышался голос из безнадёжно счастливого будущего: «Малыш. Малыш... Малыш мой...».

ДОГОРАЛА ОСЕНЬ

1

Виктор Семёнович Мельников — прозаик, издатель. И хотя он родился в Казахстане, но «милым пределом» для него стала подмосковная Коломна. В этом городе он не только написал свои лучшие произведения — Мельников основал «Коломенский альманах», настоящий творческий Дом для писателей, поэтов, художников, публицистов Коломны.

Писателя Виктора Мельникова коломенцы знают как крепкого рассказчика, занимательного повествователя, автора книг «А на дворе была весна», «Зелёный крест», «Музею требуется экскурсовод» и других.

В новом рассказе снова проявилась особенность его таланта: о самых страшных вещах писать без жестокости, мужественно сопереживая своим героям, умевшим сохранить лицо в любых обстоятельствах и достойно довести дело до конца.

Рассказ

Фильм в тысячный раз прервали рекламой. Георгий Никишин воспользовался этим и вышел на кухню. Достал из холодильника бутылку кефира, взболтнул её и сделал несколько глотков. Он уже собирался выключить свет, как вдруг увидел незваного гостя. Из-под коробки с рисом, осторожно оглядываясь, выполз коричневый, как кусочек старого янтаря, таракан. Он добежал до середины стола и остановился. Потом сделал глубокий вираж и засеменял к раковине. Георгия охватила охотничья страсть. Он быстро снял полотенце с крючка и прямо сплеча саданул им по насекомому. Удар пришёлся по цели. Обитатель тёмного царства нашёл свой последний приют на гладком кухонном столе.

Пока Георгий копошился на кухне, фильм успел закончиться. Начались новости. Эту информацию Никишин знал ещё с утра: министром обороны назначен Сергей Шойгу, Президентом США снова избран Барак Обама, Наталия Солженицына выступила за увеличение числа уроков литературы в российских школах, Украина начала получать газ из Германии, в Штатах усилен контроль за усыновлёнными детьми из России...

— Какой контроль? — вслух возмутился Никишин. — Надо вообще запретить эту торговлю! У них что, нет своих детдомов? Есть. Но только за своих, что случись, такое припаяют — мама не горюй! А наши там растут без прав. Как ягнята. Что хошь, то и делай с ними. — Но поддержать его было некому, и он замолчал.

Никишину давно перевалило за шестьдесят, но на вид ему никто не давал более пятидесяти. Может быть, потому, что в его глазах всегда светилось любопытство, а открытое, доброжелательное лицо располагало к нему любого человека. Жена у него умерла лет десять назад, и все эти годы он жил вдовцом. Покидали этот бранный мир один за другим и его друзья. И круг его жизни от этого всё сужался и сужался. Всё меньше и меньше света проникало в него. Один только Георгий стоял в центре этого круга как надёжная, крепкая ось. А вокруг вертелась и мельтешила беспорядочная жизнь. На его глаза рухнула страна, в которой он родился и вырос. И теперь уже давно не было того сильного государства, которым он всегда гордился и которое любил, а была только «территория», на которой он доживал свою жизнь. И ему было тяжело видеть, как разваливаются заводы и армия, пустеют земли. И хотя из своего окопа всей войны ему было не видать, но он был твёрдо убеждён, что при другом руководстве и более разумной политике всё можно было бы сохранить.

Георгий Иванович был крепок, как былинный богатырь. И когда его выпроводили на «заслуженный отдых», он был, по крайней мере, удивлён: меня на пенсию? за что? а как дальше без завода жить? В голове ещё много было нереализованных идей, в мышцах — нерастроченной энергии, и всё это вместе с трудовой книжкой ему предложили сдать в домашний архив.

Но долго сидеть без работы он всё же не смог. Пересилив свою профессиональную гордыню (всё-таки когда-то его мыслями создавались крупные агрегаты тепловозов), он устроился работать вахтёром на конфетную фабрику. Конечно, здесь его конструкторские знания были никому не нужны. От него требовалось только одно: открывай турникет и пропускай людей: утром — на работу, а вечером — домой...

У себя на заводе он тысячи раз видел этих людей в форменных одеждах, но никогда серьёзно не задумывался над их трудом. Нет, он не смотрел на них свысока, просто проскакивал мимо, понимая своим пролетарским сознанием, что без их работы заводу не обойтись: это один из винтиков дисциплины производства. И вот теперь на этом месте оказался он сам.

Но кроме этого, ему надлежало следить, чтобы рабочие — а это были преимущественно женщины — не проносили тайком конфеты. Но женщины своё дело знали тонко и прятали сладости туда, куда не каждый охранник осмелится руку сунуть... Георгий Иванович особенно не усердствовал на этом поприще, но и воровства шибко не допускал.

Ворованного Никишин, как правило, не отбирал, но пристыживал попавшихся так, что те уже больше не занимались этим промыслом. И чтобы воровства было меньше, он добился у начальства открытия льготного магазина на территории фабрики. И воровство действительно почти прекратилось. Все женщины относились к Никишину с уважением. Иногда подолгу останавливались около него и вели душевные беседы. Он никогда им не рассказывал, кем работал в прошлом, и был с ними всегда прост. Однажды одна из таких осмелилась и сама напросилась к нему в сторожку. Народ уже весь почти схлынул, и только редкие запоздавшие пробегали через проходную.

— Давай, Иваныч, попьём чайку, — игриво предложила она, расстегнула, не стесняясь, на кофточке пуговичку и извлекла из лифчика кулёк с конфетами.

— Не боишься, что растают около такого огня? — глухим голосом произнёс Георгий, но гнать её не стал. — Баба ты ещё молодая, горячая...

— Не боюсь... Тебе несла... — ответила женщина и пытливо заглянула ему в глаза. Да так и осталась в них.

Георгий Иванович вскипятил чайник, и они пили чай со свежими конфетами, разговаривали, а вернее, распахивали друг перед другом свои одинокие души. Шоколад таял, и во рту была такая сладость, будто он прикасался губами к её груди. В голове всё плыло и кружилось... А потом она пришла и на другой вечер. Зашторила окошко. И снова они сидели весь вечер. А когда она уходила, он сказал ей:

— Больше сюда не заходи. Люди заметят — судачить будут. Вот тебе мои ключи, будет охота... — и назвал свой адрес.

Она пришла к нему не сразу. Но когда появилась — весь воздух в квартире наполнился ею. Он, не скрывая, радовался её приходу. И справа зайдёт, и слева, и в ушко поцелует, и в шею... И она видела это счастье в его глазах, его искреннюю радость...

До постели дело дошло в первый же вечер. Полина и охнуть не успела, как Георгий завлёк её в свои пуховые одеяла. Налетел, как вихрь. Она даже не помнила, как оказалась без одежды. То ли Георгий её снял, то ли сама её с себя скинула. Когда прошла первая волна их безумства, она только спросила:

— Что это было?

— Это, Полюшка, закончилось наше одиночество...

Она засмеялась от счастья и прижалась к Георгию.

— Егорушка ты мой... Егорушка...

А утром призналась:

— Никогда бы не подумала, что в твоём возрасте мужчины что-то могут... А ты ведь открыл во мне другую женщину. Даже не знала, что могу так чувствовать. Очень тебе благодарна...

Георгий ответил ей не сразу. Долго раздумывал над её словами. Потом привстал над ней этакой скалой и, глядя прямо в глаза, признался:

— Сударушка ты моя... Раньше бы нам встретиться... Жалею только, что ты вошла в мою жизнь, когда она уже совсем на закате...

— Ты неправ, — беспокойно и горячо зашептала она в ответ. — Всё теперь будет по-другому у нас... За то, что мы встретились, Бог будет за каждый год отсчитывать нам наши годы назад... И мы с тобой ещё так помолодеем, что наши дети будут завидовать нам!

«Жалеет, — подумал про себя Никишин. — Да всё равно. Пускай. Взлететь, конечно, высоко не смогу, но в стае ещё полетаю». — И он улыбнулся.

А за окном майский ветер перешёптывался со звёздами да тёплый дождь стучал по оконной раме. Так под эту музыку они и встретили своё счастье.

С этого дня она только и ждала часа, когда можно было бежать в дом к Георгию. Не шла, а летела к нему. Душа её замирала, и сердце стучало, когда только видела свет в его окнах на третьем этаже.

2

Почти год они прожили вместе. Полина «крутилась» на два дома. После работы шла к Георгию, а поздно вечером бежала домой к сыну.

Он был хоть и взрослым уже, но оставлять его без присмотра Полина опасалась. «Пока не женатый, он ещё ребёнок, — рассуждала она. — На мне за него вся ответственность». И в этой материнской логике была высшая справедливость.

Полина отогрела холостяцкую конуру Георгия своим женским теплом, всё отмыла, вычистила... И засияли его окна былым ясным светом. Никишин был старше её лет на двадцать. Но женщина никогда не стыдилась этой разницы. Наоборот, выходила из его квартиры задиристо, открыто, со светящимися глазами.

Летом они побывали в Крыму. Отдыхали в сказочном Коктебеле. За пансионатом, где они жили, высились красно-бурые скалы, которые держали на своих плечах золотое солнце. Они целыми днями купались в море, ходили по конным маршрутам и однажды даже поднялись к потухшему вулкану Карадаг. С вершины этой седой горы хорошо было видно, как где-то вдалеке, охотясь за рыбой, ныряли в глубину волн кричащие чайки. По вечерам они бродили по набережной и, вглядываясь в лиловый горизонт, наблюдали, как из глубин моря поднимались высокие волны и выбрасывали на ровный берег обточенные цветные камушки, яркие, как звёздные алмазы. Солнце и горьковатый воздух моря окончательно обострили их любовный диагноз. В сине-зелёных волнах моря Полина подолгу плескалась свободно и радостно. Пропахшие солнцем, они целовались на каждом шагу и чувствовали, как от этого медленно сходят с ума. А когда однажды Полина подвернула ногу, Никишин легко поднял её и понёс к своему корпусу. Мелкие камушки вылетали из-под его ног, как морские брызги. И ему показалось, будто второе сердце открылось в нём. А Полина, обхватив его за шею, радовалась этой минуте: что вот так, на виду у всех, он пронёс её, как невесту...

Вернувшись домой, они ещё долго вспоминали вечерние аллеи Коктебеля под его яркими неоновыми фонарями, где были счастливы и безрассудны.

— Скажи, ты рад, что мы вместе? — спросила она у него однажды.

— А ты разве этого не чувствуешь? — удивился Никишин.

— Чувствую... Но мне хочется, чтобы ты словами сказал.

Она подняла на него свои зелёные-презелёные глаза и заморгала. И Никишин сдался.

— Понимаешь, жизнь мужчины всегда наполняется смыслом, когда он восхищается женщиной. Когда ты рядом со мной, я чувствую, что моя жизнь не пуста.

Потом они оба вдруг замолчали, наступила какая-то вязкая тишина, и каждый уже молча продолжал этот разговор с самим собой. А Полина вдруг вспомнила, что ещё там, в Крыму, в можжевелевой роще, она вдруг увидела одинокого аиста в гнезде. Она чуть не вскрикнула. С детства знала, что это была плохая примета. И она сразу испугалась: «Не дай Бог, чтобы кто-то из нас вот так остался один, как этот аист». Георгию она ничего не сказала, но эта картина нет-нет да и всплывала в её памяти.

А однажды Георгию приснился странный сон. Вначале перед ним выплыла знакомая картина, которая висела у него в спальне. Всё на ней было вроде бы обычно: река, луг, и из-за облаков восходящее солнце. Но почему-то во сне оно поднималось не с левой стороны, а с правой. И

размером было раза в два больше. Георгий не успел ещё этому удивиться, как солнце на его глазах растворилось, и на его месте появилось светлое лицо умершей жены.

— Добрый вечер, Георгий, — сказала она ему.

Никишин испугался и ничего ей не ответил.

— Я очень рада, что у тебя всё хорошо, — снова заговорила она. — Ты только сыновей не забывай. Почаще им звони, в гости приглашай...

И вдруг он увидел, как в её руках появилось это исчезнувшее солнце. Она перекидывала его с ладошки на ладошку, словно клубок ниток.

— И ещё я хочу тебя попросить: сходи к врачу. У тебя серьёзная болезнь. Тебе надо лечиться. Иначе будет поздно.

Георгий хотел ей что-то возразить, но вдруг проснулся от острой боли в спине. Будто змея внутри шевельнулась, вонзила в него ядовитые зубы. Было невозможно даже повернуться, не то чтобы встать. В этом положении он пролежал около двух часов. Потом боль отхлынула, но испуг ещё долго оставался в его теле.

Утром всё было, как обычно. Но к обеду боль повторилась. Он ожидал её и потому уже не испугался. Позвонил соседке, и та принесла какие-то таблетки. Отпустило. Георгий улыбнулся женщине, но та, как и жена, посоветовала идти к врачу.

Неделя прошла в анализах и обследованиях. Чтобы не сойти с ума от боли, он глотал таблетки, как леденцы... В назначенный день Никишин снова появился у своего врача.

— Голубчик, — по-старомодному обратился доктор, взглянув на Георгия поверх очков-половинок. — А вы не сможете пригласить кого-нибудь из своих родственников?

— Что-нибудь серьёзное? — тревожно спросил Никишин. — Дети у меня далеко, — размышлял он. — В других странах живут. А жена умерла давно. Так что говорите напрямую. Как-нибудь пересилю.

Врач спрятал исписанные листки в папку и положил на неё свои ладони.

— Онкология у вас, Георгий Иванович. Злокачественная опухоль толстой и прямой кишки. И довольно серьёзная. На четвёртой стадии уже. Метастаза попала в печень, потому и боли у вас такие сильные.

— Вы хотите сказать, что у меня рак? — вскрикнул Никишин и не узнал своего голоса.

— Он самый, — врач кивнул головой.

— И какие у меня шансы? — спросил Никишин тихо.

Доктор ответил не сразу.

— Небольшие... Не помогут уже ни паллиативное лечение, ни израильские клиники. Слишком поздно. Вот если бы вы обратились к нам месяцев шесть назад...

Георгий Иванович отсчитал эти полгода назад: как раз выходило, что в это время они с Полиной отдыхали в Крыму...

— Но этого не может быть! — вскочил он. — Это какая-то ошибка! Я редко когда болел! Вы взгляните в мою карточку! — И он стал перелистывать перед врачом свою историю болезни. — Я могу одной рукой поднять двухпудовую гиру. Неужели нет такого лекарства, чтобы вылечить меня? — он снова опустился на стул и с надеждой взглянул на врача.

— Увы, голубчик. Лекарства действуют медленнее, чем сама болезнь. В вашем случае шанс только на лучевую терапию. Или химиотерапию. Операция уже не поможет. А пока я вам выпишу промедол и омнопон... Пусть они всегда будут у вас под рукой. Они хорошо снимают боль...

Никишин шёл по улице, натываясь на людей. Небо было грязное. Упругий ветер бил ему в грудь. Он шёл неровно, его даже заносило с тротуара на газон, но каждый раз после этого он снова возвращался на узкую асфальтовую полосу. Асфальт был серым, весь в трещинах, как лунный камень.

— Мужчина! Вы бахилы забыли снять! — остановила его встречающая женщина.

Никишин глянул на свои башмаки. Действительно, они до сих пор были обуты в синие полиэтиленовые «лодочки», которые уже давно промокли и прорвались, а к их носкам, словно заплатки, прилипли пожухлые осенние листья с красными прожилками. Георгий нагнулся и стянул с ботинок больничную обувку.

Это немного привело его в себя. Карусель в мозгу остановилась. Но по-прежнему всё вокруг виделось в какой-то туманной пелене. Он пересёк дорогу, прошёл мимо Мемориального парка и в расплывающейся завесе мелкого дождя увидел, как люди выходили из административного здания после работы. Он замедлил шаг и оглянулся. Посмотрел на свою тень и не узнал её. Она была без рук и головы. Георгий повернулся и быстрым шагом попытался оторваться от неё. С ним кто-то здоровался, он кивал в ответ и шёл дальше. Его пытались остановить, чтобы поговорить, но Никишин отмахивался: в следующий раз! Всё вокруг него было знакомым: двухэтажные дома, кованые ворота, старые деревья. Но в то же время всё это было уже чужим и далёким.

«Что же получается? — спрашивал он у своей тени. — Я умру, а всё это будет продолжать жить для других людей? И, наверно, никто даже не заметит моего ухода из жизни. Если слово «рак» прочитать в обратную сторону, — осенило вдруг его, — то получается другое слово. Кар. Кара. Следовательно, эту болезнь мне надо принимать как расплату за какие-то грехи. Какие? Вроде, я всё время старался жить по совести и по правде. Но, видать, что-то было в ней, где чаша весов перевалила не в правильную сторону».

— За что мне так? — уже вслух пробормотал он. — Я очень любил людей. И любил жизнь...

Так всю обратную дорогу к дому Георгий и шёл, разговаривая со своей тенью. Иногда она пропадала, и ему тогда казалось, что и он вместе с ней покинул эту грешную землю. И вдруг в его голове мелькнула спасительная мысль: а может, врач чего-то напутал, смешав его анализы с другим больным?

«А что, может, и вправду так получилось? — подумал он и обрадовался. — Ведь бывает же так. — И от этого самообмана ему стало на миг легче. Но только на миг. — Ну как же ... — снова начал он рассуждать, — скоро наступит зима, выпадет снег, а меня уже не будет? Ведь это несправедливо! А как же сударушка моя останется без меня? Ей-то за что страдать? Это что же получается? Бог вначале одарил нас любовью, а затем забрал её? Мы что, выходит, не оправдали Его доверия? В чём наш грех? Господи! Ну скажи Ты мне!»

Георгий вдруг остановился и заплакал, шумно всхлипывая. Потом успокоился и пошёл дальше.

Уже затихли отголоски дня, город лёг в темноту, когда Никишин подошёл к своему дому. Он расправил плечи, выпрямился и шагнул в тёмный подъезд, твёрдо решив ничего не рассказывать Полине.

3

С того дня прошёл месяц. Боли по-прежнему мучили Георгия. Он даже перестал ходить на работу. От лекарств, которые выписывал врач, его только клонило ко сну, и он чувствовал, как с каждым днём силы покидают его. И всё это происходило так быстро, будто это не его жизнь обрывалась, а день заменялся сумерками.

Никишин по-прежнему продолжал наблюдаться у онколога. Но в основном только для того, чтобы взять подотчётные ампулы. Чтобы получить новое лекарство, ему надлежало отчитаться за старые. И всё это происходило в присутствии медсестры и врача, заведующего отделением поликлиники. И так по кругу, каждую неделю...

Такой процесс сдачи ампул, выписки нового рецепта занимал от трёх до четырёх часов. Георгий устал терпеть унижение и, не выдержав, созвонился с сыновьями. Ему повезло: старший как раз находился в командировке в Израиле. Он-то и сумел передать отцу какой-то редкий наркотический препарат.

И Георгий снова ожил. Стал ходить на работу, общаться с Полиной. Спаситься от карающей болезни, конечно, было уже невозможно, но лекарство позволяло ему не терять человеческий облик, угасать без мук.

Химиотерапию ему делали один раз в неделю. После первого сеанса лучше не стало, но и хуже тоже. Полина в эти дни к нему не заходила. Переговаривались только по телефону. Она с сыном нанялась по вечерам копать картофель в совхозе. Пять мешков совхозу — один себе. Георгий предложил свою помощь, но она отказалась.

— Ладно уж. Сиди дома. Мы сами управимся.

В конце недели она всё-таки заглянула к нему. Георгий лежал на диване небритый и какой-то весь почерневший.

— Батюшки! Это что у нас случилось? — всплеснула руками Полина.

Георгий привстал на локте и виновато улыбнулся.

— Ой, лихо мне с тобою! Да ты весь исхудал без меня! И животик совсем пропал. Ну, прямо добрый молодец.

Женщина на всякий случай потрогала его лоб. Температуры не было. От этого прикосновения Георгий весь вздрогнул, схватил её руку и прижался к ней губами.

— Так, больной, понятно... Значит, быстро в ванну и бриться.

Никишин улыбнулся и встал. Из зеркала ванной на него смотрела косматая, заросшая щетиной чужая физиономия. Георгий выдавил из баллончика пену и большим слоем наложил её на лицо. Потом осторожно, узкими полосками начал сбрасывать эти непроходимые заросли. На него снова взглянул прежний Георгий Иванович.

— Егорушка, к столу! — уже звала по-домашнему Полина.

Кухня сияла чистотой. Исчезла немытая посуда в раковине. В глубокой тарелке золотился от подсолнечного масла овощной салат. А на плите шкворчали румяные котлеты. Георгий вытащил из шкафа бутылку красного вина. Разлили по бокалам. Выпили.

— Ну, рассказывай! Что всё-таки произошло? — повторила свой вопрос Полина.

Георгий попытался навести на себя безразличный вид.

— Да ничего. Так, небольшая депрессия. Тебя не было, вот и захандрил, — соврал он.

— Ну, ты просто как ребёнок! — поверила она ему.

— Не ребёнок я... Просто ты уже давно в меня проросла. Или я в тебя... Неважно. Но когда тебя нет со мной, у меня что-то ломается внутри... — сказал Георгий дрогнувшим голосом.

Полина вся вспыхнула, и глаза её заметно повлажнели. Они сегодня были особенно зелёными. Из их глубин шёл свет, будто там пряталось маленькое солнце.

...Не один раз стрелка часов прошла по своему кругу. Часы снова отсчитывали время их любви. Полина плыла где-то высоко в небе, наслаждаясь бабьим счастьем... И кругом было огромное пространство, и только одинокий месяц освещал их путь.

Рассвет был ещё далеко-далеко... И когда Полина открыла глаза, Георгий сказал ей:

— Ты самая лучшая женщина... И я очень счастлив, что ты со мной...

— Не сглазь... — испуганно ответила Полина. — Послушай, а почему ты не ходишь на работу? — переменяла она разговор.

— Меня берут назад на завод, — снова соврал он ей. — Хочу по этому поводу собрать у себя дома друзей. Ну, мальчишник такой устроить. Ты мне поможешь? Составь мне список продуктов, а я сам всё куплю.

— Конечно, помогу...

Но вдруг боль в самый ненужный момент предательски вернулась к нему. Она ходила кругами под его рёбрами и под кожей, ломая и скручивая всё внутри. Георгий набрал в грудь воздуха, тяжело поднялся и вышел на кухню. Дрожащими руками схватил ампулу и, оглядываясь на дверь, сделал себе укол. Потом опустился на стул и обхватил голову руками. И снова в который раз подумал о своих сыновьях... «Неужели так их больше и не увижу? — с горечью подумал он. — Как всё скрещено в этой жизни! Как всё это рядом: любовь, жизнь и смерть...»

4

Полина, как и обещала, наготовила еды, расставила всё на столе и ушла домой.

— Ты только не напивайся, — попросила она на прощанье. — Немного выпей для компании — и всё... А то знаю вас: как соберётесь — и меры не знаете.

— В России сто грамм — не водка, — попытался отшутиться Георгий.

— Ну, правильно! Сначала вы требуете выпивку, а потом выпивка требует вас, и поехало, покатилося... Завтра приду — чтоб как стёклышко был!

— Слушаюсь, мой генерал! — козырнул он ей дурачась.

Встреча была назначена на субботу, на четыре часа дня. Гости подошли медленно, и только где-то около пяти собрались все. У каждого в глазах стоял немой вопрос: «По какому случаю?» Многие подозревали, и не без оснований, что Никишин хотел познакомиться их с будущей женой. Но её в квартире не оказалось. Все продолжали переглядываться, любопытство нарастало, интрига продолжала жить. А Георгий Иванович, встречая гостей, разговаривал с ними и только улыбался краешками губ. Наконец пригласил всех к столу. Шумно задвигали стульями. Никишин, как и полагается хозяину, сидел во главе стола. Он был в чёрном парадном костюме, белой рубашке, но без галстука.

— Ну, Гоша, не томи, — не выдержал кто-то. — По какому случаю царский пир?

— А разве, чтобы собраться вместе, нужен особый повод? — и он обвёл всех лукавым взглядом. — То, что мы живы, что мы вместе — это разве не повод? Когда я вас обзванивал, у меня поджилки тряслись. А вдруг, думаю, на том конце провода скажут: а Василия мы ещё в прошлом году схоронили... — Георгий Иванович поднял рюмку. — И я очень рад, что все мы живы и здоровы. Вот за это давайте и выпьем!

— И за твоё здоровье, чёрт ты рогатый! — пробасил его лучший друг Семён Галамага. И друзья за столом облегчённо вздохнули.

Все встали и потянулись друг к другу с наполненными рюмками. И потекли потом разговоры. Всё чаще слышалось: «А ты помнишь?.. а ты не забыл...» Они говорили много, припоминая разные истории из прошлых лет. Память, оказывается, всё сохранила. Сейчас за разговорами всплывали такие мелочи, которые казались уже давно забытыми.

— А помнишь, — подсел к Георгию Валентин Фёдорович Капырин, друг по «альма-матер», — как я на твою свадьбу приехал на попутном самосвале? Аж с Егорьевска его гнал. В самый аккурат подъехал. Вылез из кабины, а ты уже стоишь на ступеньках загса и голубей пускаешь. А голубка твоя, самая главная, рядом с тобой. Жаль, что Екатерина не дожила до этих дней... рано ушла...

К друзьям, обняв их за плечи, подсел Семён Васильевич.

— А я вот что вам, мужики, скажу, — уже на полном взводе, заплетаясь языком, заговорил он. — Вот скажите вы мне: мы вместе создавали дизеля, рассчитывали узлы и детали к ним. А кто сейчас нас помнит? Да никто! Значит, не это главное в жизни! Главное в жизни человека — это любовь, семья, дети. Всё то, что продолжает наш род! Вот у меня есть внук, ещё в школе учится. Толковый такой: всё время что-то мастерит. Ну, это понятно — весь в деда пошёл... Я ему как-то рассказал про гиперзвук, объяснил, что это такое. Так что вы думаете? Он мне через три недели показал собственную схему устройства гиперзвукового летательного аппарата! Это в четырнадцать-то лет!

А в это время на другом конце стола словно вулкан загрохотал. Это заговорил Василий Иванович Загорелов, бывший парторг отдела и перво-степенный инженер.

— А вы не забыли, когда мы трудились над нашими ТЭПками? — спросил он всех. — Тепловоз уже был на ходу, а капризов у него было, как у беременной женщины. Особенно эти браки в поршневой группе.

Помните эти трещины? И только когда мы сами разработали ультразвуковую установку, только тогда научились выявлять их.

— Да, хороший получился богатырь! — подхватил разговор Георгий Иванович. — Я участвовал в его первых испытаниях. Помню, для эксперимента поставили на стол машиниста стакан с водой и погналы машину с запредельной скоростью. Так вода в стакане лишь слегка колыхнулась! Долго работали эти машины на разных магистралях...

— Да и сейчас, говорят, катаются по Средней Азии, — добавил кто-то.

— А вот ты, Семён, — снова заговорил бывший парторг, — сказал давеча, что никто наших имён не помнит. Ты ведь помнишь, как мы все вместе изобретали эту ультразвуковую установку?

Галамага, не задумываясь, ответил:

— Чего уж тут не помнить? У меня до сих пор по ней записи сохранились.

— Ну правильно, — согласился Загорелов. — Мы давно уже не работаем, а установочкой этой народ до сих пор пользуется! Помнят, значит!

— А орден за эту установочку ты один, Василий Иванович, получил, а нам всем по десятке к зарплате дали, — не выдержал и высказал свою давнишнюю обиду Галамага. — Хотя ты не больше нас работал.

Наступила неловкая пауза. Парторг не стал оправдываться, а только зыркнул по-недоброму на обидчика и сказал:

— Ладно, чего сейчас будем делить... Давайте лучше помянем нашего начальника цеха. Толковый мужик был Виктор Степанович...

Все задвигали стульями и встали. Запрокинулись седые головы, опустошились рюмки в память о старом товарище. Потом снова сели, и только один Никишин остался стоять. Он смотрел на каждого, кому-то подмигивая, кому-то кивая головой. Затем постучал вилкой по бутылке, призывая к тишине.

— А вот теперь, дорогие мои друзья, — проговорил он, и его голос предательски задрожал, завибрировал. — Теперь, когда мы помянули нашего шефа, я, наконец, и скажу вам, зачем я вас пригласил. — Он оглядел всех хмельным взглядом, и те, кто сидел ближе к нему, заметили, как повлажнили его глаза.

А Никишину начать этот разговор было действительно очень трудно. Десять пар глаз смотрели на него. И он многое сейчас бы отдал, чтобы не было этого повода. Но он был. Значит, надо говорить, надо прощаться. Ведь за этим он их и пригласил.

— Наверно, вы сейчас сидите и думаете: «Всё-таки чего это Георгий эту пьянку затеял?» — заговорил Никишин медленно, думая, припоминая. — Нет, дорогие мои друзья, это не пустая пьянка. Попрощаться я вас пригласил. Заканчивается, видимо, мой век на этой земле. Ведь как бывает в жизни? — вдруг оживился он. — Живёт себе человек, а потом — бух! и нету его! Вот и подумал я — пока силы есть, посидеть с вами в последний раз. Молча уходят, когда смерть внезапно наступает. А у меня время ещё есть...

— Ты чего это городишь? — перебил его Галамага. — Какая смерть, какое время? Да на тебе ещё можно пахать и пахать! У тебя что, крыша поехала?

— Как мне с горы свистнул, — твёрдо и резко сказал Никишин. И все притихли. — И бороться уже поздно. Жрёт он меня изнутри. Как червь...

Я всегда за сердце своё боялся. Слабое оно у меня было с самого детства. Операцию даже перенёс... А тут удар в дых, с другой стороны... Иногда так припрёт, что никаких сил нет. «Скорая» уже не выезжает, говорят: рак — не повод для выезда. А боли уже такие стали, что даже однажды сознание потерял... Мы, дураки, молим Бога о хорошей жизни. А надо молить о лёгкой смерти.

Долго все сидели молча, пока Георгий снова сам не заговорил:

— Я хочу выпить за вас. Дай вам всем Бог здоровья! Любите свой дом, свою семью... И пусть боль никогда не разорвёт ваше сердце...

Никто не шелохнулся, никто не налил себе в пустую рюмку.

— Ну чего же вы?! — повысил он голос. — Не на поминках же мы ещё! Мы живы! Мы продолжаем гулять и радоваться этому обстоятельству.

Георгий начал обходить стол и наливать всем по кругу. Его руки тряслись, и водка часто проливалась на скатерть. Когда он отходил, каждый вставал с наполненной рюмкой и держал её бережно, словно поминальную свечу. Пройдя круг, Никишин остановился у своего места. Поднял высоко рюмку и залпом выпил. Потом запел:

Ваше благородие, госпожа Разлука,
Мы с тобой родня давно — вот какая штука.
Письмецо в конверте погоди, не рви!
Не везёт мне в смерти — повезёт в любви.

Вначале он пел один, потом эту песню подхватил другой, третий... А потом были и другие песни, и мужчины пели их, словно боясь остановиться, чтобы снова не вернуться к тому страшному разговору...

— Вы, наверное, думаете: чудит старик, — снова заговорил Никишин. — А ведь кто-то из умных сказал, что размышлять о смерти — это значит размышлять о свободе. Или этот умник неправ?

— Гоша, мы здесь все технари, — сердито отозвался Галамага, — и не нам рассуждать и философствовать. Но только то, что ты затеял, на военном языке называется паникёрством. Ты это лучше меня понимаешь. И мой тебе совет: успокойся, не буди раньше времени свою смерть. Она сама придёт, когда ей это понадобится. Живи, как все. У каждого человека есть своё время для смерти. Нам здесь всем недолго осталось жить. Только никто не знает этого дня...

— Семён прав, — поддержал Галамагу бывший парторг. — Ты просто раскис. Испугался. А ты лучше спроси у нас: с какими болячками мы живём? Пальцев на руках не хватает, чтобы их все перечислить. Я вон три инфаркта перенёс. Так что же, мне теперь живым в гроб ложиться? Нет, Гоша, за жизнь надо цепляться, биться за неё, какой бы она сраной ни была...

Георгий был уже здорово пьян, но держался на ногах крепко. Изредка ронял голову на грудь, закрывал глаза, но через минуту вскидывался и виновато улыбался окружающим. Иногда ему казалось, что он всё это нафантазировал и никакой болезни у него нет, а есть одно притворство, и что собрал он сегодня в своём доме друзей, чтобы покуражиться перед ними. И чем чаще он об этом думал, тем сложнее ему было отделить выдумку от правды. Но, вспомнив о своей просьбе к друзьям, Никишин облокотился о стол двумя руками и выпрямился.

— Я ещё не всё договорил. У меня есть к вам две просьбы, — и он вытащил из внутреннего кармана пиджака два белых конверта. — Здесь деньги. Вот в этом деньги на похороны. Я хочу, чтобы этот конверт взял ты, Семён Васильевич. А вот в этом деньги на памятник. Их пусть возьмёт наш парторг. Это по его части. Только ты, Василий Иванович, много на нём не расписывай. Фамилию, имя и даты. И больше ничего. Запомнишь? А теперь на посошок и расходимся.

Расходились в глубокую ночь, когда трамваи давно перестали ходить, когда над коломенской землёю ярко горели звёзды и болталась где-то в углу неба не улыбчивая луна.

5

Полина пришла рано утром. Георгий стоял в трусах около раковины и мыл посуду. Время от времени прикладывался к заварочному чайнику, пытаясь заглушить пожар внутри. Под подоконником стояла батарея пустых бутылок. А рядом, в ведре, светились осколки разбитой посуды. Георгий торопился убрать следы вчерашней пьянки. Но не успел.

— Да... видать, от души повеселились, — раздался из-за спины насмешливый голос Полины.

Георгий обернулся. Мокрая тарелка выскользнула из рук, но он поймал её на лету почти у самого пола.

— Сударушка моя, ты уже пришла? — заискивающе спросил он. — А я вот хотел навести порядок до твоего прихода...

— Не навести порядок, а замести следы своего преступления, — уточнила она. — Ведь ты вчера мне обещал... Боже мой! С кем я связалась? С алкоголиком! — шутливо всплеснула руками. — А ну, давай, отходи от мойки. А то всю посуду переколотишь.

Он послушно вытер руки, сел за стол. И вдруг снова ощутил эту боль. Она шла откуда-то из глубины и жгла всё внутри. Георгий чувствовал, будто летит в какую-то пропасть, разрубленный на многие осколки. Он последними усилиями заставил себя встать и выйти в комнату. Там дрожащими руками он сделал себе укол и снова вернулся на кухню. Полина что-то ещё рассказывала, смеялась, а Георгий, тяжело дыша, снова возвращался к жизни. «Горько умирать, когда твоё сердце ещё любит», — подумал вдруг он.

Женщина тем временем закончила мыть посуду и обернулась.

— А давай-ка мы с тобой чайку попьём! — предложила она, и Георгий вспомнил, что когда-то с этой фразы началось их знакомство.

— Я его уже сегодня столько выпил! — признался он. — Но с тобой — с удовольствием! Только давай я тебе вначале кое-что покажу.

— Мне глаза закрывать? — и она кокетливо отвернула голову.

— Не обязательно, — ответил Георгий и вышел в комнату.

Вернулся он оттуда с канцелярской папкой в руках. Лицо его на этот раз было не то что весёлое, а какое-то торжественное. Развязал тесёмки и вытащил лист.

— Здесь моё дворянское завещание, заверенное нотариусом, — произнёс он. — Я тебе завещаю мою квартиру со всем барахлом. Ты только не

беспокойся: помирать я не собираюсь, — утешил он её, — но пусть эта бумага будет при тебе. Теперь ты будешь настоящая сударыня.

— Ты что это надумал? И почему мне? — опешила она от неожиданности. — У тебя ведь дети есть... Да и вообще, к чему ты всё это затеял?

— Отвечаю на первый вопрос: им это не нужно. У них такие хоромы, что нам с тобой и не снились. А вот теперь в самый раз и чай пить...

Полина расставляла фарфоровые чашки с блюдечками, и руки у неё слегка дрожали. Какое-то неприятное предчувствие овладевало ею. Она изредка бросала взгляды на Георгия. Он это заметил, и вся его душа наполнилась грустью.

— А у нас ведь к чаю ничего нет! — вдруг вспомнил Георгий. — Давай я сбегаю за тортиком? Заодно и голову проветрю, — предложил он и, не дожидаясь ответа, начал торопливо одеваться. Надел тот же вчерашний костюм, белую сорочку.

— Какой ты у меня, Егорушка, представительный, — оценила она его.

— И ты у меня красивая! — он обнял её и прижал к себе. — Осень без тебя была бы печальной. А с тобой она золотая... — Потом попросил: — Поцелуй меня...

Полина и сама этого уже давно хотела: обняла его крепко за шею и с силой прижалась к губам...

— А у меня тоже есть один сюрприз! — отстранилась она от него.

— Какой? — загорелся он.

— Вот придёшь, потом и скажу. Иди! — и поправила лацкан его пиджака.

Чтобы занять себя чем-то, она вернулась на кухню, протёрла сухим полотенцем всю посуду, взяла со стола листок завещания и прошла в комнату. Прочитала весь текст заново, даже фамилию нотариуса. Вложила листок в папку и положила на подушку. На видное место.

И тут под ней она заметила коробку с лекарствами. Рядом лежал пакет со шприцами и использованными капсулами. Полина опустила на диван. Ужас от находки парализовал её тело. Она понимала, что обнаружила не просто лекарства, а какую-то страшную тайну. Сердце её то останавливалось, то громко стучало.

А Георгий всё не возвращался. Тогда она вышла на балкон, с которого просматривался весь путь к булочной. Осень медленно растекалась своим золотом по аллее. У самой дороги женщина заметила какую-то тревожную толпу. Зашемило сердце. Накинув плащ, в одних тапочках она выбежала на улицу.

Сердце не обмануло. Георгия и ещё двух человек она увидела у дороги. В глазах Полины блеснула боль. Георгий лежал на спине, раскинув руки, и лицо его было таким, будто он спрашивал людей: чего вы все суетитесь? Рядом стоял полицейский и допрашивал какого-то мужчину.

— Я ехал спокойно на своём фургоне. Да и гнать мне особенно было нельзя — в кузове оргтехника, — разгорячённо твердил шофёр, то и дело поглядывая в сторону сбитых пешеходов. — И тут на дорогу выбежала какая-то сопливая девчонка. Сунулась под колёса и растаяла, точно ангел. Я увернулся от неё и наехал на этих троих — они у дороги стояли... Всё произошло мгновенно...

— Ну и где эта девчонка? — попытался уточнить полицейский.

— Убежала! — завизжал перепуганный шофёр. — Но она точно была! Вон у людей спросите!

— Спросим, спросим... Не сомневайся, — ответил полицейский и подозрительно взглянул на водителя.

Полина подбежала к Георгию и села около него на корточки. Правая нога его была босой. Циферблат часов был разбит.

— Почему ты не уберёг себя? — затрясла она его. — Что ты от меня скрывал? Мы бы вдвоём что-нибудь обязательно придумали! — закричала она. — Ну почему ты так сделал? У-уу!.. — пронёсся над землёй бабий стон.

Но только один ветер в каштанах прошелестел ей своё — «прости»... У неё уже не было сил кричать, и она, упав на него, заплакала.

Её увидел полицейский:

— Женщина! Отойдите! Здесь ничего нельзя трогать!.. Вы кто?

— Жена это его, — сказал кто-то из толпы. — Незаконная.

Полину подняли и отвели к остановке, усадив на лавку. Потом подъехала «Газель» без окон. Санитары накрыли трупы простынями и увезли их.

Движение на дороге возобновилось, и народ стал медленно расходиться. А Полина ещё долго сидела на скамейке, и ей казалось, что вокруг неё умерла вся земля, умерли травы и цветы, и ветер гоняет по аллее не осенние листья, а какой-то чёрный пепел догоревшей осени. Боли от горя в сердце не было, а кипало только ощущение, что оно навсегда стало одиноким и пустым.

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

ВАСИЛИНЕ КОРОЛЁВОЙ

*Рассветной ранью Города узоры
меняют краски, плотность и объём...
И чудится, что Крепость и соборы
пронизаны серебряным шитьём!*

*Струится ввысь видений Вереница
и кружевом ложится на страницу!*

*...Прозрачные коломенские рощи,
и тихий сумрак сказочных домов,
посадская резьба, и кремль, и Площадь,
и влага вод, и облако холмов —*

*всё это, зачарованное кистью,
рассудком не постигнешь до конца...
Ведь этот штрих и свет воздушной выси
не в книгах остаётся, а в сердцах!*

В день юбилея хочется пожелать нашему художнику, талантливому человеку и верному другу «Коломенского альманаха» творческого беспокойства и новых шедевров.

Дорогая Василина! Вот уже который год твои работы становятся поистине драгоценным украшением коломенского ежегодника. Пусть так будет и впредь!

Коллектив редакции

рекламно-полиграфическая фирма

«ИНЛАЙТ»

*Приглашает
к сотрудничеству
авторов*

- ✓ Подготовим макет
- ✓ Разработаем дизайн
- ✓ Подберём формат, красочность, стиль оформления, способ переплёта
- ✓ Присвоим коды ISBN, УДК, ББК и авторский знак

г. Коломна, ул. Левшина, 19
тел./факс: (496) 612-70-28, 614-36-64, 614-34-55

г. Воскресенск, ул. Победы, 9
тел./факс: (496) 449-68-68

e-mail: inlite@pochta.ru; inlite-reklama@yandex.ru

140400, г. Коломна,
ул. III Интернационала, д. 2а
Тел.: (8-496) 618-58-71,
(8-496) 618-60-16,
(8-496) 618-69-33
Факс: (8-496) 618-62-87
E-mail: bab40@yandex.ru
www.kolomna-print.ru

ПРЕДЛАГАЕМ СВОИ УСЛУГИ ПО ИЗГОТОВЛЕНИЮ ПОЛИГРАФИЧЕСКОЙ ПРОДУКЦИИ

Мы выпускаем:

- газеты
- книги
- журналы
- брошюры
- буклеты
- этикетки
- визитки
- бланки строгой отчётности
- афиши
- билеты

Мы гарантируем:

*высокое качество,
конкурентные цены,
оптимальные сроки*

Широкий спектр услуг:

*дизайн, допечатная подготовка,
офсетная печать,
твёрдый переплёт,
КБС, ламинирование,
фольгирование, вырубка*

129 лет на рынке полиграфических услуг!

Татьяна Ивановна Кондратова родилась в Наро-Фоминске. С 1978 года живёт в Коломне, окончила филологический факультет педагогического института, преподавала в школе. Кандидат филологических наук. Более 20 лет проработала на кафедре литературы Коломенского педагогического института. Сейчас доцент кафедры китайского языка Московского городского педагогического университета. Член Союза писателей России. В 2011 году выпустила книгу «Три рода жизни», объединившую прозу, драму и стихи. Татьяна Кондратова — организатор фестиваля авторской песни, поэзии и прозы «Господин Ветер», который проходит на коломенской земле. Член редколлегии «Коломенского альманаха».

Новый рассказ Татьяны Кондратовой «Долька» — об одинокой доле умной, интеллигентной, симпатичной женщины Зои Сергеевны. Вот, кажется, она и встретила человека, который хотел бы стать её спутником в жизни. Но, привыкшая быть одна, Зоя уже не верит в поворот судьбы к лучшему.

Рассказ

Татьяна Кондратова

ДОЛЬКА

Татьяне Петровой

Зоя, она же Зоя Сергеевна, или просто Зая, или Заяц, ехала к морю.

Зоя Сергеевна отдыхала каждый год: именно осенью выкраивала дней десять и пускалась во все тяжкие — отключала звук на мобильнике, игнорировала все деловые звонки, да и дружеские фильтровала. Исключением из этой зоны осознанного отчуждения от опостылевшего за год мира были только дети, но сами они звонили нечасто, а свои контрольные звонки сыновьям Зоя делала тоже не каждый день: уважала свободу взрослых уже в общем-то мужчин.

Зоя ездила в Абхазию. Только здесь поздней и обычно слякотной в средней полосе осенью можно было вернуться в летнее тепло, поплавать в ещё не остывшей воде и даже слегка потемнеть под мягким, уже не обжигающим солнцем. Она любила особенно прозрачную осенью морскую воду, карамельки чуть тёплой гальки под ногами, пляжное безлюдье. Поздней осенью в Пицунду едут пожилые семейные пары, исключённые за «хвосты» в сентябре студенты и такие вот одинокие кукушки, как Зоя Сергеевна.

Пост-постбальзаковский возраст — пятьдесят шесть. «Жуть! — думала когда-то двадцатилетняя Зоя о тридцатипятилетней тёте Марине. — Всё в прошлом!» Но и весёлые тридцать пять, и ягодные сорок пять проскочили в Зоиной жизни за работой и заботой. Да, всё было любимым — дети и работа. Работа и дети. Школьный и вузовский учитель в прошлом, Зоя Сергеевна двадцать лет проработала редактором

одной из столичных телестудий, а теперь вот... Что ж, отдохнёт немного и будет искать новую работу. Может, ещё интереснее найдёт. Но пока отдохнуть — это главное!

Курортные романы Зоя презирала. Не то чтобы она была уже равнодушна к мужчинам, просто с годами поняла: приличные едут к морю либо пофилософствовать с жёнами, либо, оправдываясь перед теми же жёнами срочными командировками, понежиться в объятьях молоденьких любовниц. Что тут скажешь: молодое тело — оно же влечёт стареющую мужскую плоть. Манит, как соломенный мостик между юностью и пропастью. А через него — в чудо, в юность, в вечное блаженство! Ох, знают ведь, что наступят — провалятся, но всё же наступают...

Зоя часто думала о несправедливости такого мироустройства: из одной же глины! — но у них — акмэ — вершина, расцвет. У женщин — всё наоборот — в стареющей оболочке душу не каждый увидит. Ведь и у женщин этот возраст акмэ: по себе знала: мозги по сравнению с молодостью не просто функционируют, они теперь, как модно говорить стало, функционируют креативно: сколько в мозгах этих знаний за три десятка лет гуманитарной деятельности уложено — даты, имена, события! Но и это ерунда! Сколько идей, чужих идей за это время осмыслено, сколько взглядов на мир; читат, в конце концов, в её женской башке спрессовано сколько! — на все случаи жизни. Знала Зоя, что ценят мозги её, и как горько бывало ей порой, что только мозги и ценят. Хотя без вранья — и кожей, и рожей, да и всем остальным тоже Зоя была ничуть не хуже, может быть, даже... Но на этом пути Зоя Сергеевна всегда могла себя остановить: значит, хуже! Там, на небесах, где счастье распределяли, и так ей отмерили вроде без жадности: вон сынки какие выросли и друзей сколько — и в Москве, и в родном Ельце. Да и мама с папой живы ещё — куда же больше счастья-то?

Зоя, что лукавить, знала себе цену. Никто никогда в незнакомых компаниях не видел в ней пенсионерки. Во-первых, природа: от мамы в наследство досталось ей тело, ну не белое-рассыпчатое, но гибкое и мягкое. Во-вторых, тренировки и нагрузки ему Зоя давала всю жизнь: танцы, спорт, да и так всё время на бегу, на лету даже вернее. И разглядывая себя в зеркало, Зоя как-то не без улыбки заметила: в каждом возрасте свои радости, зрение вот упало, зато ни одной морщинки на лице теперь не видно.

Когда-то посмеявшись вместе со всей страной над курортным романом героев фильма про любовь и про голубей, в своей холостой жизни Зоя сознательно отметала всё то, что совершалось по пьянке. «Наша Зоя — просто рацию, торжество воли и разума над разгулом человеческих страстей», — говорила о Зое Сергеевне её подруга Танечка, Татьяна Петровна, этот самый разгул страстей воплощающая. Танечка любила поумничать, но Зоя быстро ставила её на место: «Зато не ханжа». И что правда, то правда — Зоя не была ханжой, а значит, от себя требовала много больше, чем другим позволяла. Особенно противно было Зое мужское ханжество, когда всё, что касалось их самих, называлось высокой любовью, а то же самое у других эти же мужчины именовали блудом. И подружки, не только Танечка, но и другие девчонки из студии, от тридцати до шестидесяти, частенько перетирающие друг с другом достоинства отсутствующих, про Зою соглашались без споров: «Не ханжа, классная баба. Только в старуху

себя превратила — с её-то фигурой, с такими глазами!» Глаза, да что глаза? Зоя в детстве любила, стоя у зеркала, растягивать внешние уголки глаз, чтоб, как у японок на календаре, были. Может, так часто делала это, что и на самом деле вытянула, а может, так умело косметику накладывать научилась: ярко-синие, глядели они из миндалевидных разрезов, глядели и спрашивали. В них-то и была жизнь и молодость Зоина, она из глаз не исчезла никуда. Потому и обращали на Зою Сергеевну внимание порой совершенные мальчишки — Зоя сорокалетних мужчин про себя мальчишками называла. Да что это за возраст — сорок! Конечно, мальчишки!

В этот раз Зоя ехала в Пицунду в каком-то раздражённом состоянии. На работе завал был, думала, что не отпустят совсем в эту осень. Потом неожиданно что-то прояснилось, как-то разгреблось само собой. Так разгреблось и разрешилось, что и работы в одночасье не стало. Заявление подписали быстро. Зоя даже неожиданно вздохнула: мебель не передвинула — буду менять работу. Но сначала отдых — море! Прямо завтра-послезавтра! Но билетов приличных не было уже. К тому же чёрт её дёрнул залезть в инет и посмотреть погоду на неделю: дождь, облачность, дождь, облачность — и так все семь дней. Знала, что октябрь — это не июль, конечно, но каждый год попадала в солнечный круг какой-то — везло с погодой, ну, лет пять последних — точно везло. А может, и на этот раз повезёт? Врут же все эти метеосводки? А если нет, будет шляться под зонтом по набережной в окружении своры псин, которых там море лаптевых. В обычной жизни Зоя боялась собак, но этих курортных любила. Сидя на скамейке, смотрела в их умные и совершенно безнадежные глаза и понимала, что и она такая же псина — одинокая и никому в сущности не нужная. Разве что хлеб и косточки взглядом не просит. А всё остальное — просит. Просила вернее. Всё взглядом просила. Но не получала ничего. Поэтому давно перестала смотреть в глаза, когда чего-то хотела.

Зоя лежала на верхней боковой и ощущала себя канарейкой, подвешенной в клетку к потолку. «Всё, — думала, — всё, Зоя Сергеевна, это в последний раз: взрослая и обеспеченная, в общем, тётка, что ты, как челночник какой, на боковушке едешь? Хватит экономить на себе — всю жизнь экономила. Купе, нижняя полочка — вот что тебе теперь надо. И в Абхазию хватит ездить — все вон в настоящую за границу по два раза в год летают!» Зоя смотрела в окошко, но в лежачем её скукоженном положении и видны-то были только убегающие рельсы да мелькание шпал между ними. «Ладно, спускаться надо. А то клаустрофобия разовьётся», — подумала Зоя и, согнувшись, свесила ноги, дотянувшись до края верхней полки напротив и осторожно спустилась вниз. Детский вагон, в который Зоя Сергеевна попала, купив билет за два дня до отъезда, ещё не совсем проснулся. Мамаши с деточками от двух до семи направлялись на курортное лечение. Почему-то осенью. Странно. Сам факт её пребывания в этом детском вагоне казался ей странным: Зоя Сергеевна, уже дважды свекровь, бабушкой ещё не стала и по-доброму завидовала своим подружкам, растворяющимся в своих внуках. И теперь, видя это чужое детство, Зоя ещё раз ощутила себя кукушкой. Детские крики и горшки не раздражали Зою, но она чувствовала себя здесь совсем чужой. Другое дело, если бы ехала она сейчас бабушкой с какой-нибудь Полинкой или Маргариткой, или (но внучку хотелось, конечно, больше!) Павликом, или

Васькой. «Господи, целый день так сидеть — с ума сойти можно», — Зоя Сергеевна знала, что, если чувствуешь, что плохо становится, делай что-то, меняй, не давай боли и горечи полностью захватить сознание.

Обычно на больших остановках Зоя выходила из вагона, с удовольствием рассматривала местную снедь, которую предлагали пассажирам улыбчивые торговцы. Смотреть — смотрела и даже приценивалась, но не покупала на перронах ничего. Один раз как-то польстилась на домашние пирожки с вишней — уж так пахли ароматно! Уже в вагоне откусила и... сломала коронку на зубе — вишня была с косточками! Такие вот специальные железнодорожные пирожки: поезд ту-ту — и никому уже, мягко говоря, не скажешь, что ты думаешь о таких кулинарных изысках.

Ну, вот и станция. Зоя прыгнула на перрон, пошла вдоль вагонов. «Спрошу, а вдруг? — она подошла к дежурившим у родных вагонов молоденьким проводникам в фирменных синих шинельках. — А у вас случайно нет свободных мест, я заплачу». Зоя показала свой билет, объясняя, что на верхней боковой в детском вагоне ей что-то не очень уж комфортно. Посмеялись, и Зоя тоже заулыбалась, понимая, что проводник в таких случаях — волшебник. Если захочет, то сделать может буквально всё. И сделали. Проводник-мальчик даже вещи (хотя какие там вещи — сумка одна дорожная!) помог перенести.

И вот оно — блаженство! Вот она — настоящая дорога на отдых: нижняя плацкартная полочка в середине вагона. Практически пустого вагона: сказали, что ночью его прицепили где-то в Липецке. О весёлом безумии детского мира Зоя Сергеевна забыла тотчас: заказала чаёк, достала припасённые в дорогу газеты. Ни о чём не думать, расслабиться и ждать! Скоро, скоро — только море и солнце, солнце и море...

Господи, ведь целый час продремала, сидя продремала, блаженно провалившись в сразу забытый, но какой-то сладкий сон... И полка напротив, и верхние, и боковушки — всё пусто. Ну, человек десять в вагоне вообще... И Зоя снова провалилась в сон, в котором плыла ночная Абхазия, сонные коровы бродили по городу, тёрлись гладкими боками о шершавые пальмы, звучали «Чёрные глаза» и ещё какие-то южные песни про калым и душу дьяволу... Какое же счастье, когда путь от пункта А до пункта Б — сладкий и совершенно беззаботный сон...

Сон окончился сразу после Ростова. И тишина в вагоне тоже. На каждой небольшой остановке вагон заселялся новыми пассажирами, становился похожим на обычный вагон южного направления. Вот и Зоины соседи объявились. Вошли шумной мужской толпой, и через десять минут Зоя уже знала, что это бывшие шахтёры, а теперь вахтовики, строители сочинской Олимпиады. Затолкали дорожные сумки под нижние сиденья, бельё растелили и отчалили в соседнее купе, в котором не было чужих — отмечать, отмечать дорогу, начало вахты, да бог знает, что отмечают русские мужики, вырвавшиеся от домашних очагов! «Слава богу, что не здесь», — думала Зоя, опять принимаясь за свои заспанные недочитанные газеты.

Приняв на душу дозу, вполне достаточную для её ликования, соседи пришли знакомиться с попугайцей. Совсем мальчик Миша, по Зоиным меркам мальчик, сразу улёгся на нижнюю полку напротив, сунул уши в плеер и занялся с телефоном: то ли в игрушки играл, то ли смс-ки отправлял. Его друзья постарше, ну, Зоя прикинула, под полтинник, может,

меньше даже, Степан и Алексей, присели на края сидений. «Вежливые, — отметила про себя Зоя, — Степан спросил разрешения, сел аккуратно так, не развалившись по-хозяйски». Зоя терпеть не могла самоуверенных и развязных, мнящих себя хозяевами каждой ситуации. «Ну, хоть с соседями повезло, — думала она, разглядывая попутчиков. — Женатые, потому как ухоженные. И без следов алкогольной зависимости — выпили вот, а носы не посинели». Зоя давно научилась читать по лицам чуть выпивших людей. Угадывала обычно всё, если не судьбу, то характер уж точно. Сколько раз приходилось ей перебивать неожиданно словоохотливых собеседников, которые до первой рюмки выражались простыми нераспространёнными фразами, а после второй накручивали такие периоды сложноподчинённых предложений, что Зоя Сергеевна обычно вежливо просила рассказать самый конец.

Зое явно нравились попутчики: она любила по старой журналистской привычке всегда что-то узнавать в таких ситуациях. Когда-то просто копила знания о жизни, чтобы в какой-нибудь передаче вернуть интересный факт. А потом просто для себя. Вот и сейчас Зоя Сергеевна периодически подбрасывала мужчинам вопросы про работу, про стройку, про их собственное отношение к такому делу государственной важности. «Да совсем обнаглели, — говорил Степан про ведомых всем небожителей, говорил с личным негодованием, — приедут зимой — на лыжах, блин, покататься, настреляют им облаков, чтобы снега не было, а он потом нас заваливает, работа стоит. Ни ума, ни совести!» Алексей тоже озвучил свою позицию: да, конечно, стройка эта кормит сейчас их, но вообще... Бывшие шахтёры, они рассуждали о политике очень здраво. «И без жлобства», — подумала Зоя.

В кармане опять заверещал телефон — только вибрация, звук отключила, как только села в вагон. «Что звонят-то сегодня весь день?» — Зоя удивилась, увидев в пропущенных и неотвеченных имена редко звонивших в общем-то... И тут по лбу себя ударила: балда! Сегодня же первые выходные октября, День же учителя! Эта первая профессия Зои Сергеевны осталась для неё счастьем: она успела уйти и из школы, и из института, не разочаровавшись в конце ни в детях, ни в самой системе... Поэтому звонкам столетней давности учеников и студентов радовалась, как ребёнок.

Раз двадцать сказав «спасибо», Зоя отложила мобильник и неожиданно встретила глазами со Степаном, который стоял перед ней, протягивая огромный оранжевый грейпфрут. «С праздником, я так понял, что вы учительница», — как-то очень мягко сказал этот здоровенный шахтёр. И Зоя про себя отметила странное какое-то выражение его лица. «От души. Уважаю педагогов», — сказал, вроде даже смутившись, и отошёл в соседнее уже вслух и шумно ликующее купе. «Надо же, какой внимательный», — Зое был приятен и сам жест этот, и главное, такое отношение к профессии, в которую кто только сейчас не плюёт. А вслух сказала в клетчатую спину уже уходящего мужчины: «Спасибо. Какой красивый!»

Зоя не любила цитрусовые. Не ела их вообще. Кислое терпеть не могла, но любоваться — да! Маленький румяный колобок, солнышко, источающее тонкий горьковатый аромат...

— У него жена учительницей была, — вытянув к окну, к Зое то есть, шею, шепнул Алексей. — Только не говорите, что я сказал: он не любит об этом...

— Почему была? — Зоя ощутила себя заговорщицей. — Да не волнуйтесь, зачем мне в ваши проблемы лезть...

— Она директором школы была, школа на всю область гремела, новые программы там какие-то вводили. Стёпка между сменами чего там только не делал — он вообще рукастый...

— А что у них случилось-то? — поторопилась спросить Зоя, чувствуя скорое возвращение Степана.

И действительно, красавец шахтёр, добавивший к своей первоначальной дозе ещё, наверное, такую же, вернулся уже с совсем другим выражением лица. «Ну, если сейчас плюхнется, а не сядет — жди весёлой ночи!» — Зоя уже почти подумала, почти допредставляла, как будет подвыпивший Стёпка (теперь она его про себя называла именно так) ругать всех женщин, жалиться на одиночество и т. д., и т. п. Всё это бесило Зою Сергеевну всего более — и никакого гуманизма к таким размазням она не проявляла никогда.

Степана ещё не развезло, но взгляд уже изменился — живее, веселее, что ли, стал. Робость, может, исчезла. Или уверенность появилась — что, впрочем, одно и то же.

— А вы какой предмет, простите, преподаёте? — Стёпе явно хотелось пообщаться.

— Что ж тут прощать? — Зоя Сергеевна вечно цеплялась к словам. — Литературу когда-то. Но это давно было.

— А звонят чего?

— Помнят, наверное, — Зоя смутилась, потому что выставила себя воображалой: вот я-де какая замечательная — помнят меня!

На самом деле много лет не звонили детки школьного выпуска, а в прошлом году двадцатилетие отмечали. Собрались — больше полкласса, Зоя из Москвы тогда приезжала. Вот телефонами все и обменялись. И, чего врать, приятно, что вспомнили сегодня.

— А я вот тёмный, конечно, человек, но читать люблю. У меня книг дома — ну очень много. Целый шкаф. Я вот эти электронные сейчас не понимаю совсем. Хотел сыну для внучки Брема подарить, а он не берёт — в Интернете, говорит, всё есть, — Степан говорил уже обиженно.

Зоя решила, что надо поддержать эту тему, ведь интересно же — читает вот... Нет, правда, хорошие ребята в попутчики попались, правда, хорошие:

— А что вы, Степан, читаете?

— Ой, я много, — Степан оживился, — я вот «Мастера и Маргариту» шесть раз перечитал.

— Ого! А почему так много? — Зоя удивилась совершенно искренне, потому что при всей любви к этому, теперь уже программному, а значит, менее привлекательному для молодёжи произведению, читала-то его, наверное, ну, раза четыре. Это с начала до конца. Но некоторые куски перечитывала постоянно, да и помнила их прилично. Но с начала до конца! Ведь когда она сама в школе работала, Булгакова и в помине в программе не было. Поэтому читали те редкие книжки, которые редкие советские туристы привозили из Польши и Болгарии. Да ещё перепечатанные листки. Сама-то она первый раз именно такой на машинке отбитый текст и читала.

— Да, непонятно много там, я и «Собачье сердце» читал, и эту, как её, «Белую гвардию».

Зое нравилось, что Степан говорил просто, но умно. Это же надо, шесть раз перечитал, чтобы смысл понять!

— Я вот никак понять не могу, как это «Собачье сердце», фильм этот, как его в советское время снять разрешили?

— Почему в советское? Он, точно не помню, но в перестройку уже снят был, — Зоя напрягала память, вспоминая, что было в тот год, когда она его увидела первый раз. Где же жила она тогда: в Ельце ещё или уже в Москве? — В перестройку, конечно, — Зоя так и не вспомнила год, даже приблизительно не вспомнила, но тут и спорить нечего — разве такую сатиру на революционные преобразования, на любого вида эксперименты над людьми до восьмьдесят пятого года могли напечатать? Зоя подумала, что можно, конечно, сейчас Интернет с мобильного, и всё станет на свои места.

Очень уж не верил Степан Зоиным словам. Да и слегка засыпающий уже Алексей неожиданно оживился. Его довод был безапелляционным:

— Да старый фильм, вы что? Он же чёрно-белый!

— Вот-вот, я поэтому и понять не могу. Он же вроде против революции...

Зое совсем не хотелось умничать, но истина дороже; и Зоя Сергеевна, подбирая слова (уж очень ей не хотелось обидеть этих неожиданных поклонников Булгакова!), объяснила, что это Бортко, режиссёр фильма то есть, он специально без цвета снимал, чтобы старым фильм казался, чтобы время, атмосферу его передать.

— Во, блин, а я-то думал, — Степан расплылся в улыбке, — а можно, ещё спрошу, если вы не против? — он вежливо обращался к Зое на «вы», но по имени не назвал ни разу, хотя она представилась ему сразу и сразу же стала звать попутчиков по именам. Зоя кивнула, кивнула совершенно уже дружески: «Сближает всё же настоящее искусство», — подумала она, но иронию во взгляде задушила. Хорошие ведь ребята, правда, хорошие!

— Я вот почему читал столько раз? Интересно, конечно, но понять хотелось, что главное-то там? Мысль какая?

«Вот так философ из Новошахтинска!» — подумала Зоя, сомневаясь, что в двух словах у неё получится сформулировать эту самую главную мысль великой книги Булгакова.

— Ну, там много мыслей, но, мне кажется, главная в том, что вот если выбирать между тем, что надо по закону делать, и тем, что сердце подсказывает, то надо сердцем выбирать. Законы ведь и у нас, знаете, какие несовершенные. Так и там: Пилат понимает, что Иешуа ни в чём не виновен, но по закону должен его отдать на казнь. Чтобы против закона пойти, неправильного закона, тут ведь смелость нужна, а он трусил. И отправил безвинного на казнь. И за трусость свою будет вечно расплачиваться, — Зоя понимала, что, освежи она текст, говорить бы могла как-то конкретнее. Но Степан понял: она по глазам видела, что понял. Значит, и правда шесть раз книгу читал. «Я тоже думаю, по совести жить надо, — сказал он, как-то изменившись в лице, — а законы наши — что законы? Я вон инвалидность после аварии сколько выколачивал... Хорошо, что нашлись люди, как вы говорите, которые по совести...»

Зое было трудно представить, что этот здоровенный детина — инвалид, но расспрашивать о прошлой боли казалось ей всегда бестактным, поэтому она уже хотела вернуться к Булгакову. Но Степан, видно, поймал-таки на лице её это удивление: «Да я нормальный, сейчас уже всё почти в норме. Травма глаза

сильная была. Это в шахте ещё». «Может, из-за этого и жена ушла», — подумала Зоя, вспомнив заговорщический шёпот Алексея и их прерванный разговор.

Степан неожиданно метнулся в соседнее купе, принёс три стопочки и початую бутылку водки.

— Давайте за праздник ваш, за знакомство такое, не обижайте... Мы ж понимаем, что женщина вы необыкновенная... — и Степан ринулся шарить в своей сумке на верхней полке. На столике появились малосольные огурцы, колбаса, хлеб...

«Ещё какая обыкновенная! — думала Зоя. — Обыкновенная кукушка: и на стол-то общий положить нечего», — Зоя в дороге обычно предпочитала голодать: сидела на чайке, чтобы хоть чем-то компенсировать вынужденное отсутствие движения, которое обычно в её возрасте оборачивалось лишними килограммами.

Степан вытащил ещё один грейпфрут, начал чистить его своими огромными руками:

— Его главное почистить правильно: кожицу вот эту тонкую снять. У меня жена так их чистила, так здорово умела это — у меня так вот не получится... — Степан протянул очищенную дольку Зое. — Очень полезно!

— Спасибо, Степан, запах чудесный, — Зоя понимала, что, несмотря на свою нелюбовь к цитрусовым, есть их ей сейчас придётся, иначе рухнет у Степана вера в человеческую отзывчивость. Зоя проглотила кусочек:

— Вкусно, и почистили вы, Степан, замечательно — хороший ученик своей жены! — сказала с умыслом: надо же до конца узнать, что там произошло. Может, что-то трагическое, а она просто семейную драму представила... Зоя различала чёткую грань между трагедией и драмой: не в искусстве даже, а в простой жизни. Только после смерти человека уже ничего изменить нельзя — это и есть трагедия! И она уже сама поняла, поняла, вот совсем чуть-чуть узнав этого Степана, что там трагедия, а не драма...

Зоя верила в интуицию, в чтение мыслей, в совпадение этих мыслей у случайно встретившихся людей. И она уже знала, почти знала всё, что должен был рассказать ей сейчас Степан. Правда, сказал он не так уж и много, но об этом много и не говорят:

— Умерла она пять лет назад. Рак. Она у меня тоже учительницей была, по истории, а потом аж директором её сделали. Это же нервотрёпка какая для женщины, а она из-за всего переживала, хотела, чтобы получали все побольше, в проект какой-то там включились. Это писанины, бумаг море! И в школе работа, и домой приходила — опять с этими бумажками. Да и по дому ещё надо! Потом жалобу на школу написали: ребёнок там у них был один, ну ненормальный, а родители — просто шизофреники какие-то. Он ни в одном классе учиться не мог, а родители только жалобы писали. Сколько комиссий на школу науськали! Но нормальные люди приезжали, разбирались, что к чему. Да всё равно крови у неё попили... — Степан вздохнул, отвёл глаза в сторону и застыл на несколько секунд.

Игорь укоризненно смотрел на Зою: дескать, зачем заговорили, зацепили больное. Зоя тоже отвела от собеседников глаза к окну, к редким огням, проносящимся мимо.

— Мы же так и не выпили за праздник! — Степан очнулся и посмотрел на всех даже как-то виновато: выплеснул боль, попробуй теперь к беспечному разговору вернуться...

— Вечная память, — Зоя подняла стопку, — её будут, кроме вас, Степан, помнить её ученики, детям своим о ней расскажут. И вы будете помнить...

— И сыновья ваши, Серёжка с Валерой, — вставил Игорь. — За учителей!

И вовремя вставил, иначе неизвестно, куда бы Зоя в своих размышлениях вслух добрела. И сразу вернулось прежнее ощущение покоя, только попутчики теперь казались уже почти родными людьми. Степан стал рассказывать про сыновей, говорил с гордостью, даже когда сетовал на недостатки какие-то, всё равно за этим такая любовь отцовская светилась:

— Я ему говорю, ну что ты в игрушки эти играешь на компьютере, взял бы книгу-то. У меня и приключенческой литературы, и фантастики, и писателей разных — жена раньше подписки оформляла, а теперь вон в магазинах — бери не хочу. Я вот Пикуля люблю! А вы, Зоя, Пикуля любите?

«Такому не слушаешь», — Зоя подумала, что, пожалуй, её знаний о творчестве Пикуля маловато, чтобы поддержать даже просто беседу:

— Я давно прочитала «С пером и шпагой», мне понравилось очень, но больше, наверное, и не читала ничего, — Зоя даже засомневалась, правильно ли она название книги-то сказала, но по реакции Стёпы поняла, что правильно, наверное.

Соседи пришли звать к столу отбившихся от общего застолья друзей. На вопрос, куда пропали, Степан без смущения ответил: «Здесь женщина такая интересная!» Сказал, просто ликуя, с восторгом каким-то сказал. И сразу вахтовики не только из соседнего купе (хотя в плацкарте какие там купе!), но и со всего вагона стянулись посмотреть на интересную женщину! Этого только Зое не хватало!

— Идите, ребята. Идите, вон сколько ходочков за вами... А я полежу пока, отдохну...

— Мы быстро, только не засыпайте совсем, — Степан и Игорь, виновато улыбнувшись Зое, отчалили к дружескому застолью, которое в общем-то уже было близко к апогею.

Зоя поубиралась на столе, то есть как-то поровнее разложила дольки грейпфрута и бутерброды, скинула мусор в пакет под столом и растянулась на своей полке. Мальчик Миша напротив спал в наушниках, чуть посвистывая полукрытым ртом. «Гимнастика!» — решила Зоя, понимая, что с возвращением соседей у неё уже не будет возможности размять свои кости. Зоя Сергеевна не то чтобы занималась йогой, но за свою долгую жизнь отобрала из разных систем какие-то упражнения, составив свой, Заячий, спортивный комплекс. И сейчас, уперев в нависшую над ней верхнюю полку ногу, Зоя читала про себя медленный гекзаметр Гомера. Дойдя до конца восьмой строки, поменяла ногу...

— Вот это да! — Стёпа стоял в проходе и с изумлением смотрел на выкрутасы Зоиных ног.

«Не судьба, — подумала Зоя Сергеевна, — гимнастики сегодня не будет». Она села у окошка, понимая, что Степан вернулся из-за неё, точнее, из-за разговоров с нею. «Хороший в сущности человек, горе своё переносит достойно».

— Зоя, а я вот хотел спросить: а вы замужем?

— Замужем, — как обычно, соврала Зоя.

— Понятно, а то я вот подумал...

— Степан, у меня в жизни всё хорошо, очень хорошо. Хотите, я нам с вами чаю принесу?

— Вы чаю хотите? Да я сам сейчас схожу, — Степан сорвался с места. Тут же из-за перегородки соседнего купе выглянуло весёлое лицо Игоря, а потом в проходе встали ещё двое уже явно нетрезвых мужчин.

— Вам Стёпа сейчас предложение будет делать, — Игорь хихикнул. — Вы нас извините, мы тут уже приняли солидно. Но без смеха, честно: он мужик хороший, у него дома всё есть, а глаз — это ерунда, может, инвалидность снимут даже. Да и с ней он зарабатывает нормально. Вдовец, дети взрослые, живут отдельно, обеспечены все. Соглашайтесь! — доброхоты стремительно исчезли, увидев приближающегося со стаканами Степана.

Зоя никогда не была барыней, сама всю жизнь крутилась возле своих домашних мужиков: подавала-уносила. Теперь, после уже давно отболевшего развода, после того, как дети, оперившись, вылетели из её дома, Зоя часто с тоской думала, что вот и поухаживать не за кем. И как ждала приезда своих сыночков и их жён, чтобы почувствовать себя нужной — в общем, женщиной себя почувствовать. И ей так искренне хотелось сходить сейчас для Степана за этим чаем... Но он опередил, значит, в сущности хотел того же...

Чай в дороге всегда бывает удивительно вкусным. Зоя любила очень сладкий и со сладостями этот сладкий пил. Степан открыл шоколадку, сел с краю напротив, не пил — руки грел о подстаканник.

— Я в своём доме живу, хороший дом, двухэтажный, машина есть, участок: сад, огород, помидоров по четыреста пятьдесят кустов высаживаю.

— Куда столько? — Зоя представила эту плантацию помидоров, залитую солнцем, и Степана с лейкой в руках.

— Так раньше и ели, и закрывали, и продавали оптом. Жена столько летом всего закрывала: погреб полон всегда был. Ну, я тоже вот немного делаю, но так не получается, конечно. Правда, компота триста баллонов закрыл.

— Почему баллонов?

— Ну, банки мы так называем, трёхлитровые. Внучка же у меня есть, обожаю её, вот и закрыл, чтобы своё, натуральное пила...

— А я вот совсем к земле не приучена, хоть и родилась в провинции, и огород с садом в детстве у меня были. Не умею, не люблю...

— Да просто не пробовали. Зоя, это же счастье какое: у нас и виноград, и арбузы растут... Ну, не умеете, и ладно. И не обязательно, я ведь сам всё делаю. И всё делать буду, — Степан смотрел на Зою, не мигая, но ничего прямо не говорил, как будто бы ей всё и так было ясно. А ей и вправду всё было ясно — ясно, о чём он говорит. «Наверное, и ему ясно, что я про замужество вру, а может, забыл уже слова мои, ведь принял на душу-то не стопочку, как я, а много-много больше». — Зоя молчала, не зная, что сказать этому человеку, так неожиданно распахнувшему перед ней свою душу.

— У вас, Зоя, глаза такие необыкновенные, красивые какие, изумрудные, зелёные...

«Это зелёное вино в тебе говорит, Стёпа, — подумала синеглазая Зоя, отвела взгляд и только сейчас заметила на окошке зелёные, нет, именно изумрудные шторы. — Отражается цвет, должно быть. Значит, не слишком пьян. Не похож на пьяного. Да ты ж, дура, его первый раз видишь! Похож — не похож! Да, может, он в каждую поездку на вахту и обратно невест себе выискивает, про дом двухэтажный им рассказывает! Господи! Какая ж ты циничная стала, Зойка! Что ж ты людям-то верить совсем перестала?» — все эти мысли мелькали в её голове, но вслух Зоя сказала:

— Стёпа, я же старая. Я же намного вас старше...

— Что ж вы говорите? Мне-то сорок девять. Будет. А вам...

— Пятьдесят шесть...

— Да что ж вы говорите? Что придумываете? Пятьдесят шесть! Разве в пятьдесят шесть так ноги задирают? — Степан метнул взгляд на потолок от верхней полки, куда ещё совсем недавно упирались Зоины ноги. — Паспорт покажите!

— Зачем это? — Зоя совсем не ожидала такого требования, потому что Степан сказал это именно с таким выражением, потребовал то есть.

«Вот ведь покажу сейчас, и вся эта романтическая история вмиг завершится прозаически: извините, скажет, за сорокалетнюю вас принял, доброго вам здоровья и долгих лет жизни, гражданочка», — Зоя в мыслях прогнозировала ситуацию, явно утрируя её.

— А вот не покажу! Я случайным знакомым паспорт не показываю, — полусутоливо произнесла она.

— Я так и знал! — радостно завопил Степан. — Соврали про возраст-то! Пятьдесят шесть! В пятьдесят шесть такими не бывают!

— Бывают, Стёпа, бывают, — Зоя говорила грустно и смотрела грустно, потому что сама загнала ситуацию в тупик — отеклась от возраста своего. — Я, Стёпа, спать ложиться буду. Вы отойдите на минутку, мне раздеться надо: духота в вагоне страшная.

Степан ушёл к друзьям, веселье которых, кажется, подходило к концу. Когда он вернулся, Зоя уже сладко проваливалась в мягкую пустоту сна.

— Зоя, вы не спите? — Степан сел рядом, но на краешек, не касаясь Зоиных ног, укрытых простынёй. — Я вот у вас что ещё спросить хотел...

Зоя включила сознание, что-то бормотала в ответ, но оно само выключалось, и она отлетала куда-то, где на огромной плантации зрели жгуче-красные помидоры, где рядами стояли газовые баллоны с надписью «компот», где Степан радостно улыбался ей из окна изумрудного «рено», а может, это была какая-то другая машина, но Зое почему-то казалось, что это «рено».

— Зоя, вы только правильно меня поймите, если у вас всё хорошо, то конечно, но я-то подумал сперва, что вы одинокая, не замужем то есть. Не знаю, почему так подумал. У меня дом хороший, в два этажа, весь обставленный, дети взрослые, хорошие, приезжают. Они сами говорят: женись, отец. Пять лет уже прошло. Они всё понимают. А по хозяйству и делать ничего не надо будет. Жене-то ведь тоже некогда было. Просто вот так понравились вы мне... Зоя, вы не спите?

— Нет, нет, я слушаю, — через сон шелестела Зоя, не понимая, о чём и кто её спрашивает.

— А вы правда замужем? Зоя, да?

— Да, да, — отвечала Зоя, летая над плантацией помидоров, улыбающемуся Степану, стоящему на балконе двухэтажного особняка.

— Жаль, я, честно, просто влюбился в вас: такая вы красивая, такая хорошая, умная такая! Зоя, а я вам понравился? Хоть немного? Или нет? Нет?

— Нет... — это было последнее слово Зои, потому что на все следующие вопросы Степана она уже отвечала только тихим сопением.

Наконец Степан встал, поправил простыню на ногах Зои; подтянувшись на руках, взлетел на верхнюю полку и долго лежал не засыпая. Он видел нежные пальцы своей Аннушки, чистящей для него, Стёпы,

грейпфрут, снимающий с долек самые тонкие перепоночки, вспоминал её изумрудные глаза, её тихий смех... Потом Степан уснул.

Зоя Сергеевна проснулась рано. Она помнила, что в Сочи поезд приходит около восьми. Интересно, сколько времени? Разбудить ребят, что ли? Но будить не пришлось. Может, от Зоиной мысли, а может, по какому-нибудь вибрирующему будильнику вахтовики начали оживать. Было видно, кто вчера изрядно перебрал, а кто выпил свою меру. Степан и Игорь неожиданно для Зои весьма бодро спрыгнули с верхних полок, отнесли бельё проводнику, выставили в проход сумки. Зоя села в угол: вставать и одеваться она решила уже после остановки. А может, и дальше дремать будет, хотя там уже граница рядом, не получится спать дальше.

Ребята всё делали молча; потом, уже совсем собравшись, сели на краю сидений друг против друга; в Зоину сторону они не смотрели. Поезд закрипел брехом, стал медленно тормозить.

— Ребята, спасибо вам за приятную компанию, за угощение, удачи вам во всём и счастья... — Зоя говорила эти дежурные слова, но её голос, её интонация — они всегда делали их живыми, искренними. Зоя не умела по-другому с людьми, которые ей нравились. А слова? Где ж их взять нестандартных — в восемь утра, после почти бессонной ночи? Главное ведь, что они были искренние.

И мужчины поняли это, покивали «и вам, и вам...». Игорь уже двинулся к выходу. Степан тоже поднял сумку, потом опустил:

— Зоя, а можно я у вас руку поцелую? — он ещё спрашивал, но, уже не дожидаясь ответа, нависал над Зоей. Степан взял её ладошку своими большими руками, коснулся губами — выпрямился:

— Спасибо.

Сказал и вышел. И всё это было так стремительно, что Зоя ничего не поняла. Но осталось ощущение, что ей только что этот мужчина объяснился в любви.

Она помнила, конечно, про обещанное вчера вахтовиками предложение Степана, про то, как, проваливаясь в сон, слышала его голос. Но что он ей говорил? И что она, засыпая, говорила ему? «Всё-всё забыла. Хорошие люди, хорошие воспоминания... Помнить только хорошее», — Зоя давала себе приказ, она всегда давала себе приказы, хотя сама не часто слушалась себя, редко исполняла их. «Не рассупониваться!» — приказывала Зоя Сергеевна Зое, Зайцу, а они, эти Зоя и Заяц, уже рассупонивались, размагничивались, расстраивались и раздваивались...

— Зоя! — в проходе опять стоял Степан. Смотрел на неё. Глаза огромные. Сейчас заметила, что большие и серые. В куртке уже стоял, без сумки. Близко стоял. С вопросом в глазах:

— Зоя?

— Степан, забыли что-то? — сказала, стараясь выглядеть равнодушной. А в голове уже стучало, уже кровь своевольно прилиwała к лицу. Сказала и сама испугалась своего равнодушного голоса. И видела, как гаснет свет в глазах Степана.

— Кажется, тапочки где-то оставил, — сказал быстро, так же быстро заглянул под сиденье. — В сумку, наверное, засунул.

Через секунду его уже не было. Потом поезд тронулся, вагон после Сочи опять стал полупустым. В углу купе, в самой серединке вагона, прижавшись к стене, плакал Заяц... Неочищенный грейпфрут мерно покачивался в центре стола, а на пластмассовой тарелке лежала уже подсохшая за ночь, бережно очищенная от перепонки одинокая его долька.

Алина Викторовна Салькова родилась 18 июня 1987 года в городе Туле. Училась в Тульском государственном педагогическом университете им. Л. Н. Толстого на факультете иностранных языков, но не окончила его. Высшее образование получила в Тульском филиале Московского государственного университета культуры и искусств по специальности режиссёр театрализованных представлений и праздников. Одновременно с учёбой работала журналистом в тульских печатных СМИ и на радио «Эхо Москвы в Туле». С детских лет писала сказки, рассказы, стихи. Посещала в родном городе литературный клуб «Пегас». Публиковалась во многих тульских литературных изданиях. С 2009 года живёт в Коломне.

Алина Викторовна — творческий человек, мать двоих детей. Увлекается совершенствованием знания французского языка, историей России и Франции. Любит классическую литературу.

Рассказ

А ПОТОМ БУДЕТ ПАРИЖ

Они сидели вдвоём. Это была одна из тех редких и долгожданных встреч, которыми они не могли насытиться. Ради которой бросали всё, и не было в тот момент счастливее и между тем несчастнее людей, чем эти двое в Париже.

— А потом будет Париж. Он будет весной, когда пахнет сакурой и немного корицей. Он будет летом, когда лёгкий прохладный ветерок разлетается по городу, разнося ароматы духов и сладкой выпечки. Он будет осенью, когда парки и сады засыпаны разноцветными пёстрыми листьями, которые так сладостно ласкают слух своим шелестом под ногами. И он будет зимой, когда запах горячего пряного глинтвейна, что продают прямо на улицах в разноцветных пластиковых стаканчиках, слышится по всему городу, когда хочется остановиться и купить горячих крэпсов с начинкой из шоколадно-ореховой пасты и съесть их на лавочке в самом центре Парижа.

— Как ты думаешь, Он подождёт нас?

— Конечно, ведь это наш Париж. Он только наш, и мы можем вернуться туда, когда захотим: через пять, десять и даже двадцать лет, и он останется нашим.

Её голова лежала у него на коленях, и он гладил рукой её длинные русые волосы. Лёгкий аромат духов пленительно щекотал ноздри, а губы жаждали поцелуя. Сколько ещё у них будет таких ночей — он не знал. Каждый раз их встреча могла оказаться последней.

— Мне пора, — она резко встала, нащупала ногой балетки под кушеткой,

взяла бежевый пиджак, лежащий рядом, и направилась в прихожую. Он никогда не провожал её и не закрывал за ней дверь.

— А потом будет Париж! — сказал он ей вслед.

— Потом будет Париж, — прошептала она в ответ.

Так они всегда прощались. Никогда «пока» или «до встречи».

Они познакомились в городе любви, на станции метро «Эколь Милитер», познакомились, чтобы каждый из них узнал о любви. Он, не одинокий русский тридцатилетний нейрохирург, и она, замужняя — за мужем за туристом, и от того ещё более одинокая русская журналистка. Их столько связывало и столько разделяло! Страсть, о существовании которой до встречи с ним она лишь могла догадываться или видеть в дешёвых американских фильмах, понимание, которое ей и не снилось, и любовь, о которой она читала в книгах... Всё это было между ними и не было в её браке. А он и не знал, что можно так любить, боготворить, уважать, хотеть и восхищаться женщиной. Он любил в ней всё: каждую клеточку, каждый изгиб, каждый недостаток. Он готов был на всё, чтобы она осталась. Лишь бы больше не уходила, не возвращалась туда, в свою привычную обыденную жизнь. Жизнь, где нет его, но куда ему так страстно желалось попасть. Нет, они были вместе всегда: в ежедневных звонках, в миллионах смс, в сети и изредка на несколько часов — в кровати.

Но этого было мало. У неё была своя жизнь, которая замирала в те минуты, часы и секунды, когда они были вместе, но куда она постоянно возвращалась. Её семья — её муж и дочь.

Она вошла в вагон метро и заняла свободное место. Через полчаса будет дома. И ещё две недели не увидит его! Дома всё спокойно: дочь на выходных у бабушки, муж через полтора часа вернётся с работы. У неё хороший муж, и от этого становилось ещё тяжелее. А там Он, в своей жизни, в своей семье и со своей любовью...

Они писали друг другу. Много и обо всём. Письма корабликами пу- скались в плавание по Всемирной паутине — Интернету — до конечной пристани — адресата. И от этого было легче — через письма доносить всю любовь, всю боль от разлуки друг с другом, всю страсть жажды при- коснуться, обнять, поцеловать. Они знали — этого мало, но в то же время это то, что они могли дать друг другу, будучи вдалеке. Писать письма...

Марк

Любви нет. Я это прочитал сегодня утром, а вечером убедился на соб- ственном опыте. Банальность, абсурд, страдания, слёзы. Что-то не вяжется, не клеится, не идёт. Проще всего бывает отказаться. Бросить всё и не думать о вечности. Я последний раз взглянул на фотографию Кати. От её зеленоглазого взгляда, детской улыбки с чуть приподнятыми кончиками пухлых губок стало ещё ужаснее. Она меня теряет и даже не догадывает- ся об этом. Сейчас Катя спит и не чувствует. Не слышит. Не видит. Не замечает, как тихо, медленно, чуть слышно уходит от неё моя любовь. Наша любовь... Знаешь, Анна, я не могу вспомнить, когда в последний раз брал её за руку. Боже, я не могу даже вспомнить, когда смотрел ей

в глаза и просто улыбался от того, что она рядом. Здесь, со мной, моя... Когда это было? Сколько мы вместе? Год, два, пять, вечность? Вот он, конец нашей вечности: я его узнал, здравствуй! Что же происходит, когда «вечность» заканчивается? Какой будет жизнь после того, как мой мозг удосужился отметить конец любви? Да и будет ли это называться жизнью?

Самое паршивое из всего этого — нельзя убить память. Можно, конечно, но не стандартными и не безболезненными путями. Я говорю о той памяти, которая включает в себя счастливые дни, недели, месяцы и даже годы, пережитые с любимым человеком.

Можно ли любить двух женщин? Можно. Можно ли при таком раскладе чувствовать себя счастливым? Можно, но, как показывает практика жизни, относительно недолго.

Рано или поздно замучает совесть. Наказание выльется в виде бессонницы или, наоборот, в образе ночных кошмаров. В форме полного отсутствия аппетита или же в приступах обжорства, в вечном страхе разоблачения и мании преследования и, что самое страшное и неминуемое — в виде исполнения супружеских обязанностей. О, ты меня понимаешь, как никто! Это самое страшное испытание из перечисленных выше. Когда находишься в состоянии эйфории, страстной влюблённости, нет ничего хуже, даже для самых типичных самцов, как заниматься сексом с женой, в данном контексте — с нелюбимой женщиной.

Меня всегда мучил вопрос: а как у женщин? Что в подобных ситуациях чувствуют они? Как им даётся подобный секс? Принудительное, так сказать, выполнение супружеских обязанностей.

Анна

Марк, я уже давно не люблю своего мужа. Я ему просто благодарна. За что? Например, за стабильную, обеспеченную жизнь в престижном пригороде Парижа, за ежегодные каникулы за границей, за милые подарки по поводу и без, за трепетное, нежное отношение ко мне и, конечно же, за дочь. Я уже давно перестала мучить себя угрызениями совести. Я научилась с ними жить, страдая, рыдая, но всё-таки жить. Как-то просыпаться по утрам с ним в одной постели, вставать, готовить ему завтрак, целовать в губы, провожая на работу, и так же машинально, привычно заниматься с ним по вечерам сексом. Моё тело уже давно перестало содрогаться от его прикосновений. Сначала, после того как я впервые изменила мужу с тобой, мой дорогой Марк... тогда меня тошнило от одной мысли лечь в супружескую постель. Сначала и вправду было невыносимо противно, а потом привыкла. Иногда мне становилось мерзко от самой себя. Как я могла вот так предать всё, что у нас с ним было, все шесть лет счастливого, как казалось тогда, союза. Но жизнь даёт нам свой расклад, как бы мы ни старались смухлевать. Я уже точно не помню, как получилось, что полюбила тебя. Что тогда изменилось в моей жизни, что поменялось в чувствах к мужу?.. А может, это просто рок, судьба? Может, наша встреча была предначертана свыше?..

Закончив писать, Анна посмотрела на свою левую руку. На безымянном пальце поблёскивало тоненькое обручальное кольцо. Она и сейчас

весьма ясно, глубоко, будто это было вчера, помнит тот день, когда они с мужем ходили его выбирать. Сколько волнения, надежд, ожиданий! Ей казалось, что это навсегда, что она ни за что не повторит судьбу своих родителей, ни за что не причинит разводом боль своему ребёнку. Она пытается держать данное самой себе обещание, но понимает, что с каждым днём это становится всё трудней.

Марк

Дорогая Анна! Итак, что мы имеем? Я, тридцатилетний мужчина, вот уже четыре года состою в официальном браке с милой, хорошей Катей. Она успешная, красивая тридцатилетняя женщина, мечта многих мужчин. Сколько мы вместе? Около десяти лет. Познакомились, ещё будучи студентами МГУ в теперь такой далёкой от тебя России, и, собственно, с тех самых пор и не расставались. Наш брак я называл «доказательством земного рая» — так я считал. Мы были счастливы. Мы любили, хотели, понимали, развивали, учили друг друга. Каждый день, просыпаясь рядом с ней, я действительно чувствовал себя по-идиотски счастливым. Куда же всё это исчезло? Сколько раз я задавался этим вопросом, но так и не нашёл ответа. Когда я понял, что больше её не люблю? Я чётко, до безумия педантично помню тот момент. Хочешь — верь, хочешь — нет, но я чётко ощутил ту минуту, когда «любовь ушла». В тот вечер Джек и Виолетта, наши давние друзья, пригласили на ужин. Джек включил музыку и начал показывать мне на компьютере свои новые дизайн-проекты, а Катя и Виолетта сидели рядом на диване. Банально, но в тот момент заиграла песня «Everybody hurts» группы «R.E.M.», я посмотрел на жену — и всё! «Всё» — означало, что любовь прошла. Тогда я понял, что любовь есть: если она может пропасть, значит, она существует. Она уходит, оставляя за собой следы. Всегда. По шраму на каждый счастливо прожитый вместе день. Иногда мы сами берем былые раны, иногда это происходит не по нашей вине, но почти всегда в таких случаях мы чувствуем одно — сожаление, а в некоторых случаях даже боль утраты. Мы слышим знакомые песни и вспоминаем то, что не хотели бы вспоминать; мы проходим мимо тех мест, где когда-то проводили бесчётное количество счастливых часов с теми, кого любили.

Всё чаще я прихожу к мысли, что лучше было бы, если бы человек мог любить только раз. Один раз в жизни. Получилось — хорошо, не получилось — не парься и просто живи. Ешь, пей, развлекайся, занимайся сексом и не напрягайся насчёт этой любви. Не суждено — ну и чёрт с ней! Так было бы гораздо проще, практичней и вообще — просто замечательно... Но ведь нет! Мы любим, бросаем (или нас бросают), разочаровываемся (или разочаровываем), расстаёмся и в любом случае страдаем. Впадаем в депрессию, ударяемся в беспорядочные связи или просто замыкаемся в себе, становясь похожими на отшельников с немой головой и неглаженными рубашками. И, наконец, пройдя через все адские круги расставания, выбираемся из этого омуты с непоколебимым убеждением, что меня это дерьмо больше не коснётся. Ну и для чего всё это? Чтобы затем погрязнуть в новом «болоте» под названием очередная любовь! «Нет уж», — сказал

я себе — и снова влюбился. В тебя! Проще сказать, вляпался, но на этот раз с ещё большим количеством проблем, лжи, предательства, в общем, с полным списком гадостей, что следуют за супружеской изменой. Милый мой Марк, гореть тебе синим пламенем в аду, подпрыгивая на раскалённой сковородке дьявола. Как тебе такая перспектива?

Анна

Сегодня особенно холодно, мой дорогой Марк. На улице, дома, в голове, в сердце. Отчего этот холод внутри, где-то рядом, а может, и в самом сердце?.. Вроде бы всё ровно, тихо, спокойно, временами даже чудится, что всё хорошо. Но что за странное, двойное чувство к человеку, что рядом... Оно играет, не даёт определиться, словно повреждённый компьютерный файл — выдаёт ошибку. В одно мгновение кажется, что любишь, боготворишь, не можешь без него дышать, но тут же с молниеносной скоростью всё меняется. Любовь переходит в отвращение, обиду, боль, а затем даже в ненависть. Что это? Ты знаешь? Закономерное перевоплощение? Так и должно быть? Так будет всегда? Кто это придумал, кто выдумал любовь? Бог — в наказание нам. Любовь не может быть счастливой. Хотя нет, может, первые месяцы, а потом она превращается в пытку, в ломку, в вечный страх.

Я живу в вечном сомнении, в постоянной борьбе сама с собой. Мне сложно вздохнуть, а выдох становится практически невозможен. Я физически ощущаю душевную боль. Каждой клеточкой своего тела её чувствую. Наверное, просто есть люди, которым не суждено быть счастливыми, и всё чаще мне кажется, что я представитель этого клана. Кто виноват? Возможно, я сама, а может, это предначертано свыше. Мне проще верить во второе.

Марк

Анна, знаешь, сейчас я не живу. Не пугайся, я не мёртв, но и живым при данных обстоятельствах не осмелюсь себя назвать. Нет, я всё ещё дышу, но делаю это машинально, неосознанно, не чувствуя запахов, не различая их. Я смеюсь не потому, что мне смешно, а затем, чтобы не забыть, как это делается. Собственно, по той же причине я, наверное, ем, сплю, трахаюсь и делаю ещё кучу всяких вроде бы нужных, а иногда даже полезных вещей: например, бегаю по утрам. Ты можешь меня возненавидеть, и, признаться честно, мне станет от этого намного легче. Моя любовь сводит меня с ума, из-за неё я стал глупцом. Анна, ты превратила меня в дурака, и за это я люблю тебя ещё сильнее, моя маленькая, дорогая Анна.

Тебе, в отличие от меня, повезло. Тебе есть кем жить. Твоя маленькая прекрасная дочь... Твоя Лорен... Боже, как я тебе завидую! У меня, кажется, даже нет постоянного дома. Командировки измотали меня. Я стал их ненавидеть. Квартирка в Германии, которую моя тёща называет нашим домом, уже давно таковым для меня не является. Ты просыпаешься по утрам и живёшь ради дочки. Подари мне такое же счастье. Уходи от мужа, забирай дочь и давай жить вместе. Дай мне возможность так же

радоваться её успехам, переживать её печали... подари мне счастье растить Твою дочь! Подари мне чувство дома!

Анна

Ты, Марк, когда-нибудь пытался разлюбить? Не отвечай: я знаю, что пытался, пытаешься и будешь пытаться. И даже знаю, кого. Правда, это отвратительное занятие? Однако иногда бывает весьма полезным.

Я ненавижу себя за свои амбиции, за свой цинизм, за свой ужасный, тяжёлый и, наверное, даже мерзкий характер. За что ты меня любишь? За что можно любить такого человека? Я отвратительна даже самой себе. Не говори ничего: я всё знаю, я читаю твои мысли, я живу твоими чувствами, я отдаю тебе своё сердце, разум и тело.

За всё это я презираю себя. Уйди из моей головы, выбросись из моего сердца, пропади из моей жизни. Сделай же что-нибудь, перестань меня мучить... Нет, останься! Будь всегда рядом, не оставляй ни на минуту, звони, пиши, целуй...

Когда я упустила этот момент? Когда потеряла возможность вернуть ту нужную, законную любовь к мужу? Я не смогла: оказалась настолько слаба, что не смогла защитить свою семью от вторжения. Твоего вторжения. Как получилось, что одна любовь вытеснила другую? Мы сначала клянёмся в вечной любви одному человеку, а через какое-то время так же страстно, беззаветно обещаем любовь до гроба другому. Разве это справедливо?! Как неправильно устроен человек! За какие такие оплошности Бог наказал нас, одарив правом причинять боль нам подобным? Чем-то мы не понравились ему с первой минуты. Адам и Ева явно накосячили ещё до истории с яблоком... Когда умирала моя бабушка, она сказала, что прожила жизнь счастливо и при повторном шансе прожить жизнь заново ничего не стала бы менять. Что касается меня, то я изменила бы на своём жизненном пути многое. А если быть предельно откровенной, то практически ВСЁ. Следуя бабушкиной логике — я несчастна.

72

Марк

Моя хорошая Анна! Утром шёл дождь. Я долго смотрел, как крупные капли воды падали в реку. Я промок, несмотря на плащ и капюшон. Сколько ещё будут идти дожди?.. Для меня осень — самое мерзкое время года. Мой врождённый пессимизм обостряется особенно остро. Если выразиться более лаконично, то и без того поганое настроение и общий хреновый настрой к жизни осенью умножаются надвое, что, как следствие, приводит к мыслям о суициде. Нет, ты же знаешь, я не псих, но иногда, правда, очень хочется им стать. Так жить проще. Ты псих — тебе на всё скидка, жизнь — прекрасна. А я, к сожалению, нормальный, да ещё и врач. В принципе, логичное, но не совсем удобное для меня заключение. А что ты думаешь об осени? Ты ведь стараешься видеть во всём прекрасное. И иногда у тебя это даже получается. Ты, конечно, права, это я перестал пытаться. А ты не сдавайся, не следуй моему при-

меру: улыбайся, смейся, живи! Так ведь лучше. Знаю, что не проще, но ведь правильнее, веселее даже.

Вчера вечером Катя спросила: верю ли я, что любовь живёт три года? Как ты думаешь, что я должен был ответить? Сказать правду? Прости, дорогая, но я тебя давно уже не люблю. Подсчитай, пожалуйста, сколько там прошло с начала наших отношений? Нет, не три года, а пять. Вот видишь, любовь моя жила пять лет, что больше трёх — следовательно, не верю. Только трагедия вся в том, что я больше не люблю тебя. НЕ ЛЮБЛЮ. И мне всё равно, сколько там должна — не должна жить любовь: мне важен факт, а факт — больше НЕ ЛЮБЛЮ.

Анна

Марк, мне одиноко. Я сижу одна, в пустой комнате, на улице осень и холодно. Ветер гоняет опавшую листву, муж с друзьями пьёт на кухне коньяк, а я сижу одна, в пустой комнате, с уже опустевшим бокалом белого вина и недоеденным шоколадом. Слушаю «R.E.M.», и мне одиноко. Здравствуйте, меня зовут Анна Савье, и мне ужасно одиноко. Нужно создать общество «анонимных одиночек»: уверена, по численности мы побьём все рекорды.

Я честно пытаюсь любоваться осенью, но у меня не получается. В ней правда много прекрасного (уверяю я себя): природа балует нас пестротой красок, бабьим летом, свежим, не душным воздухом. Всё равно: категорически ненавижу это время года. Помогите мне избавиться от этой скуки, от невыносимого чувства безысходности и отчаянья.

Я часто представляю себе, как мы могли бы проводить это время вместе. Чем бы мы занимались? Любовью — бесспорно! Ещё бы мы гуляли по парку, собирая букеты из кленовых листьев, или катались на лошадях. В какой-нибудь осенний день ты наверняка пригласил бы меня в Нью-Йорк: мы ведь определённо решили, что там лучше всего переживать осень. Затем, я думаю, мы частенько ходили бы в кафе, чтобы выпить по бокалу нашего любимого глинтвейна и съесть тирамису. Ты, конечно же, готовясь к зиме, купил бы мне пару тёплых варежек и шерстяных носков. И мы бы танцевали. Много, вечером, дома — зажгли бы камин и танцевали босиком на деревянном полу. Ты и Я.

Марк

Анна, ты заметила, как прошёл месяц? Я нет. Как же быстро бежит, летит, несётся, и всё мимо нас, время — жизнь! Я не успел оглянуться, как мне исполнилось 20, затем 25, 30 и вот уже 31. Анна, мне пошёл четвёртый десяток! Что у меня есть: жена, которую больше не люблю, работа, которая успела стать ненавистной, деньги, которые не хочется тратить — это перестало приносить мне удовольствие. Есть любимая женщина, которая замужем за другим мужчиной, живёт в другой стране и приходит ко мне изредка (чаще всего во сне). Я не видел тебя уже очень давно. Наша разлука затянулась. Я звоню, слышу твой голос, представляю, как

ты держишь трубку, когда говоришь со мной, как твои волосы спадают мягкими локонами на лицо. Моё любимое лицо. Я живу воспоминаниями о твоём теле, твоём голосе, твоём запахе и воспоминаниями о твоей любви и нашем Париже. Когда же будет наш Париж, Анна, когда? Я несчастен, моя маленькая девочка. Сегодня мой день рождения, и я хочу умереть. Ты отпустишь меня? Чем ты сегодня занята? Нет, не говори мне — я правда не хочу этого знать. Ты заполнила меня всего, не оставив места даже для воздуха. Я ненавижу тебя за это и люблю одновременно.

Анна

Ты замечал, что у любви есть вкус? У всякой любви свой вкус: она бывает сладкой до тошноты или с лёгкой горчинкой. Любовь может быть с чуть заметным привкусом горести и печали, немного кислой или же приторно сладкой, уловимо пряной, а порой даже обжигающе острой, но никогда — безвкусной. А каков вкус нашей любви? Он непременно с оттенком гвоздики, чуть кислый, но в меру насыщенный. Ещё он солоноватый — от слёз и немного сладкий — от ожидания будущей встречи. Как бы то ни было, этот вкус мне никогда не надоест: он может месяцами, годами, десятилетиями присутствовать на моих губах. Насыщать меня и никогда не насытит, он никогда мне не надоест. А знаешь, почему? Потому что это вкус НАШЕЙ любви! НАШЕЙ!!!!

Марк

Анна, мы страдаем. Нам так нравится ранить тех, кто рядом, кто близок, кто не безразличен. Зачастую мы ведём себя, как безжалостные маньяки: знаем, что причиняем боль (пусть не физическую, но от этого ещё более невыносимую), и, не останавливаясь на достигнутом, прём дальше. Знаешь, когда она тихонько плачет, думая, что я не замечу — хочется испариться, пропасть, провалиться, а лучше просто уничтожить себя. Я заставляю её страдать. Она ведь чувствует, но не понимает, не знает, что происходит, а я знаю. Знаю и молчу.

Анна

Я ненавижу этот город за то, что он разделяет нас. И в то же время обожаю его за то, что он нас сближает. Каждый день проклиная небеса за то, что полюбила тебя, и в то же время ежедневно благодарю Бога за то, что ты есть, что я узнала о сумасшедшей, страстной, безумной любви. Узнала не из книг, фильмов и глянцевого журналов, а из жизни, серой и весьма обыденной до этого момента. До тебя я не жила. Я существовала. А была ли жизнь без тебя? Вернее сказать — можно ли тому промежутку времени дать имя «жизнь»?

Вчера дочь впервые поговорила со мной по душам. Такое странное чувство! Маленький человечек делится своими «жизнскими проблемами»

ми». Она говорила так искренне, серьёзно. У Молли, её любимой куклы, вчера опять разболелся живот, а Фрэнк, плюшевый мишка, весь день не слушался, и ей пришлось его наказать. Марк, знаешь, о чём я думала? А ведь она могла быть похожа на тебя! У неё могли бы быть твои глаза и твоя улыбка. Могли быть такие же озорные русые кудряшки. У нас могли быть дети, мы могли бы разделить это счастье на двоих. Как я хочу, чтобы у нас были дети!!!!!!!!!!

Марк

Моя Анна! Как мило и наивно звучит слово «МОЯ» в нашей ситуации! Порой мы слишком многое просим от жизни, и именно это мешает нам получить желаемое. Именно это мешает нам быть достойными счастья. Большинство людей изначально лишены возможности получить то, без чего мы не можем жить, а многие просто не хотят получать, и лишь единицы достойны. Только ничтожному проценту человеческого рода дозволено испытать чувство, с которым не может бороться даже смерть, ибо ей не подвластна власть над нашими душами. Я говорю о любви. О той любви, за которую можно отдать жизнь, ради которой стоит дышать, для которой хочется воспарить и умереть одновременно. Знаешь, видимо, в той или этой жизни я всё-таки сделал что-то очень хорошее. Чтобы быть в числе избранных!

Анна

Да, моё обращение в твой адрес звучит так же нелепо. Я знаю, что всё не так.

Моя дочь так привязана к своему отцу, что даже мысль лишить её возможности их ежедневного общения причиняет мне дикий ужас. Я могу стать источником её страданий. Из-за меня она может почувствовать себя преданной, несчастной. Я боюсь этого, мой милый Марк.

Всё равно ты мой. Пускай так, на расстоянии, по телефону, в сети, во время редких, очень редких встреч.

Она — мой тормоз: она тормозит всё плохое, что есть во мне. Она мой Ангел, заставляет меня быть, становиться, чувствовать себя лучше. Без неё я бы не смогла жить. Я была бы другой, дорогой Марк, и не знаю, смог бы ты меня полюбить такой. Вряд ли....

Когда-то всё было по-другому. Давно-давно, я уже и не помню, когда это было, — я спала спокойно. Сейчас даже кажется, что мне сны не снились: настолько безмятежной и спокойной была моя жизнь. Знаешь, а я даже не боялась её потерять. Дорожила ли тем, что имела? Безусловно! Боялась ли это потерять? Видимо, нет. Кто-то из великих сказал, что, если не любишь сильно, значит, любишь недостаточно. А ведь верно, неоспоримо верно.

Сейчас ночь, через несколько часов будет рассвет, но что принесёт мне этот новый день?! Ради чего открывать глаза, продолжать дышать и делать вид, что я существую, хотя на самом деле я мертва, я умерла в тот день, когда полюбила тебя. Я мертвец среди живых, и это моё проклятье!

Жить ради дочери? Какая я мать, раз не сумела подарить ей счастливую семью, где любят и любимы! Не могу смотреть на её отца — это рвёт мне душу и в клочья раздирает сердце. Что делать, как быть? Эти вопросы я задавала тебе тысячи раз, но никогда не получала ответов. Вот и сейчас кричу в пустоту, зная, что меня никто не услышит. Меня прокляли, прокляли любовью! Поверь мне: это самое ужасное и мучительное проклятье на Земле. Именно за это тебя ненавижу — ненавижу за то, что люблю!

Марк

Расскажи мне, Анна. Поведай, что такое быть тобой! Как это быть той, кого люблю без остатка, кому отдам всего себя, быть той, кем дышу. Ты мой кислород, ты моя память, мой рассудок, моё время. Ты — моя жизнь. Никто не вправе отнять тебя у меня. Даже тебе это неподвластно. Ты не вырвешь себя из моего сердца, не заберёшь мои думы, мечты, мою страсть. Тебе, той, которой подвластен весь Я, той, которая может меня уничтожить, даже тебе не забрать у меня мою любовь. Она не принадлежит мне самому. Она там, высоко, где-то с высшими силами, которые будут беречь и хранить её для нас, пусть даже и не для жизни в этом мире. Она к тебе вернётся, вот увидишь. Вернётся солнцем в дождь и прохладой в зной, вернётся, когда тебе будет плохо или радостно, вернётся, когда ты и не будешь помнить обо мне. Она всегда с тобой, всегда и навсегда. Прими это, моя дорогая Анна! Прими и улыбнись, потому что — этому быть! Знаешь, моя милая Анна, я постоянно думаю о том, что было бы, если бы у нас родился ребёнок. Ты, вероятно, решишь, что слишком много если бы. Возможно, ты права, но я всё равно расскажу тебе, как это было бы прекрасно. В самом конце нашей грустной истории мы могли быть втроём. Он был бы между нами, был бы частью нас. Он остался бы навсегда, между мной и тобой. Он сам стал бы нашей любовью. Любовью, которая продолжится в этой вечности. Это — история на века. Жизнь после «неправильной» любви.

Между мной и тобой, дорогая Анна, я бы сделал всё то же самое, даже если бы можно было вернуть всё назад. Я бы вновь всё сделал так же, ни о чём не сожалея на своём пути.

Ведь он, ребёнок, останется навсегда. Между мной и тобой. Он останется навсегда. Он и вся эта любовь.

Анна на секунду закрыла глаза, пытаясь представить картину, которую нарисовал Марк. Стало больно. Больно от того, как ясно, чётко, практически наяву смогла всё это увидеть. Представить себе их жизнь. Не через расстояние, а реальную человеческую жизнь двух любящих друг друга людей. От бессилия и невозможности принять правильное решение, найти столь необходимый для неё выход она просто захлопнула крышку ноутбука.

А потом остро, словно её укололи в сердце, поняла: маленькая трагедия «их Парижа» заключается в том, что Анна прекрасно знала, что её не отпустят обязательства...

Их Парижа больше не было и, как осознала Анна, уже никогда не будет.

РАССКАЗЫ О ЖИВОТНЫХ

Кузька

Кузькина жизнь сразу начала складываться как-то не очень удачно. В подвале старого кирпичного дома кошка принесла четырёх разноцветных котят. Беленькая кошечка была очень похожа на мать, одному из котиков досталась чёрная шкурка, второму — рыжая, а Кузька получился серым с полосками.

Когда котята немного подросли, кошка привела их в подъезд. Подъезд был не сказать чтобы грязный, скорее неухоженный. В нём витал стойкий кошачий запах, перебивавший застарелый дух дешёвого курева. На каждом подоконнике стояла консервная банка с окурками, а на каждой лестничной площадке — пластиковая одноразовая тарелка и обрывки газет, на которых сердобольные старушки оставляли кошкам еду.

И банки, и тарелки с газетами периодически выбрасывала сердитая тётка в чёрном халате и войлочных сапогах «прощай, молодость», убиравшая подъезд и собиравшая стеклянные бутылки, оставшиеся после любителей пива. Правда, бутылки доставались ей не всегда. Иногда какая-нибудь пронырливая старушонка успевала их собрать раньше. В такие дни тётка была особенно сердита и на чём свет ругала жильцов, курильщиков и кошек. Последние, попав под горячую руку, получали хороший пинок или удар мокрой тряпкой по усатой физиономии. Поэтому с самого раннего детства Кузьке приходилось быть начеку.

Тем не менее два раза он вылетал с балкона четвёртого этажа, когда из-за своей природной любознательности за-

Галина Валентиновна Самусенко родилась в Коломне. Окончила Московский институт инженеров железнодорожного транспорта. Работала на Коломенском тепловозостроительном заводе. Сейчас трудится в автоколонне № 1417.

Со студенческих лет пишет стихи. В 2011 году в Коломне вышла первая поэтическая книжка — «Живые картинки», в 2013 году — сборник стихов и рассказов «На скамейке у старой стены».

Предлагаемые читателю рассказы повествуют о трогательной дружбе девочки и старого пса («Мальчик») и привязанности двух животных, скучающих, как люди, один без другого («Мусёк и Тимоха»). Вместе с автором мы жалеем поранившую крыло галку («Тёзка») и погибшего от недоброй руки молодого кота Кузьку.

Галина Самусенко открывает в своих коротких рассказах мир братьев наших меньших. Её проза учит добру и справедливости.

Рассказы

бредал в квартиру алкоголиков, всегда державших дверь открытою. Оба раза Кузьке везло, он приземлялся на мягкую вскопанную землю — жильцы первого этажа разводили под окнами цветы. Но носом прикладывался очень чувствительно, потому что его большая тяжёлая голова значительно перевешивала маленькое, тщедушное тельце. Особенно донимали Кузьку дети: они не давали котятм покоя, тормошили их, но почти всегда забывали покормить. Кузьку постоянно мучило чувство голода и боль от укусов блох, толпами бродивших по его мягкой шкурке.

Но однажды всё изменилось. Кузьку подманили кусочком колбасы, посадили в коробку, высланную мягкой тряпочкой, и куда-то понесли. В коробке было тепло, мягко, плавно покачивало, и Кузька уснул. Когда проснулся, коробка стояла на крашеном деревянном полу. Кузька выбрался и отправился изучать местность. Вскоре он обнаружил миску с молоком и тарелку с мелко накрошенной колбасой. Подкрепившись, Кузька завалился спать на чей-то мягкий и тёплый домашний тапочек. Так у Кузьки появился дом.

Хозяйка Кузьку обожала: спал он в кресле на чистой простынке, с ним разговаривали, его ласкали, сытно кормили, вычёсывали шёрстку. После водных процедур с душистым шампунем блохи пропали, и Кузька больше не вспоминал о них. Он подрос, потолстел и превратился в весёлого смышлёного молодого кота. Очень быстро освоился и в доме, и во дворе, и в саду. Характер у него был миролюбивый — он играл с соседскими котами, устраивая беготню по всему огороду, но иногда горбил спину и шипел или мяукал противным голосом, прогоняя со своей территории забредшего на неё чужого кота.

Освоив ближайшую территорию, Кузька стал уходить всё дальше от дома: он бродил по окрестным улицам, забирался в дальние огороды и даже пересекал оживлённое шоссе, по которому с рёвом носились автомобили. И однажды случилась беда — Кузька попал под машину. Ему и на этот раз повезло: его не размазало по асфальту, а только отшвырнуло в сторону, но он очень сильно ударился спиной о камень. Домой он приполз на передних лапах, задние волочились за ним по земле. С трудом добравшись до крыльца, Кузька стал жалобным мяуканьем звать хозяйку. Увидев его, та пришла в ужас. Немедленно был призван знакомый ветеринар, который, осмотрев Кузьку, заявил, что переломов нет, но ушиб очень сильный, и коту необходим покой и уход.

Первые несколько дней Кузька почти не двигался, только лежал или на мягком кресле в доме, или на матрасике во дворе, куда его на руках выносила хозяйка. Он ничего не ел, только пил воду и очень исхудал. Потом Кузька стал подтягивать задние лапки, попытался вставать на них и, наконец, пошёл — сначала нетвёрдо, а затем всё уверенней и уверенней. Недаром говорят, что кошки живучи.

Вскоре Кузька совсем оправился и снова стал носиться с друзьями по саду и огороду. К шоссе он больше не ходил.

Жизнь шла своим чередом. Откружилось яркими бабочками лето, отплакалась дождями осень, в ослепительном, сверкающем уборе пришла зима. Кузька полюбил сидеть на тёплом подоконнике и смотреть на улицу. Но и на дворе ему тоже нравилось: можно было носиться с соседскими котами по расчищенным дорожкам или сидеть на заборе, свысока одним глазком поглядывая на прохожих. С приходом весны Кузька стал забираться на окно с наружной стороны, разваливался на нагретом металлическом откосе и нежился на тёплом весеннем солнышке.

Живя в окружении любящих его людей, Кузька потерял бдительность, мог приласкаться к незнакомому человеку, стал доверять людям и не ждал с их стороны подвоха. А зря.

Напротив дома Кузькиной хозяйки через улицу стоял такой же одноэтажный дом за высоким сплошным забором. Жили в нём трое: морщинистая старуха, её сорокапятилетняя дочь и недавно приобретённый муж дочери — лысый детина, зимой и летом щеголявший по двору в валенках, почему-то предпочитавший их всем другим видам обуви. Были они нелюдимыми, гости у них почти не бывали, соседи их недолюбливали. Изредка приезжал сын старухи с женой и тремя детьми. Чужие за калитку допускались очень редко, в дом — никогда. Дочка с мужем периодически принимались вести здоровый образ жизни: натягивали на лица капюшоны и бегали рыхлой трусцой вокруг улицы или садились на велосипеды. Но чаще всего разбегались на машинах. Была у них ещё одна забава — пневматическая винтовка. В своём огороде за домом они постреливали по мишеням, нарисованным и живым. Не одна ворона лишилась жизни, пролетая над их двором.

Но Кузька об этом не знал и как-то, гуляя по окрестностям, забрёл в их огород. Земля была свежескопанной, рассыпчатой, и Кузька присел, чтобы сделать свои нехитрые кошачьи дела. Вдруг его буквально подбросило над землёй, а внутренности обожгла дикая, раздирающая боль. Кузька взвился свечкой и, не помня себя, бросился к спасительному родному дому. Он не добежал совсем немного, упал под яблонькой-дикушкой, что росла перед окнами.

Стоял второй и последний в Кузькиной жизни май.

С горя хозяйка вызвала милицию. Милиционеры приехали, помялись, но заявление приняли. Был опрошен сосед. Сгоряча он признался, что стрелял, у него изъяли винтовку.

Кузьку похоронили в саду среди цветов, там, где он любил играть.

Прошло немного времени, соседи опомнились и попытались решить дело миром. Хозяйка не захотела с ними разговаривать. Тогда в ход были пущены связи и деньги, дело замяли.

Соседям вернули винтовку, и они снова постреливают в своём огороде.

По каким мишеням? Не скажу, не знаю.

Мальчик

Пёс был белым с рыжими подпалинами, весёлыми карими глазами и большим чёрным, всегда влажным носом. Когда-то он был охотничьей собакой, даже породистой, но теперь об этом никто не помнил. Хозяин его постарел и уже не ходил на охоту, да и сам пёс был достаточно пожившим, хотя и звали его Мальчик. Он сидел на цепи у будки, стоящей в дальнем конце сада, и развлекался тем, что облаивал проезжающие мимо дома по дороге машины, проходящих людей и пробегающих бродячих собак. Но чаще всего он стоял возле забора, положив передние лапы на перекладину, и молча смотрел на дорогу. Что он там высматривал? Кто ж знает!

Девчонку он любил. Девчонка была смешной, голенастой, озорной, с вечно разбитыми коленками и заштопанным подолом платья. Она постоянно висела на заборах и деревьях — платье, как назло, цеплялось за все выступающие доски и сучья.

Девчонка пса обожала. Приезжая к деду, она первым делом бежала к Мальчику здороваться. Пёс скакал вокруг неё, клал лапы ей на плечи и норовил лизнуть в нос. Девчонка увёртывалась и хохотала. Им не было скучно вдвоём. Она поверяла ему свои девчачьи секреты, он внимательно слушал, склонив голову набок и смешно задрал ухо. Иногда они гуляли. Тогда девчонка снимала с Мальчика тяжёлую цепь, надевала старый брезентовый ошейник, привязывала верёвку вместо поводка, и они шли по посёлку. Правда, гулять с Мальчиком было сущим наказанием. Пёс заглядывал под каждый куст, тянул в разные стороны, и, чтобы удержать его, девчонке приходилось напрягать все свои силёнки. Часто пёс срывался и удирал. Обидевшись, девчонка приходила домой одна. Но Мальчик, набегавшись, возвращался, снова прыгал вокруг неё, снова норовил лизнуть в нос, и они мирились.

Летом бабушка брала их с собой на луг на дневную дойку. Они шли мимо садов, в которых пестрели цветы, на кустах зрели ягоды, на деревьях наливались соком плоды, и свинарника, где в грязи валялись толстые флегматичные свиньи и тянуло особым «свинячьим» запахом. Бабушка несла ведро и складной стульчик, девчонка — большую алюминиевую кружку, а Мальчик бежал налегке, обнюхивая дорогу и обочину чутким носом. Луг встречал их головокругительными запахами нагретых солнцем луговых трав и цветов, жужжанием насекомых, разноцветьем бабочек. Корова Милка, завидев хозяйку, протяжно мычала. Бабушка садилась на стульчик, подставляла ведро, и длинные звонкие молочные струи били в дно и стенки ведра, рикошетили и вспенивались. В алюминиевую кружку нацеживалось молоко, и девчонка пила его, горячее и пенящееся. От молока на губах оставались белые «усы». Мальчик тоже получал свою долю из широкой кружки, лакая молоко ловким длинным языком. На обратном пути бабушка несла тяжёлое ведро, девчонка — складной стульчик и кружку, а пёс бежал впереди, уже никуда не сворачивая, и помахивал хвостом. Вечером, стоя, как обычно, у забора, Мальчик весёлым лаем встречал возвращающееся с выпаса стадо, бабушка вела Милку в хлев, а девчонка шла рядом, глядя тёплый, пахнущий молоком и навозом коровий бок.

Особая радость охватывала друзей, когда их брали ворошить сено на дальнюю лесную полянку. Идти туда надо было долго, по узкой тропинке, бегущей мимо садов за невысокими заборами, широкого поля, оврага, заросшего травой и цветами, и питомника плодовых саженцев. Девчонка рвала цветы, а пёс, как настоящая охотничья собака, всё время спугивал какую-нибудь «дичь»: то птичку, то лягушку, то бабочку. На обратном пути обязательно заглядывали в овраг, где на склонах зрела луговая клубника, и лакомились солнечной душистой ягодой.

Рядом с девчонкой Мальчик забывал о своём возрасте: он казался себе молодым энергичным псом. А девчонка просто об этом не думала — в её жизни Мальчик был всегда.

Однажды, приехав к деду, девчонка обнаружила пустую будку: рядом на земле валялась цепь, Мальчика нигде не было. Девчонка обегала весь посёлок, а нашла пса рядом с домом. Он лежал, забившись в стог сена. Девчонка бросилась к нему, гладила его по голове, называла по имени, но Мальчик не выскочил, как обычно, не стал прыгать вокруг неё, не пытался лизнуть в нос: просто смотрел на неё карими глазами и тяжело вздыхал. Когда девчонка попыталась вытащить его из стога за лапы, Маль-

чик оскалил клыки и несильно прикусил ей руку. Девчонка испугалась. Она никогда не видела своего друга таким. Заплакав, она ушла.

Утром ей сказали, что Мальчик умер.

Это была первая потеря в её совсем ещё короткой жизни.

Мусёк и Тимоха

Стояла промозглая, сырая поздняя осень.

Котёнку было очень страшно. Он отчаянно мяукал. Лапки скользили по мокрой глине. Из последних сил котёнок пытался выбраться из глубокой ямы, куда его снова и снова сбрасывали безжалостные руки. Мальчишки развлекались.

Мимо шёл мужчина. Малолетние садисты получили по затрепщине и разбежались. Большая сильная рука подхватила котёнка и сунула за пазуху. За пазухой было тепло: мягкий пушистый свитер напоминал мамину шкурку, перенервничавший котёнок согрелся и уснул. Мужчина дошёл до железнодорожной станции, сел в электричку. Ехал недолго, и вскоре уже открывал дверь в квартиру. Котёнок очутился на жёлтом паркете в малюсенькой прихожей, состоящей, казалось, из одних дверей. Напротив входа находились двери в туалет и ванную, по бокам от неё — двери в комнаты, откуда немедленно выскочили две шустренькие девчонки восьми и пяти лет и стали вопить от радости. Была ещё одна дверь, ведущая в кухню. Оттуда вышла молодая женщина — хозяйка. Очень серьёзно и внимательно посмотрела на мужа и котёнка, думая, выгнать обоих на улицу или всё-таки оставить? Решила оставить. Котёнка накормили и уложили спать. Детям строго-настрою запретили к нему прикасаться, поскольку он был невообразимо грязен.

На следующее утро в ларьке купили шампунь от блох. Несмотря на протестующие вопли, котёнка тщательно вымыли и завернули в пушистое махровое полотенце. После таких треволнений котёнок снова уснул. Проснулся он уже полноправным членом семьи. Его осмотрели со всех сторон, решили, что это девочка, и назвали Мусей.

Муся очень быстро освоилась в семье, полюбила всех домашних. Хозяйку она считала вожаком стаи: ведь она всех кормила, поэтому уважала её и слушалась. Муж хозяйки бывал дома только по вечерам и в редкие выходные дни, но никогда не забывал погладить Мусю и угостить чем-нибудь вкусненьким. Кошечка любила спать у него на коленях. Девчонки Мусю обожали и часто устраивали шумные игры, бегая из комнаты в комнату с длинной верёвкой, на конце которой привязывали шуршащую бумажку. Муся с восторгом носилась следом. По вечерам она устраивала «охоту»: пряталась где-нибудь за мебелью, а потом неожиданно нападала на девчонок, хватая их за ноги. Девчонки визжали и бросались её ловить, а она, довольная, пряталась под диваном.

Муся оказалась кошкой ласковой, но с характером. Если не хотела сидеть на руках, удержать её было невозможно — вырывалась до тех пор, пока не отпустили. Но если считала нужным, приходила сама, забиралась на колени, уютно устраивалась и довольно мурлыкала. С хозяйкой они выработали целый утренний ритуал: как только хозяйка вставала с постели, Муся подходила к ней, вставала на задние лапы, а передние вытягивала вверх. Хозяйка брала её на руки, Муся «обнимала» свою кормилицу, утыкалась мокрым носом ей в шею и урчала. Хозяйка гладила

свою любимицу и говорила нежные слова. Посидев на руках несколько минут, кошка высвободилась, и обе расходились по своим делам.

Быстро пролетели осень, зима и весна. Наступило лето. Муся выросла и превратилась в красивую пушистую чёрную кошку с жёлтыми глазами.

На время летних каникул детей отправили к бабушке в другой город. У бабушки был свой дом с небольшим участком, на котором росли яблоня, грушевое дерево, несколько кустов смородины, крыжовника и клубника. На маленьком огорожке бабушка выращивала зелень и овощи.

А ещё у бабушки был маленький котёнок — серый пугливый Тимоха. Муся немедленно взяла над ним шефство. Она вылизывала его, играла с ним, учила премудростям кошачьей жизни.

На улицу Мусю не пускали во избежание всяческих неприятностей, а если брали с собой в сад, то надевали на неё шлейку с длинным поводком и привязывали к яблоне.

Но вот в один прекрасный, а может, и не очень, день вдруг выяснилось, что Муся — это совсем даже и не Муся, а самый настоящий Мусь, или, скорее, Мусёк. С этого дня всё круто изменилось. Муську выпустили на улицу, и кот пропал. Пришёл он через два дня грязный, ободранный и голодный. День отсыпался, а потом снова ушёл. Мусёк изучал окрестности и завоёвывал территорию. Он оказался настоящим бойцовым зверем: дрался со всеми заходившими на бабушкино подворье котами, и можно было частенько слышать утробный вой, когда Мусёк разбирался с соперниками. Но Тимоху он никогда не обижал и в обиду не давал. За лето Тимоха здорово подрос, оформился в серо-рыжеватого полосатика с мягкой гладкой шкуркой. Мусёк и Тимоха были неразлучны. Они повсюду ходили вдвоём. Спали, привалившись друг к другу, на кухонном диване, ели из одной миски, ходили с бабушкой собирать с грядки свежие огурцы, причём первый снятый огурчик бабушка поровну делила между друзьями, и они с громким хрустом тут же его поедали. Правда, они могли сходить за огурчиками и без бабушки. Мусёк отгрызал огурец от плети, а потом обязательно делился с Тимохой.

Надо сказать, что Мусёк оказался настоящим воругой. Видимо, сказывались гены предков, вынужденных добывать пропитание на улице. Ему ничего не стоило залезть на стол и скинуть на пол батон колбасы, которую хозяйка привезли с собой, или вытащить из раковины огромный кусок оттаивавшей печёнки. Однажды, пока бабушка во дворе разговаривала с соседом, он залез на холодильник и стянул из миски два приличных куска мяса, приготовленных на котлеты. Когда бабушка вернулась, коты с аппетитом доедали каждый свой. Семейство осталось без котлет. Мусёк не считал зазорным через открытые двери или форточки наведываться к соседям и тянул всё, что плохо лежало. Хозяйка не раз отчитывали его за воровство и прочили ему плохой конец, но Мусёк только шурил наглые жёлтые глаза.

Лето прошло, каникулы закончились, пора было возвращаться домой. Муську посадили в дорожную сумку и увезли. Тимоха остался у бабушки.

Дома Мусёк не находил себе места: торчал под входной дверью и требовал выпустить на улицу. Дом стоял возле оживлённой автомобильной трассы, и коты из квартиры не выпускали, боясь, как бы с ним чего-нибудь не случилось. Тогда в знак протеста Мусёк начал метить углы. После небольшого семейного совета Муську решили вернуть в не совсем дикую, но природу. В ближайшие выходные хозяин посадил кота в знакомую

дорожную сумку и отвёз к бабушке, к огромной радости заскучавшего уже было Тимохи. Так и жили у бабушки два кота — чёрный с жёлтыми глазами и серо-рыжеватый с зелёными.

Шло время. Девчонки подрастали, учились в школе и часто вместе с родителями приезжали к бабушке на каникулы и на праздники. Коты этих приездов ждали: им обязательно перепалили вкусные кусочки и ласки соскучившихся хозяев.

Как-то, когда закончились очередные летние каникулы и хозяева собрались уезжать, уже стояли во дворе, прощаясь с бабушкой, Мусёк подошёл к хозяйке, встал на задние лапы и протянул ей передние — как прежде. Но хозяйка была хорошо одета, а Мусёк вывалялся на свежевскопанной земле в огороде и был весь в пыли. Хозяйка ограничилась тем, что просто погладила по голове. Обиженный Мусёк отошёл. Хозяева уехали.

Через неделю позвонила бабушка и сказала, что Мусёк пропал.

Так он больше и не вернулся. Что с ним случилось? Может, попал под машину, может — в капкан, а может, прибили его, поймав на воровстве, — кто теперь скажет?

Хозяйка до сих пор чувствует свою вину перед ним за то, что не взяла его тогда на руки, не приласкала.

Тимоха прожил ещё несколько лет, постарел, подряхлел и тоже пропал. Наверное, ушёл умирать. Ведь, говорят, что настоящие коты никогда не умирают дома!

Тёзка

Теперь уже и не вспомнить, когда я увидела её в первый раз — то ли в середине лета, то ли в конце...

На широком газоне между тротуаром, ведущим к автобусной остановке, и автомобильной стоянкой находились несколько невысоких пушистых рябин, густой куст черёмухи и лохматый куст барбариса. По весне черёмуха окутывалась умопомрачительно пахнущим белоснежным облаком, осенью на ней появлялись воронёные, отливающие металлом, вяжущие рот ягоды. В конце лета ветки рябин оттягивали крупные красно-оранжевые кисти. Издалека рябины походили на новогодние ёлки, украшенные горящими гирляндами. Колючий куст барбариса в мае покрывался весёлыми жёлтыми цветами, а к осени его ярко-красные удлинённые ягоды эффектно оттенялись тёмно-зелёными с пурпурным оттенком листьями. Вдоль пешеходной дорожки росли молодые липы, и когда они цвели, их густой медовый аромат забивал даже вонь выхлопных газов от постоянно мчащихся по шоссе машин. На дальнем конце газона расположилась живописная группа огромных тополей, разбрасывающих крылатые семена по всей округе.

Вот на этом клочке земли всё лето кормилась стайка птиц — галки и грачи. Галки с суетливой торопливостью бегали между кустиками травы и быстро-быстро что-то клевали, поблёскивая чёрными бусинками глаз. Грачи, напротив, ходили неторопливо, искоса с важностью поглядывая на прохожих. Иногда птицы ссорились, налетали друг на друга, раскрыв клювы и растопырив крылья, но чаще всего мирно кормились вместе.

По утрам, топя на работу, я с интересом наблюдала за птицами и однажды увидела её.

Видно было, что двигаться галке тяжело и неудобно: она всё время заваливалась на один бок. По траве волочилось повреждённое крыло — сложить его птица не могла. Летать у неё тоже не получалось: чуть взлетит и снова опускается на землю.

Я почему-то вспомнила, как когда-то моя маленькая дочь, увидев галку, кричала:

— Мама, смотри, птичка Галя!

Птицу было жаль.

«Пропадёт ведь моя крылатая тёзка, — думала я, — летать она не может. Любая бродячая собака или кошка, появившаяся здесь, легко её поймает. А придёт зима — бескормица, морозы... пропадёт!»

Теперь каждое утро я высматривала в птичьей тусовке галку с повреждённым крылом и, увидев, радовалась:

— Ну, вот, ещё один день прошёл. Жива!

Постепенно галка стала для меня своего рода талисманом: увижу её — значит, день будет хорошим, не увижу — жди неприятностей.

Однажды вечером я увидела, как галка устраивается на ночёвку. Она взлетела к нижним веткам барбарисового куста, уцепилась за них лапами и стала карабкаться вверх. Забившись в самую гущу веток, она затихла. Колочие, взъерошенные ветки барбариса надёжно защищали её со всех сторон от непрошенных ночных гостей. Я подивилась птичьей смекалке и пожелала ей спокойной ночи.

Лето опало жёлтым листом, протопала резиновыми сапогами по лужам осень, птицы исчезли. Проходя мимо засыпанного снегом газона, я часто вспоминала свою крылатую тёзку:

— Что с ней? Жива ли?

С последним снежным вихрем унеслась на север зима, прожурчала ручейками весна, наступило лето, снова появились птицы. И опять деловито суетились галки и важно расхаживали грачи. Среди них я с радостью увидела свою старую знакомую. Крыло у неё было сложено только наполовину — вторая половина задорно торчала сбоку. Видимо, крыло не беспокоило её: она носилась вместе с товарками по газону и даже участвовала в птичьих сварах. Иногда я встречала галку в других местах: стая кочевала по окрестностям.

Пролетел ещё один год, и мы снова встретились. Вернее, это я снова её увидела. Галка кормилась у края газона, возле самого тротуара. Теперь её крыло было полностью сложено; только самый кончик оттопыривался, как ладошка у кокетливой девчонки, когда та проходит по школьному коридору под взглядами мальчишек. Галка почти не отличалась от своих сородичей: так же поплёскивали бусинки глаз, так же смешно крутилась головка, когда птица пыталась увидеть всё, везде и сразу, так же быстры и суетливы были движения.

— Привет, тёзка! — окликнула я её, подойдя поближе.

Галка, реагируя на мой голос, сначала отскочила, поглядывая чёрным блестящим глазком, потом, решив, что я не представляю для неё опасности, вновь занялась своими делами.

А я пошла по своим.

Жизнь продолжалась.

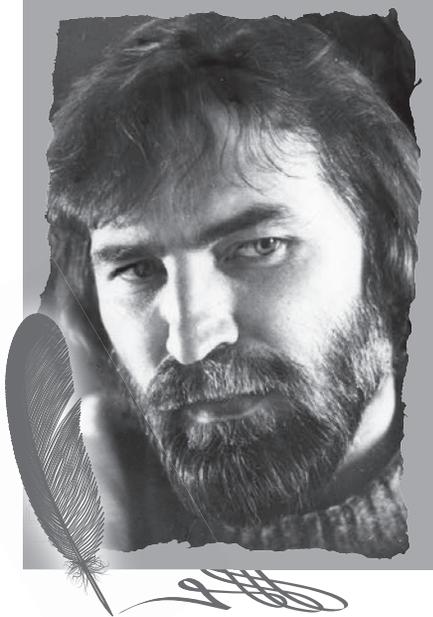

Поэзия

Графика Василины Королёвой

Владислав Артёмов

Владислав Владимирович Артёмов — поэт, прозаик, публицист. Родился 17 мая 1954 года в селе Лысухе Березинского района Минской области. В 1982 году окончил Литературный институт им. М. Горького. Автор ряда глубоких по содержанию и увлекательных книг стихотворений и прозы. Капитан запаса. Награждён медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени и медалью «За трудовую доблесть». Лауреат премий им. А. Фета, С. Есенина и А. Суворова. Член Союза писателей России. Главный редактор журнала «Москва».

ЗОЛОТЫЕ ЛИСТЬЯ

ПРОСТОР

Отложите, плотники, топоры,
Лучше гляньте за тот забор —
Избы в ряд стоят, а за ними дворы,
А за ними — такой простор.

В синем небе белые облака,
Поле жёлтое, дальний бор,
А за дальним бором плывёт река,
А за тою рекой — простор.

А за тем простором — опять поля
И холмы, и река, и бор,
Но и это ещё не вся земля,
Но и это — не весь простор.

Там дорогам не надоест петлять,
Все бегут они в белый свет...
Эй, за дело, плотники, хватит стоять!
Ну а те говорят в ответ:

«Мы не жили, друг, до сей поры,
Но решили жить с этих пор,
Будем век стоять и смотреть с горы,
Полонил наши души — Простор».

ПРОЩАНИЕ С ДЕТСТВОМ

Я снова вспомню долгий летний день.
Мне очень трудно подыскать слова,
Чтоб рассказать, как в солнечной воде
Струится свет, пугливый, как плотва.

Я покажу вам девушку свою —
Она плывёт, несёт её вода...
А я всего лишь на год отстаю,
Но не догнать её мне никогда.

Возьми всю жизнь, оставь мне этот день,
Где ветерок гуляет вдоль реки,
Где, приглядишь — рассыпаны везде
Развалы счастья, залежи, куски...

Всё заberi, оставь меня стоять
Навеки там, где ты меня застал —
Сокровища в руках пересыпать,
Я наконец-то цену им узнал!

Душа по капле собирает свет.
Всё отними, оставь мне эту боль,
Где девушка четырнадцати лет
Мне в первый раз сказала про любовь.

Спроси меня, зачем я берегу
Прах золотой, наивные слова...
Она уже — на дальнем берегу,
Она уже видна едва-едва...

Зачем я прожил долгие года,
Не знаю сам, струится жизнь во мне,
Которая нигде и никогда
Не повторится больше на земле.

СЕРАЯ КУКУШКА

Посадите дерево — рябину
При дорожке светлой, полевой.
Не спугните серую кукушку,
Пусть она поплачет над страной.

Белый свет нам узок был и тесен,
Всё искали роковой судьбы,
От её ль, от колыбельных песен
Дом пылал, валились с ног дубы?

Будет вечер тонкую рябину
На ветру баюкать и качать,
Будет, будет серая кукушка
Над моей страной тосковать.

Что ты, что ты, Родина, держава,
До костей раздета октябрём,
Вся как есть распахнута, раскрыта
На четыре стороны кругом.

Зимний ветер с дерева рябины
Золотые листья оборвёт,
Сдует, сдует серую кукушку,
Как листок над полем понесёт.

Ты лети, лети по белу свету,
Ты узнай, как белый свет жесток.
Обернёшься — Родины и нету,
Только снег, да ветер, да песок...

КОМАНДИР

Он стоит и стоит на гранитной горе,
В ожидание погружён,
И ключьями ночь с его плеч на заре
Облетает, как стая ворон.

Он нелеп и смешон, и одет он, как шут,
В допотопный дурацкий мундир,
Но он знает, что скоро его позовут
И попросят: «Веди, командир!»

Да, ему наперёд известна судьба,
Его мысли верны и грубы —
Запоёт на заре полковая труба,
И сомкнутся и дрогнут ряды.

И отдаст он короткий и дикий приказ,
А приказ исполнять надлежит! —
И пойдут, не сводя с него преданных глаз,
Так пойдут, что земля задрожит!

Запоёт труба, барабаны забьют,
И красиво — за рядом ряд —
Удивлённые люди пойдут, пойдут,
И никто не вернётся назад.

Что он ведал, что знал о добре и зле?
Будет он опять одинок
До окончанья времён стоять на земле,
Превращаясь в ржавый песок.

Видно, мало я знал про себя самого,
А иначе зачем, почему
Мне охота с восторгом глядеть на него
И служить беззаветно ему!

Всякий раз, когда полыхает заря,
Искушает меня судьба,
Мне сдаётся — вот-вот содрогнётся земля
И взревёт полковая труба!

ДЕВОЧКА И МАЛЬЧИК

Жизнь опять заводит, как шарманщик,
Повторяет вновь она и вновь:
Жили-были девочка и мальчик,
И была у мальчика — любовь.

Расцветали яблони и вишни,
Улыбалась девочка цветам,
А его любовь, как третий лишний,
Шла и шла за ними по пятам.

Как поётся, так оно и было,
Не хочу прибавить ничего,
Дело в том, что девочка любила,
Но она любила — не его.

Не пойму, кого мне всё же жальче,
Ничего не ставлю ей в вину,
Вышел срок, и стал мужчиной мальчик,
И его забрали на войну.

Вы словам не очень-то и верьте,
Я и сам поверить был бы рад,
Говорят, любовь сильнее смерти,
Мало ли чего наговорят...

Он ушёл, назад не обернулся
И в бою не помнил про неё,
Потому под пулями не гнулся...
Мальчик, мальчик, горюшко моё!..

В тесный круг сходились горы хмуро,
Словно в драке — все на одного...
Что ж ты натворила, пуля-дура,
Почему ты выбрала его?

Этот мир насквозь пропитан болью...
Всё равно не плачь и не реви,
Мальчик знал, что умирать с любовью
Веселей, чем жить — но без любви!

НЕВЕСТА

Это было когда-то,
А как будто вчера,
Полюбила солдата
практикантка-сестра.

Он метался и бредил
И в бреду повторял:
«Мы с тобою уедем...»
А куда — не сказал.

Как-то так, между делом,
Объяснил он с ней —
«Ты мне нравишься в белом.
Будь невестой моей...»

И без слов, с полужеста,
Понимала она —
Что такое невеста?..
Да почти что... жена!

Мир наполнился эхом,
Как пустынный вокзал,
Он однажды уехал.
А куда — не сказал...

И пошла по палате,
Ни жива, ни мертва,
В ярко-белом халате
практикантка-сестра.

И кричала в дежурке:
«Он не умер, он спит...»
И пила из мензурки
неразбавленный спирт.

Невпопад и не к месту
Всё твердила она:
«Что такое невеста?..
Да почти что... жена!»

БАЛЛАДА О ПЕРВОМ СНЕГЕ

Да не плачьте вы так, перестаньте,
Не рыдайте вы обо мне!
Зря я, что ли, служил в десанте?
Зря я, что ли, жил на земле?

Если вороном певень взыграет,
Если выступит кровь на ноже,
Значит, ветер меня отпевает,
Значит, нету меня уже.

Здесь не сеют ни проса, ни хлеба,
Здесь от правды отсеялась ложь.

Я к тебе возвратился с неба,
Но меня ты не узнаёшь.

Погасил я горящую зелень,
Я вздохнул и — выстудил лес,
Я спустился на эту землю,
Как орлиный клёкот с небес.

Без упрёка, без гнева и злости
Я вернулся к тебе налегке,
Я сложил свои белые кости,
Я зарыл их в чужом песке.

Смыл с себя я кровавые раны,
Чтоб людские сны не смущать,
Я спустился из тучи рваной,
Чтоб прорехи страны залатать.

Как давно я на родине не был,
Это сказки, что я убит,
Русь моя! Я вернулся с неба...
Кто ещё тебя защитит.

О, какая страшная осень!
Но, спускаясь на землю без крыл,
Я себя на темень набросил,
Я её собою накрыл.

Мне почудилось — под берёзкой
Стонет поле, от горя черно,
Я упал на него заморозкой,
И уже не болит оно.

В час, когда по развалинам мрака
Моя белая тень прошла,
В темноте ни одна собака
Даже ухом не повела.

А ведь шёл я — земля дрожала,
И дошёл я до стен Кремля...
Ты глядишь сквозь меня, держава,
Ты глядишь — и не видишь меня!

ЛЕСНОЙ РУЧЕЙ

Душа внезапным светом озарится,
Но день осенний мигом догорит.
Что не успел — о том досвищет птица,
Лес дошумит, ручей договорит.

Вся грусть моя здесь ничего не значит,
И никому нет дела до того,
Что над ручьём чужак какой-то плачет
О том, что счастья нету у него.

Знакомо всем, что сладость есть в обидах,
Ну кто хоть раз себя не пожалел?
Я знаю жизнь, она проста, как выдох.
Дышал и я, но мир не обогрел.

Я обниму холодную берёзу,
Взгляну на мир и снова удивлюсь,
Что так светло сияет он сквозь слёзы,
Пой, птица, пой... Сейчас я улыбнусь.

Я равновесья в мире не нарушу,
Что даром взял, то даром отдаю,
Я на три части разрываю душу —
Вот птице, вот берёзе, вот ручью...

ВЫШЕЙ МНЕ РУБАХУ...

Пусть и наша юность канет без возврата,
Но весёлых песен нам не перепеть.
Вышей ты мне, вышей белую рубаху,
Чтоб и мне на праздник было что надеть.

Вышей мне рубаху синими цветами,
Житом, васильками, ну, а по краям —
Чистыми ключами, звонкими ручьями,
Что текут, впадают в море-океан.

Вышей мне рубаху стаей журавлиной,
Утренним туманом, ледяной росой,
Красною калиной, сладкою малиной,
А ещё рябиной горькою такой.

Никакое слово сердца не обманет,
Всё-то моё сердце чует наперёд —
И когда уйдёшь ты, всё на ней завянет,
А когда вернёшься, всё там зацветёт.

Скорую разлуку месяц наколдует,
Серебристым светом травы леденя,
Если ты разлюбишь — осенью подует
И моя рубаха облетит с меня.

Станет день коротким, станет ночка длинной,
Зарыдает вьюга, запоёт над той
Красною калиной, сладкою малиной,
А ещё рябиной горькою такой.

РАЗГОВОР

У меня, мой друг, был нелёгкий день,
Расскажу я, а ты не злись,
Про родимый дом, про цветы — сирень,
Про печальную мою жизнь.

Я не знаю, как эта жизнь прошла,
Знаю только — прошла, как день!
Помню, дом стоял на краю села,
А у дома того — сирень!

Только раз в году там сирень цветёт,
Ну а свойство её таково,
Что сирени той никто не сорвёт,
Потому что — там нет никого...

Соловьи поют, но они не в счёт,
Пусть встречают себе зарю.
А у дома того ручей течёт,
Да, ручей течёт, говорю...

Ах ты, мой родной, не качай головой,
Мне тоска моя не в укор,
Я домой хочу, я хочу домой,
Вот и всё, и весь разговор.

ДА, РОДНАЯ, ДА...

Вид из нашего окна
Тот же, что всегда,
Милый мой, была весна?
— Да, родная, да.

Месяц на небе светил,
Таяла звезда,
Как же ты меня любил!..
— Да, родная, да.

Под окном переплелись
Мак и резеда,

Как мы в верности клялись!..
— Да, родная, да.

Хлынул ливень ледяной,
Грянула беда,
Ты уходишь, милый мой...
— Да, родная, да.

Отшумит, отплатит дождь,
И тогда, мой свет,
Ты опять ко мне придёшь...
— Да, родная, да...

Я СРАВНИЛ БЫ...

Я сравнил бы юность свою с росой,
Я нашёл бы такие слова!
Только свистнул осенний ветер косой,
И упала жизнь, как трава.

Что за гром рыдал на краю села,
Заплыла водой колея...
Отвечают мне — это жизнь прошла.
Не моя! — крещусь, — не моя...

Оглянусь кругом, а кругом-то грязь,
Это ж осень! А ну постой,
Разомкни закат, белый свет раскрась
В мой любимый цвет в — золотой!

Я такой денёк к концу приберёг,
Чистый-чистый, как первый снег,
Чтобы разом он на всю землю лёг,
Чтоб хватило его на всех.

Был когда-то я, как рассвет, рождён
И сгорю легко, как закат.
Так одень меня ледяным дождём,
Чтоб сверкал с головы до пят.

Чтобы был я рад, чтобы был я чист,
Чтобы канул я без следа —
Оборви меня, как кленовый лист,
А потом носи хоть куда...

СТРАННИК

Как по той,
По той ли по дороге,
По дороге светлой,
Полевой,
Шёл старик,
Шёл странничек убогий,
Весь убогий, вот как,
Весь седой.

По земле,
По той земле, по русской,
На восход,
На ясную зарю,
По дороге тесной той,
По узкой, вот как,
Он идёт
К Небесному Царю.

Спросит, спросит,
Спросит Царь Небесный,
Хоть ответ и знает наперёд —
Много ли по той,
По той дороге тесной, вот как,
Да по узкой
Путников идёт?..

Снег в лицо,
Пустыня ледяная,
Как ни прячясь —
Весь ты на виду.
Широка
Страна моя родная, вот как,
Отдышусь —
И дальше побреду...

СТИХИ О РУССКИХ ЛЮДЯХ

Какой-то странный здесь народец,
Нигде такого не бывает —
Ломают лифт, плюют в колодец
И матом речь пересыпают.

Травили, били их, да что там,
Не удаётся их угробить,
Их вообще-то, по расчётам,
Уже на свете не должно быть.

Они так страшно воевали
И возвращались, обессилен,
Их в землю по уши вбивали,
Их миллионами косили.

Всему на свете есть причина,
Народ таинственный и жуткий,
Он отрастает, как щетина,
Из-под земли на третьи сутки.

ПРОЩАЛЬНЫЕ СЛОВА

Мне все человеки дóроги,
Я всем прощаю долги,
Обнимемся, бывшие вóроги,
Вы больше мне не враги!

Вы крепко меня обидели,
Но я забываю зло,
Мы всё-таки небо видели,
Нам здорово повезло.

Люблю бирюка нелюдимого
И типа, что спит в пыли,
Когда-нибудь все до единого
Уйдём мы с лица земли.

Прощаю сержанта рьяного,
Что в городе Алмалык
Бил меня, окаянного,
По печени и под дых...

Как часто нам от бессилия
Зубами пришлось скрипеть,
Но мы родились в России,
Умеем прощать и терпеть.

Спасибо за ночь недолгую,
За свет приходящего дня.
Прощаю вас, люди добрые...
Простите и вы меня!

Алексей Иольевич Витак родился 28 августа 1966 года на русском Севере, под Архангельском. Его поэтический голос сформировался в русской провинции (Рыбинск, Смоленск), которая открыла поэту древнюю историю страны, её культуру. Образование, полученное в Литературном институте имени М. Горького, стало своеобразной огранкой его природного поэтического дара.

Алексей Витак — член Союза писателей России, радио- и тележурналист. Постоянный автор журнала «Москва». Он является руководителем литературной студии «Послезавтра», организатором Всероссийского литературного форума «Осиянное слово» имени Н. С. Гумилёва. Живёт в Москве.

Творческая деятельность Витакова тесно связана с Колодной: с 2010 года он возглавляет жюри фестиваля авторской песни, поэзии и прозы «Господин Ветер», который проходит в коломенских Песках. Алексей — частый гость литературных вечеров, проходящих в нашем городе. Лирический голос Алексея Витакова несёт в мир вечные истины: память, правду, красоту, любовь.

И ХОЛОД ШЁЛ С ДОЖДЯМИ И БЕДОЙ

* * *

Я родился под северным солнцем
В шестьдесят позабытом году.
Положили меня на оконце —
Отводить от деревни беду.

Я лежал на отцовой портянке
Не на улице и не в дому.
Пахли ветхие шторы землянкой,
Я не скоро узнал, почему.

Помню, трещины были на раме,
Я разглядывал в трещинах тьму.
Как же пахло в избе сухарями!..
Я не скоро узнал, почему.

Я лежал, и распухшие дёсны
Тёр костяшками пальцев, как мог.

Видно, впрямь был мой вид очень грозным,
Коль беда обходила порог.

Облака шли в сиреновой сини
От Бояновых дней на восток.
На портянке я плыл вместе с ними,
И беда обходила порог.

Пахли ветхие шторы землянкой,
Нависал чернотой потолок.
А я плыл на отцовской портянке
От Бояновых дней на восток —

Над усталой землёй и морями.
И бежала, бежала беда...
Как же пахло в избе сухарями...
Так пронзительно, так навсегда.

* * *

Дом стоял возле самой «железки»,
И, когда проносился состав,
Была мелкая дрожь занавески,
А в буфете знобило стакан.
Был я крепок, с характером прочным,
Без переднего зуба в строю.
И свистел дыркой рот мой молочный
На вокзальную участь свою.

Как-то раз гражданин с бледной шеей,
Прилетевший из северных мест,
Рассказал, что я явно имею
На глазу поэтический блеск.
Он сулил мне ни много, ни мало,
Теребя обветшалый карман,
Что я стану в районе вокзала
Кем-то точно навроде Дюма.

Я поверил тому гражданину.
Бросил пики точить об асфальт.
С той неожиданной поры только книгу
Почитал за особенный фарт.
Годы шли. Опадали сирени.
Подворотня считала грехи.
Но упрямо ходил юный гений
Стороной от компаний лихих.

Я шатался по нитке суровой.
То судил, то рядил, то пенял.
Не иначе, как графа Толстого,
Почитала округа меня.
Кем я стал, что пахал и где сеял?
Но скажу: от неласковых мест
Спас меня гражданин с бледной шеей,
На глазу обнаруживший блеск.

* * *

Закатный свет — черника с молоком.
Неслась легенда от избы к избе
Вослед за одноруким печником.
И чёрных пятен не было в судьбе.

Незло тайга ворчала на ветру.
Незримых крыльев шелест у лица.
Как был прекрасен этот малый круг
Начала жизни. Жизни без конца.

Уж зной так зной! По синеве — блесна!
Кричал соседский дед: «Ну, брат, капут!
Жарища-то, аж куры, мать честна,
Яичницу, того гляди, снесут!»

И холод шёл с дождями и бедой.
Град бил в окно. Крестом мерцала мгла.
Но после всех потерь над головой
Нам непременно радуга была.

Я, сделав два крыла, на крышу влез.
Но дух в трубу вцепился — стыд и срам.
А так хотелось, чтобы по земле
Легенда шла за мною по пятам.

Душили слёзы. А печник сказал,
Мой ворот сжав пушинкою в горсти:
«Ты, парень, высоко не залезай.
Бог крышу, помни, может обтрясти!»

Тогда под сенью первых облаков
В сознании моём тепло и речь
Стояли друг от друга далеко.
И потому я верил только в печь.

Но что-то смутное уже огонь
Рождал во мне под мерный шелест крыл.
Я помню эту сильную ладонь.
А вот легенду напрочь позабыл.

* * *

Всё было, я помню: шёл дождь торопливо.
Антоновкой пахли сады.
И губы твои были с запахом сливы
И с привкусом скорой беды.

А ветер, я помню, как старенький дворник,
Гнал дождь веткой яблони прочь.
Была только ночь с воскресенья на вторник.
Была только ночь, наша ночь.

И нашими были и август, и воздух,
Все блики, и звёздная соль.
Но в алом разрыве рябиновых гроздьев
Маячили страхи и боль.

Плыл месяц — любому безумству потворник,
Сумевший судьбу превозмочь.

Была только ночь с воскресенья на вторник.
Была только ночь, наша ночь.

Голодное сердце открыто для страсти.
Но вот мы очнулись и вдруг
Себя ощутили гораздо несчастней
Опавшей листвы на ветру.

Шуршал за окном похмелившийся дворник,
Улики той ночи кланя.
Все те, кто нас ждал с воскресенья на вторник,
Простят и тебя, и меня.

* * *

Мокнет во дворе бельё.
Клён листву роняет.
Детство под дождём моё,
Съёжившись, шагает.
Дождь. На вырост пальтецо.
Хлюпают калоши.
Дождь. Знакомое лицо.
Я ли это, Боже?

Вновь сентябрь у самых крыш.
Тучи вереницей.
Как из рук твоих, малыш,
Осени напиток?

Нам бы встретиться хоть раз.
Счастлив был бы каждый.
От беды б тебя я спас.
А ты меня — от жажды.

Дом. Второй этаж. Карниз.
Тру виски неволью.
Ты когда-то падал вниз.
А мне сегодня больно.
Но ты вновь шёл по стене,
Не боясь сорваться.
Слышу твой победный смех.
Вижу кровь на пальцах.

Тучи вновь у самых крыш.
Время мчит по лужам.
Знал бы кто, как ты, малыш,
Мне сегодня нужен.

* * *

Стариками горбатилось лето
Меж войною и детством сирот.
Мама, как ты забудешь об этом!
Ты мне скажешь, мол, это не в счёт.

Будет вечер дрожать слабой свечкой,
И почудится снова тебе,
Будто бабушка села у печки,
Колыбельную песню запев.

Мама, пусть нам поведаст небо
Про тот лютый, про сорок второй.
Стыла бабушка в давке за хлебом
С нерождённой, мама, тобой.

А спустя тридцать лет у колодца,
Дав мне хлеба, сказала: «Расти.
Чадó сыгó — и Боже смеётся.
Чадó плачет — и Боже грустит».

Мама, мама, о чём мы полночи
Говорим, будоража сердца?
Свечка плавится, гаснуть не хочет,
Знать, она вспоминает отца.

С того света отец не вернётся.
Что я сыну скажу? — Подрасти.
Чадó сыгó — и Боже смеётся.
Чадó плачет — и Боже грустит.

* * *

Кудель метельная. Мечется снег.
Звёздочка ниткою длится в окне.
Лучик серебряный — издалека.
Тонко пульсирует нитка в руках.

Как эта пряжа жжёт пальцы твои!
Прячется сердце у свечки в тени.
Тяжко, родная, тебе у окна.
Больно рукам и глазам не до сна.

Взгляд до глубин ожиданьем свело.
Дом по дыханье твоё замело.
Тянется ниточка в детский носок,
В мой старый свитер, тебе — на висок.

А по ту сторону синей звезды
Поезд летит сквозь морозную стынь.
В окнах несутся леса и поля.
Снежную книгу листает земля.

Лишь постоянно в мелькающей мгле
Нить серебра на оконном стекле.
Вот я касаюсь её — и в ночи
Чувствую: руки твои горячи.

* * *

Бесконечная стужа. Похмельная дрожь.
Тлеет лампа в подъезде окурком.
Он совсем не горбат, этот высохший бомж,
Просто он носит крылья под курткой.

Вот он к мусорным бакам подходит. Приник.
Шарит палкой то бегло, то круто.
Замирает, наткнувшись на твой черновик.
Усмехается длинно чему-то.

Вяло тянется время. Ты смотришь на твердь
Из окна и сминаешь страницы.
Он приходит, когда начинается темнеть,
Как пугливая старая птица.

Но однажды ты рюмку уронишь в ночи,
И из мрака, из жути бездомной
Бомж горячкою белою в дверь постучит:
Крылья белые будут огромны.

И, хоть выколи душу, вокруг — ничего:
Ни друзей, ни врагов, ни канавы;
Только инеем сизым на крыльях его —
Блеск твоей заблудившейся славы.

Ни развилки из трёх неизбежных дорог.
Камня тоже. Коль так — и не надо!
Вы пойдёте по воздуху — прах с ваших ног
Будет снегом немислимым падать.

* * *

Снег на стекло. Расписание ветра
Скомкано вновь январём.
Всё не проходит. И может быть, где-то
Рядом, за первым углом,

Нищий художник, философ из бочки,
Богу чуть слышно поёт:
— Не разлучай меня с музыкой, Отче.
Кто я тогда без неё?

Ночь перейдёт колею и накроет,
Крыльями застить начнёт.
Просит художник, как парус у моря:
— Отче, верни мне её.

Друг мой, Горацио, свет не прозрачен.
А коли так, то держись.
Если нет смерти, вовсе не значит,
Что будет Вечная жизнь.

Светит фонарь, но дороги не видно.
Снег всё идёт и идёт.
Вот и художник, на улицу выйдя,
На руки зиму берёт.

Явь раздвоилась. Я в прошлое сослан.
Друг мой, Горацио, ты
Выслан в грядущее. Плакаться поздно:
Напрочь сгорели мосты.

Жалобно воют кабацкие скрипки,
Славы ища на миру.
Только художник с блаженной улыбкой
Шепчет: «Весь я не умру...»

* * *

Пахнет папа асфальтовым летом,
Поднимает меня высоко.
И светло, как от яркого света,
От его серебристых висков.

Я хочу прикоснуться рукою
К облакам, что порою во сне,
Словно знаю уже о покое
Где-то там, в неземной тишине.

Полетела за облаком шляпа,
Не успела за шляпой рука.
И лежит со свечою мой папа,
Изголовьем ему — облака.

С той поры в каждом сне я летаю
Над резьбою знакомых крылец,

Словно кто-то меня поднимает,
Но не выше, чем в детстве отец.

С той поры путь от лета до лета
Предо мною лежит в маяках,
Только ярче не видел я света,
Чем от той седины на висках.

* * *

Вот вижу я город один и капризное лето.
В листве время шаркает ветром и шепчет дождём.
Расклейщик скрутил из афиш тонкогорлую лейту
И замер на улице перед открытым окном.

Кто в этом окне обитает, кого ты придумал,
Маэстро дворов, концертмейстер певучих антенн?
Смеёшься в ответ и палец к губам: чур, без шума!
Упругая нога, и встала на цыпочки тень.

Дыхание музыки. В небе линейка косая.
И вовсе неважно: какая эпоха сейчас.
Певец подворотен, скажи мне, кого ты спасаешь?
А впрочем, однажды вот так одного уже спас.

Гремит по асфальту консервную банкою юность.
Наддай обветшалым ботинком и выпусти свист.
Забывшее что-то пробило дыру и вернулось.
По лёгкому воздуху белый спускается лист.

* * *

Опустелой деревни стон.
Тихий шелест больного плёса.
Снится певчей русалке сон
Про мальчонку с разбитым носом.
Всхлип коряжий, болотный смех.
Но лишь ночь напрягает память,
Поднимается Дева Рек,
Отвалив с груди чёрный камень.
В прах рассыпался оберег,
Заросла паутиной прялка.
Только ночью на чёрный брег,
Как и прежде, спешит русалка.

Ночь темна, как внутри орех,
Голос слышится издалёка —
То зовёт меня Дева Рек,
Одинокого — одиноко.

Всё мне кажется, как из волн
Она кличет меня украдкой,
Как приходит она в мой сон
И поёт над моей кроватью.
Как я страшно боюсь её,
Убегаю знакомой мелью.
Тихо, слышишь, она поёт
Над пустующей колыбелью.

Ночь темна, как внутри орех.
Голос слышится издалёка —
То зовёт меня Дева Рек,
Одинокого — одиноко.

* * *

На курган занесло серым ветром меня.
Засверкала широкая Волга.
И сквозь толщу земли был мне голос коня.
И сказал он: «Я ждал тебя долго!

Помнишь, как пировал ты с дружиной в траве,
Как тогда ты напился кромешно?
Лучше нечего было желать татарве».
Я ответил: «Не помню, конечно».

«Вспомни, как побурела под берегом вода,
Но тебе было этого мало.
А ещё вспомни жуткие блики, когда
Нас навеки с тобою не стало.

Как тогда я в закатную рябь уходил,
Отсекая земную погоню,
И тебя выносил с чёрной раной в груди!»
Я ответил: «Ты знаешь, не помню!»

«А потом в тишине у степного огня
Пела женщина, глядя на Волгу.
Неужели, мой друг, ты не вспомнишь коня?
Я ведь ждал, ты поверь, очень долго.

А когда хоронили нас, помнишь, она
Бледный лоб твой накрыла ладонью.
Как была моя ревность, ты помнишь, черна?»
Я ответил: «Ну, хватит, не помню!»

Конь умолк, было слышно дыхание его.
Мне мерещился шум древней сечи.
Я не помню, мой друг, ты прости, ничего!
И поникли кургановы плечи.

Где-то близко совсем, у степного огня,
Пела женщина самозабвенно.
И был сон боевому коню про меня
И про женщину тоже. Наверно.

ЕМЕЛЯ

Ярмарка — лотки, ряды.
Меряй, пробуй — не хочу!
Масло, лак для бороды,
Платья, бублики. Но, чу!
Расступается народ.
Замолкает. Посмотри!
Скоморох босой идёт,
Святочным снежком скрипит.
«Слышишь, эй, во рту горох,
Ты куды, Емеля?»
Отвечает скоморох:
«Все дороги в землю.
То, что вижу, говорю.
Говорю, что знаю.
Стадо коз через ноздрю
Разом пропускаю.

Не гляди с открытым ртом,
Что хожу залатанный.
Я сморкаюсь зато
На подолы знатные».
«Ох, Емеля, смелый ты!
Кнут милее хлеба.
Скидывай давай порты —
Пустим пыль до неба!»
На спине от батогах
Проступили сливы,
Но Емеля-скоморох —
Парень незлобивый.
Сколько знал он синяков,
Что июль колосьев.
Всё равно дразнить попов
Ни за что не бросит.

Вдруг колокол грянул. Рванулся звонарь.
Мороз пробежался по коже.
Полнеба завесила дымная хмарь.
Поднялся огонь над сторожей.
Татары! Пять тысяч! Вмиг вылетел хмель.
Стал воздух стеклянным от гула.
Блестит золотая хутангу-дегель
На темнике широкоскулом.
Пять тысяч шеломов. Опятиконь.
Девятихвостая слава.
Вот темник смолистую вскинул ладонь,
И встала послушная лава.
«Эй, в городе, гостю ворот открывай.
Не видишь: замучился кони.
Для дани сто юнош, сто девок давай,
Воз белок. И мой вас не тронет!»
Посадник: «Что делать? Заплатим — уйдёт!
Не будет ни смерти, ни смрада.
Бояре, что скажете?» — «Мы — как народ!
А людям пожаров не надо!»
Сжал тысяцкий бороду. Взгляд — на живот.
Полсотни дружины всего-то.
Да рати полтыщи. «И я — как народ.
Лить кровь никому неохота!»

Тут в сенях переполох...
Разве так бывало,
Чтобы первым скоморох
Вышел на забрало?
Крикнул: «Хари — срам один!
Знать, с навозной каши!
Щас Емеля, сукин сын,
Представленья спляшет!»
Потянул ведёрный ковш.
Льёт смолу на плечи.
Кинул к солнцу медный грош.
Поглядел далече.
На три счёта став седым,
Чиркнул кресалом.
И пред взорами орды
Пламя заплясало.

Как бились! — Никто после вспомнить не мог.
За локоть, за пядь и за камень.
Ни с чем на степной возвратилось восток
Хвосты растерявшее знамя.
Два века потом у монгольских костров
Жил сказ, что в заснеженном крае
Выходит на стену седой скоморох
И солнце ковшом выпивает.

* * *

Античной колонною — ливень в окне.
И книга раскрыта на нужной стране.
Ступай на страницы.
Там рёбрами вёсел изрыта волна,
Там блик на щитах золотого руна...
И пена — на лицах.

И песня на лицах, и юность во всём.
Ступай, но прошу, не забудь об одном —
Махни мне из мига,
Когда меж Харибдой и Сциллою пойдёшь.
Я тоже там был. Ничего не вернёшь.
Всему своя книга.

Ступай. Пусть в лучах бесконечной зари
Улыбка до кончиков пальцев горит,
А сердце не дрогнет.
Ступай. Пусть твердят, мол, за шерстью овцы.
Да что они знают, скупцы и глупцы,
О звёздах в ладони!..

Смелее — пустует скамейка гребца.
На ручке весла виден след от кольца.
Молчу. Всё проходит.
Вослед тебе пыль тяжела, как вина,
Взметнётся над берегом и выступит на
Моём переплёте.

* * *

Закончились приливы и отливы.
Зовёт Психея каменных колодцев.
И стихотворец крымского разлива,
В Москву вернувшись, стал канатоходцем.

Вот улица натянута струною.
Ты так мечтал бродячим стать артистом
И где-нибудь в Палермо над толпою
Идти с шестом и обмирать от свиста.

Почувствовав загробный мир у горла,
Поймать цветок и приколоть у сердца.
Какая к чёрту зрелость, если в сорок
Никак не можешь выбраться из детства!

Что называешь ты пятою Ахиллеса?
Конечно, душу, что ж ещё! А это значит —
Над бездною впрямую равновесье
Зависит от неё и от удачи.

Чем выше над толпой дрожит верёвка,
Тем явней божества преобладанье
Над плотью, из которой был ты соткан,
Над кровью, что готова течь на камни.

А далее — сверкающие звёзды.
Внизу — вокруг оси скрипящий глобус.
Иди, уже давно бояться поздно.
Иди, как в слепоте идут на голос.

Николай Коновский

Николай Иванович Коновский родился 22 ноября 1955 года в селе Варваровке Алексеевского района Белгородской области. Окончил Литературный институт им. М. Горького (семинар В. Кострова). Мастер русского философско-классического стиха.

Вот как пишет о творчестве Николая Коновского поэт Олег Кочетков: «Неожиданный словарь, тяготеющий к поэзии XIX века, внутренний, не принимающий современной, бытовой жизни мир лирического героя, самоуглублённость в каждом слове, образе — мне встретились впервые.»

Коновский печатался в журналах «Москва», «Молодая гвардия», «Наш современник». Он — автор пяти сборников стихов.

Член Союза писателей СССР. Живёт в Москве.

ТРОСТНИК

СТИХИ О КОЛОМНЕ

...лесок берёзовый Коломны...

Николай Заболоцкий

Зов древности — и нету сладу.
Свет утренний, холодный свет.
Тьмой тамбурной доеду к брату,
В тот край, где не был столько лет.

День облачный. Поля пустые.
Рок тягостен. Стезя темна.
Продажные шумят витии.
Незримая идёт война.

Великое сокрылось солнце.
Возмездия взошла звезда...
Вагон ли? родина несётся? —
В провал, в безумье, в никуда...

Век допит. Рухнули короны...
Свечой восходит к небеси
Лесок берёзовый Коломны —
Кристалл светящейся Руси.

РОМАНС

Божественных звуков роящихся раб,
Лишь диск в комнатёночке тесной
Своей я поставлю — послышится храп
Коней, уносящихся в бездну.

В светящемся мраке задувши свечу,
Предсмертную чужа победу,
Закрывши глаза, обмирая, лечу
По долгому санному следу.

Лишь ветер, лишь громы промёрзшей реки,
Дыханье, признание, рыданье,
Лишь стиснутой насмерть горячей руки,
Несчастной её — трепетанье.

С горячей, безумною язвой в душе,
Мертвец, опадая всё выше,
Ни ангелов грозных не слышу уже,
Ни божьего света не вижу...

ТЫ ДА Я

Снова вместе, ангел мой,
Ты да я, да мы с тобой.

Вместе! — вот и весь наш сказ.
Видишь, сколько много нас!

Век, который не объять,
Как пытался нас разъять,

Как пытался извести,
По вселенной развести!..

Смертной болью обожглись.
Повинились, обнялись...

Тихий, тихий свет лица...
Вместе будем до конца,

Терпеливый ангел мой, —
Ты да я, да мы с тобой.

ВОЛНА

Солёная вечность — ни края, ни дна.
В расплавленном зное —
Голодные чайки, и снова — волна,
Волна за волною.

Волна за волною... Иль вновь — полоса
Пред выбором смертным?²
Как струны, вдали напряглись паруса,
Гонимые ветром...

Свет незамутнённый, живой, как слеза,
Простёрся над лоном.
О том, что за мысом, за вечностью, за
Донёщимся стоном?²

В сокрытой, гудящей, безбрежной глуши —
Бессмертье иль тленье —
Томление духа, томленье души,
Всей жизни томленье?²

Томленье, мученье, спасенье душе
Юдолью земною,
Пока не сокроет последней уже
Бесстрастной волною.

* * *

Холодно-мглистая дорога.
Рассвет неспорый. Мы одни.
Далёко, далеко-далёко
Отмеченные счастьем дни.

А ты не восставай на бренность
Живого и душой внеми
Всему, в чём дух и сокровенность
Небес и алчущей земли.

Короче дни, прозрачней шумы,
Ленивей редкие стада...
И глубже сна, и долше думы
Чернеющая борозда.

* * *

Душа неслышная моя:
Самосожжение и жженье.
И на ладони — муравья
Несуетное копошеньё.

Берёзовый воздушный звон,
Низвергнувшийся к изголовью.
И мир просвечен и пронзён
Животворящею любовью.
И этот дерзновенный страх —
Бессмертье самоумоления —
В деревьях, воздухе, корнях
Таинственное растворенье.

Какая боль и тишина!
И, вознесённая высоко,
Тяжеложумная сосна,
Как тёмный гений — одинока.

ПОЛДЕНЬ

В развалинах миропорядка —
Под ношей тяжкого креста —
Так горестно душе, так сладко
Родимые узреть места:

Леса, объемлющие гудом
Равнины, к осени пусты,
И храм среди них старинный — чудо,
Воскресшее из темноты,

Медвяные поля гречихи...
О вечной грезящий стране,
Ласкающийся ветер тихий —
Что шепчет? Что пророчит мне?

Часы священного покоя,
Освобождение от бед,
От времени, от смерти... Кто я?
Недвижимо-горящий свет.

ТРОСТНИК

Цветут небесные сады.
Цветенье — огненно и ало.
А ниже — дремлющей воды
Несокрушимое зеркало.

Смиранный вековой простор —
Куда ни устремляешь око:
Селения, посевы, бор —
Тяжелодумный и высокий,

И тайной думы властелин,
К небесным отраженьям льнущий,
Озёрный, зыблемый, один,
Без умолку — тростник поющий...

Белесо льющаяся рожь.
Луг, дышащий и благовонный...
О, мыслию лишь возрастёшь,
Как падаешь — уж побеждённый...

Цветение, свеченье, звук,
Медовый, горький дух полыни,
Забвенья, веянья вокруг.
Мучительная благостыня —

Незримо изваянный миг
Над бездною земной дороги.
...О, стать бы сердцем, как тростник,
Горящий ревностью о Боге!

СЛОВО

Когда пробьёт над нами час возмездья,
И мы уйдём в глухую ночь забвенья,
Свой кров и свой очаг, своё пространство
Освобождая чужеземцам пришлым,
Что я скажу: не жаль нас, ибо мы
Превысили долготерпенье Божье,
Пролузгали, пропили, проплевали,
Распродали на улицах — и вот
Посеянное нами пожинаем...
А жаль чего единственно: язык,
Родную речь, божественное слово,
Что как алмаз, соделанный брильянтом
Руками мастеров и духовидцев,
В грязь упадёт, и молча при дороге
Затопчется пятою иноверца...

ЯЗЫК

Глухая ночь... Наитие глагола
Наитие ревущих в бездне вод.
И — бурю взошло. И расколело
Изломанным огнём небесный свод.

О, торжество невыносимой власти!
И гром, и свет — как потрясённый крик...
Необоримой и тяжёлой страсти —
Дошедший до чужой души — язык.

* * *

Звезда ночи, угасшая звезда!..
В природе намечается движение.
И ясно дышит сонная вода,
Очнувшаяся от изнеможенья.

Как свеж и чист, и росен летний луг!
И в тишине, сгустившейся над лугом,
Сквозит и брезжит, вызревая, звук,
Почти ещё не уловимый слухом...

Таинственно и безначально слит
С несмело нарождающимся миром,
Предстательствует и животворит —
Огонь, медленно разлившийся по жилам.

НА СЕНОВАЛЕ

Мир обжигающих созвучий!..
Как одолённый перевал —
Благоуханный и колючий
И необъятный — сеновал!

Повеяло холодным шумом.
И резко — расколело высь!
И звёзды в сумраке угрюмом,
Как мысли чистые, зажглись.

Во мгле — рычали псы. Тревожно
Вздыхал неутомимый вол.
И бояливо-осторожно
Взгляд — внутрь себя — я перевёл.

И ощутил дыханье вала!..
Неизречённое веля,

Вся истомлённая, дышала
Огнём и холодом — земля...

И слышал, как в глухом овраге,
Вскипая, прыдали ручьи.
...И выше — мыслями во мраке
Блистали звёздные лучи!

СВЕТЯЩАЯСЯ ТИШИНА

Дыханье медленное лета!
И жизнь, и ночь — ещё тепла.
И в розовеющих просветах
Древес — клубящаяся мгла.

И лоз кусты ещё — как пятна,
Темнеющие на лугу.
И речь, и скрип, — и всё невятно
Там, на далёком берегу.

И проступающей осины
Тяжёл, не шелохнётся лист...
Как резок брезжущий утиный
Пронзительный и низкий свист!

Пустынны и воздушно-робки
Посвистыванья в тишине.
И смолю пахнущие лодки
Покачиваются на волне.

Вчерашней напоён грозой,
Тяжёл и медлен чёрный ток...
Вот-вот — и тонкой полосой
Туманный полыхнёт восток!

Угрюмые и громовые,
Ещё безмолвствуют леса...
Вот-вот — и различишь живые,
Таинственные словеса!

.....
И вышнего душа взалкала,
И озарилась до дна,
Когда под твердию восстала
Светящаяся тишина.

СОСНЫ ШУМЯТ

Ближе туманная осень.
Чист будоражащий ум
Тяжко разросшихся сосен
Дикий, пронзительный шум.

Это терпенье, движенье,
Возглас — почти уже вой —
Зыбко-тягучим свеченьем
Светится над головой.

Выше — пока ещё мимо —
В сердце вперившие взгляд,
Длительно-неотвратимо
Грозные птицы парят!..

Блики, смешение линий,
Вечностью пахнувший зной...
Голос безжалостной жизни,
Тающей жизни самой...

Тление и воскрешенье.
Чистое, как забытёе —
Позднее успокоенье,
Благодаренье моё...

Грезащий и колыбельный,
Ведает, что не умру, —
Медленно и безраздельно
Ветер, гудящий в бору.

ОБЛАКА

Низкие стаи над лесом.
Степи. Курганы. Село.
...Огненно-острым железом
В самое сердце вошло.

Злаки, налитые соком.
В зарослях вербных река.
Глянул: высоко-высоко
Медленные облака

Тайно, светло и угрюмо
Тяжкий вершащие труд,
Думой, сменяющей думу,
Неуследимо плывут...

ВОСТАВШИЙ ДЕНЬ

Всё зримей степь в краю суровом,
Всё выше сень.
О, как медлителен и ровен
Воскресший день!

И твердь, и ветви краснотала,
И плеск волны —
Всё как бы нехотя восстало
Из тишины.

Хор, вспыхнувший по перелескам —
Хвалу ль творит?..
И всё дробится влажным блеском,
И всё горит!

В земной таинственности лета
Ясней всего —
День благодный, где, кроме света,
Нет ничего...

ГРОЗА ПРОШЛА

Гроза прошла. Угас багровый след.
Томящий миг неуследимо минул.
Запела тварь. И всепобедно хлынул
На землю истончённо-тихий свет.

Вода. Трава. Покой... Во всём. Везде.
Низвержен рок. Свершилось упование.
...В безвестный час, в минуту ликования
Ещё заплачешь о бывшей беде.

* * *

В корнях гудящие соки.
Озёра, налитые всклень.
Могучий, недвижимый, высокий
Исполненный святости день.

Звонит и горит, и струится
Душою, не ведавшей зла.
Под тяжкой ногою земляца
Темна и сыра, и тепла.

Живая. Накатит порою
Тревога ли, туча, слеза —

Застыну, забудусь, закрою
И снова открою глаза:

Багрово тускнеющий запад,
Белёсо-волнистая рожь,
Сквозь липы светящийся запах —
Блаженно просеянный дождь...

МАЙСКИЙ САД

Весь в безмерности
Тонущий взгляд.
Майский день. Белый свет.
Белый сад.
Юный, вишнёвый,
Душно расцвёл,
Весь в гудении,
Пении пчёл.
Ровный звук, белый цвет,
Чистый лог —
Как бездонный
Клубящийся вздох.
Низкий хлад. Лёгкий сонм.
Далека
Вся в струящемся
Блеске —
Река.
Дух земли —
Холодеющий мёд.
Изнуряет. Безмолвствует.
Льнёт.
Дрогнет сердце
Рассветным листом...
В дикой темени
Узришь, потом:
Тихий день. Ровный гул.
Белый сад...
Ни понять. Ни воздать.
Ни объять...

Лев Роальдович Болдов — известный московский поэт. Он вырос в Москве, на Шаболовке, рядом со Старым телецентром и Донским монастырём, в доме, построенном в 30-е годы... И тема города, и тема времени так или иначе отзываются во многих его стихах. Лев Болдов говорит: «Из всех поэтов мне интересны лишь те, кто ощущает себя живущими не только «здесь и сейчас», в чьих стихах, как в раковине, шумит Время, Гумилёв, Пастернак, Арсений Тарковский, Окуджава... Я считаю, что поэт — это прежде всего мироощущение, а не профессия. Это тот, кто живёт на ином градусе души, нежели большинство людей, и не боится обнажать свою боль, рискуя, что у многих это вызовет лишь кривую усмешку.»

Лев Роальдович — один из немногих, кто спокойно, без выкрутасов, верен классической традиции, поэзия его пряма, самостоятельна и бесстрашна. Смутное время не сломило его, а наоборот, укрепило спокойную решимость жить так, как он считает нужным, и не отступать от выбранной стези.

ГУДЯТ МОИ КОЛОКОЛА!

* * *

Как дальний отзвук колокольный —
Моя рассветная пора:
Тот мальчик в синей форме школьной,
Застывший посреди двора.

На нём берет и ранец рыжий.
Он толстогуб и лопоух.
Ещё он жизнью не обижен,
Ещё — как тополиный пух,

Под ноги стелется дорога.
Помедли, не спеши взрослеть!..
Но так торжественно и строго
Гудит раскатистая медь!

Вот юноша, юнец нескладный —
Горлан, мечтатель, стихоплёт,
Уже ступивший безоглядно
На тонкий, неокрепший лёд.

Назад! Беги, ломая сучья!
Но гул растёт со всех сторон.
И в воздухе галдят созвучья,
Как стая вспугнутых ворон!

И вот он — честолюбец, дока,
Разящий рифмой и вином,
Состарившийся раньше срока,
Оставшись вечным пацаном,

Позёр, комедиант бродячий...
Нашёл, упрямец, что искал —
Изведав волчий гон удачи
И одиночества оскал?

...Я знаю, что, не раз отпетый
Своим заложником земным,
Я буду жить. Хоть жизни этой
Не пожелал бы остальным.

Бельмом, посмешищем, кумиром,
Себя раздевшим догола, —
Пока над безучастным миром
Гудят мои колокола!

* * *

Ключи от Рая — у меня в кармане.
А двери нет — весь дом пошёл на слом.

Там наши тени в утреннем тумане
Пьют кофе за невидимым столом,
От общего ломая каравая.
Пузатый чайник фыркает, как конь,
И бабушка, по-прежнему живая,
Сметает крошки хлебные в ладонь.

Присохла к сердцу времени короста.
Но проскользну, минуя все посты, —
Туда, где всё незыблемо и просто,
Где нету страхов, кроме темноты.

Где пахнет в кухне мамиными щами,
Где все печали — мимолётный вздор,
Где населён нелепыми вещами
Таинственный, как джунгли, коридор.

Там детские прощаются огрехи,
А радость не приходит на бровях.
Там сахарные звонкие орехи
На ёлочных качаются ветвях.

Там сказки, словно птицы, к изголовью
Слетаются — любую выбирай!

Там дышит всё покоем и любовью —
Он так уютен, мой карманный рай!

И далеки жестокие години,
Где будет он, как яблоко, разъят...

Земную жизнь пройдя до середины,
Я постоял — и повернул назад.

КОЛОДЕЦ ПЕТЕРБУРГСКОГО ДВОРА...

Колодец петербургского двора,
Где время — как стоячая вода,
В которой отражается «вчера»,
А «завтра» не наступит никогда.

Где низкие провисли небеса
Над угловатыми плечами крыш,
И мертвецов оживших голоса
Звучат из-за стены, покуда спишь.

Здесь ничего не знаешь наперёд,
Не ведаешь, прихлёбывая чай,
Как память за рукав тебя берёт
И в прошлое уводит невзначай.

И вновь клокочет коммунальный быт.
На кухнях — перебранки, дым и чад.
И репродуктор из угла глядит,
И песни довоенные звучат.

Вновь позывные: «Я тебя найду!...»
«Это ошибка... разберутся... жди!...»
И снова кто-то падает на льду,
Прижав горбушку чёрствую к груди...

Очнёшься. Сиротливый дождь бубнит.
За окнами — тяжёлых капель взвесь.
Должно быть, кто-то там ещё хранит
Тебя, в залог оставленного здесь.

И только лифт грохочет, как бадья,
В колодце петербургского двора,
Вылавливая из небытия
Крупичи затонувшего «вчера».

* * *

На тебя обращали внимание все.
Даже бомж, ночевавший в кустах у шоссе.
Вышибалы, бармены, сержанты ГАИ
Столбенели, на прелести глядя твои!

Ты джигитов на рынке сводила с ума,
Фирмачи подвозили тебя задарма.
И курчавый, как Маугли, шейх нефтяной
Умолял тебя стать его пятой женой!

А твой муж был плюгав, и скандален, и скуп.
И привычная желчь с его капала губ.
С ним жила ты, как в зоне, как шла по ножу.
А он лишь усмехался: «Вали, не держу!»

Вы ругались, как грузчики, пьяные в дым.
И ты хлопала дверью, срываясь к другим,
С кем — букеты, круизы, рассветы в Крыму!..
И, бросая их всех, возвращалась — к нему.

Неужели вот так надо было с тобой?
Чтоб домой каждый вечер ты шла, как на бой,
Чтоб дрожала от злости, слезами давясь,
И не в силах была разрубить эту связь?!

Неужели вот так? Ты не скажешь сама.
Улыбнёшься — улыбкой, сводящей с ума.
Всех обложек достойной тряхнёшь головой.
И пойдёшь, удаляясь, осенней Москвой.

* * *

Все слова мои — невпопад,
И сбоят строка.
Ведь моя любовь — водопад,
А твоя — река.

Ты смеющийся даришь взгляд,
Ты почти близка.
Но моя любовь — водопад,
А твоя — река.

Я не спорю с тобой ничуть,
Подчиняюсь судьбе.
Будет к морю всегда твой путь,
Мой всегда — к тебе.

Это вовсе не «злбный рок»,
Не пижонский риск —
У твоих разбиваться ног
Миллионом брызг!

Скроет ряска небытия
Наших лиц черты.
Но пока не иссякну я —
Не иссохнешь ты.

И неважно, какой расклад
Нам сулят века,
Ведь моя любовь — водопад,
А твоя — река.

* * *

Мы были счастливы почти —
Сто лет назад тому,
Когда дразнящие лучи
Пронизывали тьму,

Когда рассеивали мглу,
Из коей возникал
Одежды ворох на полу,
Недопитый бокал,

И ветка тополя в окне,
Вся ждущая весны,
И ты — прильнувшая ко мне,
Укутанная в сны.

Мы были счастливы — почти.
Ну что ж, протри очки.
И строки эти перечти.
И — разорви в клочки.

Пока не навалилась ночь
Всей тяжестью вранья,
Пока сопит в кроватке дочь
(Прости, что не моя!)

И прошлого косую тень
Стирает властно явь...
А завтра — Валентинов день.
Ты позвони — поздравь.

* * *

Блестит сквозь ветви лезвие реки,
Скулят машины в сутолоке пробок.
Мы снова врозь, мы снова далеки.
Но всё же ближе, чем живя бок о бок,

Жуя обид невысказанных жмых,
Внушив себе, что не отсюда родом...
Так много было счастья на двоих —
Мы отравились им, как кислородом!

Зато теперь, вдали от чуждых глаз,
Бродя, как гунны на обломках Рима,
Пространство, разделяющее нас,
Друг другом заселяем мы незримо.

И, ничего не требуя взамен,
Мы ждём, смирившись с горестным уроком,
Когда оно сожмётся ненароком —
До четырёх нас приютивших стен!

* * *

...А ты меня взглядом проводишь на плаху
И будешь следить из окна, не мигая,
Как дюжий палач разорвёт мне рубаху
И как напряжнится шея худая.

Ты будешь смотреть, улыбаясь туманно,
И будет постель после ночи раскрыта...
Моя Клеопатра, о как ты гуманна!
Как радует казнь твоего фаворита!

К чему милосердья трусливые вздохи?
Я к тайнам нирваны отныне причастен.
Мне больше от жизни не надо ни крохи,
Мне с нею расстаться теперь будет счастьем!

И жилы набрякнут узлами тугими,
И вспыхнет секира над площадью людной!
...Когда б было так — я б шептал твоё имя
И Бога молил за тебя бы в день судный.

Но трубы герольдов народ не разбудят.
Наш век из другого нас вылепил теста.
Палач перепился, и казни не будет,
И мочатся суки на лобное место!

И по заметённому снегом настилу,
По выцветшим доскам житейского театра,
Решив, что напрасно меня обольстила,
Ты молча уходишь, моя Клеопатра!

Ты гордо уходишь, оставив мне муку
И жизни, и этой божественной ночи,
Чтоб снял я в притоне продажную суку
И с ней забывал твои дерзкие очи!

Чтоб жил я, твоею изменой боля.
Не жил — а жевал эту жалкую жвачку.
И помнил, как ты убивала — жалея,
В плебейской крови моей рук не запачкав!

* * *

Это тяжесть крыла, что не в силах взлететь.
Это тяжесть дождя, что не в силах пролиться.
И повисла грозы занесённая плеть
Над распластанной в пыльном удушьи столицей!

Это тяжесть плода, что не в силах упасть.
Это тяжесть волны, к парапету прибитой.
Тяжесть пули, которой в мишень не попасть,
Тяжесть пены, которой не стать Афродитой.

Это тяжесть слезы на огарке свечном.
Тяжесть звёзд, обречённых в пространствах скитаться.
Это мы, что стоим на перроне ночном —
И не вправе любить, и не в силах расстаться.

* * *

Как эта осень дивно хороша —
В своём неброском домотканом платье!
Как будто отболевшая душа
Раскрыла небу детские объятья.

Какая правит миром тишина,
Как сыплет сквер дукаты золотые,
Как будто вновь надежда прощена
За все свои посулы холостые.

Какой над рощей розовый закат,
Как тени облаков скользят по лугу —
Как будто я тобой ещё богат,
Как будто мы ещё нужны друг другу.

ПИГМАЛИОН

Я тебя сотворил из всего, что не прожил.
Я на волчью тоску красоту твою множил.
Я любил тебя так, как живых — не умею,
Чистый образ твой вырезав, словно каменю.

Я был верен тебе — рукотворному чуду.
Но твои отраженья плодились повсюду.
Возникая из тёмных зеркал, словно опий,
Одурял меня калейдоскоп твоих копий!

Я метался в жару, я был жалок и мелок.
Я не мог свой шедевр отличить от поделок,
Всякий раз устремляясь душой к твоим сёстрам
С их русалочьим смехом, как лезвие острым!

И прижал я ладонью опухшие веки.
Я глазам своим верить зарёкся навеки.
Я желал не любви — лишь реванша и мести.
И исчезли виденья — и ты с ними вместе.

Я один, пью забвеньё из каменной чаши.
Я дичусь красоты — тем фальшивей, чем краше.
Если встречу тебя — приз моих унижений —
То приму за одно из твоих отражений.

* * *

Не моя это женщина, не моя.
Не со мною уходит она в метель.
И во сне обнимаю её не я.
И уж точно мне с ней не крестить детей!
Отчего же украдкой среди толпы,
Оживлённо лопочущей напоказ,
Я ловлю её взгляд, как призыв судьбы,
Как укор, как провиденье, как приказ?

Не моя это женщина, видит Бог.
Дальше звёзд от меня она далека.
И не я стелю ей под ноги мох,
И не я раздвигаю ей облака.
Не моих ни корней она, ни кровей.
Отчего же так судорожно близка
Эта складка упрямая меж бровей,
Эта прядь непослушная у виска?

Не моя это женщина, не моя.
Ни вчера, ни когда-нибудь, ни теперь.

Даже строчкой одной не отмечусь я
В славном перечне встреч её и потерь!
Отчего же, отброшен взрывной волной,
Вновь спешить я готов на её манок —
Понимая, что так уже ни с одной
Не смогу быть ни счастлив, ни одинок.

* * *

Давно прорван фронт, и разгромлены фланги,
И шрамы траншей поросли беленой.
И больно мне знать, мой развенчанный ангел,
Что даже несчастлива ты не со мной.

Пылятся в запасниках перья и латы,
Бездельник Эрот бороздит небеса.
И горько мне знать, что мы были крылаты —
Пусть месяц, пусть сутки, пусть четверть часа!

Что был тот приют на окраине мира,
И роза в кувшине, и дождь за окном...
Что жизнь, как колодников, гонит нас мимо
Нас прежних, хранящих себя под сукном,

Что боль, уступившая место злословью,
С подрезанных крыл облетит, как пыльца,
Что нас, откупившихся малою кровью
От слишком рискованных шуток Творца,

Списали на землю, где мы рассосались
В толпе, где увязли, как мыши в крупе, —
Чтоб даже лопатки у нас не чесались,
Коль встретимся снова на узкой тропе.

* * *

Стихи писать — не женское занятие.
Поэзия — скрепённый шпаг под статью.
Поэт и воин — сходные понятия,
А слабый пол не должен воевать.

Вы для другого рождены полёта,
Вам не к лицу над строчкою корпеть.
И наша откровенная забота —
Вас защитить, утешить и воспеть.

А вам успехов хочется скандальных,
Вам опостылел мелочный уют.
Вам, бедным, лавры двух богинь опальных
Ночами спать спокойно не дают!

Во все года, в столетия любые —
Какие бы ни правили «верхи» —
Мужскими привилегиями были
Дуэли, войны, пьянки и — стихи.

Зачем вам с нами, грешными, тягаться
И в жертву свою женственность нести?
Для нас писать — что на турнирах драться.
Для вас писать — что на костёр идти!

Но вас не испугать жестокой долей.
Привычно, не ропща и не скорбя,
Всё самое тяжёлое в бедовой
Мужской судьбе вы брали на себя!

Наперекор канонам и обрядам,
Превозмогая слабости и страх,
Плечо к плечу вы были с нами рядом
И в ссылке, и на фронте, и в стихах!

От фортепьян, балов и политеса
Шагнули вы в прорыв мятежных лет,
Салонное словечко «поэтесса»
Сменив на званье гордое «поэт»!

И шли — сквозь поцелуи и проклятья.
Так шли, как не под силу мужику!
Поэзия — не женское занятие.
Но мы в ней перед женщиной в долгу!

* * *

...Я вышел на поиски Бога.

А. Галич

Как шар, извлечённый из лузы
На майскую зелень сукна,
Я вышел на поиски Музы —
Ведь где-то должна быть она.

К возвышенным чувствам готова,
Не требуя райских дворцов —
Ассоль, Маргарита, Ростова...
Да мало ли есть образцов!

Бесформенные, как медузы,
Текли между пальцев года.
Являлись залётные музы
На час — чтоб уйти навсегда.

Мотали классически нервы,
Клонируя ангельский вид,
Богини, престелницы, стервы —
Достойные сёстры Лилит.

Я сглатывал горький осадок
И вновь на рогатины лез,
Стихами бомбя адресаток.
А вкрадчивый голос, как бес,

Шептал, что моя половина
Осталась в иных временах,
В мятежных фантазиях Грина,
В сиреневых блоковских снах.

А здесь — все романы кургузы,
Работает жизнь, как тесак,
И ждут покровителей музыки,
А вовсе не нищих писак!

Смириться давно уж пора бы,
Слюбиться — как доллар с рублём,
Ведь есть же нормальные бабы,
Ведь так и помрёшь бобылём!..

Но рвутся бессильные узы
Под взглядами Шехерезад!
Я вышел на поиски Музы,
И нет мне дороги назад!

* * *

С. Геворкяну

Талант — не дар, а банковская ссуда,
Годами возвращаемый кредит.
На фунт изюма — горечи полпуда —
Господь за дозировками следит!

Ты думал в рай попал — проветришь, парень!
Всевышний — не купчишка-филантроп.
Ты завербован им, а не одарен.
И жизнь положишь, расплатиться чтоб.

Забудь же все земные погремушки —
Ты лиру под расписку получил.
И с той минуты, братец, ты на мушке —
У Неба, не у рыночных жучил.

Но, сознавая, что из жизни выпал,
Что перекрыт надёжно путь наверх,
Себе признайся честно: был же выбор,
Хоть ты его с презрением отверг.

Ты мог бы в кабаках сорить деньгами
И нежиться в барханах женских тел.
Ты мог бы быть — с твоими-то мозгами —
Покруче многих, если б захотел!

Вольно ж тебе, над рифмами шаманя,
В услужливые веря чудеса,
Сидеть на кухне с фигою в кармане,
С оплаченной путёвкой в небеса!

ХРИСТОС

Он знал, что воскреснет. Но так, как поэт —
Стихами. Когда отпоят и отплатят,
И рукописи за подкладку спрячут —
До времени, чтоб не слепил этот свет.

Он знал, что воскреснет — ярчайшей звездой.
Не в тех, с кем делился краюхою хлеба —
В немногих безумцах, глядящихся в небо
И в топку идущих за ним чередой!

А прочим останутся пряник и кнут,
Скелет толмачами обглоданной притчи.
Но будут под снегом следы его птичьи
Отыскивать те, кого завтра распнут!

Кто сделает этот немислимый вдох —
И выдохнет жизнь — сгустком спёкшейся крови!
Он знал, что воскреснет — не в славе, но в слове —
Для тех, кто поверил, что слово есть Бог!

* * *

Коль до срока себя похоронишь,
Протрубишь втихомолку отбой,
Чёрным вороном сложит Воронеж
Два бесшумных крыла над тобой.

Расточай же своё дарованье,
Пей с великими накоротке,
На продавленном сидя диване,
Как в нирване, со стопкой в руке!

Хриповатая крутится плёнка,
Возвращая далёкие дни.
И другая возникнет девчонка
У жены твоей юной в тени.

Улыбнётся немymi губами,
Светлый локон со лба отведёт —
И уйдёт проходными дворами —
Как осколком по сердцу пройдёт!

Ты гитару рассеянно тронешь,
Словно в давнем грехе уличён,
И гортанною стаей Воронеж
За твоим отзовется плечом!

И как будто ни в чём не виновен,
Будешь долго курить на ветру,
Где с жилыми подвалами вровень
Снег нетающий ляжет к утру.

* * *

В стране, где знать бандитская с милицией
Срослась, где вор на воре испокон,
Меня мутит от наших серых рыцарей,
Привычно воплощающих закон!

И вроде всё прозрачно в мире утреннем,
И вроде не замешан ты ни в чём —
А тянешь паспорт, съёживаясь внутренне,
Как будто бы уже разоблачён!

И мысли диковатые проносятся,
И пробегает искрами мороз —
От глаз, тебе глядящих в переносицу,
От ксив, небрежно тыкаемых в нос!

Тот страх — не от былого, полустёртого,
Где мчат в ночное «воронков» стада,
От хмурых стен Бутырки и Лефортова,
В которых вроде не был никогда,

От времени, где вся страна поделена
На камеры, где стал рутиной ад,
Где сын в отца вцепляется растерянно,
Твердящего, что он не виноват!..

И нам не стать вовек хвалёным Западом,
Пока синдром тот в памяти не стёрт,

Пока несёт параш тюремным запахом
От выхоленных депутатских морд,

Пока в разъятой на куски империи
Под митингов бессмысленных понос
Наследники Вышинского и Берии
Мне ксивой деловито тычут в нос!

Чтоб ожило то давнее, недетское —
Из генов, из не мной прожитых лет,
И чтоб нутро моё интеллигентское
Позорным страхом ёкало в ответ!

* * *

Этот странный мотив — *я приеду сюда умирать.*
Коктебельские волны лизнут опустевшие пляжи.
Чья-то тонкая тень на подстилку забытую ляжет,
И горячее время проворно завертится вспять.

Я приеду сюда — где когда-то, мне кажется, жил.
И вдыхал эту соль, эту смесь волхованья и лени.
И полуденный жар обжигал мне ступни и колени,
И полуденный ангел, как чайка, над пирсом кружил.

Я приеду сюда, где шашлычный языческий дух
Пропитал черноусых жрецов, раздувающих угли,
Где, карабкаясь вверх, извиваются улочки-угри,
И угрюмый шарманщик от горького пьянства опух.

Этот странный мотив... Я, должно быть, и не уезжал.
Всё вернулось, как встарь, на глаза наворачнувшись слезами.
Вот возницы лихие с тяжёлыми едут возами,
Чтоб приморский базар, как встревоженный улей, жужжал!

Вот стоит в долгополом пальто, чуть ссутулившись, Грин.
Это осень уже, треплет ветер на тумбах афиши.
Остывающим солнцем горят черепичные крыши,
К покосившимся ставням склоняются ветки маслин.

Этот странный мотив... Ты забыл, мой шарманщик, слова.
Я приеду сюда умирать. Будет май или август...
И зажгутся созвездья в ночи, как недремлющий Аргус.
И горячие звёзды посыплются мне в рукава!

Детство Ларисы Александровны Морозовой прошло в Коломне. Окончила Первое московское областное музыкальное училище. В 1978 году окончила Государственный музыкально-педагогический институт им. Гнесиных по специальности «музыковедение».

Впервые её стихотворение появилось в газете «Коломенская правда», когда автору было 13 лет.

Пишет песни. Печаталась в журнале «Студенческий меридиан». В 2001 году вышел поэтический сборник «Клавиши», в 2008 году — «Ветер времени».

Живёт в Москве.

АПОКРИФ ДЕРЕВА

ПИСЬМО С ПТИЧЬЕГО РЫНКА

Здравствуй! Я тебя узнала сразу.
Мы лежали рядышком в корзинке.
Ты косил печальным карим глазом
В щёлку на хозяйские ботинки.
Утром утопить меня велели,
А тебя сапожнику отдали.
Больше ничего мы не успели.
Больше мы друг друга не видали.

Здравствуй! На себя я не похожа
Без хвоста и плавников дельфиных.
Только, может, милый, вспомнишь всё же,
Как с тобой играли в волнах синих?
А когда меня поймали в сети,
Ты остался за чертой прибоя.
Помнишь, как прекрасно жить на свете?
Помнишь море — тёплое какое?

Здравствуй, милый! Я тебя узнаю,
Даже если ты с другой летаешь.
Птица беззаботная, лесная,
Наших песен ты не забываешь.
Пусть гнездо, построенное прежде,

Разорили в чаще злые совы —
Что тогда мы знали о надежде,
О любви и мужестве весёлом...

С крыльями, ушами, плавниками —
От какой стихии, кто теперь я?
Странный зверь парит под облаками,
Ветер гладит чешую и перья.
Мир качнётся — и за гранью зыбкой
Вдруг соединятся половинки:
Стану я собакой, птицей, рыбкой —
Ты меня найди на Птичьем рынке.

АПОКРИФ ДЕРЕВА

Быть не может, чтобы Иосиф
Не учил сынка ремеслу,
Что, ребячьи дела забросив,
Не вставал он порой к столу,

Где светились медово стружки —
С малолетства его игрушки,
Где и сам он смолой пропах,
Помогая пригнать друг к дружке
Части ладные на шипах.
Наводил на поверхность глянец
Под размеренный разговор
И, ссадив ненароком палец,
Умываться бежал во двор.

Ну, а где-то все эти годы
Ждало древо такой породы,
Что и время его не ест...

Может, в горестный день исхода
Думал он, что на совесть кто-то
Делал этот тяжёлый крест?
Не родной ли древесный запах
В смертный час ощутил он вдруг,
В свежеструганных крепких лапах
Возносимый для крестных мук...

Милосердного омовенья
Ждал, не чуя прикосновенья
Злых шипов своего венца —
И, как мальчик босой когда-то,
Рад был, что ещё до заката
Возвращается в дом отца.

* * *

В Галилее трава шелковая,
Море ласковое у ног,
Горизонт голубою подковою
И тропы золотой вьюнок.

Хорошо со звездой внимательной
Среди сонных шагать полей
В Назарет, засидевшись затемно
С разговором у рыбаков;

Пахнет лаврами и вербеною
Ветер, нежащий облака,
И течёт тишина блаженная
На холмистые берега.

И, счастливым покоем знания
Преисполнившись от земли,
Просто следовать за призыванием,
Оставляя следы в пыли.

БИБЛЕЙСКОЕ

Через века осудит православие
Безнравственность такую — а пока
Ведёт к царю красавицу Вирсавия:
Пускай она согреет старика.

Пусть нежное касанье этой радости
Не перевесит память о былом, —
Пребудет с ним глоток последней сладости,
И может быть — напишется псалом.

* * *

...всё ходит по цепи кругом.

А. С. Пушкин

Витает запах травяной
С утра над стриженным бульваром,
Зелёный Пушкин на Сенной
Печальным кажется и старым.

Он — тенью солнечных часов —
Скользит в кругу цепей тяжёлых.
Судьба — лишь эхо вещей слов,
И ясно слышен звон оков
В её насмешливых глаголах.
Но вот уже летит душа,
Чья песнь земная не допета,
Себе одной принадлежа,
Туда, где северное лето

Без ночи днём сменяет день,
Где у окон лиловым воском
Цветёт в Михайловском сирень,
Хохочут барышни в Тригорском,

Чеканя ямбы, конь несётся,
Блестит у стремени вода...
А впереди — любовь, как солнце,
И жизнь, и радость. Навсегда.

* * *

Да будет сон... Телами души грея,
Мы странствуем повсюду налегке.

В будильнике царапается время,
Как майский жук, пленённый в коробке.

Не знает жук — надолго эти двое
Ушли, его оставив одного?

Им хорошо: у них над головою
Счастливый парус — больше ничего,

Да музыка, которой не запомнят
И не возьмут с собой из этих мест...

А жук сидит во тьме забытых комнат
И тишину, как лист зелёный, ест.

И что им жук? О бедном насекомом,
Наверное, подумать недосуг.

По городам и весям незнакомым
Они во сне заканчивают круг.

Яснеют запрокинутые лица,
Дыхание становится слышной...

Ах, полно — никакая небылица
Дождливого рассвета не важней,

Улыбки просыпающихся улиц,
Потрескиванья майского жука...

Как хорошо, что вы сюда вернулись!
Пустите на свободу старика.

* * *

Ах, октябрь, голубое барокко,
Ослепительный день Покрова...
На прощанье — роскошно и строго:
Белый снег. Золотая листва.

А наавтра — черна и убога,
И заплакана, словно вдова,
Собирается осень в дорогу,
Занавесив ледком зеркала.

Нет ей больше ни дела, ни места,
Ни того, чем могла б дорожить;
Завтра здесь ледяная невеста
Будет в медленном танце кружить.

Сорок дней до последнего срока
Невозвратному чуду барокко.

* * *

Давай-ка мы после прогулки
С молчаньем на множество тем,
Где лишь сквозняки в переулке,
Бездомные, бродят у стен,

Где пригоршни мокрого снега
Вот-вот обернутся дождём,
К художникам прошлого века
Как к давним знакомым зайдём.

Оставим при входе полтину:
И в залах, безлюдных почти,
Отыщем такую картину,
В которую можно войти.

Вот солнцем нагретые крыши,
Акации синяя тень,
И ветер беспечно колышет
В окне занавеску весь день.

Приметами долгого лета
Наполнен полуденный час,
И кажется, улица эта
Нас выведет к морю как раз...

Вот башни угрюмой твердыни,
Трепещущих факелов ряд.
Вот маки в весенней пустыне,
Как капельки крови, горят.

Что выбрать — серебряный глетчер,
Корабль на зелёной волне,
А может быть, это — где вечер
И теплится свет в глубине?

Сквозь ветви заросшего сада
К нему проберёмся с трудом:
Похоже, что эта мансарда —
И есть наш потерянный дом...

Над заледенелым погостом
Изябнет душа, а потом
Возьмёт и согреется просто
Под этим горбатым мостом.

Вон, кстати, и старьё бродяга —
Любому пристанищу рад...
А рядом — пиратского флага
Полотнище — «Чёрный квадрат».

И жутко над ним, как над бездной,
И весело, словно в кино, —
Но после сеанса, известно,
Нас выставят вон всё равно.

Ах, время бежит — галерея
Закроется после шести...
Найдём же картину скорее,
В которую можно уйти.

* * *

Дурачиться, от нежности спасаясь —
Ещё Шекспиру ведомый приём.
О, как же уязвима эта завязь
Любви, которой мы не признаём!

Не узнаём... И значит, не узнаем
Невинного соблазна глаз и уст,
Звонящий сад не обернётся раем,
Чей сладкий воздух золотист и густ.

Ах, зелен плод, и нам его не надо...
Мяч не достанет — экая досада,
Пусть от рогатки прячется в листву!

Два сорванца своей забаве рады,
А кто-то целит в них из-за ограды
И не спеша спускает тетиву.

* * *

Не сожалей, что ночь без сна.
Пускай окажется она
Сегодня домом, а не клеткою.
У ног свернулась тишина,
А в раме твоего окна
Заклочена картина редкая:

От звёзд в серебряной пыли
Таинственно пространство сужено,
А в створках неба и земли
Сияет лунная жемчужина.

Смотри, как в книгу перемен...
Замрут часы, не станет стен,
И всё вдруг с мест привычных стронется:
Не в силах время превозмочь,
Неспящий мир глядит всю ночь
В окно, где ты — его бессонница.

Михаил Михайлович Болдырев родился в 1950 году в посёлке Погиби Сахалинской области. В 1971 году окончил Сахалинское мореходное училище. Работал на судах рыболовного и торгового флота. С 2009 года живёт в Коломне, работает на цементном заводе.

Стихи пишет давно. Основное направление в творчестве — лирика. Михаилу Болдыреву удаётся передать в своих строках искреннее, светлое чувство любования родной природой, ощущение единокровной связи с ней.

Любовь в стихах поэта — нелёгкая, выстраданная, но она же — источник вдохновения, приносящего радость.

Михаил Болдырев — оптимист по складу характера, человек, твёрдо стоящий на родной земле и видящий мир отнюдь не сквозь розовые очки. Оттого с таким надрывом души рождаются у поэта строки о заброшенных полях России, и горячо молится он за неё.

ПЕСНЯ ПРОСИТСЯ НА ВОЛЮ

* * *

Где табун гривастых яблонь
Пьёт вечернее тепло,
За берёзовым окладом
Поле в сумерки легло.
Песня просится на волю,
Словно птица из силка.
Тихой далью кто-то молит
За меня у образка.
Тёмен лик, оклад потёртый:
Видно, там, в пыли дорог,
Мой хранитель, сердцем добрый,
Слово светлое сберёг.
Бог простит меня, я знаю,
Потому, что зёрна слов
В поле тёмное бросаю,
Чтобы выросла любовь.
Чтобы ею колосилась
Болью выжженная даль,
Чтоб земли моей избылась
Бесприютная печаль.

ПРИЗНАНИЕ НА СОРВАННОМ ЛИСТКЕ

Ока. В глазах моих остуда
Осенней прелести твоей.
И я с тобою ниоткуда
И в никуда сквозь пальцы дней.
Сквозь эти зычные просторы
И сквозь разбойный бурелом
Твои языческие взоры —
На колокольный перезвон.
Мостов железные браслеты,
Излучин светлых тетива,
Над полем серый конь рассвета
Рвёт золотые удила.
Мне с ним лететь в твои поэмы,
Где рифмы сосен до небес,
Где легкомысленны царевны
И бьёт в ребро весёлый бес.
А я возьму тебя в подруги,
Как брал ушкуйник-удалец,
Когда под сабельные вьюги
Багрянил осени рубец.
Когда в глазах последней песней
Кому-то грезилась Рязань,
И холодел в ладони крестик,
Как ты в израненную рань.
Пусть над тобой под небом стылым
Лесов глумится тишина,
Плывёт за храмом белокрылым
Твоих туманов седина.

К РОДИНЕ

Не приголублена от века.
Твои истории просты.
На росы рдяные с разбега
Не ляжет острый взгляд косы.
Не пригубила сладкой доли:
Всё горький пот на скорбный лик,
И бьёт в заброшенное поле
Холодной грустью твой родник.
И баба тесто не замесит
На золотистый каравай.
А я молю: возьми хоть песни
Мои — в них жалость через край
К деревням, брошенным в сиротство,
К дорогам тихим за рекой,
Души моей родное сходство

С твоей нелёгкою судьбой.
Пусть где-то там, в краях богатых,
Где жизнь — азарт, где жизнь — разбой,
Мелькнёт лицо твоё в закатах
Со всепрощенческой слезой.

МОЯ МОЛИТВА

Молюсь молчанием врагов,
Молюсь распятием озёр,
Расстрельной росписью ГУЛАГа
На всесоюзный приговор.
Моя молитва безыскусна,
Не из евангельских листов:
Храни, Господь, нас от искуса
Пропахших порохом дворов.
Храни от рабского безволя
И от речистого вранья.
До края Чаша русской болью
Уже наполнена твоя.
Молюсь изрубленным иконам,
Упавшим звонницам в польнь.
Молитва в горле горьким комом,
Да жизнь не сладкая. Аминь.

МИТИНГ

Правое дело, левое дело,
Мальчики бравые, девочки смелые.
Всё это было, всё это пело...
Кровью стреляло в стеночки белые.
Тысячеглаза, тысячелица
Топчется площадь, горласта столица.
Эй, не зевай! Расторопные ропщут:
Справа ли, слева — сомнут да растопчут.
Словно петля, ОМОНовцев круг.
Ты им не брат, не товарищ, не друг:
Непроницаемы головы-каска,
Для бунтарей — дубинная ласка.
Правое дело, левое дело —
Рвётся на части Родины тело.

* * *

Живём по привычке, предчувствием
Пути неизбежно печального.
К Богу бежим за сочувствием —
Отпрыски рода опального.
Клянёмся никчёмными клятвами
На пепле сожжённых знамён.
Смотрите: тёмными пятнами
Камень у стенки червлён.
Гоняет по улицам ветер
Обрывки поблёкших идей.
Есть ли ещё на свете
Земля, что моей светлей,
Где золотые косы
Гладит в рассвете плёс,
Где кровянеют росы
На подоле берёз?
Живём. Но ещё не оплачена
Горьких бурьянов скорбь:
Видно, от века назначена
Смуты мятежной хворь.
Ваши предчувствия — к чёрту:
Выкрадут или пропьют,
Или весело в морду,
Не разбираясь, дадут.
Вот она — жизнь безответная,
Вот она — всё нипочём...
Где ты, земля моя светлая? —
Горький бурьян за окном...

* * *

Немного праздников у Родины моей,
Когда душа крылата вдохновеньем,
Когда играет радугою дней
Небес весёлое теченье.
Когда врываются в окно
Тепло и смех ребячий из проулка,
Когда вокруг, как в памятном кино,
Мир добр и пахнет свежей булкой.
Немного праздников у Родины моей:
Всё больше дней с печальным окоёмом,
И небо с тёмным всполохом грачей
Кружит и плачет над притихшим домом.

* * *

Сидели, мечтали и пили
Рассвета тягучую мглу,
И мысли свои потрошили,
Как рыб на морском берегу.
Меняли рассветные дали
На полночь и липкий закат,
А годы за нами стояли
Строем уставших солдат.
Умолкли тревог барабаны,
Знамёна свернули в пыли.
Под рваным плащом из тумана
Весёлыми нищими шли
Когда-то отпетые песни,
Хрипя нам истошно: «Ура!»,
И птицы, как грустные весты,
Кружили в ладонях двора.
А нынче мы стали не теми,
Не с теми сидим до утра.
Но в темени тёмного времени
Саднит вселенной дыра.
И к чёрту мусолить былое,
Рассвета тягучую мглу:
Пока ещё слово — живое,
И птица на светлом лугу.
Встряхните от пыли знамёна,
Ударь в барабан, звездочёт! —
Блестит на гранитах-погонах
Цепкого холода лёд.
Мы просто с тобою жили
И, знаешь, ещё поживём:
Нас старые песни любили,
А новыми — ночь подожжём.
И всё, что стоит за плечами —
Святая моя сторона.
Целую твои печали,
Святыя твои письма.

* * *

Моей любви обветренные губы,
Моей надежды робкие глаза.
Как корабли, уходят наши судьбы,
Ветрам случайным бросив паруса.
Они уходят, берега покинув,
Где мы с тобой касанием руки
Срывали с гор отчаянных лавины,
Взрывая страсти тайной ледники.

Мне суждено, поверивши однажды,
Что жизнь моя — зачитанный роман,
Свершить у времени неслыханную кражу
И всё отдать за праздника обман.
Играй, душа, сочитесь болью, песни! —
Терять себя порою так легко...
И носит ветер листья, словно вести,
В которых осень — красною строкой.

* * *

Эта страсть — как полночная прорубь,
Тонет в ней обнажившийся взгляд.
Кличет нынче глашатаи холод,
Раз святые костры не горят.
Эта страсть — словно лобное место:
Будет милость тебе палачом.
Во дворе позабытой невестой
Плачет ива под стылým дождём.
Эта страсть — по рукам, как по рекам,
Поплыла за зелёным теплом.
У зарницы залётной по векам
Прокатился отчаянный гром.
Что останется — Бог не отнимет,
Не обидит сошедших с ума.
Эта страсть, словно Чаша, не минет,
Как не минет убогих сума.

* * *

По щекам моих желаний
Хлещет пьяная полынь.
Сад зелёных заклинаний
Слов моих вдыхает дым.
Где-то, колокол июля,
Кольхнул заветный гром.
Чистит медные кастрюли
Даром солнце за углом.
Я терплю твои капризы,
Молодая сердца прыть:
Под весёлым лепет брiza
Мне б под парусом уплыть
В те края, где ходит важно,
Как вельможа, пеликан,
Где грозитя абордажем
Мне пиратский капитан.
Только глаз моих приволье
Круче, чем пиратский флаг.
Серебром ночного поля

Заплачу тебе, собрат.
Жемчуга тоски полночной
На сафьяновый рассвет.
За спиною месяц точит
Милосердия стилет.
Будет пахнуть порт весёлый
Красным порохом любви,
Сыпать песенной крамолой,
Привечая корабли.
Там легенды правдой станут
На обветренных губах
И меня легко обманут
У гадалки при свечах.
Бирюзовым грянет цветом
Ветер в парус бригантин.
Уплывает с ними лето
Под романс моих седин.

* * *

Вдоль берегов туман
и запах сизый дыма.
В колоде дней былых
всё пики — вечера.
А над душой моей,
малиново ранимой,
Под первую звездою
сошлись колокола.
И словно кликнул кто
недремлющую стражу,
И высекли огонь
в глазницах у ночи,
А сердце втайне ждёт
немыслимую кражу,
Отдав лихой судьбе
заветные ключи.
Вот так струится месть
по лезвиям холёным,
Вот так в больничный сон
стучится вороньё
К тому, кто в этот свет
был намертво влюблённым,
К тому, кто словом лёг
на тёмное жнивье.
Где праздник загремит —
там красные рубахи,
Там бабы шелестят
губами на заре.

Я буду с ними пить,
как приведённый к плахе,
Весёлых глаз вино
в заплёванном дворе.
И стражники мои
на счастье кинут карту,
Под хохот смутных туч
оскалится луна.
Я заплачу за всё
невиданную плату:
Малиновой росой
расплатится сосна.

* * *

Весны читаю письма,мена,
Полей расправлены страницы.
Любимые светлеют имена,
Как от любви светлеют лица.
К ним строки лёгкие, как цвет,
Что липа бросила на ветер,
И неба голубой конверт
Печатью солнца день отметил.
Душа открытого окна
Полна поющих откровений.
Весны читаю письма,мена,
Где каждый знак, как знак знамений.
Всё то, что болью проросло,
Что рвало тёмное ненастье,
Так беззащитно расцвело,
И вьётся жаворонком счастье.

* * *

Уходим вдаль от тёмного причала,
Как от молитвы, тянущейся вслед.
Огнями сонными земля мигала,
Закутавшись в промокший плед.

Я ветер брал за кудри ледяные,
Как беспризорного пройдоху-пацана,
А он мне пел про ливни золотые
На дни мои из серого сукна.

Пусть эта жизнь с повадкой битой шлюхи
На клятвах ставит по привычке крест,
Мне шепчет ветер на краю разлуки:
В ней что-то есть от робости невест.

В ней что-то есть, не тронутое грубо,
Как в юности под ливнем золотым
Девчонки робкой трепетные губы
На поле — с колоском ржаным.

НОВОГОДНЕЕ

Мой добрый друг!
Поверим в эту полночь,
В мишурный блеск её —
и волшебство:
Весы времён — в них колдовская точность
Грядущим дням — ночное торжество.
Мой добрый друг,
вскипят бокалы страстью
Горячих, солнечных полей.
Скользнёт к нам в сердце
капель счастья
Звезда весёлая сквозь иней тополей.

* * *

Собираю слова, как цветы
Я с полей, где рождаются песни,
Где желанья по-детски просты,
И забытое в сердце воскреснет.

Там мелодия тихо звучит,
Долгожданного гостя встречая,
И мне кажется, кто-то глядит
Из ворот приоткрывшихся рая.

Это всё же, наверно, весна
Так чудит надо мною в насмешку.
Выпью с нею хмельного вина,
Что с горчинкою верб вперемешку.

А из слов соберу с ней сонет
И, бродя по весёлым аллеям,
Подарю незнакомке букет,
Отчего-то, как мальчик, робея.

Пусть она, удивляясь, глядит,
Пусть ей будет смешно или странно,
Только это весна говорит
О забытом, но всё же желанном.

НАД ПОЛЫНЬЁЮ ВЕЧЕРОВ

Гори, закатная лучина,
Над полыньёю вечеров.
Слова — как скованные льдины
Вдоль незнакомых берегов.
И поцелована молчаньем
Надежда чистого листа,
И грусти давней очертанья
Коснулись моего лица.
Гори, закатная лучина,
Над зарастающей тропой:
Твой свет — как тайная причина
Над преклонённой головой.
И я листаю вдохновенно
Своей судьбы черновики,
Где пахнет морем откровенье,
Тайгой над рокотом реки.
Глаза мои, как две кометы
Над полыньёю вечеров,
Летите к новому рассвету
Вдоль незнакомых берегов,
Просите светлого причастья,
Просите звонкую судьбу...
Свети, лучина, нежной страстью
Тому, что молча берегу.

БИБЛИОТЕКА

СТАРООБРЯДЧЕСТВО КОЛОМНЫ ИЗНУТРИ

Вышла в свет книга историка подмосковного старообрядчества Сергея Михайлова «История старообрядчества г. Коломны и его окрестностей».

Книга включает исследования и материалы по истории и культурному наследию старообрядчества Коломны. В предисловии дано краткое описание событий, начиная с Крещения Руси до наших дней.

Особое место уделяется биографии одного из ревнителей древнего благочестия епископа Павла Коломенского и Каширского. Основная же тема книги — первая серьёзная попытка рассмотрения истории коломенского старообрядчества XIX—XX веков. По словам автора, книга основана на архивных данных, заметках из дореволюционной старообрядческой периодики и на рассказах старожилов. Представлено множество иллюстраций, немалая часть которых публикуется впервые.

В аннотации говорится, что книга предназначена для историков, краеведов и всех интересующихся историей и культурой старообрядчества.

Михаил Прохоров

Михаил Валерьевич Прохоров родился в 1976 году в Коломне. Окончил исторический и филологический факультеты Московского государственного областного социально-гуманитарного института. После учёбы был приглашён на преподавательскую работу.

Печатался в международном журнале «Форум», в «Коломенском альманахе», в городских газетах.

Поэзия Михаила Прохорова музыкальна, нетороплива. Она зовёт к раздумьям, будит мысли в душе читателя, обращая его к Вечному. Его стихи — не пёстрые бабочки-однодневки, на первый взгляд вроде бы красивые, что появляются порой на страницах газет и журналов. Поэту свойственно вдумчивое, философское отношение к жизни, которое роднит его с русской классикой.

СОЛНЦЕ НЕСПЯЩИХ

* * *

...И в мир войди, и в мире появишься,
Открой простор, как некогда Эдема
Любимый сын. К тебе подступит жизнь.
Будь предан ей всецело. Непременно

Прими полей вечерних доброту,
Простую благодать ржаного хлеба.
И мудрым стань. И, приобщась к труду,
Познай тепло земли и милость неба.

Пути земные на земле пойми,
С земным войди в блаженное единство:
Будь с женщиной, а после в ней прими
Высокое сиянье материнства.

И стань творцом. Ищи, моли, дерзай.
И на парящей фреске небосвода —
На синей тверди имя начертай
Своей любви и творческой свободы.

Так полноты достигнут твои дни,
И подойдёт к пределу жизнь земная —
Вновь к Вечному источнику прильни,
Других взросление благославляя.

И будет тих блаженный твой уход,
Когда, в душе лелея благодарность
К прошедшей жизни, встретишь свет
— не старость,
И новая Лазурь тебя возьмёт.

* * *

И минула жизнь, как короткое лето,
И уже подступала грозящая мгла.
И она забыла, что была воспета,
Что когда-то жизнью *его* была.

И он прожил как-то, с кем-то, где-то...
И перед тем, как навеки заснуть,
Уже не помнил, что был Поэтом,
Что когда-то *ей* песнями выстлал путь.

Но где-то там — уже в новой Отчизне —
Не подвластны ни смерти, ни тяжкому сну,
Две вечно юные, светлые жизни
Встретили радость — свою весну.

И свободно лелея жизни друг друга,
Любуясь друг другом, в окруженье светил
Они не сойдут со звёздного круга,
Который для них уготован был.

У ЦЕРКВИ НИКИТЫ МУЧЕНИКА ЧЕРЕЗ ТРИ ГОДА

Здесь всё точно так же: на белой стене
Всё те же лучи. И всё в том же окне —
Полуденной дрёмой от мира храним,
На старые липы глядит херувим.

Всё так же: на древнем кирпичном полу
Кузнечик — всё тот же — внимает теплу,
Лучу и огню. И среди старых могил
Крапивницы отдых минутный застыл.

И даже над жгучею, пыльной крапивой
Всё так же качается шмель горделивый.

И ласточке в белом сиянии стен
Ни трещин не видно, ни перемен.

Всё... Эти три года, что так пронеслись,
Сиянием синим в груди запеклись.

Блаженство, сиянье, лазурь, высота...
Была ли? А та ли? О той ли? А та —

Что нежностью, болью по сердцу в груди,
Ранимостью... Ладно! Ведь жизнь впереди.

Но из сердца не вырвать ни лето, ни *ту*,
Не вырвать, как юности нищету,

Как радостной блажи
И лепет, и страх...
Здесь, в общем, всё так же:
И полдень в кустах
Горючим настоем крапивы и... *Той*
Здесь больше... Но хватит!

Вновь луч золотой
Упал и коснулся. Там, где-то с реки,
Наверно, прохлада. А здесь пауки
На старых камнях. Мне-то всё нипочём —
Ведь тоже касалась... А это при чём?!
При чём?.. Просто в белых шершавинах плит,
Упавший с небес, луч всё тот же горит.

И дальние — здесь это слышно всегда —
Куда-то спеша, всё шумят поезда.

ИЗ БАЙРОНА

Солнце неспящих, печальная Звезда.
Твой слёзный луч невнятно светит вдалеке!
И потому не одолеешь тьму, Звезда.
Лишь прошлое Ты воскресишь в тоске.

Твоё мерцанье — свет минувших дней,
Чей луч для нового уже бессилен дня.
Ночной огонь Скорби — свет минувших дней —
Огонь, уже лишившийся *Огня*.

* * *

Когда волнуется желтеющая нива...

М. Лермонтов

Когда (прости меня за повторенье
не мною сказанного), вот когда волной
Проходит день по ниве золотой
То ветерком, а то прозрачной тенью,

Когда кочуют тихо облака,
И горизонт мне о далёких странах
Приносит весть, когда мне так легка
Дорога, что не скрыта за туманом,

Когда (прости высокопарность слов),
Так вот, когда мозаика играет
Листвы, и свет разлит земного рая
Повсюду, и в меня войти готов —

Тогда я миром полон. И тревога
Молчит — легко сомненье мне унять.
И на земле я всё могу принять,
И в небесах я вижу Бога...

БИБЛИОТЕ А

КЛАДЕЗЬ КОЛОМЕНСКИХ ТАЙН

Роман Славацкий. **Коломенские тайны и легенды.** — К.: Издательский дом «Лига», 2013. — 36 с.

В издательском доме «Лига» вышла в свет новая публикация. Казалось бы, что тут удивительного: совсем небольшая брошюра, всего в 36 страниц. Но с какой роскошью, с каким вкусом это сделано!

На тёплом бархатном фоне старой позолотой прорисован силуэт Маринкиной башни и сверкают слова: КОЛОМЕНСКИЕ ТАЙНЫ И ЛЕГЕНДЫ. А раскроешь книжку — и каждый разворот мерцает таинственно, словно пергамент летописи или старинная расписная шкатулка.

Автор текста — наш «былинник речистый» Роман Славацкий. Но на сей раз он не просто рассказывает свои любимые коломенские предания: он старается связать их с конкретными памятниками, которые, собственно, и стали источником легенд. Коломенские храмы и монастыри, кремлёвские башни и древние артефакты, загадочные подземелья и библиотеки... Вся коломенская история, начиная от глубокого Средневековья и до Осьмнадцатого столетия, проходит перед нашими глазами...

Макет книги создан талантливым дизайнером Натальей Яриновской. Он выполнен в характерном «Лиговском» стиле, который ни с чем не спутаешь. Остаётся только выразить авторам книги благодарность, а читателям пожелать увлекательного путешествия в коломенскую историю!

Евгений Кирсанов

Евгений Александрович Кирсанов родился в декабре 1947 года в Коломне. Окончил аспирантуру по физике жидких кристаллов. Кандидат физико-математических наук, доцент кафедры химии и экологии Московского государственного областного социально-гуманитарного института, бывшего КГПИ. Руководит поэтической мастерской «У Грановитой» при районной библиотеке имени И. И. Лажечникова. Автор семи сборников стихов.

ЗИМНИЙ РАЗГОВОР

* * *

Снег падает наискосок,
Как много лет назад.
И белый времени песок
Уходит вниз, наискосок,
И засыпает сад.
Так завязалась связь времён
В заснеженном окне,
Что путь, как ветви, разветвлён
Снаружи и во мне.
И снегопада мерный путь,
И чёрных веток вязь
Запомни и не позабудь,
Над временем смеясь.
Запомни новогодний снег,
И чёрный почерк птиц,
И неоконченный сюжет
Заснеженных страниц.

* * *

Был заказан снег.
И снег идёт.
Он идёт к земле неосторожно.
Он растает.

 Это так возможно.
Он глаза закроет — и вперёд!
Ненадолго сделать жизнь добрей,
Чтобы шаг стал мягче и пушистей,
Хочет снег

 и просветляет мысли
На пространстве тёмных декабрей.

ЛЕДЯНОЙ ДОМ

Слепи из льдинок кирпичи
И дом ледовый получи
Из этих кирпичей.
Полупрозрачен этот дом,
И прошлое таится в нём
И светится в ночи.
Истории российской бег
По скользкому по льду на снег,
Из бани — да в сугроб.
Добро и зло в одном снежке,
Снежок — тот в царственной руке,
Летит — и прямо в лоб.
А мы глядим издалека:
Потеха русская легка,
Да прошибает пот.
Так извлекается урок,
Векам подводится итог,
Звенит небесный свод,
Как колокол, но ледяной.
Звук рассыпается хмельной
На сотни вёрст окрест,
Уходит звук под облака.

Тверда писателя рука,
Тяжёл нагрудный крест.

НАДЕЖДА

На летнюю форму надежды
Доверчиво я перешёл.
И зимнюю форму, как прежде,

На плечики — и хорошо.
Пусть зимней надежды узоры —
Снежинки на воротнике
Растают.
Закончатся споры
На кухне в святом уголке.

И выйдет надежда наружу,
На площадь, на уличный гам.
Её извлекают из стужи,
Ей делятся пополам.
Её прославляют поэты,
Она вдохновляет народ.
И, летней надеждой согреты,
Мы движемся смело вперёд.

Но зимней надежды узоры
Мерецатся в чёрной тени.
Отсюда ушли мы, но скоро
Сюда неизбежно пришли.
Меняется климат, и осень
Вступает законно в права.
И снова в квартиру приносим
Надежду, что еле жива.
На кухне её согреваем,
В стакан наливаем кагор,
И в зимний наряд одеваем,
И зимний ведём разговор.

СНЕЖНЫЕ СТЕНЫ

Дети разрушают стены
И кричат: «Конец зиме!»
Из густого снега стены,
Но устойчивы вполне.
И довольны все работой
Созиданья и войны.
Стены строить им охота —
За стеною все равны.
Нет ни маленьких, ни рыжих,
Каждый — воин, даже враг.
Кто упал, тот не обижен,
Кто убит, тот просто так,
Сам, в сугробе понарошку
Утонул, снежком сражён.
Наступает мир хороший,
Мир без стенок. Хорошо!
Под безбрежным
светлым небом,

* * *

Чтобы понять, как жизнь случайна,
Нам надо смело строить планы.
И пусть «Титаник» беспечально
Плывёт сквозь пьяные туманы.
Ведь наших айсбергов вершины
Имеют точные названья
На карте этой самой жизни,
Как вызов и как наказанье.

* * *

Образ жизни, образ мысли
И на стенке образа
Мне менять уже невысказано,
Как судьбе плевать в глаза,
Как загадывать желание
Под тунгусскую звезду,
Как прикидывать заранее
Мир, в который я уйду.

* * *

Интересно-то как — дожди!
Ни пощады не жди, ни проку,
Всё смерзается впереди,
Всё смерзается ненароком
Под воздействием злых дождей,
Охлаждающих понемногу
Жар удачи и пыл страстей,
И в пустыне моей дорогу.

* * *

А фонари моргали глазками
Сквозь паутиночку ветвей,
Кормил экран дурными сказками
Необразованных детей.
В окно ночное небо пялилось
Зрачками звёздочек немых,
В моей квартире счастье спряталось,
Поскольку счастье — на двоих.
А в середине стол поддерживал
Пустые рюмки и мечты.
Ведь мы питаемся надеждами,
Пустыми — я, пустыми — ты.
И рвёмся прикоснуться к яблочку,
Чтоб прикусить его тайком,
Чтоб молодость вернулась к каждому,
Чтоб каждый вспомнил,
что потом.

* * *

В доме, где родился,
мне не умереть.
Я всю жизнь учился
думать и терпеть,
Различать границы
меж добром и злом.
Довелось родиться —
значит, проживём!
Доживём, играя,
не браня судьбы,
На пороге рая —
Божьи нерабы,
Пасынки эпохи,
властелины слов.
Наших истин крохи
не вмещает кров.
Пусть летят по ветру
мысли и слова,
Пусть исходит светом
белым голова.
Пусть сгребают время
Частым гребнем дни.
Труд наш
был измерен.
Помни и цени!

Анастасия Солдаткина

Анастасия Владимировна Солдаткина родилась в Новочеркасске. Окончила музыкальный колледж и МГОСГИ, филологический факультет, живёт в Коломне. Работает учителем музыки в средней школе № 1, учится в аспирантуре, пишет диссертацию о творчестве Владимира Высоцкого. Лирика Анастасии Солдаткиной отличается лёгкостью, ироничностью. В ней опозитизирован повседневный быт молодой женщины, которая существует между двумя полюсами: постоянной прозой жизни и минутами вдохновения. В стихах её присутствует постоянное ощущение счастья: любви, материнства, творчества.

Произведения Анастасии Солдаткиной печатались в международном журнале «Форум», в газетах «Литературная гостиная», «Планета МГОСГИ», «Коломенская правда», альманахах «Часовые памяти», «Коломенский альманах», «Ветер в ивах», в журнале «Осиянное слово». В 2012 году на фестивале «Господин Ветер» Анастасия стала дипломантом в номинации «Поэзия».

ЕСТЬ НА СВЕТЕ СЛОВО...

* * *

Завернувшись в одеяло,
Я одна сижу на кухне...
Так до ужаса устала,
Что сейчас усну и рухну!

Но держусь и, между прочим,
Выпив двести чашек чаю,
Светлым днём и тёмной ночью
Книжки умные читаю.

Чтоб потом идти по свету,
Улыбаться всем прохожим!
Пусть решат, что я «с приветом»!
Ну и что же! Ну и что же!

Всех люблю я безгранично,
Сдав экзамен на «отлично»!

* * *

Кому прошу я сто обид
На двести лет вперед?
Лежит, игрушку теребит
Бессмертие моё!

* * *

Если вы потеряли надежду
И повсюду вас встретил замок,
Если выпал ваш внутренний стержень
И платформа ушла из-под ног...

Всё равно — ни за что не грустите!
И пусть сказочно вам не везло,
Отдохните и дальше идите
Всем невзгодам и бедам назло!

* * *

Богиней морскою я вышла из ванной,
Настал выходной, наконец, долгожданный!
Вот чашечка кофе в руке остывает,
И я где-то между землёю и раем...
Ах, как хорошо иногда на часочек
Бабуле отдать своих маленьких дочек!

* * *

И как мне эта кофточка к лицу,
Которую сегодня я купила!
Пора переодеться, ставить суп,
Но красота — чудовищная сила —
Притягивает так, как никогда!
Пишу в стихах о том, о чём не стоит...
Ах, что поделать, если ерунда
Порою нас так сильно беспокоит?

* * *

Дочка младшая моя
На меня похожа:
Тот же голос у неё
И оттенок кожи...
А ресницы подлинней,
Пухленькие щёчки,

Нет волос на голове,
Носик мал у дочки...
Ротик — в папу, ушки — в папу.
Цвет не мой у глазок.
В общем, копия моя!
Это видно сразу!

* * *

Кто так поздно стучится?!
На часах ведь два тридцать!!

Можно чашечку чая
Предложить для начала?

А... Ну, раз это ты, заходи...

Только день сумасшедший затих.

Только вышла из душа...
Что же? Буду послушной.

Нет?! Вот так: прямо в ванной?
Ох, настойчив, неожиданный,

Ещё долгая ночь впереди.

Озорной и бесстыжий мой стих!

* * *

Даже Пушкин про учёного кота
Говорил, всех нас предупреждая:
«Если кот идёт налево, то всегда
Сказки он при этом сочиняет!»
Вам совет, подруженьки, я дам:
Не внимайте ласковым котам!

* * *

Как хорошо, что есть на свете слово,
Которое надежду дарит снова...
И это слово — часть волшебной фразы,
Не подводившей до сих пор ни разу...
С ним чувствуешь себя всегда свободной:
«Я изменюсь, но ЗАВТРА, не сегодня...»

* * *

Что в дамской сумочке моей? —
Ключи, конфеты, сок,
Расчёска, стёрка, сто рублей,
Помада, кошелёк,

Поделка детская, платок,
Айпод и телефон,
Сандалики, халвы кусок,
Мелки, цветной картон.

Салфетки, детские носки,
Сберкнижка, проездной,
Пюре, печенье, пирожки
И сахар развесной.

Всё нужно! В этом спору нет!
Какие споры тут?!
Ищу студенческий билет
На входе в институт...

* * *

Щекочу твою щёку ресницами,
А тебе так же шёлково спится всё.
Снятся спор, чертежи, рассуждения
И какое-то наваждение.
Кто посмел щекотать твою щёку

И будить в воскресенье до срока?
Это я. Извиняюсь. Соскучилась.
И без кофе с конфеткой замучилась...

* * *

Ветер гуляет по чердаку...
Он завывает: «Будь начеку!»
Тайна к окну твоему подошла,
Тихо коснулась ладонью стекла...
Думаешь ты, что осталась одна? —
Кто-то же смотрит в упор из окна...
Шепчет какую-то жуткую ложь!
Но из-за бури слова не поймёшь...
Как убежать мне от страшной тоски?
Может, надеть шерстяные носки?
Сделать горячего чая глоток,
Плечи укутать в пуховый платок?
От прозаизма такого в стихах
Тайна сама убежит впопыхах!

* * *

Простишь мне небольшие недостатки?
Ведь кто, скажи на милость, без греха?
От этой повседневной лихорадки
Я забываю совесть впопыхах!

Залито небо серою текстурой,
И в мире профилактика на цвет.
Сижу, сама себе рисую хмуро
Свой малопривлекательный портрет.

Но слишком долго мучиться не стану.
Досадные ошибки — пустяки!
Я всё же Эсмеральда с гордым станом!
И просит Клод Фролло моей руки!

* * *

Дерево засохшее,
С мёртвыми серёжками
Радостными бликами
Солнце оживило!

Так и я, уставшая,
Но с рассветом вставшая,
Чувствую великую
Солнечную силу!

* * *

Испытание снова тебе предстоит,
Пальцы ватные, сердце у горла стучит.
И куда-то умчался крылатый Пегас...
Сбросив наземь тебя ещё раз.

Но не надо стесняться, подумай-ка сам:
Поднимался не раз ты на нём к небесам
И летел с голубой неземной высоты...
Прямо в лужу, а то и в кусты!

Так что хватит бояться, давай соберись,
На Пегаса ретивого снова садись.
Сколько падал, пугая ты тысячи глаз...
Упадёшь и ещё один раз!

Но зато, когда будешь в репьях, синяках
Думать только о бедных помятых боках,
Пожалев о желании жить напоказ...
Прилетит и крылатый Пегас!

* * *

Мы расстались. Не верилось в это сначала.
Но потом так свободно и радостно стало!
Революция в жизни — хорошая штука! —
Очень часто к прогрессу ведёт, как в науке!
В общем, страх и сомнения напрочь отбросив,
Я взяла и отрезала длинные косы!

* * *

Зачерпнуть бы всё солнце сразу мне!
И раздать бы его всем на улице!
В сердце стих! Да вот только в разуме,
Как всегда, ничего не рифмуется...

Пробуждается мироздание!
К небу тянется жизнь листочками!
И, наверно, в любви признание
Где-то прячется между строчками...

* * *

Я устала и простыла.
(Чай с лимоном, помоги!)
Но должна набраться силы,
Сфокусировать мозги

На задачах самых важных:
Что-то в Яндексе найти,
Распечатать... Губкой влажной
Крошки со стола смести,

Постирать, отправить фото,
Песни к школе подобрать...
И ещё забыла что-то...
Пару писем написать?
Со стола смести отчёты?
Губку в Яндексe найти?

Распечатать и по нотам
Крошки к конкурсу пройти?
Но случилась незадача —
Отвалился Интернет!
Слава Богу! Это значит,
Что работы больше нет!

* * *

Мои плечи слабы, да и вид мой неброский,
Чтобы стать маяком, как и ты, Маяковский!
Пусть не прав был во многом (а в чём-то ужасно!),
Так, по-моему, с Богом воевал ты напрасно.
Но с какой простотой, посвящением, страстью
Ты боролся за то, что воспринял за счастье!
В рог бараний согнул все пороки жестоко!
А тебе самому... было так одиноко...

* * *

Наверное, добрые духи
В домах незаметно живут:
Где видят бардак и разруху,
Бесшумно наводят уют...

Во всём водворяют порядок,
Но помнить должны я и ты:
Чем больше им вкалывать надо,
Тем меньше у них доброты...

* * *

Я сегодня забыла планшет с Интернетом
И сперва очень сильно грустила об этом,
Озираясь вокруг, будто малость «с приветом»,
И не зная, что делать теперь без планшета.

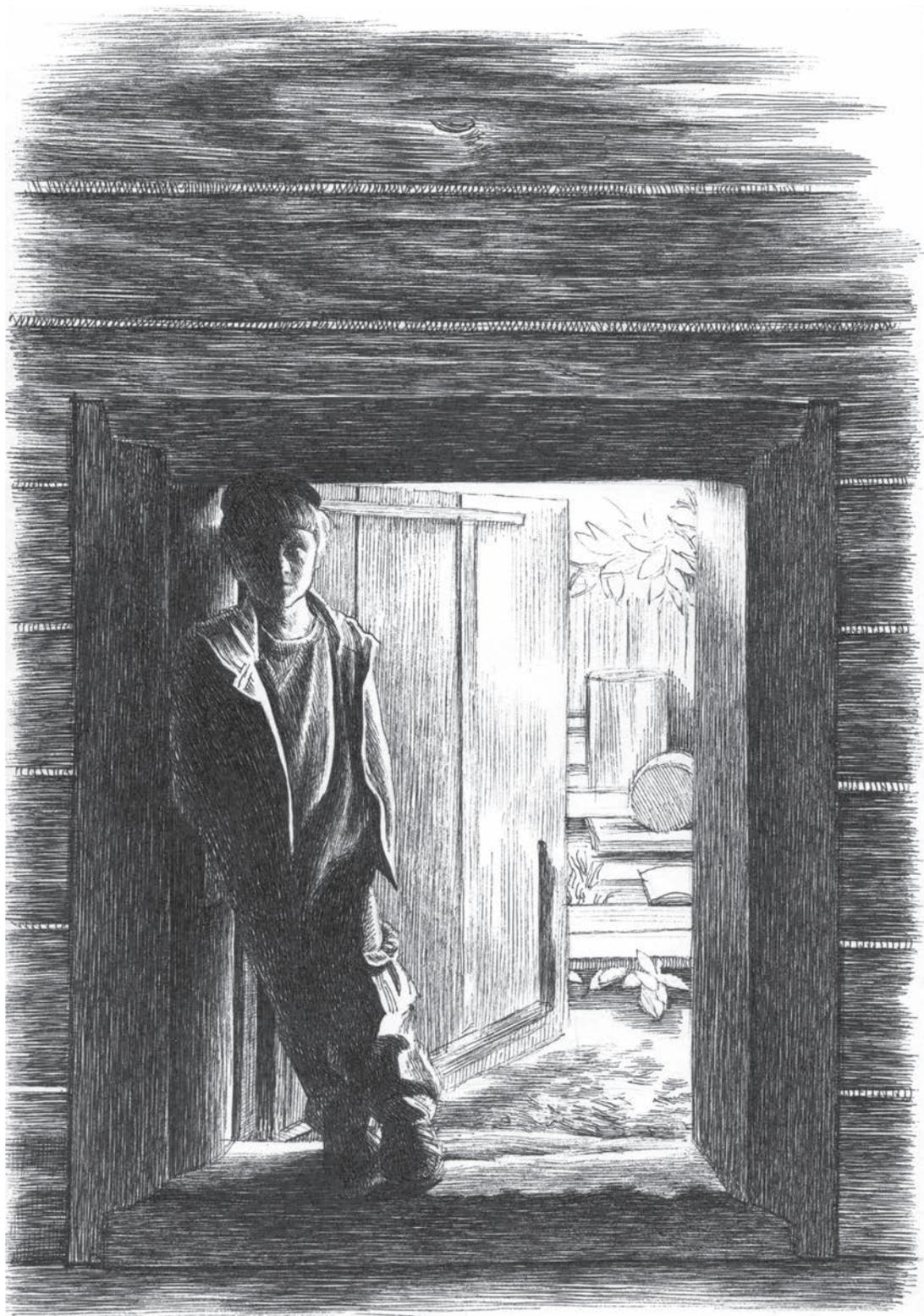
А потом аромат от жасминовых веток
Мне напомнил о том, что на улице лето!
Что цветы распустились, лучами согреты,
Что все люди легко и красиво одеты!

Что есть жизнь, как ни странно, и без Интернета...

Terra
incognita

Графика Василины Королёвой

КУБИКИ

1

Сергей Вацлавович Малицкий родился 12 октября 1962 года в Иркутской области, но проживает с самого раннего возраста в Подмоскowie. В 1983 году поселился в Коломне, там же сменил множество мест работы и занятий, пока не остановился на литературной деятельности.

В 2000 году издал книгу «Легко». В 2005 году увлёкся жанровой прозой. Неоднократно публиковался в «Коломенском альманахе», журналах «Москва», «Полдень. XXI век», «Если», «Реальность фантастики», в сборниках рассказов издательств «Альфа-книга», «Амфора», «Астрель-Санкт-Петербург» и других.

В новой повести Сергея Малицкого рассказывается о том, как в руки обычных подростков попадает фантастическая вещьца, способная перевернуть мир.

Повесть

Если бы люди в посёлке умели летать, мало бы кто удержался, чтобы с утра не расправить крылья, не взлететь в небо и не замереть в вышине. Посмотреть на север, где за рекой шумит город. Посмотреть на запад, где сплетаются рельсы, спят рыжие вагоны и над ржавым железом торчат два крана: один — с железной клешнёй, другой — с магнитной блямбой. На юг, где сразу за кладбищем стоят в бурьяне трамплины и горки мотоклуба, а ещё дальше пасутся коровы, а за ними тают известковые увалы и управляется с экскаватором дядя Саша. Посмотреть на восток, где ничего не разглядишь, потому как утреннее солнце слепит глаза, но в его лучах точно прячутся несколько поселковых улиц, а также школа, огороды, жёлтые от сурепки поля и уже у самого горизонта неясной полосой лес. А потом закрыть глаза и просто парить до той самой секунды, пока откуда-то издали, снизу, от самой земли не донесётся испуганное:

— Генка!

Мамы — это, конечно, особенные люди, потому что реагируют на обычные вещи особым образом. К примеру, сидит взрослый человек (всё-таки во второй класс перешёл) на коньке крыши, расставляет в стороны руки, ловит лицом ветер и не собирается никуда лететь (крыльев-то нет, да и зачем он, спрашивается, страховку на пояс прицепил?), а мама внизу у лестницы кричит так, словно её ребёнок сию секунду отбивает в дальние края. (Уф, бывают же иногда предложения длиной в половину диктанта!)

— Генка! Слезай немедленно! Ты что, по-человечески не понимаешь? Нельзя на крышу! Не-льзя!

(Интересно, как правильно — «не-льзя» или «нель-зя»?)

— Мама! Ну, вот же страховка! Дядя Саша сделал!

— Я вот до тебя сейчас доберусь, и никакая страховка не поможет!

(Ага, достань меня сначала.)

— И дяде Саше твоему достанется!

(Хотелось бы на это взглянуть. И почему он мой?)

— Быстро слезай! И сделай так, чтобы я тебя там больше не видела! Ты понял?

Понял. Одно не понял, как это сделать, если ты с утра первым делом на крышу смотришь? Ну ладно! Слезаю!

Непростое это дело — спускаться. Закрываешь глаза, стискиваешь перекладину и тянешь вниз ногу. Главное, не промахнуться, маловат ещё Генка для того, чтобы перекладыны пропускать. Но уж если нащупал, то часть дела сделана — ставь рядом вторую ногу, перехватывайся да старайся пальцы не занозить. Сначала — по кровле, потом от кровли — до утопанной дворовой земли.

— Мёдом там намазано, что ли? Ты бы так ночью по нужде во двор выбегал! Во второй класс скоро, а всё темноты боишься! Значит, так: со двора — ни ногой. Дядя Саша заедет — позавтракаем. И заруби себе на носу, если он насчёт подарка на день рождения будет спрашивать — никаких скутеров. Только через мой труп!

Нет, мамы — точно особенные люди. О чём ни мечтай, рано или поздно упираешься в «только через мой труп». Никакого удовольствия.

2

— Генка! Можно, я в твоём гамаке полежу?

Так, смешная соседская девчонка Алёнка нарисовалась. Смешная, потому что похожа на куклу. Такие же белокурые локоны, такие же голубые глаза. Алёнку за эту куклу вполне можно было бы презирать, но кукла таскается за Алёнкой на багажнике оранжевого велосипеда, и пристёгнута кукла к багажнику самым жестоким образом — проволочной защёлкой поперёк живота. Так что Алёнка — правильная девчонка.

— Нельзя! — покачал головой Генка и приложил к глазам бинокль. Если смотреть через бинокль наоборот, то Алёнка кажется маленькой, зато двор кажется большим. До пустой будки, в которой когда-то жил погибший на дороге Рекс, метров сто, а до накрытой брезентом разбитой машины — все сто пятьдесят. Но до Алёнки ещё дальше. И даже голос её словно издалека доносится.

— Да ладно тебе, Малинин! Жалко, что ли?

Ну, не заноза ли? Ведь перелезла через забор и плюхнулась в старый гамак. Механика сработала, как надо. Верёвка сдёрнула стопор, и тяжёлое ведро с кирпичами поползло по натянутому тросу прочь от гамака. Лейка наклонилась, и тёплая вода пролилась дождём в двух шагах от изумлённой Алёнки.

— Круто! — восхитилась Алёнка и тут же добавила с сожалением: — Но не попал!

— Да, лейку перевесить нужно, — плюхнулся рядом с Алёнкой в гамак Генка и грустно вздохнул.

Придётся ведь переставлять лестницу, подтягивать на место ведро с кирпичами, перевешивать лейку да ещё водой её наполнять!

— Сам эту штуку придумал?

— Нет. Папка. Я только подправил. В жару удобно. Дёрнешь за верёвочку, и ты в душе. Папка весёлый был.

Наверное, весёлый. По карточкам-то точно не определишь. А мамке веры нет. Говорит, что весёлый, а сама ревёт.

— Ты тоже весёлый. Верёвка ведь сама дёргается? Я видела, как ты с утра с лестницей и лейкой тут возился. Тут же дядя Саша твой иногда лежит?

И эта туда же. Почему это он мой?

— Во-первых, он не мой. А во-вторых, я ведь не попал?

— Не попал, — Алёнка сорвала травинку, стала прикусывать травяную мякоть. — Но ведь хочешь попасть? Не боишься, что и тебе попадёт?

— Ерунда, — презрительно выпятил губу Генка. — Просто мамка боится, что я с крыши свалюсь. А с дядей Сашей у меня проблем нет.

— Нарываешься?

Алёнка умная. Всё понимает. К тому же у глупого человека взгляд бегаёт, а Алёнка точно в глаза смотрит. Или директор школы Карен Давидович Араян, когда про глаза рассказывал, не глупость имел в виду? Точно, он о трусости говорил. Так что смотри, Генка, в Алёнкины глаза твёрдо, не трусь.

— Проверяю. Надо же знать, чего ждать от человека!

— А участкового и директора школы тоже проверял?

Вот ведь неугомонная: мало того, что в глаза смотрит, ещё и смеётся. Нет, надо биноклем прикрываться.

— И чего они мне? Они в отцы не набивались. Мало ли кто мимо дома ходит?

— А дядя Саша набивается?

А кто его знает? Разговоры разговаривает. Вопросы какие-то задаёт. Да ещё так, словно и в самом деле узнать чего хочет.

— Да не знаю я. В гости пока ходит. Присматривается.

— К мамке твоей?

— Чего это к ней присматриваться? — удивился Генка. — Она и так красивая. Он со мной контакт налаживает.

— Это как? — не поняла Алёнка. — Ты чего, телевизионная антенна? У неё иногда контакт пропадает!

— Да я сам не пойму, — вздохнул Генка.

— А я красивая? — спросила Алёнка.

Ничего не ответил Генка. Не нашёлся, что ответить. Только и сделал, что снова посмотрел на Алёнку через бинокль. Часто бинокль выручает Генку. Папкин!

— Баба Маруся говорит, что ты хороший, — вздохнула, не дождавшись ответа, Алёнка. — Только прячешься почему-то всегда под брезент, где у вас металлолом лежит.

— Это не металлолом, — прикусил губу Генка. — Это папкина машина. Он ехал на работу, и у него заболело сердце. Он остановил машину, вышел и умер. А машина покатила дальше. И разбила.

— Я знаю, — серьёзно ответила Алёнка. — Под брезентом прохладно. В жару хорошо.

— И не страшно, — добавил Генка.

— Баба Маруся говорит, что бояться можно, — ответила Алёнка. — Главное — не трусить.

— Хочешь со мной на крышу? — расхрабрился Генка. — Не бойся!

— А я и не боюсь! — тут же превратилась в обычную девчонку Алёнка. — Просто не хочу.

— А пошли тогда зелёную смородину есть?

(Ну, при чём тут смородина?)

— Алёнка! Завтракать!

Это бабы Маруси голос. Ну и хорошо, а то уже и не знаешь, что сказать.

— Не буду я зелёную смородину есть. У меня до сих пор от неё живот болит. Я пойду.

— У меня завтра день рождения.

Всё-таки сказал. Сумел!

— Ты это... приходи.

— А подарок?

Остановилась, а у самой в глазах искры сверкают. Какой от Алёнки может быть подарок? Она сама как подарок.

— На велосипеде дашь покататься?

— И всё?

Встала напротив солнца так, что лица не видно, только кудряшки золотом сияют вокруг, и в бинокль не разглядишь: глаза слезятся.

— Ты красивая.

— Приду!

3

— Нет, ну вроде взрослый парень!

Не любит мамка, когда Генка играет за едой. Когда ест и телевизор смотрит, книжку прижимает тарелкой к банке с чайным грибом или, как теперь, расставляет костяшки домино, которые так замечательно падают друг за другом. А что ещё делать, если картошка уже съедена, а стол накрыли в саду, и вокруг порхают бабочки, и пахнет яблоками? Жаль, что уйти нельзя, пока мама не выговорится. Пока не расскажет дяде Саше, что Генка отбилась от рук. Что их сосед — председатель мотоклуба Коля Иванович Рыжков — хоть каждую субботу может устраивать мотопарады для ребятни, никакого скутера у Генки не будет.

— Что тебе подарить? — спросила мамка Генку, наверное, уже в третий раз. — Ты хорошо слышишь? Пропадаешь куда-то. Дядя Саша спрашивает, что тебе подарить?

— Скутер точно нельзя? — на всякий случай спросил Генка.

— Точнее не бывает, — отрезала мамка. — Мне ещё компьютер тебе к школе покупать. Старый ремонтировать — себе дороже выйдет.

— Ладно, Анют, — повернулся к Генке дядя Саша. — Но если не скутер, что тогда?

— Может, велосипед? — подала голос мамка.

— Нет, — мотнул головой Генка. — Надо что-то с мотором. Коля Иванович сказал: хоть пылесос. Надо проехать большой круг. Всего пятьсот метров. Тогда могут взять в мотоклуб.

— Ни - за - что! — отчеканила мама.

— А щенка? — подмигнул Генке дядя Саша. — У нас на карьере овчарка таких щенков принесла!

— Саша! — недовольно зашипела мамка.

— У меня была собака, — налил глаза слезами Генка. — Она под машину попала. Другой собаки мне не надо. Собака может быть только одна.

Мамка отчего-то сразу раскраснелась, а дядя Саша запыхтел, как паровоз, и даже расстегнул пуговицу на рубашке и спросил Генку совсем уже жалобно:

— Ну, не скутер, не велосипед, не щенок, но что же тогда?

— Что-нибудь непонятное, — ни с того ни с сего ляпнул Генка.

Просто так. Чтобы отвязались. Всё равно толку не будет.

— Это как же? — не поняла мамка. — Пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что?

— Подожди-подожди, — отчего-то оживился дядя Саша. — Не игру, не головоломку, а что-то непонятное?

— Чтобы я удивился, — подвёл итог разговору Генка. — Мама, ну я пойду?

— Гостей пригласи, — разрешила мамка. — Алёнку уже пригласил? Молодец. Кого ещё хочешь? Котёнкина Игоря? Давай. Отличный парень, хоть и старше Генки: полпосёлка у него чайники чинит. Братьев Мажуга не забудь! Пусть приходят. Тортик и газировка будут!

4

К сожалению, Генка соседствовал не только с Алёнкой и её бабой Марусей. С другой стороны его дома то и дело порывивали мотоциклы братьев Рыжковых. Собственный мотоцикл, конечно, был только у Егора, которому уже исполнилось шестнадцать лет. Двенадцатилетний Матвей обходился скутером, а ровесник Генки Семён ходил пешком. Но в отличие от сверстников в клубе он катался на настоящем мотоцикле и даже переезжал на нём через невысокие горки, что было причиной отчаянной зависти поселковых мальчишек. По этой или ещё по какой причине Семён и его старшие братья источали лёгкое презрение по отношению к «безмоторным». А вот Генку, особенно когда он мелькал возле их двора в одиночестве, ещё и обижали.

— Малина! — заорал Егор, заметив крадущегося вдоль забора соседа. — Иди сюда!

— Подгребай! — подал голос Матвей.

— Оглох, что ли? — присоединился Семён.

Братья с утра были не в духе. За их спинами стоял изрядно проржавевший мотоцикл «Урал» с коляской, но на сегодня забота у них была другая. Отцовский квадроцикл не заводился.

— Слушай, Малина! — прошипел Егор. — Дуй к Котёнкину! Скажи, что опять отец какую-то ерунду выкрутил, завести не можем. Да быстро, а то разжалует нас батя... по самое не балуйся. Бегом! Считаю до пятидесяти! Сорок восемь!

Побежал Генка. Бежал и проклинал сам себя, и даже поплакал на ходу, хотя никто и пальцем его не тронул, но слово противное словно само в уши лезло — «трус, трус, трус».

— Ну, чего там? — спросил его Игорь Котёнкин, который, как и обычно, сидел у себя в гараже, откусывал от батона, разрезанного вдоль и намазанного вареньем, хлебал горячий чай из литровой кружки и дышал канифольным дымом, поднимающимся от паяльника. — Опять, что ли, посыльным трудишься?

Всякий раз, когда Генка попадал к приятелю в гараж, застывал с открытым ртом. Почти все стены в обители Котёнкина были заняты стеллажами, на которых смиренно ожидали ремонтной участи чайники, утюги, приёмники и телевизоры. Слева стоял огромный верстак-стол, справа продавленный диван и остовы двух мопедов, а в центре высилась гордость Котёнкина — ярко-красный, украшенный хромированными дугами мотоцикл «Минск». Раритет, как говорил он сам.

— Ага, — вздохнул Генка.

— Вот у тебя бинокль на шее, — точно так же вздохнул Котёнкин, — сколько раз его у тебя пытались отнять?

— Не помню, — буркнул Генка.

— Раз пять, не меньше, — напомнил Котёнкин. — И сколько раз получилось? Ни разу. А почему?

— Так он папки, — снова вздохнул Генка. — От него только и осталось, что фотокарточки, бинокль и машина.

— Нет, Малинин, — не согласился Котёнкин. — Машины нет. Кузов в гармошку, движок чуть ли не вдребезги. Даже на запчасти нечего взять. Уж на что у участкового «УАЗ» еле живой, и то машина всё ещё. И «Волга» ржавая у твоего дяди Саши — тоже машина, а то, что у тебя под брезентом — это уже не машина.

— Дядя Саша не мой, — почему-то обиделся Генка. — Он мамкин. Наверное...

— Не трусь, Генка, — попросил Котёнкин.

— Я стараюсь, — поник головой Генка.

— Плохо стараешься, — огорчился Котёнкин. — Представь себе, что ты сам вот как этот бинокль. Держись сам за себя! Понял? Что там опять у Рыжковых? Батя всё-таки заставил ржавым «Уралом» заниматься?

— Квадроцикл не заводится, — вспомнил Генка. — Егор говорит, что Коля Иванович приедет и разжалует всех по это самое... по самое не балуйся. А они найти не могут, что он выкрутил.

— Выкрутил он, — недовольно поднялся Котёнкин. — Выкрутил! Опять, наверное, жиклер затянул. Ладно. Там дел на пару минут. Ты сам-то куда теперь?

— Я к Мажугам, — вспомнил Генка. — У меня завтра день рождения! Ты хочешь тортика поесть?

— Ну, ты дал, парень, — улыбнулся Котёнкин. — Чтобы я да отказался от тортика? Тебе чего подарить-то?

— Ничего, — с тоской посмотрел на остовы мопедов Генка.

— Брось ты это, — поморщился Котёнкин. — Всё равно запчастей нет. Если только у капитана на «Вторчермете», да и то вряд ли. Да и капитан, как «Вторчермет» закрылся, совсем тронулся. То марширует, то военные песни поёт. К нему лучше не подходить. Если только с утра.

— Так сейчас утро? — загорелись надеждой Генкины глаза.
— Ну, попробуй, — пожал плечами Котёнкин. — Только железку приволоки какую-нибудь. Он только на вес меняет. И это ещё, если будет что менять.

5

Отставного капитана, который охранял закрытый по весне «Вторчермет», боялись все окрестные мальчишки. Нрав он имел строгий, вверенное ему хозяйство охранял рьяно и даже, как говорили некоторые смельчаки, грозился отметить задние места наиболее отчаянных воришек зарядом крупной соли из настоящего ружья. Генка в ружьё не верил, но знал точно, что в дальнем углу заповедной территории хранится под брезентом и железным хламом настоящий, пусть и разобранный, танк: гусеницы, во всяком случае, из-под брезента виднелись. Зачем бывшему танкисту танк, никто из мальчишек точно не знал, но священный трепет перед образом отставного капитана гусеничный великан умножал на порядок. Так или иначе, но уже через час Генка вместе с двумя одинаково растрёпанными и вымазанными в зелёной траве братьями Мажуга тащил к «Вторчермету» украденную от дома бабы Веры чугунную батарею. Батарея тащилась плохо, зарывалась в землю; проволока, которой мальчишки её прихватили, резала ладони, поэтому начальственный рык капитана у ворот «Вторчермета» прозвучал неожиданно и заставил взопревших мальчишек присесть от страха.

— Стой! Равняйся! Смирно! Откуда железка?

Испугаться капитана мог кто угодно: в пыльной фуражке, потёртом кителе, штанах с выцветшими лампасами и застиранной форменной рубашке он напоминал только что вышедшего из-под огня вояку, и азарт боя всё ещё светился у него в глазах.

— Вот, — собрался с духом Генка. — Нашли, товарищ капитан, на обмен. Игорь Котёнкин посоветовал к вам обратиться: сказал, что, кроме вас, никто нам не поможет.

— Значит, помощь нужна гражданскому населению? — приосанился капитан.

— Нам бы какой-нибудь моторчик, — сделал жалобное лицо Генка. — Маленький. Вот за эту тяжёлую батарею. Или ржавый мопед. Или нержавый. У вас... есть что-нибудь?

— Моторчик, значит, — холодно улыбнулся капитан. — А приятелям твоим что?

— А ничего, — почти хором ответили братья Мажуга. — Мы за бесплатно.

— И за тортик, — на всякий случай добавил один из братьев. — У Малинина день рождения завтра!

— Тортик, это серьёзно, — устремил взгляд куда-то вдаль седой капитан. — А сам-то Котёнкин где?

— А у Рыжковых, — нашёлся Генка. — У них квадроцикл не заводится. Помогает.

— Помогает, значит, — подкрутил седой ус капитан. — Что ж, гражданскому населению помочь не грех... Короче, пехота! Затаскивайте вашу батарею внутрь. Только Котёнку, Малинин, передай, что забарахлил мой погрузчик. Пусть придёт и починит!

Последние двести метров были самыми тяжёлыми. Батарея гремела по плитам бетонки и цеплялась за каждую выбоину, пока не упёрлась в ржавую рельсу.

— Всё! — сказал Вадик (или Владик) Мажуга. — Больше не могу. Хватит!

Генка отпустил проволоку, с гримасой посмотрел на изрезанные ладони — даже носовой платок не помог, оглянулся. Два крана стояли над ржавым железом, словно гигантские роботы. Дальний воткнул в металл лом стальную клешню, а ближний опустил на него магнитную блямбу.

— Магнителище! — восхищённо пропел Вадик (или Владик) и полез по доскам с набитыми рейками к выкрашенному голубой эмалью чуду.

Вскоре все трое трогали, гладили, ощупывали, только что не лизали таинственное устройство, да ещё и прикладывали к нему пряжки ремней, раздумывая: притянет их магнитная сила или не притянет, а если притянет, то поднимет вместе с ремнём второклассника среднего роста или не сможет? Генка оглянулся на деревенские улицы и уже, почти как на собственной крыше, раскинул руки и зажмурил глаза, когда один из братьев хрюкнул, как поросёнок, а второй завизжал, и Генке пришлось глаза открыть: мало ли какие трансформации происходят в двух шагах?

— Смотри! — радостно завопил Вадик (или Владик). — Смотри туда!

Пригляделся Генка, да и сам рот разинул. За бетонным забором «Вторчермета», где располагалась, о чём знал каждый мальчишка, воинская часть, проходило построение солдат. Но самым интересным было не построение, а то, что за шеренгами воинов замерли самые настоящие танки, или танкетки, или боевые машины, или что-то ещё похожее, но именно то самое, что заставляет учащённо биться сердце в груди почти каждого мальчишки.

— Танки! — выдохнул Владик (или Вадик).

— Молокососы! — раздалось ворчанье капитана от основания кучи. — Разве это танки? Вот будь у меня башня да кое-какие запчасти, я бы уж показал вам танк. Настоящий танк — это стальная неотвратимость! Это бог войны! Танки... А ну, быстро вниз, пехота, пока я не вытурил вас отсюда вместе с вашей батареей.

Мальчишки слетели с кучи мгновенно. Слетели и как-то сами собой вдруг построились по росту, хотя что там было строить: Мажуги и в классе вставали в конце строя, а Малинин был ещё мельче.

— Равняйсь! — поднял усы торчком капитан. — Смирно! Вольно, пехота. Вот, — он протянул Генке крохотный, в полтора мужских кулака, моторчик. — Больше ничего нет, и этот крановщик припрятал, да не забрал. Отнеси Котёнкину. Если кто и починит, так только он. А теперь слушай мою команду! Наряд! Равняйсь! Смирно! Кругом! Шагом марш!

6

— Нет, Генка, — сказал Котёнкин, выбивая из моторчика грязь. — Тут никто тебе не поможет. Не заведётся эта рухлядь. И запчастей под этот аппарат у меня нет.

— Совсем ничего нельзя сделать? — на всякий случай спросил Генка.

— Совсем ничего, — вздохнул Котёнкин. — Но ты нос-то не вешай. Сдаваться нельзя никогда. Понимаешь?

— Понимаю, — наморщил лоб Генка и на всякий случай признался: — Я трушу иногда, но не сдаюсь!

— Ты это, — поинтересовался Котёнкин, — насчёт тортика ведь не передумал?

— Нет ещё, — успокоил старшего приятеля Генка. — Только я мортчик заберу.

— Можешь положить его под брезент, к машине, — посоветовал Котёнкин, намазывая вареньем очередной батон. — Железо — к железу. Выбрасывать потом будет проще.

7

Домой Генка пришёл если ещё не в сумерках, то в их предвестии. Послушно поужинал, так же послушно вымыл ноги и даже постоял под тёплым душем. По совету мамки, чтобы быстрее дождаться дня рождения, отправился в постель. Но как только мамка вышла из комнаты, тут же выскользнул из-под одеяла, уложил на своё место плюшевого медведя и полез под кровать, где уже стояла настольная лампа и лежал набор инструментов. Позвякивая ключами, Генка приступил к разборке двигателя, потому как тот же Котёнкин не единожды говорил, что когда не знаешь, что делать, делай хоть что-то, вдруг сделаешь то, что надо! Вскоре двигатель разделился на части, и Генка, поняв, что он уже сделал всё, что мог, положил голову на руки и уснул прямо под кроватью.

Мама его ещё не спала. Она ждала у калитки дядю Сашу. Но вместо него на «уазике» подъехал участковый. Глеб Глебыч вылез из машины, подошёл к калитке, кивнул Генкиной матери, словно потерял голос, но потом всё-таки стал говорить какие-то непонятные слова.

— Всё, значит? Определилась?

— Выходит, что так, — так же непонятно ответила Генкина мама.

— А как же... — растерялся Глеб Глебыч. — Как же все?

— Что все? — в свою очередь растерялась мамка. — Вы о чём заладили-то? То ты, то Араян? Как же так... Как же все... А что все? Не было же ничего! Даже за руку не подержались! Ни с тобой, ни с ним!

— Ну, так ты же сама не захотела! — вовсе оторопел участковый.

— Да, — кивнула мамка. — Всё сама. Уже больше пяти лет, как отца Генкиного не стало, всё сама.

— Так чего ж ты тогда? — возмутился Глеб Глебыч. — И что тебе этот экскаваторщик? Что ты в нём нашла?

— Себя, — сказала с улыбкой мамка, потому что к дому подъехала «Волга» дяди Саши. — Себя.

— Анют! — выскочил дядя Саша из кабины. — Я всё решил! Всё, как Генка просил! Есть непонятное!

— Ну ладно, — козырнул участковый. — Не буду мешать празднику. Я вот насчёт чего: тут на соседней улице у бабы Веры батарею с лужайки уволокли. На ней куриная поилка стояла, а баба Вера — это же оружие массового поражения. Так что привет вашему Генке и его приятелям. Видели их с этой батареей.

Сказал и пошёл.

— Ну, Генка! — восхищённо покачал головой дядя Саша. — А зачем ему батарея-то? Да и, может, не он это затеял?

— Он затеял, — уверенно сказала мамка. — Будь уверен: если что-то где-то происходит, то затеял это Генка.

8

Генка не просто так залезал по утрам на крышу. Ни птицей, ни самолётом он становиться не собирался, но повторить ощущение полёта — мечтал. То самое ощущение, которое приходило к нему во сне. Точно, как и в эту ночь. Ему снился полигон мотоклуба, братья Рыжковы, Котёнкин, куча народа. Играла музыка! Ревели моторы! Коля Иванович палил из стартового пистолета, и Генка, который начинал гонку в последних рядах, вдруг прибавлял газу и на том самом оранжевом велосипеде с приляпанным к раме моторчиком обгонял всех, заезжал на горку, чтобы выполнить удивительный трюк, но вместо трюка устремлялся в небо. Хорошим должен был оказаться день после такого сна.

На столе лежали два подарка. Генку словно пружина подбросила с кровати. Пальцы запутались в завитках упаковок, но коробка с надписью «От мамы» не заинтересовала: внимание приковала коробка с надписью «Непонятное». Лента соскочила с уголка, зашуршала фольга, показался картон, снова коробки. На первой написано: «Этим покрасить». Что внутри? Краски, кисть. Вторая коробка: «На этом повесить». Что повесить? Что внутри? Новенький, только что из магазина, изогнутый подковой красно-синий тяжёлый магнит. Понятно. Или непонятно? Вот же третья коробка и снова надпись. «Непонятное». Сейчас-сейчас. Завязка, фольга, картон, а внутри...

Генка вылетел из дверей пулей. Мамка возилась в саду у стола, а он — в трусах, босой, захлёбываясь слезами, взгромоздил на стол подарки, закричал:

— Мама! Что это?

— Ну, во-первых, с праздником!

Поймала, подняла, закружила, поцеловала, прижала к груди и только потом поставила в успешную высохнуть от ночной росы траву протестующего: «Я уже большой!» — ребёнка.

— Не очень большой. И мой подарок даже не открыл. Что ж ты так? А ведь там и кроссовки, и футболка, и джинсы!

— Хорошо! Это что? Что это? «Этим покрасить», «На это повесить», «Непонятное». Чего тут непонятного?

На стол выпали, зазвенели обычные, только стальные, без рисунков, кубики.

— Мама! Чего тут непонятного? Это подарок?

Мама снова поймала, притянула к себе Генку, начала говорить на ухо, потому что главное непременно нужно говорить на ухо:

— А ты разве не знаешь, что волшебная палочка внешне ничем не выделяется?

— Ну, мам!

— Это не простые кубики. Дядя Саша сказал, что ничего более непонятного и таинственного он в своей жизни не встречал.

— На них даже картинок нет!

— Не спеши, — засмеялась мама, но засмеялась с беспокойством. — Сделай, как написано. Раскрась кубики, потом прилепи к магниту и посмотри, что получится. Да поторопись. Скоро гости придут, а ты не умылся, не переоделся. Мой-то подарок будешь распаковывать?

День рождения не задался с самого начала. Нет, кроссовки, джинсы и футболка от мамы оказались впору. Почти новый мотоциклетный шлем от Котёнкина с предложением проехаться на мотопарade за его спиной — тоже подошли. И Алёнка с великом, бабой Марусей и корзинкой пирогов с черникой оказалась к месту. Особенно удачно совпали пироги и Котёнкин. И блюдо клубники от братьев Мажуга так же удачно совпало с Алёнкой. И торт оказался большим и вкусным и совпал сразу со всеми, и восемь свечек погасли с одного выдоха, но вместо главного подарка за спиной дяди Саши висели прилепленные к магниту девять кое-как раскрашенных кубиков. Так что Генка ел торт, слушал дядю Сашу и едва сдерживал слёзы.

— Ты, главное, не волнуйся, — виновато бормотал дядя Саша. — Я и с бабой Верой всё уладил. Я ей под её куриную поилку известняковую плиту с карьера привёз. У неё теперь не поилка, а памятник! Но главное, конечно, вот эти самые кубики. Они особенные. Последние полгода, правда, они сейф подпирали в конторе, но я там чурбачок поставил, а кубики вытащил.

— Это железные кубики для железных мальчиков? — подмигнул Котёнкин Генке.

— Может, и для железных, — уклончиво ответил дядя Саша, — а может быть, и для настоящих. Это как посмотреть. Эти же кубики не из магазина. Их в камне нашли. Под карьерной дробилкой.

— На ней мой папка работает! — тут же подал голос Владик Мажуга.

— Мой папка на ней работает! — закричал Вадик Мажуга.

— Точно так, — отозвался дядя Саша. — Ну, мы сначала подумали, что это какие-то запчасти отвалились, но вскоре поняли, что ошиблись. И то ведь: они же по первости в извёстке были.

— Запылились, понятное дело, — объяснила баба Маруся. — Карьер! Мой дед, когда на карьере работал, весь в известковой пыли приходил!

— Нет, — не согласился дядя Саша. — Они словно в камень вросли.

— В известняк? — поразился Котёнкин.

— В он самый, — расплылся в улыбке дядя Саша.

— Да ладно, — отмахнулась баба Маруся, которая в молодые годы преподавала в поселковой школе биологию, как раз до прихода туда директором Карена Давидовича. — Динозавры, что ли, в эти кубики играли? Повалялись железки в известковой луже да закаменели.

— Не спеши, соседка, — продолжил дядя Саша. — Я и сам так думал. А потом и вовсе забыл об этой диковине. А вот как Генка непонятого попросил, вспомнил. Пару недель назад один из кубиков из-под сейфа вылетел. Уборщица его шваброй выбила. Выбила, подняла, повертела в руках, да и прицепила к магниту. У неё магнит в подсобке, так вот она к нему всякую железную мелочь лепит, чтобы не потерять. Ключи, защёлки, щеколды, болты. Чего только под ногами не попадает. А потом вся эта стальная борода у неё рухнула на пол. Стала она поднимать железки, а они к магниту не пристают. Испортился он. Магнитить перестал.

— Так не бывает! — не согласился Котёнкин. — Как это перестал? Без нагрева? Без магнитного поля?

— Не бывает, — кивнул дядя Саша. — Я справлялся. Сам удивился, когда она жаловаться ко мне пришла: я ж там ещё и вроде механика. Но вот вчера я выкрутил динамик на своей «Волге» и в качестве последней проверки приложил кубик к магниту. А сегодня с утра уже езжу без музыки.

— А красить зачем их было? — не понял Генка.

— Так их вначале тоже пронумеровали на всякий случай, — объяснил дядя Саша, — а после, ну, я же ещё потренировался на других магнитах: и краска, и следы известняка с них слезли. Как новые кубики стали. Ну, ты скоро сам всё увидишь. Надеюсь.

Обернулся к магниту, а кубики словно взгляда его и ждали — скользнули вниз да загремели в подставленном тазу. Генка, Алёнка и Мажуги чудом стол не снесли. Столпились над тазом, глазам своим поверить не могут: лежат кубики ровным квадратом, на гранях — ни пятнышка, вся краска осыпалась. И такие они чистые, что Генке их погладить захотелось.

— Не тронь! — заволновалась мамка.

— Да ладно, Анюта, — успокоил её дядя Саша. — Я дозиметром проверял. Нет там ничего.

— Не может быть, — пробормотал Котёнкин, безуспешно прикладывая к испорченному магниту связку ключей. — Загадка мироздания. Однако, Малинин, это круче скутера. Намного круче!

— Клёво! Круто! Прикольно! — друг за другом прошептали Алёнка, Владик и Вадик.

— Игорёк, — шмыгнул носом, собирая кубики, Генка, — а можем мы их как-то ещё проверить?

— Можем, — почесал затылок Котёнкин. — Только чай допьём и пироги доедим. А то я что-то проголодался с утра.

9

Через час Генка, Алёнка и Мажуги сидели на старом диване в гараже Котёнкина. Тот возился с приборами на верстаке.

— Нечего не понимаю, — пробормотал он через полчаса. — Имеем девять кубиков предположительно из чёрного металла.

— Из серого! — поправили его братья Мажуга.

— Неважно, — продолжил Котёнкин. — Объём каждого чуть больше двадцати семи кубических сантиметров, вес около тридцати граммов. То есть можем предположить, что они пустотелые либо заполнены чем-то почти невесомым.

— И ещё размагничивают магниты! — добавил Генка.

— Да, — озадаченно громыхнул ещё одним испорченным магнитом Котёнкин. — Чего в принципе быть не может. Аномалия какая-то. Но сами не меняются. Нагреваешь — они почти не нагреваются. Свет поглощают. При этом сами кубики, насколько я могу понять, ничего не излучают. Хотя сверло с алмазным напылением царапину на грани оставляет...

— Игорёк! — воскликнул Генка. — Я же просил не царапать!

— Да успокойся, — поморщился Котёнкин. — Нет уже той царапины.

Пропала куда-то. Так что непонятного много, но вопрос только один. Что это такое вообще?

— Волшебные кубики! — закричал Вадик.

— Ага, — криво усмехнулся Котёнкин. — Крибле, крабле, бумс...

— Инопланетные? — предположил Владик.

— А вот в обувных коробках бывают такие пакетики от сырости, — вспомнила Алёнка. — Может быть, эти кубики вроде тех пакетиков? Только не от сырости, а от этого...

— От магнетизма? — подсказал Котёнкин.

— Ага! — обрадовалась Алёнка. — Или это игрушки динозавров.

— И что теперь делать? — повернулся Котёнкин к Генке. — Малинин! Кубики-то твои?

— Продолжить проверку! — нашёлся Генка.

— В какую сторону? — не понял Котёнкин.

— Насчёт динозавров!

10

Директор поселковой школы Карен Давидович Араян тоже был особенным человеком. Его аккуратность и подтянутость настолько поражали учеников, что среди младших классов даже ходили слухи, что директор так и родился: в костюме, белой рубашке, галстуке и начищенных до блеска ботинках. Кстати, уроки географии и биологии, которые преподавал Карен Давидович, в школе никто не прогуливал. А вот чтобы ученики не услышали звонок на перемену — случалось.

Сейчас, в середине лета, Карен Давидович не ходил в галстуке, но его тонкая белоснежная футболка, летние брюки и белые туфли выглядели едва ли не блистательнее его же костюма. Во всяком случае Алёнка, отправленная мальчишками к директору, узрев Араяна в таком виде, даже недоумённо оглянулась — не следует ли ей, Алёнке Комаровой, убраться в сосиски, чтобы помыться да надеть бальное платье?

— Здравствуйте, мадемуазель, — нарушил возникшую паузу Карен Давидович. — Прошу прощения, что я без галстука. Чем могу служить? Вы кто?

— Я Алёнка Комарова, — вовсе потерялась Алёнка и даже попыталась спрятаться за своим велосипедиком. — Я к бабушке на лето приехала. Мне не нужно служить. Мне нужно помочь. Нам...

— Не волнуйтесь, Алёнка Комарова, — рассмеялся директор. — Я уже понял, что вы не одна. Так чем я могу помочь вашей славной компании?

— Нам нужно узнать... — наморщила лоб Алёнка, вспоминая выученные слова, и даже обернулась, чтобы посмотреть на взмыленных Котёнкина, Генку и братьев Мажуга с белой плитой, — когда образовался вон тот камень?

— Ну, для начала на него нужно взглянуть, — предложил девочке Араян.

Осмотр продолжался не слишком долго. Пощупав, потрогав и даже поколупав аккуратным ногтем отшлифованную плиту, Карен Давидович выпрямился и с интересом оглядел пятерых следопытов.

— Ну, что сказать вам, дорогие мои краеведы! Это каменноугольный известняк. И образовался он от двухсот до трёхсот пятидесяти миллионов лет назад. С нашего карьера?

— Да, Карен Давидович, — подтолкнул вперёд Генку Котёнкин. — А не подскажите, могло образоваться естественным образом что-нибудь вот такое?

Генка показал приготовленный кубик. Араян поднял брови, осторожно взял кубик и внимательно его осмотрел.

— Понимаете, молодые люди... В горных породах можно обнаружить конкреции самой удивительной формы, но это, на мой взгляд, всё-таки результат технологии. Или я ошибаюсь?

— Нисколько! — обрадовался Котёнкин, забирая кубик. — Скорее всего, это деталь какого-то карьерного механизма. Или что-то похожее. Спасибо, Карен Давидович!

— Подождите! — удивился директор. — А камень?

— Он нам не нужен! — откликнулся Котёнкин.

— Почему мы побежали? — слезла с велосипеда на ближайшем перекрёстке Алёнка.

— Скоро стемнеет, — объяснил Котёнкин, — а у меня есть ещё одна идея. Надо испытать эти кубики на «Вторчермете». Там есть очень мощный магнит. Чтобы железо поднимать.

— Ой, я не могу, — призналась Алёнка. — Мне домой пора.

— И мы не можем, — надули губы братья Мажуга. — Нам тоже домой пора. И ещё мы капитана боимся. Он очень злится, когда на «Вторчермет» посторонние забираются. Мы домой.

— Ну что? — спросил Котёнкин у Генки, когда они остались вдвоём. — Ты со мной?

— С тобой, — твёрдо сказал Генка. — И с кубиками. Только я тоже капитана боюсь. Ты же сам сказал, что к нему лучше с утра ходить?

— Ну, мы же не к нему пойдём, а к магниту, — заметил Котёнкин. — Капитан, скорее всего, уже спит. Пошли, надо поторопиться.

11

Стоило Котёнкину и Малинину двинуться в сторону «Вторчермета», как из кустов сирени выбрались трое братьев Рыжковых.

— Что-то происходит, — пробормотал маленький, Семён.

— По такому куску торта съели! — проглотил слюну средний, Матвей. — Жмот — Малинин. Мог бы и пригласить соседей!

— А ты его приглашал? — поинтересовался старший, Егор. — Или «пожалуйста» говорил, когда бинокль отбирал?

— Ну, не отобрал же! — буркнул Матвей.

— Даже бинокль отобрать не смог, — презрительно сплюнул Егор. — Нет, Малину трогать не будем. И Алёнку. Близко живут слишком. Семён! Как у тебя с Мажугами?

— Нормально, — пожал плечами Семён. — Их же двое!

— Да хоть пятеро, — отрезал Егор. — Конфетами их угости завтра с утра. И выясни, что у них за возня. А ты, Матвей, проследи за Малиной и Котёнкиным.

— А ты что будешь делать? — обиделся Матвей.

— Я думать буду, — процедил сквозь зубы Егор. — Не нравится мне всё это. До мотопарада всего ничего осталось. Не хочу, чтобы всякая мелюзга рядом со мной ехала. Да ещё без разрешения!

Генка и в самом деле побаивался капитана. Ему случалось забираться на «Вторчермет» за подшипниками или за проволокой, и он видел, как капитан, высоко поднимая ноги, в полном одиночестве марширует по бетонным плитам. Было что-то ужасное в этом зрелище. Хотя у Котёнкина то как раз отношения с капитаном сложились неплохие. Только Игорь мог отремонтировать старенький погрузчик, на котором капитан раскатывал по охраняемой территории. К счастью, в этот раз ни капитана, ни его погрузчика видно не было. Генка поднялся к магниту, привязал к нему пакет с кубиками и полез на кран, на котором щёлкал рычагами Котёнкин. Лезть в сумерках на кран было ещё страшнее, чем на крышу, хотя на крышу-то как раз Генка ночью не забирался.

— Ты чего жмуришься? — спросил Котёнкин, когда Генка добрался до кабины.

— С закрытыми глазами не так страшно, — объяснил Генка. — И крепче за ступеньки хватаешься.

— Тогда начнём, — сказал Котёнкин. — Пока капитан спит.

— Где? — испугался Генка.

— Вон там, — ткнул в полутьму за спиной Котёнкин. — Похоже, напился сегодня. Обычно в это время он ещё марширует и песни поёт.

Генка обернулся и в самом деле в дальнем углу территории разглядел под фонарём на лежаке силуэт капитана. За ним тёмной грудой возвышался остов танка.

— Не бойся, — успокоил Генку Котёнкин. — Сейчас включим на полную и посмотрим, что с твоими кубиками. Железо поднимать не будем. Но если капитан проснётся, тогда придётся убежать. Только я первый.

— Почему? — напрягся Генка.

— Потому что если ты сорвёшься, я тебя поймаю, — объяснил Котёнкин.

— Хорошо, — не слишком успокоился Генка и снова посмотрел на капитана. — А зачем ему танк?

— У тебя солдатики есть? — спросил Котёнкин.

— Есть, — кивнул Генка.

— Зачем они тебе? — задал глупый вопрос Котёнкин.

— Как зачем? — удивился Генка. — Чтобы играть.

— Вот и ему за тем же, — сказал Котёнкин и потянул рычаг на себя. — Мне батя говорил, что мы с ним на самом деле ровесники. Только он повидал кое-что и старый уже. А так-то погодки. Понимаешь?

— Нет! — признался Генка.

— И я не понимаю, — вздохнул Котёнкин. — Мамка твоя не будет беспокоиться?

— Нет, — замотал головой Генка. — Я позвонил. Сказал, что с тобой. Но через полчаса надо быть дома.

— Будешь, — кивнул Котёнкин.

Кран загудел, заскрипел. Заворчали электромоторы, натянулись тросы, и ожила, загромычала куча железа под бледным светом слабого фонаря. Ожила и тут же с грохотом опала!

— Сломался магнит? — прошептал Генка.

— Механика работает, — недоумённо подёргал рычаги Котёнкин и с

интересом посмотрел на Генку. — Кран исправный! Десять тонн может брать! Только магнитное поле не действует! Или девается куда-то?

— Девается? — расширил глаза Генка. — Что же это за кубики?

— Может, и в самом деле инопланетные? — прищурился Котёнкин. — Уронил какой-нибудь маленький инопланетянин двести миллионов лет назад. Сидел на краю летающей тарелки и уронил. Заплакал, понятное дело. Мама выскочила, а уже поздно. Или в каменноугольное болото упали, или динозавр проглотил.

— Ух, ты! — восхитился Генка.

— А то! — подскочил Котёнкин и защёлкал тумблерами. — Бежим! Капитан проснулся!

С лестницы Генка не свалился, хотя несколько раз на голову Котёнкину наступил. А едва оказался внизу, бросился, забыв обо всём, на вершину кучи — забирать пакет с кубиками. Котёнкин только и успел прошипеть ему вслед:

— Быстрее, Малинин! У него ружьё!

Выстрел прогремел, как удар грома! Накатила тьма, на голову посыпались стёкла, но Генка уже схватил пакет с бесценными кубиками и полетел вниз, чтобы вместе с Котёнкиным под пьяные крики капитана рвануть к воротам и только за ними испугаться по-настоящему. Это что же получается? По нему, по Генке Малинину, стреляли? По-настоящему? Нет, этого его мамке знать не следует.

— Ты как? — хрипло спросил его Котёнкин.

— Не попал, — вдруг разревелся Генка. — Он в лампу!

— Чего тогда ревьешь? — дрожащим голосом переспросил Котёнкин. — Бежим!

13

Мамы всегда всё чувствуют. Вот и в этот вечер мама Генки Малинина услышала звук выстрела, вздрогнула и замерла. А стояла она у калитки. А с другой стороны калитки стоял Карен Давидович Араян, которому очень хотелось снять с плеч пиджак и закутать плечи Анны Дмитриевны Малининой, которая работала в его же школе преподавателем русского языка и литературы, но позволить себе он этого не мог. Во-первых, потому, что в саду за домом сидел за столом экскаваторщик Саша Демидов, во-вторых, потому, что Анна Дмитриевна этого ему бы не позволила, а в-третьих, потому, что Карен Давидович и сам ничего подобного себе позволить не мог. К его собственному сожалению.

— С Геннадием всё в порядке? — спросил Араян.

— Да, — поёжилась мама. — Разговаривала с ним по телефону. Он у Котёнкина. Скоро будет. Загулялся в день рождения. А стреляли со стороны «Вторчермета». А то и вовсе от воинской части. Может быть, у них стрельбы?

— Может быть, — успокоил маму Араян. — Я ведь по делу. Тут ко мне приходила Вера. Со второй улицы. Мальчишки утащили у неё каменную плиту. Так я вернул её на место. Не волнуйтесь. Всё улажено.

— Анюта! Всё в порядке? — подал голос из сада дядя Саша. Экскаваторщики тоже бывают воспитанными, и именно воспитание не позволяло дяде Саше вмешиваться в чужой разговор.

— Да, Саша, — отозвалась мама. — Это директор школы. Он насчёт Генки.

— Саша? — спросил Карен Давидович.

— Саша, — кивнула мама, и больше говорить ничего не нужно было. Карен Давидович всё понял. Он был не только хорошо воспитан, но ещё и очень умен.

— Это хорошо, — сказал он и добавил, прежде чем уйти: — Удачи вам, Анна Дмитриевна. А вот и ваш Генка.

Как ни старался Генка незаметно прошмыгнуть мимо мамы, ему этого не удалось. Она первым делом ощупала сына, осмотрела, затем, вздохнув с тем самым облегчением, с которым умеют вздыхать только мамы, загнала Генку в ванную, где заставила его принять душ, почистить зубы, а затем уже отправила вместе с вымытыми кубиками в постель, разве только свет разрешила не выключать.

Генка разложил кубики на подушке, погладил их, а потом начал складывать из них фигурки. Если на кубиках нет букв или рисунков, фигурки складывать очень легко. Как положишь, так и правильно. Никто не скажет, что у тебя ошибка в слове или рисунок не совпадает. Кубики отчего-то казались тёплыми и как будто слегка потяжелевшими. Генка их ощупывал и переставлял. Сначала у него получилась линия, затем квадрат, треугольник, прямоугольник, змейка, потом домик, собачка и, наконец, человек. А потом Генка уснул.

14

Проснулся он оттого, что играла музыка. Генка недоумённо окинул взглядом комнату. Неоткуда было взяться музыке в его комнате. На телефоне звонок был другим. Часы давно стояли. Читалка была разбита. Старый компьютер забыл, когда его пытались оживить в последний раз. Сломанный телевизор не был подключён ни к электричеству, ни к антенне. Приёмник на гардеробе замолчал ещё до рождения Генкиной мамки, но именно он и веселился! Секунду Генка смотрел на это мерцающее огнями безобразие, пока не услышал голос мамы из кухни:

— Генка! Ты проснулся? Откуда у тебя музыка? Новый сигнал на телефон поставил?

— Нет! — закричал Генка, вскочил на стул и выключил приёмник. — Я ещё сплю!

Приёмник работать не мог. Хотя бы потому, что шнур с вилкой от этого приёмника дядя Саша отрезал ещё в начале лета, когда ремонтировал Генке настольную лампу. Генка с подозрением оглянулся и заметил, что пульт от сломанного телевизора тоже как-то подозрительно блестит. Он взял его в руки, но нажать ни на одну из удивительно новых кнопок не решился. И как раз в этот момент из столь же странно оживших часов высунулась кукушка и задорно прокуковала девять часов утра. От неожиданности Генка подпрыгнул, выронил пульт и подпрыгнул ещё раз! Давно уже сломанный телевизор ожил, а кроме того, и компьютер стал загружаться! Генка торопливо убавил звук и начал перещёлкивать каналы, всё более наполняясь недоумением. Каналов было множество, и почти все они вещали на иностранных языках!

— Генка! — показала в окне Алёнка.

Генка от неожиданности снова выронил пульт, что вновь усилило громкость телевизора.

— Тише! — прошипел Генка и с удивлением понял, что телевизор стал работать тише.

Алёнка тем временем уже до половины забралась в комнату и с удивлением выпучила глаза:

— Генка! Какой у тебя классный телевизор! И компьютер! Ты же говорил, что он сломан? Слушай, можно я залезу совсем?

— Залезай, — кивнул Генка, судорожно натягивая шортики и майку.

— А диван какой мягкий! — плюхнулась на подушки Алёнка. — А можно чуть громче? Ух ты!

Телевизор и в самом деле послушался Алёнку. Но Генка на телевизор уже не смотрел, а смотрел на диван, который обновил за ночь не только обивку, но и скрытые под нею пружины! Алёнка между тем не унималась:

— А почему на английском языке? А у бабы Маруси нет в телевизоре программ на английском языке!

Генка с интересом посмотрел на пульт, который держал в руке, положил его на стол и скомандовал словами:

— Другой канал.

Телевизор переключился на другой канал. Зазвучала итальянская речь.

— Дальше! — загорелся Генка.

Итальянскую речь сменила немецкая. Алёнка сияла от восторга.

— Ничего себе! А мультики?

Экран телевизора тут же поделился на множество квадратиков, в каждом из которых шли какие-то мультики.

— Вот эти, вот эти! — ткнула пальцем в экран Алёнка. — Генка! Ну почему ты не рассказывал про этот классный телевизор!

— Тише! — скомандовал телевизору Генка и повернулся к компьютеру. — Выключись. Всем выключиться! — и уже в тишине прошипел с расширенными глазами: — Ты что, Алёнка, не понимаешь?

— А что такое? — хлопнула ресницами Алёнка.

— Посмотри! — бросился к телевизору Генка. — Телевизор был сломан! И антенны в нём нет! И электричества! Вот! — он потряс выдернутой из розетки вилкой. — И приёмник так же!

— Ой! — испугалась Алёнка.

— И часы — ой! — добавил, чуть не плача, Генка. — И компьютер — ой! И вот! Телефон мой стал, как новый! И читалка!

Алёнка взяла в руки Генкину читалку, прикоснулась к ней, ещё шире открыла глаза:

— Генка! Так тебе мамка планшет купила?

— Нет, — присел перед удивительно новеньким мотором Генка. — Это не мамка. Это кубики, Алёнка.

— Кубики? — не поняла девчонка. — Как это?

— Сейчас!

Генка метнулся к постели, поднял подушку и увидел кубики. Они лежали аккуратным квадратом.

— Слушай, — наморщила лоб Алёнка, — а может, это просто сюрприз от твоего дяди Саши?

— Во-первых, он не мой, — отрезал Генка. — А во-вторых, я ему вол-

шебную палочку не заказывал. А если бы она у него была, он бы «Волгу» свою через день не ремонтировал! Пошли!

— Куда? — с сожалением посмотрела на телевизор Алёнка.

— К Котёнкину, — сказал Генка. — Надо в этом разобраться! Ты где вчера велосипед оставила?

— Да здесь, под окном, — пожалала плечами Алёнка. — А ты думаешь, как я до подоконника дотянулась?

15

Игорь Котёнкин минут пять попеременно рассматривал то мотор, то читалку, пока, наконец, не сказал:

— Этого не может быть. Моторов таких уже больше двадцати лет не выпускают. Запчастей на них нет. Читалка твоя была разбита. На ней кто-то заменил стекло, корпус, сделал её цветной и... — Котёнкин взгляделся в экран, — установил какую-то странную операционку. Вы меня разыгрываете?

— Конечно! — подпрыгнула на продавленном диване Алёнка. — Я починила читалку, а Генка мотор. А телевизор, часы, приёмник, компьютер мы тоже починили? И каналов по телевизору — замучаешься на пульт нажимать!

— Не обязательно нажимать, — Генка зажмурился. — Можно подумать.

Котёнкин в изумлении показал друзьям экран читалки. На нём светилась надпись: «Можно подумать».

— А ну-ка?! — крикнула Алёнка и зажмурилась, но надпись на читалке не изменилась.

— Так, только я, — вздохнул Генка.

— Малинин, — прошептал Котёнкин. — Ты что? Волшебную лампу с джинном нашёл?

— Девять, — начал выкладывать из пакета на верстак кубики Генка. — Только не ламп, а кубиков. Алёнка, хватит жмуриться. Иди сюда. Выкладываем из них квадрат.

Котёнкин повернул к кубикам яркую лампу, отодвинул чашку чая, присел рядом. Мгновение кубики лежали неподвижно, но вдруг вздрогнули и поменялись местами, вновь перестраиваясь в квадрат.

— Оно живое! — взвизгнула, отпрыгивая, Алёнка.

— Или какой-то робот, — прошептал Генка.

— Это может оказаться опасным, — заметил Котёнкин, пятясь от стола. — Оно же двести миллионов лет пролежало в камне! Представляете, что сейчас у него в голове?

— В голове! — воскликнул Генка. — Ну, конечно же! В голове!

Четыре кубика — две ноги, над ними два кубика — туловище, по бокам два кубика — руки и один кубик сверху — голова.

— Вот! — сделал шаг от стола Генка и тут же вместе с друзьями оказался с ногами на диване. Человечек шевельнулся! Сначала он поднял голову, пошевелил ею. Затем сел. И, наконец, поднялся на ноги.

— Есть контакт! — изумлённо прошептал Котёнкин.

— Он давно уже есть! — почему-то захлопала носом Алёнка. — Я в Интернете видела. Всякие правительства давно общаются с инопланетянами. Только это всё страшно засекречено!

— Чтобы никому ни слова! — предупредил Котёнкин, не сводя взгляда с человечка, который как будто осматривался. — Генка! Как его зовут?

— Не знаю, — прошептал Генка. — Кубик, наверное: он же из кубиков? Но он сам ничего не помнит и не знает. Он вроде программы или машины. Но... как будто живой.

— Так живой или не живой? — вытерла слезы Алёнка.

— Для чего он? — не унимался Котёнкин.

— Это он знает, — кивнул Генка, ответы у которого словно сами всплывали в голове. — Он полевой ремонтник.

— Как это? — не поняла Алёнка. — Тракторист, что ли?

— Подожди, — отмахнулся от девчонки Котёнкин. — Полевой — это совсем другое. Полевые транзисторы, к примеру, бывают. Опять же — магнитное поле — тоже поле. Генка, а почему он только через тебя?

— Он не может сам, — вытер выступивший на лбу пот Генка. — Он только через кого-то. Я подошёл. Завёл. Или оживил. Теперь я ключ. Всё. Больше не могу. Стихи наизусть легче учить.

Человечек, который словно прислушивался к разговору, сделал шаг вперёд и сел на край стола.

— А он хороший или плохой? — таинственно прошептала Алёнка.

— Он, как я, — ответил Генка. — Если я хороший, то и он хороший. Но он не понимает, как можно быть плохим. Он просто ремонтирует. Он вообще не понимает, что такое — плохой.

— Послушай, — Котёнкин сдвинул брови. — А не мог бы ты его попросить что-нибудь здесь отремонтировать? В качестве эксперимента!

— Я попробую, — прошептал Генка и зажмурился.

Человечек вновь словно прислушался к чему-то, затем встал на ножки, кивнул и начал вращать головой, пока она не превратилась в смазанный волчок. Вслед за этим начали вращаться и его руки вокруг туловища, а затем замигали приборы в гараже и в воздух поднялись и закрутились маленьким смерчем мелкие детали и запчасти.

— Бежим отсюда! — крикнул Генка.

16

Игорю Котёнкину, а также Генке и Алёнке было и страшно, и любопытно. Страх мешал им подойти к закрытому гаражу, а любопытство не давало убежать куда подальше. Так они и сидели втроём на скамейке в десяти шагах от гаража, прислушиваясь к гулу за воротами и вздрагивая от вспышек света в щелях. К тому же Игорю Котёнкину было неловко убежать от собственного гаража на глазах малышей, а малышам казалось, что рядом с Котёнкиным их страх уменьшается. Увеличивался их страх только от разговоров о нём, поэтому все трое молчали. Но только до тех пор, пока не появились братья-близнецы Мажуга. Их щёки были вымазаны шоколадом, но в глазах таилась печаль. Они сели с двух сторон.

— А мы всё рассказали Рыжковым, — признался один из них.

— Нас Сёмка с Матвеем зажали, — добавил второй.

— Мы бы ничего им не рассказали, но они нас пытали шоколадными конфетами! — воскликнул первый.

— И мы не выдержали... — опустил голову второй.

— Слабаки, — фыркнула Алёнка. — Я бы ещё поняла, если бы вас пытали мороженым с клубникой.

— И что же вы им рассказали? — спросил Котёнкин просто так, чтобы не думать о гудении в собственном гараже.

— Всё, — вздохнул Вадик. — Про то, что Малинину подарили чудесные кубики, которые то магнитятся, то не магнитятся, и что они, наверное, инопланетные.

— Или динозавровые, — добавил Владик.

— Не всё вы им рассказали, — встал со скамейки Котёнкин, потому что шум в гараже стих.

— А что там у вас гроыхало? — поинтересовался Вадик (или Владик). — Или вы теперь и стиральные машины ремонтируете? У нас стиральная машина постоянно по кухне скачет!

— И кто там у вас говорит на иностранном языке? — сдвинул брови Владик (или Вадик).

— Пошли посмотрим, — буркнул Генка, преодолевая страх. — Нам тоже интересно.

— Пошли, — согласился Котёнкин, потому что бояться дальше становилось совсем уж неприлично, и распахнул ворота.

Внутри гаража царил идеальный порядок. Стеллажи занимала абсолютно исправная техника. Сверкали утюги и чайники. Светились и курькали на разных языках радиоприёмники. Сияли яркими картинками телевизоры. Пыжились новыми пружинами и свежей обивкой диван. И посередине всего этого великолепия рядом с гордостью Котёнкина — мотоциклом «Минск» — стояли два новых мопеда и велосипед Алёнки, на котором сверкал металлом тот самый моторчик. Под ним валялись девять посеребривших кубиков. К ним-то сразу же и бросился Генка.

— Ух ты! — восхитился Вадик. — Это ты сам решил убраться или родители заставили?

— А мопеды к завтрашнему мотопараду? — с надеждой поинтересовался Владик.

— Не знаю, — растерянно пробормотал Котёнкин. — Ничего я не знаю. И ничего не понимаю. У меня же не было моторов на эти мопеды. И деталей не было. Тут же всё заново придумано! Так мы теперь... Мы теперь Глеб Глебычу «УАЗ» починим, чтобы он уже отстал от меня наконец! И твоему дяде Саше, Генка, «Волгу» наладим! Да мы...

— Игорь! — вскочил со слезами на глазах Генка. — Они совсем-совсем не шевелятся! Мне магниты нужны! Алёнка! Вадик! Владик!

— У нас нет, — надул губы Вадик.

— Есть! — загорелся Владик. — В кухне и в комнате в стенке все дверцы на магнитах! Побежали!

— А у бабы Маруси игольница на магните! — обрадовалась Алёнка.

Когда Алёнка и братья Мажуги выбегали из ворот мастерской Котёнкина, трое братьев Рыжковых сидели в засаде за изгородью напротив и по очереди прикладывали к глазам театральный бинокль.

— Сюда бы тот бинокль, что Малинин с собой таскает! — вздохнул Матвей.

— И этим обойдёмся, — процедил сквозь зубы Егор. — Что надо, я уже разглядел.

— И что там? — подал голос Семён.

— Пара мопедов появилась, — сказал Егор. — Когда только Котёнкин эту рухлядь в порядок успел привести?

— Да чего тебе эти мопеды? — не понял Матвей. — Кто на них поедет? Эта мелюзга? Да они через сто метров заглохнут. Плюнь!

— Я те плюну! — замахнулся на брата Егор. — Сегодня ты плюнешь, а завтра на тебя плюнут. Мотопарад только через меня! Котёнкина отец позвал, за остальных я отвечаю! Чтобы никто вперёд не лез! Понятно?

— Да ладно, Егор, — обиделся Матвей. — Батя только и сказал, чтобы ты список составил.

— Вот я и составляю... список, — буркнул Егор. — Не нравится — будешь флажком махать, а не на газ давить. Бинокль он захотел... Ты ещё отнять его сумеешь! Сёмка!

— Чо? — вскинулся Семён.

— Беги за Мажугами. Да не догоняй, а проследи. А потом выйди на встречу, посмотри, что да зачем несут. Да кинь пару вопросов. Понял? А ты, Матюха, будь здесь да смотри. И не ной насчёт бинокля. Правильно себя поставишь — тебе этот бинокль бантиком перевяжут и подарят. Понял?

Конечно, было бы неплохо летать, как птица, но если уж и выделяться, то не таким образом. Главное — не прожить жизнь зря. Так говорила Генке мама, и так он думал сам. Мама говорила, что «не зря» — это значит с пользой. Чтобы люди тебя запомнили. Правда, что такое польза, Генка до сего дня понимал смутно, но вдруг эта польза явилась ему со всей очевидностью. Он будет, как Котёнкин. Станет чинить чайники, утюги, микроволновки. И все будут говорить, что Геннадий Михайлович Малинин — мастер на все руки. Всё может сделать. А что не может — починит его приятель Кубик! Или о Кубике лучше не заикаться? Но тогда нечестно может получиться. Чинить будет Кубик, а слава достанется Генке...

— Добрые дела следует делать тайно, — прошептал Котёнкин, когда вся компания подобралась к дому участкового. — Я даже где-то читал, что если много болтать, какое ты сделал доброе дело, оно как бы становится и не совсем добрым.

Глеб Глебыч Чумак, который не слышал этого шёпота, как раз вытаскивал из машины сумки с продуктами и пытался закрыть дверь машины ударом ноги. Дверь упорно не закрывалась, поэтому участковый бил всё сильнее и ругался на старый автомобиль разными словами, из которых Генка понял только одну фразу:

— Когда же ты развалишься!

— А я не спешу пока, — подала голос от калитки мама Глеба Глебовича, назвать которую старушкой не поворачивался язык, потому как ростом она была под два метра и голос её напоминал приглушённые раскаты грома.

— Да я про машину, мам, — сразу как-то съёжился грозный Глеб Глебович. — Нет, ну разве это работа? Сегодня пятница. Половина посёлка с обеда уже дома. Завтра суббота. У всех выходной, кроме меня. Понятно, что Коля Иванович при деле, но он помешался на этом своём мотопарade, а я почему должен страдать?

— Масло растительное купил? — строго спросила мать участкового.

— Купил-купил, — к удивлению Генки, вовсе превратился в послушного сына Глеб Глебович.

— А к Аньке Малининой ходил?

— Ходил, — вздохнул участковый. — Только поздно уже к ней ходить. Она на Сашку-экскаваторщика глаз положила!

— А как у него фамилия? — поинтересовалась мать.

— Демидов.

— Красивая фамилия, — задумалась мать участкового, принимая у него сумки. — Может быть, тебе надо было на её фамилию согласиться? Стал бы Малининым? Может, она не захотела чумичкой становиться?

— Да ты что, мам? — возмутился Глеб Глебыч. — Нормальная у нас фамилия! Чумак! Ты знаешь, как меня в посёлке кличут?

— Да знаю, знаю, — вздохнула мать. — Пошли уже, бедолага.

Заскрипели ступени крыльца, хлопнула дверь, и Котёнкин подал команду:

— Вперёд!

Разом из укрытия выскочили братья Мажуги и занялись наблюдением за крыльцом дома. Алёнка выскочила на середину улицы и принялась крутить головой. Котёнкин приоткрыл дверь «уазика» и кивнул Генке:

— Давай!

Генка сдёрнул с плеча сумку, открыл её, выпустил внутрь машины Кубика. Котёнкин прикрыл дверь, посмотрел на Малинина.

— Ну что?

— Сейчас, — прошептал Генка и зажмурился.

И сразу же машина задрожала и засветилась изнутри всеми окнами.

19

Никто не верит в чудеса. Всё познаётся через опыт, а какой опыт может быть с чудесами? Именно поэтому Семён и Матвей Рыжковы, которые сидели в зарослях крапивы напротив дома участкового Чумака, не поверили в то, что на их глазах происходит что-то чудесное. Да, старый и облезлый уазик непостижимым образом вдруг превратился в новый и сверкающий свежей краской автомобиль. Но кто сказал, что это чудо? Одно было ясно: без пятерых ребятишек, один из которых, умелец Игорь Котёнкин, имел некоторое отношение к технике, тут не обошлось. И эту загадку следовало разгадать, несмотря на жгучую крапиву и другие неприятные обстоятельства.

Глеб Глебыч тоже не был приучен к чудесам. Тем более чтобы они происходили с ним самим. Выйдя из дома и увидев на месте привычного «уазика» новый автомобиль, участковый чуть не проглотил зубочистку, которой ковырял на ходу в зубах. Затем он присел и достал из кобуры

пистолет. Крадучись, подошёл к машине и с недоумением посмотрел на знакомый номер. Почесав дулом пистолета лоб, несгибаемый участковый Глеб Глебович Чумак дважды обошёл автомобиль, убрал пистолет в кобуру и осторожно открыл дверь салона. Осмотрелся, вытащил бутылку газированной воды и ещё более осторожно закрыл дверь с одного «клапа», что его поразило как будто больше всего. Оглядевшись ещё раз, Глеб Глебыч открыл воду, жадно напился, снял фуражку и вылил остатки воды себе на голову.

Примерно в это же самое время мама Генки Малинина сидела в саду и, ничего толком не понимая, щёлкала пультом в телевизор, который дядя Саша успел вынести на улицу. После каждого щелчка она брала ручку и с недоумением на лице записывала в тетрадку название очередного канала, не забывая прихлёбывать из чашки с чаем. Когда в саду появился дядя Саша, она даже не повернула голову в его сторону, так была занята. Только спросила:

— Уже съездил в магазин? А где молоко?

— Я не поехал, — как-то странно ответил дядя Саша и стал наливать себе чай и намазывать кусок булки маслом.

Мама хотела спросить что-то ещё, но тут в сад вбежал взъерошенный Генка, нахватал со стола сразу с десяток бутербродов и ринулся опять на улицу.

— Опять всухомятку? — крикнула ему вслед мама.

— Мама! Я с ребятами! — отозвался Генка.

— Я не поехал, — повторил дядя Саша, откусывая от бутерброда. —

Мне машину подменили.

— Как подменили? — бросила пульт мама. — Угнали?

— Нет, — очень спокойно ответил дядя Саша. — Подменили. Как и этот телевизор. Старую на новую. Но машина та же самая. Я сверил номер двигателя. Только новая. И ты знаешь, она теперь такая новая, какой и на заводе никогда не была.

— И что всё это значит? — снова взялась за пульт мама.

— А вот это что значит? — наклонился дядя Саша и показал маме вилку от электрошнура телевизора. — Счётчик, кстати, и без шнура расход электричества учитывает. Я проверил. Ты сколько уже каналов записала?

— Пока триста сорок один, — посмотрела в тетрадку мама. — Что делать-то будем?

— Оставь, — хлебнул чаю дядя Саша. — Звук прибавь. Ты смотри, это же прямой эфир. С той стороны шарика. НБА. Давай посмотрим?

В это же самое время начальник мотоклуба Коля Иванович Рыжков заехал на квадроцикле во двор собственного дома и застиг старшего сына Егора за натягиванием брезента на сияющий чистым металлом мотоцикл «Урал».

— Егорка! — восхитился Коля Иванович, стискивая сына в объятиях. — Это вы все вместе? С Сёмкой и Мотькой? Ёлки-палки! Саморез мне в покрывку! Молодцы! Мамка! Всем мороженого! И торт! Самый большой!

Почти в это же самое время, или чуть позже, немного уставшие, но счастливые друзья подводили итоги летнего дня.

— Вылечили три автомобиля и два мотоцикла! — посчитал Вадик.

— Один мотоцикл не вылечили, а воскресили! — поправил брата Владик.

— И ещё воскресили один мотоплуг, два приёмника и два телевизора! — подпрыгнула Алёнка.

— Не считая того, что у меня в гараже отремонтировано и дома у Генки, — подвёл итог Котёнкин. — Что дальше?

Все посмотрели на Генку. Он один был не слишком весел. На плече у него висела сумка с Кубиком, на груди бинокль.

— Хватит на сегодня, — сказал Генка. — У меня есть одно дело. Важное. Но я сам.

— Помощь не нужна? — спросили хором братья Мажуги.

— Только сам, — твёрдо сказал Генка и посмотрел на Алёнку. — Дашь велосипед?

— Обещала же! — подала велосипед Алёнка. — Только педали крутить с мотором стало хуже. Мешается. Надо бы разобраться, как он заводится.

— Разберёмся, — пообещал Котёнкин. — Ты только не забудь. Завтра в полдень мотопарад. С утра надо бы опробовать технику.

— Не забуду, — пообещал Генка.

— И это, — добавил Котёнкин. — Береги Кубика. Магнитов больше нет!

20

В сущности, Генке для счастья не хватало сущей малости. Вся проблема была в том, что опознать эту самую малость он не мог. Чувствовал, что чего-то ему не хватает, а чего — не понимал. Поэтому и отправился туда, куда отправился.

Порядком умаявшись, ещё не понимая, что сам задумал, Генка приехал на кладбище и стал пробираться между оградок и бурьяна к могиле отца. Велосипед пришлось оставить на полпути, потому как ограды лепились одна к другой, и кое-где Генка и сам с трудом протискивался между стальными прутьями. Наконец, он добрался до места, открыл калитку, вошёл внутрь, сел напротив камня с портретом отца.

— Вылезай, Кубик, — сказал негромко.

Кубик выбрался на скамейку и как будто в недоумении начал вращать «головой». Генка показал пальцем на памятник. Кубик «не понял». Потыкал пальцем в землю, Кубик снова «не понял».

— Здесь мой папка, — наконец сказал Генка. — Он сломался. Можешь починить?

Кубик посмотрел в землю, замотал головой.

— Он не очень большой! — заблестели глаза у Генки. — Да, он не железный, но ты же чинил обивку в машинах? Она тоже не железная!

Кубик снова замотал головой.

— Ну, пожалуйста! Хоть ненадолго! — заплакал Генка, а потом стиснул голову руками и зажмурился изо всех сил.

И Кубик стиснул «голову» «руками», а затем сложился на скамейке в квадрат.

— Я понял, — сказал Генка. — Он не сломался. Он просто ушёл. Значит, туда, где мой Рекс закопан, можно тоже не ходить. Рекс ведь тоже ушёл.

У выхода на кладбищенскую аллею Генку ждали Матвей и Семён. Матвей сидел на скутере, а Семён раскачивался на одной из оградок.

— Что, ремонтник? Не вышло с батей ничего? И хорошо! Только нам ещё зомби в посёлке не хватало!

— Мы всё знаем, — сказал Матвей. — Мажуги всё рассказали. Давай сюда кубики. И бинокль.

— Потому что так нечестно! — закричал Семён. — У всех — за деньги, а у тебя — даром! И разрешения ты не спрашивал насчёт мотопарада!

— Не дам, — хлюпнул носом Генка, заноса ногу на велосипед.

— Куда ты денешься, — хмыкнул Матвей, заводя скутер. — Погоняемся?

Мотор и в самом деле мешал крутить педали, но Генка старался изо всех сил, тем более что за спиной урчал скутер, и Семён кричал, что кубики надо поделить, потому что так нечестно, а Генка стискивал зубы, глотал слёзы и спрашивал себя: разве честно, что у Генки нет папки? А то, что кубики пролежали в земле двести миллионов лет, это разве честно? И когда скутер уже вовсе приблизился к велосипеду, Генка нажал на большую чёрную кнопку на руле, которая появилась вместе с мотором, и легко ушёл от преследователей.

21

В тот же вечер, уже в сумерках, трое братьев Рыжковых сидели на новеньком мотоцикле «Урал» и безо всякого аппетита ели незаслуженный ими торт.

— Я знаю, что надо делать, — наконец сказал Егор. — Мажуги что сказали? У них магниты кончились, а без магнитов этот ремонтник никуда. Значит, Генка побежит на «Вторчермет». А там капитан с разобранным танком. Если мы ему расскажем про эти кубики, он их сразу себе заберёт. И это будет по справедливости.

— Подожди! — не понял Матвей. — Зачем Малинин побежит на «Вторчермет»? Ремонтник-то у него вроде ещё не надорвался?

— Надорвётся, — твёрдо сказал Егор. — Мы ему столько работы подкинем, что он точно надорвётся!

Тем же вечером, почти ночью, когда Генка уже спал, Кубик выбрался из его сумки, с минуту рассматривал спящего друга, а затем спрыгнул на пол.

22

Генка проснулся от стука в стекло. В окне торчала голова Котёнкина.

— Не ори! — строго сказал Котёнкин. — Одевайся! У нас проблема!

Генка быстро оделся, схватился за сумку.

— Ой, — испугался он. — Кубик пропал!

— Иди сюда, — поймал его Котёнкин под окном. — Рыжковы могли забраться в комнату?

— А зачем? — скривился Генка. — Он всё равно только меня слушает!

— Ко мне ночью точно они забрались! — хмуро сказал Котёнкин. — Два мопеда, что Кубик собрал, разбили. Ещё и на воротах написали:

«Всё должно быть чесно». Без буквы «т». Точно Рыжковы. Я надеялся, что Кубик твой выручит...

— Зачем они так? — размазал слёзы по щекам Генка. — Разве мы кому-то сделали плохо?

— Какая теперь разница? — пожал плечами Котёнкин. — Что теперь делать? Идти к Рыжковым и требовать кубики назад?

— Не знаю, — приготовился вовсе разрыдаться Генка и вдруг замер. Брезент, который ещё вчера накрывал груды металлолома и его, Генки, убежище, за ночь натянулся и увеличился в объёме!

— Ты что? — насторожился Котёнкин.

— Вон, — прохрипел Генка, тыкая пальцем в угол двора. — Смотри!

Машина и в самом деле была восстановлена, только Генку она не заинтересовала. Кубики вновь надорвались. Лежали безжизненно на земле. Генка уже не мог даже плакать.

— Магнитов больше нет!

— Поехали на «Вторчермет», — твёрдо сказал Котёнкин.

23

Договориться с капитаном не удалось. Тот встретил друзей на воротах «Вторчермета» с ружьём, построил Котёнкина и Генку сначала в одну колонну, затем в одну шеренгу, отдал команды «Равняйся», «Смирно», заставил маршировать на месте, затем произнёс речь.

— Значит, всё правда? Рыжковы не врут? Скрываете от отчизны научное достояние? Используйте инопланетный раритет в личных целях? А то, что обороноспособность Родины падает, никого уже не волнует? А ну-ка, Малинин, вытряхивай эти ремонтные кубики из сумки!

Что было делать перепуганному Генке? Вытряхнул. Капитан посмотрел на серые кубики с сомнением, подвигал их носком начищенного сапога, затем потребовал выложить на бетонные плиты телефоны и подобрал их, не сводя с пленников глаз.

— Ну что же... Заодно и проверим. Не получится — сочтём шуткой. А если получится, будем иметь в виду, что победителей не судят. Быстро! Котёнкин, в кабину, включишь магнит по команде. Малинин — к магниту. Закрепишь кубики и вниз. Понял?

— Понял, — прошептал перепуганный Генка. Сейчас, в эту самую минуту, ему казалось, что все его детские страхи — сущая ерунда, потому что нет на самом деле ничего страшнее, чем этот старый солдат с горящими глазами.

— Врубай! — махнул рукой Котёнкину капитан. — На полную!

Загудел кран, зашевелилась куча железа, подтянулась к магниту, и тут же искры посыпались из магнитной блямбы, и куча осела.

— Был приказ на полную, — ещё громче заорал капитан.

— И так на полную! — со слезами закричал сверху Котёнкин. — Перегрузка уже!

— Плевать! — зарычал капитан. — Родине нужны не краны, а танки!

Но искры посыпались сильнее, а вскоре задымила и кабина крана. Котёнкин, кашляя, стал спускаться. А капитан присел возле перепуганного Генки и погрозил ему пальцем.

— Я знаю, рядовой Малинин, что эта штукавина слушается только тебя. Сейчас ты поднимешься и принесёшь её сюда. А потом пойдёшь со мной и будешь меня слушаться. Надо послужить Родине, сынок. Радуйся! Не каждому выпадает такая возможность.

24

Страх — как тяжесть: поднять трудно, а нести можно. Так и Генка, не смотря на то, что ноги его дрожали, смог идти перед капитаном и даже оглядывался время от времени на побледневшего Котёнкина, на капитана с двустволкой в руках. Идти пришлось недалеко. У забора стояла половина танка: две гусеницы и стальное корыто между ними. Тут же лежала гора железа.

— Залезай! — скомандовал капитан.

— Не получится! — в отчаянии закричал Котёнкин. — Энергии не хватит! Башни нет! Орудия нет! Двигатель мёртвый уже лет двадцать! Всё заржавело!

— Заодно и проверим, — вытер рукавом лоб капитан. — А ну-ка, доставай своего ремонтника, Малинин. А ты, Котёнкин, принимай пост! Охраняй периметр!

Забравшись внутрь мёртвого механизма, Генка присел в углу и открыл сумку. Словно чувствуя что-то неладное, Кубик медленно выбрался на стальное ребро.

— Ты смотри-ка! — в восхищении присел рядом капитан. — Точно инопланетная штука. Наши так не умеют. Разве только японцы. Но танки у них плохие. Вот у немцев были танки, да и то по нынешним временам...

— Товарищ капитан! — надрылся снизу Котёнкин. — Придите в себя!

— Молчать, рядовой Котёнкин! — рявкнул капитан. — Вот отчизна придёт в себя, и я приду в себя. Как эта штука управляется? Слова понимает?

— Мысленно, — сипло промолвил Генка. — Я думаю, а она понимает.

— Ну что же, — сдвинул фуражку на затылок капитан. — Значит, парень, придётся тебе думать правильно. Думай о Родине, сынок. О том, что вокруг Родины засели враги. О том, что Родине нужен отличный танк. Большой танк! Несокрушимый танк! Мощный! Супер танк! Думай, сынок. А я тебе подскажу, что думать!

25

Поселковый умелец, добродушный парень Игорь Котёнкин никогда не задумывался над тем, смелый он или трус. Генку Малинина от нападков его соседей Рыжковых защищал по той же самой причине, по которой ремонтировал утюги, чтобы порядка вокруг него было больше. Но что его было защищать: Рыжковы сами были смелы только против слабых. По-настоящему проверить самого себя Котёнкину пока ещё не приходилось. Теперь, когда он стоял возле остова сданного когда-то в металлолом танка, в котором начал понемногу вращаться Кубик и вокруг которого загремели и зашевелились листы металла, Игорь вдруг подумал, что трусости не бывает, а бывает беспомощность. И уже пяясь от железного смерча, в котором скрылся и капитан, и Генка, и сам Кубик, понял, что и беспомощ-

ность возможна только тогда, когда человек зажат в угол, и руки, и ноги его связаны, а рот заткнут. Ничего этого пока не наблюдалось, поэтому Котёнкин развернулся и помчался к оставленному у выхода мотоциклу.

Примерно в это же самое время или чуть-чуть позже Коля Иванович Рыжков расставлял на полигоне мотоклуба флажки, проверял крепления горок и трамплинов. Народу пока ещё было немного, до начала старта оставался ещё целый час или больше, но спортсмены уже копались у раскрашенных в яркие цвета мотоциклов. Начинали собираться самые нетерпеливые зрители. Жена Коли Ивановича протирала кубки, директор школы Карен Давидович заполнял протокол соревнований, Глеб Глебович Чумак с мужественным видом крутил во все стороны головой. Вдруг рация у него на плече запищала, участковый напрягся, махнул рукой Карену Давидовичу, запрыгнул вместе с ним в новенький «уазик» и умчался. Вслед за ним сложил штатив и побежал к машине оператор местного телевидения. Коля Иванович огляделся ещё раз, нахмурился и поздравил к себе троих сыновей, которые подозрительно старательно начищали собственные мотоциклы:

— А ну-ка, орлы! Быстро и чётко! Что натворили?

В это же самое время по территории «Вторчермета» полз диковинный танк. Башни на нём не было, а заменяющая её серая полусфера сверкала огнями и как будто накрывала краями даже гусеницы. Впереди из полусферы торчало что-то вроде обрубленного швеллера, который казался страшнее обычного дула. Вот танк раздробил гусеницами отсек для мусора. Вот направил швеллер на штабель стальных бочек, загудел, и бочки осыпались пылью.

— Вот он, стальной кулак Родины! — кричал в диковинном открытом отсеке капитан. — Силовой купол вместо брони! Аннигилятор! Ни шагу назад! Смерть оккупантам! А сейчас мы, приятель, — ухватившись за рычаги, обратился он к замершему в углу Генке, — поедem к танкистам! Покажем им, что такое — настоящий танк!

В это же самое время Алёнка на урчащем мотором велосипеде заехала на территорию «Вторчермета» и увидела страшный супер танк, который направлялся к бетонному забору. Прижала к уху телефон, прокричала что-то и развернулась, едва не столкнувшись с взмысленными братьями Мажугами.

А ещё несколько минут спустя на той деревенской улице, что вела к воротам воинской части, появилась странная процессия. Впереди летела новенькая «Волга». За нею мотоцикл Котёнкина. Затем «уазик» Глеб Глебыча и квадроцикл Коли Ивановича. «Скорая помощь». И уже за ними толпа жителей на мотоциклах, велосипедах и просто на своих двоих.

Дежурный на КПП даже не успел схватиться за телефон, когда увидел «Волгу». Та сбила шлагбаум, снесла ворота и остановилась уже на плацу. Дядя Саша выскочил из машины и тут же заблокировал двери.

— Анюта! — крикнул он Генкиной маме. — Будь здесь!

— Демидов! — закричала она, выбираясь в окно. — Догоню — убью!

Глаза капитана горели. Танк преодолел забор и выкатился в автопарк. Уже раздался вой сирены и забегали солдаты. Близок был миг триумфа, как вдруг движение прекратилось. Перед танком, подняв руки, встал дядя Саша.

— А ну, прочь! — поднялся над бортом танка капитан. — Уйди! Задавлю!

— Генку выпусти! — крикнул дядя Саша.

— Уйди! — зарычал капитан и дёрнул за рычаги. Танк двинулся вперёд, но замер в полуметре от дяди Саши.

— Генку! — продолжал кричать дядя Саша.

— Ах так? — побелел капитан, рванул рычаги ещё раз и схватился за ружьё. Генка в ужасе замер. Кубик, который стоял рядом с ним, присел для прыжка. Дядя Саша, который видел сквозь полусферу мутный силуэт капитана, зажмурился. И тут прогремел выстрел.

Кубики посыпались на пол кабины. Один из них, разорванный выстрелом, отскочил к Генкиным ногам. Уцелевшие тут же сложились в квадрат, в котором не хватало середины, завибрировали, загудели и сотворили недостающий, девятый кубик, выстрелив вертикально вверх ослепительным белым лучом.

Всё прочее было неважно. Уже потом Генке, который бросился на пол к железному другу, рассказали, что после выстрела и белого луча защитный купол исчез, и танк стал разваливаться на части. Что через эти части к Генке лез дядя Саша, но непостижимым образом первым до него добрался не он, и даже не Генкина мамка, а Алёнка и вслед за нею Котёнкин. Что Глеб Глебыч скрутил обезумевшего капитана с изуродованным ружьём и вместе с Кареном Давидовичем, который всё-таки разорвал свой костюм, вытащил вояку из танка. И что Коля Иванович и братья Рыжковы, и братья Мажуги, и почти все жители посёлка тоже были там. Генка ничего этого не видел. Он собирал кубики и всё никак не мог их сосчитать.

Специальные военные люди появились в доме Генки Малинина в тот же день. Они обыскали дом и вынесли из него чудесный телевизор, часы, приёмник и компьютер. Восстановленный автомобиль Генкиного папы погрузили краном на военный грузовик. Строгий человек в чёрном костюме собрал девять кубиков, уложил их в стальной чемодан, закрыл его на секретный замок, а потом сел за специальный военный стол и заполнил специальный протокол обо всём случившемся. Протокол, а также обязательство хранить военную и государственную тайну пришлось подписать Генкиной маме.

— А где же Саша Демидов? — спросила мама, прижимая к себе сына. — Алёнка Комарова? Все остальные?

— Не волнуйтесь, — успокоил маму человек. — Их опрашивают и тоже всех предупредят. Но с вами мы ещё встретимся, я думаю. Если всё было именно так, как вы говорите.

— И куда же это теперь всё? — с сожалением посмотрела мама Генки на чудесный телевизор, который даже в кузове продолжал показывать какую-то телепрограмму.

— В специальное учреждение, где всё это будет изучаться, — ответил человек. — Это же бесценная научная информация! Да возьмите хоть передачу энергии на расстояние! Вы можете себе это представить?

— Могу! — кивнула мама. — Я видела этот ужасный танк.

— Прекрасный танк! — с сожалением причмокнул человек. — Жаль, что я его не видел. Но силовое поле, аннигилятор — дорогого стоят. Вы представляете, какие это даёт перспективы для нашей армии? В мире, знаете ли, неспокойно!

— Я слышал, — подал голос Генка. — Враги кругом. Капитан так говорил. Только его, кажется, в психушку забрали?

— Каждый полез на своё место! — отрезал человек, застёгивая чемодан ещё на два секретных замка. — Советую задуматься над этим. Очень серьёзно задуматься!

Последние слова он произнёс, делая шаг назад, потому что стальной чемодан на столе вдруг начал дрожать.

— Товарищ полковник! — подошёл к человеку военный. — Смотрите!

Небо стало темнеть, словно и Генка, и его мама, и все солдаты, и полковник в чёрном костюме, и дом, и весь посёлок оказались в огромной кастрюле, на которую ещё более огромная хозяйка стала надвигать крышку. Но, наверное, крышка была в отверстиях, так как тьма тут же прорезалась снопами тонких лучей, которые стали ощупывать и солдат, и дома, и машины. Раздалось такое противное гудение, что Генка зажал уши, и вдруг словно девять выстрелов прогремели один за другим. В стальном чемодане появились девять квадратных отверстий. Вслед за этим тьма исчезла. И тут же раздался какой-то скрежет. Погруженный на машину автомобиль начал рассыпаться. Погасли телевизор, приёмник, компьютер. Полковник открыл чемодан, отбросил его в сторону, взял в руки протокол и медленно разорвал его на мелкие части. Затем откинулся на гамак и принял на себя лейку летней воды.

29

Наверное, в конце концов, Генка решил бы, что ничего такого с ним не происходило. Тем более что и доказательств никаких не осталось. Всё починенное в гараже Котёнкина в тот же самый час вернулось к своему обычному состоянию. И «уазик» участкового вновь обратился старой развалиной. И «Волга» дяди Саши перестала заводиться. И мотоцикл «Урал» во дворе братьев Рыжковых снова покрылся ржавчиной, правда, ненадолго, потому как братья тут же начали превращать его в новый вручную. Но главное, кубики исчезли. То есть, если говорить коротко, Генка Малинин остался без подарка. Ведь даже велосипед Алёнки лишился моторчика.

Правда, маленькая радость всё же случилась. Дядя Саша совершенно самовольно подарил Генке щенка.

Так или иначе, но лето ещё и не думало кончаться, когда во всё том же саду появился Игорь Котёнкин. Генка как раз обнимал щенка, трудился вместе с Алёнкой над большим блюдом свежей клубники и смотрел в бинокль, как та расставляет костяшки домино. Котёнкин съел несколько клубничин, потом сунул руку в карман и сказал:

— У меня три новости. Одна плохая и две хорошие.

— Начинай с плохой, — вздохнул Генка.

— Лучше с хорошей, — не согласился Котёнкин и выложил на стол раскрашенный кубик.

— Как? — оторопел Генка. — Разве он не улетел?

— Я сам думал, что улетел, — признался Котёнкин. — Как эти набежали, на крышу гаража его забросил. Тут посмотрел, а он лежит, как лежал. Сломанный, наверное, не мог улететь. Короче, попробовал я его починить. Внутри ничего не трогал: там что-то вроде губки такой, не понял. Но жестянку поправил, как мог, запаял по краю. Покрасил. К магниту прилепил. Вчера весь день продержал. Сегодня. Толку нет. Не оживает он что-то. И это плохая новость, Генка. Так что держи. Твой ведь. На память.

Генка взял кубик, погладил его, прижал к щеке, положил на стол.

— А ещё хорошая? — напомнила Алёнка. — Ты ведь сказал, что хороших новостей две?

— Так это просто! — прошептал Котёнкин. — Инопланетяне существуют, и мне кажется, что они неплохие ребята!

— Ну, я не уверена, — на всякий случай заметила Алёнка и уронила одну из костяшек. Они стали падать одна за другой, покуда не упала последняя, ударившись о кубик. Щенок залаял. Кубик вздрогнул. Затем с него слетела краска. Потом по матовым граням пробежали тонкие линии. И вслед за тем кубик распался на двадцать семь крохотных кубиков, которые тут же сложились в три маленьких квадрата.

— Ой! — вскрикнула Алёнка.

Только девочки умеют пугаться и радоваться одновременно.

30

— Где твои? — прошептал Котёнкин через минуту, когда к друзьям вернулась способность говорить. — Где тётя Аня и дядя Саша?

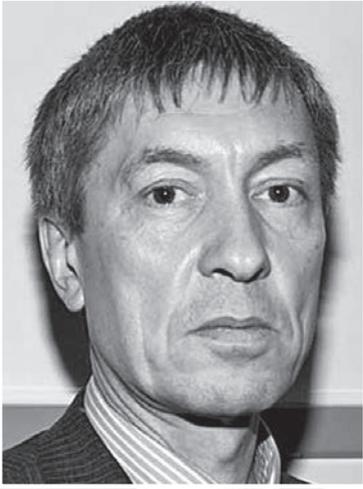
— На крыше, — приложил к глазам бинокль Генка. — Сидят на коньке. Хотели проверить, чего я там забыл, но им там понравилось.

— Чтобы никому! — предупредил Котёнкин.

— Понятно! — выдохнула Алёнка. — Так он что, ожил всё-таки?

— Почти, — серьёзно сказал Генка. — Теперь нужно человечка сложить. Точнее — трёх. Помогайте.

ПРЕКРАСНАЯ ТАЙНА БЫТИЯ

Юрий Вильямович Козлов родился 23 июля 1953 года в городе Великие Луки. Благодаря своему отцу, писателю Вильяму Козлову, он с ранних лет приобщился к литературе. Детство и юность Юрия Козлова прошли в Ленинграде, что впоследствии получило отражение в его произведениях.

В 1974 году он окончил Московский полиграфический институт. Первая его книга «Изобретение велосипеда» вышла в 1979 году. Она оказала серьёзное влияние на подростков того времени. Среди других произведений писателя — повесть «Геополитический романс» (семь изданий), романы «Колодец пророков» (шесть изданий), «Реформатор», «Промиситель», «Закрытая таблица», «Почтовая рыба» и другие. Проза Козлова переведена на украинский, казахский, болгарский, немецкий, чешский, эстонский, испанский, польский, японский, китайский, французский языки.

Сам писатель признаётся: «Главным образом я пишу для молодых людей, которые ещё не утратили свежесть восприятия мира. ... Если в первых своих вещах я придерживался традиционных форм и жанров, то со временем стал писать совершенно свободно, ценя красоту мысли, умственной коллизии. Я отнёс бы себя к течению «магического социального футурологического реализма», если, конечно, такое существует».

Рассказ

Августа уже не помнила, когда именно поняла, что ей нет пары в мире. Впрочем, это было вечно живое чувство, которое она не уставала переживать, вновь и вновь оставаясь в одиночестве. Её подруга Епифания, меняющая привязанности, как лак на ногтях, любила повторять: «Если бы ты знала, Гутька, как я была счастлива с Петькой!» (Васькой, Генкой, Сашкой, Махмудкой и т. д.). Августе было впопору отвечать: «Если бы ты знала, Пифка, как я была одинока с Петькой!» (Васькой, Генкой, Сашкой, Махмудкой и т. д.)

Но зато ей было даровано чувство летящей свободы, несвязанности с установлениями и положениями окружающего мира. Мир даже не был тряпкой, о которую Августа вытирала ноги, потому что к её ногам не приставала грязь мира.

Как, впрочем, и кровь.

Августу преследовал навязчивый кошмар. Она смотрела на Епифанию — живую, красивую, энергичную, с летящей на плечи чёрной лавиной волос, а видела почему-то её отрезанную голову, лежащую с высунутым языком между своих раскинутых ног. Августе смотрела на Епифанию и чувствовала, как морозная судорога сводит её бёдра.

К этому времени Августа уже знала, что является частью силы, которой определено повелевать миром. Она была достаточно начитанна, чтобы отдавать себе отчёт, что это за сила. Собственно, это вообще не являлось тайной для человечества. Суть и смысл предстоящего были предсказаны и многократно описаны. Но это являлось так называемой «тайной бытия». Все знали, что именно должно произойти, но не знали, когда именно и как именно.

Августа стремилась осмыслить и систематизировать человеческие представления о грядущем неизбежном. Чем основательнее она знакомилась с разрозненными и собранными под одну обложку эмпирическими и наукообразными теоретическими трудами и фактологическими изложениями, тем очевиднее ей становились провалы и несоответствия в человеческом понимании грядущего неизбежного. Люди не понимали самой его природы, а потому трактовали её на свой человеческий манер.

Так, к примеру, они расценивали идущую к власти над миром силу как стопроцентное — абсолютное, законченное — зло.

Августа доподлинно знала, что это не так.

...В ту весну Москва казалась по вечерам пустынной и тихой. В городе появился маньяк, насилующий и убивающий школьников. Счёт жертвам перевалил за два десятка.

Августа возвращалась по Кутузовскому проспекту домой из кафе-мороженого «Baskin Robbins», где её и Епифанию щедро угощал мороженым и поил шампанским чёрный, как ночь, одноногий негр, торгующий белым, как снег, кокаином. Он был очень грустен в тот вечер и говорил о китайцах, которые окутывают Москву, как жёлтый смог. Другим (видимо, он имел в виду нигерийцев) нечем дышать. «Но ведь леопардовая лапа по-прежнему при тебе», — помнится, подбодрила симпатичного африканца Августа. «Китайцы оторвут леопардовую лапу и засунут её мне в задницу, — грустно улыбнулся одноногий друг Епифании. — Ты не представляешь себе, что это за люди». Он непременно хотел довести Августу до подъезда на своём лиловом (в цвет кожи?) «Линкольне», но Августа отказалась, пошла пешком.

Молодой человек в светлом костюме догнал её около большого, отделанного мрамором овощного магазина, именуемого в народе «мавзолеем». Он был красив, уверен в себе, у него было открытое, хорошее лицо. От него как бы летела по воздуху волна обаяния. Она накрыла Августу с головой, окутала её, как жёлтый китайский смог столицу России. У Августы закружилась голова. Она вынырнула, но уже идущая под руку с молодым человеком в светлом костюме. Краем сознания она понимала, что это за обаяние, но внезапно вспыхнувшая симпатия, даже любовь к молодому человеку определённо пересилила осторожность и естественный в таких случаях страх.

Августа была готова идти с ним куда угодно.

Она вдруг обратила внимание, что ноздри молодого человека едва заметно трепещут. Он как будто обнюхивал её. Она ответила ему тем же и вдруг определила, что в основе немислимого обаяния молодого человека лежит исходящий от него запах. Стоило Августе отвлечься от этого запаха, ей становилось очевидным, что у молодого человека скверный скошенный (как срезанный ножом) подбородок, серые истончённые зубы, неровная, как розовые с тиснением обои, кожа на лице. И не таким уж молодым вдруг представлялся этот человек. Но он, как выяснилось, мог регулировать силу исходящей волны и пока что играл с Августой далеко не на пределе своих возможностей. У Августы кружилась голова. Она была готова отдать этому странному существу прямо на проспекте.

Августа сама не заметила, как пропахший мочой, в чёрной свастике и эсэсовских молниях лифт вознёс их на чердак. Её спутник запер дверь на

ключ. По полу чердака, как толстые чёрные змеи, ползли, переплетаясь, залитые в битум трубы. Здесь были круглые, как иллюминаторы, окна. Сквозь них внутрь проникали (тоже похожие на толстые трубы) солнечные лучи. Сухой пыльный воздух на чердаке был как будто поделён на светящиеся и тёмные параллелепипеды.

Августа отчётливо уловила в волне обаяния составляющую кошмарного совокупления, свежей и свёртывающейся крови, расчленяемой и разлагающейся плоти — составляющую тлена. Ноги сделались, как из пластилина. Она ощутила в поделённом на светящиеся и тёмные параллелепипеды воздухе концентрацию зла, совершенно недопустимую для человеческого мира. Августа почувствовала себя одинокой и оставленной на пыльном чердаке-корабле, плывущем сквозь холодное светлое небо, равнодушно смотрящее в окна-иллюминаторы. Природа силы, с которой ей в данный момент пришлось столкнуться, была неизмеримо низменнее и примитивнее, нежели её собственная сила, но в этом месте в этот час чужая сила была сильнее.

Молодой человек вдруг отпрянул от Августы. Волна обаяния смешалась, как если бы налетела на невидимый волнолом, разлетелась по увитому толстыми чёрными змеями полу тошнотворной пеной. Мгновение они смотрели в глаза друг друга. Августа увидела перед собой чешуйчатое, вставшее на жало-хвост отродье с плоской головой и мёртвыми ледяными глазами. Она отпрянула, прижалась к стене. В этом месте сухая штукатурка была проломлена. Больше всего на свете Августе хотелось уйти в пролом. Но это было невозможно. Слишком мала была щель. Пролезть в неё могла разве лишь кошка. Питающемуся живой кровью и разложившейся плотью отродью, похоже, не было ни малейшего дела до изменяющих сущность мира предначертаний. «Большое гибнет в малом, общее — в частном», — вспомнилась Августе формула самоуничтожения зла, выведенная в 1247 году монахом Корнелиусом.

Вероятно, и молодой человек в светлом костюме видел Августу в ином образе. В его взгляде появилась растерянность. Августа буквально влипла спиной в стенку, вжалась затылком в пролом, как бы закрывая путь к бегству неведомой кошке, превратиться в которую в данный момент мечтала.

«Ты правильно встала, девочка», — пробормотал молодой человек. Его дыхание пахло могилой. Он вдруг сделался до такой степени безликим и незаметным, что Августу оставили малейшие сомнения: никакая милиция никогда его не поймает; он будет убивать, кого хочет, как хочет и сколько хочет. Это было невероятно, но Августа почти забыла о его присутствии. «Я догадываюсь, кто ты, — услышала она его голос, — но раз уж мы встретились, позволь... — приблизился к ней вплотную. У Августы возникло чувство, что её хоронят стоя и заживо — обкладывают её тёплое тело, дышащую грудь липким, просверленным грибницами шампиньонов дёрном. — ...Хотя бы поцеловать...»

Августа закрыла глаза.

Августа нащупала в проломе закреплённый с помощью специального держателя стилет. Она как будто знала, что он хранится именно там. Этим стилетом проклятый ублодок закалывал несчастных школьников. Августа выхватила стилет из пролома, ухватилась за рукоятку двумя ру-

ками, отпихнула молодого человека в светлом костюме и что есть силы, не обращая внимания на его удивлённые глаза, вонзила — по самую рукоятку — стилет точно ему в глаз, после чего упала на поверженное, приколотое к облитой битумом трубе тело.

...Таким образом, расхожее представление о силе, частью которой была Августа, как о стопроцентном — абсолютном — зле решительно не соответствовало действительности. Августа могла вспомнить немало случаев, когда она впрямую карала зло. Августа доподлинно знала, что в грядущем мироустройстве не предусмотрено места для самых примитивных и отвратительных проявлений зла.

Августа не могла не думать о грядущем мироустройстве, в создании которого ей была отведена столь серьёзная роль. Не видела картины во всей её блистательной завершенности, видела лишь отдельные смазанные фрагменты-прообразы в таких, казалось бы, мало связанных между собой вещах, как газетные страницы, телевизионные передачи, слова и поступки находящихся у власти и стремящихся к власти политиков.

Иной раз Августа задумывалась и над тем, что явится новый миропорядок для так называемых простецов, то есть для подавляющего большинства жителей Земли. Она не могла согласиться с лукавыми утверждениями, что те пострадают безвинно. Более того, Августа вообще не считала, что они пострадают. Переход к новому порядку должен был свершиться легко и естественно, как превращение жёсткой хитиновой куколки в мягкую пластичную бабочку. Глубинный смысл нового порядка заключается в доведении до логического конца (общественной материализации) начал, имевших место быть в самих людях. И не больше. В человеческий мир не привносилось извне никакое дополнительное зло. Грядущий миропорядок всего лишь по-новому организовывал, по новой формуле расставлял уже накопившееся в мире зло. Грубо говоря, грядущий миропорядок существенно облегчал и исправлял человеческую жизнь, переводя мешающее людям зло в иную плоскость — плоскость естественной жизни. Огромный массив зла, прежде застилавший человечеству панораму грядущего, мешавший двигаться вперёд, превращался таким образом в ничто. Грядущий миропорядок представлял своего рода отпущением грехов ради дальнейшего прогресса. Поверх одного фундамента вставал другой. Новый порядок был зеркалом, в котором отражалась душа среднестатистического человека, но никак не разговором неких таинственных сверхсил против этого самого человека. Человечество было внутренне готово к новому миропорядку. Оставалась самая малость — переступить через разные старые религии (конфессии) и всем разом соединиться в единственной новой. Августа знала, что новая религию придёт к людям через всемирную компьютерную сеть Интернет.

Она отказывала людям в праве судить о происхождении того, что они считали злом и о чём слагали сентиментально-мистические поэмы в духе Откровения святого Иоанна Богослова. Им не дано было осмыслить слитное существование отца, сына и не духа, но мысли, равно как и не усечённое, но истинное непорочное зачатие, когда воля свыше выполняется не одной лишь женщиной, но и мужчиной.

Августа знала свою роль в предстоящем неизбежном, но когда начинала думать о земном отце её будущего первенца, ей почему-то вспоминался молодой человек в светлом костюме — повелитель запахов, окончивший земной путь, как редкая бабочка, — на булавке (стилете).

Августа категорически не соглашалась со ставшим общим местом тезисом об изощрённом уродстве грядущего повелителя, а также его низкой сексуальности. Существо с коричневой кожей и ярко-зелёными глазами, которое она видела во сне, нельзя было сравнить ни с чем из известного людям. Следовательно, оно было вне их критериев оценки, как была вне их критериев оценки, скажем, метагалактика или чёрная сверхновая звезда в созвездии Рака. Его можно было сравнить с волей, которую люди воспринимали как абстрактное философское понятие, но ни в коем случае как материализовавшуюся (чтобы быть им понятной) живую плоть. Пока что пребывающий в сознании Августы (какая иная утроба может быть у мысли и воли?) первенец был прекрасен и совершенен, как всё невыраженное, но стремящееся выразиться, прорваться сквозь все мыслимые и немыслимые преграды. И в то же время он был грозен и страшен, как судьба, от которой, как известно, не уйти, не спрятаться. Он был красив, бесконечно красив, как всякая изменяющая мир сила.

Августа знала, как будет выглядеть её долгожданный первенец. Он будет походить на Иисуса Христа, но черты лица у него будут более глубокими и выраженными. В чертах Христа сквозило небо. В чертах её первенца будет сквозить не познанная человеческим разумом Вселенная. У него будет лицо человека, вместившего в себя знания обо всех добродетелях и всех пороках мира. Она знала, что на него будут молиться, как на живого бога, и против него же будут восставать, как против живого воплощения сатаны. Она знала, что вся его короткая жизнь — тридцать три года и тридцать три дня — протечёт в видимых и невидимых сражениях. Она знала, что его путь в души подданных будет лежать через всемирную компьютерную сеть Интернет, и там же, в Интернете, ему придётся сражаться с отступниками и врагами новой веры. И ещё Августа знала, что крови не дано приставать к её первенцу. Его судьба — ходить по крови, аки посуху.

Как не дано было приставать крови к ней, его будущей матери.

...Августа часто вспоминала тот давний день, когда отец порезал руку. Она училась в десятом классе. К этому времени Августа окончательно разочаровалась в вине, и, казалось бы, поводов для конфликтов с отцом не осталось. Но он продолжал их находить, не хотел жить спокойно. Иной раз Августе казалось, что жизнь отца — нерасчётливый полёт с уже пройденной точкой возврата, стремительный слепой штопор, из которого нет выхода. Когда человек идёт навстречу своей судьбе, его невозможно не только остановить, но просто чуть придержать за полу пиджака, рукав свитера или край платья. Человеческие чувства (скажем, её любовь к отцу) на магистральных судьбы представляли не более чем мигающими лампами, бессильно высвечивающими непредопределённые смертельные траектории.

Вот и в тот раз отец взялся нудно выговаривать Августе за шесть мельхиоровых колечек, которыми она украсила по периметру левое ухо. Она была готова немедленно извлечь из уха мельхиоровые колечки, но вдруг

поняла, что, в сущности, дело не в колечках, а в несовместимости двух мыслей о человечестве, воплощением одной из которых (побеждающей) является она, а другой (отступающей по всем фронтам) — отец. Он, в отличие от Августы, понятия не имел, что означают шесть мельхиоровых колечек в ухе, но некая тень понимания, как явившаяся во сне не по назначению и благополучно забытая поутру формула мироздания, сквозила в нудном морализаторстве моющего после обеда тарелки отца.

Подобное понимание иной раз сквозило и в поведении больших масс людей, тем не менее безропотно двигавшихся по определённой им траектории. Страну сотрясали выборы и референдумы. Их суть заключалась в том, чтобы заставить большинство (таких, как отец) проголосовать за волю меньшинства (шесть мельхиоровых колечек в ухе Августы). Она понимала демократию как практическое пособие по руководству стадом. Демократия, по мнению Августы, была тем совершеннее, чем эффективнее действовала технология обеспечения конечного итога так называемого волеизъявления масс. Массы должны были принимать предложенную им волю как свою. В России конца XX века главным инструментом демократии — электронным пастухом — было телевидение. Августу искренне огорчал этот примитивизм. Расчищающие путь её первенцу людишки до того любили преходящую власть и решительно не влияющие на траекторию судьбы деньги, что ставили слишком много на голубую, вспыхивающую каждый вечер в каждом доме карту-экран. Между тем достаточно было противникам захватить, уничтожить передающие телевизионный сигнал центры, и страна оказывалась в положении разбредующегося в отсутствие электронного пастуха стада. Каждый день без телевидения был смертельно опасен для демократии, ибо в народе, так называемых простецах, начинали восстанавливаться первичные инстинкты, неутомимо выталкивающие их за очерченный круг предложенной воли. Августа чувствовала, что путь её первенца к вершинам власти — это скольжение на гребне волны свободного народного волеизъявления. Следовательно, история вряд ли знала второго человека, столь же приверженного ценностям демократии, как Августа.

Ей было известно и другое определение демократии — как товарной, то есть продающейся и приобретаемой за деньги власти. Августа любила читать газетные и журнальные статьи, книги, фундаментальные исследования, доказывающие прочность и ущербность демократии как «способа существования белковых тел» или временного (до достижения определённой цели) мироустройства. Авторы верно — на уровне первичных инстинктов, то есть так называемой души, — угадывали, что нет ничего более фантомно-призрачного (сотканного из голубого экранного света), легко изменяющегося применительно к текущему политическому моменту, нежели «вечные ценности» демократии. Они, в общем-то, провидели итог сквозь постоянно возобновляющуюся дымовую завесу «народного волеизъявления». Но им было неведомо основное — разрывающее разум и сердце — противоречие демократии, а именно: онтологической (во времени, пространстве и мыслях) протяжённостью (теоретическим бессмертием) наслаждений, доставляемых деньгами, и относительной краткостью сроков физи-

ческой жизни обладателя денег. Вечная молодость денег казалась на-смешкой над стремительно убывающим человеческим веком. Противоречие между неизбывной (и покупаемой за деньги) красотой мира и старческой немощью усыхающего или, наоборот, расползающегося, как тесто в бадье, тела. Мысль о смерти становится непереносимой, когда у человека достаточно денег, чтобы жить тысячу лет. Ещё более непереносимой она становится, когда человек наблюдает бешеное (как леммингов) размножение собственных денег, в то время как его физические силы истощаются.

Августа давно обратила внимание, что человеческое общество развивается по законам алхимии: от философского камня (извлечения золота из свинца или денег из воздуха) к эликсиру вечной юности и в конечном итоге — к гомункулусу (искусственному человеку). С выведением искусственного человека — гомункулуса — история «*нотом сариенс*» должна была завершиться, дойти до логического конца, как завершилась, дошла до логического конца в своё время история алхимии.

...Отец продолжал что-то бубнить насчёт шести мельхиоровых колечек в её левом ухе. Взгляд Августы упал на тарелку, которую в данную минуту старательно (он всё делал аккуратно и старательно) тёр щёткой отец. Тарелка вдруг разломилась в его руках. Острая грань вонзилась отцу в руку. Стекающая в раковину вода сделалась красной.

Сколько отец ни держал руку под холодной струёй, сколько ни лил на рану йод, кровь не унималась. Отец побледнел, на лбу выступил пот. Августа увела его в ванную, заставила поднять руку вверх, перетянула резиновым ремнём запястье. Алая кровь из руки отца падала на её руку и тут же продолжала свой путь дальше, как если бы была красной ртутью, а может, мельхиором или красным бисером, который, как известно, нет смысла метать перед свиньями. Отец и дочь были похожи, но сделаны из разного материала. Августа вспомнила присказку из Киплинга насчёт одной крови и подумала, что к ней это не относится.

Она вообще не любила крови, красного цвета. Красные фонари светили на входе в бордели. Красными знамёнами одевались толпы, требующие социальной справедливости. Красные цвета преобладали в казино и в художественных изображениях преисподней. Кровь была куда более эффективным и всеобъемлющим, нежели деньги (сдачу здесь никто не предлагал и не брал), средством расчёта между отдельными людьми и целыми народами. Августа знала, что последняя — самая страшная и необъяснимая из всех когда-либо существовавших — болезнь придёт к «*нотом сариенс*» через кровь.

Августа перевязала руку отцу, и кровь остановилась. Именно тогда она как бы случайно подумала о благородной сущности рака, иссушающего сырую плоть внутренних органов, пронзающего их копьями внутренних кровотоков. Августа в ужасе выбежала из ванной. Она совершенно спокойно относилась к тому, что в голову ей приходили самые разные желания. Одни из них исполнялись, другие — нет. Теперь, похоже, исполнялись те, которые не должны были исполняться. Ей открылось, что желание первично, а исполнение или неисполнение — вторично. Любая самая дикая и странная мысль, таким образом, имела такое же право на существование, как мысль честная и правильная. Мысли (в смысле ма-

териализации, появления на свет) можно было уподобить неродившимся младенцам. Некая высшая сила (её называли по-разному) определяла место и время появления на свет того или иного младенца, материализацию (воплощение в конкретное дело) той или иной мысли. Августа не хотела, чтобы отец поранил руку. Но он поранил. Августа не хотела, чтобы он заболел раком лёгких. Но он заболел им в тот самый момент, когда она перевязала ему руку.

...Августа тогда ещё не знала своего будущего начальника, генерала госбезопасности Толстого. Они познакомились позже. Не знала она и президента крохотной (на какие внезапно, как разбившееся стеклянное блюдо, рассыпался во второй половине девяностых годов отпавший от России Кавказ) республики, прошедшего короткий срок своего президентства в старинной неприступной башне на скале над падающей вниз горной рекой.

Президенту ещё не было сорока, но он был совершенно сед и, по слухам, ушибен. Было известно, что он занимается оккультными исследованиями. Часть граждан крохотного, зажато́го между двумя горными хребтами государства считала своего президента чуть ли не святым, остальные — колдуном и вором, расхищающим достояние республики.

Достояния, впрочем, было — кот наплакал. В республике отсутствовало промышленное производство. Народ дышал чистым горным воздухом, кормился натуральным хозяйством. Зато президент не жалел средств на охрану здоровья своего небольшого народа. Республика была занесена в Книгу рекордов Гиннеса по количеству различных прививок на душу населения и совершенству (в смысле полноты сведений) типовых медицинских карт. Граждане перемещались по стране на ослах, зато из деревни в деревню летали небольшие самолёты — специализированные медицинские лаборатории. Уклонение от диспансеризации, в особенности от анализа крови из пальца, рассматривалось в Уголовном кодексе республики как серьёзное преступление. Видимо, президенту хотелось, чтобы в экологически чистой стране жил экологически чистый (свободный от бактерий) народ.

Мир вряд ли когда-нибудь проявил бы интерес к экологически чистому, затерянному в горах между двумя морями, одно из которых считалось озером, государству, если бы не нефтяная труба. Её тянули от богатейшего прикаспийского месторождения к морскому порту в Турции, где заинтересованные фирмы спешно возводили циклопический терминал для нефтеналивного флота. Маршрут трубы пролегал по территориям новых независимых государств Азии и Кавказа. Каждый метр трубы обещал большие деньги. Кавказ взорвался войнами за независимость и вооружёнными конфликтами из-за спорных территорий, в которые вдруг превратилась узкая полоса земли и гор вдоль намеченного маршрута трубы. Именно здесь, как утверждали историки новых государств, жили далёкие предки едва ли не всех современных кавказских народов. Древний Вавилон был заштатным городишком в сравнении с узкой, как клинок, полосой земли в горах, являвшейся, как выяснилось, не только колыбелью всех великих цивилизаций, но и истинным местом рождения Магомета, Христа и Будды. Уже

девятнадцать независимых государств (в их числе Республика старообрядцев Белогорье — РСБ, забравшихся сюда в восемнадцатом веке да тут и осевших) делили между собой трубу, как девятнадцать Георгиев Победоносцев — тело поверженного, но по самое горло наполненного нефтью-кровью змея. Только президент-окультист пренебрёг дележом, хотя с точки зрения географии и экономической выгоды (речь шла об уникальном новом проекте подвешенного нефтепровода) именно ему-то и были карты в руки. Согласись упрямец пропустить летящую между специальных опор нефтяную трубу над бараньими папахами подданных — он не только оказался бы в долларах, как Ленин в словах или рыба в чешуе, но и изрядно бы спрямил (и тем самым удешевил) строительство нефтепровода. Не говоря о том, что по выходе из ущелий его смехотворного государствишка труба упёрлась бы в территорию России, и просто глупостью было бы её не завернуть от Турции в сторону Новороссийска, где бездарно простаивал бывший крупнейший в России нефтяной терминал.

Российское правительство много раз пыталось связаться с президентом по официальным каналам, но тот под разными предложениями уклонялся от контактов. Пробовали переговорить с ним и через своих людей в штабе: воюющего за выход Гулистана (бывшей Гулийской АССР) из состава России генерала Сака, который, отступая по всем фронтам, тем не менее из последних сил пытался зацепиться за трубу. Президент, однако, вместо того, чтобы назвать сумму и номерной счёт в швейцарском банке, на какой эту сумму перечислить, повёл речь о каком-то всенародном референдуме под контролем международных наблюдателей из Турции и Ирана. Он явно издевался над Россией, а точнее, над хозяином её недр — премьер-министром. Именно Турция и Иран были крайне заинтересованы в том, чтобы труба ни в коем случае не сунулась рылом на территорию России. Директор ФСБ и генерал Толстой были вызваны к премьер-министру, который в ультимативной форме предложил решить проблему в двухнедельный срок. «Наша нефть, — сказал премьер-министр (он считал «нашей», точнее — своей всю разведанную и неразведанную нефть на просторах бывшего Союза), — не может течь мимо нас!»

«Сволочь, — отозвался о премьер-министре генерал Толстой, — сначала он уступает за деньги нашу нефть, а потом возвращает её, проливая кровь наших солдат». «Это разумно, — помнится, заметила Августа, — потому что кровь наших солдат не стоит ему ни гроша». «Ты учёная девочка, — усмехнулся генерал Толстой, — но кровь как предмет ты ещё не изучала. Поезжай в Ираклию. Тебя ведь интересует кровь. Ты помнишь, как она пошла из руки твоего отца. Потом ты приказала ей остановиться. А потом он умер от рака лёгких. Я хочу, чтобы ты стала отличницей по этому предмету! О боже, где моя молодость? Если бы ты знала, как я любил учиться!» «Хорошо. Что я должна сделать?» «В сущности, ничего особенного, — рассмеялся генерал Толстой. — Всего лишь приехать, увидеть и победить».

Августа вылетела в Гулистан, в расположение частей одного из полевых командиров, контролировавшего прилегающую к Ираклии территорию и имевшего в Ираклии многочисленных родственников. Двое из них и должны были поручиться за Августу.

Наверное, она была хороша в высоких чёрных ботинках и в камуфляже, потому что стройный рыжебородый, не лишённый мужской привлекательности, с зелёной повязкой оруженосца аллаха на лбу полевой командир — его звали Хасан — устроил в её честь пир, хотя не в обычаях гулийцев было воздавать почести женщине, тем более иноверке. Но он вышел из положения, объявив Августу личным представителем премьер-министра России. В ту пору как раз начались очередные переговоры о мире. Гулийцы без боя под видом мирных жителей занимали позиции, с которых русская армия ранее вытеснила их ценой большой крови. Ничто, следовательно, не могло помешать пиру, сопровождаемому демонстрацией гулийской военной удали — гонкой на «джипах» со стрельбой, танцами с кинжалами в зубах, бросанием ножей в вековые дубы, переправой через реку по дну. Гвоздём программы было снесение голов шашками из проносящихся «джипов» у поставленных на колени посреди поля русских пленников, но из уважения к национальным чувствам Августы Хасан опустил эту часть.

Какая-то в нём жила печаль. Августа знала имя этой печали: ясность.

Ясность являлась несовершенным способом познания мира, поскольку исключала возможность анализа фактов действительности (данностей), раз за разом размещая их по ледяным сусекам сложившихся представлений. Несовершенство ясности как способа познания заключалось в том, что она позволяла видеть суть явления, но при этом увиденная (зачастую правильно) суть ошибочно принималась за единую, неделимую и неизменную. Грубо говоря, человек постигал мир до некоей черты, полагая её пределом, за которым нет ничего, кроме разочарования, подлости и горя, в то время как самое интересное начиналось именно за чертой. Но если бы это понимали все люди — мир сделался бы бесконечным и неуправляемым. Ясность была якорем, цепляющим за дно корабль познания. Ясность была порогом, за которым мужчина, который ещё долго мог оставаться молодым, начинал неудержимо стареть. Одержимые ясностью, мужчины почти не улыбались, морщины на их лицах углублялись, волосы стремительно седели.

Хасан, как истинный оруженосец аллаха, не пил на пиру вина. Тоскующий его взгляд всё время стремился вдаль — поверх крон вековых дубов — к линии чистого неба, на котором не было ни облаков, ни звёзд, ни закатных сполохов. Небо было стерильным и ясным, как смерть.

— Что ты видишь там, Хасан? — спросила Августа.

— Ты не поверишь, — ответил Хасан, — но вместо неба я вижу там доллар — длинный и зелёный, как знамя аллаха.

Хасан долго молчал, поглаживая слоновой кости инкрустированную серебряной вязью — спорным изречением из Корана: «Меньше читай — больше думай» — рукоятку старинного ножа на поясе.

— Ты едешь в Ираклию, чтобы уничтожить президента Глахуну и его народ!

— Не я, а такие, как ты, уничтожают народы! Разве тебе не известно, что маленькие народы живут одной душой, что если для большого народа предательство — исправимая во времени беда, для маленького — национальная катастрофа, трагедия. Хочешь, скажу, когда на твой народ легла печать смерти? На гулийский народ, когда вы — его аристократия и вожди — продали его за доллары, которые не принесли вам ни победы, ни счастья. Хочешь, открою тебе последнюю тайну гулийской войны?

Вы — доблестные гулийские командиры — не мужики, сражающиеся за свободу своего народа, а жалкие, безвольные бляды, продающиеся за доллары русским, американцам, туркам — всем, кто захочет. Но вы хуже, чем бляды, потому что расплачиваетесь за доллары не своим телом, — хотя ты, Хасан, заплатил своим, — а кровью своего народа!

...Иракия изумила Августу патриархальной тишиной, разлитым в чистом горном воздухе спокойствием. Заканчивался сбор винограда, и добрые ираклийцы, угадывая в Августе чужестранку и гостью, охотно угощали её разнообразнейшими шашлыками и молодым вином.

В массе своей ираклийцы были восточными христианами: их вера считалась более древней, чем православие, — но в Иракии терпимо относились к другим конфессиям. В ореховой роще Августе попался на глаза костёл. Видела она и протестантскую кирху, и мечеть с минаретом, похожим на остро очищенный, воткнувшийся в воздух карандаш. Августе довелось быть свидетельницей и вовсе невиданного зрелища — вакхического шествия менад. Рослые дамы в состоянии священного опьянения, с вплетёнными в волосы цветами и виноградными листьями, слава Диониса, направлялись по горной дороге к развалинам древнегреческого храма, возле которого находилось озеро, где менады по своему обыкновению совершали ритуальное омовение.

Августе до того понравилось в забытой богом Иракии, что она сама забыла о цели командировки. Августа не искала встречи с президентом Глахуной. Она знала, что он сам её найдёт.

Так и случилось.

Она собирала грибы на опушке леса, когда услышала тревожные звуки охотничьих рожков, а потом увидела скачущих по жёлтому убранному полю всадников и пёстрых, свесивших розовые языки до земли, взявших след собак.

Два всадника остановились у вяза. Августа узнала президента Глахуну в спешившемся седом человеке с правильными, но какими-то неживыми чертами лица. Президент Глахуна и, как определила по вооружению Августа, телохранитель направились прямёхонько к ней. Президент Глахуна прихрамывал. Августа впервые видела его так близко. Он не казался ущербным, но было в нём что-то искусственное, временное, внесущностное. Августа подумала, что человеческого облик, возможно, лишь одна из ипостасей президента Глахуны.

Он что-то сказал телохранителю по-ираклийски.

— Я сказал ему, — обратился к вышедшей из-за вяза Августе президент, — чтобы он уступил тебе своего коня. Они погонят кабанов по полям и завалят всех, за исключением одного. Я знаю место, где последний — самый сильный — кабан попытается уйти в лес. Оно недалеко отсюда, мы успеем. Я приглашаю тебя принять участие в охоте. Ты здесь по мою душу. А я — всего лишь по душу кабана... Я знал про тебя, — продолжил Глахуна, когда Августа вскочила в седло и кони тронулись кромкой поля, — но я не думал, что ты начнёшь с крохотного, спрятавшегося в горах ираклийского народа.

— Мне нет дела до твоего народа, Глахуна, — возразила Августа.

— Тебе есть дело до трубы, — вздохнул Глахуна. — Но ведь это же совершенно очевидно: или труба, или ираклийский народ. Я давно не

говорил по-русски, — грустно улыбнулся президент, — кажется, это звучит так: ираклийскому народу труба, если в Ираклию придёт труба. Вылететь в трубу — так это звучит по-русски? Мне известно, что ты будешь править миром. Но ты, похоже, не знаешь, кто я. Иначе бы не предлагала мне соглашаться на концессию.

— Я знаю, что ты очень долго живёшь на свете, Глахуна, — взбодрила каблуками коня Августа, — но я знаю и то, что я сильнее.

— Ты ошибаешься, — одними губами улыбнулся Глахуна, — вечность сильнее крови. Даже такой страшной крови, как у тебя...

Он или слишком увлёкся разговором, или не рассчитал прыти кабана, а может, неправильно определил место, где кабан будет прорываться в лес. Конь под Глахуной, коротко заржав, рухнул, выпустив на стерню скользкие красные и белые кишки, придавив вдетую в стремя ногу президента к земле. Карабин отлетел в сторону. Августа увидела огромного вепря со вставшей на хребте щетиной, красными глазами и жёлтыми кривыми клыками. Он уже почти ушёл в лес, но предсмертный хрип поверженного коня разъярил его. Вепрь, крутнувшись вокруг своей оси, развернулся, опустил голову, помчался на коня и придавленного конём президента, выставляя вперёд клыки. Он был в метре от протестующе выставившего вперёд руки президента, когда Августа выхватила из-за голенища мягкого егерского сапога стилет и что было силы послала его не под лопатку — слой твёрдого с мясными прожилками бекона был слишком толст, — а в горло, в набухшую кровью, пульсирующую ярёмную вену вепря. Даже не хрюкнув, кабан, как бульдозер, зарылся клыками в стерню, пропахал чёрную борозду, изумлённо уставясь широко открытыми стекленеющими глазами в затуманенные ужасом закрытые глаза президента. После чего, шумно вздохнув, замер, оросив бледное лицо Глахуны, распоротый бок поверженного коня, жёлтую стерню и чёрную землю фонтаном густой малиновой крови.

— Ну да, — с трудом встал на ноги президент, — если суждено утонуть, можно не бояться быть повешенным.

После дружеского — в узком кругу — ужина при свечах Глахуна пригласил Августу в свои покои на верхний этаж башни. Августа обратила внимание, что за ужином президент Ираклии почти ничего не ел и не пил.

Выйдя из лифта, они долго шли по скупо освещённому редкими светильниками коридору, пока, наконец, не оказались в большой, залитой лунным светом комнате, которую Глахуна открыл, приложив большой палец к считывающему устройству электронного замка.

— Я не ангел, — заметил Глахуна, подойдя к окну.

— Да, ты не ангел, — согласилась Августа, оглядывая огромный колдовской глобус в углу, невероятных размеров письменный стол, заваленный книгами и рукописями, шкафы с химическими препаратами, старинные тигли и сосуды, мирно соседствующие с современнейшими — Августе, во всяком случае, с такими ещё дело иметь не приходилось — электронными приборами, что-то отсчитывающими, показывающими какие-то цифры и символы в темноте. Августа не любила висящих, как ядовитая пыль, между мирами колдунов. «Судьба-иллюзия — власть, которую мы приобретаем, — это случайно найденный ключ от чужой двери. Кто-то обязательно придёт и отни-

мет ключ. Вместе с жизнью, потому большинство из нас — не цель, а всего лишь веши в достижении другой цели. Цель одна — власть над миром». Августа смотрела на стоящий посреди стола накрытый салфеткой вместительный хрустальный сосуд — слишком маленький для вазы, но слишком большой для фужера.

Глахуна подошёл к столу, снял с сосуда салфетку. В сосуде была кровь.

Глахуна бережно поднёс сосуд навстречу льющемуся из окна лунному — мельхиоровому свету:

— Это собранная из сотен пальцев кровь моего народа. Она даёт мне силу противостоять враждебному миру. Ты не сможешь меня уничтожить. Я — живая кровь ираклийского народа. Кровь — это дух народа. Мне четыре тысячи лет. Я вечен!

— Не мне, Глахуна, говорить тебе про превращения и исчезновения.

Башня Глахуны как будто плыла сквозь звёздное небо. Внизу лежала прекрасная, как райский сад в ночную пору, Ираклия. Беда Глахуны заключалась в том, что оставшийся (за вычетом мира Ираклии) мир был безмерно велик. Беда Глахуны заключалась в том, что ираклийский народ был соринкой в глазу проблемы, которую была призвана решить Августа. Беда Глахуны заключалась в том, что он не сумел сделать ничем иным, кроме как духом крошечного, затерянного в горах, обречённого народа.

Дождавшись какого-то одному ему ведомого сигнала на светящемся в лунном свете электронном приборе, Глахуна медленно выпил кровь из сосуда.

— Дух народа не дано уничтожить никому, — произнёс он, — даже тебе. Ты не сможешь приказать мне — крови ираклийского народа!

— Я знаю, Глахуна, — Августа не могла оторвать взгляда от мельхиорового лунного мира за окном, — народы — это мысли Бога. Но у Бога нет конечных, застывших, отлитых в неизменные, как монеты, форм мыслей.

— Но почему именно мы, ираклийцы? — воскликнул Глахуна. — Почему ты начинаешь с нас? В мире столько разных народов!

— У каждого из них свой путь, — пожал плечами Августа. — И он не в том, Глахуна, чтобы противиться предопределению.

Президент Ираклии молча развернул на столе старинную кожаную карту Кавказа. Её делали настоящие мастера, какими свалилась в прошлые времена эта земля. Карта была рельефной. Августа узнала под лунным светом крохотный Эльбрус, извилистые синие линии Терека и Куры. Глахуна извлёк из выдвижного ящика скальпель, тщательно протёр его смоченным в спирте ватным тампоном.

Глахуна сделал на своём запястье аккуратный, но глубокий надрез. Кровь, тёмная в лунном свете, как ореховое вино, пролилась тонким ручейком на старинную кожаную карту. Августа увидела, что предполагаемая линия нефтепровода вычерчена на карте чёрной тушью. Кровь из руки Глахуны не пожелала течь вдоль чёрной линии, прихотливо соскользнула с территории Ираклии.

— Ты видишь, мой народ не хочет нефтепровода, — поставил локоть на карту Глахуна. — Возьми скальпель, принцесса, сделай надрез — увидим, чья кровь сильнее.

Впервые в жизни Августа участвовала в столь странном армрестлинге. Она, как только что Глахуна, чуть надрезала вену, поставила локоть на стол, переплела свои горячие пальцы с холодными, как снег на горных вершинах, пальцами президента Ираклии. Августу приятно удивила чудесная сила, снизошедшая на её руку. Рука Августы сделалась непреклонной и твёрдой, как мельхиор. Пальцы президента Глахуны таяли в её пальцах.

Едва коснувшись кожаной поверхности карты, кровь Августы разделась на капли, построилась в геометрически безупречное каре наподобие фаланги Александра Македонского или старой гвардии Наполеона. Ручеёк крови президента Глахуны бестолково заметался между гор и долин.

Кровь президента Глахуны напоминала перепуганную змейку, пытающуюся скрыться, спрятаться от преследующего её охотника. Фаланга Августы между тем вытянулась в прямоугольник, наглухо заперев глупую змейку в ущелье. После чего стремительно вылетающие из прямоугольника стрелы рассекли тело змейки, превратили его в дрожащие лужицы, которые некоторое время обнаруживали тенденцию к соединению, но после коротких дополнительных ударов совершенно успокоились, безвольно и покорно вытянулись вдоль вычерченного на карте чёрной тушью маршрута нефтепровода.

Всё было кончено.

Августа посмотрела на президента Глахуну. Он бледнел, растворялся в лунном свете, как ирреальное существо, из сновидения вышедшее и в сновидение же возвращающееся. Августа увидела в глазах Глахуны неизбытную (уже не человеческую) тоску, неизбежно сопровождающую переход в мир, где нет смерти, но нет и жизни.

— Ты никогда не сумеешь родить, принцесса, — слышала Августа гаснущий в астрале, лишённый эмоций голос президента Ираклии, — потому что можешь зачать только от смерти. Но смерть, принцесса, в мире, в котором ты остаёшься, а я покидаю, — бесплодна!

Сергей Калабухин

ЧЁРНЫЙ СЛЕДОПЫТ

В руке Горгоны вспыхнул огненный цветок, и Сергея Быстрова окутало радужное облако защитного поля.

— Бластер! — изумился Быстров.

Уходя от губительного луча, он нырнул в белёсое облако. По ушам бил тревожный сигнал стремительно разряжающегося аккумулятора. Ещё немного, и откажет не только защита, но и антиграв, и тогда Быстров просто камнем рухнет в море. Рядом с шипением возникали струи раскалённого пара — Горгона наугад резала укывшее Сергея облако лучами бластера. Ещё одно попадание — и конец.

Рванув застёжку кобуры, Сергей тоже выхватил бластер и взмыл к солнцу. Спасительное облако осталось внизу. Солнце слепило Горгону, и потому та не сразу заметила Быстрова. Сергею пришлось впервые стрелять из боевого оружия в живого человека: обычно он обходился парализатором. Но для точного выстрела расстояние слишком велико. На сомнения и колебания времени не было. Луч бластера ударил в парящую над волнами Горгону, и ту тоже мгновенно укрыло радужное облако защитного поля.

— Чёрт возьми! — выругался Быстров. — У неё не только боевой бластер, но и защитный комбез Патруля времени! Кто же ты, сволочь? Неужели одна из нас?

Вокруг Горгоны вскипали фонтаны пара — держать её на прицеле в болтанке полёта было весьма нелегко. Тем более что та тоже не висела на

Сергей Владимирович Калабухин — коломенец. Родился в 1958 году. С детских лет увлекался техникой. Высшее образование получил соответствующее — окончил факультет АСУ МИСИ. Работал на Коломенском заводе наладчиком сложных станков, инженером-электроником, инженером-конструктором. Да и сегодня не расстаётся с родным предприятием: руководит одной из фирм при Коломзаводе.

Всё это удивительным образом сочетается с тягой к беллетристике. Уже в десятилетнем возрасте Сергей начал сочинять фантастические рассказы. Остаётся верен этому жанру и сейчас.

Новый рассказ Сергея Калабухина — как в двадцать втором веке человечество далеко шагнуло в сторону совершенствования техники, даже в прошлое научилось путешествовать, но нравственные проблемы остались. Они — такие же, как и в XIX, и в XX веке. События в рассказе переданы динамично, читается он увлекательно.

Рассказ

месте, не желая быть неподвижной мишенью. Защита Горгоны отказала на секунду позже полного разряда бластера Быстрова. Радужное облако исчезло, и Горгона стремительно полетела к виднеющемуся невдалеке берегу моря. Сергей сунул бесполезный бластер в кобуру и в запале выпустил вслед удирающему врагу заряд из парализатора. Опомнившись, он убрал пистолет и ринулся вдогонку...

— А, вот и ты, — шеф приветливо взмахнул рукой, приглашая Быстрова войти. — Проходи, Сергей, садись.

С упавшим куда-то в желудок сердцем Быстров плотно закрыл за собой дверь кабинета, прошёл вдоль длинного, благородно мерцающего стола для совещаний к первому ряду стульев и сел. Когда шеф так приветлив и зовёт кого-либо просто по имени — значит, дело дрянь.

— Знакомьтесь, — продолжил шеф, и Быстров поднял глаза на сидящего напротив незнакомого седоватого мужчину в штатском костюме. На лацкане солидного серого пиджака ненавязчиво, но внушительно алела звёздочка Героя. — Это — наш коллега из уголовного розыска полковник Романов. А это — наш лучший сотрудник, старший группы службы Патруля времени лейтенант Быстров.

— Николай Ильич, — чуть привстав, протянул через стол руку Романов.

— Сергей, — ответил Быстров и с затаённой тоской глянул на блестящую вазу посреди стола. Там смешно отражалась его загорелая и немного унылая физиономия.

— Ну, вот и познакомились, — жизнерадостно промурлыкал шеф, усаживаясь в широкое, по хозяйским габаритам, кресло. У Быстрова от довольной начальственной улыбки заныли зубы. — Полковник, введите лейтенанта в курс дела. Да и мне не помешает ещё раз послушать.

— Знаешь, кто такие чёрные археологи? — спросил Быстрова Романов.

— Конечно, — кивнул тот. — Раскапывают курганы, места былых сражений. Находки продают коллекционерам, хотя по закону обязаны сдавать их государству.

— Вам с ними приходилось сталкиваться? — повернулся к шефу серый пиджак.

— Нет, — с некоторой заминкой ответил тот. — Путешествие в Прошлое пока очень дорого. Хронотуризм только начинается и доступен лишь весьма состоятельным людям. Чёрным археологам он не по карману... А официальные научные экспедиции постоянно находятся под контролем Патруля времени. Никто из наших подопечных и шагу в одиночку в Прошлом сделать не может.

— К сожалению, у нас сложилось иное мнение, — хмуро сказал полковник Романов. — Кто-то летает в Прошлое, минуя ваш контроль.

— Этого не может быть! — вскочил Быстров.

— Сядь, Сергей, — успокаивающе улыбнулся ему шеф. — Сядь и слушай дальше.

— В Москве есть некий антиквар — Беридзе Котэ Шалвович. У него небольшой магазинчик на Тверском и свой сайт в Интернете, — продолжил полковник, когда Быстров уселся. — Жена одного из наших сотрудников работает в налоговой инспекции. Она приблизительно год назад проводила очередную проверку бизнеса Беридзе и заметила

одну странную закономерность. Сначала на сайте Беридзе в разделе «Куплю» появляется объявление о том, что магазин приобретёт некий предмет у организации или частного лица. Через неделю-две в книге посетителей сайта появляется письмо некоего владельца-частника с предложением продать магазину Беридзе искомый предмет. А ещё через неделю этот предмет уже выставляется в разделе продаж магазина, и его практически немедленно, то есть — в течение суток, покупает какой-нибудь богатый коллекционер. Самое любопытное в этой схеме то, что покупатели могут меняться, а вот продавец-частник всегда один и тот же. Её ник — Горгона.

— Ну и что? — нервно спросил Быстров. — Ясно, что интернет-магазин Беридзе — просто посредник между Горгоной и коллекционерами редкостей. Он что — легализует краденое?

— Нет, — отрицательно покачал головой Романов. — Ни одна из проданных Горгоной вещей никогда не была украдена. По крайней мере, никто не заявлял и не заявляет об их пропаже. Более того, они вообще не числятся в каких-либо каталогах: ни музейных, ни частных.

— Ну, и при чём тут мы, Патруль времени?

— А притом, лейтенант, что Горгона продаёт именно то, что заказывают коллекционеры: вещи известные, но не существующие в нашем времени. Среди них, например, золотая серьга киевского князя Святослава, украшенная карбункулом и двумя жемчужинами.

— Того самого Святослава?!

— Того самого — сына не менее знаменитых князя Игоря и княгини Ольги, которого убили печенеги на днепровских порогах, когда он возвращался с победой домой, разгромив византийцев в Болгарии. Печенеги отрубили князю голову и сделали из его черепа пиршественную чашу. Судьба серьги Святослава с тех пор неизвестна. Откуда она у Горгоны?

Быстров пожал плечами.

— А откуда уверенность, что это именно та серьга?

— Горгона предлагает к каждой проданной ею вещи небольшой видеоролик, в котором запечатлён вместе с этим артефактом либо его создатель, либо известный владелец. Современные методы позволяют установить точный возраст любой вещи, а полёт в прошлое делает бессмысленным подделку видеороликов. Что ты теперь скажешь, лейтенант?

— Горгона имеет возможность бесконтрольно летать в прошлое, — убито признал Быстров. Ему стали понятны и ласковый приём, и улыбки шефа. Но почему козлом отпущения выбран он?

— Но Горгона не может что-либо забирать в прошлом и доставлять сюда, в наше время, — вмешался шеф. — Это же технически невозможно!

— Это ваша проблема, — развёл руками полковник Романов. — Я знаю одно: мы обязаны поймать Горгону и передать в руки правосудия.

— А мы-то вам зачем? — раздражённо спросил Быстров. — Возьмите её на передаче очередного заказа в магазин Беридзе.

— Пробовали, — вздохнул полковник. — Не получается. Артефакты приходят по почте, обычными посылками. Как они оказываются на центральном сортировочном пункте Москвы, установить не удалось.

Обычные почтовые коробки, без штампов и отметок каких-либо почтовых отделений. Адрес отправителя не существует.

— А деньги?

— Беридзе переводит их на счёт Горгоны в одном из швейцарских банков. Это номерной счёт. Горгона может управлять им по Интернету или лично являться в банк. Мы всё равно об этом не узнаем — банк не даст никакой информации, так как невозможно без суда объявить Горгону преступницей.

— А за что её судить? — мрачно спросил Быстров. — Горгона никого не ограбила, ничего не украла. Что вы можете ей предъявить?

— В этом-то и проблема, — уныло ответил полковник Романов, глядя на ту же вазу с противоположной стороны. — Мы не знаем, как и где Горгона достаёт заказанные вещи! Вот почему нам нужна помощь Патруля времени.

— А мне, лейтенант Быстров, хочется знать, каким образом эта Горгона избегает нашего контроля, — жёстко произнёс шеф. — Какие у тебя на этот счёт имеются соображения?

Быстров задумался, а потом заметил тихо:

— На самом деле, уйти от нашего контроля не так уж сложно...

— Вот как?! — недоверчиво подался вперёд в своём кресле шеф. — А ну-ка, подробнее. Так, чтобы не только я, но и полковник Романов понял.

— Мы, конечно, почти непрерывно следим за порученными нашей защитой и контролем людьми, совершающими полёт в прошлое, — медленно начал Быстров. — Но бывают моменты, когда кто-нибудь из наших подопечных исчезает с глаз патрульных. Например, заходит за дерево или угол дома. Через секунду-две он вновь появится, но вот откуда?

— Поясни, лейтенант, — прервал Быстрова полковник Романов, нервно потирая руки. — Я что-то не понял, о чём ты.

— Каждый хрононавт носит свою машину времени на себе, как улитка раковину, — Быстров встал и продемонстрировал полковнику широкий ремень. — Универсальный пояс хрононавта, сокращённо — УПХ. Пряжка — сенсорная клавиатура. В пояс вмонтировано всё: мощный аккумулятор, аптечка, хронокомпьютер для задания координат и управления перемещением во времени, антигравитатор для полётов в воздухе, мнемо-переводчик со всех известных языков, рация — словом, всё необходимое. Горгоне достаточно незаметно или заранее ввести в хронокомпьютер новые координаты, зайти за дерево и...

— ...она уже не изучает в группе учёных процесс разрушения Колосса Родосского, а ворует кинжал у Бенвенуто Челлини, — восторженно стукнул кулаком по тёмно-вишнёвому лаковому столу полковник Романов.

— Вот именно, — крикнул от досады шеф. — А потом эта стерва спокойно возвращается к дереву практически в тот же момент, как покинула его, и, как ни в чём не бывало, вновь появляется перед коллегами и Патрулём. Молодец, Быстров! И как это мы не предусмотрели такую возможность?

— Подождите! — воскликнул Герой-полковник. — Но вы же сказали, что Горгона не может ничего принести из прошлого в наше время.

— Зато она может спрятать нужную вещь в укромном месте, — возбуждённо ответил Быстров. — Закопать, например. А вернувшись из прошлого, уже в нашем времени откопать и продать.

Повисла пауза. За окном под жарким ветром волновалась листва, а в прохладном кабинете уютно, почти неслышно мурлыкал климат-контроллер.

— Как же вы будете ловить эту хитрую бестию? — озабоченно спросил полковник Романов.

— Элементарно! — небрежно взмахнул рукой шеф. — Так же, как ловят всех хищников: на живца.

...Быстров очнулся от боли. Он лежал ничком на берегу, почти у самой воды. Всё тело ныло. Скалистый берег пятиметровой каменной стеной круто вздымался от неширокой песчаной полосы прибоя, резко переходя наверху в гладкую, как стол, равнину.

— Повезло, что антиграв отказал уже в момент приземления, а не над морем, — пробормотал Быстров, разглядывая торчащие вокруг острые зубья скал. — И всё же посадка была жёсткой...

Быстров вынул из кармана «сигару» зарядного устройства. Отвинтив крышку, вытащил из капсулы туго свёрнутый рулончик. Взмах руки, и рулончик превратился в короткий плащ. Быстров накинул его на плечи и застегнул пряжку. «Ткань» плаща начала жадно поглощать солнечные лучи, заряжая встроенный в пряжку запасной аккумулятор.

Быстров пошёл кромкой моря. Придётся почти сутки ждать, пока солнце зарядит аккумулятор. А где ждать? От голода и жажды он за сутки не умрёт, но и оставаться на месте нельзя: на равнине полно диких племён, постоянно враждующих между собой, и кто-нибудь из аборигенов мог видеть его падение. Пистолет вряд ли спасёт от местных отрядов — в запасе осталось не более двадцати парализующих зарядов.

Женский плач вывел Быстрова из задумчивости. Выхватив пистолет, он осторожно огляделся. Аборигены никогда не отпускают своих женщин одних, без охраны, за пределы поселений. Став спиной к морю, Быстров начал внимательно осматривать прибрежные скалы. Вокруг было сравнительно тихо. Ни один камешек не скрипит под неосторожной ногой. Не звенят доспехи. Только шелест волн, и где-то рядом всхлипывает женщина. Быстров осторожно заглянул за скалу, из-за которой раздавались звуки. Перед ним в широкой нише, прижавшись к стене обрыва, сидела девушка. «Рабыня», — отметил про себя Быстров, разглядев короткую белую туннику, окутывающую сжавшуюся фигурку.

— О, Посейдон, пощади меня! — прорыдала девушка.

«Древнегреческий», — определил мнемопереводчик, мгновенно переведя фразу, и загрузил в кратковременную память Быстрова всю необходимую информацию по языку.

Осколок раковины предательски хрустнул под ногой Сергея. Девушка вскоčila, закрыв лицо руками, и закричала. И тут Быстров увидел, что несчастливая прикована к скале. Длинная тонкая цепь спускалась от широких браслетов, охватывающих запястья рабыни, извивалась

меж осколков окатанных морем валунов и кончалась вмурованным в стену кольцом.

Сергей шагнул к девушке.

— Не бойся. Я — друг, — тихо сказал он.

Увидев чужака, пленница сначала удивилась. Потом бросилась к Быстрову, приникла к его груди и опять заплакала. Он стал ласково гладить её короткие пушистые волосы, бормоча какие-то успокоительные слова. Ткань комбеза на его груди стала влажной и горячей от слёз. Наконец, плач постепенно стих. Быстров осторожно отстранил от себя девушку.

— Сейчас я освобожу тебя, — сказал он, с сочувствием глядя на её поникшую, совсем ещё детскую фигурку.

Сердце Быстрова сжималось от жалости. Осторожно взяв худенькую руку пленницы, он достал нож и нажал кнопку. Из рукоятки забила короткая струя плазмы. Отрезанные цепи упали у их ног, как застывшие бронзовые змеи.

— Теперь у тебя на руках будут браслеты. Ну, очнись же!

Быстров потряс девушку за плечо и улыбнулся в её широко открытые, ещё мокрые от слёз глаза.

— Ты свободна, — он поднял с песка покрывало и накинул его на плечи девушки. — Иди домой.

Убрав нож, Быстров сел на валун. Неожиданно девушка села рядом с ним.

— Ты что? — удивился Сергей. — Уходи, ты свободна!

— Нет, — отрицательно покачала головой девушка. — Освободить меня может только мой господин. А он этого не сделает. Моя жизнь закончится здесь, как только зайдёт солнце. А теперь и ты погибнешь вместе со мною.

— Почему?

— С заходом солнца сюда придёт Смерть. Чтобы она не выходила из моря на равнину и не нападала на город Дагон, воины царя Неарха каждую неделю приводят сюда раба или рабыню. Смерть съедает жертву и уходит назад, в море. Сегодня жребий пал на моего хозяина.

— Иди домой. Я вместо тебя буду жертвой.

— Кто мне поверит? — грустно улыбнулась девушка.

— Тогда уйди отсюда куда-нибудь подальше и спрячься, — предложил Быстров. — А утром, когда всё будет кончено, вернёшься домой.

— Ничего не выйдет, — вздохнула та. — В двух полётах стрелы от этого места — и на равнине, и по обе стороны берега — караулят воины. На всякий случай. Нам не уйти. Меня сразу же вернут сюда и опять прикуют к стене, а тебя либо убьют, либо ты займёшь моё место у этой скалы через неделю. Лучше попробуй уйти и спрятаться сам.

Девушка вернулась в нишу, вновь расстелила своё покрывало, села и с безнадёжной тоской стала глядеть на море.

— Да уж, положеньице, — вздохнул Быстров. — Воины, говоришь?

Он посмотрел на индикатор заряда аккумулятора и безнадёжно присвистнул: энергии не хватит ни на активацию защитного поля, ни на включение антиграва. Он застрял в ловушке где-то в античной Лидии на берегу Эгейского моря. Что у него есть? Разряженный бла-

стер, нож и пистолет с двумя десятками парализующих зарядов. Вряд ли с таким арсеналом ему удастся прорвать оцепление и уйти живым и невредимым. Разве что ночью попробовать? А куда, собственно, он собрался прорываться? Искать Горгону? Где? Операция сорвана. Надо просто дождаться полной зарядки аккумулятора и вернуться назад, в своё время.

Быстров взглянул на стоящее в зените солнце. Что ж, по крайней мере, источник энергии ещё долго будет на нужном месте. Сергей снял плащ и расстелил его на солнцепёке — пусть заряжается. Потом шагнул в тень ниши и сел рядом с девушкой. Та удивлённо спросила:

— Ты решил умереть вместе со мной?

— Нет. Лучше сразиться с неизвестным чудовищем, чем вступать в заведомо безнадежный бой с вашими воинами. Как говорят на моей родине: из двух зол нужно выбирать меньшее.

— Почему ты решил, что выбрал меньшее зло?

— Ну, хотя бы потому, что до заката, когда придёт за тобой Смерть, ещё далеко, — улыбнулся Быстров. — Так что я проживу немного дольше. Ваши воины убили бы меня гораздо раньше.

— Ты же можешь спрятаться в прибрежных скалах или сдатьсь!

— Я тоже воин, — устало ответил Сергей. — Слушай, у меня был трудный день. Мне надо отдохнуть и набраться сил для встречи с вашим чудовищем. Я немного посплю, а ты покарауль. Разбуди, если что.

Быстров лёг на горячий песок и закрыл глаза. Надо хорошенько обдумать, что делать дальше. Где искать Горгону? Негодяйка где-то здесь, рядом. Она тоже должна подзарядить свой аккумулятор, чтобы вернуться в двадцать второй век. Эх, если бы Сергей был не один, а с Генкой! Вдвоём с напарником они бы легко взяли Горгону. Кто ж мог предположить, что она вооружена и экипирована не хуже Быстрова?

— Ну что, старшой, забьём быка? — достав из кармана монету, спросил Генка Гор. — Чур, мой «орёл»!

— Давай, — легко согласился Быстров.

Генка щелчком большого пальца подкинул монету в воздух. Та, вертясь, сверкнула в лучах жаркого летнего солнца и зазвенела на плитах террасы.

— Решка! — разочарованно вздохнул Генка. — Опять мне трястись на вонючей кобыле.

— Зато тебе везёт в любви, — засмеялся Быстров, бросая окурочек в урну утилизатора. — Где ты только находишь своих красоток?

— Места надо знать! — самодовольно усмехнулся элегантно-небритый Генка и широко распахнул дверь в комнату отдыха. — После вас, сударь.

Они вошли. Миновали столики с шахматами, домино, нардами и колодами карт, за которыми коротали свободное время остальные члены дежурной команды Патруля времени, друзья сели в кресла установки виртуальной реальности.

— Хочешь, после дежурства свожу тебя в одно место? — спросил Генка, запуская «Корриду».

— Нет уж, — надевая шлем ВР, ответил Быстров. — Твои красотишки мне не по карману. У меня нет папаши-олигарха!

— Да брось ты, старшой! — заржал Генка. — Я угощаю!

— Мне хватает адреналина на работе, — не желая огорчать друга резким отказом, отмахнулся Быстров. — А когда затишье, как сейчас, — в виртуалке.

— Не любишь ты меня сегодня, — укоризненно пробурчал Генка, надевая свой шлем ВР. — Почему?

— Завидую, — криво улыбнулся Быстров. — Так что, поехали? Или будем и дальше лясы точить?

— Поехали! — и Генка ткнул кнопку запуска...

...Высокие сапоги из натуральной кожи противно скрипели, когда Быстров неторопливо выходил на середину арены. Солнце пекло немилосердно. Сергей поднял вверх узкий клинок шпаги, приветствуя сидевших на трибунах зрителей. Вслед за ним на арену выехал на белой, как сахар, кобыле Генка Гор. В левой руке он небрежно держал короткое копьё и пучок украшенных цветами флага России дротиков-бандериллий, положив их поперёк седла перед собой. Правой рукой Гор снял с головы широкополую шляпу и поклонился публике, принимая свою порцию аплодисментов. Его лошадь, горячая от криков множества людей, нервно перебирала тонкими ногами, громко цокая подковами по каменной земле.

Вдруг двери загона распахнулись, и на арену выскочил огромный чёрный бык. Очевидно, солнце ослепило его в первое мгновение, так как зверь остановился, заморгал и недоумённо затряс головой. Его изогнутые острые рога были покрыты серебряной краской.

Гор пришпорил лошадь и, подбрав к быку, с силой метнул в него один из дротиков. Тот вонзился в могучее плечо зверя. Бык взревел от ярости и боли, взмахнул хвостом и бросился на наглого врага. Генка ловко увёл лошадь из-под удара острых рогов и вонзил в пролетевшую мимо тушу ещё один дротик. Бык резко затормозил всеми четырьмя ногами, взрывлив копытами утрамбованную до каменного состояния землю, и резко развернулся. Из каждого плеча у него торчали бандерильи и стекали алые струи крови. Шумно сопя, бык ринулся вперёд. Когда он подбежал, Гор перегнулся через шею лошади, вонзил копьё в бугор между лопатками зверя и налёг всей тяжестью на древяно, держа его почти у самого конечника. Генка изо всех сил удерживал быка, медленно отводя лошадь в сторону, пока она не оказалась в безопасности. Тогда Гор немного ослабил нажим, и когда бык, почувствовавший это, рванулся вперёд, остриё копья вспороло блестящую от пота и крови кожу, обнажая уязвимое для удара шпаги место между широкими костями лопаток — единственную «ахиллесову пятую» могучего зверя.

Бык громко взревел от ярости и боли. Быстров ловко развернул красный плащ перед его мордой, отвлекая зверя на себя. Взбешённый бык бросился на нового врага. Размахивая плащом перед его налитыми кровью глазами, Быстров обвёл зверя вокруг себя. Когда плащ описал круг, Сергей прижал его к груди. Бык вновь бросился. Почти не сходя с места, Быстров сделал полный оборот. Торчащая из плеча быка бандерилья больно хлестнула его по руке с плащом и обломилась у самого конечника. От запаха пота и крови зверя Сергея немного замутило.

Три раза повёртывался он, заставляя быка бегать вокруг себя. Зрители на трибунах ревели от восторга.

На четвёртый раз Быстров выхватил шпагу и, приподнявшись на цыпочки, вонзил её в то место, где копьё Гора вспороло толстую шкуру быка. Промах! Клинок согнулся, уткнувшись в кость лопатки. Бык дёрнул плечом, шпагу вырвало из руки Быстрова, а сам он покатился по земле. Гор тут же бросил лошадь между быком и ошеломлённым падением Сергеем. Разъярённый зверь вонзил рога в брюхо несчастной лошади, подняв её вместе со всадником и, мотнув головою, отбросил в сторону. Вскочив на ноги, Быстров подхватил шпагу и кинулся к быку.

— Торо! — взмахнул он плащом перед окровавленной мордой зверя. Где-то рядом в агонии билась и хрипела лошадь, но у Быстрова не было времени и возможности посмотреть, что там с Гором. Он сосредоточился на летящей на него свирепой горе мускулов и злости. Игры на публику закончились. На этот раз Сергей не промахнулся: клинок вошёл в «ахиллесову пятую» быка. Тот резко остановился, шатаясь, сделал пару шагов, роняя кровавую пену с губ, и рухнул на землю. Сергей выдернул шпагу, и горячая кровь брызнула из раны ему в лицо...

Быстров проснулся и тут же вспомнил, где он и что с ним случилось. Но ощущение горячей влаги на щеке не исчезло. Сергей открыл глаза. Его голова покоилась на коленях окаменевшей от ужаса рабыни. Горячие слёзы пробороздили на её белых, как мел, щеках мокрые дорожки, капая ему на лицо. Быстров вскочил на ноги и замер. В застывшей, давящей тишине отчётливо раздавались громкое дыхание и плеск какого-то приближающегося со стороны моря существа. Быстров вышел из ниши и в багровых лучах заходящего за горизонт солнца увидел в прибрежных волнах встающего на задние лапы огромного ящера.

— Ни хрена себе! — ошеломлённо выдохнул Сергей. Он до последней секунды не верил в чудовище. Ждал кого угодно: шайку пиратов, банду разбойников или отряд воинов соседнего с городом племени, пришедших за еженедельной данью в виде живого товара, но никак не чудом выжившего представителя доисторической фауны.

Тело морского змея всё выше вздымалось над поверхностью моря. Передние лапы с перепонками между огромными серповидными когтями ритмично рассекали воздух, словно зверь продолжал плыть. Толстый длинный хвост вспенивал воду позади монстра. Маленькие злобные глазки с щелевидными зрачками остановились на Быстрове. Распахнулась метровая пасть, усеянная острыми зубами-кинжалами, и жуткий рёв поднял в воздух с прибрежных скал тысячи птиц. Звуковая волна отбросила Быстрова назад, в нишу.

Из-за его спины вдруг вывернулась гибкая девичья фигурка и бросилась к морю, навстречу зверю. Выхватив пистолет, Сергей одним прыжком догнал рабыню и отшвырнул назад, в нишу. Почти не целясь, он выпустил в ящера три парализующих заряда. Тот замер на мгновение, перестав реветь, затем решительно ринулся на задних лапах к берегу. Видно, для такой туши доза, способная мгновенно свалить с ног слона, была не страшна. Быстров попятился, непрерывно стреляя в надвигающуюся зубастую громадину. Заряды давно закончились, а

он всё продолжал жать на спусковой крючок. К его спине прижалась дрожащая девушка.

— Ты остановил Смерть! — вдруг услышал он её удивлённый голос.

— Что? — Быстров сунул в кобуру бесполезный отныне парализатор и внимательно посмотрел на ящера. Тот неподвижно стоял в пяти метрах от берега, опираясь на мощный хвост. Пасть его осталась открытой, глаза горели лютой злобой, но монстр не мог даже моргнуть!

Быстров поднял с песка плащ и бросил взгляд на индикатор. Аккумулятор успел зарядиться лишь на треть. Что ж, Сергей уже вновь может пользоваться защитным полем и антигравом, но вот для полёта во времени энергии ему не хватит. Придётся как минимум и завтрашний день провести на местном солнышке.

— Почему ты его не убиваешь? — спросила девушка. — Избавь нас от этого чудовища!

— Уже, — ответил Быстров, складывая и убирая в контейнер плащ. — Видишь: зверь не дышит. Не может. Получил слишком большую дозу. Скоро он умрёт от удушья. Больше Смерть не будет приходить сюда за очередной жертвой. Как тебя хоть зовут-то?

— Андромеда. А кто ты?

— Ну, раз ты — Андромеда, то я — Персей, — засмеялся Сергей. — Что будем делать: останемся на ночь здесь или поднимемся на равнину?

— А как же наши воины?

— Теперь я их не боюсь.

— И не должен, — раздался вдруг чей-то голос.

Быстров обернулся, одновременно активируя защитное поле. На берег из-за скалы вышли десяток воинов, вооружённых короткими мечами и большими круглыми щитами. У двоих за плечами висели большие луки и колчаны, полные стрел. Трое держали длинные копья.

— Кто вы? — стараясь выглядеть спокойным и уверенным, спросил Быстров. — Что вам здесь надо?

Старший над воинами сделал шаг вперёд и ударил сжатой в кулак рукой себя в грудь.

— Я — Ксанф, начальник стражи Неарха, царя Дагона. Он послал меня за тобой ещё днём. Но мы нашли тебя только сейчас.

— Днём? — удивился Быстров.

— Да. Почти весь город наблюдал бой в небе над морем. Спешу обрадовать тебя, Персей: твой враг Горгона тяжело ранен. Он сейчас в царской темнице.

— Что ты сказал? — воскликнул Быстров. — Горгона у вас?

— Да, — ответил Ксанф. — Он сказал, что будет говорить только с тобой.

— Ты сказал «он»? — поразился Быстров. — Горгона — мужчина?

— Да, — в свою очередь удивился Ксанф. — Ты не знаешь, кто твой враг, Персей?

— Горгона назвал тебе моё имя? — уточнил Быстров, проигнорировав вопрос Ксанфа.

— Нет. Он сказал, что мы узнаем тебя по одежде. Она у вас одинаковая.

— Хорошо, Ксанф, идём. Я хочу увидеть Горгону как можно скорее.

— Персей... — замялся Ксанф.

— Что ещё?

— Разреши нам отрубить голову этому чудовищу и доставить её нашему царю? Не беспокойся: мы не присвоим твою славу.

— Ладно, — махнул рукой Быстров. — Только побыстрее, солнце уже почти село...

Да, засада всё-таки удалась. Мы с шефом обсудили несколько вариантов приманки. Нужен был артефакт, известный историкам, но о котором ничего не знает простая публика. Это чтобы нам случайно не помешал какой-нибудь хронотурист. Остановились на щите Алкивиада. Никто в наши дни не вспоминал об этом афинском политике. А ведь когда-то Алкивиад был известным стратегом, воспитанником знаменитого Перикла и любимым учеником Сократа. Более того: этот явно неординарный человек слыл в тогдашних Афинах идеалом мужской красоты! Не дурак был выпить и весьма охоч до баб.

Щиты в Афинах тогда мастерская делала по одному общему образцу. Для богатых клиентов, того же Алкивиада, например, их покрывали золотом. А чтобы в походах не перепутать, где чей, владельцы помечали свой щит специальным знаком. Так вот, Алкивиад и здесь отличился: вместо знака приказал мастеру украсить свой щит изображением Эрота с молнией в руке, так что его ни с каким другим перепутать невозможно.

Не знаю, куда шеф отправил мой УПХ, но когда его через пару дней вернули, в нём появилось три новых устройства.

— Этот датчик ты прикрепишь к щиту Алкивиада, — протянул мне шеф маленький целлофановый пакетик, в котором лежала тонкая прозрачная чешуйка размером с ноготок. — Он самоклеющийся. Когда Горгона возьмёт артефакт, у тебя на поясе загорится вот этот индикатор, раздастся звуковой сигнал, и на табло хронокомпьютера появятся пространственно-временные координаты украденного щита. Ты немедленно стартуешь туда. Вот эта кнопка включает индикатор внешнего хронополя. Как мне объяснили, если рядом с тобой в радиусе ста метров появится хрононавт, индикатор загорится, и ты узнаешь, что Горгона где-то рядом. Сразу включай блокиратор хронополя — вот эту кнопку! Пока работает блокиратор, никто из вас, ни ты, ни Горгона, не сможет перемещаться во времени. То есть сбегать она не сможет. Как бы Горгона ни маскировалась, индикатор укажет тебе направление и расстояние до неё. Ну, а когда ты её схватишь...

Потом люди полковника Романова организовали через какого-то коллекционера заказ щита Алкивиада в магазине Беридзе. И вот я здесь.

Странно, Горгона должен быть уже рядом, а индикатор на моём поясе не горит. Уж не обманывают ли меня Ксанф с Неархом? Сам, как дурак, лезу в царскую тюрьму.

Мы идём по узкому извилистому коридору. Впереди и сзади меня сопровождают вооружённые мечами воины. В поднятых вверх мускулистых руках они несут чадающие факелы. Где-то позади остались царь Неарх с фальшивой улыбкой на устах и страхом в глазах, Ксанф с кровоточащей головой ящера и пиршественный зал, заполненный вооружённой стражей и демонстрирующими веселье гостями.

Воин впереди вдруг останавливается и распаивает передо мною тяжёлую, обитую бронзой дверь. Мы входим. В колеблющемся свете факелов я вижу лежащую на середине камеры фигуру в комбезе Патруля времени.

— Ну, здравствуй, старшой, — пронзает мне сердце знакомый голос. — Дождался-таки...

— Оставьте нас, — приказываю я воинам, и те, воткнув факелы в предназначенные для них гнёзда, выходят.

— Генка Гор, — с горечью шепчу я. — Так это ты — Горгона?

— Я, — не отрицает очевидное мой лучший друг. — Генка Гор, Гор Гена, Горгона...

Он вдруг закашлялся, на губах запузырилась кровь.

— Что с тобой? — бросился я к нему.

— Не трогай! — остановил он меня. — Твой выстрел из пистолета был на удивление удачен. Парализованный, я не смог управлять антигравом и на полной скорости впечатался прямо в скалистый берег. Похоже, у меня переломаны все кости и повреждены внутренности.

— Завтра доставлю тебя в лучшую больницу, — мои ноги подкосились, и я сел рядом с Генкой, лежащим на грязном и холодном каменном полу.

— Нет, Старшой, забудь. Мне хана. Я жив до сих пор только благодаря надежде дожидаться тебя, обезболивающим и стимуляторам из аптечки.

— Меня ждал? Зачем? Ты же стрелял в меня из бластера!

— Не знаю почему, но я не смог скрыться во времени, когда ты окликнул меня по рации и приказал сдаться. Мой хронокомпьютер перестал работать. Вот я и решил укрыться где-нибудь здесь, в этом мире. Пальнул из бластера, зная, что защита у тебя включена. Думал, пока ты будешь прятаться от меня в облаках, я успею смыться.

— Подожди, я прикажу перенести тебя отсюда...

— Оставь, — удержал меня Генка. — Нет времени. Я же сказал: мне хана. Свой УПХ я уже сжёг — хватило остатков заряда бластера. Так что домой мне по любому не попасть. Как и в нашу российскую тюрьму. Лучше умру здесь. Я теперь — часть этого мира.

— Эх, Генка! — со злостью ударил я кулаком об пол. — Зачем?

— Не переживай, Старшой, — хрипло ответил он. — Я ведь не дурак. Знал, что когда-нибудь эта минута настанет, и приготовился: у меня ампула с ядом в зубе. Вы меня всё равно живым бы не взяли.

— Я не про это, — мой голос тоже звучал хрипло. — Зачем ты стал «чёрным археологом»?

— Ради денег, конечно, — криво усмехнулся Генка. — Я ж детдомовский. Как подросток, меня тут же выперли на улицу — живи, парнища, как сможешь! А что я мог? Что умел? Вот тогда-то и прибился к «чёрным копателям». Вскоре Крот, наш главарь, погорел на сбыте оружия времён Второй мировой войны. И опять я остался один, сам по себе. Завербовался в армию. Пять лет бросали из одной «горячей точки» в другую. Все ребята, с кем начинал службу, сгинули, а на мне — ни царапины! Однажды вызвали в штаб, и там хмырь в штатском предложил перейти на службу в Патруль времени.

— Чего же тебе сейчас не хватает? У нас жалованье побольше, чем в армии.

— Я не в «археологи» пошёл. Скорее, в следопыты — искал вещи, затерянные во времени. Сопровождал как-то группу, изучавшую подробности смерти и похорон Чингисхана. Услышал спор учёных, каким образом в голом поле пометить место захоронения Чингисхана, чтобы монголы и последующие искатели могилы эту метку не обнаружили, а они, вернувшись в наше время, смогли найти. Вот тогда-то и пришло в голову, как можно модернизировать бизнес и заработать на достойную жизнь.

— Что ты называешь достойной жизнью? — разозлился я. — Хождение по бабам и кабакам?

— Это всё внешнее, Старшой, — сплюнул сгусток крови Генка. — Львиную часть денег я переводил детским домам. Помогал ребятам и девочкам, с которыми вырос. Их ведь тоже, как и меня, выпихнули за дверь без денег, жилья и работы. Теперь у моих друзей есть всё, что нужно для нормальной жизни. Ну, и себя, конечно, не забывал. Я никому не делал зла, Старшой! Не жалеешь теперь, что нашёл Горгону?

— В Робины Гуды метишь? — горько усмехнулся я. — Полковник Романов из МУРа всех твоих подопечных найдёт, запишет в соучастники и, если не посадит, то добьётся конфискации всего их несправедно нажитого добра.

— С какой стати? — хищно оскалился Генка. — Я же делал всё сам, один.

— Один? — в ярости закричал я. — А кто принимал на почте без оформления твои посылки? Кто искал тебе информацию по артефактам? Кто ведёт твои банковские дела? Кто занимается перепиской от твоего имени с интернет-магазином Беридзе с несуществующих адресов? Думаешь, в МУРе дураки сидят? Добро он людям делал! Ты показал своим друзьям сладкую жизнь. Каково им потом-то будет, когда их опять ткнут мордой в дерьмо? Нет, я не жалею, что нашёл Горгону, потому что ненаказанное зло всегда чувствует себя добром.

— Значит, считаешь меня злом? — тихо сказал Генка. — Уверен, что их найдут и всё отнимут?

Я не ответил.

— Мы думали об этом, — вдруг сказал Генка. — Без помощи Патруля времени МУР не справится. Им придётся отследить все мои контакты в нашем времени, а это сейчас невозможно. Ты же знаешь: у каждого хрононавта есть мёртвая зона времени, куда он не может попасть — время его собственной жизни. Один и тот же человек не должен одновременно находиться в двух разных местах, тем более встречаться с самим собой. Значит, муровцам придётся подождать не менее двадцати пяти лет, пока родится, вырастет и пройдёт соответствующую подготовку тот сотрудник Патруля, который сможет заняться отслеживанием моих контактов в наше время. Думаю, они не станут столько ждать: ведь я не маньяк-убийца и не военный преступник. Срок давности, Старшой! А сами они и меня-то найти не смогли, раз ты здесь. Я прав?

— Не совсем, — нехотя признал я. — До этого они не знали, кто такой Горгона. Теперь ситуация изменилась. Не так уж трудно узнать, кто из твоих детдомовских друзей работает на почте или стал хакером. Их найдут.

— Найти мало, Старшой, — сжал мою руку горячими пальцами Генка. — Надо ещё доказать вину, найти улики. Ты поможешь моим друзьям? Зло ведь уже наказано...

— Как?

— Ты прав, я не гений, — усмехнулся Генка и закашлялся. Кровавый ручеек потёк у него из уголка рта. — Моё время на исходе.

— Так не теряй его, говори, что надо сделать!

— Как вернёшься назад, дай объявление в интернет-газете «Совершенно бесплатно» в разделе «Разное». Напиши, что ищешь напарника для участия в вирт-игре «Коррида». Это сигнал о моём провале. Ребята знают, что и как надо сделать, чтобы их, как ты изящно выразился, не ткнули мордой в дерьмо. Сделаешь?

— Обещаю, — твёрдо ответил я.

— Спасибо, Старшой! Прощай...

Во рту у Генки что-то хрустнуло, он обмяк, его напряжённое лицо постепенно разгладилось, а горячая рука тут же начала холодеть...

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

ПОЭТ И ГОРОД

Коломна восьмидесятых... Романтика провинциальной разрухи: «соцветья куполов церковных», руины кремля, лампы и резкие тени деревьев в ночных скверах, бурьян, растущий на сводах заброшенных святынь...

Невозможно представить этот уже ушедший город без песен Евгения Кузнецова, лучшего поэта Коломны тех лет! Посадские туманы, дыхание Москвы-реки, будка сторожа, горький хмель и обагрённый закатом силуэт Троицы-на-Репне — всё это часть его мелодий, таинственных и неповторимых.

Дорогой Евгений! Сегодня мы празднуем твоё 50-летие. Достаточный повод, чтобы вспомнить и радости, и горести, и творческие победы, и книги стихов. Но, поздравляя тебя со знаменательной датой, мы уверены: настоящая слава твоя — ещё впереди!

Коллектив редакции

ЗАКОЛДОВАННЫЙ ДОМ

Роман Вадимович Славацкий родился в Коломне в 1957 году. Поэт, прозаик, литературовед, церковный историк, журналист. Заместитель председателя творческого объединения профессиональных писателей Коломны.

Автор семи поэтических книг, повестей и рассказов, множества краеведческих очерков, около двух десятков которых вышли отдельными изданиями.

Удостоен церковных, муниципальных и общественных наград, в том числе медалей свт. Иннокентия, «За жертвенные труды», им. И. И. Лажечникова, им. А. С. Грибоедова.

Публикуемый в этом номере рассказ представляет собой попытку художественно осмыслить таинственные события и феномены, которыми так изобилует древняя коломенская земля.

Рассказ

«**Т**ак всё-таки: кто же грохнул старушек на Дворянской?» — с печалью и досадою думал я, пересекая чахлый сквер на Владимирке. Собственно говоря, бабулек не так чтобы уж очень жаль: вредные были старушечки. Но при всём при том, смерть любого человека — ужасна. Ибо вместе с ним умирает его вселенная, вся та память о прошлом и весь опыт, который, собственно, и составляет сущность души, делает человека интересным. И вместе с этими старыми ведьмами ушёл в небытие кусок нашей Коломны. И даже не это грустно, а то, что вместе с их памятью исчезли реликвии, о ценности которых они даже не догадывались.

И Заколдованный дом вновь возник в очах души моей. Серебристо-серый, седой от времени, он тянулся роскошным фасадом вдоль Дворянской (Казакова тож), и весь его облик напоминал об уютном деревянном ампире. Но пышная резьба наличников, покрывающая и первый этаж, и трёхконный мезонин, свидетельствовала уже не о дворянстве, а, скорее, о богатом купечестве, которое наследовало эту усадьбу у благородных господ и переделало её по своему вкусу... Впрочем — где теперь эти дворяне и эти купцы?..

И почему я называл его Заколдованным? Какая-то мистическая энергия, некая мрачная тайна чувствовалась в этом особняке, и атмосфера запустения лишь усиливала ощущение. Напротив дома за уродливым забором располагалась авто-школа. А сбоку, через улицу анафемы Ивашки Болотникова, виднелся запустелый от бесконечной рестав-

рации Архиерейский дворец и корпус Троицкого монастыря, в котором теперь размещалась гробовая мастерская. Там, конечно же, сделали и гробы, в которых упокоились последние жительницы таинственного, умирающего от времени Заколдованного дома...

Мучительно захотелось пива. Казалось, сама Коломна нежно шептала сентябреющей золотистой листвой: «Выпей, выпей... Всё пройдёт...» А между тем, напротив сияла золотистым пончиком рекламы пивнушка. Брезговал я ходить в это занюханное заведение, но на сей раз неодолимое желание подталкивало: «Узнай, есть ли пиво?»

Пиво было.

Иногда, если бочки пустовали, вместо него наливали в кружки дешёвое сухое винишко: это делало омерзительную забегаловку ещё более отвратительной. Но сегодня сюда можно было зайти. Я взял кружку и мумифицированную воблу и принялся искать среди подозрительных бомжеватых рож лицо попримечней, чтобы подойти и пристроиться к нему. И я нашёл-таки нужное лицо. Это был Сашка.

Александр Светлов, или сокращённо Алдр, мой однокурсник, с которым мы вместе подгрызали науку в нашем родном «педике», ныне служил капитаном милиции. И даже его нынешний собеседник по столику имел облик... информатора. Маленький, длинноносый, с острыми ушами и вредными глазами, морщинистый, он чем-то походил на гоблина.

— Алдр! — воскликнул я с изумлением. — Здорово!

— Здоровеньки булы, пане Романе, — ответил он, поворачивая круглую загорелую физиогномию в мою сторону. Уста его, украшенные небольшими усиками, тронулись улыбкой, а в хмельных карих глазах, полных неизбывной усталости и тоски, мелькнуло тепло. — Сколько лет, сколько зим.

— Можно к вам?

— Пристраивайся. Это наш друг Кузьмич, — кивнул он в сторону гоблина. — А ты чего такой невесёлый?

— Да, понимаешь, эта история с убийством на Дворянской совершенно выбила меня из колеи...

Глаза Алдра загорелись нехорошим блеском.

— А тебе-то что до этих бабулек?

— То есть как это что? Я, брат, музейный работник. Общение со старожилками — мой хлеб. И когда помирает очередной старожил, даже такой вредный и занудливый, как эти старушечки, для настоящего музейщика это серьёзная потеря. Исчез источник информации — и кого теперь спрашивать про старину? А они были самыми старыми старожилками на улице.

Мы хлебнули пива.

— Так ты, выходит, их знал?

— Ну, как сказать, знал... Пытался добыть кое-какие сведения, думал раскрутить на старое барахло. Да куда там! Выставили за дверь; хорошо ещё морду не набили. А в музейной жизни всё случается...

Алдр погрустнул.

— Ты это... вот что: зайди ко мне. Держи-ка бумажку с телефоном: созовимся. Я тебе такие фотки покажу насчёт этого дома — не пожалеешь.

— Да?

— А то!.. Ну, ладно, мне двигать пора. Оставайтесь, побалакайте тут с Кузьмичом. Пошёл я...

— Ну, пока.

Алдр понуро ушёл в сторону выхода.

— Наконец-то... — раздражённо прошипел гоблин и представился: — Меня Василием зовут. И не называйте меня гоблином. Мне это не нравится. Я поперхнулся пивом:

— Откуда вы...

Гоблин ехидно усмехнулся.

— По глазам догадался. Я как гляну человеку в глаза, так начинаю его немножко слышать. Не всегда, правда, но иногда слышу. Хотя толку от этого, честно говоря, мало. Взять хоть этого вашего Алдра. Он мужик неплохой и хитрый достаточно, вид умеет показывать. Но про дело на Дворянской знает не больше любой бабки на Бабьем рынке.

— А вы, конечно, знаете больше любой бабки! — съехидничал я, разобиженный за однокашника.

— Не только знаю, — мрачно ответил гоблин. — Я и вас, товарищ Рабинович, введу в курс дела. Давно пора, а то я уже терпение потерял, вас поджидаячи.

— Это как же вы меня могли поджидать, когда я сам не знал, пойду в эту забегаловку или не пойду? — разозлился я. Не люблю, когда меня называют Рабиновичем, а с другой стороны, если фатер у тебя Рабинович, то из песни слова не выкинешь...

И всё же я осерчал и подумал про себя: «Чёртов гоблин!»

— Чтoб вас приподняло да хлопнуло! — зашипел гоблин — Не смейте меня так называть!

— А нечего лазить в чужую голову! И потом — как прикажете вас называть?

— Алдр же нас представил. Я Василий Кузьмич. В крайнем случае — просто Кузьмич. А я знал, что вы сегодня сюда зайдёте, потому что наш народ может иногда чувствовать будущее. Не предсказывать, а чувствовать; не знаю, понимаете ли вы разницу. А я (скажу без ложной скромности) — один из лучших представителей своего народа.

Пальцы у меня почему-то задрожали. Я поставил кружку на стол.

— Про какой народ вы говорите?

— Боюсь, вы не поймёте с первого раза... Но попытаться надо. Держитесь крепче за стол. В этой тёмной и пропахшей кислятиной пивнушке вам открывается коломенская Тайна, о существовании которой знают лишь избранные. Запомните раз и навсегда и не вздумайте сомневаться или шутить. Это очень серьёзно! В течение многих веков здесь, в городе, живёт и охраняет его — народ Подземных мастеров. Или подземники, как мы сами называем себя для краткости. Как раз нашими трудами вырыты подземные галереи — целый город, сокрытый от глаз людей.

Он говорил так торжественно и гордо, стоя прямо, словно принц крови, что у меня не хватило духу перечить. Голова моя закружилась — и явно не от разбавленного пива.

— Но ведь это же сказки, — прошептал я, вцепляясь в столешницу. — Это всего лишь старые сказки...

— Ну, в таком случае, и я тоже сказка. Хотите убедиться в реальности происходящего? Потрогайте меня. Только не пугайтесь: у нас температура тела несколько ниже, чем у обычных людей.

Я тронул его руку. Она была холодна, как лягушка.

— Пойдёмте, Романе, прогуляемся, — сочувственно сказал гоблин. — А то вы совсем раскисли.

Мы сидели на скамейке среди чахлого сквера, сквозь деревья которого открывался вид на кремлёвскую стену. Стена завершалась Ямской башней, рядом с которой теперь останавливались не ямщики, а рейсовые автобусы. Автостанция работала вовсю; на площади между магазином «Тысяча мелочей» и перроном сновали пассажиры и прохожие. Но в сквере было тихо, только золотистая листва лепетала что-то невнятное.

К нам направились двое пьяных.

— Здрóво, мужики! — весело сказал один, краснорожий, но гоблин мельком взглянул на них, и оба шарахнулись, как ошпаренные, и быстро-быстро ушли на Владимирку.

Василий Кузьмич скептически поглядел на меня своими серо-зелёными глазами, вздохнул и опять устался на Ямскую станцию.

— Чего скрывать! У вас есть некий дар, в котором мы нуждаемся. Ретроспективное зрение.

— А?!

— Ну да. Ретроспективное зрение. Как бы это объяснить?.. Способность реконструировать прошедшие события в зримых образах. У подземников это тоже встречается, но крайне редко. Во всяком случае, в моей конторе, среди моих коллег, таких специалистов нет. Да не удивляйтесь вы! У нас всё, как у вас; Комитет безопасности тоже есть. Куда же без него? Порядок везде должен быть. Я начальник особого отдела, подполковник Мазякин.

Он сунул мне под нос блестящее удостоверение с карточкой и печатью.

— Но я всё-таки просил бы вас называть меня Василием Кузьмичом. Меня все так называют. Мне не очень нравится моя фамилия.

— Господи, но я-то зачем вам нужен, товарищ... подполковник?

— Нам с вами необходимо обследовать дом на Дворянской. Заколдованный дом, как вы его называете, мой романтический друг.

Я вытаращил глаза.

— И вы туда же! Но ведь он, наверное, закрыт и, как это говорится — опечатан? Как мы туда...

— Не беспокойтесь! — отмахнулся Кузьмич. — Это как раз самое простое. Гораздо важнее — получится ли у вас осмотреть этот дом этим вашим... шестым чувством.

Он подвигал морщинами на лбу и пошмыгал длинным крючковатым носом, словно принимался к моему шестому чувству.

— Послушайте, товарищ Мазя... э-э... Василий Кузьмич, если вы — подземник, то почему не сидите у себя в подземелье, а находитесь тут и ещё собираетесь давать мне какие-то поручения?

Мазякин мрачно посмотрел на меня и сказал, чуть помедлив:

— Вы не думайте, Роман, что пребывание в вашем мире доставляет мне удовольствие. Это необходимость. Смещение параллельных пространств крайне опасно. Крайне! Но беда в том, что находятся некие силы, которые периодически пытаются осуществить прорыв. И приходится сдерживать этих имбецилов. И здесь нам необходимо ваше содействие для защиты

стабильного мира. Поверьте, Рабинович, это касается и вас лично. Мы потом всё вам объясним, но сейчас для разговоров нет времени. Нужно действовать. Вот что вам надо сделать. Сейчас идите в музей, а потом домой. Дома поужинайте и часам к восьми отправляйтесь на Дворянскую. Сестре скажете, что вас вызывают... ну, скажем, на встречу иностранной делегации.

— Вы и про Верку знаете?! — вскипел я.

Он пожал плечами.

— А чего вы хотите? Разумеется: надо же собрать о человеке предварительную информацию, когда идёшь на контакт. Ну, чего вы расселись? Ступайте, ступайте с Богом! И не опаздывайте.

Домой я пришёл в растрёпанных чувствах. В церкви Михаила Архангела, где располагается Коломенский краеведческий, я вообще чувствую себя неуютно, поскольку главным образом работаю в филиале; но музей Боевой славы ненадолго закрыли на ремонт. А тут ещё эта история... В музей я так и не пришёл в себя — всё валилось из рук. Дома этот процесс продолжился. Живём мы на седьмом этаже типовой девятиэтажки на углу улиц товарища Крупского и Старо-Кирбатской.

После безвременной кончины матушки отец, или, как мы с Веркой называем его — Фатер, затосковал и запил. Но понемногу оклемался: образовалась у него подруга. В конце концов, Фатер окончательно к ней перебрался, и остались мы с Веркой в квартире одни... Верка старше, и она присматривает за мной и обихаживает меня.

«Ты инвалид умственного труда, — вздыхает она, — за тобой пригляд **231**

нужен». Вот и сегодня, когда я приполз домой, Верка вышла из ванной в моей рубашке (есть у неё манера донашивать мои старые сорочки), протирая свои светлые, как у Муттер, волосы. Замотав на голове тюрбан из полотенца, она сказала:

— Привет! На плите макароны с тушёнкой. Имеются в наличии и шти — будешь? Кудряш ты мой черноглазенький...

— Первое едят одни дураки, — мрачно ответил я и принялся за макароны. Не люблю, когда она называет меня черноглазеньким кудряшом и другими подобными именами. Хотя спорить трудно: очи мои действительно чёрные... И прекрасные.

— Чего такой кислый? — спросила сеструха, садясь рядом (она любит смотреть, как я ем).

— Да, понимаешь, какая-то делегация приезжает: то ли венгры, то ли не венгры, хрен поймёшь. Надо к восьми идти их встречать.

— Ни фигя себе! — красивые миндалевидные Веркины глаза вспыхнули искристой злостью. — Это когда ж ты домой вернёшься?!

— Совершенно непонятно! Там ещё фуршет предполагается, так что ты меня не жди, — солгал я.

— Какие ещё фуршеты на ночь глядя? Дурдом какой-то... — поверила Верка.

— Отказываться нельзя. Штучная работа требуется. Кроме меня, в общем-то, и некому взяться, — солидно заметил я, запивая макароны крепким горячим чаем.

Кузьмич меня, похоже, загипнотизировал. Несмотря на полный абсурд ситуации — тащиться на Дворянскую в опечатанный дом убитых старух, я еле дотерпел до начала восьмого: меня буквально трясло от непонятого возбуждения.

— Да не вибрируй ты так! — успокаивала меня Верка. — Что ты — венгров не водил, что ли? На вот, куртку возьми поплотнее: к вечеру уже холодает.

И на улице я мысленно поблагодарил сестру: действительно было холодно.

Но на перекрёстке Дворянской (ныне — Казакова) с улицей анафемы Ивашки Болотникова стоял какой-то особенный холод. Лампа в старом фонаре перегорела, и оттого мрак над разбитым перекрёстком сгустился. Он словно плыл зловещими слоями, окутывая облезлую башню монастыря, дурацкие ворота автошколы, мёртвый Дом на углу. И сквозь совковую разруху вылезали и клубились какие-то средневековые призраки, плохо различимые, бесформенные, но оттого не менее страшные.

Шалавая дворянка вылезла из-под ворот автошколы со своим придурочным гавканием, но, едва раскрыв пасть, вдруг заскулила и уехала обратно. Спрятанная в углу машина, кажется — «копейка», мигнула фарами, и из неё показался знакомый низенький силуэт.

— Добрый вечер, — тихо сказал подземник. — Вы хорошо сделали, что пришли. Идите за мной. Сейчас увидите кое-что и не пожалеете.

И мы пошли — но не к парадным воротам со стороны Казакова, а к забору по стороне анафемы Болотникова. Кузьмич отодвинул доску забора, и мы влезли в заросший и запущенный двор бывшей купеческой усадьбы. За спиной у нас были полуразвалившиеся службы, а прямо перед глазами — Заколдованный дом... Именно отсюда особенно ясно ощущалось дыхание классицизма в этом деревянном особняке, выстроенном на дворянский манер.

Над первым этажом возвышался мезонин в три окна, и в него слева со двора вела высокая крытая лестница. Но мы двинулись не к ней, а к двери в первый этаж.

— Они шли не через калитку, а отсюда, — пояснил подземник.

— Кто?

— Убийцы. Здесь есть энергетическая дыра.

Он повёл рукою — и мы прошли через дверь. Она даже не скрипнула — как будто мы вошли в глухой омут.

Чернота продолжалась недолго. Вспыхнул свет (это подземник повернул ручку старого выключателя), и я увидел, что мы стоим в гостиной посреди анфилады, составленной из нескольких проходных комнат.

— А нас не заметят снаружи?

— Не заметят, — успокоил меня Кузьмич. — Если и появится случайный прохожий — мы ему глаза отведём. Но это уж не ваша забота. Вы осматривайтесь.

В обветшалых комнатах чувствовался устойчивый старческий запах. Вконец выцветшие обои местами отклеивались, краска на когда-то белых и красивых распашных филёнчатых дверях потрескалась, медная фурнитура потемнела, потолок закоптился, а старый паркет вытерся донельзя и давно потерял всякий блеск.

Рядом с круглым столом, покрытым убогой клеёнкой, чернела засохшая лужа крови.

На полотне кафельной печи была грубо намалёвана кровью пентаграмма и число 666. Я смотрел на этот пошлый, в омерзительных потёках иероглиф со странным чувством. Какая-то фальшь висела в прокисшем воздухе, разбавленном железистым, похожим на ржавчину оттенком крови.

— Ну и что вы на это скажете? — поинтересовался подземник.

— Ложь.

— Что именно?

— Вот эта кровавая мазня. Кто-то хотел, чтобы думали, будто это преступление — дело рук сатанистов. На самом деле тот, кто это малевал, не ориентируется в чёрном оккультизме. Такое ощущение, что хотели создать впечатление, словно здесь орудовала банда идиотов-гопников. А это ведь совсем не так... Здесь что-то искали, но очень спокойно, методично, я бы сказал — интеллигентно искали. А потом для отвода глаз подкинули ментам очевидную версию. Дешёвый трюк.

Зелёные огоньки торжества мелькнули в глазах Василия Кузьмича, и он нехорошо ухмыльнулся.

— Я об этом догадывался! — с тихой радостью сказал подполковник Мазякин. — Вы только подтвердили мои подозрения. Здесь действительно побывали не эти, как вы изволили выразиться, «гопники», а совсем другие гости. Ну, теперь смотрите.

Он что-то сделал с моей головой. Во-первых, пощёлкал пальцами обеих лягушачьих рук у меня перед носом. А во-вторых, вознёс правую ладонь над моей макушкой. От всех этих манипуляций в глазах у меня помутилось, как у того матроса из песни, который «на палубу рухнул, сознания уж нет».

Какая-то тётка в длинном ситцевом платье мыла высокую крытую лестницу, ведущую со двора в мезонин. Тёмно-синяя ткань с мелкими розоватыми цветочками хорошо выделялась на её широком костистом заду. Тётка кряхтела, усердно замывая тряпкой каждую ступень, причём было заметно, что в стоящем рядом жестяном ведёрке имелся не шибко значительный, но заметный раствор хозяйственного мыла.

Спускаясь на очередную деревянную ступень, тётка оглянулась, и стало видно её неприятное лицо с длинным тонким носом и юркими вороватыми глазками. Волосы были прикрыты грязновато-белым, выцветшим, в синий горох платком.

Тётку звали Манькой. И совершенно непонятно, с чего это грязнуля Манька взялась за чистоту. Раньше она подобным рвением не отличалась.

— Это не то! — раздался раздражённый голос Василия Кузьмича. — Это совершенно не то! Куда вас занесло?! Это тридцатые годы! Именно тогда эта ваша Манька убила свою соседку из-за корысти и квартирного вопроса, вывезла на тележке её труп в сквер «Блюдечко», там закопала, а потом несколько дней драила лестницу, чтобы милицейские собаки следов не учуяли.

Я потрянул головой, словно просыпаясь от кошмарного сна.

— Какого чёрта! — зашипел я. — Почему это «моя» Манька?! Она уж скорее ваша, это ведь вы тут щёлкали пальцами у меня под носом! И почём вы знаете, что она из тридцатых? Это же офигенная туча времени!

Лет пятьдесят, наверное. Разве это «ретроспективное зрение», про которое вы мне талдычили, бьёт на такое расстояние?

Кузьмич тяжело вздохнул и тоскливо оглядел потолок с лепниной, белизна которого давно заменилась цветом старой мамонтовой кости. Потом взял второй венский стул, переставил его и сел напротив меня, опершись руками на спинку. Серо-зелёные глаза его были полны бесконечной усталости.

— Вообще-то вы правы, — вздохнул он, — ретроспективное зрение не беспредельно. Но мы с вами находимся в аномальной зоне — так называемой «кратовой яме». Это долго объяснять. Но если коротко, то в таких зонах пространство и время несколько искривляются. Поэтому могут возникать побочные эффекты, вроде того, что вы сейчас видели. Тут моя вина: я должен был предупредить вас заранее. Ладно, забудем.

Что касается того давешнего убийства, то мы, конечно же, провели некоторую архивную работу, навели справки. Действительно, была Манька. Против её ожидания, она попала под взор милиции, была разоблачена, созналась и потом на «Блюдечке» показывала место, где скрыла тело соседки.

Но сейчас речь не об этом.

Слушайте, Рома, я вас прошу: сосредоточьтесь на ближайших событиях. Вы не против? Давайте продолжим.

Мелькнула ослепительная картина. В озарённой ярким весенним солнцем зале сидела юная гимнастка в тёмно-зелёном платье и чёрном переднике. Солнце играло на её персиковой коже, косах и белых бантах. Она прилежно читала какую-то книгу, а на столе перед нею стояла чайная чашка, и лёгкий пар поднимался над тончайшим фарфором.

Но я отогнал это видение, как перелистывают страницу в альбоме или книге. А то, что я увидел на следующей странице, наполнило мою душу мраком ужаса и безысходности.

Кто-то в чёрном, какой-то демон в форме, похожей на армейскую, бледный, как смерть, замахивался рукой в чёрной кожаной перчатке. Чёрные зрачки его выделялись на фоне белков с прожилками, такими красными, что казалось — они вот-вот лопнут. Он бил по щекам старуху, похожую на жабу. Грязно-серые волосы её разметались, пряди прилипли к мокрому лбу, из глаз лились слёзы.

В углу ещё двое «десантников» били кого-то ногами, обутыми в тяжёлые армейские ботинки.

Демон продолжал мерно осыпать старуху пощёчинами, то и дело выплёвывая тонким ртом:

— Где зелёный камень?! Где зелёный камень?!

— Кахой хамень?.. — хрипела та в безумном ужасе. — Я не зна-а-а...

Чернота кончилась.

Мы сидели одни в пустой комнате друг против друга, между нами на полу темнела засохшая лужа крови, а над нами горела неяркая лампочка под старым пыльным абажуром с бахромой, озаряя убогий старушечий быт.

У стены с печью, той самой, испачканной кровавыми каракулями, сто-

ял буфет сталинских времён. Одна створка его была приоткрыта, и оттуда выглядывала дешёвая посуда. На подоконниках засыхали герани. В углу пыльно отсвечивала поблёкшая литографическая икона, перед ней висела лампадка, которую давно не зажигали. В другом углу виднелся небольшой стол с швейной машинкой, вязаньем и пластмассовыми коробками.

Подземник смотрел сквозь меня, даже скорее — в глубь самого себя. Кожа на его левом виске время от времени подёргивалась.

Наконец Кузьмич увидел меня.

— Значит, он действительно существует... Вопрос только в том, нашли они его или нет.

— Что существует? Камень? Что это за штука?

Подполковник пожал плечами.

— Ну... По рассказам, это такой артефакт: полудрагоценная овальная стекляшка, три-четыре сантиметра в длину, бледно-зелёного цвета, с прожилками в виде трещинок.

— И эта стекляшка стоит того, чтобы ради неё убить двух человек?

Лицо подземника исказила неприятная усмешка.

— Она стоит того, чтобы убить двести человек. Скажу больше: если ради того, чтобы передать эту реликвию моей конторе, потребуется моя жизнь — я отдам её, не колеблясь ни секунды. Вопрос не в этом. Вопрос — здесь ли эта вещь или её уже украли?

Он встал и прошёлся по комнате, оглядываясь по сторонам. Подошёл к буфету. Выдвинул ящики, погромел столовыми приборами, задвинул обратно.

Я тоже поднялся и направился к столу со швейной машинкой, расписанной тонкими узорами по чёрному фону. Меня заинтересовали коробки. С детства люблю всякие маленькие блестящие и занятные штучки. Но на сей раз я глядел на этот стол с тяжёлым чувством. Вязанье, лежащее сверху, хранило дыхание старухи, и, сдвигая шерсть и спицы, я словно почувствовал прикосновение её жабьей руки, отчего плечи мои рефлекторно передёрнулись.

Однако, несмотря на внезапную брезгливость, я принялся рассматривать содержимое коробок. Там лежало множество пуговиц, иголок, напёрстков, деревянные штопальные грибки, катушки с нитками и без оных...

Вдруг я почувствовал в пальцах какое-то странное покалывание и достал моток чёрных ниток. Из плотного кокона выглядывало что-то блестящее, с зелёной искрой.

— Василий Кузьмич... — прохрипел я не своим голосом.

Подземник метнулся ко мне и уже через мгновение сдирал нитки трясущимися пальцами.

— Это он! — прошептал мой гоблин, и в голосе его чувствовался благоговейный ужас и восторг.

Вдруг в прихожей раздался какой-то шорох.

— Ложись! — заорал Кузьмич.левой рукой, в которой был накрепко зажат камень, он толкнул меня на пол, а правой в это же время выхватил оружие из плечевой кобуры.

Раздались три сухих щелчка: из пистолета подземника вылетели три молнии и ударили в полуоткрытую дверь. Оттуда тоже раздались щелчки,

и вокруг нас запрыгали какие-то непонятные маленькие огненные шары. Воздух звенел от напряжения, наполненный жутким треском и вспышками разрядов. Один из шаров лопнул прямо передо мной, отчего волосы мои поднялись дыбом.

Но Кузьмич сделал ещё два выстрела. Из-за двери раздался сдавленный вопль. Потом последовал шорох и топот, как будто кого-то спешно тащили прочь.

— За мной! — сухо и резко скомандовал подземник. Мы подбежали к мёртвой прихожей. Мой спутник повернул ручку выключателя, и нас окутала тьма.

Машина ехала по Старо-Кирбатской по направлению к улице товарища Крупского, и меня всего трясло — не столько от движения, сколько от страха. Кузьмич затормозил и достал из внутреннего кармана пиджака серебряную плоскую фляжку. Отвинтил крышку и подал мне. Запахло дорогим коньяком.

— Пейте.

Я выпил половину фляжки, даже не вздрогнув, как будто это был не коньяк, а чай.

— Вере ничего не рассказывайте. Придумайте что-нибудь. Сейчас меня ни о чём не спрашивают: времени нет. Приходите завтра в обед в сквер, я всё объясню.

Окружающее страшно изменилось. Вроде и сквер был тот же, всё так же нежно шептали сентябреющей листвой тополя, по-прежнему сновали автобусы и люди у Ямской башни. Но я не мог избавиться от ощущения, что вся эта прозрачная осенняя идиллия — только внешний покров над какой-то, хрен её знает какой, глубиной; и там, в этой глубине, в этой пропасти, таится и возится, и дышит непонятная и страшноватая жизнь.

Он сидел на той же лавке как неопровержимое свидетельство этой сокрытой жизни, до ужаса реальный, как бородавка на носу.

Я подошёл к Мазякину, который этим сияющим осенним утром выглядел как-то особенно помято и неприкаянно. Мне тоже было хреново: косная «отсиженность» сковывала всё тело. Я молча и неуклюже уселся рядом с подземным мастером.

Кузьмич тоже не поздоровался и так же молча придвинул ко мне плотную чёрную сумку с растёгнутой молнией. Я заглянул в сумку. Она была набита консервами: немецкими и французскими паштетами, несколькими кусками импортной колбасы, импортного сыра; к тому же в середине торчала бутылка «Метаксы».

Глаза мои полезли на лоб.

— Это что?! Это за что?!

Подземник досадливо отмахнулся:

— Да ладно вам. Это так, мелочь: ведомственный паёк. На фоне «перестройки» вас ждёт тотальный дефицит, так что продуктовые наборы будут нелишними. Вот, возьмите ещё.

И он сунул мне в руку помятый конверт. Я заглянул — в конверте лилово переливалась толстая пачка двадцатипятирублёвок в банковской упаковке.

— Вы что, офонарели?! Такие деньжищи...

Подполковник глянул строго и несколько раздражённо:

— Бросьте вы юродствовать, бросьте. И уберите деньги, нечего тут купюрами отсвечивать. По сравнению с тем, что вы для нас сделали, это просто символическая подачка, аванс, так сказать. Помните, что я сказал о Камне этой ночью? Поверьте: я ни слова не преувеличил, даже, скорее, преуменьшил.

— Чёрт возьми! Да что это за камень такой?!

Василий Кузьмич устало откинулся на спинку сиденья и посмотрел в нежно-голубое осеннее небо. Там кружились, отблёскивая серебром, несколько белых голубей.

— Видите ли, Рабинович, мы сами пока не вполне ясно представляем себе структуру этого объекта... Он энергетически очень мощен. Настолько мощен, что способен, пусть и совсем узко, точечно, изменять время. Если достаточно долго всматриваться в него, то можно виртуально путешествовать в прошлое. Это не иллюзия, понимаете? Ты видишь реальные вещи или события, которые происходили, например, триста или четыреста лет назад. Правда, этот артефакт опасен. Опасен! Если глядеть в него слишком долго (а оторваться от созерцания почти невозможно), то человек получает необратимые изменения психики. Сходит с ума, проще говоря. Поэтому с Камнем всегда работали не меньше трёх человек. Один визионировал, а двое следили за визионером, чтобы тот не спятил.

Кузьмич повернулся ко мне, и я обратил внимание, что его гоблинские черты уже не так бросаются в глаза и что он по-своему даже симпатичен, хотя не красавец, конечно. Подполковник, похоже, понял меня и ухмыльнулся.

— Бытовала даже легенда, что одно время Камень принадлежал Ивану Грозному: был вставлен в его империй, царский жезл. Говорили, что царь потому и сбрендил, что слишком часто и долго смотрел в Камень. Однажды так засмотрелся, что возьми да и трахни империем об пол; с тех пор в Камне и образовались эти световые трещины. Сказки, конечно, сумеречный бред наших гоблинских бабок... Но само их появление характерно: отчего-то многие странные и жуткие явления ассоциируются в коломенских краях с фигурой этого полоумного самодержца.

— Но если эта штука такая ценная, то как этот ваш артефакт оказался на Дворянской? И кто убил этих старух, а потом стрелял в нас?

Кожа на виске у подземника снова дёрнулась.

— Вам, Роман, нужно запомнить одну вещь. Подземные мастера — цивилизованный крещёный народ. Да, да, не изумляйтесь — крещёный. Но есть одна ветвь, остающаяся... своего рода троглодитами. Они до сих пор поклоняются тёмным силам и практикуют кровавые жертвоприношения. Мы с ними боремся, но полностью искоренить эту язву не получается. Так вот: для «тёмных» этот кристалл был очень важен, он подпитывал их квазирелигию, их примитивный магизм. И когда сто лет назад Камень пропал, решили, что он захвачен «тёмными». Но, в конце концов, стало понятно, что это не так. Неясными до сих пор путями Камень оказался в семье, жившей на Дворянской. Семья эта, конечно же, выродилась: видать, полюбовались Камушком... Остались только две эти ведьмы, связанные дальним свойством с потомками вымершего рода.

И тут мы заметили странную возню вокруг Заколдованного дома... А уж когда произошло убийство и одновременно с ним активировалась

«кротовая нора», стало ясно, откуда уши растут. И мы решили обратиться к вам. Оставалась слабая надежда, что старухи не представляли, чем владеют, а значит, и не смогли бы они отдать то, о чём не имеют понятия.

И нам повезло! Благодаря вашему дару и вашей интуиции Камень нашёлся. Но я подозревал, что людоеды следят за ситуацией. И оказался прав! Они пришли за нами из «кротовой норы»...

— Почему из норы?

— Дверь-то была закрыта и опечатана. Помните, вы давеча спросили меня, как мы попадём на место? Но мы вошли не через дверь, а через энергетическую дыру, через «кротовую яму», откуда пришли и убийцы.

— И начали в нас палить из этих штук...

— Из огнемётов. Так мы их называем для краткости. Они, конечно, не похожи на ваши огнемёты. Это что-то вроде ваших автоматических пистолетов, только стреляют они сжатыми шаровыми молниями. Очень эффективное оружие: действует практически бесшумно и почти не оставляет следов. Дальность, правда, совсем невелика, но в ближнем бою эти железки незаменимы.

Нам повезло, что мы остались живы. Это потому, что я начал бить первым, а они втроём столпились в прихожей и мешали друг другу. Одного я шарахнул; он отключился надолго, если не навсегда.

— Огнемёт сейчас с вами?

— Как и всегда. Иначе убьют.

Он говорил о нашей возможной смерти так буднично, что у меня холодок пробежал по спине.

— И много в Коломне этих «кротовых нор»?

— Достаточно. Я их со временем вам покажу... конечно, если вы согласитесь сотрудничать с нами.

— Я?!

— Ну да. Мы очень заинтересованы в таком сотрудничестве. Соглашайтесь, право. Оклад хороший, паёк, опять же премиальные за удачную операцию... Пенсия приличная. И главное — работа интересная. Нет, не подумайте, никто вас силком не тащит. Но тут ведь такая история... Откровенно говоря, практически у вас нет выбора.

— Как это?

— Да ведь, я чай, «тёмные» взяли вас в разработку. Не думаю, что они отстанут. Как ни гляди, а прикрытие вам нужно... И кто его обеспечит, кроме нас?

Я онемел. С одной стороны — сумка, набитая продуктами, и толстая пачка денег в кармане. С другой — реальная опасность получить шаровую молнию в затылок... Или в лоб — какая, в сущности, разница? Опять же, как всё это объяснить близким, особенно Верке? Она же с ума сойдёт, вот что...

— Никому ничего объяснять не нужно, — солидно заметил Кузьмич. — Если вы согласитесь, я сам всё объясню вашей сестре. Уверяю вас: она поймёт. Женщины очень практичный народ, знаете ли. И на работе я всё улажу: вы там останетесь на полставки. Подумайте, взвесьте всё, не торопясь, а завтра я загляну к вам на огонёк в Михаила Архангела.

Электронные часы на колокольне Иоанна Богослова квакнули один раз. Был час дня; я опаздывал на работу.

— Идите, идите! — сказал Кузьмич, весело подмигивая. — Вере не забудьте привет передать от венгерской делегации.

И я поплёлся мимо чахлого сквера с его золотистыми поредевшими кронами, мимо торговых рядов в тёмный подземный переход. А когда поднимался наверх, в толчею народа и свежий осенний ветерок, спиной почувствовал чей-то взгляд. Оглянулся как бы невзначай и заметил тёмную тень, скрывающуюся слева — за Домом Эйнера.

Похоже, за мной следили.

Я ускорил шаг, направившись вместе с другими прохожими к трамвайной остановке «Ямская слобода». Вскочил в дребезжащий трамвай и плюхнулся на раздолбанное сиденье. В висках стучало. До музея была всего одна остановка. Я глянул в окно, но увидел не старинные дома Поповской улицы с их обшарпанным ампиром, а пустую комнату, невнятно озарённую лампочкой сквозь пыльный абажур, и зелёный проблеск в руке — живой, словно змеиный глаз...

Прошёл месяц.

Ремонт моего родного Музея Боевой славы наконец завершился, и я торжественно переехал из Михаила Архангела в храм Петра и Павла, где и располагался МБС — место моей основной работы.

Бывшая церковь стояла в Мемориальном парке. Собственно, никакой это не парк, а Петропавловское кладбище. Сегодня разглядеть прежний некрополь, конечно, затруднительно. Надгробия в начале 70-х снесли грейдером, сверху асфальтовыми дорожками выложили огромный пентакль через всё кладбище, а в центре этой звезды поставили гранитный монумент с квадратной солдатской Головой, а перед нею зажгли Вечный огонь.

Но я любил гулять по этому городу мёртвых и грезить... И видел я чёрные надгробия в виде мраморных саркофагов с торжественными золотыми надписями, заплаканных беломраморных ангелов с обломанными крыльями, узорные чугунные кресты, кованые ограды, вросшие в кору вековых деревьев... Но видения пропадали, и я внезапно возвращался в своё время, стоя посреди волнистой земли заброшенного кладбища, и понуро шёл в церковь, где раньше был спортзал, а потом устроили музей.

С Мазякиным мы почти не встречались. Он однажды зашёл к нам домой, пошептался с Веркой и как-то её загипнотизировал. Во всяком случае, она стала обращаться со мной уважительнее. И в очах её поселилась тревога, неясная, но настолько ошутимая, что из них даже исчезли остатки скорби по поводу разбитого сердца и разрыва помолвки с очередным женихом-неудачником (собрание осколков своего разбитого сердца — любимый спорт моей Верки).

На работу ко мне подполковник не заглядывал. О переводе на половинную ставку речи пока не заходило. Похоже, мои друзья-подземники чего-то выжидали...

Алдр замучил меня своими звонками. Чтобы отвязаться, зашёл я к нему, в отделение на Астраханке; там, в сером казённом кабинете, он мне показывал фотографии с места преступления и полчаса терзал нудными расспросами, так что я чуть не рассказал ему про гоблинов-троглодитов. Но потом воздержался. Я ведь Сашку знаю — из самых лучших побуждений он отправил бы меня в психушку, а мне туда вовсе не хотелось.

Выйдя из ментовки, я в очередной раз заметил слежку. Прав оказался Кузьмич: в покое меня не оставили. Видно, что-то хотели узнать эти товарищи людоеды, уж не знаю, что... Подземные мастера тоже не дремали. Ко мне приставили охрану, среди которой особенно выделялся Петя Кирдяпкин. Был ещё Коля Самошкин, но Петя появлялся особенно часто, так что мы даже подружились. Петя был старшим лейтенантом подземной жандармерии, на гоблина он совсем не походил, разве что росту был невеликого. Крепыш-боровичок с круглой румяной физиогномией и широкой улыбкой, он обычно появлялся перед закрытием, когда я отпускал смотрительницу Веру Павловну и собирался сдавать музей на пульт под охрану, а потом Петя провожал меня домой.

Частенько мы задерживались под предлогом готовящейся реэкспозиции и вели задушевные беседы. Сидели мы в бывшем алтаре бывшей трапезной: на столе появлялась бутылка «Московской особой», Петя аккуратно нарезал колбасный сыр, и мы начинали свои разговоры.

Вот последний из них.

— Слушайте, Петюня, почему вы до сих пор ведёте конспиративное существование? В смысле, не вы лично, а ваш народ, подземники? Я вот гляжу на вас и не могу отличить от наших. И при том, что вы прекрасно адаптированы и знаете все детали нашего быта, вы в то же время тихаритесь так, что о вас ничего не известно. Перебирались бы сюда?

— Это невозможно, Рома. Проникновение параллельного пространства чрезвычайно опасно, это может вызывать необратимые физические изменения.

— Какие, например?

— Да хоть землетрясение! Р-раз — и алтарный свод падает нам на голову! Оно вам надо? Будьте здоровы!

Закусили ломтиками сыра. Помолчали.

— Но вы-то здесь присутствуете. А никаких геологических сдвигов вроде бы не происходит.

Петя лучезарно улыбнулся:

— А это потому, что наше присутствие минимально. Но если сюда хлынет орда людоедов, мало не покажется. Ведь Камень нужен был темникам не для виртуальных путешествий. Они собирались использовать его энергию для тотального проникновения. Тогда вся Коломна превратилась бы в одну сплошную «кратовую нору». Наша миссия в том и состоит, чтобы держать границу. К тому же есть ещё одно препятствие к общению наших народов... Мы очень разные. Как неандертальцы и кроманьонцы, а может, и ещё круче. Поймите, Рома: подземники — не люди.

Петя наполнил стопки, лихо опрокинул свою и по-хозяйски огляделся.

— Когда-то мы царствовали на этих просторах! Но люди нас вывели... Пришлось прятаться в параллельный мир и под землю. Так что среди нас немного найдётся тех, кто хотел бы сюда вернуться. Там, у нас, гораздо комфортнее. Позднее вы это поймёте. Хотя... Вряд ли нам суждено до конца понять друг друга. Мне, например, очень странно видеть, как вы гуляете по Мемориальному парку вокруг МБС, вытаращив глаза и ничего вокруг не замечая.

— Ну, это совсем нехарактерно для представителей моей расы!

— Зато что-то другое характерно. У каждого — своя харизма. А в результате получается человечество. Ну, а мы воспринимаем мир несколько иначе. И мир у нас совсем другой.

— Получается, вы сами себя загнали в гетто.
— А что в этом плохого? Все живы, никто никому не мешает!
Петя разлил ещё раз; выпили, вздохнули.
И тут раздался звонок.

В телефонной трубке зашуршал негромкий мазякинский голос:
— Роман, добрый вечер. Я стою у бокового входа в храм. Откройте мне, пожалуйста.

Я пошёл открывать, а Петя быстро убрал со стола.

На фоне темнеющего коломенского неба нарисовался приземистый силуэт подполковника. Кузьмич коротко кивнул, протиснулся внутрь и тут же затворил за собой дверь. Мы прошли в кабинет мимо диорамы, изображающей бой противотанкового расчёта. В кабинете подземник принюхался и сказал мрачно и коротко:

— Наливайте!

Выпил, не закусывая, поставил стопку на стол:

— Ещё!

Потом глянул жёстко и без всяких сантиментов.

— Вот что, Рабинович. Настал некий момент истины. Сейчас на кладбище вас ожидают трое темников. По всему видно, что есть у них намерение вас похитить и допросить с пристрастием. О чём они собираются с вами беседовать, не так важно. Гораздо важнее, что нам это не нравится. Мы устроили контрзасаду. Сделаем так. Сейчас я выйду через боковой вход. Вы сдадите музей на пульт и вместе с Кирдяпкиным выйдете через главный вход и закроете музей. Не думаю, что они начнут прямо у дверей. Вам позволят немного отойти и нападут именно тогда. И тут вступим мы.

— Ну, знаете ли! Работать наживкой... — прохрипел я.

Мазякин поморщился.

— Да не тряситесь вы! Если они начнут стрелять, то не в вас, а в Кирдяпкина.

— Но Петю могут убить...

— Нас всех могут убить, — сухо ответил он. — Работа такая. Выпускайте!

На ватных ногах я проводил его к служебной двери. Потом позвонил на пульт, втайне надеясь, что будут помехи. Но, как назло, никаких препятствий не было, и музей сдался сразу. Пришлось идти к выходу. Растворилась тяжёлая дверь... Было тихо, так что уши ломило. Петя уже не улыбался: он был напряжён, как сжатая пружина. И пока я возился с ключами, он прикрывал меня, глядя в вечернюю тьму.

— Пошли... — тихо сказал юный подземник. И мы отправились по Аллее Героев, под безжизненными взглядами бронзовых бюстов.

И тут слева послышался невнятный шорох.

А затем тут же защёлкали огнемёты, и целый фейерверк огненных шаров заметался среди кладбищенских деревьев-великанов. Петя схватил меня своими ручищами и деликатно повалил на асфальт, а над нашими головами сшибались и лопались молнии. Запахло озоном.

Вдруг всё оборвалось.

— Ну, чего разлеглись? Вставайте, идите сюда! — раздался сварливый голос Василия Кузьмича.

Кряхтя, мы поднялись с асфальта и продрались сквозь кусты зелёной изгороди. Я вытер со лба холодный пот. В глубине виднелся с десяток силуэтов. Ближе всех был Кузьмич. Он стоял неподвижно, глядя на землю. Там лежали два трупа. Один, в армейской экипировке, раскинул руки, рядом поблёскивал выпавший огнёмёт; другой, в тёмном прорезиненном плаще, лежал, скорчившись... В мёртвом лице «десантника» было что-то звериное, как у дохлого леопарда.

Меня всего трясло. Руки у Петюни тоже подрагивали.

Начал накрапывать мелкий дождь.

Подполковник сунул мне в руки заветную фляжку, и я одним духом выпил половину. Другую половину допил Петюня.

— Где третий? — бросил в темноту старший подземник.

— Лежит метрах в тридцати отсюда, — ответили из мрака. — Пытался уйти, но мы его достали.

Подземник обернулся ко мне.

— Поздравляю вас, Роман. Не думаю, что впредь темники будут вас беспокоить. Самошкин! Помогите Кирдяпкину доставить Рабиновича домой.

— Слушаюсь!

И пока Коля двигался к нам, Мазякин приказал остальным:

— Закопайте их здесь же. И тщательно всё замаскируйте! Да, и запахи, запахи нивелируйте, чтобы собак и собачников не беспокоить...

В общем, всё наладилось. Наступил ноябрь, но, несмотря на мерзкую погоду, от которой только одно и хочется — устраивать октябрьские революции — настроение у меня было весёлое. Слежка пропала.

Мазякин однажды зашёл в МБС под вечер и торжественно, перед диорамой противотанкового расчёта вручил мне блестящее красное удостоверение. На бланке рядом с моей испуганной физиогномией было написано, что я — младший лейтенант службы госбезопасности, научный консультант-эксперт. Правда, никого консультировать пока не приходилось. Вероятно — всё в будущем. Подполковник приказал удостоверение надёжно спрятать и никому не показывать.

Подземники больше не появлялись. Изредка заглядывал Петюня. Мы с ним весело перемигивались, он заставлял меня расписаться на помятом бланке и вручал аванс или зарплату, которые превышали мой музейный оклад раз в пять.

Короче говоря, жизнь налаживается. Одно плохо. Я теперь не могу гулять по Мемориальному парку и визионировать, как прежде... А всё потому, что созерцаю уже не романтические картины заброшенного кладбища, а лишь одно и то же: сырую мглу, дробящиеся в сплетениях древесных крон лампы дневного света и пару страшных чёрных трупов под мелким осенним дождём.

Зарубежный
поход

Графика Василины Королёвой

Иван Иванович Лажечников родился в Коломне в 1790 году.

Во многих произведениях он обращается к Коломне. Здесь воспитывался главный герой «Последнего Новика». Упоминается Коломна и в «Ледяном доме», и в «Басурмане». Живой образ города возникает и в других его (особенно автобиографических) произведениях.

Скончался И. И. Лажечников в 1869 году, похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище.

Коломенцы хранят память о земляке: его именем названа первая общественная библиотека, основанная в 1899 году, и одна из улиц Коломенского кремля; отреставрирован дом, где жил писатель.

Исторические записки
(Продолжение, начало в № 16, 2012 г.)

Мы продолжаем републикацию книги Ивана Ивановича Лажечникова «Походные записки русского офицера», издававшиеся лишь дважды — в 1820 и 1836 годах. На очереди дневниковые записи 1823 и 1814 годов, сделанные прапорщиком, а затем подпоручиком Московского гренадерского полка Лажечниковым, адъютантом генерал-лейтенанта принца Карла Макленбургского, а затем (с 14 апреля 1814 года) генерал-майора Полуэктова.

И. И. Лажечников

ПОХОДНЫЕ ЗАПИСКИ РУССКОГО ОФИЦЕРА

1813 год

м. Мереч, 1 января

Наступил новый год. Сколько слёз, сколько благословений сопровождали старый в бурном его течении! Какою же данью почтят славный его конец? Приношением сердечной благодарности к престолу Вечного, испытывшего умы и душу России в горниле несчастья и поставившего её потом во всём блеске на неколебимую высоту: да пройдут мимо века, и час разрушения миров застанет её не изменившеюся в величии своём. М о н а р х России первый показал пример сей благодарности. В маленьком местечке Мереч на берегу Немана повелитель народов и вождь победоносных его войск в сердечном умилении слагали земное величие у подножия царя царей и славу протекшего года приносили ему в дань: Богом дарованное Богу возвращали!

Всевышнему угодно было неизвестное местечко, бедный, смиренный храм избрать местом торжества своего могущества и благодати для того, чтобы яснее показать всю тщету человеческого величия. Началось моление, исчезли титулы, земные отличия забвенны, и человек предстал пред лицом Творца своего в ничтожестве смертного. Мрачная картина прошедшего представилась его взорам: пожары, плен, болезни, самая смерть в бесчисленных видах явились пред него со всеми ужасами прошедшей войны; он увидел себя в братьях своих, изнемогших под бременем нужд и страданий; он узрел себя в тысячах остовов, по снегам разбросанных, и с чувством уничижения, со слезами благодарности обратился ко Всеблагому, вынесшему его из среды сих бедствий. Молитва нынешнего дня есть трогательное раскаяние тех, которые в слепоте своей не постигли руки промысла, и чистая, сердечная дань сынов, верных её определениям.

Я встретил новый год в глухую полночь на жесточайшем морозе среди улиц бедного Мереча. Главная квартира насили в нём умещалась. Ни одного уголка, где преклонить и согреть бы замёрзшие члены мои! Я точно походил на странствующего рыцаря печального образа. Санчо Панса мой считал на небе ясные звёзды, а мои Россинанты уныло смотрели на голую снежную равнину. Не знаю, что было бы со мною, если бы конногвардейский вахмистр, при светлейшем находящийся, не отворил мне двери своего сердца и бедной своей хижины. Входя в неё, я думал, что вступаю в храм, гостеприимству посвящённый. Русский солдат угощал от души русского офицера. Чайник закипел, и я, казалось, принял новую жизнь. Мой Санчо Панса и лошади мои не были забыты. Тёплый угол для меня расчищен, постелена свежая солома и положена подушка, взятая хозяином от собственного изголовья. Я бросился на роскошную сию постель и, слушая солдат, рассказывающих о доброте души светлейшего и о любви их к нему, заснул слаще всякого Лукулла. Поутру хотел было я в знак благодарности сунуть безделицу в руку доброго вахмистра, но он ничего не принял, считая обидою платёж за гостеприимство.

м. Лик, 9 января

Царства как бы от сна пробуждаются. Северная владычица указывает им на своё величие — и Пруссия, одушевлённая славным её примером, первая дружелюбно протягивает руку России и молит её: да соединясь твёрдым единомыслием, сокрушат они колосс честолюбия, обогранный кровию миллионов людей, и на развалинах его да воздвигнут мирным добродетелям храм, который небесами сохранится для будущих веков. Какой народ не любит восстановления своего имени? какой пленник, оковами отягчённый, не восхищается надеждою свободы? Велик народ, в трудной борьбе с неровными силами сохранивший всю славу своего имени, почтен и тот, который, потеряв сие имя в бурю политических обстоятельств, при первой благоприятной возможности спешит ополчиться всеми силами и средствами своими для восстановления его. Справедливый историк нынешних времён возвестит потомству, что Россия первая указала царям и царствам путь к свободе и славе, что Пруссия первая смело шагнула на пути сём и посмеялась игу, которым отягчена была вместе с половиною

Европы. Уже граждане и воины прусские единогласно кричат: «Мир с русскими, война французам!» Уже король желанием своим спешит, кажется, навстречу требованиям войска и народа.

Мы идём теперь то Польшею, то Пруссиию. Жители последней принимают нас, как давно жданных друзей. Г о с у д а р ь не успел ступить на границу Пруссии и приобрёл уже искреннюю любовь здешних жителей. В городах почтенные инвалиды приветствуют его от души громким «ура!», граждане называют его своим избавителем, а прекрасные женщины усыпают цветами путь скромного победителя. В деревнях без боязни толпятся около него добродушные поселяне и сопровождают его своими благословениями. В проезд и м п е р а т о р а через прусскую деревню один девяностолетний старик, смотря на него, залился слезами. «О чём плачешь ты?» — спросили его русские офицеры. «Плачу от радости! — отвечал он. — Кто видел великого Фридерика под Цорндорфом, когда он вёл наш Лихновский полк к победе, и кто видел великого А л е к с а н д р а , напоминающего нам, что мы пруссаки, тот может умереть с удовольствием». Через день старик слёг в самом деле в постелю и (так рассказывали идущие за нами) умер вскоре, как померкает тихая заря вечера, сопровождая солнце в величественном его течении.

Перейдите рубеж, разделяющий Польшу с Пруссиию, и новая приятная картина представится вашим глазам. Там много даёт природа, здесь природа не скупее, но трудолюбие умеет к щедротам её примешивать свои награды. Мы простились уже, кажется, с ужасными лесами, в таинственном мраке которых терялись, подобно древним друидам, простились и со степями, на которых утомлённый взор насилу находит бедную деревеньку. Здесь, напротив, мало лесов, и те, которые растут, можно назвать не иначе как только рощицами. Поля же так населены, что на каждых двух верстах встречаешь прекрасные деревни. Почти в каждой из них найдёте трактир, хотя не богатый, но в котором можно иметь кофе, хорошее масло с белым хлебом и порядочные bratwurst, сосиски. Каждый трактир имеет свою вывеску, украшенную разного рода животными и знаками, которыми небеса, земля и воды изобилуют. Очень часто осёл на вывеске заманивает вас к своему обладателю парой стихов с богатыми рифмами, которые могли бы украсить поэмы новых Тредьяковских. Вы видите, что и здесь есть учёные между четвероногими. Деревенские дома окружены садами и выглядывают из них только белыми трубами своими. Внутренность их совсем не похожа на внутренность польских хат. Какая в них чистота, какой порядок! Изба просторная, очаг в ней выбеленный, посуда поставлена в большом порядке, в нескольких рядах за прибитыми к стене дощечками, составляющими род открытого шкапа, вся кухня в особенном сбережении. Я не нахожу ничего лучше (разумеется, для езды солдатской, а не путешественника) здешней езды на крестьянских высоких и огромных телегах, на которых стелется военная постель — солома. Их везёт доброй рысью большая, могучая пара лошадей, заменяющая вам шесть или более кляч польских.

247

ПОХОДНЫЕ ЗАПИСКИ РУССКОГО ОФИЦЕРА

Иогансбург, января

Небольшое местечко! Сейчас угадаешь по чистоте, по выбеленным домам с крышками из черепицы, что местечко это принадлежит пруссакам.

Новые нравы, новые обычаи, и, признаюсь, в пользу немцев! Я стою теперь у ремесленника. Дом разделён на две половины: в одной мастерская и кухня, в другой — гостиная и спальня нежных супругов. Внутренность последних убрана хорошею мебелью. Ничто не блестит в них, но всякая вещь нравится глазам — потому что всякая вещь на своём месте, каждая безделица показывает искусство, трудолюбие и порядок. На стене висят часы, напоминающие обитателям дома о времени работы и отдохновения. У дверей скромный клавесин и ожидает, чтобы прелестные пальчики хозяйки дали ему жизнь и душу. На окошках в глиняных вазах цветут резеда и гвоздика, в уединённом углу комнаты отдёргиваю маленькую зелёную занавесь и нахожу Библию, молитвенник Геснера и Гёте. На стенах висят картины, представляющие разные черты из жизни любимого короля прусского. Там великий Фридерик с пронизательными взорами, с длинною косою за плечами на бешеном коне развезжает по полям Росбаха и дарит заранее полки свои победою. Здесь видите, как неприятельский пандур прицелился в него, но приметив, что король хладнокровно грозитя на него своею тростью, он опускает ружьё и становится неподвижным от страха. Вот и прелестная королева Луиза: она улыбается вам улыбкою ангела. Тут не забыт и Суворов наш, переходящий Чёртов мост. Не удивляюсь, находя образ его в почтении у чужеземцев. Великие люди принадлежат всем векам и народам!

Не требуйте к себе хозяина дома. Он сидит в своей мастерской и не беспокоится ни о чём, как о работе своей. Нахлобучив колпак на голову, в кожаном своём фартуке, не выпуская трубки изо рта, протягивая иногда руку к огромному стакану пива, перед ним неизменно стоящему, флегматически распевая любимую песенку, он в определённые часы трудов глух, слеп и нем для всякого постороннего. Поработаю несколько времени больше обыкновенного, — думает русский, — и заготовлю хлебосольцам моим более мяса, мёду и браги! Лишний час труда, — говорит немец, — и лишнее украшение в моей комнате! Но вот дочь хозяина, миловидная немочка в белом платьице, завешенном чёрным тафтяным передником. Нужен ли вам кофе? — и прелестная подаёт вам его с белым прекрасным хлебом. Настаёт ли час обеда? — и та же красавица поспевает на кухню, помогает матери в стряпанье, накрывает на стол, снова сбегает на кухню, в погреб и потом без суеты, без рассеянности угостит вас как нельзя лучше. Она же после обеда сыграет вам на клавесине отзывную тирольскую песню или какой-нибудь приятный вальс, потом сядет за рукоделье или побеседует с героями любимых её романистов, Коцебу и Лафонтена, а вечером — готова на бал!

Вот каковы дочери немецких ремесленников! Вы удивляетесь? Но последуйте за мною на бал, который даёт принц Мекленбургский Карл прекрасному полу Иогансбурга, и вы принесёте новую дань удивления к ногам милых немочек. Здесь не рассылают просительных билетов, не нужно мучить толпу слуг для раздачи их по домам, но довольно двух, трёх уведомительных слов бургомистру, довольно сказать: русские офицеры просят город на бал, — и неприхотливое общество города у вас на вечеринке в назначенный вами час. Почтенные семейства ландрата и бургомистра, пасторские дочери, дочери здешних купцов и ремесленников, две, три девушки из уезда с матерями своими или родственницами составляют не блестящее, но приятное общество сие. Все так пристойно, с таким вкусом одеты, так ловко танцуют, так умно вас занимают, что вы забудетесь и станете мечтать, что находитесь в

порядочном кругу московском. Некоторые из девушек, принадлежащие к семействам начальников уезда и города, говорят очень хорошо по-французски¹. Но что вообразите вы о дочери какого-нибудь седельника или портного, когда русский генерал в нескольких звёздах поднимет её на танец? Вы думаете, что она оторопела, смешалась от застенчивости, не знает, что делать, что сказать ему? Напротив, она сама заводит с ним разговор, находит случай изъяснить ему свою благодарность, влетает туда же какую-нибудь милую похвалу героям Севера, умеющим побеждать и веселиться, и очаровательную силою переносит его в царство любезности. Ещё повторяю: вот каковы немки! Мы только что успели их узнать и уже в восхищении от них!

Цеханов, января

Опять в Польше! Где скрыться от роя жидов, скучающих вам предложением тягостных услуг? Скоро ли перестанет возмущать душу вид польских крестьян, падающих к ногам вашим и беспрестанно обнимающих ваши колена? Мне кажется, что я с цветущих лугов, где веселие и свобода кружатся в хороводах, перенесён в болота непроходимые, в которых томятся несчастные путники жизни, туда сердитой рукою судьбы заброшенные. Проходя здешние места, пробегаешь будто бы мрачные страницы из истории феодального правления средних веков, картина которого и в описании возмущает душу. Хотя просвещение вводит сюда понемногу любовь к человечеству, хотя оно говорит сильным и знатным в пользу прав его, но встречаемо на пути своём корыстолюбием и слепую любовь к частной выгоде, оно не может делать больших успехов. И доньше человек не стыдится считать подобного ему *вещью*, не краснеет, видя его ползущим у ног своих, как пресмыкающееся животное! Не спрашивайте о нравственности здешнего народа: существует ли она там, где ею торгуют? Здесь нет ни одного селения без корчмы или просто все здешние селения можно назвать корчмами. Большая часть помещиков в деревнях своих занимается торговлею хлебным вином, отдают крестьян на упой жидам и подстрекают таким образом невоздержность тех, за нравы которых должны отвечать высочайшему правителю. Надобно искренно жалеть о стране, где золото ценится дороже добрых нравов, составляющих душу и силу царств. Раскрываю Робертсона и к стати выписываю из него несколько строк, меня поразивших: *L'état le plus corrompu de la société humaine est celui où les hommes ont perdu leur indépendance et la simplicité de leurs moeurs primitives, sans être arrivés á ce degré de civilisation où un sentiment de justice et d'honneur sert de frein aux passions féroces et cruelles.* Tableau de l'etat de l'Europe, T. 1 p. 27.²

¹ Упоминаю о французском языке для тех, которые считают его за главное достоинство образованного человека.

² Перевод Сюара: Самое испорченное состояние общества находится там, где люди потеряли свою независимость и простоту первобытных нравов, не достигнув ещё той степени образованности, на которой чувства правосудия и чести служат уздой страстям неистовым и жестоким. — Картина состояния Европы. Т. 1, стр. 27.

Плоцк, 30 января

Гордая Висла *молчит*, пропуская через себя каждый день несколько тысяч русских. Природа и политические обстоятельства принуждают её к сему молчанию. Маршал департамента плоцкого и предводитель здешнего ополчения генерал Е...кий вздумал было представлять лицо Демосфена, витиеватыми речами возбуждая народ к единодушному вооружению противу русских, но не получив в удел красноречия афинского оратора, он имел с ним одинакую участь полководца. Демосфен бежал с поля сражения, узрев мечи храбрых македонян; Е...кий поспешно скрылся из дому своего, завидя издали копыя донских казаков. Соловей этот вздумал было петь красное солнышко весны тогда, когда бури осенние шумели над опрокинутым его гнездом, и никто за мрачною непогодою не слушал его песней.

Благородно всякому гражданину мечтать о восстановлении имени своего отечества. Но страна, искавшая для сего скрытных, непопозволенных, далёких средств, страна, где знатность, пользуясь всем и всеми управляя, единственно о себе думает, где народ пресмыкается в ничтожестве и где не существует среднего состояния — страна сия не могла льстить себя и тенью прежнего её величия.

В Польше только три состояния: дворянство, духовенство и земледельцы, — чуждый народ жидовский составляет в ней четвёртый, средний класс. Какое необозримое между ними расстояние! какое между ними различие мыслей и чувствований! какой ужасный перевес первых двух состояний, между собою тесно связанных одинакими желаниями честолюбия против третьего, который кажется от них совершенно отброшенным! Где кольцо, связывающее сию разорванную цепь?.. Магнат вздыхает о царском венце; епископ, родственник или друг помогает мечтам его своею властью; торговец еврей, считая своим отечеством лавку свою и дом, не мыслит никогда о выгодах Польши; крестьянин под игом бедности горюет о прежнем довольстве. Честолюбие одних, корыстолюбие других, угнетение третьих могут ли соединиться для общей пользы?.. В Польше главная политическая пружина есть дворянство, но она действует для собственной силы и величия. Сколько знатных, ласкающих себя надеждою царствовать при первой благоприятной для них перемене, сколько имеет каждый из них родственников, друзей, приверженных, подкупленных, послушных, составляющих тысячи партий! Какая сила соединит их различную волю, различные желания, мысли и чувства в одну цель — великую цель счастья отечества? Разве мудрый оборот правления может произвести сие чудо, разве исчезнет в польских дворянах дух честолюбия и заменится истинною любовию к отечеству, народ насладится лучшею участию и, воспользуясь природными силами и богатствами, родит в собственном классе землепашцев среднее состояние: до того времени Польша останется тем, чем была уже несколько лет — покорною чуждым державам странюю.

Деревня Здворж, 3 февраля

Цвет русского войска — гвардия и гренадеры — расположились на временных квартирах около Плоцка. Первыми попечениями главноко-

мандующего — сбережение здоровья и покой русских героев. Свободная и тёплая одежда была им позволена на походе во время жестоких морозов, на стоянках желает он, чтобы они веселились на широких, спокойных квартирах. За то офицеры и нижние чины любят светлейшего, как отца своего. «Родной батюшка Суворов воскрес в нём, — говорят солдаты. — Князь знает все нужды наши. В деле любит, чтобы мы его тешили, а после дела сам не забывает нас». Можно сказать, что привязанность к нему солдат примерная, она доходит до восторга. Не удивительно! Все уже несколько десятков лет знакомы с его личною храбростию, уже несколько десятков лет привыкли стремиться по быстрому и спокойному взору его к опасностям и славе. Могли ль они забыть неусыпные об них попечения его в течение прошедших и нынешних кампаний? Почти каждый из них знает его в лицо, многие имеют счастье нередко говорить с ним. Иной рядовой ему кум, другой крестовый брат, третий приятель. Тот помнит, как жарко было такое-то дело, как ненастны были бивуаки в таком-то месте, этот мастер рассказывать о весёлостях молдаванских, а этот славно выручил своих товарищей в таком-то сражении. Все осыпаны его ласками и благодарениями. Мало того, чтобы полководец умел приготовить войну и сделать ей распоряжения, чтобы он в день битвы владел быстрым взором и спокойно умел встречать её опасности, надобно ещё, чтобы он обладал волшебным искусством приближать и привязывать к себе простого воина. С искусством сим он будет располагать по своей воле мышцами, умами и сердцами солдат, с ними поведёт он горсти против тысяч и приучит победу ступать по следам своим. Искусством сим владел Тюрен, Фридерик II и Суворов; оно досталось ныне Кутузову: вместе с мужеством и проницательностью их. Французский маршал не прославил бы столько царства лилий, если бы не разговаривал с солдатами, как отец; прусский король не вёл бы семилетней войны и не расширил бы границ своего отечества, если бы не беседовал на бивуаках с нижними чинами, закуривавшими его табачным дымом; герой италийский не шагал бы так смело по Альпийским горам, если бы не едал с солдатами простой кашицы. Так и кумовство и крестовое братство с ними князя Смоленского сблизили ещё более родство его со славою!

д. Здворж, 5 февраля

Четыре, пять хижин на берегу озера, обрезанного дикими утёсами, кругом ограждённого мрачным лесом — вот наше теперешнее жилище! Ничто светское не смеет нарушить молчание сей пустыни, только ветер, волнуня гордые главы сосен, разливает около неё глухой стон, только отзвук топора в ней изредка отдаётся, или охотник, гоняясь по утёсам за робкою козою, прерывает тишину сих мест. Два любовника, заключающие весь мир в самих себя, или наскучивший суетами мудрец не могли бы найти уединения более сходного с их чувствованиями. Сколько раз претворял я пустыню сию в жилище счастья мирного и неизменного! Сколько раз мечтал я о сём счастье, разделяемом с нежным другом! Здесь, — думал я, — можно трудиться для света, не будучи знакомым с его шумом и суетами, здесь часто твердил любимое изречение моё:

C'est aux champs que le coeur cultive
son bonheur.¹

Но что может мечта перед опытом — мечта, которая как весенний ветерок ласкает чёлн по гладкой поверхности вод и вскоре уступает могуществу грозной бури, в бездны его погружающей?..

По препоручению начальства был я на днях послан в Плоцк. Ночь застигла бы меня на коне в семи верстах от города, если бы форштмейстер здешнего округа не предложил мне гостеприимства под уединённым кровом своим. Приязни его и ласок любезной его супруги никогда не забуду.

Плоцк застал я шумным и многолюдным от расположенной в нём главной квартиры г о с у д а р я и м п е р а т о р а. Город сей можно назвать прелестным по площадям его, из которых одна представляет вид вечной ярмарки, а другая, окружённая красивыми зданиями и обсаженная высокими тополями, составляет приятное гульбище, но более можно назвать его прелестным по местоположению его на возвышенном, крутом берегу Вислы. Зима лишает его ныне лучших его прелестей. Когда придут красные дни и весна воскресит природу, тогда ближайшие виды с берега должны быть полны жизни и красот романтических.

г. Калиш, 12 февраля

252

Чем ближе к Германии, тем чаще видим хорошие города. Искусство, трудолюбие и вкус, которые старалось ввести в них прусское правительство в то время, когда они ему принадлежали, не успели ещё в них совершенно исчезнуть. Калиш посредственной величины городок и довольно красив. В нём есть кадетский корпус.

Поле за городом достойно особенного замечания. На нём первого числа нынешнего месяца генерал Винцегероде славно отмстил французам изменнический плен свой совершенною победой над генералом их Ренье. На том же самом месте 18 октября 1706 года Меньшиков с учениками-воинами дал жестокий урок шведам, учителям нашим в искусстве сражаться: генерал их Мардефельд был тогда совершенно разбит и взят в плен. Здесь гений Великого П е т р а через пространство целого столетия подаёт руку гению А л е к с а н д р а. Думают, что на этом поле утвердятся к западу границы обширной русской империи. Где Авача, и где Калиш?..

Там же, 15 февраля

Вчера, гуляя за мелькающими роями граций по дорожкам прекрасного бульвара, усыпанного жёлтым песком, опушённого зеленеющим дёрном, осенённого высокими тополями, прельстился я вывескою трактира, стоящего на углу бульвара сего. На ней золотыми буквами начертано: Hôtel de Paris². Столица Франции не одного меня прельщает — кому не хочется в

¹ Только в полях сердце находит своё счастье (фр.).

² Отель «Париж» (фр.).

Париж?.. Вхожу в залу, в которой накрыт стол человек для тридцати. Рои офицеров шумят в разных сторонах. Я присоединяюсь к одному знакомому, недавно вышедшему из ополчения, расспрашиваю его о старых моих приятелях и среди разговора сажусь с ним близ молодого поляка, на софе раскидавшегося. Поляк был щегольски одет и тысячью духов распыскан, конфедератка с серебряными кистями и узорами лежала близ него. Он часто поправлял усы свои, стол же часто смотрелся в зеркало, напротив его висящее, и потом с пренебрежением оборачивался на моего товарища, который в порыжелом от бивуачного огня сюртуке, с модною при бедре саблюю, с длинною трубкою во рту не обращал на него никакого внимания. Быть так щегольски одету, как был снаряжён наш сармат, и не заслужить от бедного русского офицера ни одного взора удивления, ни одного лестного слова казалось ему чем-то чудесным. «Вы меня закуриваете табаком!» — сказал он моему товарищу голосом досады. — «Простите!» — отвечал этот очень хладнокровно. — «Вы служили, конечно, *в милиции?*» — начал снова первый, перебивая некстати нашу речь. — «*Служил, а для чего вам это?*» — отвечал второй, обратившись совершенно к своему противнику. — «Ополчённые очень мало делали в нынешнюю войну». — «*Больше, нежели польская милиция, и столько, сколько требовало от них Отечество.*» — «Говорят, что они во время сражения подбирали мёртвые тела». — «*Только не своих, а французов и также поляков. Настоящее, правильное войско занято было поражением полумиллиона врагов, временному оставалось возносить им могилы, чтобы будущие веки взирали на них, как на памятники нашей славы и позора народов, считавших за честь быть в рабстве у Наполеона.* Но позвольте вас спросить, почему вы догадываетесь, что я служил в ополчении?» — «По вашей сабле». — «*По сабле? это довольно смешно! Правда, что она не хороша снаружи, но потрудитесь взглянуть на её клинок. Прошу господ офицеров также посмотреть на него.*» Все бывшие в зале обратились к любопытной сабле. На одной стороне клинка вырезано было: *от деда внуку*, — на другой: *при осаде Праги взята у польского полковника: ура!* «Ура!» — закричали все предстоящие офицеры. «Ура!» — разнеслось по всем комнатам. «*Знайте, господин щёголь!*» — продолжал торжествующий товарищ мой, подавая поляку блестящую его конфедератку, — *знайте, что наружность часто обманчива: не всё то золото, что блестит, не всё то достойно презрения, что носит на себе печать бедности.* Прекрасное мщение!

Я посмеялся ото всего сердца и, обнимая любезного приятеля, обещал ему поместить сие приключение в моих записках. Исполняю моё обещание тем охотнее, что могу описанием сего происшествия дать маленький урок модному самолюбию.

г. Калиш, 12 марта

Отправляюсь сейчас на берега Балтийского моря через Познань, Франкфурт и Берлин. Путь неожиданный, сулящий мне тысячу удовольствий! Я назначен шефским адъютантом к принцу Мекленбургскому Карлу и сопровождаю его на место его родины. Г о с у д а р ь и м п е р а т о р позволил ему насладиться временем настоящего спокойствия посреди его семейства, которого он давно не видал.

Дорога наша до Гамбурга очищена от врагов. Молодой герой Чернышёв водружает уже русское копьё на берегах Балтийского моря. Покойно и приятно ехать по пути, освящённом трофеями нашей славы! Бегу на почту — и прощаюсь с Калишем.

г. Познань, 14 марта

Удовольствие привязало нам крылья, и мы прилетели в Познань. Я успел на него только взглянуть и могу сказать: прекрасный, цветущий город! Уверяют, что Варшава обширнее, величественнее и многолюднее, но Познань красивее и правильнее. Не удивительно: прежняя столица Польши, неся на себе печать древнего её великолепия и могущества, означена притом мрачным клеймом политических неурядиц, столько лет её терзавших. Познань, недавно ожив¹ попечениями благотельного прусского правления, каждый день более и более украшаясь и обогащаясь, дышит свежестью и красотой весны своей. Первую можно сравнить с важною старушкою, горюющею в мраморных своих палатах о потерянном венце и прошедшей славе², второго уподобить можно прекрасному юноше, с улыбкою зовущему вас любоваться милovidными зданиями и садами, которых он счастливый обладатель. Хвала и честь правлению пруссакам! ему обязан Познань (как и все польские города, бывшие в управлении у пруссаков) нынешним цветущим своим состоянием. Между разными выгодами, дарованными Пруссиею сим городам, можно почесть не последним для них благодеянием суммы, на несколько лет им отпущенные. Деньги сии употреблены на построение домов по новейшей и самой правильной архитектуре. Не знаю, чувствуются ли сии милости!..

Мы нашли Познань чрезвычайно шумным и весёлым. Причина тому ярмарка, которую застали мы во всей её живости. Германия и Польша снабжают её своими изделиями. Пока принц был у графа Воронцова и пока переменяли наших лошадей, мы гуляли по площади, на которой средоточится вся ярмарка, заглядывали в подвижные лавки и палатки, украшенные разными товарами, любовались богатыми образцами и красивыми вывесками, волнуясь почти над каждым окном, перебежали взорами с предмета на предмет, с прекрасного на полезное и терялись наконец в шумном рое многолюдства. Ничто не представляет живее деятельности нашей, как ярмарка. Зрелище, полное жизни и удовольствия! Тут видите вы Промышленность с живыми взорами, с тонкою улыбкой, предлагающую вам богатые дары свои. Там представляется вам Трудолюбие, согбенное под тяжестью рукоделий своих и земных избытков, оно ожидает покупателей, могущих облегчить его бремя. Здесь Искусство прельщает вас тысячами приятных безделок, тысячами полезных вещей, и заставляет вас преклонить колено перед творениями всеобъемлющего ума. Далее Корыстолюбие со впалыми глазами, с иссохшим жёлтым ли-

¹ Он был опустошён наводнением. С того времени река Варта, на которой он стоит, взяла другое течение.

² С окончанием войны всё переменилось. Варшава процветает ныне под благотельным владычеством российского монарха. 1820.

цом простирает объятия свои к блестящему металлу, звенящему в руках ваших. Тут встречается с вами Любопытство, за которым ходит зевающая Праздность. Там же слышны и вздохи робкой Бедности. Но вот и главные лица ярмарки — Богатство и Роскошь! они обращают на себя внимание всей толпы, везде поспевают и всё оживляют магическим жезлом своим.

С площади пошли мы в трактир на бульваре, где ожидали нас наши повозки. Оттуда любовались природою, расцветающею на прекрасной тенистой аллее; дышали ароматом, приносимым к нам ветерком с липовых вершин, и слушали весёлое пение птиц, славящих весну. Но в комнате ожидало нас новое, прелестнейшее зрелище. Три весенние розы, три грации (дочери хозяина дома) резвились между собою в ожидании, конечно, шалуна Зефира или плутишки Амура. Жестокие! оне отняли у нас весь аппетит, и мы из-за вкусного стола встали почти голодные. Но беда ведёт за собою другую беду! Я хотел удалиться от опасных красавиц, прибежал к почтовой коляске, которая должна была раскидать по пути мои новые чувства, искал плаща, в котором хотел сокрыться от прелестных, и не нашёл его: какой-то проворный еврей успел стащить его и скрыться с своею добычею.

О вы, которые путешествуете с тощим желудком, лёгким кошельком и нежным сердцем! не заезжайте в Познани в трактир, стоящий на бульваре, и не заглядывайтесь так на красавиц. Эти блестящие созвездия принесут к вам несчастье. Через них потеряете вы охоту к пище, лишитесь мантии и — спокойствия на целую дорогу!..

Штернберг, 15 марта

Воля твоя, красноречивый Руссо! а просвещение — золотое дело. Загляни в палатки кочующих татар, пробеги польские местечки, побывай в немецких городах — и скажи потом, где захотел бы выбрать постоянное твоё жилище? Верно, в последних! Нравы, образ жизни, всё принимает здесь отлив просвещения и всё восхищает вас.

Покуда запрягают нам в повозку лошадей, мы любуемся из окна прелестною группою немочек, беруших воду у красивого фонтана, который стоит среди площади. Вода бьёт из четырёх львиных пастей и падает в круглый чистый бассейн, из дикого камня высеченный. Весь город довольствуется ею из этого фонтана. Правда, что он меньше всякого нашего уездного городка, но зато многолюднее и в тысячу раз красивее: здесь почти все дома построены под одну крышку. Содержатель почты сказывал мне, что одна площадь составляет часто целый немецкий городок, но что таковые города встречаешь здесь почти на каждых десяти верстах и менее. Народ, не говоря уже о высшем и среднем состояниях, очень чисто одет: мужчины носят синие кафтаны посредственного сукна, длинные камзолы такого же или красного цвета, лосиные исподние платья, пёстрые бумажные чулки и башмаки с огромными светлыми пряжками; волосы у них подобраны назад под роговой гребень, треугольная шляпа венчает сие изображение. Служанки, которых видел я у фонтана, все чисто одеты, в белых кофтах и юбках, чёрными передниками завешенных. Голова у них искусно обвязана чёрным шёлковым платком и прекрасно оттеняет белизну их лица.

Почтовые дворы здесь прекрасны. Входите в контору, показываете подорожную, платите назначенные за каждую милю деньги и получаете сей час лошадей. Правда, почтовая езда здесь чрезвычайно дорога: за три мили, наши 21 версту, платите близ трёх рублей серебром на пару лошадей; сверх того берут с вас установленные за каждую станцию Schmiergeld, Trinkgeld (на мазку колёс и на водку) близ серебряного рубля, зато нет притязаний, нет придирок, жалоб и ссор, случающихся на наших почтовых дворах. Езда по здешней почте не самая скорая и не тихая: на каждую милю назначен час езды; зато вы не имеете нужды томиться по три часа или более в почтовой избе... На немецких почтовых дворах все выгоды предоставлены путешественнику: вы можете потребовать кофе, обед и ужин, можете иметь и чистую постель в тёплой покойной комнате. При этом в каждом городке есть два, три порядочные трактира.

Франкфурт на Одере, 16 марта

Давно ли от ярмарки, и опять уже на ней! Познанская и Франкфуртская подают друг дружке руку. Купцы, особенно оборотливые жиды, ездят с той на другую, с этой опять на ту; смотря по их выгодам. В дороге встречали и обгоняли мы огромные фуры с товарами. Длинные повозки, покрытые холстиной наподобие палаток, из которых выглядывали жидовские засаленные шапки, немецкие чистые чепчики и смешные трёхугольные шляпы; высочайшие телеги на двух высочайших колёсах, окованных железом для вечности; странная упряжь гусём четырёх, пяти и до шести могучих лошадей, окутанных огромными хомутинами с медными бляхами, погремущими и разноцветными лоскутами — всё это веселило нас на пути.

Во Франкфурте мы только что переменяем лошадей, и потому видел я его мельком. Всё, что могу сказать об нём, будет сказано в его пользу. Улицы в нём широки и правильны; чистота на них чрезвычайная. Дома высоки и, как во всех иностранных городах, построены под одну крышку. Всеобщая торговля его с Берлином, Данцигом, Варшавою оживляет его и делает одним из богатейших городов Германии. Широкий Одер, служащий ему зеркалом, покрыт ныне многочисленными судами. Мост его разрушен французами. Чрезвычайная живость видна на другом берегу, обсаженном деревьями, под тенью которых гуляют весёлые пары и кипят шумные толпы воинов, купцов, ремесленников и поселян. На площадях и улицах настоящий маскарад: там не один народ, но несколько народов! Всё движется, как муравьи, переносящие магазинны свои из одного дула в другое; всё шумит, как рой пчелиный, нашедший для сотов своих новый источник богатства.

Деревня Фогельсдорф, 17 марта

Вообразите себе чистые, гладкие дорожки английских садов, и можете после того иметь понятие о дороге, ведущей от Франкфурта к Берлину. Нигде не видал я подобной. Ровна, как пол, с небольшими от середины скатами; обрыта с обеих сторон глубокими рвами и обсажена высокими

тополями! Через каждый малейший ручей, малейший овраг сделан каменный красивый мостик. Близ рвов лежат частые груды камней, которые, будучи разбиты на мелкие части, брошены в появившиеся неровности и раздавлены тяжестью колёс, содержат дорогу в постоянной исправности. Шоссе сии препоручены смотрению неусыпных работников. Правление не имеет нужды выдавать деньги на разные издержки, требуемые для содержания таковых дорог; всё это делается на счёт проезжающих. На каждой миле вам заграждает путь небольшая застава, от которой цепь проведена в маленький красивый домик пристава, собирающего *Chaussée-Geld*, деньги за шоссе. Платите за милую безделицу, и смотритель, не выходя из комнаты, отпускает цепь.

Нахожу, что способ сей содержать дороги есть легчайший и выгоднейший. Отнёсши бездельную подать пристава, путешественник может спокойно катить по прекрасной дороге, и бедный поселянин или торговец, отдав за милую какой-нибудь грош, не боится заплатить двадцать грошей за то, чтобы вытащили его тяжёлый воз из грязи или починили изломанную ось. Нельзя не похвалить хорошего. Здесь на семи верстах шесть-семь человек исправляют испорченную дорогу. В других, напротив, местах поднимают целые деревни, нарушают тишину лесов, потрясают сердца гор — и всё это для того, чтобы исправить на несколько дней бедный овраг. Здесь дорога, будучи однажды прочно основана и утверждена, не может в последствии времени много портиться; потребовав сначала значущих издержек, не имеет после в них нужды. Работники знают своё дело и не знают никакого другого; все припасы у них заранее приготовлены, всё у них всегда под рукою. Порядок — дело великое! — однажды установленный, он сам потом учреждает и даёт законы.

Почему не сделать у нас, хотя для главнейших дорог, хотя для самых грязных, худых мест, постановлений, подобных здешним?¹ — Впрочем, безрассудно было бы мечтать об основании шоссе во всём обширном нашем государстве. В стране гигантов не всё то удобно, что легко в отечестве пигмеев!..

¹ Правительство наше, пекущееся о выгодах и благе каждого и всех, препорученных судьбою его отеческим попечениям, занялось уже созданием прекраснейшего шоссе от новой столицы до древней. Подвиг великий и многотрудный; но тем славнее будет его исполнение; тем знаменитейший будет памятник народного величия и царской благодати! Автор имел уже удовольствие ехать близ ста вёрст по сему шоссе, удобностию своей и красотою превосходящему даже немецкие.

ЮРИЙ ВИЗБОР ГЛАЗАМИ КОЛОМЕНСКОГО УЧЁНОГО

В СЕРИИ «ЖЗЛ» ВЫШЛА ПЕРВАЯ БИОГРАФИЯ ИЗВЕСТНОГО БАРДА

Автор книги — Анатолий Кулагин, доктор филологических наук, профессор Московского государственного областного социально-гуманитарного института (Коломна). Анатолий Валентинович много лет изучает авторскую песню, выпустил несколько книг об Окуджаве и Высоцком. Это его первая книга о Визборе. И вообще первая книга об этом знаменитом барде — до сих пор никто не брался за написание его биографии.

Анатолий Кулагин известен как один из первых литературоведов, начавших профессиональное исследование творчества Высоцкого, как автор нескольких книг о нём.

Эволюции литературного творчества Высоцкого была посвящена докторская диссертация Кулагина. Потом была книга об Окуджаве. И вот теперь Визбор — личность знаковая для поколения созидателей.

Книга написана на основе документальных материалов и личных встреч с людьми, знавшими Визбора. В частности с Ниной Тихоновой-Визбор, его последней женой, ушедшей из жизни в этом году. Анатолий Кулагин в интервью программе «Книжное казино» на радиостанции «Эхо Москвы» говорил: «Мне в этой книге хотелось показать не только биографию Визбора, но и показать его как большого поэта. У Визбора своя творческая ниша. Он был поэтом ярких образов, обладал очень яркой стихотворной техникой. Он был первым среди бардов, кто открыл походно-туристическую, альпинистскую сферу жизни, сделал её предметом искусства».

ОТ ДИССЕРТАЦИИ К МОНОГРАФИИ

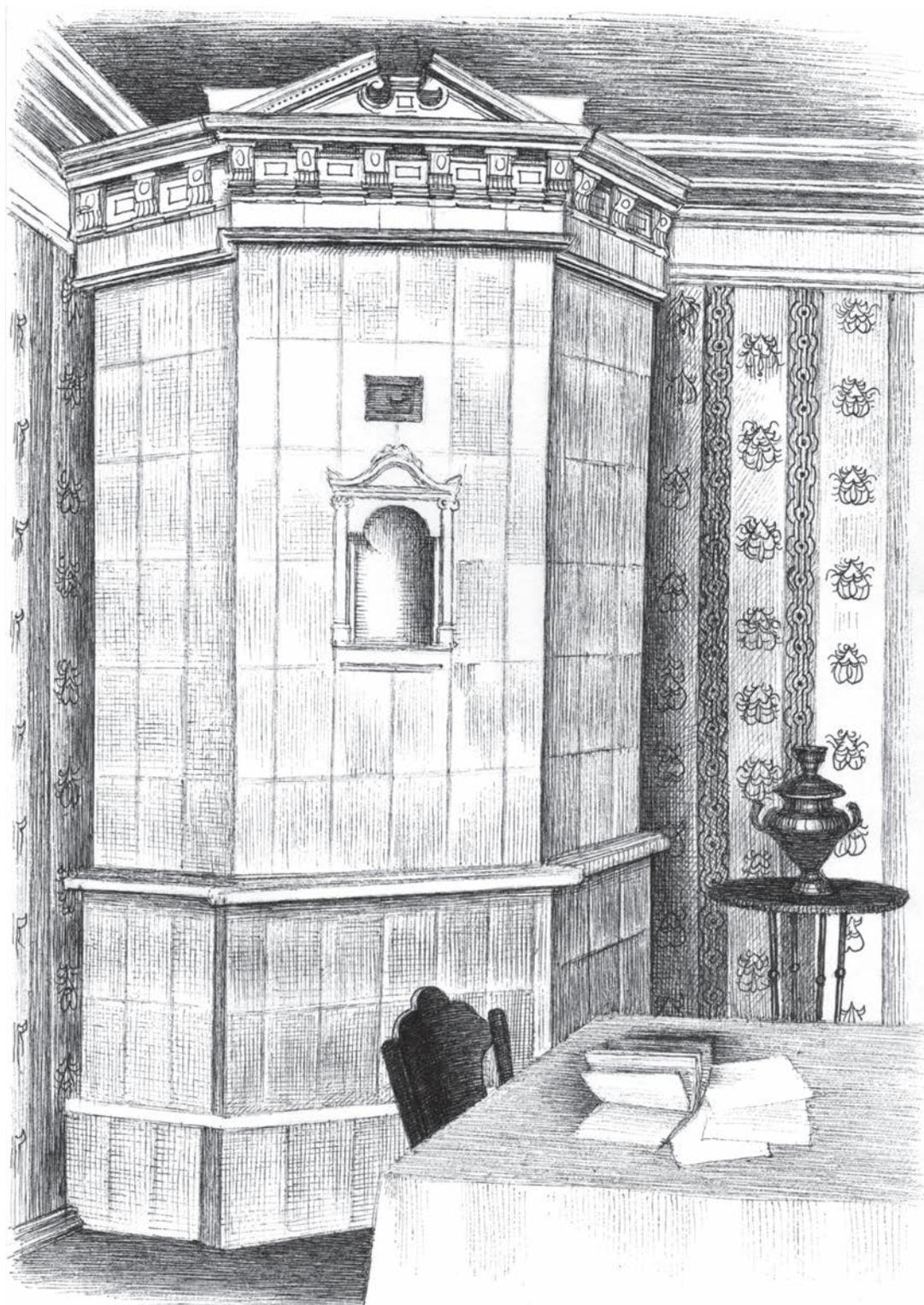
Доцент кафедры литературы МГОСГИ Георгий Прохоров выпустил в свет монографию «Дневник писателя» Фёдора Достоевского. Вопросы композиции».

Стоит отметить, что выход монографии случился практически сразу после защиты Георгием Прохоровым докторской диссертации на тему: «Поэтика художественно-публицистического единства на материале литературы классического посттрадиционализма».

На
лермонтовской
тропе

Графика Василины Королёвой

Анатолий Анатольевич Парпара родился 15 июля 1940 года в Москве. Стихи начал писать ещё в школе. Первые его серьёзные поэтические публикации состоялись в 1969–1970 годах, а уже в 1973 году вышла книга его стихов — «Первый перезвон». После школы поступил в Ярославское военное училище. Отслужил четыре года на флоте, после чего поступил на факультет журналистики МГУ.

Советский и российский поэт, драматург, общественный деятель, заслуженный работник культуры РСФСР, лауреат Государственной премии РСФСР имени А. М. Горького, Всероссийской литературной премии им. М. Ю. Лермонтова, профессор Московского государственного университета культуры и искусств (МГУКИ), председатель фонда имени М. Ю. Лермонтова, создатель (1996) и редактор «Исторической газеты».

Автор двадцати поэтических сборников. Много лет проработал в отделе поэзии журнала «Москва».

Литературоведческое
исследование

Анатолий Парпара

ЗАМЕТЫ. ДУМАЯ О ЛЕРМОНТОВЕ

О законах бессмертия

Физической смертью Лермонтова высвободилась его поэтическая свобода. Созданное им отошло, как и душа, к горнему пределу от его тела, верного родной земле. Умерло тело русского офицера, но поэзия его стала жить по законам бессмертия. Её уже не сдерживали человеческие поступки создателя. Помните, о чём печалился семнадцатилетний поэт:

Чем ты несчастлив? —
Скажут мне люди.
Тем я несчастлив,
Добрые люди, что звёзды и небо —
Звёзды и небо! — а я человек!..

Поэт был огорчён тем, что он дитя человеческое, несовершенное.

А стремления его были к небесному совершенству.

Потому и желания его были несбыточными:

Только завидую звёздам прекрасным,
Только их место занять бы хотел.

Если Пушкин — это земля и воздаяние земному, то Лермонтов — мечта о небе. По сути же своего таланта Лермонтов — метеорит, долженствующий жить канонами земли. Но он, дитя неба, не подчинился смертному. Об этом вышеступившие строки начального стихотворения «Небо и звёзды». Об этом же и «Выхожу один я на дорогу». Стихотворение, завершающее творчество поэта.

27 июля (15-го по ст. ст.) 1841 года, день кончины — есть день рождения ве-

Заболотский П. Е., Лермонтов в ментике лейб-гвардии Гусарского полка (1837)

ликого поэта, настоящий день рождения Лермонтова. Ему простилось всё земное, поступки и проступки, а небесное, которому он служил изначально, к чему тянулся так настойчиво, приняло его под своё покровительство. Исполнилось то, о чём он мечтал. Он стал звездой первой величины в космосе мировой культуры.

Но мы-то помним о том, что он был человеком. Именно это роднит нас с поэтом и даёт нам неиссякаемую надежду на достижение несбыточного. Может быть, кому-то ещё из нашего роду-племени удастся достичь таких же космических высот.

О «странной» любви поэта

«Люблю тебя неведшей страстью», — признаётся Лермонтов Вареньке Лопухиной.

«Для христианства «неведшее» — значит «бесстрастное», «бесплотное»; для Лермонтова — наоборот: самое неведшее — самое страстное; огненный предел земной страсти, огненный источник плоти и крови — не здесь, а там:

Я перенёс земные страсти туда с тобой.

И любовь его — оттуда сюда. Не жертвенный огонь, а молния». Не применима ли логически выстроенная цепь доказательств Дмитрия Мережковского применимой и для осмысления «странной» любви поэта к родине?

Люблю отчизну я, но **странною** любовью!
Не победит её рассудок мой.

Может быть, эта любовь так глубинна, так природна:

Но я люблю, — за что не знаю сам —
Её степей безбрежное молчанье...

что и пришла она «оттуда сюда». Не случайно, что определение «странный» идёт от чужой необычной страны. В словаре старорусских слов Измаила Срезневского среди многих значений слова «странный» есть такие: сторонний, боковой, чужой, чуждый и даже отвратительный, зазорный...

Но присутствуют и три поразительных эпитета: удивительный, необыкновенный, непостижимый. Знаменитый учёный приводит пример непостижимости: «Странно девам дети рожати».

В.А. Лопухина, акварель М. Ю. Лермонтова

Уж не удивительным ли, необыкновенным и непостижимым ли чувством любит Лермонтов отчизну! А если это так, то тогда становится понятным:

Но я люблю, — за что не знаю сам...

ибо только такое чувство: природное и глубинное — может быть необъяснимым и непостижимым, и необыкновенным.

Наблюдения мои за эпитетом «странный» в творениях выдающихся писателей пушкинской эпохи заставляют меня убедиться именно в таком, для сегодняшнего дня неожиданном, прочтении этого слова в начале девятнадцатого века.

Обратимся за примером, подтверждающим догадку, к знаменитому очерку А. С. Пушкина «Путешествие в Арзрум» (1829): «Ручьи, падающие с горной высоты мелкими и разбрызганными струями, напоминали мне похищение Ганимеда, *странную* картину Рембрандта». (А. С. Пушкин. ПСС, изд-во «Правда», 1981. Т. 7. С. 305.)

Разве не это же значение необыкновенности имел в виду наш поэт, характеризую «Похищение Ганимеда»!

Р. С. Дополняю свои размышления об этом эпитете откликом на прочтённое моего однокурсника по МГУ и друга, известного писателя и переводчика Владимира Мисюченко.

Люблю отчизну я, но странною любовью...

То, что здесь «странный» не несёт никакого «негативного» оттенка, можно понять и не прибегая к иностранному языку, на котором говорили (и думали) поэты первой половины XIX века. Да, в английском *strange* (почти как во французском *étrange*) — это изначально *чуждый* (иноплемённый), чужой, но главное — *необыкновенный, удивительный*. Английский язык, как и русский, сохраняет в странном родство со странствием, а потому до сих пор *strange* англичане воспринимают и как сдержанный, холодный (как сдержан и «холоден» в общении пришедший невесть откуда человек), а блудницу именуют *strange woman*. Только ведь и по В. И. Даля *странный* — это изначально нездешний, иноземный, а главное — *чудный, необычайный, особенный*. Характерно, что словарь Даля фиксирует, как «странный» обретает отрицательный смысл в нашем языке — через ругательство «*странь*».

Впрочем, само стихотворение не даёт никаких оснований наделять эпитет «*странная*» каким бы то ни было отрицательным оттенком. *Странная* любовь — это *особенная* любовь, в какой-то мере *удивительная* для самого автора, человека образованного: она полностью исключает рассудочность,

её НЕ питают ни история, ни достижения страны. Она вся — от чувств, вызванных непосредственными ощущениями: от живописи родных мест, запахов (стихотворение, кстати, поразительно пахучее — дымком отчества и даже отдающим пылью перегаром сельских «танцев»), разделяемой радостью бытия...

В этой любви всё непросто (и даже непрочно), но она — неизбежна, откуда чувства в нас не охладели...

Впрочем, есть и ещё пример. В «Горе от ума» в разговоре Софии с Чацким. «Малейшая в ком странность чуть видна, / Весёлость ваша не скромна, / У вас тотчас уж острота готова, / А сами вы...» — «Я сам? не правда ли, смешон?» / «Да! грозный взгляд и резкий тон, / И этих в вас особенностей бездна; / А над собой гроза куда не бесполезна.» / «Я странен, а не странен кто ж?» Тут ведь просто сопрягаются «странность» и «особенность», София и упрекает Чацкого в том, что он, высмеивая нечто особенное в других, не обращает свой сарказм (или просто смех) против бездны «особенностей» в себе. Тут София (а скорее, Грибоедов) глубже высмеивают недостатки у людей: Чацкому предъявлено обвинение в покушении на свободу других быть особенными, странными...

И последнее. Относительно «немытой России». Думаю, Лермонтов вполне мог такое сказать. Особенно при прощании с кем-либо из друзей (с кем можно было поговорить про «синие мундиры») после выдворения из Петербурга. Это — реплика в беседе (может, в споре), которой сам поэт и не думал придавать значение стихотворного произведения. Но в том, что такая реплика могла прозвучать в его устах, сомневаться не приходится, иначе менее понятными станут и гнев последних 16 строк «На смерть поэта», и особенно презрительная ярость «Последнего новоселья» (не думать же всерьёз, что она обращена к французскому народу?!).

Власть и поэт

Эта тема необыкновенно интересна для исследователей. Не только прямыми отношениями государей с подданными, но и опосредованными временем. К примеру, Е. Гусларов и О. Карпухин издали интересную книгу «О Лермонтове в жизни». Говоря о Николае I, который, с их точки зрения, «люто ненавидел» Лермонтова, авторы утверждают, что о Михаиле Юрьевиче вспомнили лишь «через полвека после его гибели». Возможно, имея в виду открытие памятника в Пятигорске в 1891 году.

Но они забыли о том, что о скульптуре, увековечивающей память о великом поэте, заговорили уже в 1859 году, то есть через 18 лет. Я говорю о проекте памятника «Тысячелетия России», куда в число всего лишь 109 имён выдающихся людей России за целое тысячелетие вошло и имя Лермонтова. «Высочайше» список утвердил 8 декабря 1860 года ученик знаменитого поэта Василия Жуковского, император Александр II, царствовавший к тому времени уже пять лет.

В первоначальном списке Лермонтова не было. Появлением его мы обязаны, по моему мнению, поэту Тарасу Шевченко, который дружил с 24-летним скульптором Микешиним. И боготворил Лермонтова. И писал о нём: «Ты меж нами / Витаешь ангелом святым».

Сам Микешин оказался не только гениальным скульптором, но и мужественным человеком. Любопытно то, что, составляя свой список, он не нашёл места для почившего в бозе императора Николая I. Микешин рассказывал потом о

реакции на это его решение: «Когда дошли до Александра, государь спросил: «А батюшка?» Я встал со стула и молчал. Он увидел моё смущение, мою муку. Я продолжал до конца, а когда кончил, он взял меня за плечо и приблизил к себе».

Брату императора Константину Павловичу скульптор всё же высказал своё резкое мнение о Николае I: «Есть множество людей, которые в его правлении находят утешение русской мысли, а другие его страстно превозносят. Ещё рано помещать его на монумент. Я это делать не буду. Впрочем, есть люди, которые это сделают, если им заплатят». Нашёлся — скульптор Залеман.

Поражает достоинство, с которым Микешин отстаивал своё понимание русской истории. И второе: поражает деликатность, терпимость, с которой принял решение Микешина Александр II.

Об изменчивости падежей

Теперь чуть ли не каждый школьник, цитируя строку Михаила Лермонтова «из **пламя** и света рождённое слово», упрекает его в малограмотности. Редактор Краевский убеждал поэта изменить именительный падеж на родительный, но молодой сочинитель, в совершенстве зная русскую грамматику, оставил так, как было написано изначально. В итоге умный редактор, подумав хорошенько, согласился с автором, и до нас дошёл этот «неверный» с точки зрения современных правил вариант.

Впрочем, у Лермонтова можно найти и другие строки, где нет должного согласования. К примеру, «до **время** не проглянет седина». О чём говорит этот пример? О безграмотности? Но что же тогда делать с Пушкиным, который не в стихах — в них из-за ритмики бывает сложно что-то исправить, но в знаменитом очерке «Путешествие в Арзрум», где замена легка, всё же написал «Граф Паскевич не дал ему (Гаки-паше — **А. П.**) **время** распорядиться». Почему этот великий грамотей не написал: «не дал ему **времени** распорядиться»? Да потому, что тогда ещё действовали старые грамматические формы, хотя новые уже побеждали в тогдашнем словаре. Впрочем, эти явно устаревшие сегодня формы всё-таки всплывают и в современном языке, к примеру, в стихотворении Станислава Куняева:

Всё тот же ветер над Окой,
всё те же звёзды, багровея,
как и во **время** Птолемея,
горят над нашей головой.

Впрочем, по-моему, нынешние критики уже не придираются к таким старорусизмам, если даже в «Избранном» поэта они опубликованы. А может быть, глаз их устал от поэтических изысков?!

Небесная правда

Михаил Юрьевич Лермонтов был редким талантом, но не единственным, кто так ярко, сильно и стремительно вошёл в мировую литературу в раннем возрасте и также рано ушёл из жизни. Пример — Шандор Петефи,

знаменитый венгерский поэт, который в 27 лет по одним, общепринятым, сведениям погиб в ходе революции 1848 года, по другим — был взят в плен русской армией как революционер, разрушитель австро-венгерской империи. Оказался в Сибири. Говорят, что там благополучно женился и благополучно и естественно закончил свои дни.

В Японии был блистательный поэт Исакава Такубоку, проживший также 27 лет. В 1904 году, узнав о гибели адмирала Макарова, который вместе с экипажем и неповторимым художником Верещагиным ушёл на дно морское, Такубоку написал стихи, посвящённые русскому флотоводцу, в которых провёл мысль о том, что да, это враг, но какой благородный враг! И сам поступил благородно, воздав должное противнику.

Вот такие редкие поэты. В жизни своей они, конечно, имели много врагов, что для таланта совершенно естественно, но жизнь их была правдивой и целеустремлённой, как у детей родного языка.

И мы приходим сегодня к Лермонтову именно потому, что он умел говорить правду о жизни. Но ещё он знал небесную правду, которая многим из нас не доступна.

И нам ли клокотать со страстью иноверца,
 Нам горячить ли слабые умы,
 Когда мы своего не знаем сердца,
 Когда своей души не знаем мы.

Перечитайте, друзья, хотя бы его последние стихи, созданные на Кавказе!

Корни конфликта

Много разных предположений по поводу драматического конфликта Лермонтова и Мартынова. Мне же кажется, что конфликт был один: между серым и ярким. Мартынов тоже писал стихи, но слабые. Лермонтов был остроумен, а Мартынов косноязычен. И конечно, не мог пережить лёгкости лермонтовского таланта.

Когда-то, по иронии судьбы, однофамилец убийцы дивный поэт Леонид Мартынов написал стихотворение о Шекспире и его преследователе, которое заканчивалось мощной самохарактеристикой: «Я был ровесником Шекспира и был завистником ему», полностью применимой к данному поединку. Лермонтов был яркой фигурой. А каждый яркий человек раздражает умом своим, необычайными способностями. То, что для серости — месяцы, годы труда, то для яркого таланта — стремительный взлёт. Он делает это как бы шутя. Но никто не знает, что стоит за этим «шутя». Какая великая, неодолимая нравственная и умственная работа!

Вот откуда растут корни давнего, ещё со времён совместной учёбы, конфликта.

Об элегии на стихи «Выхожу один я на дорогу»

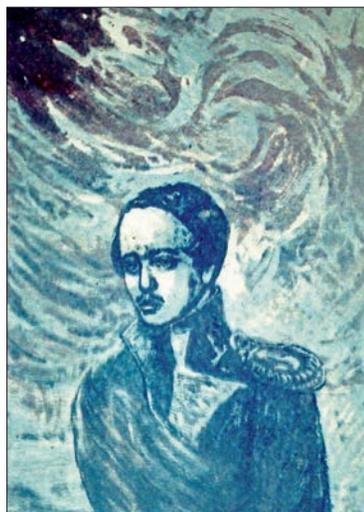
В дневниках выдающегося композитора Георгия Васильевича Свиридова — летучих записях, опубликованных его племянником А. С. Белоненко, под суховатым названием «Музыка как судьба» есть список произведений, датиро-

«Выхожу один я на дорогу...» — цветная гравюра Л. Н. Шталовой

ванных композитором, в котором указывается: «Лермоновский цикл с эскиза 1937 г. + Выхожу один я на дорогу. Элегия (ля минор)».

В комментарии к этой записи Александр Сергеевич пишет: «В личном архиве композитора сохранилось много рукописей и звукозаписей с вариантами музыкального текста элегии «Выхожу один я дорогу» на стихи М. Ю. Лермонтова. Свиридов постоянно возвращался к этому произведению, но так и не завершил его».

Можно себе представить, какой внутренней силой должна обладать эта элегия, если гений столько лет обращался к стихам великого творца и не находил в себе силы завершить её. Я ещё раз восхищаюсь мерой требовательности Георгия Васильевича Свиридова к своему таланту.

Дивные стихи

Много лет работаю над одной книжечкой, над воплощением своей давней мечты. Я хочу издать стихотворение Лермонтова «Выхожу один я на дорогу» в переводах на языки народов мира. Помнится, знаменитый международный праздник «Железноводские вечера поэзии», которому уже пятнадцать лет, мы открывали именно с него. Это стихотворение — мировая классика — переводилось на многие языки на протяжении 150 лет. Собираение переводов — дело затяжное, без помощи любителей поэзии и, в первую очередь, самих поэтов разных стран может длиться долгие годы. Кстати, спасибо за помощь Николаю Маркелову, ведущему сотруднику государственного музея-заповедника «Домик Лермонтова» в Пятигорске за поддержку идеи и реальную помощь. У нас уже есть 49 переводов, и каких переводов! Выдающегося австрийского поэта Эриха Марии Рильке — на немецкий. Депардьё, классика французской поэзии, — на родной язык. Есть и изюминка: переложение Марины Цветаевой этого стихотворения, тоже на французский. Тарас Шевченко, обожавший творчество Лермонтова, Максим Рыльский перевели на украинский. Есть переводы на английский, хинди, чувашский, азербайджанский, китайский, иврит, ногайский, языки народов Дагестана и т. д. Нет переводов на языки поволжских (кроме чувашского), сибирских, тюрских и арабских народов. Проблема и с финансированием. Но надеюсь, что к 200-летию со дня рождения поэта всё же удастся осуществить замечательный проект.

В этой книге будет несколько издательских неожиданностей для любителей поэзии, но о них говорить ещё рано.

Я сам нахожусь под дивным влиянием этого стихотворения. И не смог не написать нижеследующее стихотворение на Кавказе несколько лет назад. Эпиграфом взял строчку «Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу...»

БЕССОННИЦА

В ночи, воспетой русским офицером,
Давно уж нет покойной тишины...
Летят ракеты — внушки Люцифера,
Предвестницы безжалостной войны.

И вспарывают небо, как кинжалы,
Сверхзвуковые лезвия беды...
Шторма, землетрясения, провалы,
Цунами и кислотные дожди...

Естественно: земля не рай небесный,
И человечество — не ангелы в раю.
Но безнаказанно терзают душу бесы,
И в брате брата я не узнаю.

Неужто наши мерзки прегрешенья,
И на мученья мы осуждены,
И даже нет надежды искупленья
Своей, чужой и прадедов вины?..

Всю ночь не сплю. Гашу в душе тревогу
И призываю Божью Благодать.
Я так хочу внимать безгласно Богу,
Как только могут ангелы внимать!

268

АНАТОЛИЙ ПАРПАРА

«А я скорблю о них»

Я работал тогда в журнале «Москва». В одном кабинете со мной сидела заведующая отделом искусства Наталья Борисовна Бабочкина, чей отец, знаменитый актёр Борис Бабочкин, был живым воплощением Чапаева. Однажды ко мне в отдел поэзии зашёл популярный тогда писатель Владимир Солоухин, принёсший переводы стихотворений молдавского поэта. Любивший байки Владимир Алексеевич неожиданно вспомнил, как в одной писательской компании обсуждали кинофильм «Чапаев». Зашёл разговор о драматическом эпизоде психологической атаки каппелевцев, в котором пулемётчица Анка расстреливала в упор белогвардейских офицеров. Один из писателей спросил: «Разве не жалко расстрелянных русских офицеров?» Другой запальчиво сказал: «Мне их не жалко!» А Владимир Солоухин с горечью произнёс:

- А я скорблю о них!
- Но почему?
- Потому что расстреливали Лермонтовых.

Кремнистая строка

Пишу в свой дневник:

Я, сын равнины, горы полюбил.

Да, это так. Я действительно полюбил горы Северного Кавказа.

Вышел во двор. Свежо. Ветерок приятно обдувает сомлевшую за ночь головушку. Наконец-то звёзды, хотя и не в полном составе, но высыпали на небосвод. Небо чисто, но без той ясной глубины, которая поражала смотрящих на него из аравийских или русских пустынь. Понимается, как никогда, библейская простота лермонтовского стихотворения «Выхожу один я на дорогу» с его поразительно естественным: «Я хочу забыться и заснуть», с его неожиданным, но ещё более поразительным желанием видеть и ощущать, следить за этим дивным миром земли и космоса.

Только сейчас конкретно задумался над строкой «Кремнистый путь блестящий...» Конечно же, этот путь: от гор Железная к Машуку по долине — явственно лежал между холмами Быкогорки и Верблюдки. Уверен, что, наблюдая или вспоминая его, Лермонтов написал эту кремнистую строку.

Истинный наследник

Последние четыре года своей жизни Лермонтов как истинный наследник стремительно занимал место Пушкина, первого поэта России. Он подружился с Львом Сергеевичем Пушкиным, вошёл в авторитетный круг Карамзиных, встретился с Натальей Николаевной Пушкиной. Он стремительно становился огромным поэтом, в голове которого задумывались великие планы. Мечтал уйти в отставку, чтобы полностью отдаться литературным задумкам. Хотел написать несколько исторических романов и исследовать в своих произведениях историческую Россию. Но жизнь оборвалась слишком рано. О нём скорбела вся думающая Россия. И Алексей Степанович Хомяков, выдающийся русский философ и поэт, и Николай Михайлович Языков, изящный поэт, который вначале не принял его, особенно как прозаика, и Юрий Фёдорович Самарин, уникальный подвижник в истории нашей культуры... Их оценки творчества поэта многого стоят.

269

ЗАМЕТЫ. ДУМАЯ О ЛЕРМОНТОВЕ

«Есть грозный судия: он ждёт!»

В июле 2004 года я написал восьмистишие в честь вручения краеведческому музею города Железноводска портрета Михаила Лермонтова работы Фёдора Денисовича Константинова, народного художника СССР, и оформленного мною:

Портрет великого поэта,
Что создан музой живописца
И мне подарен, в лето это
В Музее должен появиться.
И более: сквозь все запреты,
Сквозь словоблудье мэрских буден
Музей великого поэта
В Железноводске всё же будет.

К великому сожалению ценителей отечественной культуры, восстановление национального достояния — подворья подпоручика Карпова —

заморожено и по сей день. Чиновники клятвенно обещали, что «данный жилой объект» уже включён в городскую целевую программу переселения из ветхого аварийного фонда, рассчитанную на период с 2004 по 2010 год. Увы, сроки прошли. А трущобы, в которые превратилось это историческое подворье, существуют в центре Железноводска и поныне, продолжая быть позором города. Я помню, как 15 сентября 1996 года тогдашний мэр Иван Никишин (вскоре, к сожалению, скончавшийся) громогласно, на всю страну провозгласил открытие музея Лермонтова, тут же, по окончании первого Международного Лермонтовского праздника «Железноводские вечера поэзии», проводимого Фондом имени М. Ю. Лермонтова и администрациями Ставропольского края и города, печально закрытого на пятнадцать лет. Кстати, к Лермонтову приехали известные поэты из тринадцати стран: Сирии, Китая, Белоруссии, Франции, Азербайджана, Испании, Македонии... Склонили свои головы перед гением и наши современные классики Владимир Соколов, Расул Гамзатов, Давид Кугультинов. Такого созвездия поэтов не было в Кавминводах ни до, ни после.

Все эти годы я встречаюсь с новыми администрациями, но результат тот же. Помню, в 2003 году Анатолий Зубцов, руководивший городом целое десятилетие, прилюдно сказал: «Мы виноваты перед Анатолием Анатольевичем...» Я перебил мэра: «Вы виноваты перед Михаилом Юрьевичем Лермонтовым. Это ему необходима помощь!»

Именно Анатолию Семёновичу я отдал лично 50 гравюр Фёдора Денисовича Константинова, среди которых были и ксерокопии его иллюстраций к произведениям Лермонтова, и оригиналы. Графические работы четыре года валялись неизвестно где, и после моих напоминаний их обнаружили в краеведческом музее. Коллекция моя, безвозмездно переданная в будущий музей, исчезла почти полностью. К счастью, осталась уникальная работа 1964 года: полметра в ширину, с автографом великого художника, ватман пылился в архивной комнате, а директор музея, оказывается, только от меня узнала об этой ценности. Я, конечно, виноват, что не оприходовал всё это при дарении, по неопытности своей не сделал список иллюстраций, но ведь работники музея знали, как это делается!

Любопытная закономерность: чем больше разваливается экономика того или иного города, тем выше и шире строятся хоромы руководства этого города. Неужели они не думают о Боге? Поневоле вспоминаешь Лермонтова: «Но есть и Божий суд, наперсники разврата! / Есть грозный судия: он ждёт; / Он не доступен звону злата, / И мысли и дела он знает наперёд». Разве не современны эти строки М. Ю. Лермонтова?

К сожалению, ещё долго они будут находить отклик в душах честных и благородных людей, думающих о благе своего Отечества.

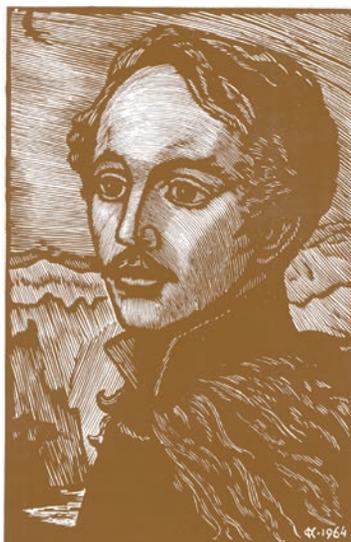
Перекличка гениев

«И слышит голос: что ж? убит». От этой строки Пушкина из «Евгения Онегина» идёт интонация лермонтовского «Убит поэт, невольник чести...»
И гении аукаются в веках.

Мудрость подсознания

Часто на выступлениях меня спрашивали: «Почему вы полюбили Лермонтова и создали фонд его имени?» И каждый раз мне было невозможно искренне ответить на этот, казалось бы, простой вопрос. Что-то мешало. И скорее всего, это «что-то» было неосознанное мною до конца, не вытащенное из подсознания, не осмысленное здравым умом, но всё же принятое когда-то мыслящей частью меня решение. Но когда я принял его, увлечённый до того творчеством Пушкина, я не знал. И даже не задумывался о том.

И вот несколько дней назад, осматривая вывезенные когда-то из дома на дачу книги, я обнаружил одномомник избранных произведений М. Ю. Лермонтова, изданный в 1946 году. (ОГИЗ ГИХЛ), формата 1/8 в 43 печатных листа. Открываю толстую обложку и читаю на первой странице следующее:

«Этот день надолго останется в памяти всех участников драматического коллектива, в котором со дня его образования занимался ты, Толик. Спасибо тебе за всё хорошее, что ты сделал для процветания нашего коллектива.» 271

Спасибо за большой, честный и плодотворный труд и за хорошую дружбу. Желаем тебе отличной службы. Мы все верим в тебя, Толик.

Прими наш маленький подарок в день твоего ухода в армию. Ждём от тебя хороших вестей.

14/10 – 59 г.

Драматический коллектив д/с д/к им. Горбунова».

Вот такое замечательное оценочное и напутственное слово моих товарищей по драмкружку. Чувствуется, что писалось коллективно моими друзьями, но с доброй коррекцией удивительного человека, нашего руководителя Виктора Александровича Стратилатова, которого я по счастливой случайности встретил в Меривьяле (под Таллином), где они с Екатериной Николаевной (женой) отдыхали.

Какой же наивный я был тогда и глупый! Эту книгу мне необходимо было захватить с собой на службу и пронести через все четыре года, тщательно изучая, а я оставил её дома. И всё же providение деликатно заставило меня полюбить Лермонтова. Не сразу, спустя три десятилетия, но полюбить и кое-что сделать для памяти этого великого юноши, сделавшего так много для русской литературы как бы шутя. Это занятие, ставшее судьбой, делом его жизни, было как бы на периферии его деятельности. Но такое впечатление обманчиво. Возможно, и у меня, предназначенного для серьёзной судьбы, есть своё дело, которое я неосознанно ещё работаю, и меня ненавязчиво кто-то (надеюсь, что ангел) подталкивает. Это знак — и не заметить его я не могу. Пора уже отличать знаки судьбы от призраков.

О тайне поэта

Настоящее является нашим верным спутником до последних дней. Но корни настоящего времени уходят в глубины прошлого, чтобы кроной древа жизни шелестеть в будущем. Многие наши поступки могут быть скорректированы знанием истории человечества. И очень важно проникновение в тайны, надёжно хранимые прошлым.

То, что Михаил Юрьевич Лермонтов — поэт мистический, знают все.

И об удивительных совпадениях: 100-летие со дня его рождения наложилось на начало Первой мировой войны, а 100-летие со дня гибели совпало с началом Второй мировой... Из звёзд, названных именами людей, самый высокий апогей — у лермонтовской звезды. Корабль, названный его именем, затонул в самой глубокой впадине Тихого океана. Ничего обычного. Всё сверх меры, или точка сверхмеры.

Но жизнь творений Лермонтова продолжается непредсказуемо, таинственно, загадочно.

Как современно звучат строки стихотворения «Сон» («В полдневный жар в долине Дагестана»), «Валерик»:

Нам был обещан бой жестокий.
Из гор Ичкерии далёкой
Уже в Чечню на братний зов
Толпы стекались удалцов.

Может быть, именно потому, что он — один из самых провидческих поэтов России:

Настанет год, России чёрный год,
Когда царей корона упадёт...

Кто не помнит из нас эти строки пророческого стихотворения пятнадцатилетнего юноши? Это «Предсказание» о народных волнениях трагически подтвердилось октяблями 1905, 1917, 1964 и, конечно, 1993 годов. А что стоит за фактом гибели Лермонтова?

Может быть, когда удастся полностью раскрыть тайну жизни и смерти «поэта сверхчеловечества» (Д. Мережковский), мистические силы космоса оставят Россию в покое? А для этого надо вслушаться в слова своего пророка и внимать им.

И тогда его голосом заговорит истина:

Я думал: «Жалкий человек.
Чего он хочет!.. небо ясно.
Под небом места много всем,
Но беспрестанно и напрасно
Один враждует он — зачем?»

Владимир Григорьевич Бондаренко родился в 1946 году в Петрозаводске. В 1979 году окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Работал в газете «Литературная Россия», журналах «Октябрь», «Современная драматургия», был завлитом в Малом театре во времена М. Царёва и во МХАТе у Т. Дорониной.

В 1998 году основал газету «День литературы». Критика, публицистика и эссеистика вошли в его книги: «Позиция», «Непричёсанные мысли», «Крах интеллигенции», «Пламенные реакционеры. Три лика русского патриотизма» и другие.

Постоянный автор «Коломенского альманаха».

Литературоведческое
исследование

Владимир Бондаренко

ДВОЙНОЙ РЕКВИЕМ

И всё-таки полнота лермонтовского гения раскрылась, как часто и бывает, вроде бы внезапно. Немало уже прекрасных стихотворений было написано, так бы дальше всё и шло. Но необходим был взрыв, прорыв из глубины подсознания всех ещё не проснувшихся сил. И 1837 год стал годом рождения поистине великого национального русского поэта. Михаил Юрьевич Лермонтов стал таким после появления своего пушкинского стихотворения «На смерть поэта», которое было признано в придворных кругах «за воззвание к революции». Это, конечно, вздор: далеко Лермонтову было до таких воззваний. Но недаром сравнивает его Достоевский с декабристом Михаилом Луниным: «при других обстоятельствах Лермонтов мог бы кончить так же, как Лунин».

Впрочем, и сам Лермонтов нечто подобное предчувствовал в себе с юности. Спокойное течение жизни должно было замениться максимальной концентрацией духа, вертикальным взлётом гения. Мгновенное перерождение. Его поэзия обрела пророческий дар. Он сам ждал этого прорыва. Вспомните, в 1837 году, вослед за стихотворением «Смерть поэта» Лермонтов подряд пишет свои совершенно гениальные стихи: «Бородино», «Ветка Палестины», «Когда волнуется желтеющая нива...», «Я, мать Божия, ныне с молитвою...» Его поэзия стремится к жизни, к действию, начинает приобретать какое-то «магнетическое влияние». Поэт почувствовал своё высокое предназначение: «Кто близ небес, тот не сражён земным...»

М. Ю. Лермонтов, графика В. Б. Зелинского

Естественно, в этом не было никакого расчёта. Применительно к поэзии Михаила Лермонтова слово «расчёт» вообще чуждо. Но писал же он в своём известном письме Марии Лопухиной о том случае, «который может судьбой представиться», и хватило бы ему смелости таким случаем воспользоваться. Поводом для такого мгновенного взлёта могла быть война, мог быть мятеж, гибель императора... Или — гибель кумира, великого поэта Александра Сергеевича Пушкина. Интуитивно поэты предчувствуют такие мгновения. Именно со стихотворения «Смерть поэта» можно отсчитывать биографию великого мастера. И дано было новому русскому гению прожить после этого лишь четыре с небольшим года... Ничья другая скоропостижная смерть в русской, да и в мировой литературе не нанесла столь мощный удар, как ранняя смерть Михаила Лермонтова. Даже смерть Александра Пушкина была гибелью великого мастера в период своего законченного совершенства. Прав был Лев Толстой, когда высказался о Лермонтове, что «если бы этот мальчик остался жив, не нужны были ни я, ни Достоевский».

Может быть, мгновенно достигнутое совершенство стиха возникло в связи с тем, что он в своём стихотворении «На смерть поэта» высказался сразу не только по поводу гибели своего кумира, но и в роковом предчувствии собственной скорой смерти? Такой двойной реквием. «С свинцом в груди и жаждой мести...» — это же о самом Лермонтове, а не о Пушкине, раненном в живот и простившем перед смертью своего

убийцу Дантеса. «Один, как прежде... и убит!» — более одинокого гения, чем Михаил Лермонтов, в русской поэзии нет. «Зачем он руку дал клеветникам ничтожным, / Зачем поверил он словам и ласкам ложным, / Он, с юных лет постигнувший людей?..» Как видна в этих строках вся поэтическая натура самого Лермонтова, презирающего лживый «высший свет» и одновременно тянущегося к нему, стремящегося попасть на все придворные балы. И на самом деле, для всех ценителей и почитателей Михаила Лермонтова навсегда останется загадкой, «Зачем ... вступил он в этот свет, завистливый и душный для сердца вольного и пламенных страстей?», зачем свернул с прямого пути, возвращаясь в полк, и вместо полка, где жили по совсем иному закону и где судьба оберегала его даже в часы кровопролитных сражений, как при реке Валерик, направился он в светский лживый Пятигорск, летний филиал Петербурга?

И одновременно это стихотворение «Смерть поэта» — великая элегия о погибшем Пушкине, это плач по русскому гению, протест против чужеродных беглецов, заполнивших, как всегда, Россию «на ловлю счастья и чинов».

Энергия погибшего Александра Пушкина явилась катализатором лермонтовского гения, разбудила в нём ещё дремавшие силы. Как писал когда-то Сергей Есенин: «Нельзя указать ни одного поэта, кроме Лермонтова, который был бы так заряжён Пушкиным». Но эту заряжённость Пушкиным никак не назовёшь простым ученичеством. Копировал, заимствовал в своей ранней юности Михаил Лермонтов много: и из Пушкина, и из Байрона, и из немецких поэтов. Это как молодые художники в период учёбы слепо копируют полотна великих мастеров. Те, кому дано большее, спустя годы ученичества обретают своё видение. Вот и у Лермонтова после поры ученичества пришла пора собственного великого прозрения. Гибель Пушкина подтолкнула это прозрение, как бы подзарядила его творческой энергией. Увы, после гибели Лермонтова нового русского гения не нашлось. Пожалуй, смерть великого поэта лишь дважды в России подталкивала к великим откликам современников. И как по-разному. Лермонтов — на смерть Пушкина. Маяковский — на смерть Есенина. Ни Лермонтов, ни Гумилёв, ни Мандельштам, ни Рубцов — значимых поэтических откликов не дождались.

Приведу одно очень меткое высказывание писателя Андрея Битова о связи Пушкина с Лермонтовым: «Перед Лермонтовым открылось будущее, как только Пушкин стал прошлым. От «Паруса» до «Смерти поэта» проходят четыре с половиной года практически творческого бездействия. Положим, Лермонтов в это время учился на офицера, был увлечён светскими похождениями, пробовал свои силы в жанрах драмы и прозы, но только одно произведение дошёл до конца, а именно, драму «Маскарад» (1835–1836), — видимо, соблазнённый громким успехом «Пиковой дамы» Пушкина... Так что не «Пушкин и Лермонтов», а Лермонтов, который начинается со стихотворения на смерть Пушкина — «Смерть поэта»... Сохранились свидетельства, что лермонтовский текст в его первоначальном виде был прочитан кем-то Николаю Первому и что император будто бы заметил: «Этот, чего доброго, заменит России Пушкина...» Лермонтов стремительно входил в эту «ипостась» — наследника, не ученика. И общественное мнение разносит: вот он, преемник, продолжатель, наследник!»

Впрочем, на тему пушкинского наследника писали все, начиная от первого биографа Лермонтова, кончая великими мыслителями Серебряного века: Розановым, Соловьёвым, Мережковским. Какое-то мистическое совпадение, предзнаменование. Смерть одного гения послужила поводом к рождению другого. Может быть, живи Пушкин до глубокой старости, Лермонтов и развивался бы совсем иначе, может быть, гений так и дремал бы в нём до конца. Хотя сомневаюсь: война, любовь, дуэли, что-нибудь иное точно так же послужило бы раскрытию лермонтовского дара. Сегодня все наши любители постмодернистской зауми относятся к этому стихотворению «Смерть поэта» с некоторой прохладцей, чуть ли не как к памятнику социалистического реализма. Может быть, поэтому в начале антисоветской перестройки так радостно переименовали метро «Лермонтовская» в «Красные ворота» — нашим прорабам перестройки Лермонтов казался большевиком начала девятнадцатого века. Патриотом и державником. И одновременно бунтарём. Так оно и было.

Конечно же, Михаил Лермонтов прекрасно понимал, что его стихотворение вряд ли вызовет удовольствие в высшем свете. Тем более все благоволили к Дантесу, все светские дамы жалели не Пушкина, а «несчастливого» убийцу. Впрочем, так же было и после гибели самого Лермонтова. Высший свет сочувствовал Мартынову. Ох, уж этот наш традиционно благоволивший перед западным миром высший свет российского общества! Что во времена Пушкина и Лермонтова, что в нынешние времена. Ничего не меняется. Даже бабушка Лермонтова говорила внуку о том, что, мол, Пушкин сел не в свои сани и сам виноват. Характерно мнение одного камергера о Пушкине, высказанное уже в 60-х годах девятнадцатого века: «Чем он велик?! Препустой и заносчивый человек, мы его при дворе не любили» («Русская старина». 1885, февраль, стр. 476).

Совсем по-другому отнеслась к гибели Пушкина студенческая молодёжь. Критик Владимир Стасов, тогда ещё начинающий студент, позже вспоминал: «Спустя несколько месяцев после моего поступления в училище правоведения Пушкин убит был на дуэли... Проникшее к нам тотчас же, как и всюду, тайком, в рукописи, стихотворение Лермонтова «На смерть Пушкина» глубоко взволновало нас... Хотя мы хорошенко и не знали, да и узнать-то не от кого было, про кого это речь шла в строфе «А вы, толпою жадною стоящие у трона», но всё-таки мы волновались. Приходили на кого-то в глубоком негодовании, пылали от всей души, наполненной геройским воодушевлением, готовые, пожалуй, на что угодно — так нас подымала сила лермонтовских стихов, так заразителен был жар, пламенеющий в этих стихах. Наверяд ли когда-нибудь ещё в России стихи производили такое громадное и повсеместное впечатление...»

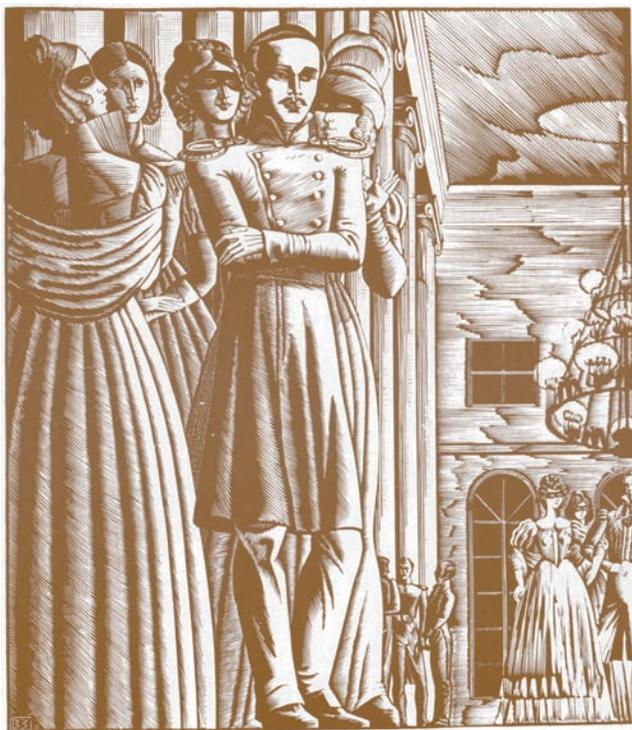
Нынешним «эстетам», пренебрежительно относящимся к этому стихотворению, я скажу, что на смерть Пушкина были написаны десятки других стихотворений самыми известными стихотворцами того времени (П. Вяземским, А. Кольцовым, Е. Баратынским, Ф. Глинкой, М. Ахундовым, В. Жуковским, Ф. Тютчевым, А. Полежаевым, Н. Огарёвым), и всё же на всю Россию прозвучал именно стих молодого, никому доселе не известного гусара. Тексту стихотворения предшествовал эпиграф, взятый из трагедии Ж. Ротру «Венцеслав» (1648), переделанный для русской сцены А. Жандром (опубликован в «Русской Талии» за 1824) и содержащий обращение к государю с требованием отмщения убийце («Отмщенья,

Поэт-воин, графика В. Б. Зелинского

государь, отмщенья!»). Может быть, Лермонтов хотел этим обращением к государю обезопасить стих. Поначалу так и случилось. Стихотворение было написано на другой день после дуэли, ещё при жизни Пушкина, без последних 16 заключительных строк. Его успели прочитать и сам государь, и великий князь Михаил Павлович. Отозвались одобрительно. Великий князь даже молвил: «От этого зреющего поэта надо ждать хороших плодов». Высоко оценил стихотворение поэт Жуковский.

Высочайшее одобрение заставило приумолкнуть злые языки, но ненадолго. В придворных кругах были недовольны и высылкой «благородного» Дантеса, и излишней похвалой Пушкина. По сути, эти враждебные круги сами и накликали на себя радикальное для того времени завершение стихотворения. К больному Михаилу Лермонтову заглянул его родственник, брат его друга «Монго» Столыпина камер-юнкер Николай Аркадьевич Столыпин, достаточно близкий придворным кругам. Одобрительно отозвавшись о стихотворении, он при этом заметил, что не надо было так нападать на Дантеса, защищавшего свою честь, Пушкин сам во многом виноват. К тому же Дантес — иностранец и русскому суду не подвластен. Лермонтов, разозлившись, сказал, что любой русский человек простил бы любую обиду со стороны Пушкина. Столыпин стал ему возражать. Прерывая его, Лермонтов заявил: «Если над ними нет закона и суда земного, если они палачи гения, так есть Божий суд». Он взял карандаш и стал что-то писать на листе бумаги. Столыпин пошутил: «Так рождается поэзия».

В гневе Лермонтов сказал, что не хочет общаться с врагами Пушкина и пусть тот немедленно уходит. Придворный дипломат покинул комнату со словами: «Mais il fou a lier» «Да он дошёл до бешенства, его надо связать». Спустя некоторое время Михаил Лермонтов уже читал своему другу Юрьеву заключительные шестнадцать строк. Позже вернулся живший в то время у Лермонтова Святослав Раевский. Увлечённый стихотворением, он переписал его набело и стал распространять уже полный текст среди знакомых. Конечно же, Михаил Лермонтов прекрасно чувствовал остроту заключительной части. Но он не запретил распространения. Вскоре его вызвали на допрос, где он дал следующее показание:

«Я был ещё болен, когда разнеслась по городу весть о несчастном поединке Пушкина. Некоторые из моих знакомых привезли её и ко мне, обезображенную разными прибавлениями; одни, приверженцы нашего лучшего поэта, рассказывали с живейшей печалию, какими мелкими мучениями и насмешками он долго был преследуем и, наконец, принуждён сделать шаг, противный законам земным и небесным, защищая честь своей жены в глазах строгого света. Другие, особенно дамы, оправдывали противника Пушкина, называли его благороднейшим человеком, говорили, что Пушкин не имел права требовать любви от жены своей, потому что был ревнив, дурён собою — они говорили также, что Пушкин негодный человек и прочее... Не имея, может быть, возможности защищать нравственную сторону его характера, никто не отвечал на эти последние обвинения. Невольное, но сильное негодование вспыхнуло во мне про-

тив этих людей, которые нападали на человека, уже сражённого рукою Божией, не сделавшего им никакого зла и некогда ими восхваляемого; и врождённое чувство в душе неопытной защищать всякого невинно осуждаемого зашевелилось во мне ещё сильнее по причине болезнью раздражённых нерв. Когда я стал спрашивать, на каких основаниях так громко они восстают против убитого, — мне отвечали: вероятно, чтоб придать себе более весу, что весь высший круг общества такого же мнения. Я удивился — надо мною смеялись. Наконец, после двух дней беспокойного ожидания пришло печальное известие, что Пушкин умер; вместе с этим известием пришло другое — утешительное для сердца русского: государь император, несмотря на его прежние заблуждения, подал великодушно руку помощи несчастной жене и малым сиротам его. Чудная противоположность его поступка с мнением (как меня уверяли) высшего круга общества увеличила первого в моём воображении и очернила ещё более несправедливость последнего. Я был твёрдо уверен, что сановники государственных разделили благородные и милостливые чувства императора, Богом данного защитника всем угнетённым; но тем не менее я слышал, что некоторые люди, единственно по родственным связям или вследствие искательства, принадлежащие к высшему кругу и пользующиеся заслугами своих достойных родственников, — некоторые не переставали омрачать память убитого и рассеивать разные невыгодные для него слухи. Тогда, вследствие необдуманного порыва, я излил горечь сердечную на бумагу, преувеличенными, неправильными словами выразил нестройное столкновение мыслей, не полагая, что написал нечто предосудительное, что многие ошибочно могут принять на свой счёт выражения, вовсе не для них назначенные. Этот опыт был первый и последний в этом роде, вредном (как и прежде, мыслью и мыслью) для других ещё более, чем для себя. Но если мне нет оправдания, то молодость и пылкость послужат хотя объяснением, ибо в эту минуту страсть была сильнее холодного рассудка. Прежде я писал разные весточки, быть может, ещё хранящиеся у некоторых моих знакомых. Одна восточная повесть, под названием «Хаджи-Абрек», была мною помещена в «Библиотеке для чтения», а драма «Маскарад», в стихах, отданная мною на театр, не могла быть представлена по причине (как мне сказали) слишком резких страстей и характеров и также потому, что в ней добродетель недостаточно награждена.

Когда я написал стихи мои на смерть Пушкина (что, к несчастью, я сделал слишком скоро), то один мой хороший приятель Раевский, слышавший, как и я, многие неправильные обвинения и, по необдуманности, не видя в стихах моих противного законам, просил у меня их списать; вероятно, он показал их, как новость, другому — и таким образом они разошлись. Я ещё не выезжал и потому не мог вскоре узнать впечатления, произведённого ими, не мог вовремя их возвратить назад и счесть. Сам я их никому больше не давал, но отрекаться от них, хотя постиг свою необдуманность, я не мог: правда всегда была моей святыней, — и теперь, принося на суд свою повинную голову, я с твёрдостью прибегаю к ней как единственной защитнице благородного человека перед лицом царя и лицом Божиим».

Вскоре его участь была решена. 27 февраля вышел царский приказ, по которому лейб-гвардии Гусарского полка корнет Лермонтов переводился

тем же чином на Кавказ, в Нижегородский драгунский полк. Для него это тоже было выбором судьбы. В том же 1837 году, уже после появления стихотворения «Смерть поэта» и крайне резкой реакции императора, он пишет, осмысливая свой путь, стихотворение «Не смейся над моей пророческой тоскою...»

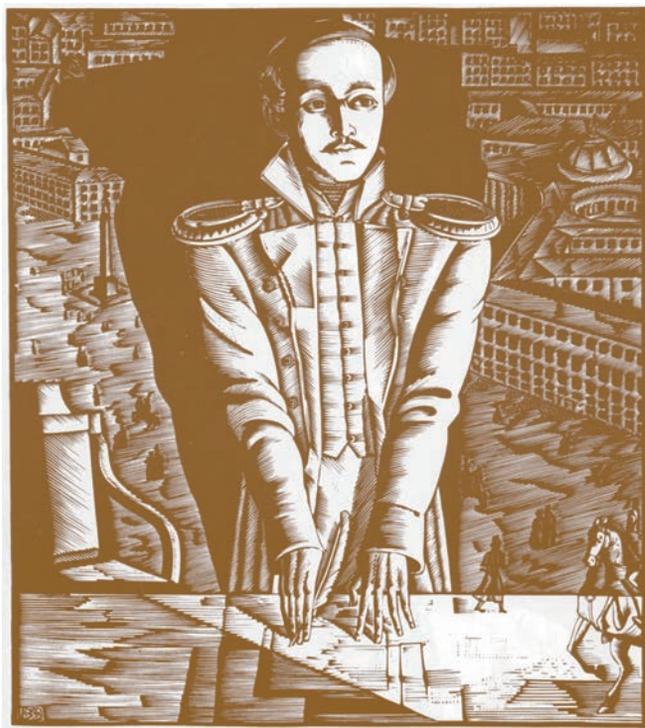
*Не смейся над моей пророческой тоскою;
Я знал: удар судьбы меня не обойдёт;
Я знал, что голова, любимая тобою,
С твоей груди на плаху перейдёт...*

*Но я без страха жду довременный конец.
Давно пора мне мир увидеть новый;
Пускай толпа растопчет мой венец:
Венец певца, венец терновый!..*

Он писал не просто стихотворение «Смерть поэта», он писал о терновом венце Пушкина, о своём терновом венце тоже. Вот так пророчески и отозвался он и на свою гибель, и на гибель любимого им поэта, не очень-то заботясь о соответствии деталей. Пусть буквоеды укоряют, что не «с свинцом в груди» погиб Пушкин, ибо ранение было в живот. Не об этом речь. Вся образованная Россия сначала замерла после ранения и смерти Пушкина, а вскоре стала жадно читать стихи никому до этого не известного поэта Михаила Лермонтова. Как писал А. Дружинин, поэт «в жгучем поэтическом ямбе первый оплакал поэта, первый кинул железный стих в лицо тем, которые ругались над памятью великого человека».

Нынче иные новоявленные лермонтоведы обвиняют всё советское литературоведение в излишней идеализации Лермонтова, в излишней идеологизации его творчества. Но все, даже самые крайние идеологические версии о творчестве поэта и его гражданственности, о его постоянном противостоянии придворному «свету» возникли не в советское время, а вскоре после его гибели или же спустя достаточно короткое время.

Это касается и истории возникновения стихотворения «Смерть поэта». Не случайно стихотворение как бы перекликается с пушкинским «Андреем Шеньем». Дело даже не в поэтической перекличке, скорее в общей теме — гибель поэта. Изыми из стихотворения строки о беглецах, заброшенных к нам на ловлю счастья и чинов, и всё остальное можно отнести... к самому Лермонтову, к другим трагически погибшим русским поэтам. «Один, как прежде...» — пожалуй, это подходит ближе самому Лермонтову, нежели далеко не одинокому Александру Пушкину. Но, конечно, поверяя своей душой поэта все эти «позоры мелочных обид», он обращался в своём стихотворении прежде всего к памяти великого старшего собрата. Говорят, Пушкин успел познакомиться с ранней лирикой Лермонтова и даже встречался с самим поэтом. По крайней мере, так считал Белинский. Но даже если это не так, сам Лермонтов чрезвычайно высоко ценил всё творчество Пушкина. Потому и не вынесла его душа поэта гибель своего кумира. Потому и не побоялся он пустить в распространение заключительные шестнадцать строк: «Вы, жадною толпой стоящие у трона, / Свободы, Гения и Славы палачи! / Таитесь вы под сению закона, / Пред вами суд и

«И вы не смаете всей вашей черной кровью...», графика В. Б. Зелинского

правда — всё молчи!» Как это напоминает сегодняшнее время?! Пожалуй, Лермонтов сегодня — самый современный поэт!

Тогда же стихотворение быстро дошло до графа Бенкендорфа. Хотел граф, опытный царедворец, к тому же добрый знакомый бабушки поэта и других Столыпиных, замять историю со стихотворением. Но когда одна из светских сплетниц А. М. Хитрова стала допытываться у графа о его отношении к этому оскорблению всей аристократии, Бенкендорф вынужден был донести обо всём императору, который к тому же уже знал об этом «Воззвании к революции». Считают, что автором письменного доноса императору была та же самая Хитрова.

Бенкендорф подал докладную записку о стихотворении Лермонтова «Смерть поэта»: «Я уже имел честь сообщить Вашему Императорскому Величеству, что я послал стихотворение гусарского офицера Лермонтова генералу Веймарну, дабы он допросил этого молодого человека и содержал его при Главном штабе без права сноситься с кем-либо извне, покуда власти не решат вопрос о его дальнейшей участи и о взятии его бумаг как здесь, так и на квартире его в Царском Селе. Вступление к этому сочинению дерзко, а конец — бесстыдное вольнодумство, более чем преступное. По словам Лермонтова, эти стихи распространяются в городе одним из его товарищей, которого он не захотел назвать». На эту докладную записку Николай Первый наложил резолюцию: «Приятные стихи, нечего сказать; я послал Веймарна в Царское Село осмотреть бумаги Лермонтова и, буде обнаружатся ещё другие подозрительные, наложить на них арест.

Пока что я велел старшему медику гвардейского корпуса посетить этого господина и удостовериться, не помешан ли он; а затем мы поступим с ним согласно закону».

Ничего не скажешь, суровая бумага. Да и карательная медицина, как мы видим, действовала уже в те времена. Против власти — значит, сумасшедший. Хотя чего уж там опасного прочитал для себя Николай Первый в стихотворении «Смерть поэта»? И о каком воззвании к революции можно говорить?

БИБЛИОТЕ А

«СТИХИ ПРИХОДЯТ — ЗНАЧИТ, СЕРДЦЕ ЖИВО...»

Фотокомпозиция Лидии Ивановной

Виктор Семёнович МЕЛЬНИКОВ. *Листья багряные*. — Коломна: ИН-ЛАЙТ, 2013. — 63 с. — 350 экз.

Поэтический сборник Виктора Мельникова, его новая книга «Листья багряные» явила миру ещё одну грань таланта мастера.

«До сих пор мы воспринимали Мельникова только как прозаика. Но оказалось, что в глубине души его таился поэтический огонёк», — пишет в предисловии Роман Славацкий — коллега Виктора Семёновича по литературному цеху. Огонёк действительно таился, но теперь он вырвался наружу: настолько изысканно ровно и по-некрасовски сильно пылает в каждом его стихотворении «души прекрасный пламень».

Поэтический сборник буквально соткан из кусочков, фрагментов, отрывков воспоминаний, переложенных на мелодию стиха, звучащую лирически проникновенно и ностальгически печально... А кроме того, книга ещё и очень «вкусно» сделана. Небольшой формат, желтоватый глянец страниц, стильная фотография Юрия Имханицкого и точёная графика художницы Василины Королёвой придают ей ни с чем не сравнимое очарование маленького шедевра.

НАСЛЕДИЕ РУССКОГО ГЕНИЯ

Олег Сергеевич Пугачёв родился 25 февраля 1953 года в городе Жигулёвске Куйбышевской области. Окончил историко-филологический факультет Пензенского государственного педагогического института им. В. Г. Белинского и философский факультет Уральского государственного университета им. А. М. Горького. Обучался в очной аспирантуре философского факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. В МГУ защитил кандидатскую и докторскую диссертации по этике (философские науки). Опубликовал около 160 научных трудов, из них 7 монографий. В настоящее время — зам. директора по научно-исследовательской работе в ГЛМЗ «Тарханы».

Литературоведческое
исследование

Имя Лермонтова в мировой культуре занимает одно из видных мест. Ранее и более всего значение человека раскрывается через персональное восприятие других выдающихся людей. Мы смело можем утверждать, что большое значение в раскрытии исключительности лермонтовского дарования имеют высказывания его земляка, гения русской литературно-критической мысли В. Г. Белинского.

Достоверно известно, что критик, по крайней мере, дважды встречался с поэтом, причём их первая встреча (в Пятигорске) закончилась взаимным недовольством. Вполне вероятно предположение о том, что маленького Мишеля вначале пользовал уездный обер-лекарь Григорий Никифорович Бельнский, отец критика, который занимал эту должность с 1816 по 1835 гг.

Именно В. Г. Белинскому принадлежит первенство «открытия» наследника А.С. Пушкина. Так, в первом отзыве Виссариона Григорьевича на «Песню про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» встречаем такие слова: «Не знаю имени автора этой песни ... но если это первый опыт молодого поэта, то не боимся попасть в лживые предсказатели, сказавши, что наша литература приобретает сильное и самобытное дарование». Необходимо отметить и тот факт, что М. Ю. Лермонтов в драме «Странный человек» выводит на сцену героя с фамилией Белинский». Трудно теперь определить, откуда в произведении взялась именно эта фамилия, но сам факт её наличия многозначителен.

*Г. Белинский (Чембар).
Дом-музей В. Г. Белинского*

Недаром поэт во время встречи с критиком в Пятигорске употребляет выражение «к нам в Чембар», подчёркивая тем самым общность места, «землячество» с Белинским.

Пензенская земля стала тем культурным пространством, где сформировалось творческое сознание многих выдающихся людей. Среди них — Лермонтов и Белинский, отличающиеся по социальному положению, но схожие, на наш взгляд, по способу восприятия и переживания действительности. Не стоит забывать и о том, что их *alma mater* — Московский императорский университет. Именно В. Г. Белинский впервые указал на духовно-нравственную, философскую глубину творений Лермонтова. Критик раскрыл образ Печорина как психологически неоднозначный, но художественно истинный:

«Вы говорите против него, что в нём нет веры. Прекрасно! но ведь это то же самое, что обвинять нищего за то, что у него нет золота: он бы и рад иметь его, да не даётся оно ему. И притом, разве Печорин рад своему безверию? Разве он гордится им? Разве он не страдал от него? Разве он не готов ценою жизни и счастья купить эту веру, для которой ещё не настал час его? ... Вы говорите, что он эгоист? — Но разве он не презирает и не ненавидит

Пензенская обл., с. Лермонтово, усадьба Тарханы, барский дом и церковь Марии Египетской

Памятники М. Ю. Лермонтову в Тарханах и В. Г. Белинскому в Чембаре

себя за это? Разве сердце его не жаждет любви чистой и бескорыстной?.. Нет, это не эгоизм: эгоизм не страдает, не обвиняет себя, но доволен собою, рад себе. Эгоизм не знает мучения: страдание есть удел одной любви. Душа Печорина — не каменная, но засохшая от зноя пламенной жизни земля, пусть взрыхлит её страдание и оросит благодатный дождь, — и она произрастит из себя пышные, роскошные цветы небесной любви».

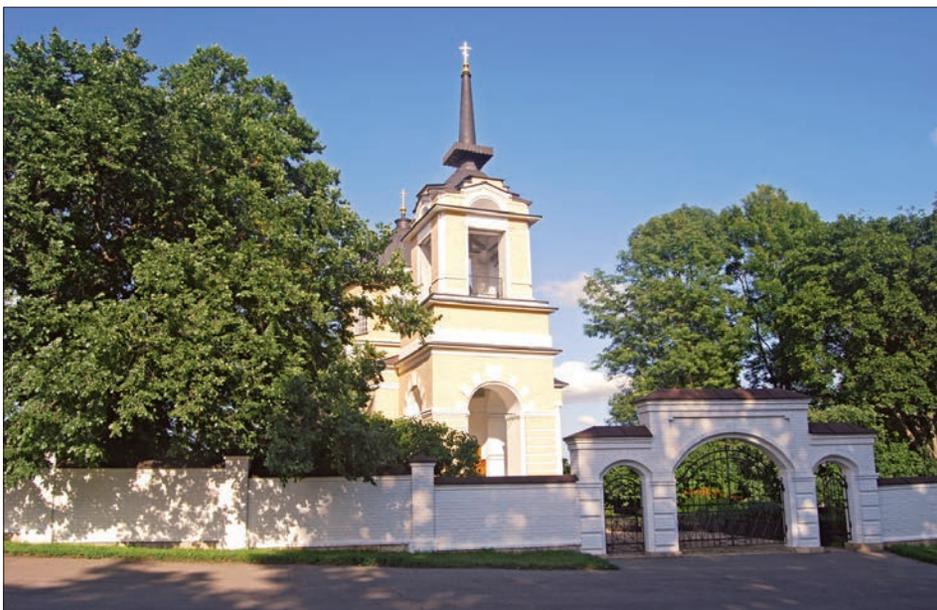
285

Многим читателям приходило на ум тождество автора и образа главного героя. Несомненно, писатель, художник фиксирует в своём творчестве то, что так или иначе отражает его собственное «я». Но вопрос о том, насколько близок автору Печорин, был адекватно решён именно Белинским.

В одном из писем В. П. Боткину критик сообщал: «Недавно был я у него в заточении и в первый раз поразговаривал с ним от души. Глубокий и могучий дух! Как он верно смотрит на искусство, какой глубокий и чисто непосредственный вкус изящного!» В оценке творчества М. Ю. Лермонтова критик оказался намного выше большинства современников и ряда мыслителей последующих веков.

Интересно мнение о Лермонтове русского поэта, критика, теоретика и историка литературы С. П. Шевырёва. Нелицеприятный и местами жёсткий характер его критических высказываний вызвал обоснованные замечания знаменитых современников. Тем не менее этот ведущий публицист журнала «Москвитянин» при разборе «Героя нашего времени» писал об авторе следующее:

«По смерти Пушкина ни одно новое имя, конечно, не блеснуло так ярко на небосклоне нашей словесности, как имя г. Лермонтова. Талант решительный и разнообразный, почти равно владеющий и стихом и прозой <...> Оба мира поэзии: наш внутренний, душевный, и внешний, действительный, — равно для него доступны. Редко бывает, чтобы в таком молодом таланте жизнь и искусство являлись в столь неразрывной и тесной дружбе. Почти всякое произведение г-на Лермонтова есть отголосок

Тарханы, церковь Михаила Архангела, сельское кладбище

какой-нибудь сильно прожитой минуты. <...> Судьба, ударяя по такой душе, приавшей при своём рождении дар предугадания жизни, тотчас открывает в ней источник поэзии: так молния, случайно падая в скалу, таящую в себе источник воды живой, отверзает ему исход ... и новый ключ бьёт из открытого лона».

В этом отрывке, по-видимому, проглядывают два направления в оценке гения, подхваченные и развитые философской критикой «серебряного века»: это способность предугадывания, предвидения (профетизм) и тема судьбы, довлеющей над поэтом.

Полемизируя, с одной стороны, с Ф. В. Булгариным, чьи личность и литературно-критическая деятельность обычно представляются как одиозные, а с другой — с В. Г. Белинским, С. П. Шевырёв тем самым как бы укреплял своё «срединное» положение. Ф. В. Булгарин был противником А. С. Пушкина и всего пушкинского направления. Для Лермонтова же Пушкин был воплощением гения художественного творчества. Добавим, что на Булгарина Лермонтов написал весьма острую эпиграмму, а от его толкования «Героя нашего времени» он предпочёл отмежеваться в предисловии ко второму изданию романа (1841 год).

В этой связи необходимо отметить, что критикам лермонтовских произведений редко удавалось удержаться в рамках идеологии того лагеря, который они представляли. Удивительной и в то же время характерной предстаёт булгаринская оценка «Героя нашего времени», искренняя и заинтересованная:

«Я вовсе не знаю автора, никогда не видал его, ничего не читал прежде из его произведений, потому что не читаю тех журналов, в которых он печатает свои стихотворения... Не знаю и знать не хочу, какого он мнения обо мне, но прочитав «Героя нашего времени», преклоняю перед автором моё литературное знамя и отдаю ему полный салют!

Скажите, ради Бога, где созрело, где развилось это необыкновенное дарование? Каким волшебством этот юный ум проник в тайники природы, в глубину души человеческой? Какая непостижимая сила сорвала перед ним личину общества и объяснила болезнь, которую оно страждет в наше время, в XIX веке! Вот это чудеса для меня <...> «Герой нашего времени» есть создание высокое, глубоко обдуманное, выполненное художественно. Господствующая идея есть разрешение великого нравственного вопроса нашего времени: к чему ведут блистательное воспитание и светские преимущества без положительных правил, без веры, надежды и любви?»

Среди русских мыслителей, неоднозначно относившихся к личности и творчеству М. Ю. Лермонтова, оказался Ф. М. Достоевский. В «Дневнике писателя за 1877 год» он пытается развести понятия «байронизм» и «русский байронизм», в частности байронизм лермонтовского типа:

«Лермонтов, конечно, был байронистом, но по великой своеобразной поэтической силе своей и байронист-то особенный — какой-то насмешливый, капризный и брюзгливый, вечно не верующий даже в собственное своё вдохновение, в свой собственный байронизм. Но если б он перестал возиться с больною личностью русского интеллигентного человека, мучимого своим европеизмом, то наверно бы кончил тем, что отыскал исход, как и Пушкин, в преклонении перед народной правдой, и на то есть большие и точные указания. <...> Повторяю, остался бы Лермонтов жить, и мы бы имели великого поэта, тоже признавшего правду народную, а может быть, и истинного «печальника горя народного».

Действительно, в творчестве поэта мы находим истоки тех мотивов, которые затем реализуются у Н. А. Некрасова в образах русских людей, крестьян-тружеников, женщин, детей, народных героев и заступников. У Л. Н. Толстого «Бородино» станет главной идеей «Войны и мира».

Тарханы, мельница

*Тарханы. Памятник М. Ю. Лермонтову
в часовне-усыпальнице Лермонтовых и
Арсеньевых у церкви Михаила Архангела*

Именно Лермонтов сумел увидеть и полюбить свою родину через тот наличный природный и культурный мир, который предстаёт как «дымок спалённой жнивы», «в степи ночующий обоз», «чета белеющих берёз». Всё это типичный тарханский пейзаж, с детских лет знакомый и близкий поэту. Верны и мудры слова поэта: «С отрадой, многим незнакомой...» Действительно, мало кому из тех, кто привык блистать в свете, известна была радость по поводу крестьянского достатка в виде полного гумна или избы с резными ставнями.

Мало кто мог любить родину и народ так искренно и пылко, с душой и глазами, открытыми навстречу истине.

Другой земляк М. Ю. Лермонтова — знаменитый историк В. О. Ключевский. Главным мотивом лирики Лермонтова он считал грусть. Отличая поэтическую грусть от состояния скорби, в том числе и мировой, историк пытался проследить тот путь, по которому следовали душа и разум поэта внутри социальных и личностных обстоятельств. В. О. Ключевский предлагает следующий взгляд:

«Личное чувство поэта само по себе, независимо от его поэтической обработки, не более как психологическое явление. Но если оно отвечает настроению народа, то поэзия, согретая этим чувством, становится явлением народной жизни, историческим фактом. Религиозное воспитание нашего народа придало этому настроению особую окраску, вывело его из области чувства и превратило в нравственное правило, в преданность судьбе, т. е. воле Божией. Это — русское настроение, не восточное, не азиатское, а национальное русское. Поэзия Лермонтова, освобождаясь от разочарования, навеянного жизнью светского общества, на последней ступени своего развития близко подошла к этому национально-религиозному настроению, и его грусть начала приобретать оттенок поэтической резиньяции, становилась художественным выражением того стиха молитвы, который служит формулой русского религиозного настроения: да будет воля Твоя».

О том, насколько сильно разгорелись «страсти по Лермонтову» в пятидесятилетнюю годовщину со дня его смерти, свидетельствует уже тот факт, что статья Ключевского вызвала резкие возражения. В частности, в печати появились критические отзывы И. И. Иванова и Н. К. Михайловского. Первый упрекал автора за то, что тот пытался приписать М. Ю. Лермонтову совершенно чуждое ему мирозерцание. Второй протестовал против уподобления поэта (по кротости и набожности) русскому царю Алексею Михайловичу.

*Тарханы. Часовня-усыпальница
Лермонтовых и Арсеньевых*

Таким образом, творчество Лермонтова редко кого из мыслящих людей оставляло равнодушным. Заключим краткий экскурс высказыванием русского мыслителя Д. Л. Андреева, который подчёркивал в поэте дар мистического провидения скрытой реальности. Выделяя в его творчестве богоборческую и вероутвердительную тенденции, Андреев в знаменитой книге «Роза Мира» писал:

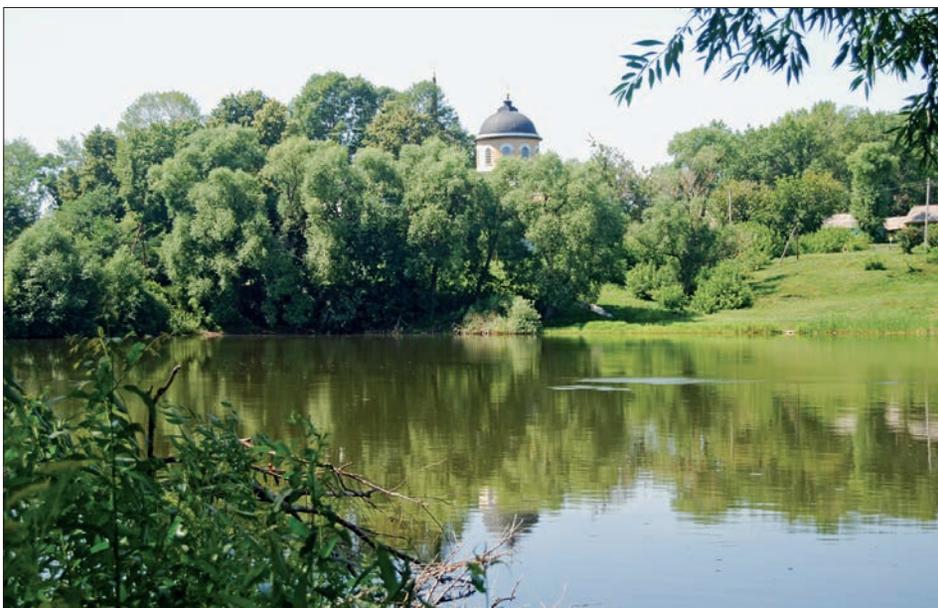
«<...> в глубине его стихов, с первых лет и до последних, тихо струится, журча и подымаясь порой до неповторимо дивных звучаний, вторая струя: светлая, задушевная, тёплая вера. Надо было

утерять всякую способность к пониманию духовной реальности до такой степени, как это случилось с русской критикой последнего столетия, чтобы не уразуметь чёрным по белому написанных, прямо в уши кричащих свидетельств об этой реальности в лермонтовских стихах. Надо окаменеть мыслью, чтобы не додуматься до того, что ангел, нёсший его душу на землю и певший ту песнь, которой потом «заменить не могли ей скучные песни земли», есть не литературный приём, как это было у Байрона, а факт. <...> Нужно быть начисто лишённым религиозного слуха, чтобы не почувствовать всю подлинность и глубину его переживаний, породивших лирический акафист «Я, Матерь Божия, ныне с молитвою...», чтобы не уловить того музыкально-поэтического факта, что наиболее современные по своей небывалой поэтической музыкальности строфы Лермонтова говорят именно о второй реальности, просвечивающей сквозь зримую всеми...»

Как и многие поклонники лермонтовского гения, Д. Л. Андреев задавался вопросом о том, каких вершин человеческого духа смог бы достичь русский поэт, если бы не погиб так рано. Мыслитель полагал, что это был бы невиданный доселе синтез искусства, религии и этики, благодаря которому могла появиться новая степень человеческой духовно-нравственной организации. Отсюда вытекает и общая оценка двух трагических событий русской истории XIX века: гибели Пушкина и Лермонтова. Если первая потеря оценивалась как трагедия, то вторая — как катастрофа. У этого суждения, как нам кажется, имеются веские основания.

Жизнь и творчество М. Ю. Лермонтова ещё не одно столетие будут предметом оживлённых споров, поскольку наследие, оставленное русским гением, столь же беспокойно, мятежно, сколь тревожна совесть, охваченная поиском смысла бытия и занятая решением больших и малых человеческих проблем.

Прошло два века со дня рождения М. Ю. Лермонтова, и хотелось бы ответить на вопрос: как наше время понимает Лермонтова? И не только его творчество, но и личность, дух и душу поэта? Есть ли у него последователи? Как повлияло его творчество на развитие отечественной и

Тарханы. Большой пруд

мировой культуры? Чтобы дать выверенную и объективную оценку теме «Лермонтов и современность», нужна, вероятно, совместная работа целой группы специалистов, и потому неизбежно наш ответ на него будет представлять собой лишь попытку, фрагментарную и, конечно, не лишённую субъективности. И всё же, на наш взгляд, есть необходимость попробовать «объять необъятное» в виде определённого приближения к теме.

Одним из явных индикаторов, тревожно отозвавшихся в личном сознании, являются следующие слова Аллы Максимовны Марченко, автора одной из последних капитальных работ о М. Ю. Лермонтове: «Лермонтов и Пушкин, — писал Блок в 1906 году, — образы «предустановленные», загадка русской жизни и литературы». Для людей Серебряного века это — аксиома, для нас, нынешних, — всего лишь красивая, но пустая фраза. От разгадывания русских загадок Лермонтов отставлен. Споры — диспуты — сшибки — быть или не быть России Россией — обходятся без него».

О том, что всё обходится «без него» в диспутах о России, можно ещё спорить — ведь есть же «странная любовь», превратившаяся в серьёзное концептуальное образование, а если повести речь о «Думе», то тем более: не отстранён, поскольку неустрашим, а игнорировать можно кого угодно, в том числе и из ряда великих людей. Нас больше всего беспокоит первая, по-видимому, очень точная характеристика: то, что было естественным для людей Серебряного века, для нас обратилось пустой фразой. Почему? Потому что век прагматики, потребления-потребительства, засилья серости?.. А какие ещё «красивые фразы» из посвящённых Лермонтову отдаются пустым звоном в наших душах?

«Оба мира поэзии: наш внутренний, душевный, и внешний, действительный, — равно для него доступны».

«Не от «благословенного» Пушкина, а от «проклятого» Лермонтова мы получили этот «образок святой» — завет матери, завет Родины».

По-видимому, до такой оценки Лермонтова не поднялась ни одна эпоха. Но что же особенного сказал, например, Вл. С. Соловьёв? Что Лермонтов — гений, то есть имеет высшую степень одарённости, что он неверно понял своё предназначение? А предназначение — следовать путём Спасителя, нравственно одолевая смерть, в том числе — посредством творчества.

Наше время... оно просто отказывается от всякого «идеализма», идеалов и идеализаций; оно пришло к тому, что «хлеб насущный», тем более, если он хотя бы на время есть и в руках, и во рту, именно он заменит духовную жизнь, и больше ничего не надо, кроме наслаждений и развлечений. Но это старая, или общая, проблема, которая долго ещё останется нерешённой, ввиду извечной противоположности духа и материи.

Соловьёв, так высоко поставивший Лермонтова и так много с него спросивший, заметил, что люди, если они решают вести жизнь животную, никогда не удерживаются на уровне братьев наших меньших, падают ещё ниже. Страшно подумать, а если внимательно посмотреть, то реально так и выходит. Пошлая часть современности стремится ополщить и Лермонтова, да и в целом — оскорбить и унижить не только возвышенное, священное, но и просто нормальное. Люди же духовных запросов ведут себя, как всегда: башня из слоновой кости ещё сдерживает натиск воинствующей «желтизны», ещё можно парить над мутью, не касаясь её крыльями... Можно... или уже нельзя?

Интернет показывает, как много желающих идти в бой и отстоять «своего» Лермонтова, принимает участие в горячих диспутах.

Однако страсти о поэте разгораются вовсе не по поводу общего значения его творчества: они затрагивают вещи гораздо более прозаические. Вновь поднимаются мутные волны относительно национальности, харак-

Тарханы. Церковь Марии Египетской

тера, якобы детей, ему стараются приискать нового отца и т. д. и т. п. Интерес нешуточный, котёл пересудов кипит, испарения лжи и клеветы отравляют тех, кто незнаком с подробностями лермонтовской биографии и документальными данными. На этом фоне как-то тихо и незаметно продолжается работа исследователей: историков, краеведов, научных сотрудников музеев и библиотек — всех, кто так или иначе связан с областью гуманитаристики под названием «лермонтоведение».

Среди всего потока литературы о Лермонтове, его творчестве и биографии необходимо, на наш взгляд, выделить тему религиозности поэта. Она весьма непростая и, вероятно, пока далека от исчерпывающих суждений. Биографические данные пополнились прямыми или косвенными документами, подтверждающими истину о том, что и в отдалённое от тех или иных людей и событий время возможны открытия. Огромную архивную, публикаторскую работу ведёт Д. А. Алексеев, издающий собственный журнал «М. Ю. Лермонтов: исследования и материалы»; продолжается интенсивная литературоведческая работа, выходят сборники и публикуются отдельные статьи, как, впрочем, и монографии. Нашлось место Лермонтову и в интернет-пространстве, где чаще всего люди высказываются свободно и интересно. Общий вывод, сделанный профессором Н. М. Инюшкиным, гласит: «Россия XXI века не забывает Лермонтова, что бы ни говорили о новых и сверхновых временах», и, главное, творческим наследием М. Ю. Лермонтова интересуется молодое поколение. О чём это говорит? О том, что Лермонтов созвучен современности, что он мог заглянуть в человеческое и сверхчеловеческое запределье. Он один выступил так ярко, как мыслитель, в поэзии и через поэзию. Но разве мы открываем здесь что-либо новое? Нет, конечно, это не более, но и не менее чем констатация. А констатация основывается на постоянстве признаков.

Так что же мы можем сказать о Лермонтове здесь и сейчас, актуально, для нашего времени? Самое общее и в то же время самое конкретное: Лермонтов нужен нам, его творческие, духовные открытия прокладывают путь к Истине, они убеждают в том, что вне Истины, Добра и Красоты человек не живёт, а только «пропадает» (П. А. Бакунин). Беспощадно обнажая с помощью рефлексии потайные ходы человеческой совести, Лермонтов в образе своего героя предстаёт перед нами как человек, желающий давать себе свой отчёт в своих действиях и чувствах, в своих взаимоотношениях с окружающим миром, в своих претензиях к социальному устройству и даже к сверхъестественным основам бытия. Он решает жить сознательно, т. е. по-человечески, а для этого нужно знать своё сознание, иметь самосознание. А в принципе — «знать добро и зло». Проходя через зло, важно сохранить себя для добра, устоять в условиях соблазна, своеволия и равнодушия... Мы можем учиться у Лермонтова на примерах нравственного решения насущных человеческих задач, учиться мужеству и совестливости, учиться свободе и чести и человеческому достоинству.

Как и перед всяким мыслящим индивидом, но необычайно рано перед Лермонтовым предстали вопросы о смысле жизни, бытия в целом. Конечно, и его сознание заходило в тупики, подобные следующим: зачем созидать, если всё рано или поздно разрушается; зачем жизнь, если смерть неизбежна? Да и самая крайняя степень фатализма основана на бессосновности смерти, её неотвратимости. Правда, тут могут возникать

образы-заместители, своеобразные эвфемизмы, маскирующие исчезновение жизни: смерть-сон; смерть-отдохновение; смерть-забвение и т. д. Не отсюда ли платоновское мнение «Поэты также и врут часто». Безусловно, у Лермонтова степень вдохновения весьма высока, но на крылья мечты всегда давят свинцовая тяжесть думы, усилием мысли добытая горькая правда. Слова Екклесиаста о скорби, приносимой познанием, сбылись над русским поэтом в полной мере. Но от познания не отказался, даже на той ступени, где обозначился порог трансцендентного. Его теодицея и антроподицея художественны, поэтичны, их можно восстановить из элементов калейдоскопа «мыслей, облечённых в рифму».

При сильной концентрации на состояниях личного «Я» Лермонтов, тем не менее, стремился к социальному, поскольку в социальности интуитивно чувствовал и сознательно прозревал оплот и спасение от исторического беспамятства, от забвения и смерти.

Мне нужно действовать, я каждый день
Бессмертным сделать бы желал, как тень
Великого героя, и понять
Я не могу, что значит отдыхать.

Этот чрезвычайный активизм был присущ молодому поэту до конца его кратких дней. Строй его мировосприятия, миропереживания и творчества в целом легко вписывается в рамки экзистенциализма, на что уже обращали внимание исследователи. И на этой основе открываются перспективы нового прочтения, новые интерпретации лермонтовского творчества.

Абсурдность жизни, смерти, тревога, печаль, забота, страх... Всё это как бы давно знакомо и теоретически освоено, но... живёт живой жизнью и продолжает вопрошать и тревожить рассудок и разум всё новых поколений.

И XIX, и XX века ощутили в Лермонтове нечто чрезвычайно неординарное и в личностном, и в творческом отношении, но мы хотим сказать о том, что вполне обозримое наследие гения оказалось неисчерпаемым. При этом мы не исключаем того, что для кого-то всё давно ясно и решено. И всё же — есть что-то недосказанное, неугаданное, невыявленное в том, что нам осталось от Лермонтова.

XXI век откроет и уже открывает в творчестве Лермонтова те грани таланта и гения, которые ещё вчера оставались вне сферы внимания, не были востребованными, не актуализировались. Одной из первых попыток нового осмысления творчества поэта, определения степени его созвучия новому историческому периоду страны стала Всероссийская научно-практическая конференция «Лермонтовское наследие в самосознании XXI столетия» (2004 год), проведённая совместными усилиями Музея-заповедника М. Ю. Лермонтова «Тарханы» и кафедры философии Пензенской государственной сельскохозяйственной академии в год 190-летия со дня рождения поэта. Начало нового века задавало и новое звучание традиционным исследовательским темам, а они были разнообразными, их названия говорят сами за себя: «Лермонтовские Тарханы: окно в Россию», «Нет, не тебя так пылко я люблю»: мотив нелюбви в творчестве М. Ю. Лермонтова», «Образ Лермонтова в советской повествовательной прозе», «Лермонтовская феноменология детства», «Мечта о горных вершинах:

романтика лермонтовского перевода», «Религиозная традиция в творчестве М. Ю. Лермонтова» и другие...

В Москве и Санкт-Петербурге активную и плодотворную работу вели филиал Межрегионального лермонтовского общества, библиотеки. Выходили интересные, тематически насыщенные сборники Санкт-Петербургских и Московских лермонтовских чтений. Безусловно, большая роль в исследовании и популяризации лермонтовского творчества принадлежит музеям поэта: дом-музей на Малой Молчановке (Москва), музей-заповедник «Тарханы», музей М. Ю. Лермонтова в Пятигорске («Домик Лермонтова»), музей в Тамани.

Здесь не место заниматься критическим разбором статей, монографий, кандидатских и докторских диссертаций, посвящённых творчеству поэта. Можно сказать только, что уровень интеллектуальной глубины и степень эмоционального воздействия на читателя, которые мы находим в работах Вл. С. Соловьёва и Д. С. Мережковского, не был достигнут. Возможно, не только потому, что некому было сравниться с этими двумя философами, а и в силу ситуативной неповторимости людей и событий...

Лермонтов, его наследие — это общее духовное достояние России и всего культурного мира.

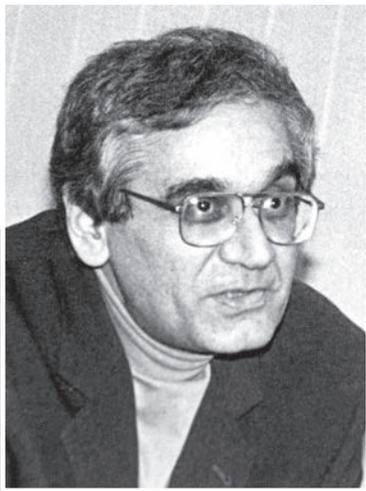
ОЛИМПИЙСКИЕ ИГРЫ В СОЧИ

ГРАФСКАЯ БРОНЗА

Коломенская конькобежка Ольга Граф принесла России первую медаль Олимпиады

9 февраля на зимней Олимпиаде в Сочи **Ольга Граф** завоевала первую медаль для России. Это бронзовая медаль, но она дорогая и очень почётная, потому что олимпийские медали бывают только у победителей. Она пробежала трёхкилометровую дистанцию на «Адлер-Арена» за 4.03,47, установив личный рекорд и уступив лишь голландской и чешской спортсменкам.

Владимир Александрович Викторovich родился в 1950 году в городе Горьком (Нижнем Новгороде), где окончил филологический факультет университета.

Доктор филологических наук, профессор кафедры литературы Московского государственного областного социально-гуманитарного института, в котором трудится с 1979 года.

Автор многих работ по истории русской литературы. Член редколлегии энциклопедического словаря «Русские писатели. 1800 – 1917» (вышел т. 5, готовится следующий), здесь ему принадлежит, среди других, и статья об И.И. Лажечникове. Руководитель проекта «Коломенский текст»: одноимённые сайт и книжная серия, ряд научных статей.

Литературоведческое
исследование

Владимир Викторович

ЗАГАДКИ ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ

(литературный диалог
Лермонтова и Лажечникова)

Осенью 1831 года студент нравственно-политического отделения Московского университета Михаил Лермонтов написал стихотворение, не до конца ещё разгаданное нами.

Из Паткуля

Напрасна врагов ядовитая злоба,
Рассудят нас бог и преданья людей;
Хоть разны судьбою, мы боремся оба
За счастье и славу отчизны своей.

Пускай я погибну... близ сумрака гроба
Не ведая страха, не зная цепей.
Мой дух взлетает всё выше и выше
И вьётся, как дым над железною крышей!

Лермонтоведы установили: стихотворение написано под впечатлением от романа И. И. Лажечникова «Последний Новик, или Завоевание Лифляндии в царствование Петра Великого», а точнее, первых двух его частей, вышедших одна за другою весною и летом 1831 года. Один из героев этого романа — реальный Иоганн Рейнгольд Паткуль (1660–1707), латыш, перешедший на службу к Петру I и впоследствии казнённый «за измену» по приговору шведского короля Карла XII. Лажечников изобразил Паткуля как истового патриота Лифляндии и хитроумного политика. Для высокой своей цели, замечает автор, «изыскивает он все средства и ни одного не отвергает».

Но вернёмся к лермонтовскому Паткулю. К кому обращается он и в чьей

Иоганн Рейнгольд фон Паткуль

судьбе видит нечто близкое («ядовитая злоба» современников, борьба «за счастье и славу отчизны своей», близость несправедливого конца)? Самое авторитетное издание — «Лермонтовская энциклопедия» — не даёт ответа на этот вопрос, называя адресат Паткуля «неким оппонентом». Между тем ответ будет яснее, если вспомнить ещё раз, что стихотворение писалось под впечатлением романа Лажечникова «Последний Новик».

Главный герой романа Владимир, он же Последний Новик, в чём-то повторяет судьбу Паткуля. Он так же изгнан из своего отечества, из России, где его ждёт казнь за покушение на цареубийство, и так же, как Паткуль, он тем не менее служит изгнавшему его отечеству, «изыскивая все средства» (он — шпион, двойной агент Швеции и России).

Так что скорее всего Паткуль у Лермонтова обращается со своей исповедью к Новiku. Только тот может понять муки изгнанника, кто и сам живёт ожиданием страшного конца: «Может быть, завтра ждёт меня виселица в неприятельском стане, как изменника, или позорная казнь назначена мне среди моих соотечественников... Умру — и самую могилу отчужденца палач назначит подалее от православных! Кто посетит место пугалища?... Какое семейство, какой край и народ признают меня своим?...» («Последний Новик»).

Кажется, эта мука лажечниковского Новика отразилась ещё в одном лермонтовском стихотворении, написанном той же осенью 1831 года:

Настанет день — и миром осужденный,
 Чужой в родном краю,
 На месте казни — гордый, хоть презренный —
 Я кончу жизнь мою...

Как бы то ни было, но изгнание, несправедливое отношение отчизны к своему герою и страдальцу — эта тема Лажечникова затронула очень глубокие струны в душе юного поэта. Стоицизм лажечниковского героя отзовется через год в нравственном кредо другого лермонтовского персонажа: «Должны мы жертвовать собой для непризнательной отчизны» («Измаил-Бей»). То есть, получается, отдавать жизнь, не ожидая даже малейшей благодарности!

У Лажечникова и Паткуля, и Владимир надеются лишь на суд потомков, на справедливость Всевышнего. Сравним у Лермонтова: «Рассудят нас Бог и преданья людей».

Мотив высокого изгнания (ср. у Лермонтова в том же 1831 году: «изгнанием из страны родной хвались повсюду как свободой») у обоих писателей не был одной только данью литературной традиции — байронизма. Живая, горячая кровь пульсирует в стихотворных и прозаических строчках. Об иных изгнанниках «непризнательной отчизны» не могут забыть ни Лажечников, ни Лермонтов.

Два эпитафия из стихов казнённого Рылеева вставил в свой роман Лажечников, не называя, разумеется, автора (знак для посвящённых!) — не высоким ли безумием отдаёт этот рискованный поступок? Да в одних ли эпитафиях дело? Судьба Новика и Паткуля, их нравственный стоицизм и при этом — да! — вина отчизны перед своими изгнанниками, вот где и в чём Лажечников подаёт руку Лермонтову.

И Лермонтов ответно горячо пожимает её. Через несколько лет в «Княгине Лиговской» он поведёт Печорина и Веру в Симонов монастырь, «на площадку западной башни, ту самую, где последний Новик открыл так поздно имя своё, и судьбу свою, и своё изгнанническое имя». Заметим: для романтика Лермонтова Симонов монастырь освящён уже не памятью о карамзинской Бедной Лизе, герои совершают паломничество сюда совсем не так, как их родители, им светит уже другая литературная звезда (после «Новика», свидетельствовал Белинский, «доселе неизвестный автор сделался общим любимцем»). И ещё заметим: с помощью Лажечникова Лермонтов почти цитатно (кому же неизвестен был Новик?!) вводит в свою повесть тему изгнанничества. Ту, что приведёт его в конце концов к «Герою нашего времени». Так свяжутся в одну цепочку романтическое творение Лажечникова и шедевр русской классики. Школу Лажечникова наряду с другими литературными школами Лермонтов прошёл экстерном.

Вернёмся к стихотворению «Из Паткуля». Перед нами своеобразный (и характерный для юного поэта) образчик «книжной» поэзии. Лермонтов как бы делает перевод романа на язык поэзии. Но этого мало. Он ещё и дописывает роман. Ведь в 1831 году вышли лишь две первые части, а последняя, где будет рассказано о гибели Паткуля, задержится чуть не на два года. Не дожидаясь неторопливого романиста, поэт дал свою версию. И что удивительно, в главном они совпали.

Вот слова лажечниковского Паткуля перед казнию: «С сердца моего спало тяжёлое бремя; *я чувствую в себе большую перемену*. Радуюсь, что должен умереть: неволя мучительнее смерти!» (*Курсив мой* — В. В.)

Такое ощущение, что Лажечников прочёл второе четверостишие «Из Паткуля». Но это исключено, т. к. стихотворение было опубликовано уже после смерти романиста. Совпадения отчасти можно объяснить, предположив, что Лермонтов после чтения романа обратился к одному из его источников, к «Письмам несчастного графа И. Р. Паткуля, полководца и посланника российского императора Петра Великого», изданным в Москве в 1806 году. Здесь, в одном из писем перед казнию, мы находим тот момент духовного возвышения героя, что поразил воображение и поэта, и романиста: «Я переносю уже в это небесное жилище добродетели и невинности; ничто не привязывает меня к свету. ... Для человека нужен другой, лучший мир!»

Ср. у Лермонтова:

Мой дух взлетает всё выше и выше
И вьётся, как дым над железною крышей!

Москва, Симонов монастырь, фото начала XX в.

Кстати, крыши в Прибалтике — черепичные, но поэт точен поэтически: железный век способен уничтожить своих изгоев, но не выше он их духовного «отрыва».

Очевидно, Лермонтов и Лажечников не были знакомы. Их «встречи» были чисто литературного свойства. Идя следом или обгоняя романиста, поэт вобрал в себя и опыт своего старшего собрата по литературе. Есть свидетельство иного рода: как Лажечников воспринял появление в литературе нового дарования. Это свидетельство — письмо Лажечникова А. А. Краевскому 6 января 1841 года — до сих пор неизвестно в его полном виде: публиковалась лишь часть письма, а строки, касающиеся Лермонтова, не были прочитаны исследователями из-за невозможного лажечниковского почерка. Вот они (речь идёт о сборнике стихотворений Лермонтова 1840 года): «прочёл 100 раз. В такой маленькой книжке как гениально разнообразен! С ним утрата Пушкина уже не так тяжела. «Герой нашего времени» прекрасен, но это собрание вечно-художественных повестей, сшитых на живую нить в роман ... кроме Мими и Фатализма (очевидно, ошибка памяти, имеются в виду «Княжна Мери» и «Фаталист» — В. В.). Вторая ... каких много есть. В первой герой слишком подслушивает у окошек...»

Не во всём сегодня мы согласимся с Лажечниковым. Но нам дорог взгляд лермонтовского современника. Да и в претензиях его насчёт «подслушивания» как устаревшего сюжетного приёма не всё так уж наивно. Недаром ту же претензию к «Герою нашего времени» выставил совсем другого века и стиля писатель — Владимир Набоков.

Как бы то ни было, но Лажечникову нельзя отказать в верности художественного вкуса и в доброжелательном тоне, особенно очевидным на фоне злых и несправедливых атак на роман со стороны консервативной критики (в том числе и уважаемого Лажечниковым Загоскина). Не с ними был тогда Лажечников, а с «благородным сподвижником» (так он назван в том же письме) — Виссарионом Белинским.

Татьяна Башкирова

ВЕНОК ЛЕРМОНТОВУ

*Наследие Лермонтова вошло в плоть
и кровь русской литературы.*

Александр Блок

Татьяна Фёдоровна Башкирова родилась и живёт в Коломне. Стихи пишет с детских лет. Занималась в литературно-краеведческом кружке замечательного коломенского педагога Андрея Павловича Радищева.

Первые публикации состоялись в газете города Зарайска (училась там в педагогическом техникуме). Было тогда автору 17 лет.

Более 10 лет занималась в коломенском городском литобъединении «Зелёные цветы» под руководством поэта Олега Владимировича Кочеткова. Печаталась в местной прессе, в журнале «Смена», газете «Ленинское знамя».

Является активным членом редколлегии «Коломенского альманаха» со дня его основания. В настоящее время — заведомом поэзии этого издания. Печаталась в журналах «Москва», «Молодая гвардия», в «Литературной газете» и других изданиях. В 2004 году вышла книга стихов «По обе стороны времён».

Член Союза писателей России. Награждена литературной медалью им. И. И. Лажечникова.

Антология

Михаил Лермонтов... Огромные чёрные глаза, полные неизбывной печали... И стихи его — словно вытканые серебром звёзд на траурном бархате неба... Эта трагическая серебряная мелодия пронизывает всю русскую поэзию. И разве можно исчислить миллионы читателей, сердца которых ещё со школьных лет трепетали, зачарованные волшебной лирой?

«Бородино», «Песня про купца Калашникова», потом — «Мцыри», «Демон»... Образ поэта, овеянный мрачной романтикой, был сродни его героям. Он, словно отверженный ангел, парил над людьми в грозном облаке созвучий. Несмотря на свою молодость, Лермонтов знал, чувствовал больше остальных, видел дальше.

Странно ли, что столько мастеров — музыкантов и художников, вдохновлённых лермонтовским гением, создали шедевры, посвящённые его творчеству? И тем более понятно благоговение других поэтов перед священным даром этого «странного» юноши.

Валерий Брюсов и Аполлон Майков, Анна Ахматова и Сергей Есенин, Павел Антокольский и Николай Рубцов и ещё многие, многие другие посвятили Лермонтову идущие от самого сердца, трепетные строки. Начиная с того трагического 1841 года, в нашей литературе складывается своеобразный поэтический венок Лермонтову.

И коломенские поэты тоже вплели в него свои строки. Константин Петросов, Валерий Капралов, Виктор Мельников и Роман Славацкий... Смеем надеяться, что их стихи стали достойным продолжением классической традиции. Каждое время, каким бы тяжёлым оно ни было, рождает своих поэтов.

И доколе жив в наших душах Лермонтов — жива и Россия!

Аполлон МАЙКОВ

И он угас! и он в земле сырой!
Давно ль его приветствовали плески?
Давно ль в его заре, в её восходном блеске
Провидели мы полдень золотой?
Ему внимали мы в тиши, благоговей,
Благословение в нём свыше разумея, —
И он угас, и он утих
Как недосказанный великий, дивный стих!

И нет его!.. Но если умирать
Так рано, на заре, помазанику Бога, —
Так там, у горнего порога,
В соседстве звёзд, где дух, забывши прах,
Свободно реет ввысь, и цепенеют взоры
На этих девственных снегах,
На этих облаках, обнявших сини горы,
Где волен близ небес, над бездною зыбей,
Лишь царственный орёл да вихорь беспоконный, —
Для жертвы избранной там жертвенник достойный,
Для гения — достойный мавзолей!

Константин БАЛЬМОНТ

К ЛЕРМОНТОВУ

Нет, не за то тебя я полюбил,
Что ты поэт и полновластный гений,
Но за тоску, за этот страстный пыл
Ни с кем не разделяемых мучений,
За то, что ты нечеловеком был.

О Лермонтов, презрением могучим
К бездушным людям, к мелким их страстям,
Ты был подобен молниям и тучам,
Бегущим по нетронутым путям,
Где только гром гремит псалмом певучим.

И вижу я, как ты в последний раз
Беседовал с ничтожными сердцами,
И жёстким блеском этих тёмных глаз
Ты говорил: «Нет, я уже не с вами!»
Ты говорил: «Как душно мне средь вас!»

Валерий БРЮСОВ

К ПОРТРЕТУ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

Казался ты и сумрачным и властным,
Безумной вспышкой непреклонных сил;
Но ты мечтал об ангельски-прекрасном,
Ты демонски-мятежное любил!

Ты никогда не мог быть безучастным,
От гимнов ты к проклятиям спешил,
И в жизни верил всем мечтам напрасным:
Ответа ждал от женщин и могил!

И не было ответа. И угрюмо
Ты затаил, о чём томилась дума,
И вышел к нам с усмешкой на устах.

И мы тебя, поэт, не разгадали,
Не поняли младенческой печали
В твоих как будто кованных стихах!

Борис САДОВСКИЙ

К ПАМЯТНИКУ ЛЕРМОНТОВА В ПЯТИГОРСКЕ

Ряды акаций сад обстали.
В них золотой дробится свет,
Один на белом пьедестале
Ты замер, бронзовый поэт.

Под солнцем знойным, солнцем жгучим
Ты с дальних гор не сводишь глаз,
А там возносит к белым тучам
Громады снежные Кавказ.

Но, взором сумрачно-тяжёлым
Пронзая вечно ночь и день,
Не мчишься ль ты к родимым долам,
К огням печальных деревень?

О, как была тебе знакома
Отрада тихих сельских грёз, —
Изба, покрытая соломой,
Чета белеющих берёз!

Но Демон, царь тоски безбрежной,
В свой дикий край умчал тебя,
И ты, доверчивый и нежный,
Молясь, грозил и клял, любя.

Тоскуя сердцем о лазури,
В подземный мрак стремился ты,
И здесь, под рёв и грохот бури,
Осуществил свои мечты.

Но дух твой — примирён ли с тем он,
Что колыбель ему — Кавказ?
Не мчится ль он, как чёрный Демон,
К родным полям в закатный час?

Михаил КУЗМИН

ЛЕРМОНТОВУ

С одной мечтой в упрямом взоре,
На Божьем свете не жилец,
Ты сам — и Демон, и Печорин,
И беглый, горестный чернец.

Ты с малых лет стоял у двери,
Твердя: «Нет, нет, я ухожу».
Стремясь и к первобытной вере,
И к романтичному ножу.

К земле и людям равнодушен,
Привязан к выбранной судьбе,
Одной тоске своей послушен,
Ты миру чужд, и мир — тебе.

Ты страсть мечтал необычайной,
Но ах, как прост о ней рассказ!
Пленился ты Кавказа тайной, —
Могилой стал тебе Кавказ.

И Божьи радости мелькнули,
Как сон, как снежная метель...
Ты выбираешь — что? две пули
Да пошловатую дуэль.

Поклонник демонского жара,
Ты детский вызов слал Творцу.
Россия, милая Тамара,
Не верь печальному певцу.

В лазури бледной он узнает,
Что был лишь начат долгий путь.
Ведь часто и дитя кусает
Кормящую его же грудь.

Сергей ЕСЕНИН

НА КАВКАЗЕ

Издrevле русский наш Парнас
Тянуло к незнакомым странам,
И больше всех лишь ты, Кавказ,
Звенел загадочным туманом.

Здесь Пушкин в чувственном огне
Слагал душой своей опальной:
«Не пой, красавица, при мне
Ты песен Грузии печальной».

И Лермонтов, тоску леча,
Нам рассказал про Азамата,
Как он за лошадь Казбича
Давал сестру вместо злата.

За грусть и желчь в своём лице
Кипенья жёлтых рек достоин,
Он, как поэт и офицер,
Был пулей друга успокоен.

И Грибоедов здесь зарыт,
Как наша дань персидской хмари,
В подножии большой горы
Он спит под плач зурны и тари.

А ныне я в твою безгладь
Пришёл, не ведая причины:
Родной ли прах здесь обрывать
Иль подсмотреть свой час кончины!

Мне всё равно! Я полон дум
О них, ушедших и великих.
Их исцелял гортанный шум
Твоих долин и речек диких.

Они бежали от врагов
И от друзей сюда бежали,
Чтоб только слышать звон шагов
Да видеть с гор глухие дали.

И я от тех же зол и бед
Бежал, навек простясь с богемой,
Зане созрел во мне поэт
С большой эпической темой.

Мне мил стихов российских жар.
Есть Маяковский, есть и кроме,
Но он, их главный штабс-майор,
Поёт о пробках в Моссельпроме.

И Клюев, ладожский дьячок,
Его стихи как телогрейка,
Но я их вслух вчера прочёл —
И в клетке сдохла канарейка.

Других уж нечего считать,
Они под хладным солнцем зреют,
Бумаги даже замарать
И то, как надо, не умеют.

Прости, Кавказ, что я о них
Тебе промолвил ненароком,
Ты научи мой русский стих
Кизиловым струиться соком,

Чтоб, воротясь опять в Москву,
Я мог прекраснейшей поэмой
Забить ненужную тоску
И не дружить вовек с богемой.

И чтоб одно в моей стране
Я мог твердить в свой час
 прощальный:
«Не пой, красавица, при мне
Ты песен Грузии печальной».

Игорь СЕВЕРЯНИН

ЛЕРМОНТОВ

Над Грузией витает скорбный дух —
Невозмутимых гор мятежный Демон,
Чей лик прекрасен, чья душа — поэма,
Чьё имя очаровывает слух.

В крылатости он, как в ущелье, глух
К людским скорбям, на них взирая немо.
Прикрыв глаза крылом, как из-под шлема,
Он в девушках прочувствует старух.

Он в свадьбе видит похороны. В свете
Находит тьму. Резвящиеся дети
Убийцами мерещатся ему.

Постигший ужас предопределения,
Цветущее он прокликает тленье,
Не разрешив безумствовать уму.

Анна АХМАТОВА

КАВКАЗСКОЕ

Здесь Пушкина изгнание началось
И Лермонтова кончилось изгнание.
Здесь горных трав легко благоуханье,
И только раз мне видеть удалось
У озера, в густой тени чинары,
В тот предвечерний и жестокий час —
Сияние неутолённых глаз
Бессмертного любовника Тамары.

305

Иосиф УТКИН

ЗАТИШЬЕ

Он душу младую в объятиях нёс...
М. Лермонтов

Над землянкой в синей бездне
И покой и тишина.
Орденами всех созвездий
Ночь бойца награждена.

Голосок на левом фланге.
То ли девушка поёт,
То ли лермонтовский ангел
Продолжает свой полёт.

Вслед за песней выстрел грянет —
Звук оборванной струны.
Это выстрелил по песне
С той, немецкой стороны.

Голосок на левом фланге
Оборвётся, смолкнет вдруг...
Будто лермонтовский ангел
Душу выронил из рук...

Владимир СОКОЛОВ

Когда стреляют в воздух на дуэли,
Отнюдь в обидах небо не винят.
Но и не значит это, что на деле
Один из двух признал, что виноват.

И удивив чужого секунданта,
И напугав беспечно своего,
Он, видя губы бледные Баранта,
Пугнул ворон.
И больше ничего.

Ведь ещё ночью, путаясь в постели,
Терзая лоб бессонной маетой,
Он видел всю бесцельность этой цели,
Как всю недостижимость главной, той.

Заискиванье? Страх?
Ни в коем разе.
И что ему до этого конца!
Уж он сумел бы вбить ему в межглазье
Крутую каплю царского свинца.

Павел АНТОКОЛЬСКИЙ

ГРОЗА В ПЯТИГОРСКЕ

Гроза разразилась и с юноши мёртвого
Мгновенно сорвала косматую бурку.
Пока только гром наступленье развёртывал,
А страшная весть понеслась к Петербургу.

Железные воды и кислые воды
Бурлили и били в источниках скал.
Ползли по дорогам коляски, подводы,
Арбы и лафеты. А юноша спал.

Он спал, ни стихов не читая, ни писем,
Не сын для отца и у века не пасынок.
И не был он сослан и не был зависим
От гор этих, молниями опоясанных.

Он парусом где-то белел одиноким,
Иль мчался по круче конём легконогим,
Иль, с барсом сцепившись, катился, визжа,
В туманную пропасть. А утром, воскреснув,
Гулял у чеченцев в аулах окрестных,
Менялся кинжалом с вождём мятежа.

Гроза разразилась. Остынув от зноя,
Машук и Бештау склонились над юношей,
Одели его ледяной сединою,
Дыханьем свободы на мёртвого дунувши:

«Спи, милый товарищ! Окончилось горе.
Сто лет миновало — мы снега белей.
Но мы, старики, — да и все в Пятигорье, —
Отпразднуем грозами твой юбилей»;

И небо грозбвым наполнится рокотом,
И гром-агитатор уснувших разбудит.
А время? А смерть? — пропади они пропадом!
Их не было с нами. И нет. И не будет.

Николай РУБЦОВ 307

ДУЭЛЬ

Напрасно дуло пистолета
Враждебно целилось в него:
Лицо великого поэта
Не выражало ничего!
Уже давно,
 как в Божью милость,
Он молча верил
В смертный рок.
И сердце Лермонтова билось,
Как в дни обидчивых тревог.

Когда же выстрел грянул мимо
(Наверно, враг
Не спал всю ночь!),
Поэт зевнул невозмутимо
И пистолет отбросил прочь...

Ярослав СМЕЛЯКОВ**МИХАИЛ ЛЕРМОНТОВ**

Кому воздать? С кого мы взыщем
тут, у забвенья на краю?
Я в Пятигорске на кладбище,
сняв шапку медленно, стою.

Ах, я-то знаю, что поэта,
внушавшего любовь и страх,
давно в могиле этой нету,
лишь крест печальный в головах.

Над опустевшею могилой
остался только навсегда
тот крест, которым осенила
Россия вся себя тогда.

Его без пастырского слова,
как будто пасынка земли,
на лошадях в гробу свинцовом
сквозь пол-России провезли.

Он был источник дерзновенный
с чистейшим привкусом беды,
необходимый для вселенной
глоток живительной воды.

Анатолий ПЕРЕДРЕЕВ

Слышу гул долины терской
Я издалека...
Прижимаю руку к сердцу,
Вот моя рука!

Слышу голос Магомета,
Слышу в этот час
Не пророка, но поэта
Твоего, Кавказ.

Он твоим долинам служит
И твоим горам...
Нас вовеки не раздружит
Никакой коран!

Не разнимет нас обиды
Позапрошлый крик —

Пересохла речка битвы,
Речка Валерик.

Пересохла речка крови,
Не вскипеть ей вновь...
Не в одном заздравном слове —
Дружба и Любовь...

Ты послушай: ночь над нами
Что-то шепчет вслух,
Как обнявшийся с горами
Лермонтовский дух!

Белла АХМАДУЛИНА

ЛЕРМОНТОВ И ДИТЯ

Под сердцем, говорят. Не знаю.
Не вполне.
Вдруг сердце вознеслось
и взмыло надо мною,
сопутствовало мне стороннею луною,
и муки было в нём не боле, чем в луне.
Но люди говорят, и я так говорю.
Иначе как сказать?
Под сердцем — так под сердцем.
Вот сбылся листопад.
Извечным этим средством
не пренебрёг октябрь,
склоняясь к ноябрю.
Я всё одна была, иль были мы одни
с тем странником,
чья жизнь всё больше оживала.
Совпали блажь ума и надобность журнала —
о Лермонтове я писала в эти дни.
Тот, кто отныне стал значением моим,
кормился ручейком
невзрачным и целебным.
Мне снились по ночам
Васильчиков и Глебов.
Мой исподлобный взгляд
присматривался к ним.
Был город истомлён
бесснежным февралём,
но вскоре снег пошёл,
и снега стало много.
В тот день потупил взор
невозмутимый Монго
пред пристальным моим

волшебным фонарём.
Зима ещё была сохранна и цела.
А там — уже июль, гроза и поединок.

Мой микроскоп увяз
в двух неприглядных льдинах,
изъятых из глазниц лукавого царя.
Но некто рвался жить,
выпрашивал: «Скорей!»
Томился взаперти и в сердцевине круга.
Успею ль, боже мой,
как брата и как друга,
благословить тебя,
добрейший Шан-Гирей?
Всё спуталось во мне. И было всё равно —
что Лермонтов,
что тот, кто восходил из мрака.
Я рукопись сдала, когда в сугробах марта
слабело и текло водою серебро.
Вновь близится декабрь к финалу своему.
Снег сыплется с дерев, пока дитя ликует.
Но иногда оно затихнет и тоскует,
и только мне одной известно — по кому.

Андрей ДЕМЕНТЬЕВ

ЛЕРМОНТОВ И ВАРЕНЬКА ЛОПУХИНА

1

Они прощались навсегда,
Хотя о том пока не знали.
Погасла в небе их звезда,
И тихо свечи догорали.
«Я обещаю помнить вас...
Дай Бог дожить до новой встречи...»
И каждый день, и каждый час
Звучать в нём будут эти речи.
Она его не дождалась,
С другим печально обвенчалась.
Он думал: «Жизнь не удалась...»
А жизнь лишь только начиналась.

2

Он ставит в церкви две свечи.
Одна — за здоровье любимой,
Чтоб луч её мерцал в ночи,
Как свет души его гонимой.
Свечу вторую он зажжёт

За упокой любви опальной.
И может, пламя горьких строк
Зажглось от той свечи печальной?
Две горьких жизни...
Два конца...
И смерть их чувства уравнила,
Когда у женского лица
Свеча поэта догорала.

Константин ПЕТРОСОВ

КОРНЕТ

М. Ю. Лермонтову

Диптих

1

Ты мне близок тёмными глазами,
От которых некуда уйти,
Ты мне близок дерзостью желанья
Выбирать неторные пути.

За слова, которые звучали,
Как последний колокола зов,
Непокорного корнета увенчали
Шашки кабардинских удалцов.

Полюбил ты скалы и уступы,
Гордых птиц и сумрачных людей,
Горы и язык гортанно-грубый,
Холод бьющих из земли ключей.

Полюбил шакала лай далёкий,
Шашку острую и запах шашлыка.
Терека ревущего пороги,
Выстрел неожиданный врага...

Ты мне близок странною усмешкой,
Одиночеством непонятым своим.
Жизнь — игра «*va banque*», орёл и решка.
Ставка — сизый папиросный дым.

II

...Всё равно — убить иль быть убитым
Под кавказским небом голубым!

лишь станция в дороге до Тархан;
забвенные ямщицкие звоночки —
простое примечание к стихам.

Но всё же был — чтоб веющим движеньем
проехать и забыть об этом дне,
и навсегда остаться — только тенью
на каменной готической стене!

Виктор МЕЛЬНИКОВ

ПОСЛЕДНЯЯ ДУЭЛЬ

Пролётка спешит, как судьба, по отлогому склону
То вниз, то взлетая по горной дороге кривой.
А чёрные лошади мчатся... и сыплет зелёной,
На потные крупы уже запылённой листвой.

И солнце багряное с неба спускается ниже,
Как яростно ал, будто щит боевой, его круг!
А кони спешат... С каждым шагом становится ближе
Гора роковая с названьем бессмертным: Машук.

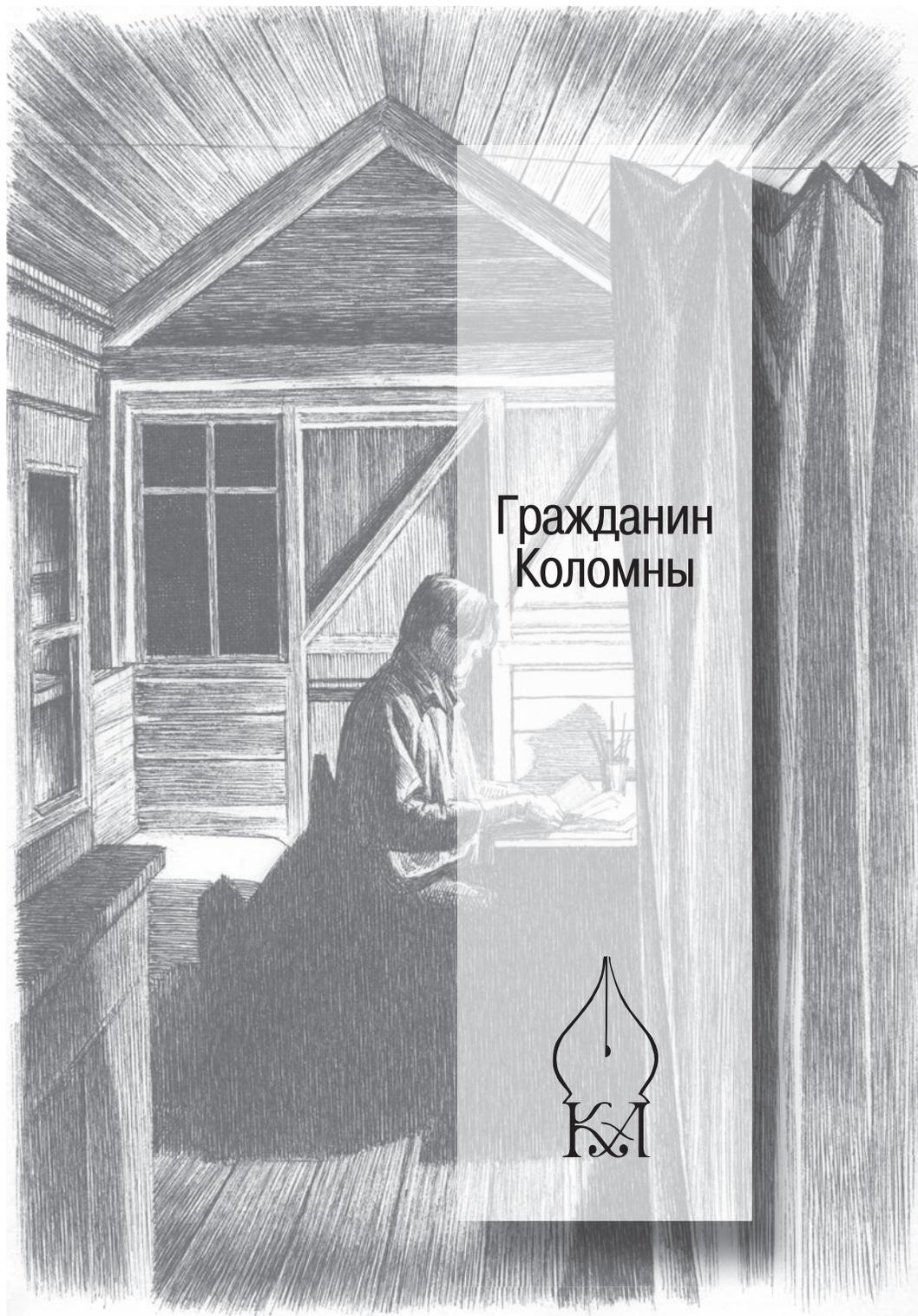
Уж всё решено... И намечено место дуэли,
Огонь чью-то жизнь оборвёт, будто слабую нить.
Как страшно, что мчится свинец к преднамеренной цели,
Как больно, что нам этот путь не дано изменить!

И боль польхнула в груди окровавленным комом,
И ангелы душу его к облакам понесли.
И охнул июль над землёю заоблачным громом,
Как звук Бородинского боя в далёкой дали.

А дождь поливал... Неподвижный, покинутый всеми,
Лежал онемевший России великий Поэт.
Рыдало в горах раскалённое небо, и Время
Над ним зажигало бессмертья немеркнущий свет.

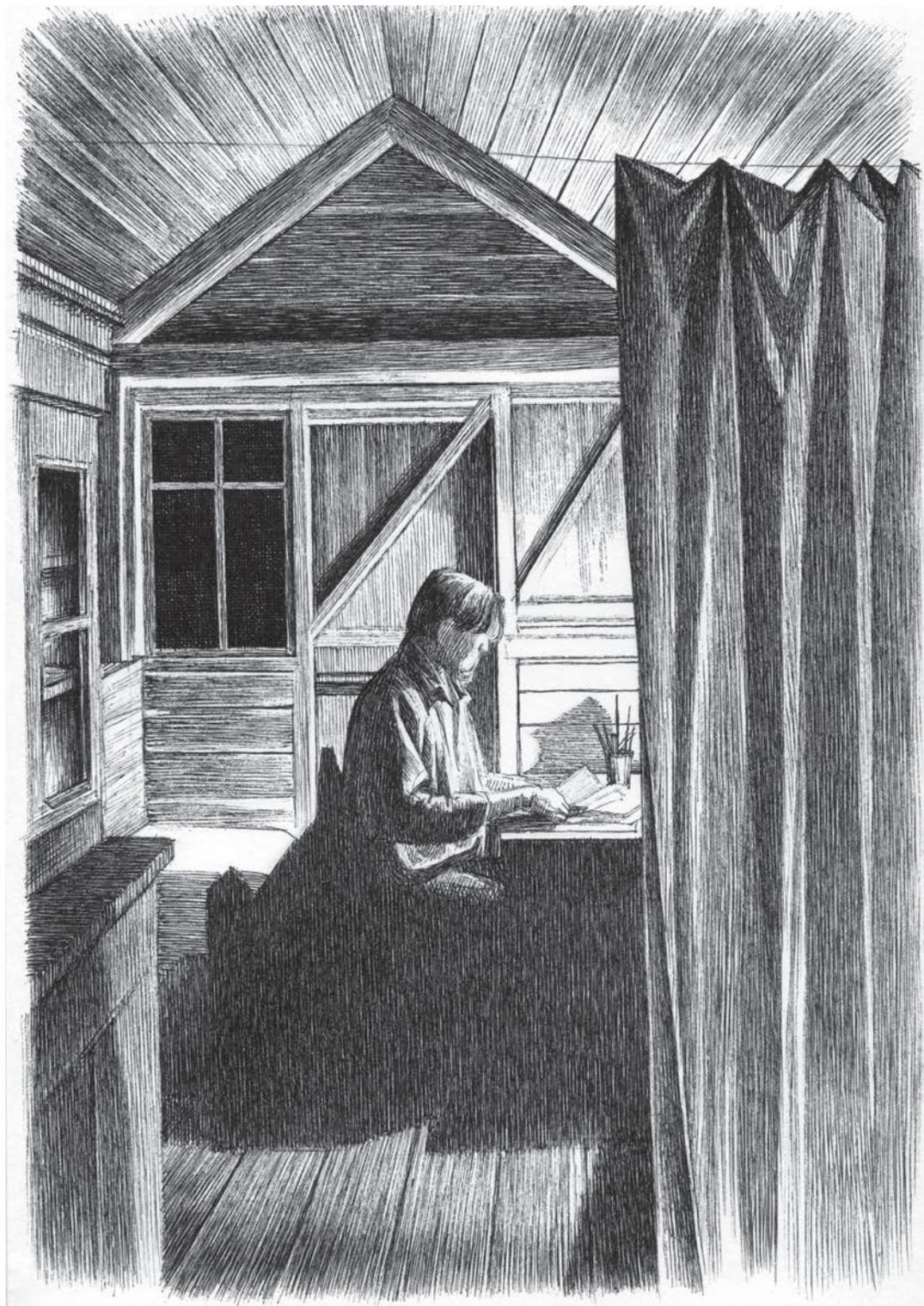
Игорь ШКЛЯРЕВСКИЙ

Земные взоры Пушкина и Блока
устремлены с надеждой в небеса.
А Лермонтова чёрные глаза
с небес на землю смотрят одиноко.

Гражданин
Коломны

Графика Василины Королёвой

Юрий Орлицкий

ПОЭЗИЯ В ПРОЗЕ ПИЛЬНЯКА

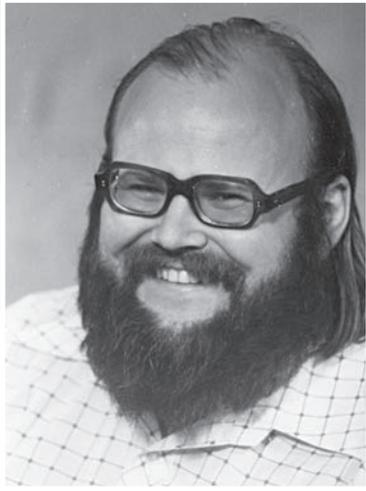
В своё время, напутствуя начинающего прозаика Николая Карамзина, Державин написал:

Пой, Карамзин: и в прозе
Глас слышен соловьиный.

И действительно, проза будущего автора «Истории государства российского» была настолько поэтична, что один из современников, Александр Мещевский, попробовал даже «вернуть» две повести Карамзина обратно в поэзию, переведя их «обратно» на стихотворный язык. А спустя почти столетие сразу несколько поэтов опубликовали свои переводы «Стихотворений в прозе» Тургенева, сделанные привычными ямбами и хореем: так непривычно и «неправильно» казалось им то, что такая высокая поэзия почему-то была записана автором в прозе...

Можно без преувеличения сказать, что и в начале XX века, после века господства классического русского романа, русская проза вновь попала под сильнейшее воздействие поэтического языка, и сделали это в первую очередь так называемые модернисты. И даже авторы, не писавшие или почти не писавшие стихов в ту эпоху, становились «поэтами в прозе», не способными и не желавшими прятать свой соловьиный голос.

Ярчайший пример подобной деформации прозы стиховой культурой — романы, повести, статьи и мемуары Андрея Белого, в свою очередь оказавшего огромное влияние на формирование и эволюцию большого числа русских про-

Юрий Борисович Орлицкий родился в 1952 году в Челябинске. Окончил филологический факультет Самарского государственного университета. Поэт, литературовед, доктор филологических наук. Член Союза писателей Москвы. Автор исследования «Стих и проза в русской литературе», десятка статей о русских поэтах XIX и XX веков, о современной поэзии и прозе, а также трёх книг стихов, изданных в Москве и Самаре. Как поэт печатался в альманахах «День поэзии» и «Поэзия», журнале «Литературное обозрение», ряде коллективных сборников.

Литературоведческое
исследование

заиков, в т. ч. и Бориса Пильняка (ср. «Я вышел из Белого и Бунина»); могучее влияние поэзии испытал и А. Ремизов, которого Пильняк тоже неоднократно называл в числе своих учителей.

Прежде всего о собственных стихотворных произведениях Пильняка. Как и большинство русских прозаиков «классического типа» (напр., Гончаров, Щедрин, Л. и А. Н. Толстые, Ремизов, Замятин), он начинает свою литературную карьеру как поэт — автор подражательных стихотворных произведений, позволивших, вместе с тем, найти свой путь в литературу, освоить азы мастерства. Представление об этих опытах даёт публикация нескольких стихотворений из газеты «Старый владимирец» во 2-м выпуске «Коломенских пильняковских чтений». Характерно, что рядом с ранней стихотворной лирикой Пильняка на страницах тех же владимирских газет появляются и его «стихотворения в прозе».

Судя по всему, Борис Андреевич продолжал писать стихи и позднее. Так, приехав в Японию, он сочинил два стихотворения в понравившемся ему японском духе и стиле:

Под пылающими цветами сакуры
Передо мной проходит
вся жизнь японского народа.

Почему я так пристально вглядываюсь
В их прыгающие, шатающиеся,
Плачущие и смеющиеся
Фигуры?

Скорее всего, сам Пильняк сочинил и другой японский верлибр, опубликованный им:

Мы перевалили Урал.
Мы в Азии. Земля в снегу.
На станциях русские
Бегают с жестяными чайниками.

О том, что Пильняк до конца жизни держал поэтическую форму, свидетельствуют и стихи, которые писатель регулярно включал в свои письма: например, небольшое послание, подписанное «Пильняк и Кира», которое он направил в 1936 году поэту Илье Сельвинскому.

Анонимные и приписываемые кому-либо из персонажей стихотворения встречаются во многих прозаических произведениях писателя; чаще всего он приписывает их авторство своим героям; есть все основания считать, что и эти, сугубо ролевые, функциональные, тексты принадлежат перу самого Пильняка.

Вообще, стихотворные фрагменты достаточно часто встречаются в романах и повестях писателя. Это могут быть как выделенные графически цитаты внутри произведений, так и вспомогательные элементы текста: эпиграфы, сноски и т. д.

Все стихотворные цитаты, используемые Пильняком, можно условно разделить на три основные группы: это фольклорные произведения

(народные песни, плачи и т. д.), романсы и собственно стихотворения. Пильняк, как показывает наш материал, отдавал решительное предпочтение именно первой группе, что в значительной степени было связано с главным предметом изображения в его прозе: народной жизнью, как в нерасчленённом, коллективном виде, так и в индивидуализированной, персонифицированной форме.

Русские народные песни герои прозы Пильняка поют практически во всех его больших произведениях: в романах и повестях «Голый год», «Машины и волки», «Волга впадает в Каспийское море», «Ледоход», «Чертополох», особенно часто звучит фольклор в «Созревании плодов».

В этой повести представлена широкая палитра фольклорных жанров, тексты из которых воспроизводятся в прозе. Так, умирающий прессовщик поёт три строки из частушки о своём родном городе:

Как на Уводи вонючей
стоит город наш могучий
Иваново-Вознесенск.

Другую частушку поёт, «учиня мистерию», палехская молодёжь: «Как по первой по пороше».

Вообще, частушки — самый мобильный и злободневный фольклорный жанр — цитируются Пильняком особенно часто. Так, в романе «Волга впадает в Каспийское море» приводятся две проникнутые духом революционной эпохи, подчёркнуто современные частушки; их поёт Даша:

Пойду выйду из ворот,
Черёмухой пахнет.
Скоро миленький придёт,
Из нагана трахнет!

и

Я в своей-то красоте
Очень уверена.
Если Троцкий не возьмёт,
Выйду за Чичерина.

Тексты частушек приводятся также в рассказах «О Сёвке» и «Вечер перед мартом» (две первые строки — начало «похабной» частушки, которую поют парни). Семь раз цитируются строчки из частушек в «Голом годе», столько же — в романе «Машины и волки». Наконец, с частушки, выражающей дух времени, начинается Пильняк своё письмо Марии Шкапской из Коломны 20 июня 1921 года.

Народные песни — на втором месте среди цитируемых писателем произведений. Так, в «Голом годе» девушки поют протяжную свадебную «Отставала бела лебедь...»; другой пильняковский герой, Донат, слышит в поле песню «Ты свети, свети, свет светел месяц...»; «чёрный монашек» «мурлычет»: «Э-эх, во субботу, да день ненастный!...» Наконец, в самом конце романа свадебная песня «Не чаяла матушка...» приводится полно-

стью: это целых восемнадцать строк, более половины страницы (настоящая «роскошь» для романа!).

Насыщена песнями и небольшая повесть «Его величество Кнеeb Piter Komandog»; четыре песни тоже приведены здесь практически целиком. Особенно интересна последняя из них, завершающая произведение; она «записана» Пильняком свободным стихом:

Оболокись оболочками,
Подпояшусь красною зарёю,
Огорожусь светлыми месяцами,
Отычусь частыми звёздами, —

Освечусь я красным солнышком!..
Ой, ударь ты, гремучий Гром, огнём-полымем!
Разогрей ты, Громова стрела,
Нашу матушку, Мать-Сыру-Землю.

В «Созревании плодов» художники распевают и танцуют под песню «Из-за лесика, лесу тёмного», потом горланят «другую хороводную»: «Как по чистым полям» и «Среди лесов дремучих» — всё это хором. «Военный сын Чикурина» исполняет свадебную (потешную свадьбу и играют): «Хожу я гуляю, вдоль по хороводу» (тоже практически целиком). Неназванная палешанка поёт протяжную женскую «Как по морю, морю синему». Приводится здесь и короткий фрагмент из «Дубинушки».

Цитируются в произведениях Пильняка также игровая песня о козле (в «Повести о непогашенной луне»), солдатские (в том числе в письмах) и городские, а также ставшие практически народными популярными романсы и революционные песни. Все они используются сугубо функционально: либо для характеристики персонажа, либо для изображения атмосферы времени или социальной среды.

Так, Оленька Кунц в «Голом годе» сначала исполняет классический романс на стихи В. Шумского «Отцвели хризантемы» с типичной «фольклорной» ошибкой: «В том саду, где мы с вами встретились...», а в другом месте, исполняя его же вдвоём с подругой, уже не перевирает слова.

Аналогичным образом в «Соляном амбаре» в доме участковых врачей поют «Из страны, страны далёкой...» Языкова; бывшие студенты заводят студенческую застольную «С вином мы родились...»; в романе «Машины и волки» цитируются небольшими фрагментами революционные песни и т. д. «Культурный» герой «Созревания плодов» Дмитрий Николаевич Буторин «со слезами на глазах» заводит в одиночку романс «На заре туманной юности». Ещё один романс, «самодельный», «механически перенесённый из классического», в повести исполняют художники, приехав в Москву.

Цитируются песни и романсы в прозе в принципиально разных объёмах: для популярного текста достаточно одной строки, а если Пильняку хочется показать понравившийся ему оригинальный текст, полюбоваться его красотой, он приводится целиком.

Особую роль играют песни при изображении экзотической среды: так, в «американском романе» «О Кей» приведены два больших фрагмента из духовных стихов молокан-прыгунов.

Песни других народов нередко приводятся Пильняком в фонетической записи, по сути, превращаясь в заумь: такова, например, и китайца песня в «Санкт-Питер-бурхе», и колыбельная жены сына представителя неназванного северного народа Салапина, которая приводится на «родном языке»: «Иявианна, вардно нана».

Однако чаще к заумному музыкальному тексту у Пильняка тут же даётся перевод. Так, в книге «Камни и корни» средневековое японское произведение приведено сначала в оригинале, а потом в русском переводе: «Исэ-ва Цу-дэ моцу! Цу-ва Исэ-де моцу! Овари-Нагоя-ва сиро-дэ моцу!» (Провинция Исэ держится портом Цу, Порт Цу держится провинцией Исэ, Город Нагоя провинции Овари держится замком!), а следующий текст дан только по-русски: на улицах Токио впервые зазвучала песня, которая начиналась так:

Даже гора Фудзи, что высится в небе, —
Это только глыба комьев земли.
Товарищи по работе, настало время, —
Возьмёмся за руки,
Вместе — наступать иль отступать.
Будем биться крепкими рядами.
Ну-ка, перегони гору Фудзи
В своей крепости и связанности.
Если жарко взяться, что-нибудь да выйдет.
Если жарко взяться, что-нибудь да выйдет.

В рассказе «Камень, небо» «девушки поют старинную песню викингов» тоже уже в переводе:

Камень подо мною — постель моя,
Ветры вокруг меня — стены мои.
Небо надо мною — крыша моя!..

В «Рассказе о ключах и глине» дважды повторяется большой фрагмент «арабской песни», звучащей как свободный стих:

Мастер, осторожней касайся глины,
когда ты лепишь из неё сосуд, —
быть может, эта глина есть прах возлюбленной,
любимой когда-то:
так осторожней касайся глины своими теперешними
руками.

Точно так же и песня ненца в «Двойниках» приведена только по-русски. Кстати, многие полюбившиеся цитаты Пильняк повторяет по несколько раз.

То же можно сказать и о стихотворных непесенных произведениях, которые цитируются у Пильняка значительно реже. В первую очередь — это классика: Пушкин, Лермонтов, Некрасов. Интеллигентный юноша-гимназист Криворотов читает фрагменты строк новых классиков: Баль-

монта («и дрожали ступени») и Анненского («но человек не погасил»). Ипполит Разбойщин записывает в дневник, адресуя своим приятелям, эпиграмму Пушкина «На Каченовского». На могиле поэта Ефима Вихрева тоже написаны стихи Пушкина — последнее двустишие из «Художнику». В повести «Штосс в жизнь» несколько раз цитируются хрестоматийные строки Лермонтова.

Наконец, стихи пишут у Пильняка и персонажи (а за них, разумеется, сам автор): эпиграмму на гимназического учителя — тот же Андрей Кривоторотов, читатель символистов; Разбойщин сочиняет акrostих на слово «дура»; пишет стихи и отец Пимен в рассказе «Колымен городок», причём четыре из них даны в тексте, а остальные цитируются в сноске.

Стихотворными эпиграфами снабжён только «Его величество Кнеиб Питер Командор»: приведены строчки С. Полоцкого и А. Блока; эта повесть вообще насыщена, как уже говорилось, песенными текстами, а эпиграфы вместе с процитированной финальной песней создают своего рода композиционное стиховое кольцо. «Полуэпиграфом» можно считать начало третьей части повести «Штосс в жизнь», текст которой открывается двумя полными строфами из стихотворения «Выхожу один я на дорогу...»; потом две строки из него повторяются ещё раз.

Как видим, Пильняк цитирует стихи в своей прозе очень по-разному, в соответствии с задачами прозаического текста: фрагментарно или целиком, в начале или (чаще) в середине текста, в речи персонажей, а иногда и в собственной, авторской. Это может быть традиционная русская силлаботоника (прежде всего, в стихах классиков и самодельных авторов, следующих их традиции, в романсах), а также тоника (в фольклорных текстах) и свободный стих (чаще всего — в переводах и стилизациях иноязычной поэзии).

Экспансия стихового начала проявляется также в проникновении стиховых элементов в саму ткань прозы. Метризация прозаического текста возникла в русской прозе XX века под влиянием опытов А. Белого. Применительно к творчеству Пильняка можно говорить о нескольких периодах в использовании им прозаического метра.

Ближе всего к модели Белого оказывается повесть «Метель», включающая протяжённые трёхсложные метрические цепи. Например, в описании заглавного персонажа, который — сама, «конечно, поэзия, конечно, поэма»: «Здесь на минуточку встать, — подождать остальных, как повалятся в яму (дактиль), — и не выпустить руку из рук (анapest)»; «Милый товарищ Борис!» (дактиль) «вот мелькнула папаха Павленки / и исчезла за снегом» (анapest), «а соседка — Елена — видна лишь по пояс — по пояс вросла» (анapest) «в белую муть, а Собакин овеял теплом от дыхания, вырос громадой / больше, чем есть, и Елена, и я полетели в холодную снежную мягкость» (дактиль); «В парке ветер с деревьями пел рукопашную» (анapest) и т. д. Напомним, что Белый использовал в своей стихоподобной метризованной прозе именно трёхсложные размеры, а не хорей и ямбы — в этом смысле Пильняка можно назвать его последователем. Кстати, интересно, что Евгений Замятин остроумно заметил в своей статье, что все такие последователи страдают «хроническим анапеститом»!

Особое место занимает в этом смысле рассказ Пильняка «Speranza» (1923), в целом не очень метричный, однако в кульминационной послед-

ней главе метр «захватывает» почти половину слоговых групп: это и трёх-, и двухсложники. При этом условные строки вольного ямба, складывающиеся в последней главе рассказа в своего рода балладу о буре, перемежаются неметрическим текстом; вот текст этого условного стихотворения, которое можно «вычитать» из пильняковской прозы:

И ветер, как свинец. Вода...

И совершенно ясно, как
над этими просторами
шла, шлялась смерть.

И не она ли — эта жуть
страшит...

И ночью — буря. Небо звёздно,
в небе...

...в неё упёршись, дует,
плюёт остервенело

корабль дрожащий, мечущийся, злой,

по кораблю нельзя ходить,

держась за тросы, вместе с тросами,
летая над водой,

над палубой, над мутью волн

зелёный свет прожектора;
помощник капитана в рупор
кричит на кубрик,

бочка пляшет,
как пьяный швед, матросы крепят
конец каната, и с другим концом
идут на палубу к веселью волн и бочки,
вода летит над головами,
и бочка бегаёт,

толкаясь у фальшбортов,
в холодном свете от прожектора...
Мрак, чёрный мрак над кораблём,
прожектор шарит сиротливо.
Кто вспомнит
о плавающих по морям?

Кроме того, после завершения сгущения можно выделить в рассказе ещё один условный стихотворный фрагмент — примерно через страницу, в самом конце рассказа:

тогда его стошнит
в морской болезни нехорошей, мутной
собачьей тошнотой.

Таким образом, последняя глава повествования включает в себя «спрятанную» ямбическую балладу, которая, вне всякого сомнения, организует ритмическую композицию рассказа по стиховому типу. При этом именно сгущённость метра в определённом фрагменте текста на фоне неметричности или малой метричности остальной его части оказывается чрезвычайно мощным выразительным средством.

Именно 1923 год оказывается своего рода переломным в творческих взаимоотношениях Пильняка и Белого — в этом году появляется и «Sreganza», в которой Пильняк демонстрирует блестящее владение функциональной метризацией, и насыщенная метрами больше, чем другие произведения писателя, повесть «Метелинка», и безусловно ориентированный на Андрея Белого «Санкт-Питер-бурх». Однако во всех них использованы в основном не трёхсложники, а двухсложники, в первую очередь — ямбы.

Мастерски пользуется писатель возможностями метризации прозы в сочетании со стихотворной цитатой в повести «Штос в жизнь». Здесь можно обнаружить «прорастание» стихового метра в последующую прозу (он выделен курсивом):

*«Выхожу один я на дорогу,
Сквозь туман кремнистый путь блестит:
Ночь тиха, пустыня внемлет богу,
И звезда с звездою говорит.
В небесах торжественно и чудно.
Спит земля в сияньи голубом...
...Что же мне так больно и так трудно?
Жду ль чего? жалею ли о чём?»*

Солнце уходило в облака, // и облака горели красным / закатом. //Закат наступал медленно и упорно. Синяя тень от Бештау легла далеко в степь. Машук немотствовал. Зелёный лес не шумел. Прокричала в лесу сова, уже по-осеннему. И опять была / тишина и умирал закат. На земле валялась фуражка пехотного офицера, с красным околышем, с высокою белою тульею, / фуражка лежала вниз тульей, и в ней были вишни».

Иногда Пильняк использует в своей прозе также звуковую инструментовку «по стиховой модели». Например, в раннем рассказе «Целая жизнь» это нагнетание звука «л». «Сумерки были зелёными, долгими и гулками» или «с» («Самец сел рядом. Он стал нерешительным, смущённый счастьем»). В романе «Голый год» встречаем аллитерацию на «с»: «Но в глазах вспыхнул сухой огонь — страсти и ненависти»; в «Метелинке» — на «р» и «л»: «выстрел грянул громко»; «мчалась, плясала, / выла, стонала. Кричала метель — над полями...»

Ещё один результат влияния стиховой культуры на прозаическую — появление в творчестве поэтов и прозаиков прозаических миниатюр: как лирических, которые иногда называют стихотворениями в прозе, так и многих других (повествовательно-эпических, драматургических, афористических, притчевых и т. д.).

Обычно эта структурно-жанровая форма считается итоговой. Такое понятие сложилось в русской литературе после Тургенева, который сам называл свои прозаические миниатюры («зигзаги») «сгущёнными романами». Это не вполне справедливо: среди миниатюр Тургенева есть и чисто лирические произведения, развёртывание которых в большую прозаическую форму невозможно даже гипотетически, и драматургические миниатюры, и классические притчи (в которых «всё сказано» именно в двух-трёх абзацах).

Первый подлинный расцвет прозаической миниатюры приходится в русской литературе как раз на начало XX века, когда свои силы в «сверхмалой» прозе один за другим пробуют Анненский, Брюсов, Белый, Сологуб, Горький, Скиталец и многие другие авторы — как поэты, так и прозаики. Причём для многих из них это не просто жанровый эксперимент, а проверка своих сил в прозе вообще, своего рода способ плавного перехода от юношеского стихотворчества к «взрослой» прозе.

Среди авторов, начинавших одновременно стихами и стихотворениями в прозе, оказался и Борис Вогау (именно так, своей настоящей фамилией, подписывал будущий Борис Пильняк свои ранние произведения в газете «Старый владимирец»; они попали в научный оборот благодаря разыскательской и публикаторской работе Г. Д. Овчинникова, напечатавшего четыре стихотворения, три прозаические миниатюры и список публикаций начинающего писателя в вышеуказанной газете во втором выпуске коломенского сборника «Б. А. Пильняк. Исследования и материалы»).

Пильняк дебютирует прозаической миниатюрой (а не стихами — хотя они появляются в печати почти одновременно) сначала в журнале «Копейка» (1910), а затем во владимирской газете, где в 1911–1912 годах опубликовал семь прозаических миниатюр (по свидетельству Овчинникова), при этом четыре из них («Год», «Она уехала», «Жизнь» и «Будто розы...») обозначены автором как стихотворения в прозе.

При этом одно из них в значительной степени метризовано (в основе ритма здесь — вольный цезурированный хорей):

БУДТО РОЗЫ АЛЫЕ, БУДТО РОЗЫ БЕЛЫЕ...

(Стихотворение в прозе)

Были розы алые, были розы белые... нет уж их...
Будто роза — алая, будто роза — белая, ты — одна...
Тишина мороза... Шум листов опавших... Всё объято ночью, ночью дней
осенних...
И фонтан не шепчет больше сказок розам...
И беседка тёмная, винограда дикого, — стала неудобной...
Были розы алые, были розы белые... нет уж их...
Были ночи лунные, соловьём пьянящие...

Были гимны радости, счастью воспеваемы...
Но... прошли они!..
В чёрном танце смерти сад твой умирает..
Будто роза — алая, будто роза — белая, ты — одна!..
Среди сада тёмного, среди сада жуткого — бродишь ты..
Нет его уже..
Помнишь:
Были ночи лунные, соловьём пьянящие!..

(«Старый владимирец», 1911. № 262).

В других — рассказах — сверхкраткие фразы (строфы!) чередуются с длинными, что создаёт своеобразный контрастный ритм целого; воспользуемся случаем и приведём здесь целиком ещё три не переиздававшиеся с 1910-х годов миниатюры писателя:

ЖИЗНЬ

(Стихотворение в прозе)

«Я был, кто есть ты...»

«Но и ты будешь то, что я есть», — было написано на нём детским и неровным почерком.

Он стоял на краю кладбища, наклонился немного, оброс мхом и так стоял, этот могильный камень.

Он стоял на краю кладбища. Над ним тихо возвышался старый, ветвистый могучий дуб. Вдали, внизу виднелись холмы на берегу реки и неведомой, широкой лентой лежала и сама река — чарующая, манящая в свой широкий простор!..

И каждый вечер двое смеялись, сидя около камня.

Молоды были они и радостны.

И смех их был чист и не нарушал мистическую тишину кладбища, где всё неведомо, но говорит о новой жизни, неизвестно — какой.

Поднималась луна и освещала надпись на камне.

Становилось грустно...

Тихо и задумчиво читали:

«Я был, кто есть ты...»

«Но и ты будешь то, что я есть».

Долго сидели молча, объятые думами...

Потом расходились.

Она шла наверх в сторожку.

А он спускался вниз к реке и на углой лодке с белым парусом уезжал в темноту таинственной ночи...

И долго так было...

Целое лето...

Но... набежали низко и быстро оборванные облака; пошёл дождь, и капли, холодные и мелкие, стекали по неровной надписи и уходили в сырую землю...

Ветер завыл в голых ветвях...

Пошёл снег... Все укуталось сединой...

...Они больше не приходили сюда...

А надпись на маленьком могильном камне, написанную детским неровным почерком, замело снегом и снаружи осталось только:

«Я был...»

(«Старый владимирец», 1912. № 10).

ОНА УЕХАЛА

(Стихотворение в прозе)

Третий звонок...

Поезд вздрогнул... облитый парами, ушёл в глубокую даль, скрылся в высоких соснах...

Все стихло...

Она уехала!..

Она уехала; поезд затих вдали...

Из прозябших, промокших от дождя построек выползала темнота и кутала землю...

Она уехала, и хотелось бежать, догнать, быть рядом...

И жалко было, что она сейчас смеётся с знакомыми...

А я остался — незамеченный, одинокий.

Долго бродил по забытым местам, где ходили мы летом...

Шуршали под ногами опавшие, помятые листочки... И говорили о чём-то...

Сошёл осенний вечер... моросил дождь...

Было больно...

Она — уехала...

(«Старый владимирец», 191 . № .).

ВСТРЕЧИ

...Давно это было, весной...

Я позабыл её имя, но образ её стоит у меня в голове, и от того времени осталось два цветочка, уже сморщенные и жёлтые...

Постукивая, быстро побежал поезд.

Бесконечные сосновые леса сменились степью — роскошной и таинственной... Только кое-где виднелись крылатые мельницы да белые мазанки...

Поднялась луна — красная и круглая... Далеко-далеко мигала зарница...

Было тихо...

Постукивали колёса...

Всё пахло близким, родным... И в голове было много воспоминаний... Хотелось распластаться по степи, обнять её и так лежать...

...Давно это было...

На площадке стояла девушка; мы заговорили, она подошла к моему окну. Стали вместе смотреть дали.

Степь совсем замерла, и горизонты слились с небом. Мигала зарница...

Иногда люди сразу узнают друг друга и начинают любить. Это бывает, когда кругом лежит звёздная ночь и на душе — тоже весна...

Говорили по душам и понимали сказанное...

Рассказывала она о себе. Она сельская учительница.

— И там, в этой деревне, нет никого... Там у меня только один друг: старый бор... Он шумит, что-то рассказывает, что нельзя понять человеку и что знает только он, столетний бор... А больше никого... никого! И хочется людей, хочется жизни! — сказала она.

Милая, и в твоей жизни тоже нерадостно!

И она, и её профиль, освещённый луною, стали мне близки и дороги...

Она поправила волосы, и руку оставила над моим плечом, упёршись в раму.

Я поцеловал её руку и прошептал:

— Я люблю вас!..

А поезд бежал... Неслись крылатые мельницы...

Рассвело, но солнце ещё не поднялось, и восток слабо алел...

Дул утренний ветер и нёс по долинам туман.

Было холодно...

Поезд подошёл к полустанку.

Тут мне слезать.

— Уходить надо, — говорю я.

— Прощай...

На платформе босые девочки продавали ландыши... Я кинул ей букетик.

Два цветочка оторвались и упали...

Я храню эти два цветочка; они уже засохли.

Она уехала, и было больно и грустно.

...Давно это было...

Я забыл её имя, но встреча с ней — светлое пятно моей жизни.

Я не виделся больше. Да и зачем?

Я ведь не знаю:

— Кто она?

(«Старый владимирец», 1911. № 139).

Как видим, в большинстве приведённых текстов активнее используются различные приёмы, указывающие на стихоподобную ориентацию миниатюр. Например, в миниатюре «Она уехала» вынесенное в заглавие словосочетание повторяется непосредственно в тексте ещё четыре раза, превращаясь в своеобразный рефрен; в стихотворении в прозе «Год» Пильняк использует разные отступы от края строки, что напоминает его зрелую прозу; для большинства произведений характерно также обилие авторских знаков препинания: «лирических» (и в то же время ритмически значимых) многоточий, тире, восклицательных и вопросительных знаков, что вкуче с разделением текста на малые и сверхмалые строки-строфы задаёт особо паузированный характер произнесения текста, во многом аналогичный стиховому.

Интересно, что в статье молодого писателя «Из настроений молодёжи» тоже использована версейная строфа, способствующая ненормативному ритмическому делению текстового целого, и «эмоциональные» авторские знаки препинания:

В девяностые годы прошлого столетия молодёжь объединялась в кружки.

В бурные десятилетия XX века забылись они...

И лишь теперь снова возродились.

Особое место среди ранних произведений Пильняка занимает миниатюрный рассказ «Он», который можно рассматривать как своего рода пародию на культовый, как бы сказали сейчас, рассказ Леонида Андреева «Бездна» (1902).

ОН

Смешливо им, весело, радостно.
Она такая маленькая, хорошенькая.
Будто пушинка, идёт, не касаясь земли.
Две косы — большие, светлые. Серые, доверчивые глаза.
Он так любит её!
Он отдаст за неё жизнь!
Она знает это. Она тоже любит.
Ах! как они счастливы!
Вон мальчишки, играют в солдаты! Как смешно!..
Вошли в парк.
Он такой старый, много видевший. Тени смешными узорами лежат на песчаной аллее.
Идут под руку. Смеются.
Стыдливо волнуется грудь и колышет голубенькую кофточку. Сердце стучит...
— Милая... Как я люблю тебя!..
Смеются. Весело им...
Вышли за парк.
Поле. Солнышко светит. Жаворонки поют. Ветерок...
Вдали лес, кирпичный завод: дымок поднимается.
— Пойдём к заводу!
Идут. Рожь кругом колышется... Собирают васильки. Ромашки.
Гадают:
— Любит — не любит, любит — не любит.
— Не любит!
— Ах, какой!
Смеются.
Обсыпал её всю белыми лепестками.
— Ах, какой!
— Милая!..
Подошли к заводу.
Низкие, длинные сушилки. Ямы глубокие.
Людей не видно.
Кто-то песню поёт — нудную, долгую.
Скукой, пустотой тянет.
— Уйдём отсюда!.. Здесь жутко... — Вошли в лес.
Берёзы, осины...
Трава высокая, непомятая. Колокольчиков много.
— Вон — земляника!
Ягоды ищут.
— У меня книга. Почитаем?
— Хорошо!
Книга скучная — история.
Но читать весело. Смеются.

Спорят...

Наконец, отбросили книгу. Задумались...

Лежат. Смотрят в небо.

Облака плывут... небо тёмное... Солнце уже село... Зажглось несколько звёздочек...

Ветерок шумит...

Лень думать. Хорошо на душе.

Она травку кусает. Дышит спокойно...

— Дай руку!

Тихо целует...

Не хочется думать, что пора домой.

А надо! Пора уже!

Совсем уж вечер. Луна поднялась.

Идут под руку.

Она такая лёгкая! идёт, будто не касаясь земли.

Пошли мимо завода.

Он стоит жуткий, тёмный. Полынью пахнет.

Собаки залаяли.

Страшно.

Она прижалась — крепко-крепко.

Вдруг из ямы поднялось двое.

Оборванные, грязные, в глине. Ухмыляются нагло.

Встали и пошли за ними. Молчат.

Они, наверно, будут бить.

Она вся прижалась, обхватила руку.

Он молод, силён. Если бы не было её, он бы в два скачка был бы далеко отсюда!..

Стоит только рвануться и будешь свободен.

И какая она тяжёлая. Как неудобно с ней быстро идти!

Фу! и смотрит как!

Глаза будто у нищей!

Ах! и совсем она некрасивая! Губа вздёрнулась.

Чёрт знает!

Он совсем не любит её. И не любил никогда.

Как мешает идти! И ещё эти два...

— Мне неудобно! Ты очень крепко жмёшь руку.

Оттолкнул немного. Впереди увидели большую компанию. Кто-то запел баритоном.

Те — двое — стали отставать.

Славу Богу! Вне опасности!

Как она дрожит — испугалась.

— Пустяки! не бойся, дорогая!

— Страшно!

— Пустяки. Не надо было и волноваться.

Как дрожит. Кофточка голубенькая тоже вздрагивает: дышит прерывисто.

Вон у неё: остались ещё лепестки ромашки.

Хорошая!..

И какие у неё глаза — добрые, чистые!..

Страх в них.

Какая она хорошая.

Вошли в парк.
Старые сосны, много передумавшие.
Кто-то поёт.
Женский смех. Рассыпался, будто серебряная песнь.
Встречаются люди.
Они идут под руку, и им стыдно чего-то.
— Посидим!
Будто мотылёк, порхнула на тёмную скамеечку — на тёмную.
Луна светит. Какие смешные узоры на её юбочке.
Смеются. Весело им.
— Дай руку.
Целует.
— Милая...

Особенно важно с точки зрения формирования стиля будущего мастера новой прозы то, что эта пародия — безусловно осознанная деформация размеренного, многословного андреевского повествования (а не только его сюжета и образа главных героев!). К числу явных переключек можно отнести следующие эпизоды, встречающиеся в обоих текстах: признание в любви, песня, шествие под руку, кофточка, улыбка врагов, поцелуй.

Но уже начало у рассказов проявляет их принципиальную разницу: у Андреева идёт долгая, основательная экспозиция:

«Уже кончался день, а они двое всё шли, всё говорили и не замечали ни времени, ни дороги. Впереди, на пологом холме, темнела небольшая роща, и сквозь ветви деревьев красным раскалённым углем пылало солнце, зажигало воздух и весь его превращало в огненную золотистую пыль. Так близко и так ярко было солнце, что всё кругом словно исчезало, а оно только одно оставалось, окрашивало дорогу и ровняло её. Глазам идущих стало больно, они повернули назад, и сразу перед ними всё потухло, стало спокойным и ясным, маленьким и отчётливым. Где-то далеко, за версту или больше, красный закат выхватил высокий ствол сосны, и он горел среди зелени, как свеча в тёмной комнате; багровым налётом покрылась впереди дорога, на которой теперь каждый камень отбрасывал длинную чёрную тень, да золотисто-красным ореолом светились волосы девушки, пронизанные солнечными лучами. Один тонкий вьющийся волос отделился от других и вился и колебался в воздухе, как золотая паутинка».

Молодой Пильняк сразу обозначает главное: характеристики героев и их взаимоотношения:

«Смешливо им, весело, радостно.
Она такая маленькая, хорошенькая.
Будто пушинка, идёт, не касаясь земли.
Две косы — большие, светлые. Серые, доверчивые глаза.
Он так любит её!»

Кстати, использование пародического элемента — одна из устойчивых примет пильняковского стиля; они присутствуют и в его маленькой повести «Санкт-Питер-Бурх», с буквальными повторами целых абзацев, нарочито

разорванным повествованием, сквозной темой «восточной угрозы», даже в названии, безусловно отсылая к знаменитому роману Андрея Белого. Причём, как всегда в пародии, второй текст оказывается демонстративно и существенно меньше первого. Элементы пародии, по классику русской прозы, можно обнаружить (уже в заглавиях!) также в «Телеграфном смотрителе» и повести «Штосс в жизнь»: на формальном уровне — это то же сокращение объёма фраз, нарочитое снижение романтического повествования, особенно в «Любовной истории», рассказанной в повести самим Лермонтовым.

Опыт обращения к прозаической миниатюре отозвался в дальнейшей прозе Пильняка. Первый рассказ писателя, получивший широкое признание — «Целая жизнь» (1915), представляет собой своего рода цепочку главок-миниатюр, нарочито самостоятельных и состоящих из контрастных по объёму абзацев, многие из которых носят версейный характер. При этом главы последовательно уменьшаются по ходу повествования, а последняя — девятая — состоит из одной строки-предложения.

В романе «Голый год» тоже немало самостоятельных главок-миниатюр, которые можно рассматривать как своего рода встроенные в прозаическое целое стихотворения в прозе, например, «Совы кричат»:

Совы кричат: по-человечески жутко, по-звериному радостно. «Ведь человек не животное, чтобы любить как животное». Вьюшка небесная прикрыла землю. Ночь. Кремль. Кричат совы. Ветер кричит в закоулках: гу-ву-зи-маа!.. Каменные, большие, многооконные, белые и жёлтые дома хмуры в ночи и величавы своим старобытьём. Улицы идут кривые, с тупиками и закоулками, и улицы обулыжены, и на углах церкви. Голые годы. Мрак. Ночь. Осень. Луна ползёт медленно, зелёная. — Милый, единственный, мой!

Наталья стоит у окна в кабинете, холодно поблёскивает линолеум, филодендроны разрослись во мраке. На окно падает лунный свет. Сегодня первый раз топили печь — опотели окна. Лунный призрачный свет дробится и отражается — в слезинках на стекле и в слезинках на глазах. — Не любить — и любить. Ах, и будет уют, и будут дети, и — труд, труд!.. Милый, единственный, мой! Не будет лжи и боли.

Интересно, что следом идёт «Глава VII. Последняя, без названия», представляющая собой ещё более краткий версейный текст:

«Россия.
Революция.
Метель».

Таким образом, можно сказать, что основные принципы ритмической композиции, наряду с тяготением к ироническому переосмыслению

классических произведений, сложились у Пильняка уже в юношеских прозаических миниатюрах. И не случайно последнему своему роману «Двойники» писатель даёт симптоматический подзаголовок «I глава классического повествования», показывая тем самым своё намерение уйти от сложившейся в его прозе «неклассической» повествовательной манеры.

В коллекции коломенского букиниста-краеведа А. А. Горелова сохранилось следующее письмо Пильняка издателям:

«При вёрстке романа «Волга впадает в Каспийское море» прошу обратить внимание на следующее:

1) ввиду отсутствия глав в романе, отдельные куски его разделяются чертами — одной или двумя: черты должны быть сплошные, во всю ширину страницы.

2) на страницах 10, 13, 68, 143 корректурных гранок неправильно свёрстаны абзацы: следует перебрать.

3) на страницах [корректурных гранок] 20, 27, 48, 53, 63, 65, 134, 147, 166, 169, 171 пропущены строчки и фразы: следует добрать.

Прошу прислать мне корректуру в листах.

Бор. Пильняк.
2 марта 1931».

В этом послании нас будет особенно интересовать первый пункт, свидетельствующий об особом внимании писателя к графическому оформлению его прозы.

Общеизвестно, что для поздних вещей Пильняка характерно постепенное охлаждение к массивным приёмам особой визуальной организации текста: отказ от шрифтовых выделений, лесенок, нарочитого монтажа и т. д. И всё-таки ещё в «Повести непогашенной луны» можно заметить рецидивы этого «формалистического» увлечения. Например, один графически выделенный диалог Командарма и Негорблящегося человека во второй главе, оформленный драматургически; один выделенный отступом вправо инсценированный «документ» — протокол консилиума, а также множество «ненормативных», чисто ритмических по своей функции тире — как внутри абзацев, так и на их границах. Всего их 41, причём тринадцать из них — «фирменные» пильняковские сдвоенные тире.

Обращает на себя внимание также определённая асимметричность композиции романного текста, состоящего из сверхкраткого предисловия с подписью автора и указанием на дату и место написания; четырёх глав, даже названных по-разному: «Глава первая» (в ней семь страниц), «Глава вторая» (четынадцать страниц), «Глава третья», имеющая, кроме номера, название «Смерть Гаврилова» (тоже четырнадцать страниц) и «Глава последняя», состоящая всего из половины страницы.

Тем не менее перед нами чёткое распределение текстовых объёмов: миниатюра, «полуглавие», две полноценные, причём равные по объёму, главы и финальная миниатюра (с подобными мини-главами рядом с «нормальными» по объёму мы встречались и в более ранних больших вещах писателя, например, в романе «Гольд год»). Отмеченная асимметрия, или, точнее, сложно выстроенная симметрия, носит, безусловно, принципиальный характер, создаёт эффект подробности, лоскутности повествования и одновременно — иллюзию неоконченности произведения.

Кроме того, в «Повести» обращает на себя внимание большое количество крупных (значительно больших по сравнению с предыдущими романами и повестями) эпических абзацев. Ритмическая упорядоченность (разделение на небольшие фрагменты там, где нужно автору) достигается в этих условиях как раз ненормативной частотой использования «внутренних» тире, составляющих своего рода систему знаков для обозначения пауз, наряду с учащёнными нормативными после запятой и «внешними», традиционно пильняковскими, завершающими строфы или обозначающими их незавершённость. Соответственно, в диалогах обычно используются контрастные с основным текстовым монолитом короткие строфы.

Таким образом, текст в повести членится на строфы как традиционным способом, так и при помощи конечных тире (из них 28 одиночных, а 13 — двойных). Можно предположить, что таким образом автор обозначает три типа пауз в конце строки — по аналогии с одной, двумя и тремя точками, которые Тургенев, по наблюдениям В. Чернышёва, предполагал ставить в конце строф в своих «Стихотворениях в прозе».

Кроме того, в кульминационной сцене операции на двух страницах дважды используется ещё одно отклонение от общей нормы: разбиение трёх строф на квазиполустрофия, начинающиеся со строчной буквы:

«— Дыхание! — казалось, машинально поддакнул Кокосов, и тогда можно было видеть, как из-за волос и из-за очков вылезли очень злые, страшно злые глаза Кокосова, вылезли и расплзлись в стороны, а глаза Лозовского, сидящие в углах глазниц, давя на переносицу, ещё больше сузились, ушли вглубь, сосредоточились, срослись в один глаз, страшно острый. —

Лозовский прошептал:

— Павел Иванович! —

и опустил руки на рану: он не зашивал, а смётывал полости, он стиснул кожу и стал заштопывать только её верхние покровы.

Лозовский крикнул:

— Физиологический раствор! —

и ассистентка воткнула в грудь человека две толстые, толщиной почти в папиросу, иглы, чтобы через них влить в кровь мертвеца тысячу кубиков жидкой соли, чтобы поддержать кровяное давление».

Ещё одно аномальное явление в «Повести» — так называемое висячее тире, одним из возможных источников которого могла быть Библия, а другим — очень популярная в те годы книга Ницше «Так говорил Заратустра».

У немецкого классика висячее тире — именно ритмический механизм; очевидно, примерно то же мы видим и у Пильняка. Вообще же, всё разнообразие нестандартных графических средств в прозе нашего писателя сводится суммарно к одной цели: предельно раздробить и тем самым замедлить повествование, заставить читателя вслушиваться в каждое его слово — точно так же, как это делал при помощи метризации и сопровождающих её других стихоподобных приёмах организации текста Андрей Белый. Ещё один характерный пример из «Повести»:

«— Впрочем, сейчас в этой приёмной чудачеств, должно быть, не было. — Тот, который встречал хозяином, хирург, профессор, заросший волосами так, что волосы росли на носу, — чудачествовал только обильным этим бурным волосом, на котором сидели маленькие очки, — и чудачеством блистала его лысина. — К нему навстречу прошёл профессор Лозовский, человек лет тридцати пяти, бритый, в сюртуке, в пенсне с прямою перекладиной, с глазами, влезшими в углы глазниц. — Да-да-да, знаете ли».

Возвращаясь к двойному тире, следует заметить, что оно, прежде всего, выступает в «Повести» как знак недоговорённости, маркер прерывания речи и в то же время — как знак для обозначения паузы. Например:

«— Входил бесшумно коридорный человек, поставил на столике у окна поднос со стаканом чая и куском холодного мяса, прикрытым салфеткой, ушёл. — Тогда негорбющийся человек вновь позвонил секретарю, спросил: — «Секретная сводка готова?» — И вновь надолго человек безмолвствовал над большим листом, над рубриками Наркоминдела, Полит- и -Экономотделов ОПТУ, Наркомфина, Наркомвнешторга, Наркомтруда. — Тогда в кабинет вошли — один и другой, — люди из той тройки, которая вершила. — —»;

«Бритый человек передал волосатому разорванный конверт с сургучной печатью. Волосатый человек вынул лист бумаги, поправил очки, прочёл, — опять поправил очки, недоумённо передал лист третьему. — —

— При чём же тут консилиум? —

— Я приехал по экстренному вызову. Телеграмма пришла на имя ректора университета. — —

— Командарм Гаврилов, — знаете, тот, который. — —

— Да-да-да, знаете ли, — революция, командир армии, формула, — и — пожалуйста. — —

— Консилиум.

— Вы его видели, господа, — товарища Гаврилова, — что за человек?

— Да-да-да, знаете ли, батенька. — —

Электричество здесь падало резко вырезанными тенями. Рана заката унесла за собой во мрак заречный простор. — Один другого взял за пуговицу нагрудного кармана у халата; один другого взял под руку, чтобы пройтись. — Тогда: — громко, медленно, покойно — один, другой, третий:

— Доклад профессора Оппеля о внутренней секреции на съезде хирургов. Я оппонировал — двенадцатиперстная кишка. — —

— Сегодня в Доме учёных. — —

— Спасибо, жена здорова, немного старший колитом. — А как Екатерина Павловна? — —»

Нетрудно также заметить, что обычные и двойные тире сосредоточены в узловых сценах «Повести»: это приезд Гаврилова, консилиум, последняя поездка на автомобиле, операция. Причём этот знак сопровождает именно главного героя — так, в большом фрагменте о профессоре Кокосове он не встречается ни одного раза.

В свою очередь, тире, расположенное внутри строфы, членит текст на фрагменты «второго порядка»; это — дополнительные по отношению и к

строфе, и к предложению единицы текста — членение, в определённой степени аналогичное стиховому, создающее принципиально более дробную структуру повествования.

Первое ненормативное тире после точки встречается уже в предисловии, перед словами «всё это». Затем в первой главе с его помощью происходит деление строф на своего рода субстрофы:

«Красноармеец пошёл, вернулся. Тогда Попов полез в вагон. — В салоне, потому что опущены были занавеси и горело электричество, застряла ночь.»;

«Приходил ко всему на свете равнодушный проводник, убрал со стола; бутылки поставил куда-то в угол; смёл на подносик корки гранатов; — постелил на стол скатерть, поставил на неё одинокий стакан в подстаканнике, тарелку с чёрствым хлебом, рюмку для яиц; принёс на тарелочке два яйца, соль, пузырьёчки с лекарствами; отогнул угол портьеры, посмотрел на утро, — раздвинул портьеры на стёклах окон, шнуры портьер прожикали сиротливо, — потушил электричество: и в салон залезло серое, в измороси осеннее утро.»;

«Проводник монументом стал в дверях, неподвижный, с салфеткой в руках. Лица у всех в этом мутном утре были жёлты, — жиденький водянистый свет походил на сукровицу».

Основные функции этого знака, как видим — разделение и противопоставление равноправных фрагментов текста, т. е. чисто ритмические, в определённой степени — стихоподобные.

В дальнейшем этот знак неоднократно встречается в тексте, причём после любого знака: точки, запятой, точки с запятой, даже двоеточия:

«Тогда: — профессора медленно сели на клеёнчатые стулья за стол, положили локти на стол, размяли руки, поправили очки и пенсне, попросили сесть больного».

Наконец, в сцене прощания именно ненормативные тире образуют упорядоченность речевых тактов, позволяющие рассматривать этот текст как своего рода аналог тонического стихотворения, направляющий нас именно на подобное прочтение этого ключевого эпизода повествования:

«Шофёру негорбящийся человек сказал: — «в больницу». Улицы не качались. В облаках торопилась, суматошилась луна — и, как хлыст, стлался по улицам автомобиль. Чёрное во мраке здание больницы мигало непокойными окнами. В чёрных проходах стояли часовые. Дом немотствовал, как надо немотствовать там, где смерть. Негорбящийся человек — чёрными коридорами — прошёл к палате командарма Гаврилова. Человек прошёл в палату, — там на кровати лежал труп командарма, — там удушливо пахло камфарой. Все вышли из палаты, — в палате остались негорбящийся человек и труп человека Гаврилова. Человек сел на кровать к ногам трупа. Руки Гаврилова лежали над одеялом вдоль тела. — Человек долго сидел около трупа, — склонившись, затихнув. Тишина была в палате. Человек взял руку Гаврилова, пожал руку, сказал:

— Прощай, товарищ! Прощай, брат!»

Попробуем разбить текст на речевые такты, следуя пунктуационной подсказке автора:

«Шофёру негорбящийся человек сказал:
— «в больницу».
Улицы не качались.
В облаках торопилась, суматошилась луна —
и, как хлыст, стлался по улицам автомобиль.
Чёрное во мраке здание больницы мигало непокойными окнами.
В чёрных проходах стояли часовые.
Дом немотствовал, как надо немотствовать там, где смерть. Негорбящийся человек —
чёрными коридорами —
прошёл к палате командарма Гаврилова.
Человек прошёл в палату, —
там на кровати лежал труп командарма, —
там удушливо пахло камфарой.
Все вышли из палаты, —
в палате остались негорбящийся человек и труп человека Гаврилова. Человек сел на кровать к ногам трупа.
Руки Гаврилова лежали над одеялом вдоль тела. —
Человек долго сидел около трупа, —
склонившись, затихнув.
Тишина была в палате.
Человек взял руку Гаврилова, пожал руку, сказал:
— Прощай, товарищ!
Прощай, брат!

И вышел из палаты, опустив голову,
ни на кого не глядя, сказал: —
«форточку там открыли бы, дышать нельзя»,
— и быстро прошел чёрным коридором,
спустился с лестницы. В деревнях в этот час пели третьи петухи.
Человек — молча — сел в машину.
Шофёр повернул голову,
чтобы выслушать приказание.
Человек молчал. Человек опомнился, —
человек сказал: —
«за город — на всех скоростях». — — »

Подводя итоги, можно сказать, что в «Повести непогашенной луны» Пильняк искусно использует все имеющиеся у него средства ритмической организации прозаического текста. Причём, в отличие от более ранних, порой перенасыщенных внешними графическими приёмами произведений, здесь он в полном соответствии с серьёзностью художественной задачи ограничивается достаточно небольшим набором выразительных средств, зато использует их с предельной эффективностью. Особая нагрузка при этом падает на ненормативные знаки препинания, прежде всего — на тире

в сочетании с разными знаками, как внутри строф, так и на их границах (висячие тире).

Таким образом, можно говорить об активном и разнообразном использовании прозаиком Пильняком стиховой культуры: как в виде прямых цитат, так и в форме экспансии стиховых элементов и принципов в структуру прозаического целого, а самого писателя с полным основанием назвать поэтом в прозе.

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

65 СНИМКОВ МАСТЕРА

Александр Дудкин родился в рязанских краях, но, подобно многим своим землякам, попав в Коломну, был очарован пленительной магией этого города... Вся его жизнь, всё его искусство фотографа отныне связаны с Коломенским краем. Он умеет передать и тайные туманы предместий, и величие древнего кремля, и свежую красоту новостроек...

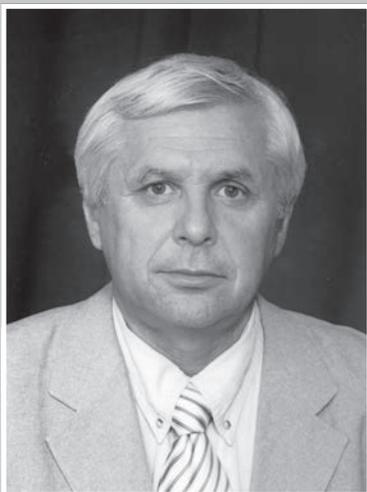
Но, конечно же, этот мастер дорог нам не только художественными работами. Без его помощи немислим «Коломенский альманах»! Нужно ли снять какой-то конкретный объект, или подыскать фон для живописных полотен, или помочь в дизайне макета — всегда без Дудкина не обойтись!

И не случайно фотограф награждён медалью Лажечникова. Ведь мерцающие оттиски его снимков — тоже поэзия, а работа в альманахе — та самая «проза», без которой очередной номер ежегодника не увидел бы света.

Александр Михайлович, друг наш и соратник! 65 — не возраст! Это 65 мгновений весны. Так пусть же твоя творческая весна продолжается — нам всем на радость, а Коломне — на славу!

Коллектив редколлегии

Александр Ауэр

Александр Петрович Ауэр родился в ноябре 1948 года в с. Ерофеевке Восточно-Казахстанской области. В 1971 году окончил филологический факультет Саратовского государственного университета. Доктор филологических наук, профессор МГОСИ (Московского государственного областного социально-гуманитарного института). Заведующий кафедрой литературы. Автор монографий, учебных пособий и многочисленных статей по истории и поэтике русской литературы XIX–XX веков. Лауреат конкурса «Грант Москвы» в области наук и технологий в сфере образования.

Литературоведческое
исследование

ФИЛОСОФСКИЕ СЮЖЕТЫ В ПРОЗЕ Б.А. ПИЛЬНЯКА

«**С**ейчас погибаю в дебрях философии, богословия, истории, экономических наук, коммерческой арифметики, подзубривая их к экзамену» — писал Борис Вогау (псевдоним Пильняк появится чуть позже) 5 марта 1915 года А. А. Альвингу. Безусловно, это признание не только свидетельство его студенческого прилежания. В нём выразилось ещё и то, что в скором времени станет самым характерным для творчества Б. А. Пильняка: стремление выразить в художественном слове опыт научного познания мира. В этом опыте философия изначально заняла ведущие позиции, что существенно повлияет на творческие замыслы Пильняка.

Многие философские идеи стали достоянием творческого сознания Пильняка. Но среди этого философского множества особо выделяется экзистенциальное направление, у истоков которого — философия Сёрена Киркегора. Пильняк входил в литературу в тот период, когда происходило наиболее интенсивное влияние на русское художественное сознание Сёрена Киркегора именно как «экзистенциального мыслителя» (Пауль Тиллих). В «дебрях» философии Киркегора Пильняк отыскал путь к постижению собственного «я», что происходит при неизбежном отчуждении от мира. «Индивидуум действительно имеет свою цель в самом себе, но эта внутренняя его цель — он сам,

его «я», которое он стремится обрести и которое таким образом является не абстрактом, но абсолютной конкретностью», выводит ту философскую формулу Сёрен Киркегор, которая станет наиболее важной для Пильняка. И таким же важным будут для Пильняка экзистенциальные признания философа, высказанные в «Афоризмах эстетика»: «Лучший мой друг — эхо, а почему? — Потому, что я люблю свою грусть, а оно не отнимает её у меня. У меня лишь один поверенный — ночная тишина... Почему? — Потому, что она нема...»

Конечно, нельзя утверждать с полной уверенностью, что подобные философские фрагменты вошли в пильняковские тексты благодаря устойчивым «контактным связям». Но и полностью исключать это тоже нельзя, если иметь в виду, что такой связи вполне могло способствовать творчество Ф. М. Достоевского,

традиции которого многое определяют в пильняковской прозе. По выводу П. П. Гайдено, «Киркегор очень близко подходит к той нравственно-философской проблематике, которая составляла основной нерв творчества русского писателя Ф. М. Достоевского». Полностью соглашаясь с этим выводом, особо отмечу, что Пильняк мог породниться с философией Сёрена Киркегора, вживаясь в художественную «проблематику» Достоевского.

Всё это важно осознать потому, что без ориентации на данный философский контекст нет ответа на вопрос о том, почему образ «тишины» (этот образ предстаёт перед нами даже в эпистолярной прозе писателя) — структурная доминанта в поэтике Пильняка и почему этот образ почти всегда сопрягается с экзистенциальными сюжетами? Философская идея становится частью творческого замысла, который воплощается в структурном сопряжении образа «тишины» и предельно сжатого экзистенциального сюжета. Начало этой художественной закономерности положит рассказ «У Николы, что на Белых Колодезях». Андрей в ответ на слова «человека в бурке» о «тихой весне» воскликнет: «Да, да! ... Нужна свобода — изнутри, не извне». В это мгновение диалог очень быстро переходит в монолог, что происходит без особых стилистических усилий. Эти усилия оказались ненужными потому, что экзистенциальный монолог Андрея вырвался из стилистических недр образа «тишины». Сам же монолог настолько энергичен и напорист, что может существовать только в риторической форме, возникшей из повтора, интонационного взлёта и затяжной паузы. Риторика устремилась на помощь художественности для того, чтобы во всей ораторской мощи явить мысль о внутренней свободе («изнутри»), возникшей благодаря сохранению собственного «я». Для Пильняка такое сохранение — главное условие проявления того индивидуального начала в человеке, которое подавлялось со всей революционной беспощадностью.

Художественный экзистенциализм возникает в этом рассказе как реакция на тотальное отрицание человеческого «я» и собственного внутреннего бытия.

Именно экзистенциальный сюжет придал особую значимость рассказу «У Николы, что на Белых Колодезях» в построении всей книги «Быльё». Но ещё большую значимость этот сюжет обретает в романе «Голый год», куда он войдёт чуть-чуть видоизменённым (рассказ «У Николы, что на Белых Колодезях» составит структурную основу главы «О свободах»). Это видоизменение направлено на то, чтобы монолог Андрея из рассказа превратился в такой внутренний монолог, в котором нашлось бы место и для авторского слова: «Свобода! свобода! ничего не иметь, от всего отказаться, — быть нищим!» Экзистенциальный смысл этого высказывания ещё глубже раскроется в восприятии Анной жизненной философии Андрея: «Никогда не поймёт свободы от всего, — ничего не иметь, от всего отказаться, как Андрей, не иметь своего белья. Пусть в России перестанут ходить поезда, — разве нет красоты в лучине, голоде, болячках? Надо научиться смотреть на всё и на себя — извне, только смотреть, никому не принадлежать» (1,90).

«От всего отказаться» и «никому не принадлежать» — вот эти глаголы сложились в единую динамическую композицию для того, чтобы высветить мысль: сохранение собственного «я» (индивидуальность) требует полного отчуждения от окружающего мира, если этот мир подавляет человеческое в человеке.

Здесь — исток мотива экзистенциального одиночества, который является смысловым стержнем в жизнеописаниях Андрея Волковича и Семёна Зилотова. Причём и на этот раз экзистенциальный сюжет в его мотивном

Храм Николы-на-посаде. Фото начала XX в.

отвлечении развивается под сенью образа «тишины»: «Вечер был тихий и ясный с белыми звёздами... .. Были над рекой и полями тишина и мир. Был смутный зелёный шум, и всё же стояла тишина, — та, которую твердит ночь» (1, 85).

С этого момента символический образ «тишины» будет сопровождать мотив экзистенциального одиночества, в чём нельзя не увидеть подтекстового присутствия философии Сёрена Киркегора.

Важно учесть, что в романе «Голый год» этот сложный процесс обособления индивидуального сознания представлен на грозном революционном фоне, в центре которого — «мандат» и «кожаные куртки». Такая же архитектурная закономерность отчётливо проступает и в романе «Машины и волки», где экзистенциальный портрет Юрия Росчиславского («Брат! Брат!.. ты слышишь, какая тишина?» — 2, 33) представлен под звуки железного марша:

- Россия, влево!
- Россия, марш!
- Россия, рысью!
- Кааарррьером, Ррроссия! — (2, 76).

Ещё более отчётливо такой архитектурный жест выделяется в повести «Метель». В прологе повести повествованием полностью завладевает мотив ухода из мира. Именно этот мотив образует пролог повести («Дьякон от семьи в баню переселился, от мира в баню ушёл, кота учить стал справедливости, дьякон стихи писать начал. Господи, как объяснить всё, как найти слово, чтобы мир поставить иначе?! — 1, 267), а в эпилоге почти с графической чёткостью показан мир, который был дьяконом покинут: «Люди в кожаных куртках, незнакомые, Бог весть откуда, с диалектом: комгосоор, рабсила, нагэвак. Прибавочная стоимость, партийные директивы» (1, 292).

Нельзя не заметить, что архитектура «Метели» сильно зависит от экзистенциального мотива. Отсюда конструктивное соотношение пролога и эпилога повести. Правда, такое влияние экзистенциального мотива на архитектуру — явление довольно редкое в поэтике Пильняка. Чаще всего он осуществляется в сфере психологизма, как это происходит в «Повести непогашенной луны». Командарм Гаврилов, «старый солдат революции» (2, 344), в уже наступившей ночной тишине, обращается с просьбой к Попову: «Ты мне дай почитать чего-нибудь, — только, знаешь, попроще, про хороших людей, про хорошую любовь, о простых отношениях, о простой жизни, о солнце, о людях и простой человеческой радости — такой книги не нашлось у Попова» (2, 357). В этой просьбе — неукротимое желание командарма Гаврилова уйти в такое внутреннее бытие, в котором созданы все условия для солнечной гармонии тихой человеческой радости.

В «Повести непогашенной луны» экзистенциальный мотив задаёт направление психологическому анализу. Именно это открыло путь Пильняку для художественного воплощения психологии отчуждения. Но это — далеко не единственный путь. Нередко он пролегает через символ. В «Третьей столице» символом отчуждения становится «поднятый воротник» («Мужчины в пальто с поднятыми воротниками — одиночки, конечно». — 2, 352). В романе «Волга впадает в Каспийское море» сюжет

полностью разместился в поэтике символа «подземелья», где прячет от мира собственное «я» Иван Ожогов, который «не забыл чести и не потерял совести» (4, 339).

Упорная последовательность в воплощении экзистенциального мотива обусловлена ещё и эстетическими манифестациями Пильняка, в центре которых — призыв к полной творческой свободе. Рядом с этим призывом — тезис о полном сохранении творческой индивидуальности, что органично сочетается с идеей «соборности» писательской деятельности. Между тем, резкое выделение творческого «я» приводит Пильняка к гиперболизированному автобиографизму. «Я же сижу в Коломне, в Гончарах, у Николая-на-Посадьях, в избе о пяти окнах, в комнате с книгами, за столом против, откуда виден Никола, в котором молился Дмитрий Донской перед Куликовым полем, — две сквозных нищих решётки за окном и дом, как гроб-домовина» (2, 216), — чётко показывает Пильняк своё творческое «я» в романе «Машины и волки».

Такие автобиографические всплески сопровождают повествование почти в каждом произведении Пильняка. Сливаясь вместе, они образуют сквозную «авторскую исповедь», которая вольётся широкой волной в «Созревание плодов». Главная опора исповеди — именно те манифестации Пильняка, в которых он стремился всеми силами сохранить творческую индивидуальность. В 1930 году Пильняк суммировал все свои высказывания на эту тему: «Всё, написанное выше, есть разговор о том, почему я пишу. И ответ на этот вопрос я дать не могу потому, что все начала уходят в подсознательное, — и ещё потому, что если б я знал это «почему», писать я не стал бы: у каждого писателя должна быть, должно быть, своя трагедия, своя пропасть, своя неуязвимость, которые творчеством он заполняет». Сделав акцент на «подсознательное» и «своё», Пильняк самым решительным жестом указал на то, что творчество — это, прежде всего, вдохновенное самовыражение.

Конечно, воплощение такого творческого кредо в те исторические времена — творческая задача немислимой трудности. Но Пильняк упорно шёл по этому пути. И на этом пути он всё же не был одинок. Экзистенциальная тенденция возникла и в творчестве С. А. Есенина, на что совершенно точно указывает О. Е. Воронова: «Экзистенциальная проблематика творчества Есенина связана прежде всего с отражением кризисного сознания современного человека, переживающего драму утраты корней, единства с природой, миром, людьми, отрыв от «почвы» и «веры», других традиционных ценностей». Художественный экзистенциализм — это ещё одно объединяющее начало в поэтике Пильняка и Есенина, творческий диалог которых стал ярким явлением в русской литературе первой половины 1920-х годов.

«РОССИЯ, КОЛОМНА, НИКОЛА-НА-ПАСАДЬЯХ»

Образ Коломны в произведениях Б. А. Пильняка.

«Город — скорее похож на губернский, чем на уездный. Все улицы мощены. Бросается в глаза архитектура домов. Дома все — старые, каменные, большие, в духе пятидесятих годов. Встретишь колонны и бельведеры. На главной улице поразительно мало магазинов. Вообще, магазины все скопились в рядах. Ряды похожи на Можайские, т. е. старинные, они только массивнее и больше их.

Кремль, 23 штуки церквей, а не — 36. Монастырь. Мест, куда бы пойти и погулять — я не нашёл пока. Гуляют в садике, по Почтовой улице и на «блюдечке». Ходят гулять — в шляпках, как в больших городах».

(Из письма О. И. Вогау. Первая неделя августа 1912 г.)

«Снова Россия, тишина, воронье над разваленным городом, груды камней от кремлёвских стен, крапива на стенах, болота в подвалах — в городе, а в поле — дичь, как при Алексее Тишайшем, паутинки в воздухе и наша поочная грусть...»

(Из письма К. И. Чуковскому 28 августа 1923 г.)

«Моя жизнь, как всякая, очень однообразна, бестолкова, иногда шумна, как Лондон или как «цыганская» ночь, — а чаще похожа на монастырскую, в книгах, бумаге, рукописях и письмах. И эту-то, коломенскую тихую жизнь в моей полуразвалившейся избёнке, в книжной пыли, где я встаю по утрам, чтоб сидеть за столом с книгами и бумагами до тех пор, пока не пойдут пред глазами кольца, пока не валишься на диван, чтоб снова за книги, где я никого не вижу, в тишине и одиночестве, — эту мою жизнь я люблю больше всего. Это самое большое счастье, которое мне выпало в жизни, — любить свой труд. — Вот и всё».

(Из письма Е. К. Малининой-Соболевой 7 ноября 1923 г.)

«Ну-с! Вот я и в Коломне.

Огромный, тенистый сад. На самом деле — огромный — больше, чем наш можайский. Дом... старинный, мещансковатый, но уютный и с удобствами. ...До сентября придётся жить в трёх комнатах, а... а после сентября — тоже в трёх. Папа предполагает сделать так: из кухни и одной комнаты сделать амбулаторию, а из одной, из оставшихся 4 комнат, — кухню; в кухне будет стоять плита...»

(Из письма О. И. Вогау. Первая неделя августа 1912 г.)

«В Коломне у меня, в сущности, изба. В окно видно Николу и провинциальнейший этакий дом, в охре и как ящик, а над ним — небо (весеннее уже!) и солнце, которое сейчас мешает писать. В доме тихо, за стеной кормят — в полдень — дочь кашей, и тикают часы. ...У меня в комнате (вся в солнце!) диван покрыт медвежьей шкурой, а вместо халата — тулуп, и днями, растерзанный и полуодетый, я валяюсь с книгами».

(Из письма Н. С. Ашукину 9 марта 1921 г.)

«После свадьбы родители некоторое время жили в семье дедушки Андрея Ивановича, а позднее (1918 г.) сняли дом у священника Никольской церкви и начали самостоятельную жизнь. Дом возле церкви Никольна-Посадях, он же Арбатская, 7, состоял из четырёх комнат. В самой большой жил папа. Там стоял большой дубовый дедушкин письменный стол с двумя тумбами, диван, на котором папа спал и днём читал лёжа, книжный шкаф и пианино. Эта комната была холодной, в ней было 5 окон. Два выходили на улицу, три — на террасу. В ней же висел в углу телефон, жёлтый, деревянный, как тогда были, № 1–12.

Самая маленькая и тёплая комната, с окнами на юг, была детской. Небольшая комната с одним окном принадлежала маме. Все три комнаты выходили в небольшую столовую, в которой стояли буфет и обеденный стол. На стене висели дедушкины часы «Павел Бурэ» с боем. Они и сейчас у меня, но бой испортился и современные мастера починить не смогли. В коломенском доме была аскетическая простота, всё самое необходимое, ничего лишнего, и почти стерильная чистота, которая шла, видимо, от мамы-хирурга». («КА» № 8, 2004. С. 386–387.)

«Коломна мне — монастырём, на послушание и епитимью: под церковью, под колокольней у Николы, в колокольне — сторожка бывшая, стены каменные, потолок сводчатый, одна камора, окошки узкие, — здесь и поселюсь на зиму, под бога и колокола. — Пушай вьюги метут, веселее будут сны, как колокола загудят. — В Коломне у нас: очень тихо, очень, ребятки перед зимой шапошным разбором занимаются по тихому времени...»

(Из письма А. М. Ремизову 10 сентября 1923 г.)

«Ночь — мрак. Баня — на задворках Спасской, что на Житной, у кремлёвского пролаза, церкви: святой Сергей Радонежский перенёс отсюда монастырь на Реденеву Луку, там и посох его хранится. ...В Спасской церкви записи церковные и выписи хранились от семнадцатого века, в истории Карамзина церковь эта и город много раз упоминались; записи от семнадцатого века старые были, на истлевшей бумаге, потрёпанные, в них Карамзин подтверждался, дьякон тетрадку купил в клеёнке, за сорок копеек, переписал начисто, залихватски, как бумаги в управе, старые записи и — подлинник выкинул; в записях о воеводе Никите писалось, склеп под церковью должен был быть, дьякон всю церковь облупил кругом ломом, хода искал, и нашёл-таки...»

(«Метель»)

«Путь Белохлебова: улочка в заборах, в скамейках у калиток, церковная ограда, площадь, памятник жертв октябрьского восстания против торговых рядов, улица в булыжинах мостовой, в домах из камня, каждый, как гроб, — и всюду, конечно, вороньё на вёслах».

(«Метель»)

«Боком к кремлю и базару расположилась улица, идущая к станции и от станции, по которой раз в году проезжал в имение к себе царственный поэт великий князь Константин Романов, при проездах его купеческие приказчики бросали в небо шапки».

(«Соляной амбар»)

«Московская улица, она же Большая, она же Базарная, одним концом упиралась в базарную площадь, а другим рассеивалась в безымянные переулочки, в пустыри, огороды, в кладбище. Базарная площадь, обставленная двухэтажными каменными домами, с торговым, он же гостинный, рядом от времён царя Алексея, когда торговцы назывались гостями, — с кабаком, с трактиром Козлова, со столетним конским навозом, — торговая площадь упиралась в ров и в мост через ров».

(«Соляной амбар»)

«В Коломне — от заставы с орлами до заставы со звёздами — две с половиной версты — коломенская верста: лихи были ямщики! Тракт даже не в вёслах и не Астраханский, в сущности, а на всё Поволжье махнул и полёг. От Рязани до Коломны — на Москву — тракт полёг по Поочью. [Много страшных лет было в России: лето тысяча девятьсот двадцать первое было — страшное лето.] От Рязани до Коломны тракт полёг по лесам Чернореченским, по Зарайским болотам, — и в сером дыму был тракт от трав-брусник и лесов, в лесных пожарах сгоравших. От тракта вправо свернуть — в деревню зарайскую, у Христа за раем, за пазухой — деревня Чертанова будет, — и нет деревни Чертановой: выгорел торф под деревней, в землю провалилась деревня, к чорту, как Нижегородской губернии город Китеж, к чорту-с. Дым чёрный над Черноречьем. — Тракт даже не в вёслах и не Астраханский: в проводах по столбам Третий Интернационал гремел, Коминтерн, в июле, — если вперёд смотреть, в даль вёрст: в голубой дали вёрст чёрный возникнет заводский дым — Коломзавода, Гомзы, стали и бетона. И туда смотреть с автомобиля — не Астраханские, рязанский исполком и штабы армий на автомобилях тракт кроют в Москву, в народные комиссариаты, на коллеги, избегая поездов в холере.

[— Тра-трак-трак-тра! — автомобилья поступь. —]

— От тракта вправо свернуть — зарайские земли, у Христа за раем — горы по Поочью и луга, как степи — Белоомутские луга, Дединовские луга — влево свернул Погост Расчислав — Расчиславские Горки...»

(«Волга впадает в Каспийское море»)

«Гостиница на Астраханской улице здорововала широкопазым николаевским умиранием в ряду других домов, таких же каменных и плотно усевшихся на землю. Номера в гостинице смотрели на Коломну подслеповатыми бастионными оконцами. На площади против номеров умирали развалины кремля, на бывшей Дворянской улице в кремле пил по ночам со Христом водку музеевед Грибоедов.

Астраханская ж улица тяжёлых домов и тёмных подворотен строилась шеренгою вывесок, организующих ту войну, которой воевала Россия. Земля закатывалась к вечеру, вороны над городом растаскивали день, души разрушения, и переставали нить колокола, плач старины».

(«Волга впадает в Каспийское море»)

«На Подоле проходил большак, мостом перебирался через речку, заплотиненную кошкинской мельницей. У моста располагались кузницы с коновязями, с навозом и с голубями. Большак полз в гору, в кремль. Крайними на откосе стояли дома князя Верейского и надворного советника Бабенина, друг против друга. В деревьях меж ними виднелась соборная колокольня».

(«Соляной амбар»)

«Под откосом помещался Подол, — старинное слово, оставшееся только в Киеве, хотя ещё в восемнадцатом веке Подолом называлась, в частности, часть Московского кремля, идущая от дворцов к Москве-реке. На Подоле — огородики, садики, домики, кузницы, мельница, ямская слобода, публичное заведение».

(«Соляной амбар»)

«Коломна проплыла в тумане башнями и стариной, — Коломзавод — налево — стал белыми огнями, трубами и трубной гарью, и над Коломзаводом — от огней — небо было чёрным...

... Коломзавод — завод, в дыму, копоти, масле, стали, железе — Коломзавод. ...

У села Боброва — кузня, где собирались и сваривались мосты. Эта кузня и выросла в Коломзавод. Эта кузня — для Коломзавода — сохранила от шаромыжников — песни о земь, скрежет железа, тёмные расветы, костры, гудки, чёрные куртки в масле и копоти, руки до колен (которыми всё возмёшь, и нет страшного — взять), иссохшие спины, неурочные огни в ночах, неурочные толпы неурочных людей. Эта кузня придавила монастырь к реке, заглушила его, заушила. Эта кузня потянула дома, перестроила их из камня в дерево, из Запрудья, из Гончаров — на Новую стройку, в Митяево, к Боброву. Город запер ворота, — по шпалам, в вагонах потянулись в Москву — скотина, пшеницы, ржи, соль, гуртами, оптами, — тракт Астраханский замолк, зарос подорожником, подорожник порос и на коломенских улицах, дома олишаились мхом, купец позабыл про «Москвы уголок», стал «вдовствовать» с вдовами вместе. Завод стал мощный, один из великанов в России, вырос сталью, железом

и камнем, огородился на сотню десятин заборами, — математическая формула, — трубы подпёрли небо, задымили в небо, динамомшины кинули свет в ночи светлее солнца, сталь заскрежетала железом, завыли гудки, — завод стал — сталелитейный, машиностроительный. — Там, за заводской стеной — дым, копоть, огонь, — шум, лязг, визг и скрип железа, — полумрак, электричество вместо солнца, — машина, допуски, калибры, вагранка, мартены, кузницы, гидравлические прессы и прессы тяжестью в тонны, — горячие цеха, — и токарные станки, фрезеры, аяксы, где стружки из стали, как от фуганка, — и при машине, за машиной, под машиной — рабочий, — машина в масле, машина — сталь, машина неумолима, — дым, копоть, огонь, — лязг, визг, вой и скрип железа...»

(«Волга впадает в Каспийское море»)

«В кремле были казённые дома и церкви, под кремлём протекала река Колыменка, за Колыменкой лежали луга, Ямская Слобода (железная дорога в те времена проходила в ста верстах), Реденёв монастырь. Первыми просыпались в кремле гуси (свиней в кремле не водилось, ибо улицы были обулыжены). Вскоре за гусями появлялись кабацкие ярыги, нищие, юродивые. Шли в управление будочники со столами на головах: издал по губернии губернатор распоряжение, чтобы делали надзиратели ночные обходы и расписывались в книгах, а книги приказал припечатать к столам, — надзиратели и расписывались, только не ночью, а утром в канцеляриях, куда приносили им столы. Ночью же ходить по городу дозволяли неохотно, и если с просонья будочник спрашивал: — Кто идёт?! — надо было всегда отвечать:

— Обыватель!»

(«Колымен город»)

«За рвом на холме располагался кремль, уже не существовавший, оставивший от себя трижды после пожаров перестроенный собор, «святой» колодец, бывшее крепостное водохранилище да известняковые лысины крепостных стен по обрывам. Кремль обрывался откосом.

(«Соляной амбар»)

«Я в восемнадцатом веке — так должно было быть тогда! Улицы мощёны огромными булыжинами, стоят дома архитектурных стилей позапрошлого века — барокко и классицизм. Вот тянется каменный забор с урнами на пилястрах и стоит навеселе «Эрмитаж». ... А вот и дом. Я стою, очарованный. На стенах лепка, виньетки, завитушки, крыльцо в парк, пилястры — барокко! Иду дальше. Ещё дом, ещё красивее, ещё интимнее. На нём вывеска — Коломенская женская пушкинская гимназия, на подъезде барельефы — головы Диониса, и маленькие колонки — это уже примешался к барокко классицизм...

На окраине города стоят заставы — по два маленьких белых домика с колоннами, полосатая будка иobelisks с гербами города на своих шпицах...».

(«На родине Лажечникова»)

«Но вот — я уже не в восемнадцатом, — я в шестнадцатом веке. Я в кремле. Стоят башни, высятся стены, поднимается собор, оставшийся от четырнадцатого века, вот церковь, где по преданию венчался с женою своею Дмитрий Донской, вот ворота, через которые он уходил воевать с Мамаем, — Пятницкие ворота, на них написано, когда и как это было, и стенопись воспроизводит прежнее — Дмитрия с воинством на конях, воеводу и горожан с хлебом-солью, духовенство, народ...»

(«На родине Лажечникова»)

«Преданья рассказывали, что в этой крепостной кремлёвской башне, высокой, наугольной, стройной и глухой, погибла Марина Мнишек. Летописи знают, что Марина Мнишек с Иваном Заруцким и с сыном Ворёнком, отступая от Москвы, брали Коломну и грабили её, — преданье говорит, что Марина в этой угловой кремлёвской башне хранила свои богатства, — Мишка видел эти богатства сказками Шехерезады. Летописи знают, что Иван Заруцкий и Ворёнок, называвшийся также Воронёнком, были преданы казаками и казнены в Москве на Красной площади, — но летописи утратили смерть Марины. И преданье утверждает, что Марина Мнишек была заключена в эту башню. Преданье говорит, что Марина Мнишек была оборотнем, оборачивалась сорокою-вороною и летала над Россией, неся разрушение. И преданье рассказывает подробную историю — о том, как дьяки, воевода коломенский Данила и попы со епископом, прознав, что Марина оборачивается вороною-сорокою, пришел однажды в башню к Марине, застали её спящей и освятили окна, бойницы и двери святою водою, дабы не могла Марина вылететь из башни вороною. И учинили тем воеводы ошибку, потому что Марина не спала в тот час крапления святою водою, но лежало в башне лишь тело Марины, душа же летала над Россией вороною. С тех пор по сей день душа Марины вороною летает около башни, не может соединиться со своим телом, давно уже сгнившим. Все вороны над Россией — души Марины».

(«Волга впадает в Каспийское море»)

«На кремлёвских городских воротах надписано:

Спаси, Господи,
Град сей и люди твоя
И благослови
Вход во врата сии».

(«Колымен город»)

«Пятницкие ворота вели в кремль — те самые ворота, из которых Дмитрий Донской пошёл на Куликово поле. Крепостные стены лишились в пыльном сумраке, заросшие бузиной и веками. Башня Марины Мнишек подпирала небо, зацепилась за облако, спрятала своё подножие в туман».

(«Волга впадает в Каспийское море»)

«Над Подолом, в Кремле, в домах за колоннами и с мезонинами, проживало начальство, дворяне, располагались начальственные учреждения — полицейское присутствие, суд, камеры земских начальников. Вокруг собора жили отец протоиерей, звонарь, причетник, дьяконы. В кремле было нешумно. Трижды в день, в утреннюю зорю, в полдень, в вечернюю зорю, с обеденным котелком в пасти ходил из кремля от бурога с белыми колонками дома до казарм караульной роты громадный сенбернар генерала Федотова, забирал в казармах солдатскую пищу и приносил её генералу, — генерал окликал сенбернара из окошка по-аглички. Купцы жили предпочтительно вокруг Торговой площади. Близ Торговой площади помещалась земская управа.

«Третий элемент», врачи, учителя, агрономы, статистики, жили по неурочным местам, при управе, при больницах и школах, при сельскохозяйственном складе.

Обыватель жил повсюду и, вообще говоря, неизвестно, чем проживал».
(«Соляной амбар»)

«Третьего дня я ездил за Оку, в Щурово, пили вино (ведь «Гаррагону» теперь и в России продают). Туда перебирался на пароме, — засиделся и обратно плыл уже контрабандистом, на чужой лодке. Светало. В Бачманове пели девушки — от Оки шёл туман».

(Из письма А. М. Ремизову 25 мая 1922 г.)

«А Щурово, за Окою, над Окою на горе, — полустанок, — встретил тишиной, безлюдьем, опять черёмухой; за рельсами во мраке позвякивал бубенчик под дугой, — и мрак вдруг оказался совсем не тёмным — зеленоватым, зыбким, пропахнувшим черёмуховой сырьё, туманом; и мрак встретил роем сотни комаров, захлёбывающимися соловьями...»

(«Волга впадает в Каспийское море»)

«Но наутро встала Любовь Пименовна в обыденный свой час, когда мать ещё спала, ходила с Волком и сестрою Алисой на реку Коломенку купаться, далеко за город к Старым Городищам, где на церкви хранится Мамаево татарское клеймо и которые названы Городищами, потому что действительно лет триста тому назад здесь коломенское городище и было. За Городищами в Таборском лесу производились раскопки».

(«Волга впадает в Каспийское море»)

«За Коломенкою — Запрудье. В Запрудье родился Ив. Ив. Лажечников...»

Но где он родился, где тот дом, в котором он играл и по-детски озорничал? Я знал из автобиографии, что родился он в Запрудье и что вскорости после рождения переехал в новый дом в центре, на Астраханскую улицу.

Старая история! Я ходил, спрашивал — сначала у общественных деятелей, потом у старожилов — никто не знает».

(«На родине Лажечникова»)

«Дом отодвинулся от уличного ряда в глубь двора. Ворота на улицу — две колонны — уже развалились. Налево во дворе — белые каменные службы, направо — белый флигель. Дом большой, белый, двухэтажный, каменный, без всяких украшений снаружи, с широкой лестницей парадного, с двустворчатым парадным входом. За домом парк, от прежнего осталось несколько лип. Над парком висит терраса.

Я звоню, говорю, зачем пришёл. Меня любезно выпускают.

И опять — «сон давних дней»!

Дом, как все старинные дома, имеет внизу кладовые, за решётчатыми окнами, и людские комнаты — кухня, лакейская, девичья. Наверх ведёт широкая, темноватая лестница, но наверху широкая передняя, с двумя большими окнами. Из передней направо и налево амфилада комнат, паркетные полы, лепные потолки, камин. Вот, верно, была гостиная, вот кабинет, вот зал, откуда дверь на террасу, вот, верно, была столовая — сюда ведёт узкая лесенка снизу, а вот, верно, детская... Большая комната с большими окнами, здесь уже простые потолки и крашенный пол... Здесь слушал Ив. Ив. нянины сказки, отсюда любовался на кремль...

Неудобно долго быть в чужом доме, особенно когда около стоит ждущий человек. Я быстро прохожу по комнатам и спускаю вниз... Здесь ходил, здесь был грустен и радостен Ив. Ив., здесь он написал первую свою вещь ... здесь он любил в первый раз ... здесь первый раз омрачили его глаза грустью об уходящем, — когда он смотрит на кремль. Сейчас здесь живёт купец Нестеров, — он ни в чём не виноват.

«Сон давних дней»... »

(«На родине Лажечникова»)

«— Город осенний. Осенние сумерки опустошают города, точно вынут из города воздух: с улиц, оград, переулков одни лишь картонные стоят плохого художника. Драбэ и амбулатория на управском дворе. Жил сто лет назад дворянин Озеров, а в городе, чтобы не жить здесь, дом себе поставил архитектуры (129) ампириной, с флигелями, колоннами, садом, фонтанам. В шестидесятых годах разорились дворяне Озеровы, продали дом новому тогда земству; в главном доме земство управу поместило; фонтаны в саду к чертям полетели, двор травой зарос, по флигелям (флигеля из двенадцати строены были, хоть и крыты тёмом) разместились: библиотека, бесплатная земская скотолечебница, сельскохозяйственный склад; заборы каменные остались, хоть и не являли мальчишкам преград к земскому саду; революция в Озеров дом, старое земство — вселило уисполком: заборы каменные — не остались, хоть и не являли мальчишкам преград к советскому саду, сад же пилили на топливо; сельскохозяйственный склад вывеску изменил на трудовой сельскохозяйственный склад, но стоял под замком, по бестоварью. Амбулатории ветеринарной пахнуть следует креолином, первым лошадным средством, так она и пахнула».

(«Метель»)

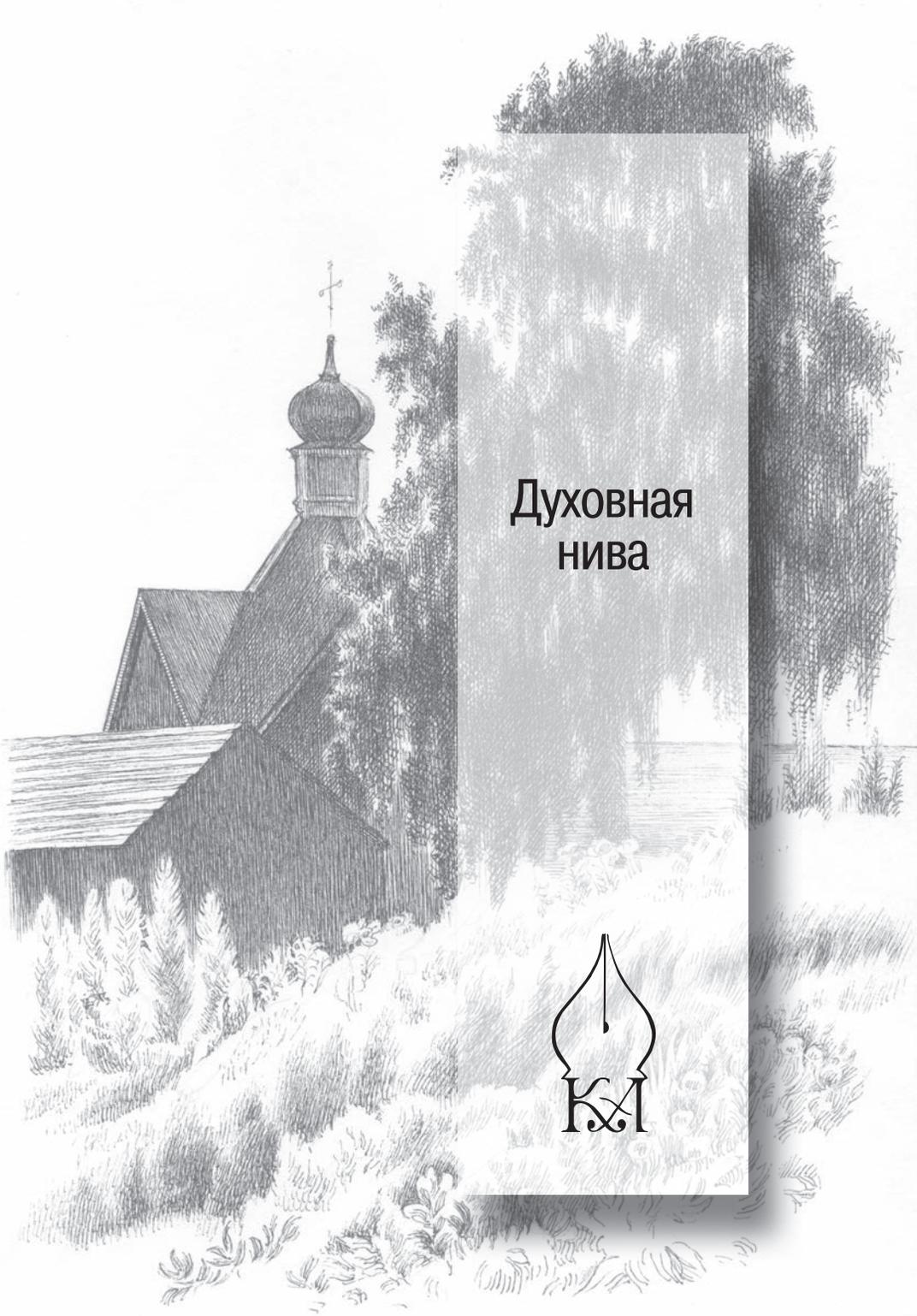
«Мой маленький городишко спит мёртвым сном, только собаки лают, да мороз, да звёзды... В Лондоне, должно быть, сейчас туманы, дожди, — а у

нас — морозы, хрустальный воздух, тишина и вот-вот выпадет снег. Я провожу время или за столом, за рукописью, за романом, — или в лесах, на охоте с гончими на лисиц и зайцев, — третьего дня был на волчьей облаве, волки от нас ушли, и завтра мы опять едем за ними, догонять и убить их... Наши леса ещё бесконечны, ещё много волков, лисиц и лосей бродит в них, — и так хорошо на рассветах слушать охотничий рог и отдалённый собачий лай...»

(Из письма С. Грэмму 3 ноября 1923 г.)

«Если свернуть от шоссе, проехать полем, перебраться вброд через Чёрную речку, пробраться сначала через чёрный осиновый лес, затем через красный сосновый обогнуть овраги, пересечь село, потомиться в суходолах, снова лесом трястись по корягам, там на пароме — как триста лет назад — переплыть через Оку, проехать лугами по ивовым рощам, — то — там уже затерялся просёлок, исчезнул, растворился в зелёной мураве — приедешь в Каданок, в Каданецкие болота. Здесь нету дорог. Здесь кричат дикие утки. Здесь пахнет тиной, торфом, болотным газом. Здесь живёт тринадцать сестёр-трясовиц-лихорадок. Здесь на песчаных островках буйно растут сосны, — у трясин тесно сошлись ольшаники, землю заткал вереск, — и по ночам, когда бродят тринадцать сестёр-лихорадок, на болотцах, по воде бегают бесшумные, нежгущие, зелёные болотные огни, страшные огни, и тогда воздух пахнет серой, и безумеют в крике утки. Здесь нет ни троп, ни дорог, — здесь бродят волки, охотники да беспутники. Здесь можно завязнуть в трясине...»

(«Волга впадает в Каспийское море»)

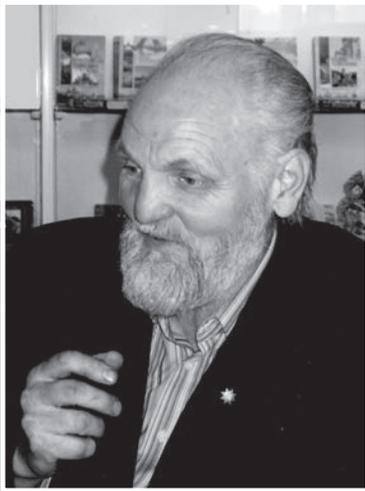

Духовная
НИВА

Графика Василины Королёвой

Владимир Николаевич Крупин — известный прозаик и публицист. Родился в 1941 году в селе Кильмезь Кировской области. Блестящее художественное мастерство, виртуозное владение стилем, социально-философская острота его произведений позволяют назвать его одним из лучших современных писателей. Миссию русского художника слова видит в том, чтобы бороться «за восхождение России... за чистоту и святость Православия».

Будучи главным редактором журнала «Москва», создал раздел «Домашняя церковь» — единственный до сих пор в «толстых» литературно-художественных журналах. Активно участвует в работе православных изданий. Много делает для воспитания в детях любви к христианской вере: составил «Православную азбуку», «Детский православный календарь», сборник «Русские святые».

Жил в Коломне в 1978, 1980 и 1984 годах.

Исторический очерк

Владимир Крупин

ИГУМЕН ЗЕМЛИ РУССКОЙ

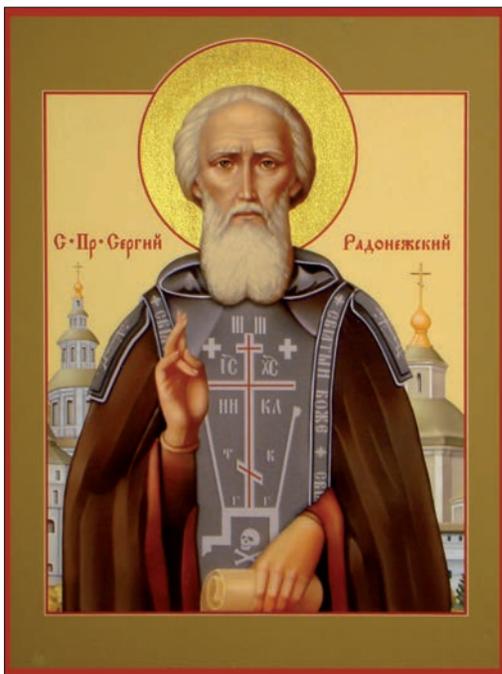
Чтобы представить себе, что такое Святость, молитвенность, вера православная, надо обязательно приехать в лавру преподобного Сергия — в Сергиев Посад. Она отдалена от Москвы на 65 километров — ныне это направление Ярославской железной дороги, час с небольшим на электричке.

Но если путник оказался здесь однажды, то его всегда будет тянуть в эти места. Среди тревог жизни, среди повседневной суеты как защемит вдруг сердце, как потянет к преподобному! К нему, к великому печальнику за нас, за землю Русскую, к нему хочется принести свои горести, сомнения, беды, ему излить своё сердце, укрепить свою душу и вернуться к своим делам, зная, что есть в России спасительное место, благодаря которому живёт наша Отчизна.

В лавре бывают счастливые минуты, когда остаёшься один, и в вековой тишине, созданной монастырскими стенами, кажется: не шум машин на шоссе слышен, а гудение старинного бора. Чудится, что вот-вот прошёл из своей кельи в Божий храм игумен монастыря и начал службу.

«Ангел земли Русской», «заступник за землю Русскую перед престолом Божиим» — так называют преподобного Сергия.

Кто он, преподобный Сергей? Почему он так знаменит в России, как никто из земных царей, военачальников, любых знаменитостей? Он же никогда не был никаким повелителем людей, бежал от любых знаков отличия. Оде-

Преподобный Сергий Радонежский

вался он скромно — однажды приехавший к нему вельможа принял его за нищего. Митрополит Московский Киприан пытался возложить на Сергия золотой крест, но преподобный отказался, ему предлагали стать митрополитом, он ушёл в келью и закрылся. Так что же он такого сделал, свершил за свою жизнь?

Он спас Россию. И спасает её. Как? Своими молитвами. Но разве он один молится за Россию? Нет, но его молитвы доходят до престола, до Царя Небесного, а наши, по грехам нашим, поднимаются невысоко.

Он из простой семьи. Родился в селе Варницы, недалеко от

Ростова Великого. Родители хотя и считались боярами, но жили своими трудами. Их сын Варфоломей пастушил. Именно ему было суждено прославить Россию своим монашеским именем Сергий.

То, что родится необыкновенный ребёнок, его матери было дано знать ещё до его рождения. Во время церковной службы, когда мать носила мальчика под сердцем, он трижды вскрикнул, да так громко, что слышали все молящиеся. А после рождения сразу же явилось другое чудо — младенец отказывался пить молочко из материнской груди в постные дни, в среду и пятницу. Рос Варфоломей ласковым, послушным, ничем не выделялся среди сверстников. Но вот только грамота и чтение давались ему с трудом, и мальчик сильно переживал.

Ставший пастухом людям

И однажды Божественное провидение изменило судьбу мальчика. В его жизни произошёл замечательный случай. В один из дней мальчик пас коров, но они разбежались, и пастушок не знал, что делать. К нему подошёл старец. Заговорил с отроком, угостил кусочком просфоры. Мальчик пожаловался дедушке, что плохо понимает письменную грамоту. Многим из нас эта сцена встречи Варфоломея и старца знакома по картине Нестерова «Видение отроку Варфоломею» (1889–1890).

Старик утешил мальчика, благословил, проводил до дома. Погостив у родителей Варфоломея, старец покинул гостеприимный дом. К изумлению домочадцев, Варфоломей, взявший в руки Псалтырь, стал ясно и громко его читать. По всем описаниям выходило, что старцем был Святитель Николай — любимый Святой в русских семьях.

Чем была Русь XIV столетия? Она изнывала под ордынским игом. Но Господь спас Северную Русь — край озёр и болотных топей, рек и непроходимых лесов. Туда не дошла татарская конница. Ведь и былины так называемого киевского цикла сохранились именно на Севере. Народное творчество, соединённое со Святостью богослужения, било живительным, искращимся ключом: русские дети вырастали в чистоте и целомудрии. Никаких светских книг не было. Дети учились по книгам Священного Писания, по житиям Святых, увлечённо слушали былины, песни, сказания.

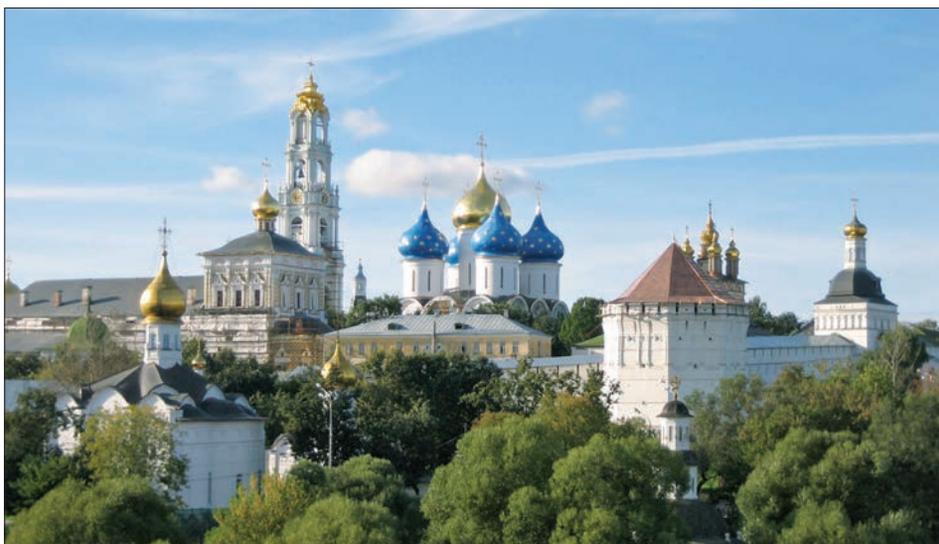
Варфоломей сторонился забав, игр. От него редко можно было услышать шутку или смех. Первый описатель его жизни блаженный Епифаний Премудрый говорил, что ещё в детстве преподобный полюбил ночные молитвы. Он зывал к Господу: «Дай мне полюбить Тебя всем сердцем моим, всею душой».

Но, конечно же, он продолжал помогать по хозяйству, рос крепким, сильным, много умеющим, любящим плотничать, выращивать овощи, растить хлеб. Всё это пригодилось ему впоследствии.

Совсем молодым он высказал родителям своё желание посвятить всю жизнь Господу, уйти в монастырь. Родители, любящие его, просили об одном: «Мы уже немолоды, становимся немощными, нам тяжело жить без сыновней помощи. Подожди нашей кончины и тогда иди».

Семья ростовского боярина Кирилла из-за княжеских усобиц и притеснений татарских тиунов (сборщиков дани) переехала в маленькое сельцо Московского княжества Радонеж, расположенное в 12 верстах от будущей лавры. Ныне это городище в селе Городок Сергиево-Посадского района Московской области.

Но тогда никакой лавры не было: вокруг шумел глухой и плотный лес, на редкие его поляны и перелески лишь иногда падали лучи нежного среднерусского солнца. А недалеко от Радонежа, верстах в трёх, уже был в ту пору Хотьковский Покровский монастырь. Там родители Варфоломея приняли ангельский образ и скончались. Теперь мы их поминаем как схимника Кирилла и схимонахиню Марию. Они покоятся в правом

Троице-Сергиева Лавра

притворе монастырской церкви, в одной раке. И всегда, отправляясь в Сергиев Посад, мы должны помнить завет преподобного о том, что он просил навещать его родителей.

Варфоломей справил богатые поминки по родителям. А какие богатые? Можно подумать, что было роскошное застолье с едой и выпивкой. Нет, всё богатство заключалось в том, что Варфоломей раздал нищим всё, что к тому времени было накоплено в семье. И это очень по-православному: чем больше раздаёт человек, тем богаче он становится.

Такие поминки одобрил и брат Варфоломея Стефан.

Храм над мирской суетой

Ещё при жизни родителей Варфоломей бывал к северу от Радонежа, на Маковце — пологой, невысокой горе, омываемой с двух сторон речками.

На Маковце братья в два топора поставили церковь, которую по благословению тогдашнего митрополита Феогноста освятили во имя Живоначальной Троицы. Это было в 1340 году. Этот год можно считать годом основания Троице-Сергиевой лавры.

Вскоре молодой монах остаётся один, брат его Стефан уходит в Москву, в Богоявленский монастырь.

Приходили к преподобному звери лесные, и птицы небесные прилетали к нему. И однажды было такое видение преподобному: всё небо над лаврой заполнили голуби, и был к нему глас с небес: «Как много птиц в небе над монастырём, так много будет твоих учеников».

Всего 23 года было Варфоломею, когда игумен Митрофан постриг его в монашество с именем Сергей. А сколько ему пришлось вынести трудностей, выдержать борьбу с отчаянием, опасениями, наветами нечистых духов! Жил он один среди тёмного леса. Были метели, гремели грозы, рядом бродили дикие звери, рыскали свирепые хищники. К отшельнику приближались волки, обнюхивали его и удалялись прочь. Говорили, что Сергей долгое время помогал медведю: преподобный отдавал ему свой хлеб, сам оставаясь голодным. Когда же еды не было, зверь жалобно выл, и Сергей начинал ласково уговаривать его. Первый жизнеописатель Сергия — Епифаний — рассказывал о чудовищах и гадах, врывавшихся в его келью. Какое у него было оружие против них? Слово Божие, молитва, держание поста, причащение Христовых тайн. И выдержал, победил нашествие сатанинской силы. Конечно, она не успокоилась, продолжала нападать, но уже понимала, что здесь, в этой земле Русской, уже не имеет ей воли над людьми, ибо воцарился здесь человек, наделённый по своим молитвам такой силой, какой не бывало от века на Руси.

«Люты скорби, но сладок рай, тяжелы труды, но велика награда», — такие слова произносил преподобный, утешая братию монастыря. А утешать было нужно: голод и холод приходили в монастырь. Не хватало муки для выпечки не только хлеба, но даже просфор — преподобный молился, и приходил вдруг обоз от неведомого купца с хлебом, ещё тёплым от свежей выпечки. Не было воды — преподобный шёл к месту, одному ему известному по его

Дмитрий Донской
(художник В. Г. Рогачев, 1985 г.)

молитвам, и из земли начинал течь источник сладкой воды. Монахи и вместе с ними Сергей сами возводили кельи, готовили пищу и пекли хлеб, шили одежду и благоустраивали обитель, носили воду, заготавливали дрова и хворост. Трудно жилось монахам. Посуда была деревянная, книги писали на бересте, службы проходили при свете лучины. Но крепкая вера и благочестие побеждали трудности такого быта. Преподобный утешал братию: «Воззрите на птицы небесные, яко не сеют, не жнут, не собирают в житницы, и Отец Небесный питает их».

Новым было для России монашеское общежитие. Радонежская братия стала выражать недовольство руководством Сергия. Возмущался и брат его Стефан, когда-то вернувшийся к Сергию. Тогда преподобный ушёл из лавры и основал на реке Киржач новую обитель. Но согласие не восстановилось в Радонеже. Некоторые из монахов стали уходить к Сергию. И тут оставшиеся через митрополита Алексия просили Сергия вернуться в Радонеж. Преподобный возвратился, и с тех пор мир в обители более не нарушался.

359

Главное событие русского Средневековья

Что это — главное событие Средних веков? А это Куликовская битва. И сейчас горделивая Европа не понимает, что такое Россия, остановившая нашествие кочевых диких племён. Что было бы с Европой, если бы в 1380 году на поле Куликовом, меж Непрядвой и Доном, русские войска не остановили полчища Мамаю?

Россия была спасена сражением в сентябре этого года, в день Рождества Пресвятой Богородицы. И преподобный Сергей вдохновил русских воинов и благословил эту битву.

Молодой князь Московский Димитрий Донской рвался на битву с татарами. Просил благословения у преподобного Сергия. Сергей удерживал горячность князя, говоря: «Нет ничего дороже крови русской. Откупайся золотом, мехами, камнями драгоценными, береги русских людей».

Но вот настало такое время, когда стало невыносимым ордынское иго. Великий князь Московский собрал войско. Кликнул лучшие русские силы по Святой Руси. Собрались под знамёна московские войска князей новгородских, суздальских, костромских, брянских, вятских, курских, вологодских, ростовских, владимирских... Всё бывало до тех пор в их отношениях — и вражда и ссоры, но общая великая беда сплотила русских людей. Сплотило слово преподобного Сергия. Именно к нему, созвав войско, поехал Димитрий Московский за благословением.

Преподобный не только благословил князя, но, призвав к себе лучших монахов, бывших воинов Александра Пересвета и Родиона Ослябю, повелел им идти на битву. Решение это было судьбоносное. Ведь монахи не берут в руки оружия. Преподобный Сергей говорил: «Господь осеняет русское воинство и одушевляет его присутствием в войске священников».

Именно Пересвет начал Куликовскую битву. В одной монашеской рясе, с крестом на груди, он выехал навстречу гиганту ордынского войска Челубею. Они сшиблись и упали замертво. В первых рядах бился великий князь Димитрий, надевший на себя доспехи простого ратника. После битвы его, всего израненного, но живого, нашли под деревом.

В это время в лавре преподобного шла непрерывная молитва о победе русского оружия. Шло поминовение погибших. Преподобный Сергей видел весь ход битвы своими духовными очами и называл имена тех, кто погиб в эту самую минуту.

Дмитриевская суббота

Уменьшенное, обескровленное русское войско возвращалось в Москву, но не сразу. Вначале к преподобному. В лавре был отслужен благодарственный молебен и свершена панихида — поминовение погибших. Обычно мы молимся об ушедших в иной мир в субботу, день поминовения, а тут как раз сошлась и суббота, и день памяти Великомученика Димитрия Солунского, небесного покровителя князя Димитрия Донского. Московский князь и преподобный Сергей установили обычай молиться в Дмитриевскую субботу об убиенных в Куликовскую битву. Этот обычай сохраняется и по сей день. В Дмитриевскую субботу мы молимся уже не только о погибших на поле Куликовом, но и вообще о всех воинах, «на поле брани душу положивших» во все войны, которые вела Россия за свою историю. Вспоминаем и поле Куликово, и лёд Чудского озера, и Полтавскую битву, и поле Бородина, и Прохоровское поле Великой Отечественной. И более близких по времени к нам жертв афганской войны, среднеазиатских конфликтов, борцов с преступниками в Чечне и других.

И ещё один памятник, уже архитектурный, напоминает нам о Димитрии Донском — это церковь Всех Святых на Славянской площади в Москве, около станции метро «Китай-город». Её заложил лично сам князь Димитрий.

Сергий однажды воскресил умершего мальчика. Отцу же его сказал: «Отрок от сильной нужды изнемог, ты же подумал, что он умер. Теперь в тёплой келье он воскрес!» Сердце наполняется радостью при известии о таких свершениях преподобного. Ведь это было на нашей земле, рядом с нами. Значит, и мы должны жить так, чтобы стать достойными сынами Отца Небесного.

Так и случилось. Ученики преподобного по его благословию уходили в людные и глухие места тогдашней Руси, создавали монастыри. Монастыри были тогда центрами просвещения — местом, где люди учатся жить и поступать по совести, по-божески. Там детей учили грамоте, благословляли на совместную жизнь полюбивших друг друга юношей и девушек, крестили, отпевали, провожая в жизнь вечную. Это было место,

где спасалась человеческая душа, — самое дорогое, что у нас есть. Все эти монастыри жили по уставу обители преподобного Сергия.

Светильник над землёй Русской

Сергий, вступая в преклонные годы, продолжал служить, помогать братии точно так же, как и в начале монашества, стараясь всем помочь и угодить. Но не укроется, говорит Писание, светильник, стоящий на верху горы. В данном случае на верху горы человеческих добродетелей. А с такой горы ближе до неба. Не раз и не два монахи видели, как огненные ангелы помогали преподобному служить. Более того, во время литургии небесный огонь входил в чашу для причастия, которую преподобный выносил из алтаря к молящимся.

Вот уже более шестисот лет нет с нами преподобного Сергия. Но нет его только физически — телесно, но он всегда с нами, всегда можно чувствовать его молитвенную помощь. И думаешь: простой земной человек смог достичь при жизни такой Святости, что воочию видел ангелов, Царицу Небесную, совершал чудеса исцелений.

Мы вспоминаем христианскую кончину старца Сергия. За полгода до неё Господь открыл ему время ухода с земли. Преподобный собрал братию, говорил им о любви друг к другу, об умеренности в пище, о соблюдении постов, о хранении в чистоте души и тела. Он назначил своим преемником игумена Никона, а сам ушёл в безмолвие. В день кончины он причастился Христовых Божественных Тайн и впервые после долгого молчания сказал: «В руке Твои предаю дух мой, Господи», — и умер, как уснул. Лицо его просияло неведомым нам светом. Благоухание дивных райских цветов разлилось по келье и по обители.

Это было 25 сентября 1392 года. Через тридцать лет мощи его были открыты нетленными и по-прежнему благоуханными. Чудеса, происходящие все эти годы, и доныне подобны, как писали раньше, многоводной реке, то есть неиссякаемы. Никакой самой толстой книги не хватит, чтобы рассказать о них. Но о двух случаях спасения преподобным Русской земли хочется поведать.

В Смутное время начала XVII века польско-литовские войска, вдохновляемые Ватиканом, захватили Москву, многие русские города. Дворяне и бояре бежали в стан врага, присягали польскому королю. Казалось, конец России. Но держалась лавра. Понимая её значение, интервенты решили её взять и сжечь. Отборные войска полковников Сапеги и Лисовского окружили лавру и осаждали её... полтора года и ушли ни с чем. А казалось бы, кто им противостоял? Монахи, ополченцы. Стены тогда были не нынешние. Обстрелы были непрерывными, но выстояла лавра. И выдержала только по силе заступничества преподобного Сергия. Его видели на монастырских стенах, его присутствие сказывалось в том, что припасы еды и воды не уменьшались, а главное — духом не падали защитники.

Сапега и Лисовский поехали в Ростов Великий, к преподобному Иринарху, в его обитель — Борисо-Глебский монастырь. Как известно, место указал Иринарху сам преподобный Сергий. Так вот, преподобный Иринарх сразу сказал захватчикам: «Уходите из России. Всё равно вы потерпите поражение и уйдёте с позором». Они не поверили. «Как это так? У нас такое войско, как это мы уйдём? Кто нас может победить?» — «Преподобный Сергий», — отвечал старец Иринарх.

Именно преподобный Сергей явился новгородскому купцу Козьме Минину и повелел собирать народное ополчение.

Другой случай явного заступничества Святого Сергия за Россию был в 1812 году, когда новые захватчики, теперь уже французы, вошли в Россию, хозяйничали в Кремле. Москва, зажжённая самими москвичами, горела. «Что это за победа, — растерянно говорил Наполеон, — если нет побеждённых?»

Он вышел на площадь перед Успенским собором и вздрогнул: со стороны Воробьёвых гор шли три несметных войска. Они как будто шли по воздуху. «Я вижу их вождя! — в страхе закричал Наполеон — Он весь в чёрном. Он монах, он с крестом. Седые волосы, седая борода. Кто он?»

Привели к императору пойманного русского старика. Старик, услышав о небесном войске, сразу сказал: «Это преподобный Сергей». — «А можно видеть его изображение?» — «Да. В каждой русской церкви». Наполеон тут же пошёл в Благовещенский собор. Ему указали на икону преподобного. «Да, это он! — в страхе закричал император. — Что же это за народ, если их армию водят святые! Коня мне, коня!»

Привели коня. Император вскочил и в страхе бежал из Москвы. И из России. К своему бесславному концу.

«Дивен Бог во Святых Своих! — восклицаем мы. — Дивен в преподобном Сергии». Какое счастье, что у нас такой небесный заступник, ангел Русской земли, нашей любимой России.

Основные события жизни

3 мая 1314 года — в селе Варницы под Ростовом Великим в семье схимонаха Кирилла и схимонахини Марии родился мальчик — Варфоломей. Родители его скончались в 1337 году. Похоронены в Хотьковском монастыре.

Около 1325—1327 годов — встреча пастушка Варфоломея со старцем-странником, который предсказал отроку его великое духовное будущее.

1337 год — инока Варфоломея постригают в монахи под именем Сергий.

1340 год — уход Сергия вместе с братом Стефаном на гору Маковец, на место будущей Троице-Сергиевой лавры. Вскоре Сергий остаётся на горе один.

1340-е годы — начало общежительного служения Сергия, создание монастыря, строительство и убранство церквей и келий.

1359 и 1365 годы — миротворческие усилия Сергия в деле примирения ростовских и нижегородских князей.

1380 год — благословение Сергием иноков Пересвета и Ослиаби в помощь Московскому князю Димитрию.

1385 год — содействие Сергия миру между Рязанью и Москвой.

1389 год — отпевание великого князя Димитрия Донского.

26 сентября 1392 года — кончина преподобного Сергия Радонежского.

Всего преподобным Сергием и его учениками основано около семидесяти монастырей. Это явилось решающим условием в деле сплочения Руси, оздоровления её нравственности и послужило просвещению народа, обогатило Русь книгами, иконами. Москва окончательно утвердилась как столица Руси.

Дни памяти преподобного Сергия Радонежского — 8 июля и 8 сентября.

Протоиерей Владимир Пахачев

ПРЕПОДОБНЫЙ СЕРГИЙ И КОЛОМНА

Протоиерей Владимир Пахачев родился в Коломне в 1967 году. Выпускник Коломенской духовной семинарии.

Рукоположен во священнический сан в 1997 году. С 1998 года — настоятель Троицкого храма на Репне и церкви Рождества Богородицы в селе Богородском с 2000 года.

Несёт послушание благочинного Коломенского церковного округа с 2000 года. Отмечен церковными и государственными наградами. В числе приоритетов благочиния — просветительская, социальная и педагогическая работа, активная издательская деятельность.

Исторический очерк

Имя великого Радонежского подвижника, «Игумена земли Русской», тесно связано с нашим городом. И это совершенно естественно, если помнить, что на рубеже XIV–XV веков Коломна была выдающимся духовным центром. В 1353 году здесь основали епархиальную кафедру, причём кафедру епархиальную. Коломенские владыки часто управляли делами Русской церкви во время отсутствия митрополита.

Кроме кафедрального собора, здесь было множество церквей и древний Спасо-Преображенский монастырь — не простая обитель, а «богомолье великого князя», которое пользовалось личным покровительством московских властителей.

Отношение преподобного к Коломне не будет вполне понятно, если не учитывать его духовные связи с великими современниками: святителем Алексием, митрополитом Московским, и его воспитанником — святым благоверным князем Димитрием Донским.

В то время Коломна была самым крупным в княжестве городом после столицы, стратегически важным как в мирском, так и в духовном отношении.

Документально зафиксировано посещение митрополитом Алексием коломенской земли в начале 1370-х годов: владыка сопровождал юного князя Димитрия, когда тот отправлялся в Орду за ярлыком на великое княжение. Вот что пишет о тех событиях Карамзин:

«15 июня митрополит Алексей провозжал его до берегов Оки; там усердно

Старо-Голутвин Богоявленский мужской монастырь, памятник Сергию Радонежскому

молился Всевышнему, благословил Дмитрия, бояр, воинов, всех княжеских спутников и торжественно поручил им блюсти драгоценную жизнь государя доброго».

Что касается святого Дмитрия, то его чувства к городу были почти родственными. Под Коломной находились земельные владения семьи Вельяминовых, из которой происходила его мать Александра Васильевна, и юный князь, несомненно, был хорошо знаком с коломенской землёй ещё с детских лет. Здесь он венчался в 1366 году с княжной Евдокией. Так что не зря средневековые авторы называют Коломну «любимым градом» святого Дмитрия.

Святитель Алексей видел в преподобном Сергии великий светоч православной Руси. Владыка даже прочил его на своё место, желая, чтобы Сергий занял Московскую кафедру после него, но радонежский подвижник отказался.

Не удивительно, что святой Дмитрий воспринял от своего воспитателя огромное уважение к преподобному Сергию. Таким образом, и Коломна испытала на себе благодатное воздействие великого молитвенника.

Известно, что «игумен земли Русской» основал множество монастырей; в ряду этих святынь — Голутвин монастырь.

Большинство исследователей вслед за Н. Д. Иванчиным-Писаревым относят основание обители к 1385 году, видя в нём знак примирения Дмитрия Донского и Олега Рязанского. Мир тот был достигнут благодаря посредничеству св. Сергия, он же, как полагают, участвовал и в закладке Богоявленского собора обители.

Есть в научной литературе и другая дата — 1374 год. Объяснением этой разницы может служить следующее. Когда при посредничестве святого Сергия Москва и Рязань заключили мир, памятником об этом великом

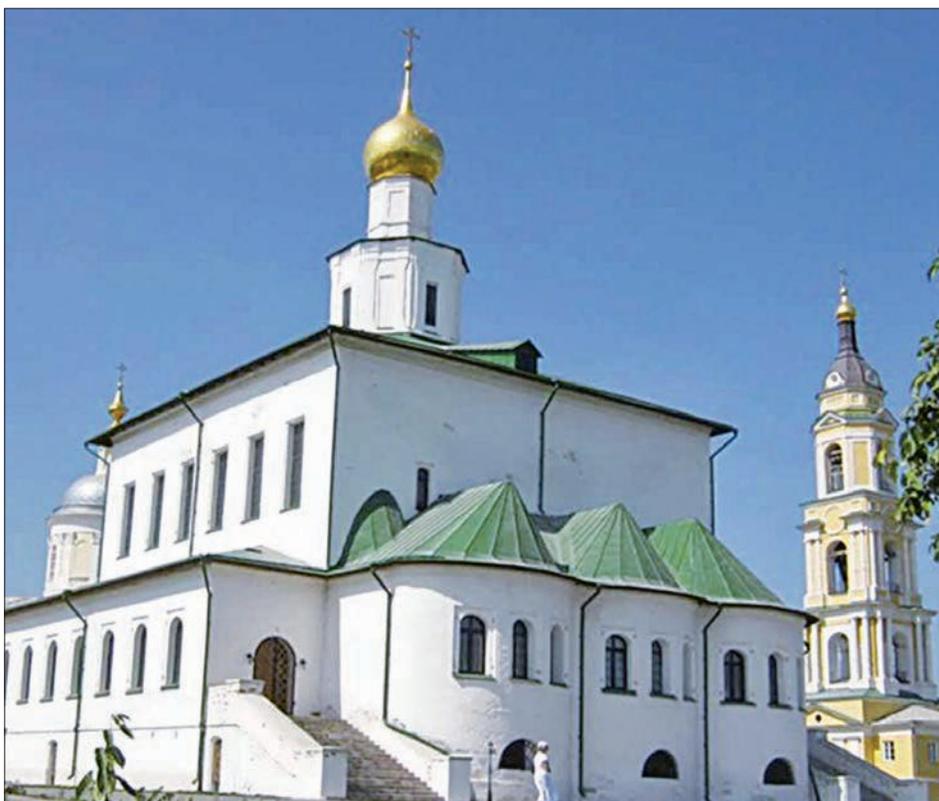
событии стал Богоявленский собор, основанный уже в существующем Голутвине монастыре на месте прежней деревянной церкви. А позднее народное предание совместило строительство храма и основание киновии в одно событие, «омолодив» обитель на 11 лет.

Для примирения нужно было отыскать такого посла, к словам которого рязанский князь прислушался бы со всем вниманием. И такой человек нашёлся. Вот что сообщает об этом летописец.

«Месяца сентября князь великий Димитрий Иванович пришёл в монастырь к Живоначальной Троице, к преподобному игумену Сергию, в Радонеж: и молебен совершив Господу Богу и Пречистой Богородице... глаголал с молением преподобному игумену Сергию, дабы шёл от него сам преподобный игумен Сергей посольством на Рязань ко князю Олегу о вечном мире и о любви».

Той же осенью в «Филиппово говение» преподобный Сергей сам ездил посольством в Рязань к князю Олегу Ивановичу, с ним — старейшие бояре московского князя. И сердце сурового князя смягчилось: Олег Рязанский «преложил свирепство своё на кротость ... и взял с великим князем Димитрием Ивановичем вечный мир и любовь в род и род».

Результатом стал мир, заключённый под Коломной, на Северке, у Большого Микулина стана. Димитрий отдал Олегу все московские земли на рязанском берегу. Таким образом, Ока разграничила княжества, а

Богоявленский собор Старо-Голутвина монастыря

366 *Сергиевская церковь Старо-Голутвина монастыря*

Протопопово превратилось в таможенный пункт. Возможно, храм в честь Живоначальной Троицы, столь почитаемой великим старцем, у переправы выстроили тогда же.

Память о великом игумене и его благих деяниях сохранялась не только в священных постройках. У Протопопова на берегу Оки до сих пор бьёт Святой, или Сергиев, источник, о котором говорят, что его указал сам преподобный, когда шёл из Голутвина в Серпухов основывать новую обитель. Имя святого старца вошло в коломенские предания, стало частью нашей изустной летописи, оно родственно нам особой сердечной памятью.

Этим во многом объясняется и благоговейное почитание в коломенском крае преподобного Сергия, а также реликвий, связанных с его именем.

Писцовые книги 1577 года упоминают, что в ризнице Голутвина монастыря был «крест Сергия чудотворца положения» и облачение из гладкого шёлка, без узоров: «ризы Сергия чудотворца камка белая куфтер ветха, оплечья шиты золотом и серебром на атласе».

До начала XX века в обители сохранялся посох преподобного Сергия: деревянный, почерневший от времени. В описи времён Ивана Грозного он не упоминается. Это можно объяснить тем, что посох принадлежал игумену Григорию, «мужу благочестивому», и был благословением святого Сергия. Но со временем обстоятельства появления посоха забылись, и его принадлежность стали относить к радонежскому чудотворцу. Нельзя исключать также возможности, что святыня перешла в Голутвин из другого монастыря. В любом случае, реликвия свидетельствовала о глубоком почитании памяти преподобного в Коломне.

Был в монастыре и большой образ Сергия, в рост, написанный, как говорили, на гробовой доске преподобного. Сегодня мы не можем удостовериться в точности предания: о судьбе иконы после закрытия монастыря в 1929 году ничего не известно...

К сожалению, перечисленные в Писцовых книгах вещи: ризы и крест — были утрачены ещё в старину, вероятнее всего — в Смутное время. А посох исчез во время безбожных гонений XX века...

Однако почитание имени Сергия заключалось не только в реликвиях, но и в престолах, ему посвящённых. Вскоре после его прославления в лике святых в Голутвине была основана каменная Сергиевская церковь с трапезной. По тому, что в 1577 году она описывается как «ветхая», её можно датировать XV веком. Здание неоднократно поновлялось и перестраивалось; об этом, в частности, свидетельствовал антиминс 1592 года. Сегодня уже трудно разглядеть черты древней архитектуры. В 1828–1833 годах церковь была кардинально переделана в стиле великолепного ампира и расширена. После завершения работ храм освятил небесный покровитель нашего града Филарет (Дроздов), митрополит Московский и Коломенский.

Но во время последней реставрации, несколько лет назад, в цокольной части церкви обнаружили следы старинной архитектуры. Ныне эта часть с небольшими оконницами и строгими наличниками восстановлена в том виде, который она имела в Средневековье.

Нельзя не упомянуть о Богоявленском соборе. Прежний храм времён Сергия и князя Дмитрия со временем обветшал, и в начале 1700-х годов на его месте воздвигли новый грандиозный собор. Однако в подклети просторной постройки сохранилось основание древнего двухспидного храма. Эта реликвия получила в народе трогательное название: «камушки преподобного». По преданию, в алтарной его части находилась могила первого игумена, преподобного Григория Голутвинского.

Голутвинская традиция получила неожиданное продолжение на рубеже веков. Дело в том, что в 1799 году Коломенская епархия была упразднена и переведена в Тулу. Архиерейская резиденция в кремле опустела. Начали появляться идеи, как «приспособить» освободившиеся помещения; в частности предлагалось разместить здесь воинские казармы.

Чтобы не допустить такой нелепости, митрополит Московский и Коломенский Платон (Левшин) распорядился перевести в опустевший архиерейский дом братьев Богоявленского Голутвина монастыря. Так возникли две обители: Старо-Голутвинская, на прежнем месте, у Оки, и Троицкая Ново-Голутвинская — в Коломенском кремле.

Грустно было богоявленским монахам расставаться с любимой святыней, осиянной молитвами великого старца... Предание об особом молитвенном попечении преподобного Сергия над голутвинской братией сохранялось в памяти монахов и после перехода в кремль. И вот домовая церковь, встроенная в архиерейский корпус, в 1825 году освящается во имя Сергия Радонежского! В день её освящения Филарет (Дроздов), митрополит Московский и Коломенский, привёз в храм из Лавры частицу мощей преподобного Сергия и передал в знак благословения обители храмовую икону святого.

Страшные гонения советского времени нанесли неисчислимые раны православной Коломне. Почти все храмы, в том числе и осенённые именем радонежского игумена, были осквернены и закрыты. Но молитва не утасла в священном городе Руси! В единственной действующей церкви Богоявления-в-Гончарах сохранилась икона «Явление Пресвятой Богородицы преподобному Сергию» с ковчежцем, в котором находится частица мощей святого.

Эта драгоценная реликвия служила поддержкой коломенцам и в годы репрессий, и во время Великой Отечественной войны, и в дни новых гонений. Испытания не миновали этот чудный образ. В 80-е годы он был похищен святотатцами. Но украденное не пошло впрок, грабителей нашли. Так, по молитвам верующих икона вернулась в храм! Она и по сию пору находится в алтаре, откуда её в дни памяти преподобного износят для всеобщего поклонения.

Минуло атеистическое лихолетье. Сегодня все церковные памятники святого Сергия восстановлены. Возрождён престол в Троицком Ново-Голутвине монастыре, великолепно возобновлена Сергиевская церковь в Богоявленском Старо-Голутвине монастыре. Здесь же, в центре обители, поставлен бронзовый памятник игумену земли русской. А в заречном Богородице-Рождественском монастыре в храме Феодоровской иконы Божией Матери утверждён боковой престол во имя Сергия Радонежского. Есть Сергиевский престол и в храме Рождества Богородицы села Богородского, сегодня он восстанавливается в былом великолепии, а рядом недавно освящён источник в честь преподобного Сергия с купальней. В бывшем селе Протопопове, вошедшем в черту города, рядом с вновь строящимся Троицким храмом (храм Живоначальной Троицы был разрушен в годы безбожных гонений) стоит деревянная крестильная церковь преподобного Сергия Радонежского.

И сегодня, когда мы празднуем 700-летие со дня рождения великого подвижника, его деяния и его вера вновь вдохновляют нас. Все гонения, вся злоба века сего, вся ложь, нагромождённая за годы атеистического безвременья, исчезли, осыпались шелухой. Как с древней иконы осыпаются чуждые краски, так очам людей вновь открывается светлый и чудный лик преподобного Сергия.

Владимир Потресов

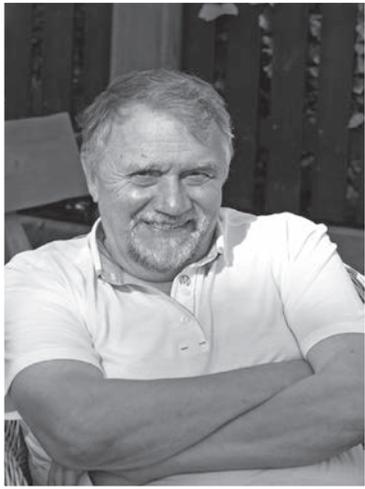
ВОЗРОЖДЁННЫЙ ХРАМ В ГОЛОЛОБОВЕ

Вдесяти километрах от Коломны, если ехать на юго-запад по Озёрскому шоссе, находится старинное село Гололобово с восстановленным в последние десятилетия храмом Рождества Христова.

Сюда завернули мы, направляясь в деревни Новосёлки и Дубёнки, где были исчезнувшие после революции усадьбы, связанные с именами и событиями, не забытыми до сих пор. В Гололобове предстал перед нами необычно красивый, краснокирпичный храм, чем-то неувовимо напоминающий собор Василия Блаженного.

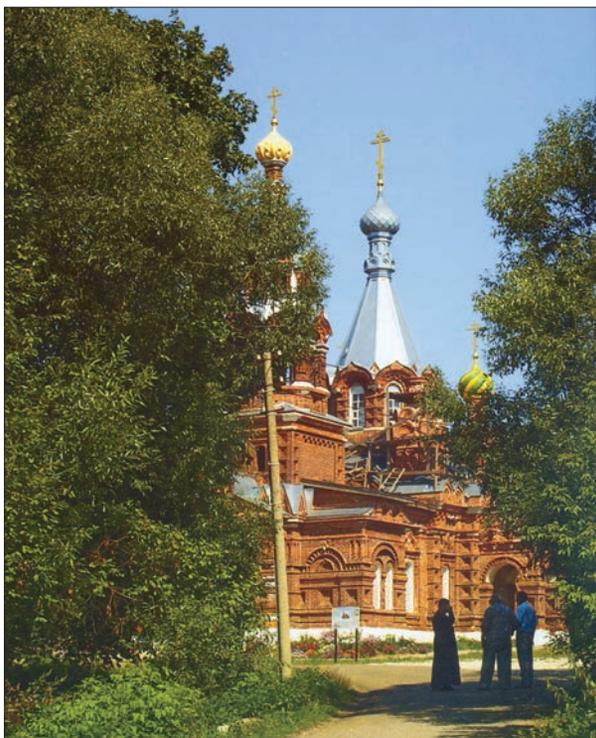
Молодой, энергичный и приветливый настоятель храма Рождества Христова протоиерей Дионисий (Басов) показал нам церковь. Толково, как профессиональный историк, рассказал о Гололобове и о непростом прошлом этой православной обители. Кстати, прошлое села и церкви в Гололобове очень хорошо изложены на сайте храма. Его самостоятельно модерирует, видимо, весьма продвинутый в компьютерном деле современный батюшка — знаковая примета XXI века! Маленькая деревенская церковь, притаившаяся в глубине России, имеет собственный сайт, исполненный и духовного содержания, и насыщенный полезной любознательному современнику информацией. Дальнейшее наше повествование во многом опирается на рассказ отца Дионисия и материалы сайта www.gololobovo-hram.ru.

Гололобово — «...село Коломенского уезда, Большого Микулина стана».

Потресов Владимир Александрович родился в 1946 году в Москве. Окончил Московский институт электроники и математики, кандидат наук, кибернетик. С 1984 года занимается литературным трудом и журналистикой. Работал в журнале «Огонёк», «Литературной газете» и других изданиях. Автор очерков, рассказов, повестей, романов. Лауреат литературных премий. Член Всемирной писательской ассоциации Международного ПЕН-клуб (Русский ПЕН-центр). В настоящее время редактор отдела публицистики и истории науки журнала «Наше наследие».

Исторический очерк

Гололобово. Храм Рождества Христова. 2011

В Писцовых книгах XVI века записано: «За Иваном Ивановым сыном Шерефединова старая вотчина село Гололобово, на речке на Коломенке, а среди села пруд, да в селе церковь рождество Христьяво, деревяна клетки». С 1807 по 1820 год селом владел и жил здесь со своей семьёй Иван Иванович Дмитриевский (1754–1828). В XVIII–XIX веках частями села в разное время владели помещики Мещаниновы, Дашковы и Вельяшевы.

В селе с XVI века стояла Христорождествен-

ская церковь, построенная боярином Шерефединовым для духовного окормления своей семьи и крестьян. К середине XVIII века деревянное здание храма пришло в негодность, но благодаря заботам и усердию священника Никиты Стефановича церковь в очередной раз была обновлена. В 1789 году под неё разрешили подвести каменный фундамент, покрыть тёсом, сделать два верхних яруса иконостаса, возвести колокольню и обнести храм оградой. Однако, по другим данным, новый сруб для церкви был в 1790 году куплен у помещика Волконского из села Кривцы, и вместо ветхой церкви просто поставили новую, также во имя Рождества Христова. Такова была обычная практика во времена господства деревянного зодчества. Людская память донесла имена первого настоятеля того Христорождественского храма — священника Михаила и последнего — священника Александра.

Строительство нового каменного храма и обновление всей жизни в селе Гололобове связаны с трудами настоятеля, священника Иоанна Карпова. Ревностный пастырь Иоанн Карпов окончил в 1877 году Московскую Духовную семинарию и был назначен учителем в школу при Старо-Голутвинском монастыре Коломны. В 1887 году он был рукоположен в священнический сан и назначен настоятелем «храма Рождества Христова с. Гололобово, Протопоповской волости Коломенского уезда». Это был весьма бедный приход. Чтобы отвести людей от пьянства и иных пагубных пристрастий, отец Иоанн решил построить необычайно красивый храм, призванный изменить местную жизнь.

В 1888 году на средства помещика, церковного старосты Гридина и его жены Аполлинии Дмитриевны был заказан проект у известного москов-

*Реставрация главок храма
Рождества Христова*

ского архитектора Дмитрия Евгеньевича Виноградова, выпускника Московского училища живописи, ваяния и зодчества со званием классного художника архитектуры, члена Московского архитектурного общества. К 1893 году Каменный храм Рождества Христова с трёхъярусной колокольной в стиле позднего классицизма был выстроен. Венчал храм шатровый купол с кокошниками и четыре главки с витыми маковками. Шатровое завершение имела и колокольня, украшенная арками и кокошниками. Маленькие шатры возвышались над западной и южной папертями.

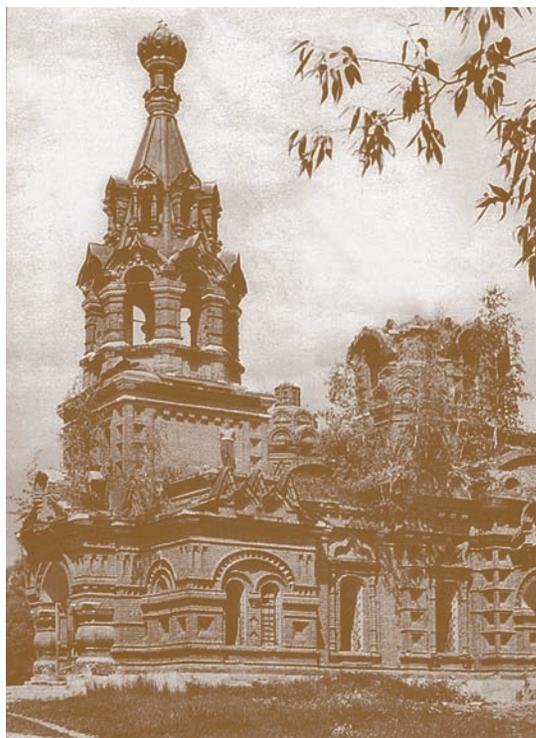

Помещик Гридин, врач по образованию, хотел, чтобы престол построенной им церкви был освящён в честь святого великомученика и целителя Пантелеймона. Но Священный Синод по существующей уже

371

Внутреннее убранство храма Рождества Христова и иконостас

*Разорённый храм в Гололобове.
Фото середины XX века. Собрание
протоиерея Дионисия (Басова)*

болезней и старости оставил службу. В 1926 году он скончался и был похоронен за алтарём построенного им храма. Недавно обнаружена его могила.

После революции гололобовский храм подвергся жестокому поруганию. С него сбросили колокола, разрушили колокольню, а в самом храме последовательно располагались зернохранилище, скотобойня (!), клуб и грибоварка. В перестроечные годы в храме был устроен склад азотных удобрений. Они оказались наиболее губительны для здания. Отец Дионисий рассказывает, что когда в 1995 году он начал регулярные богослужения в разрушенном, но уже переданном РПЦ храме, то в нём можно было выдержать всего несколько минут, а затем целый день не избавиться от пагубного влияния испарений, которые источали пропитанные ядом стены. Да и сейчас, когдаходишь в церковь, лёгкий запах мочевины преследует вас постоянно. Но время лечит, и Христорождественский храм в Гололобове живёт, хотя осталось ещё немало работы для полного его восстановления.

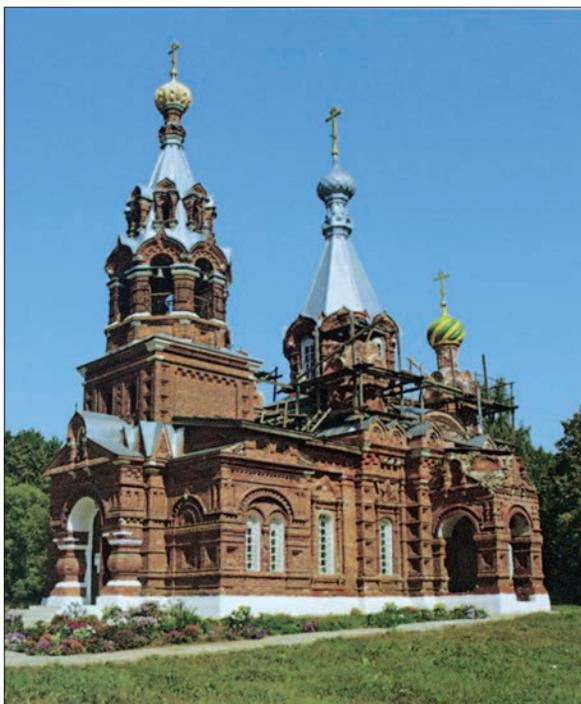

Священник Иоанн Карпов, настоятель храма в дореволюционное время. Фото 1910-х годов. На обороте надпись: «Новосёлки. Отец Иоанн». Собрание К. Л. Енишерловой-Вельяшевой

*Восстановленный храм
Рождества Христова*

А затем отец Дионисий повёл нас туда, где когда-то была старая деревянная церковь и кладбище. Пройдя метров триста, мы оказались на берегу живописного пруда на самом краю села. Теперь здесь заросшее травой поле — то ли выгон для скота, то ли просто пустырь. О кладбище напоминают лишь вросшие в землю три очень старые могильные плиты-надгробия. Стёршиеся надписи на них прочитать без специальной лабораторной техники невозможно. В

1960-х годах кладбище в Гололобове уничтожили. И вот смотрели мы на это покрытое пожелтой травой поле, никому, по сути, не нужное, и поразились родной нашей России и людям нашим. Попробовали бы где-нибудь в Европе ни с того ни с сего уничтожить древнее, известное с XVI

373

Главный редактор журнала «Наше наследие» В.П. Енишерлов и отец Дионисий рассматривают фотографии из семейного архива Енишерловых-Вельяешевых

Одинокая могильная плита на месте кладбища в Гололобове

века кладбище, в церкви устроить скотобойню, а могильные плиты и памятники забросить невесть куда. «Трубопровод какой-то здесь прокладывали, — перекрестился отец Дионисий, — вот и погубили всё. А памятники и могильные плиты, как местные вспоминают, в воду побросали». И он показал на окружённый плакучими ивами пруд. Возможно, когда-нибудь его удастся обследовать и, быть может, найти там выброшенные надгробия.

Одному Богу известно, что стало с костями тех, кто был похоронен в этой поруганной, перекопанной, превращённой в выгон для скота святой земле. Прекрасно, что отец Дионисий решил хоть как-то привести в порядок бывшее кладбище и привлёк к этому благому делу молодых прихожан, учащихся церковноприходской школы при храме. Возможно, удастся установить на месте, где было кладбище, покаянный крест или иной памятный знак.

Храм Рождества Христова в Гололобове, как и встарь, становится центром духовной жизни окрестных сёл. У него есть друзья и благотворители. В реставрации Христорождественской церкви приняли участие расположенные по соседству Карасёвский керамический и Гололобовский кирпичный заводы, чья история уходит в дореволюционные годы. Восстановительные работы в храме продолжаются и сегодня.

Сколько ещё на Руси разбросано поруганных, разрушенных церквей. Но то, что увидели мы в Гололобове, вселяет надежду на возрождение истинной церковной жизни в глубине России.

Здесь стояла деревянная Христорождественская церковь и находилось кладбище

В ДАЛЬНЕМ ПРИХОДЕ

Валерий Альбертович Ярхо родился в Коломне в 1964 году. Окончил среднюю школу № 4. Его юмористические и детективные рассказы печатались в газетах «Российские вести», «Московский комсомолец», «Коломенская правда». В творчестве Ярхо удачно сочетаются художественная проза, научный поиск, «архивный детектив». Широко известен блестящими историко-краеведческими очерками.

В 2008 году опубликована его монография «Три времени Щурова».

Постоянный автор «Коломенского альманаха».

Исторический очерк

От Никольского храма в селе Дарищи нынче остались одни руины... Устоял под натиском времени и событий XX века прочный куб стен, сохранился купол, но всё это живописно запущено и выглядит, словно памятник некоей былой, давно сгинувшей цивилизации. Всех справок об этой постройке — лишь скупые строчки официальной информации, что-де построен был храм между 1803 и 1808 годами на средства местных помещиков: братьев Дмитрия Любимовича и Бориса Любимовича Похвистневых и Петра Фёдоровича Норова, а освятили его в 1810 году.

Как водится в большинстве подобных случаев, всё самое интересное осталось «вне зоны доступа» для нескольких поколений россиян. Ведь только единицы специалистов-историков, занимаясь краеведческими исследованиями, листали подшивки старых журналов. А ведь в журнале «Душеполезное чтение», например, были опубликованы воспоминания сына первого священника и строителя храма в Дарищах Василия Ивановича, которому по семинарской традиции дали во время учения фамилию Никольский, по отцовскому приходу. Этот священник и писатель оставил поразительно любопытные свидетельства о прошлом, местами напоминающие приключенческий роман или даже психологический детектив.

* * *

Родитель Василия Ивановича звался Иваном Лукичом Спасским, и был он женат на Параскеве Яковлевне, проис-

ходившей из того же рода, что и знаменитый писатель Никита Петрович Гиляров-Платонов. Она доводилась внучкой прадеду писателя, священнику Успенской церкви в селе Черкизове Фёдору Никифоровичу, и двоюродной сестрой отцу Никиты Петровича. Родной братец Параскевы Яковлевны — Иван Яковлевич Богоявленский — служил диаконом в Зачатьевской (Богоявленской) церкви, где священствовал дед святителя Филарета, а потом родной брат Московского владыки — Никита Михайлович Дроздов. Отец Никиты Петровича позвал своего двоюродного брата, зачатывского диакона Ивана, в крёстные сыну своему Никитушке, родившемуся в 1824 году.

Гиляров-Платонов оставил замечательные воспоминания «Из пережитого». В первом их томе даются колоритнейшие описания семейных гиляровских «гнёзд» не только в Коломне, но и в соседнем Черкизове. Эти мемуары обильно цитировались в очерке Романа Славяцкого «Черкизовская хроника», опубликованном на страницах «Коломенского альманаха».

В этом селе стояло аж три храма. Упомянутый выше гиляровский прадед Фёдор Никифорович был настоятелем Успенской церкви — домоводом для князя Михаила Борисовича Черкасского. Сам Фёдор Никифорович, не быв ни в каких школах и образованием не блистая, не видел в школьном учении никакого проку. Потому и сыновей своих всячески стремился избавить от семинарии, хоть под страхом наказания от епископа и был обязан посылать их туда, едва попovichам исполнялось восемь лет. Впрочем, имелось одно средство избавления от науки — юных попovichей определяли на младшие должности причта.

Но на всех должностей при храме не хватало, ведь у Фёдора Никифоровича и его супруги Афонии Васильевны, дочери московского монастырского служки, родились всё больше мальчики. Так что большинству сыновей о. Фёдора пришлось-таки вкушать наук в стенах Коломенской семинарии.

Напасть учения не коснулась Якова Фёдоровича, которого успели пристроить на должность дьячка Успенской церкви в Черкизове. А как пришла пора, в 1775 году женили его на Аксинье Александровне, дочери дьячка церкви в погосте Лужки, коей на тот момент «стукнуло» аж 14 лет. Годом позже юная Аксинья уже сама стала матерью, подарив супругу первенца, сына Ивана.

Ещё через четыре года — в 1780-м — в их семействе родилась дочь Параскева, или, попросту говоря, Прасковья, которой на роду было написано стать матушкой автора записок, служащих основой нашего повествования о прошлых временах. Они, конечно, не идут в сравнение с гиляровскими мемуарами, но тоже чрезвычайно любопытны.

Вскоре после появления на свет малютки Прасковьи открылась священническая вакансия в церкви Введения во храм Пресвятой Богородицы в селе Чанки. Семейство Якова Фёдоровича принялось хлопотать о рукоположении его во священство. Обычно «неучей», подобных Якову Фёдоровичу, назначали по ходатайству различных покровителей. Ссориться с богатыми и знатными господами провинциальным архиереям было не с руки. И, как правило, «не бывшего в школах» претендента после лёгкой экзаменовки ставили священником в каком-нибудь приходе, которому покровительствовал рекомендатель.

О Якове Фёдоровиче ходатайствовал сам князь Михаил Борисович. Так бывлой черкизовский диакон в 1783 году получил собственный приход.

По прошествии должного срока лет ставшую невестой Прасковью чанковский батюшка Иаков отдал за выпускника Коломенской семинарии Ивана Лукича Спасского, бывшего всего десятью годами младше своей тещеньки Аксиньи Александровны.

Не последнюю роль в этом браке сыграло наличие вакансии в соседнем приходе. Близкое соседство Чанок и Дарищ, покровительство семейству «княжеского» попа Фёдора Никифоровича, а значит, и князя Михаила Борисовича Черкасского позволяет предположить, что Ивану Лукичу «в приданое» за Параскевой Яковлевной обещали дарищинский приход. Для того времени – вполне обычная практика.

В 1797 году, после венчания с Параскевой Яковлевной, был Иван Лукич рукоположен во священника и назначен в дарищинский погост. Погостом назывался храм с домами причта и кладбищем при нём. Стоял он отдельно от села и был приходским для всех окрестных селений, не имевших своих церквей. На кладбище хоронили всех покойников округи, отчего пошло выражение «свезти покойника на погост», и теперь часто путают понятия, считая погост одним из названий кладбища.

Прибыв к месту служения, отец Иоанн и матушка Параскева застали в селе старый, совсем обветшавший деревянный храм во имя Святителя Николая с приделами Димитрия Солунского и Иоанна Воина.

Из старинных клировых ведомостей усматривается, что дарищинский храм был возведён по храмозданной грамоте, данной Коломенским епископом Саввой (Шпаковским), на месте сгоревшего. Собственно, храм не построили, а просто... перевезли в Дарищи, купив готовую церковь в селе Салтыково Бронницкого уезда «со всей церковной утварью»!

Волей епископа Саввы зимой 1746 года придел во имя Иоанна Воина освятили, а остальные готовили к освящению, и в храм выдали три антиминос.

Приход состоял из 113 дворов. Но несмотря на то, что к нему были приписаны два барских поместья, больших доходов причт не получал, а храм был отделан весьма и весьма скромно. Достаточно сказать, что в этой церкви не было иконостаса!.. Иконы просто стояли по полкам, о чём в клировых ведомостях за 1793 год благочинный этого округа сделал особую пометку. Там говорилось, что он неоднократно пенял причту на этот непорядок и напоминал о необходимости устройства иконостаса. Но видно, в то время дела у храма шли совсем худо, если денег не хватало даже на такую насущную необходимость.

Словом, к тому времени, когда молодой священник Иоанн Лукич начал своё служение, святыня едва стояла, а приход был совершенно разорён. Описание жизни семейного клана, из которого происходили Гиляровы-Платоновы, позволяють нам судить жизнь сельского священства. Приходским батюшкам приходилось хаживать в мужицких зипунах, обуваться в лаптищи, а единственные сапоги держать в алтаре, обувая их перед службой. Насчёт этих сапог, чистой сорочки и «долгополой приличествующей одёжи» их особо наставляли в инструкциях перед рукоположением во священство после выпуска из семинарии. О том, что к службе они будут обуваться и одеваться «должным образом», перед принятием сана молодые священники давали особую подписку.

И вот, не имея никаких видов на нужные доходы, однако зная, что кроме него никто другой этим заниматься не станет, отец Иоанн Спасский принялся хлопотать о построении хоть бы и деревянного, но нового храма в Дарищах и даже смог собрать на это кое-какие деньги.

Испрашивать благословение он отправился в Коломну, к епископу Афанасию (Иванову), занимавшему Коломенскую кафедру с 12 ноября 1788 года.

Чтобы появиться пред епархиальным начальством в должном виде, сельские священники, поголовно не имевшие ряс, обычно одолжались у городских собратий, беря подходящую «напрокат». Изготовясь подобным образом, Иван Лукич пришёл на приём к епископу. Бил челом о дозволении немедленно начать строить церковь, однако дело пошло не совсем так, как он рассчитывал.

Выслушав просьбу, преосвященный Афанасий настоятельно посоветовал, не тратя сил и средств попусту, сразу взяться за постройку более долговечного кирпичного храма. На вопрос растерявшегося просителя о средствах ответил:

— Средства найдутся. Храм сам себя будет строить! А чтобы начать дело, советую тебе поискать близ погоста хорошей глинки для кирпича. Дров для обжига должно хватить: леса, принадлежащего церкви, вокруг Дарищ хватает.

Это и правда — леса вокруг села Дарищи тогда стояли вековые. Да и глина отыскалась бы. Но разве только этим самодельным кирпичом обеспечить такое дело? А лес? А железо? А работа? А обустройство и украшение? Возможно, именно в такой форме и последовательности проявлялось внутреннее недоумение отца Иоанна. Но прежде чем он сумел собраться с мыслями, владыка Афанасий велел службе принести... железную лопату. На рукояти лопаты епископ собственноручно начертал крест и подал её отцу Никольскому, сказав:

— Вот тебе моё благословение! Начинай дело в надежде на помощь Божию, с нею и кончишь начатое.

Перечить епископу священник не посмел, безропотно принял заступ, с чем и вернулся к родному очагу.

* * *

С этого начинается история строительства храма во имя Святителя Николая, а продолжилась она не год, не два и не три. Одна только подготовка к постройке заняла шесть лет: искали глину, заготавливали дрова, начали производить кирпичи. За это время епископскую кафедру из Коломны перенесли в Тулу, а коломенские приходы вошли в состав Московской епархии.

Это только увеличило трудности строительства. То, что раньше можно было решить за один день, обернувшись в город и обратно, теперь приходилось добиваться путём долгой переписки или ехать в обитель Вифанию, под Троице-Сергиеву Лавру, где жил управлявший Московской епархией митрополит Платон (Левшин).

На территории погоста располагались три поместья, владельцам которых принадлежали все окрестные земли и крестьяне. Именно на помощь

этих помещиков и возлагал свои основные надежды отец Иоанн, прося помочь деньгами. Все землевладельцы согласились. Но исполнили посул только двое: братья Лев и Дмитрий Похвистневы. Их лепты и позволили в 1803 году начать строительство. Третий же барин, Пётр Фёдорович Норов, хоть и жил к храму ближе других, обещания не сдержал. Молодой священник ему чем-то не угодил... Недовольство отцом Иоанном Лукиным было у господина Норова столь сильно, что он запретил впускать батюшку в свой дом! А ведь этот дом был в двух шагах от строившегося храма. Их разделяла лишь речка Хотвица, протекавшая по глубокому оврагу, да заросли раkitника по её берегам.

Не исключено, что неприязнь к отцу Иоанну возникла из-за того, что господин Норов хотел бы видеть на его месте какого-то другого пастыря. Но видно, пришлось учитывать волю могущественного соседа. Само присутствие иерея Иоанна, стройка напоминали Петру Фёдоровичу, что он вынужден терпеть в своём поместье кого-то, навязанного против его воли. Терпеть-то терпел, но ещё и деньги давать неприятному человеку не желал совершенно!

Того, что пожертвовали братья Похвистневы, на всё не хватило, а потому отец Иоанн на своей единственной лошадке дважды ездил в далёкий Санкт-Петербург с рекомандательными письмами к разным известным благотворителям... Каждый раз он возвращался домой не с пустыми руками, и постепенно, к 1807 году, достроил здание на возвышенном месте у берега Хотвицы. Удалось даже поднять новую деревянную звонницу и повесить колокола. Оставалось покрыть церковь крышей и отделать изнутри. А в 1808 году один престол каменной церкви — Иоанна Воина — даже освятили. Но на том дело и встало. Наступил тот самый момент, про который говорят: не просто «нет денег», а «денег нет совсем».

Даже ехать в Петербург в поисках новых жертвователей было не на чем. Ту самую лошадку, на которой батюшка прежде путешествовал, забрал за долги торговец железом. А у отца Иоанна и матушки Параскевы уже подрастал сынок Иван, родившийся в 1803 году, и приходилось им очень туго... Жили они помощью тестя и тётчи. Да ещё изредка проезжавшие через Дарищи господа, купцы или зажиточные крестьяне, узнав о бедственном положении стройки и скудости местного пастыря, жертвовали ему понемногу. Но эти дары редко превышали десяток рублей и помочь постройке храма никак не могли.

* * *

Такое положение сохранялось до 1809 года. Отец Иоанн даже подал прошение на имя митрополита Платона, в котором просил разрешения продать остатки прежней церкви и на вырученные деньги продолжить стройку.

На прошении была поставлена резолюция: «По сему дозволить, на обжиг кирпича или на топку, с согласия прихожан». Однако и такие меры не могли решить всех проблем. Но промыслом Божиим сама жизнь преподнесла строптивому помещику Норову страшный урок необходимости благочестия.

Как уже говорилось выше, места вокруг Дарищ были лесистые, а барский дом с домами его дворовых людей стоял несколько наособицу

от селения. В то время вокруг Коломны «пошаливали» лихие люди, большей частью, те же крестьяне, промышлявшие разбоем. Прельстясь уединённостью места и богатством дома Норовых, в одну из ненастных осенних ночей шайка разбойников, выйдя из лесу, напала на особняк. Пока негодяи выбивали запертые двери, барин, услышавший грохот в сенях, крики слуги, которого скрутили разбойники, быстро сообразил, что делать. Старинный дом для подобных случаев имел тайный выход к самой речке. По нему Пётр Норов и ускользнул.

Подземный ход был чрезвычайно узок, так что Норову пришлось где-то поспешать на четвереньках, а где-то и ползком. Перепачканный и оборванный, через береговые кусты добрался до воды и по самую шею погрузился в Хотвицу под нависшими густыми раkitами. Он слышал, как разбойники бегали вокруг дома и по самому берегу, искали его. Понимая, что в холоднющей октябрьской воде долго не высидит, Норов перебрался на другой берег и пополз в горку, на которой высился недостроенный храм. Силы почти оставили господина Норова. Он буквально дополз до церкви, вцепился в верёвку сигнального колокола, потянул на себя, и над селом зазвенел набат. К звоннице тут же прибежали батюшка и диакон. Услышав, что случилось, они сами ударили в набат, поднимая село и округу.

Поняв, что затея провалилась, разбойники похватили первое подвернувшееся под руку и сбежали в лес. Облава, устроенная старостой, навела на след. Удалось переловить татей, а утром их передали в руки земской полиции.

* * *

Барина, упавшего возле звонницы, отнесли в дом отца Иоанна, переодели в сухое, напоили горячим отваром (чай в домах приходского священства был диковиной, о которой больше слышали, нежели пробовали) и употребили все остальные домашние средства для спасения от простуды. Но сколь ни старались батюшка со своей попадъёй, к утру их гость слёг в горячке.

Болезнь не стала роковой. Крепкий организм, хороший уход и искусство лекаря, доставленного из Коломны, своё дело сделали, и к зиме дарищинский помещик вполне оправился от последствий той страшной ночи. Когда господин Норов смог выходить из дому, на землю уже легли снега, а потому он приказал заложить сани и везти его в дом отца Иоанна. Явившись к батюшке, барин просил у него прощения за прежние обиды, благодарил за спасение и от всей души преподнёс три тысячи рублей, когда-то обещанные для строительства храма!

По такому случаю в ещё неотделанной церкви отслужили благодарственный молебен с колокольным звоном. По окончании молебна при большом стечении прихожан Пётр Норов, приложившись к храмовой иконе Святителя Николая, обратился к присутствующим, просил их помнить старую истину: «Храм Божий есть страж Божий» — и привёл в пример собственную историю.

После примирения барина и священника дело пошло веселей, и на другой год Никольскую церковь достроили. Окончательная отделка за-

няла ещё два лета, а потому освятили её в 1810 году. Вышла она в длину вместе с колокольней 16 саженьей, а высотой до верха карниза получилась 5 саженьей, не считая одной большой главы. В храме устроили три иконостаса. Для отопления выложили две изразцовые печи-голландки.

В этом храме отец Никольский служил до самой кончины.

В 1811 году у отца Иоанна и матушки Параскевы родилась дочь, при крещении наречённая Марией, а 13 января 1815 года — сыночек Василий. Сыновья Ивана Лукича последовали путём отца. Они окончили Коломенское духовное училище, возникшее на месте прежней альма матер и бывшей Коломенской епархии. Выделяя младшенького, Васю, из всех детей, Иван Лукич часто брал его с собой, отправляясь с требами по деревням прихода. Дорогой он рассказывал сыну всякие занимательные истории о прошлых временах. Кое-что Василию запомнилось и с годами превратилось в письменные рассказы, опубликованные на страницах духовных журналов.

* * *

Среди прочего отец Иоанн рассказал сыну о событиях, произошедших в те времена, когда он только ещё начал своё служение в Дарищах. В приходе дарищинского погоста была деревня Матвеевка, а там — барское поместье: господский дом с разными службами, парк с липовыми аллеями и большим проточным прудом. Господа приезжали в это имение только на лето, остальную часть года поместье пустовало, и жил в нём лишь старик-приказчик да с ним, за компанию, крестьянин, бездетный бобыль.

И вот раз в зимнюю пору, когда просёлочные дороги замело снегом, в глухой угол пожаловали незваные гости. На господский двор въехали несколько саней. Там сидели люди, лица коих были скрыты масками с прорезями для глаз и рта. Вышедшего посмотреть сторожа немедля скрутили, заткнули рот и, связанного, оставили в холодных сенях. Сами вошли в избу приказчика. Грубо и нагло, но всё ж таки поздоровались:

— Здорово ли живёшь, старик? Нет ли чем погреться? А то мы иззябли страшно...

Смекнув уже, что к чему, приказчик предложил водочки, сам принёс и трясущимися руками отдал бутыль. Довольные произведённым эффектом, хватив по стакану зелена вина, разбойники перешли к делу, потребовав денег. Старик безропотно отдал ключ от своего сундука. Наскоро перерыв барахлишко, незваные гости нашли десять рублей разной монетой.

— Это только-то у тебя всех денег? Нет, приятель, так дело не пойдёт! Ты что же, старый хрен, хочешь, чтобы мы поверили, что ты столько лет живёшь у барина и скопил у него за спиной только десять рублей? А ну-ка, кончай дурака валять — подавай немедля всю твою казну, иначе быть тебе в большой беде...

— Были деньги, ребяташки, были, — лепетал старик, — собрал я с мужичков оброк, да ведь я их давно барину в Москву отправил, а больше нет у меня денег, окромя тех вот самых десяти рублей, что в сундучке нашлись.

Сколько ни уговаривал приказчик, разбойники не верили. От словесных угроз они скоро перешли к мучительству и, готовя пытку, приговаривали:

— Слов ты, дед, не понимаешь, так ничего, сейчас всю правду расскажешь!

Пока одни вязали старика, другие сбегали на двор, принесли охапку дров, затопили печь.

— Отдай деньги! Иначе зажарим тебя, как барана!

— Ищите, — кротко отвечал приказчик, не имея возможности и пошевелиться. — Найдёте хоть копейку — моя вина, и делайте со мною, что хотите.

Меж тем печь раскалилась, время пытки приблизилось, но в ответ на последние угрозы, преисполнившийся крепостью духа от осознания своей правоты, старик продолжал твердить:

— Клянусь, денег у меня, кроме тех, что вами найдены, больше нет ни полушки! Жизнь мою вам погубить совсем нетрудно, Господь, Судия праведный, вас накажет за злодейство!

— Да он нам ещё грозит!?! В печь его! В печь!

И, ревя эти страшные слова, они затолкали верного барского слугу в самое пламя, где он в великой муке и смерть принял.

* * *

Утром другого дня о злодеянии в матвеевском поместье стало известно на деревне, а потом слух пошёл и по округе. Немедля дали знать в город, и из Коломны приехали члены Земского суда, начавшие следствие. Но верных следов отыскать так и не смогли, всё ограничилось лишь предписанием дарищинскому священнику, коим того обязывали произвести приличное отпевание покойного и погребение на кладбище церковного погоста.

Когда отец Иоанн с причтом приехал в Матвеевку для выноса покойника в церковь, весь обширный господский дом был занят народом... Там были не только матвеевские жители, пришедшие все — от старого до малого. Из других деревень также немало народу приехало посмотреть на страдальца и помолиться за упокой души его. По совершении панихиды гроб был поднят, и покойника понесли в церковь. И вот, когда процессия шла от Матвеевки к Дарищам, за придорожными ёлками мелькнула фигура человека. Через минуту он вышел из чащи и, не снимая шапки, скорыми, но неправильными шагами стал перебираться через дорогу. Достигнув противоположной опушки леса, этот странный человек вдруг повернул назад и пошёл всё тем же шатким, неуверенным шагом. Странность поведения незнакомца породила какие-то смутные подозрения, и отец Иоанн посоветовал крестьянам «на всякий случай» схватить его. Тут же молодые парни выпрягли из саней лошадок и погнались за подозрительным типом верхами. Они скоро настигли его, схватили и привели. Саный поезд похоронной процессии остановился, народ сошёлся вокруг незнакомца.

— Кто ты таков? Откуда? Что здесь делаешь? — спрашивали наперебой. Он назвал имя и сказал, что из деревни дарищинского прихода. Но в округе все знали друг друга по родне или лично, а потому тут же уличили

во лжи. Всё это время взгляд незнакомца блуждал, как у безумного, а когда остановился на покойнике, странный человек затрясся всем телом и срывающимся голосом произнёс, указывая на убиенного:

— Покарал меня Бог! Я первый подал голос сжечь его! Это моя работа!

После этого признания злодея связали и повели за гробом. Руки ему развязали только у церковных дверей, в которые уже занесли гроб, а следом ввели и убийцу... Во время отпевания он стоял с опущенной головой, словно окаменевший, не делая ни малейшего движения. Когда гроб опустили в могилу, убийцу отвели в церковную сторожку. Следом туда же пошёл и отец Иоанн, приступивший с расспросами к этому злодею.

Батюшка спрашивал имя и место жительства. Оказалось, что тот из Коломенского же уезда, но из дальней деревни, не дарищинский. А про то, почему вернулся к месту преступления, зачем признался, отвечал так: «Когда мы покончили своё дело в Матвеевке и воротились домой, мне сильно захотелось взглянуть на мёртвого — посмотреть как он обгорел. Два дня меня мучило это желание, а на третий решился. Дошёл почти до самой Матвеевки, но войти не решился — побоялся, что меня признают. Когда же с пригорка увидал, что ты, батюшка, с причтом приехал для выноса покойника, поспешил я пойти по дороге к вашему селу. Выбрал место в ельнике и стал там дожидаться, когда понесут гроб, чтобы увидеть то, чего желал так мучительно. Но едва слышал я пение «Святой Боже...», вдруг овладел мной какой-то трепет. Я взглянул на гроб, и в глазах у меня помутилось. Совсем не знал я — что мне делать, куда идти. В этом состоянии меня и схватили...»

Про этот случай отец Иоанн Лукин сказал своим прихожанам:

— «Перст Божий есть сие». Видно, дорога перед очами Господа кровь человека, что Он Сам, непосредственно, обличает человекоубийцу, когда правосудие земное не находит средств открыть его. Поверьте мне, друзья мои, что Господь никогда не оставляет человекоубийцу без возмездия. Кровь убиенного вопиет к Богу-Отмстителю, подобно крови Авелевой. Как сказано в Писании, «крови вашей, душ ваших, от руки всякого зверя възыщу; и от руки человека брата изыщу ея».

* * *

Кроме рассказов отца о былом, Василий Иванович Никольский оставил любопытные заметки о приключениях своего детства и юности, которые ему довелось пережить в том глухом углу Коломенского уезда. Немало он рассказывал о своей дружбе с отшельником Макарием, жившим в дебрях дремучего леса, окружавшего редкие деревеньки дарищинского прихода. Происходил тот из крепостных, по прошению его отпустили на волю, и он поступил в Богоявленский Старо-Голутвин монастырь, где, пройдя курсы послушания, в грозном 1812 году принял постриг. Как раз о ту пору строительскую должность в обители отправлял отец Самуил, введший в своей обители афонский устав.

Прожив тут до 1817 года, брат Макарий просил у строителя Самуила благословения на пустынное жительство и, получив его, удалился за Москву-реку. Он поселился в такой глуши, что в обители толком и не знали места

его обитания. Однажды летом попович Вася и взрослый односельчанин по имени Егор Николаевич совершенно случайно наткнулись на укромное жилище, и с того дня началась их многолетняя дружба с отшельником.

Помянутый выше Егор Николаевич был большой знаток леса и зарабатывал на жизнь сбором всего, что мог дать лес: от грибов и ягод до лечебных трав и дикого мёда, а также промышлял ловлей птиц и охотой на зверя. С Васей они подружились на почве любви к чтению. Вернее, сам-то Егор Николаевич по части грамоты был, можно сказать, «не в зуб толкнуть», но любил слушать. Уже обучившийся грамоте Вася долгими зимними вечерами читывал ему Четьи-Минеи и рассказы по священной истории. В свою очередь, Егор Николаевич открывал младшему товарищу все удивительные тайны леса, какие только знал сам, и часто брал с собой в странствия по окрестным чащам.

Как-то летом, когда из-за засухи нигде не росли грибы, Егор Николаевич по секрету сказал Васе, что в глубине леса пошли грузди. Вернуться из пересохшего леса с полной кошёлкой грибов было для мальчишки чрезвычайно почётно. Условились они идти рано утром и соответственно экипировались: Егор Николаевич прихватил своё верное ружьишко, а Вася — маленький топорик, который ему подарил дедушка. Взяли ещё по ножкику, в котомки положили хлеба, налили во флягу воды и, благословясь у отца Иоанна, пошли по грибы.

Шли они, шли, покуда не забрались в такую чащобу, где под деревья почти не проникал солнечный свет и в разгар жаркого лета стояла прохлада. Там и стали попадаться волнистые шляпки. Грибники азартно резали молодые грузди и брели за ними, не очень примечая, куда идут, акаясь, чтобы не потеряться. Постепенно лес поредел, и после очередного «ау» Вася увидел, как Егор Николаевич, стоя на краю лесного оврага, делает ему какие-то знаки и манит рукой. Мальчик подошёл, Егор Николаевич, указав рукой в овраг, по дну которого протекал ручей, шепнул:

— Молчи и смотри!

Противоположный откос оврага порос частым тростником, а выше него, в самом пригорке, прикрытая кустами, виднелась дверца в землянку. Чьё это убежище? Подземное жилище вполне могло оказаться притоном разбойников, шайки которых бродили по тем же лесам. Чтобы успокоить мальчика, охотник стал уверять: если это разбойничий вертеп, хозяева их не заметят. Главное — сидеть тихо и не выдавать себя.

Они просидели около получаса. Вдруг дверца приоткрылась, и из подземелья выбрался нестарый ещё человек — на вид лет около 30-ти — бородатый, облачённый в чёрное одеяние, с монашеской скуфейкой на голове. Держа в руках кувшин, незнакомец медленно спустился к воде. У ручья снял скуфейку, несколько раз перекрестился, зачерпнул воды. Потом поднялся наверх и скрылся за дверью, так и не заметив наблюдавших.

Сидя в укрытии, Вася и Егор Николаевич наскоро рассудили, что человек этот на разбойника совсем не похож и, пожалуй, не опасен. Одежда и поведение указывали скорее на усердного богомольца, а такой человек не мог обидеть. Успокоившись, решили пойти к черноризцу. Страх ушёл, и теперь они сами уже опасались напугать отшельника, нагрянув так внезапно. Поэтому, поднявшись по откосу и постучав в дверь, Егор Николаевич отчётливо произнёс:

— Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас!

— Аминь! — послышалось из-за двери.

Они вошли. Глаза постепенно привыкли к полумраку, Вася различил лампаду, теплившуюся в углу перед иконами Спасителя, Божией Матери и преподобного Сергия Радонежского. На грубом столе лежало несколько книг, у правой стены было устроено ложе из сухой травы и мха.

Отшельник радушно встретил несмелых ещё гостей, предложил напиться и подкрепить силы, выставив на стол чашечку с сухариками и налив в кружку воды, только что принесённой из ручья. Угощение покзалось Василию необыкновенно вкусным. Попотчевав гостей, хозяин стал расспрашивать: кто да откуда, да зачем зашли так далеко? Выслушав ответы, в свою очередь, рассказал о себе. Что зовут Макарием, а в дебрях живёт по обету, ради спасения души и по благословию своего духовного наставника отца Самуила, ученика знаменитого подвижника Паисия Величковского и строителя Старо-Голутвина Богоявленского монастыря.

Подкрепившиеся и отдохнувшие, грибники собрались домой, благодарили отшельника. А он вызвался проводить их и шёл рядом почти полверсты. При прощании просил никому не рассказывать о встрече, особо повторив это для Васи, очевидно, опасаясь, что тот, по малолетству своему, скажет лишнее и выдаст уединённое жилище подвижника. Мальчик дал клятву всё сохранить в тайне и ничего не рассказал даже отцу и матери.

* * *

По прошествии времени Вася тихонько спросил часто бывавшего в лесу Егора Николаевича, не виделся ли с отшельником Макарием? Тот так же тихо рассказал, что был на том месте у оврага, но нашёл землянку брошенной, дверь - снятой с петель и подумал, что Макарий вернулся в монастырь.

С той поры миновали зима и весна, а потом настала пора Васе ехать в Коломну, чтобы поступать в Духовное училище. Василий остался на жительство в училищной бурсе и, целиком захваченный новизной резко изменившейся жизни, так непохожей на прежнее житьё в сельской глуши, что о многих предметах, занимавших его ум прежде, думать перестал вовсе.

Но вот минул учебный год, наступило время «вакаций», как тогда называли каникулы. Вернувшись в отчий дом, Вася снова встретился со своим старым приятелем Егором Николаевичем. А как увидал, так сразу вспомнил и про отшельника. Егор Николаевич рассказал, что нашёл Макария ещё весной — он опять жил в землянке, но на другом месте; а нынче он решил строить келью поверх земли.

— Нашёл он место всего в трёх верстах от Дарищ, да в такой чашобе, что солнечный свет туда не проникает, и оттого там в самый полдень полумрак, словно вечером, — рассказывал Егор Николаевич Васе подробности отшельнического житья. — Келья уже строится, но отец Макарий чувствует себя нездоровым, а потому хочет посетить храм и встретиться со священником. Говорят, что в иное время, зимой, а особенно при разливах рек, в монастырь ему попасть нет никакой возможности, а без храма

ему, как и всякому христианину, жить тяжело. Он просил переговорить с твоим батюшкой, отцом Иоанном, а потому не узнаешь ли ты, Вася, — согласится ли отец на такую встречу и не станет ли он духовным отцом отшельнику?

Конечно, в тот же день Вася рассказал отцу о своей встрече с Макарием в лесу и передал просьбу о духовном общении.

Встреча состоялась. Батюшка Иоанн принял отца Макария в отдельной светлице; из посторонних при разговоре присутствовал только Вася, уже на правах «старого знакомого» и как бы даже посредника в переговорах. Гость дома Лукиных с увлечением говорил о пустынножителях фиваидских и палестинских, удивляясь их готовности ради спасения души терпеть различные лишения.

— А что, отец Макарий, — спросил его батюшка Иоанн, — думаю, что и вам в пустыне иногда приходится жутковато? Я не испытывал одиночества, но верю святому Иоанну Лествичнику, говорившему по опыту: «горе единому в пустыне».

— Да, — отвечал Макарий, — нередко бывает такое искушение... Против него у монаха одно оружие — молитва!

И продолжил, всё больше воодушевляясь:

— А вы знаете, что особенно подкрепляет меня среди пустынного безмолвия? Это церковный благовест! Как только слышу звон колокола, созывающего на службу Божию, так вострепнусь духом, и мнится мне, что не один я, что мне присуща сила Божия, и молюсь я тогда усерднее и благодушествовую, и пою Господу в веселии сердца!

Однако же, несмотря на такой настрой, пустынный оказался подвержен разным искушениям и, поддавшись разным страхам, совершенно изменил духом в своём лесном жилище. Наконец он решился оставить лесное одиночество, но не вернуться в Голутвин, а податься куда-нибудь в дальний скит, где было бы далеко от суеты мира, но не одиноко. Он продал свою келью на слом дарищинскому дьячку Степану Ивановичу, и тот привёз из лесу целый воз досок, оконных рам и дверей. На тех чёрных дверях были белой краской выписаны кресты и слова из священного писания. Дарищинские жители сошлись посмотреть на привезённые из лесу остатки отшельнической келии, и кто-то из селян спросил Степана Ивановича:

— А что ты с этим материалом делать-то собрался, Иваныч?

— Да вот, хочу построить светлицу, — ответил дьячок.

— Ты бы лучше церковь из неё себе сделал! — посоветовал кто-то.

Как раз во время этого разговора увидел Вася, стоявший подле воза с досками, окнами и дверями, как в горку к их Никольскому храму поднимается сам отец Макарий, лицо которого было залито слезами.

— Дома ли батюшка? — спросил он Васю.

— Дома, — отвечал мальчик и повёл гостя к отцу.

Оба священника затворились в светлице и на этот раз Васю туда не пустили. Сидели они там долго, и о чём говорили, осталось тайной, но по прошествии времени отец Макарий вышел из дому батюшки Лукина радостный, с просветлённым лицом. Он пригласил Васю бывать у него с Егором Николаевичем или с батюшкой.

— Да где же вас искать-то теперь, отец Макарий? — спросил Вася.

— Всё там же, друг мой! Я остаюсь на прежнем месте. Мне захотелось проститься с храмом Божиим, где Господь удостоил меня общения с Собою, а храм Божий сказал мне, чтобы я воротился на прежнее место.

Когда Вася хотел поцеловать ему руку, отец Макарий не дал этого сделать и сам поцеловал его в голову.

* * *

Решив остаться на жительстве в той местности, где он провёл годы в лесном одиночестве, отец Макарий избрал для жительства Капаурову пустошь, принадлежавшую Старо-Голутвину монастырю. Этот лес находился между «лесными дачами» — участками леса, принадлежавшими крестьянским обществам села Чанки и села Дарищи. Там, в глубине Капауровой пустоши, отшельник построил новую избушку-келью, с мезонинчиком, в котором устроил горницу, где творил молитвы. А молился он в 1, 3, 6 и 9 часов «по восточному исчислению времени». В полночь отшельник стоял на молитве, читая тропарь полунощницы «Се Жених грядет в полунощи...». В нижнем этаже было две комнаты: в одной — скромное жилище, в другой — мастерская, в которой отец Макарий предавался рукоделью, вырезая из дерева ложечки. Это было обычное монашеское занятие, которым многие отшельники зарабатывали себе на пропитание.

Этого дохода ему вполне хватало, так как отец Макарий в быту был скромен и неприхотлив. Усердный постник, отец Макарий ограничивался сухомятием, а по средам и пятницам не ел вообще. Молоко и сыр позволял себе только по праздникам, когда их приносил в лесной домик регулярно навещавший отшельника Егор Николаевич.

Строгость и тягость уединённой жизни отца Макария выделяли его из числа братии Старо-Голутвина монастыря. Когда среди монашествующих начиналось какое-нибудь брожение и заводилось недовольство чем-то, строитель Самуил ставил отшельника в пример:

— А как же отец Макарий в лесу живёт? У него-то лишений поболее, чем у нас, будет, но он же не ропщет!

На это монахи, бывало, отвечали, что-де вольно же ему там, в лесу, на воле-то жить, сам себе господин, и тогда строитель отвечал на это:

— Ну, коли завидно, так подите к нему и живите в тех правилах, что и он!

Иногда некоторые решались — по двое и даже по трое шли в лес к отцу Макарию, поселялись на «пустынном приволье», да только на много их не хватало. Пожив несколько дней, много если неделю, все они возвращались в монастырь и просили прощения за дерзости.

— Что так мало погостили у Макария? — спрашивал их о. Самуил.

— Согрешили мы, отец наш. Макарию мы не годимся и в послушники...

* * *

Так и шли годы. Тем временем Вася, подрастая, учился в Коломенском духовном училище, где ему дали фамилию Никольский по родительскому храму, при котором он жил до поступления в училище. Окончив училище,

Василий поступил в Московскую семинарию и уехал учиться за сто вёрст от дома. Теперь даже не каждый год бывал дома.

Но вот приехал он раз к отцу на Страстной Седмице, чтобы в родном доме встретить Светлый праздник. В Страстной четверг Василий повстречал своего старинного знакомого Егора Николаевича и от него узнал, что отшельник Макарий собирается прийти в храм слушать Евангелие о страданиях Христовых. Прослышав, что Василий Никольский приехал на вакации, зовёт к себе на ночную молитву, а утром проводит в церковь. Условились вечером идти вместе — без опытного проводника в затопленном вешними водами лесу было не пройти и не проехать. Дорогой к лесной келии Егор Николаевич всё делал отметки на деревьях, чтобы утром легче было найти сухой путь.

Уже поздним вечером пришли они к отцу Макарию, который обрадовался им, приветствовал, и проговорили они более часу. Потом, спохватившись, отшельник поднялся в горницу и стал на молитву. За ним пошёл и Василий, а Егор Николаевич остался внизу. Молились они час и другой, после тяжёлой прогулки по весеннему лесу Василий стал уставать и уже начал завидовать Егору Николаевичу, который, зная свои силы, не дерзал уподобляться привычному к долгой молитве отшельнику и спокойно спал. Не выдержав, Василий спустился вниз, но там, к своему удивлению, застал Егора Николаевича вовсе не спящим, а сидевшим у раскрытого окна и к чему-то прислушивающимся.

— Отец Макарий молится, — сказал Василий потихоньку.

— Здесь всё хвалит Господа, — отвечал Егор Николаевич, — вот сядь-ка, послушай сам!

И тогда Василий, впервые оказавшийся весенней ночью так далеко от человеческого жилья, услышал звуки природы. Тысячи голосов разных птиц и зверей, звуков деревьев, ветра и воды сливались в единую гармонию, которую невозможно выразить человеческими словами. «Лес как бы претворился в живое существо, то радующееся, то поющее, то вздыхающее, — писал в своих воспоминаниях Василий Иванович Никольский. — Но внезапно моё очарование было прервано воем волков поблизости самой кельи Макария. От страха я взбежал к нему наверх и, забыв, что подвижник молится, дрожащим голосом сказал:

— Отец Макарий! У самой вашей келии воют хищные звери!

— Чего же бояться? — отвечал Макарий. — Они же наши благодетели.

— Как благодетели?

— Да они своим воем напоминают нам о других хищных зверях, которые внутри нас и которые гораздо опаснее внешних, — отвечал отец Макарий, имея в виду под образом зверей человеческие страсти. — Их тревожный вопль ещё тревожнее для души нашей. Вот погодите — пойдём в храм Божий, и ни один из зверей не будет беспокоить нас. Так, когда почувствуешь внутреннюю тревогу, надо искать успокоения в храме, в молитве. Святые отцы советуют христианину при беспорядочных движениях души ограждаться крестом Спасителя и прибегать к молитве. Тогда тревога страсти будет непременно утихать.

Так они и молились под вой волков, покуда на востоке не заалела заря, и втроём: отшельник, Василий и Егор Николаевич — отправились в Дарищи, чтобы слушать первое Страстное Евангелие.

Пришёл отец Макарий в Дарищи и в первый день Пасхи. Едва только блеснули лучи утренней зари, ещё до благовеста, сзывающего к литургии, из лесу вышел пустынный в чёрном одеянии с длинным посохом в руках, направляясь к церкви, чтобы приобщиться Святых Даров. Подждавший его Василий поспешил отворить южную дверь храма, и его первого отец Макарий приветствовал:

— Христос Воскресе!

Был это последний праздник Пасхи, когда в алтаре выстроенного с такими трудами Никольского храма в Дарищах служил отец Иоанн Лукин... Будучи человеком болезненным и слабого сложения, он в 1832 году слёг и более года проболел, не имея возможности служить. Теперь приезд Василия Никольского на каникулы в родной дом приносил больше огорчения, чем радости. Тяжело было видеть больного отца. Ещё тяжелее было уезжать из дому, прощаясь с родителем, не имея уверенности, что вновь увидит его живым...

* * *

В Москве, проживая на квартире у одного дьякона, Василий Никольский долго не получал известий из Коломны. Там жил его старший брат, Иван Иванович. Будучи на двенадцать лет старше, окончив Московскую семинарию, с 1827 года он служил настоятелем Вознесенского храма. Батюшка был женат на Анне Ксенофонтовне, в девичестве Некрасовой, приходившейся родственницей митрополиту Филарету (Дроздову).

Отец Анны Ксенофонтовны был женат на родной племяннице владыки — Евдокии Никитичне. Она была дочерью Никиты Михайловича Дроздова, младшего брата московского архиерея.

В том же Вознесенском храме служил диаконом Димитрий Фёдорович Нечаев, за которого пошла замуж сестрица братьев Никольских, Мария Ивановна, и таким образом почти вся семья снова собралась в одном приходе, только уже в городе.

Вечером 19 января 1834 года, совершив положенные молитвы, семинарист Никольский заснул... И привиделся ему странный сон, который он счёл необходимым записать для памяти. Явился ему в сонном видении батюшка его — болезненный видом, со впалыми глазами и почерневшими губами, лежащий на смертном одре. Пав на колени, Василий приблизился к нему, а тот взял образ Трёх Святителей Вселенских и осенил им трижды сына, сказав нечто утешительное и назидательное, но что именно — Василий то ли не разобрал во сне, то ли не запомнил...

Проснувшись в полнейшем смущении, Василий позвал к себе хозяина дома, собиравшегося в храм к службе, и рассказал о сновидении. Тот утешил: сон был навеян огорчением от болезни отца. Но это было весьма слабое утешение, и Василий ходил как в воду опущенный. По прошествии пяти дней в семинарию принесли письмо от брата из Коломны, в котором тот извещал, что «сего января 19 числа, в пятом часу утра волей Божией бесценный родитель наш скончал страдальческую жизнь свою».

Поразительно, что как раз в ту ночь, когда отец Иоанн привиделся Василию во сне, благословив его иконой Трёх Святителей, он, лёжа на

смертном одре, заочно благословил именно его именно этим образом в наследство, на молитвенную память!

После смерти иерея Иоанна Спасского в Никольскую церковь Дарищ назначен был новый священник, а вдове прежнего пришлось освободить дом при храме, в котором семейство прожило более 35 лет... Лишась разом и отца и родного крова, Василий Иванович Никольский потерял нужду бывать в том краю и надолго потерял из виду многих своих знакомцев, в числе которых был и живший в лесу отшельник...

* * *

По окончании семинарии Никольский с 1836 года учительствовал в Высоко-Петровском Духовном училище, его рукоположили во диакона. Пожив в Москве, он решил навестить родные места, чтобы помолиться на могиле отца, посетить построенный им храм, навестить знакомых. Испросив у начальства отпуск, Василий Иванович поехал в Коломну и остановился у брата-священника.

После того как первые восторги встречи поулеглись, оба брата разговорились, и вот тут-то отец Иоанн огорошил Василия тревожной новостью. Отшельник Макарий едва не погиб, став жертвой разбойников! Говорили, что теперь он, весь израненный, лежит в коломенской больнице, построенной в 1834 году на деньги коломенских купцов Кисловых и Шераповых, и никто не мог поручиться за его выздоровление...

390

ВАЛЕРИЙ ЯРХО

Больница эта находилась бок о бок с Вознесенским храмом, при котором обосновалось семейство Никольских. Церковный и больничный дворы соприкасались и имели между собой сообщение. Отец Иоанн как священник вознесенского прихода духовно окормлял пациентов больницы, а значит, был в курсе всех дел городской лечебницы.

Когда Василий Иванович явился навестить страдальца, Макарий едва узнал его. Тот, кого он помнил юным и безусым, успел украсить бородой и облечься в рясу! Но когда узрел в молодом диаконе того мальчика и юношу, которого принимал когда-то в своём лесном убежище, то очень обрадовался. Собравшись с силами, Макарий рассказал, как довелось ему принять муку от злых людей, позарившихся на его «богатство».

В последние годы, после того, как в 1829 году умер строитель Самуил, которого Макарий почитал своим духовным наставником, связь его с голутвинской обителью была уже не такой прочной. А сам он благодаря людской молве приобрёл некоторую известность как пустынножитель. Теперь с Макарием жили двое послушников из коломенских мещан, братья Фёдоровы, по доброй воле присоединившиеся к отшельнику для пустынного жительства. Старший из них, Филимон, присоединился к монастырскому братству в сентябре 1831 года. Было ему тогда 28 лет, но он не женился и высказывал твёрдое намерение стать монахом. При нём был его младший брат Лев десять лет от роду. В качестве послушания братьям, захотевшим присоединиться к отшельнику Макарию, поручили охрану монастырского леса.

Несмотря на разницу в возрасте, они трое вполне уживались, проводя время в трудах и молитве.

Для бесед с Макарием в лесную чащобу стали ездить люди, и некоторые коломенские купцы брались ему благодетельствовать. Как водится, слух

многократно преувеличивал размеры этих пожертвований. Тем летом, в сенокос, крестьяне дальней деревни снимали траву поблизости от кельи Макария и его младших товарищей. Косари приходили к отшельникам, просили то соли, то хлеба, да раз как-то дал им Макарий гречневой крупы. Видно, именно тогда кому-то из косцов и запал дьявольский соблазн, показалось соблазнительным хозяйство отшельника, к которому за советами ездили богатые коломенские купцы.

Лето и осень прошли спокойно, а зимой весь этот край завалило снегом, и без того не очень-то населённые места становились уж совершеннейшей глушью.

Раз как-то в полночь подъехали к келье сани, запряжённые двумя лошадами, и верховой всадник. Послышалось несколько голосов, в двери постучали. Послушник Филимон спросил, кто там стучит и чего они хотят.

— Мы из Рязани, едем в Одесте (Одессу), к вам заехали спросить хлеба! — ответил ему из-за двери.

Когда Филимон отпер дверь, в сени вошли несколько человек, которые тут же свалили послушника, связали ему руки и ноги.

— Шестеро мужиков с обвязанными лицами были вооружены ружьями, саблями и кистенём, — рассказывал отец Макарий. — Высекли огонь кремневым огнивом, потребовали свечей. Я дал им. Осветив комнату, стали требовать у меня денег. Было у меня тогда рубля два, их и отдал. Они стали кричать мне, что точно знают, де у меня есть много больше. «Откуда, — кричат, — у тебя такой дом и в нём всякое довольство?» Я им клялся, что нету больше, отдавал зипун свой и инструменты, которыми ложечки резал. Но они грозили кистенём, говоря: «Вот твоя смерть», и всё требовали денег, а под конец сказали, что попытают секрет, где они спрятаны.

Связанного Филимона и Лёвушку усадили на лежанку в горнице, а Макария повалили на пол в мастерской и стали жечь на его теле пучки сена, требуя, чтобы он указал, где прячет свои сундуки. Тот кричал от боли и уверял, что нет у него никаких сундуков, но его не слушали. Разбойники стали калить печь, чтобы продолжить пытки, утащили в мастерскую Лёвушку, чтобы пытать и его, рассчитывая, что монах пожалеет юнца и наконец-то расскажет про тайник с деньгами.

Пока они так возились, забытый ими Филимон смог высвободить руки, развязал ноги и потихоньку выбрался в окно и скрылся в лесу. Искать его ночью в такой чащобе было бесполезно, да разбойники и не сразу хватились его, занятые мучительством, пытая огнём не только Макария, но и маленького Лёвушку.

А тем временем сбежавший Филимон прямо по снежной целине, без всякой дороги, поспешал лесом к Дарищам и, сам не помнит как, добрался до Никольской церкви, которой опять выпало сыграть роль Стража Господня. Добежав до храма, послушник ударил в набат, поднимая всю округу. В это самое время злодеи пытали отца Макария, поджигая у него на животе сено. Услышав набат в Дарищах, они словно бы очнулись: один кинулся в комнату и, не найдя там послушника, увидев только верёвку, которой того связывали, спешно вернулся в мастерскую и с порога крикнул:

— Вода!

Это у них был такой условный знак неудачи в деле. Разбойники бросили Макария и, похватав, что под руку попало, поспешили скрыться.

Добыча их была мизерна и, по оценке ущерба, составила не более 150 рублей: взяли две овчинные шубы — одну ношеную, другую поновой, два суконных кафтана, нанковую фуфайку, сапоги, рукавицы, отрез плиса да два куска сукна. Взяли ещё дровяную пилу. И вот, ценой пытки отшельника и ребёнка завладев этим «богатством», они улепётывали по зимнему лесу.

Макарий, едва живой от перенесённого мучительства, стал тушить головни и пучки сена. Вскоре прибыла подмога: из Дарищ на санях примчались вооружённые крестьяне с Филимоном во главе. Они помогли потушить пламя и тут же стали снаряжать погоню.

— Я знал моих злодеев, — рассказывал отец Макарий далее, — знал и место их жительство, но просил моих спасителей не преследовать их, оставив всё на суд Божий. Но дарищинские мужики не хотели об этом и слышать.

Оставив двоих со мною, они устремились в погоню и, приметив на дороге свежий след, пошли по нему до самой деревни Надеевой, где подняли от сна бурмистра, взяли в помощь ещё мужиков и пошли далее облавой. Дошли до деревни Комлевой, где уговорили десятских собрать народ для опроса — не знают ли воров? Им отвечали, что воров среди комлевских нет. Но потом один мужичок указал на три крайних двора, посоветовав искать там. Войдя к старому крестьянину Семёну, мужики сразу же обнаружили только что распряжённую вспотевшую лошадь, и тут же стояли совершенно мокрые сани. Хозяина спросили: отчего лошадь и сани мокрые? Тот ответил, что возил родственников в другую деревню. Осмотрев все три двора, краденых вещей не нашли, но по подозрению взяли сына хозяина, Фёдора, и отвезли в Дарищи. Там показали для опознания Филимону. Тот вспомнил, что видел этого человека осенью. Он тогда зашёл в пустыньку с ружьём, сказал, охотится, и попросил мёду. Для допроса Фёдора отправили в Коломну, передав в руки чинов земского суда, куда по приказанию игумена монастыря отшельник подал заявление о случившемся.

У Макария были сильно поранены ноги и обожжён живот, а вот Лёвушка отделался сравнительно легко, все даже удивлялись: его совсем немного обожгло и ран на теле вовсе не было. Монаха отвезли в коломенскую больницу, там ему помогли, стало легче. Раны, прежде пылавшие огнём, стали заживать и болели уже меньше.

— Господь милосерд. Он не посылает нам искушений выше сил наших, — сказал Василий Иванович, выслушав эту повесть о злоключениях отшельника и его товарищей. — Я видел у смотрителя больницы доктора, он высказал надежду на ваше полное выздоровление. Как совсем поправитесь, пойдёте ли обратно в свою пустыньку?

— Не знаю, что и сказать, — отвечал отец Макарий. — Хотелось бы вернуться, да вот дух бодр, а плоть немощна. Довольно понёс я трудов пустынножительства, надобно понести и труды общежительные. Пойду в монастырь, под сень храма Божия. Нет на земле более надёжного и безопасного пристанища, чем Божий храм. «Храм Божий — страж Божий».

Встреча в больной палате и разговор Василия Ивановича Никольского с отшельником Макарием оказались последними. С того дня дороги их разошлись окончательно и навсегда. Нежелание возвращаться на старое

место Макарию словно продиктовали свыше, так как судьба лесного убежища уже была предreshена. Капаурову пустошь возле Дарищ, в которой столько лет монах укрывался от мира, в 1838 году продали на срубку за пятнадцать тысяч ассигнациями, а деньги положили в Опекунский совет.

О дружбе мальчика и отшельника осталось лишь воспоминание, и само место их встреч с той поры изменилось неузнаваемо. Только в 60-х годах до Василия Ивановича, жившего в Москве, стороной, через людей, дошла весть о кончине его давнего знакомого. И он, опечаленный, молился за упокой его души и даже всплакнул, припомнив их прежнее житьё, встречи в лесной келье, их совместные молитвы... И многое, многое другое припомнилось ему, наверное, тогда — как обычно припоминается человеку, когда приходится прощаться навсегда с кем-то или чем-то, памятным с той счастливой детской поры, которая никогда уже не вернётся.

* * *

Дальнейшую судьбу отшельника Макария, с того момента, как он расстался с Василием Ивановичем, обратившись к воспоминаниям архимандрита Пимена (Мясникова), выпущенным отдельной книгой в 1877 году. Из этих заметок усматривается, что Макарий году в 1838-м или в 1839-м поступил в Николо-Угрешский монастырь, перейдя туда из Оптиной пустыни, куда удалился, оправившись от ран, нанесённых разбойниками.

Архимандрит вспоминал о Макарии без особенной теплоты, и, судя по некоторым фактическим ошибкам, высказанным в записках, суждения эти были не во всём справедливы. Тем не менее эти воспоминания приоткрывают перед нами покровы неизвестности, и уже одно это делает их весьма ценными свидетельствами.

Итак, уволившись из числа старо-голутвинской братии, Макарий направился в Оптину пустынь. За ним последовали братья Фёдоровы. Архимандрит Пимен утверждал, что разбойники действительно угадали наличие у отшельника больших денег, но тот вытерпел все пытки, не выдав тайника. Вряд ли это было так. Скорее всего, коломенские купцы пожертвовали при отъезде своего рода «подъёмные» для обустройства на новом месте. Во всяком случае, когда Макарий, Филимон и Лёвушка поселились в скиту при Оптиной пустыни, её настоятелю отцу Моисею отдали 700 рублей на постройку собственной кельи, в которой стали жить.

Но тут выяснилось, что обитать в общежительстве труднее, чем в пустыни. К тому времени Макарию исполнилось уже 56 лет. Он имел огромный молитвенный опыт, большую часть своего монашества прожил в лесу, сам по себе, и ему было очень трудно подчиняться формальному монастырскому уставу. Не прожив и трёх лет в Оптиной, Макарий и Филимон ушли в Николо-Угрешский монастырь, а Лёвушка вернулся в Коломну, приписавшись к братии Богоявленского Старо-Голутвина монастыря.

Поселяясь на Угреше, Макарий затеял вернуть те 700 рублей, что дал отцу Моисею на постройку келии. Получив отказ, просьбами о возвращении денег стал донимать начальство Калужской епархии. Не преуспев и там, принялся писать московскому епархиальному начальству, которое

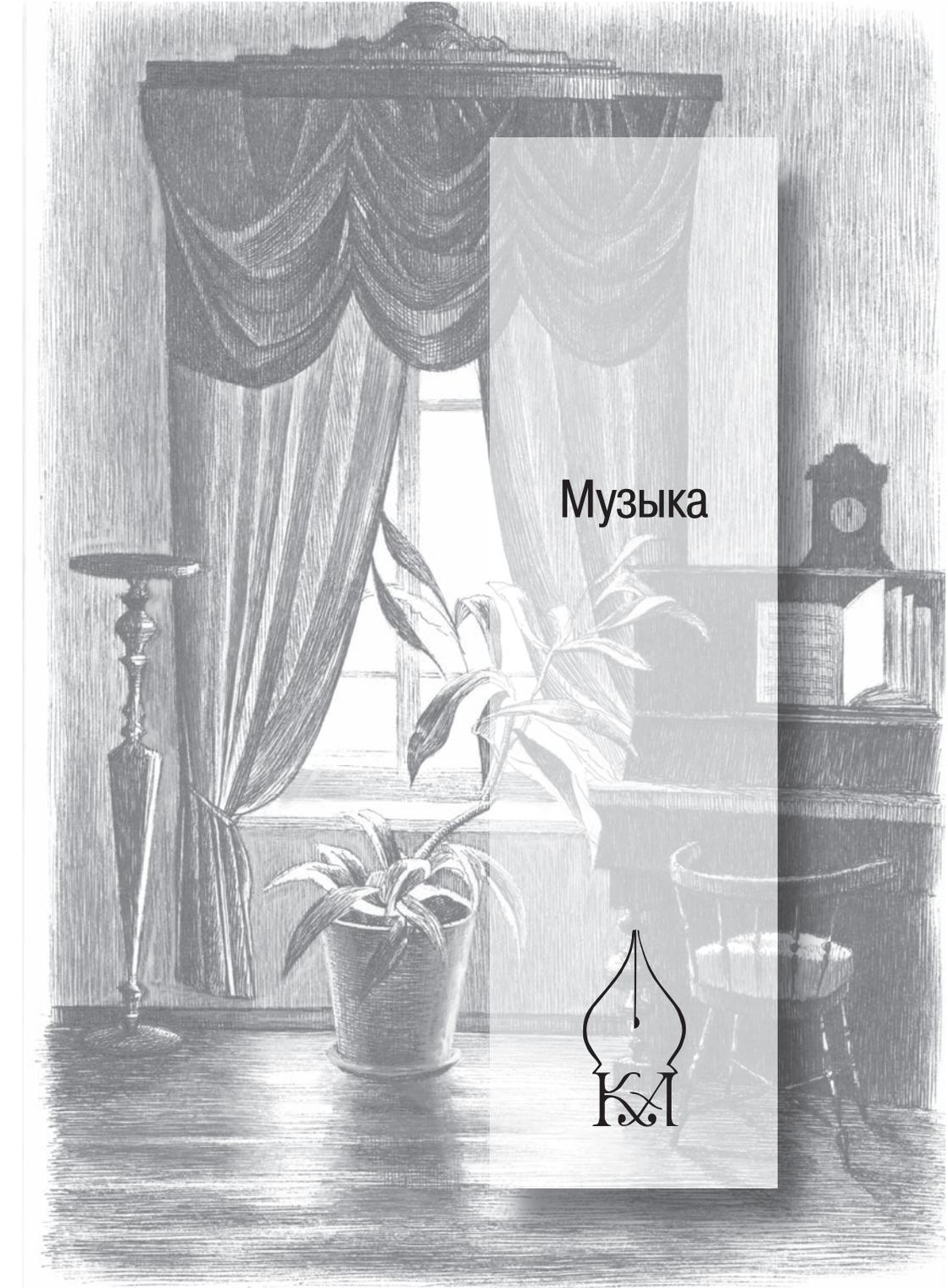
и не могло вмешиваться в дела обители другой епархии. Было даже у него намерение писать прямо в Святейший Синод, но исполнил ли его, архимандрит в точности сказать не мог. Во всяком случае, денег Макарий назад не получил, а репутацию в глазах начальства подпортил, и от постигшей его неудачи оскорбился. С братией Угрешского монастыря Макарий так и не сжился, и послушаний никаких не нёс. Жил наособицу, церковь посещал редко, и, будучи недоволен монастырским столом, отказывался от общей трапезы. Возможно, монастырская еда казалась ему слишком «роскошной». Кое-какие средства у него водились, и они с верным Филимоном (теперь уже, после пострига, — Феодосием) что-то сами стряпали у себя в келье.

Прожив на Угреше до 1845 года, Макарий объявил о желании вернуться в Старо-Голутвин, и Феодосий последовал за ним. Когда они уходили, в Николе-Угрешском монастыре никто об этом особенно не потужил. В Голутвине Макарий и Феодосий оставались до 1855 года. Когда бывший отшельник умирал, он передал все оставшиеся у него деньги верному ученику и наперснику. Но вместе с этими деньгами он словно бы передал Феодосию и все беды. Сколько отошло иеромонаху Феодосию от его наставника, в точности не знал никто. Злые языки говорили, что деньги эти он постоянно носил при себе, якобы зашив их в монашеский нагрудник — дело совершенно невероятное.

После смерти Макария, похороненного в Старо-Голутвине, Феодосий был рукоположен во священство и, став иеромонахом, до поры так преуспевал в духовных подвигах, что его определили управляющим Бобренева монастыря, который тогда был приписан к Старо-Голутвинской обители. И вот тут-то приключилась с братом Феодосием совсем неожиданная беда. Недолго пробыв начальником Бобренева, он повредился рассудком... Большого иеромонаха свезли в одну из московских больниц, но лучше ему не стало, и несчастный скончался, так и не придя в себя.

Всего этого, по счастью, Василий Иванович Никольский не знал. К тому времени, когда свершились эти события, он успел уже побывать учителем Коломенского Духовного училища, а потом поступил на диаконское место в московском приходе Рождества Христова в Кудрине. Тогда же он начал печататься в журналах «Душеполезное чтение» и «Воскресное чтение». В 1867 году его рукоположили во священника. Прослужив до 1879 года, отец Василий, чувствуя ту же немощь, что когда-то свела в могилу его батюшку, вышел за штат и, в точности так же, как и родитель, проболев около года, скончался.

Его сочинения никогда не были изданы отдельной книгой. А потому собрать несколько его рассказов, близких по времени и месту событий, связав их сюжетом и снабдив это повествование дополнительными сведениями, о которых и сам отец Василий не знал, составило известный труд. Результат его и представлен сегодня на суд любезного читателя.

Музыка

Графика Василины Королёвой

Наталья Кочеткова

«НОЧЬ ПЕЧАЛЬНА, КАК МЕЧТЫ МОИ...»

С.В. Рахманинову посвящается

Наталья Михайловна Кочеткова — преподаватель-музыковед 1-го Московского областного музыкального училища. Заслуженный работник культуры России.

Родилась на Урале, в Пермской области. Окончила музыкальное училище в Рязани, затем консерваторию в Киеве. Самой интересной сферой своей деятельности считает музыкально-просветительскую.

На протяжении сорока пяти лет в периодических изданиях Коломны, Московской области, зарубежья систематически публиковала материалы о наиболее примечательных концертах и событиях училища, составившие значительную страницу летописи культурной жизни города.

Постоянный автор «Коломенского альманаха».

Свободная импровизация

Отправляясь в свою первую поездку в Чехословакию, я знала, что моим гидом по Праге будет очень образованный человек, страстный любитель музыки, физик по профессии, периодически наезжавший в Москву, что называется, по делам службы.

Едва успев оформиться в гостинице, я позвонила ему, и тут же получила предложение безотлагательно встретиться, и непременно у Национального театра (так называют Оперный театр — «Narodne Divadlo»).

Это было в июне, ещё не погасли белые ночи. И мне было обещано показать такую Прагу, какой я никогда не узнаю от экскурсовода. Обещания сбылись. Мы бродили по тихим уже засыпающим затерянным улочкам старинного города Злата Прага, заглядывали в глубокие дворы, где стены многоэтажных домов абсолютно все до крыш увиты розами; при этом мы вновь и вновь возвращались к Национальному театру, а значит, переходили через Влтаву по знаменитому Карлову мосту. В вечерний час он перестаёт выполнять свою обычную утилитарную функцию, движение транспорта прекращается. И он превращается в прогулочную аллею. Впечатление. Трудно передаваемое словами: внизу — могучий поток вольной реки, а в небе своё тронное место уже заняла красавица луна в багряном одеянии...

Для полной гармонии не доставало одного важного компонента — не доставало музыки, и она негаданно нежданно

Карлов мост

вдруг зазвучала, наполнила Вселенную мелодией Рахманинова:

398

НАТАЛИЯ КОЧЕТКОВА

Взгляни, под отдалённым сводом
Сияет полная луна.
На всю природу мимоходом
Ровно сиянье льёт она.
Кто в небе место ей укажет...

Это пел мой спутник, пел в полный голос, вдохновенно, на чистом русском языке.

Вокруг собирались люди, останавливались, слушали... На Карловом это никого не удивляло.

Обладатель красивого тенора, он исполнил до конца этот Романс молодого цыгана из оперы «Алеко» Рахманинова; чувствовалось, что эта музыка идёт из глубины его души.

Публика не расходилась, и с тем же удовольствием и интересом слушала один за другим всё новые и новые рахманиновские романсы. Как будто отражаясь в зеркале воды, любуясь несказанной прелестью своей, плыла чудесной красоты Мелодия Рахманинова над Влтавой, до первых бледных утренних лучей.

В последующие наши встречи в Москве, особенно в часы прогулок по старым уголкам столицы, хранящим живую память и о конкретных лицах, и о событиях музыкальной жизни времён минувших, разговор неизменно замыкался на имени С. В. Рахманинова. При этом лейтмотивом неизменно возвращался один и тот же мучительный вопрос: ну, почему в прекрасной музыке этого удивительно талантливого композитора, красивого человека, окружённого и славой, и богатством... ну, почему в его проникновенной музыке так много грусти?

Неизбывная и бездонная эта печаль воплотилась в его творениях в озвученный образ, в «четыре серебряных плачущих звука», узнаваемых во всех значительных сочинениях мастера.

«Одно из самых дорогих для меня воспоминаний детства связано с четырьмя нотами, вызвавшими большими колоколами Новгородского Софийского собора, которые я часто слышал, когда бабушка брала меня в город по праздничным дням. Звонари были артистами. Четыре ноты складывались во вновь и вновь повторяющуюся тему, четыре серебряные плачущие ноты, окружённые непрестанно меняющимся аккомпанементом. У меня с ними всегда ассоциировалась мысль о слезах. Несколько лет спустя я сочинил сюиту для двух фортепиано, в четырёх частях, раскрывающие поэтические эпиграфы. Для третьей части... я тотчас нашёл идеальную тему: мне вновь запел колокол Новгородского собора».

Эпиграф к 3-й части Фантазии взят из Тютчева:

Слёзы людские, о, слезы людские,
Льётся вы ранней и поздней порой...
Льётся безвестные, льётся незримые,
Неистошимые, неисчислимые, —
Льётся, как льются струи дождевые
В осень глухую, порою ночной.

Новгород — Онег — Борисово

399

Здесь, на северной земле, в краю, прозываемом издавна голубой Русью, прошло детство Сергея Рахманинова. Сначала в имении родителей — Онег, на берегу былинной реки Волхов, к югу от Ильмень-озера. В добротном старом доме, заставшем, говорят, еще петровские времена,

Местность в Новгородской области, где было расположено имение «Онег»

Любовь Петровна Рахманинова – мать композитора

сбитом из крупных брёвен, размещалась большая семья с четырьмя детьми, гувернантками, горничными и прочей службой. Напротив крыльца стояла вековая ель. Маленький Серёжа любил забираться под неё, укрывшись широкими мохнатыми лапами от всего мира.

В доме всегда было многолюдно и весело. Отец, артистичный, музыкально одарённый, прекрасно пел, импровизировал на рояле. Он любил детей, часами увлечённо играл с ними. Ничуть не меньше радовался гостям, устраивая шумные вечера с танцами, музыкой, удивляя и восхищая всех своей неиссякаемой фантазией. Незаметно, за простодушной этой весёлостью таяло небольшое приданое его жены, что естественно привело к разорению семьи. Недолго заставил ждать себя тот день, когда пришлось расстаться с онежским домом. Но детские впечатления не забудутся, останутся навечно дорогими, даже затуманенные слезой о невозвратном. Годами позже они зазвучат в мелодии трогательно призрачного романса:

И у меня был край родной,
Прекрасен он.
Там ель качалась надо мной...
Но то был сон.

Семья друзей жива была.
Со всех сторон
Звучали мне любви слова...
Но то был сон...

Самая светлая страница детства Сергея Рахманинова связана с именем бабушки его Софьи Александровны Бутаковой. У неё был свой дом в Новгороде, и она часто брала любимого внука к себе. В самом воздухе этого дома были разлиты любовь и ласка, источаемые заботливым сердцем этой на вид строгой и властной женщины. В комнатах даже в пасмурную погоду было весело и уютно: свет проходил сквозь цветные стёкла окон.

Здесь у бабушки открылась ему истинная, чистая, хранимая веками Русь.

Василий Аркадьевич – отец композитора

С. В. Рахманинов в детские годы

Он увидел, услышал, познал её в характерах и поступках, во взаимоотношениях, в самом облике простых людей, наполнявших старый новгородский дом. И кучер Гаврила Олексич с его ненавязчивой заботой и скупыми, но жизненно важными советами. И горничная Ульяша, сирота, воспитывавшаяся в доме с девяти лет, красивая, с косой и огоньками-искорками в весёлом взгляде, всегда старавшаяся сделать что-то приятное для окружающих. Бывало принесёт в комнату гитару, и спросит взглядом дозволения у бабушки, и потихоньку запоёт... Только вот песни чаще были невесёлые, о несчастливой девичьей судьбе — «Ма-тушка моя, что во поле пыльно?»

Ещё подружился Сережа со старым церковным звонарём. Подолгу слушал его неспешные новгородские сказы-былины. Однажды он повёл мальчика по крутым ступеням скрипучей лестницы на самый верх церковной колокольни. Отсюда с головокружительной высоты открывалась завораживающая панорама: по одну сторону синели воды Ильмень-озера, по другую — сквозь густую зелень белели стены Юрьева монастыря, а вот — и знаменитая колокольня Новгородской Софии — Часозвоня, неустанно отзванивавшая дни, недели, века.

Такой — в неоглядных просторах-далях, в синеющих на горизонте сквозь туманную дымку лесах, в величаво несущих свои воды озерах и реках, в строгом достоинстве монастырей и храмов, — такую будущий великий русский композитор принял в своё сердце Родину.

А тогда не мог он взгляда оторвать от старческих рук звонаря Егора, искусно игравшего на больших и малых колоколах. Он преподавал своему юному другу мудрую науку перезвонов: вечевых, набатных, благовестных, полиелейных. Этих впечатлений достанет композитору на всю творческую жизнь. Однако уже тогда из всего многоцветья перезвонов глубже других запали в душу скорбно-величественных «четыре серебряных плачущих тона».

Из колокольных звучностей возникнет первое обратившее на себя внимание творение Рахманинова — его фортепианная Прелюдия до-диез минор. Обозначенная соч. 3. Ни одно из произведений мастера не принесёт ему столь феноменального фантастического успеха во все периоды его жизни, неизменно при каждом исполнении, на всех континентах.

Двадцать шестого сентября 1892 года московская газета «Русские ведомости» поместила объявление:

Софья Александровна Бутакова

**«Электрическая выставка
Сегодня, 26го сентября.**

**Большой ночной праздник и 18-й симфонический концерт
под упр. В. И. Головача, с уч. в 1-й раз пианиста г. Рахманинова.
Светящиеся фонтаны. Катание на электрическом трамвае. Блестящий
фейерверк. Телефонное сообщение с императорским большим театром»**

Через несколько дней музыкальный обозреватель «Русских ведомостей» писал: «Солистом этого вечера был г. Рахманинов, окончивший в нынешнем году московскую консерваторию как пианист и теоретик. С виртуозным блеском исполнена была им первая часть концерта Рубинштейна (ре минор), а в последнем отделении Колыбельная Шопена, вальс из оперы «Фауст» — Гуно в переложении Листа, и на бис прелюдия собственного сочинения. Публика отнеслась к г. Рахманинову очень сочувственно».

Сразу же прелюдия вошла в репертуар отечественных пианистов, особенно любили её играть студенты Московской консерватории.

Европейского слушателя пьеса привела в восторг, когда в одном из концертов в Лондоне её исполнил Александр Ильич Зилоти, двоюродный брат Сергея Рахманинова, выдающийся пианист, ученик Ференца Листа. Профессор Московской консерватории. Это он решил судьбу своего младшего брата, обеспечив ему превосходное музыкальное образование. Это он впервые «озвучил» имя совсем ещё неизвестного композитора, в том числе за рубежом. Когда через два года Рахманинову доведётся концерттировать в Англии, по протекции опять же А. И. Зилоти, его будут встречать овациями как автора покорившей огромную аудиторию Прелюдии.

Произведение это возвестило миру о рождении нового незаурядного дарования русской музыкальной культуры, которому в тот момент было всего 19 лет:

Из золотого яйца,
Чуть разобьются скорлупы,
Солнце выходит в наш мир.

Ей суждена была уникальная судьба. Она сопровождала автора на протяжении всей его жизни. В Америке, где исполнительская деятельность Рахманинова была для него главной (именно она была источником благополучия семьи — жены Натальи Александровны, двух дочерей, Ирины и Татьяны, а также многих его друзей, особенно иммигрантов из России), Прелюдия была неременным номером его выступлений. Сам он давно уж не включал её в программы концертов, но публика, требуя исполнения её, не расходилась, пока не добивалась своего. Порою Рахманинов говорил, что уж не рад, что написал её, и называл «своей неизбежной пьесой».

Слушатели проявляли настойчивое желание узнать, какую же конкретную картину скрывает музыка Прелюдии, и строили невероятные, порой курьёзные предположения: не рисует ли она пожар Москвы 12-го года; или, быть может, «Судный день»; возможно, это просто «Московский вальс»...

За рубежом она была известна уже в различных переложениях. Однажды в Лондоне Рахманинов услышал её в исполнении ресторанного оркестра в джазовой обработке, и к удивлению испуганного менеджера,

вдруг заявил: «Какая превосходная пьеса получилась! Я наслаждался каждой нотой!» А в последние годы жизни (летом 1942) Рахманинова очень развлёк У. Дисней, показавшие ему у себя в студии один из своих ранних фильмов, герой которого Микки Маус... играет эту Прелюдию... «Я никогда не был так взволнован, — шутил Сергей Васильевич, — как при исполнении её великим Мышиным маэстро». Однако, отстранившись от всякого рода занятых моментов, связанных с этим сочинением, мы имеем возможность ориентироваться на вполне реальные сведения. Есть, в частности, объяснения самого Рахманинова, как всегда достаточно лаконичные и элегантные: «Никакая история с прелюдией не связана... Однажды она просто пришла, и я записал её. Прелюдия подступила с такой силой, что я не смог бы отделаться от неё, если бы даже попытался. Она должна была быть — и она стала».

Ещё пресса того времени оставила нам информацию о невероятной популярности произведения. Так, газета «Нью-Йорк Таймс» сообщала: «Если прогуляться летним вечером по жилым кварталам, можно услышать, как из каждого открытого окна звенят устрашающие аккорды рахманиновской прелюдии».

Так что же в ней, в этой Прелюдии? Какою колдовской, магической силой обладают её «устрашающие аккорды»? Почему однажды услышанная, она глубоко западает в душу и никогда уж больше не отпустит от себя?

Вся музыка её рождается из скорбного мотива — трёх колокольных ударов, сурово повелевающих, роковых, что падают в бездну... Удвоенные октавами, усиленные динамикой фортиссимо, они заявляют о себе в начальных тактах как главная мысль произведения, как образ неотвратимого фатума. И что бы ни происходило в других регистрах и голосах фактуры, в богатых обертонами аккордах, которые не только не нарушают, но подтверждают, обогащают колокольный колорит звучания, — мотив из трёх скорбных ударов неизменно повторяется и повторяется в басовом голосе. От него не скрыться, не уйти. Он настигает своей магической неотвратимостью, свою несказанной силой скорби.

Что должен был пережить автор, чтобы создать столь мощную трагическую музыку?

Ещё с далёких детских лет ему недоставало самой обычной родительской нежности и ласки.

Только бабушка... Она-то не смущалась обнять его и приглубить. Он будет помнить тепло родных её рук на своих плечах, слова напутствия и похвалы, а также сотенную ту ассигнацию, которую зашила под подкладку сюртучка, «про чёрный день», с тяжёлым вздохом отправляя любимого внука в мир.

В Москве, в пансионе, куда определил его А. И. Зилоти для получения профессионального образования, он встретил прекрасного педагога Н.С. Зверева, но человека сурового, педантично требовательного, властного, порой жестокого. Воспитывая будущих пианистов-исполнителей (золотых медалистов Московской консерватории, как говорили о нем), он запрещал своему юному ученику тратить время на сочинение музыки. На этой почве происходит страшная ссора, Рахманинов, покинув пансион, остаётся, что называется, на улице. Для него начинается жизнь «в людях», о чем так сокрушалась горячо любившая его бабушка. Он не чувствует себя уютно в семье Сатиных (в доме сестры его отца), болезненно переживая своё зависимое положение, хотя внешне все обстояло благополучно: ему предоставлена отдельная комната в мезонине с роялем; тётушка следит. Чтобы дети не мешали ему заниматься. Его же мучает отсутствие работы и, соответственно, заработка. Он долго не может «вписаться» в атмосферу семьи.

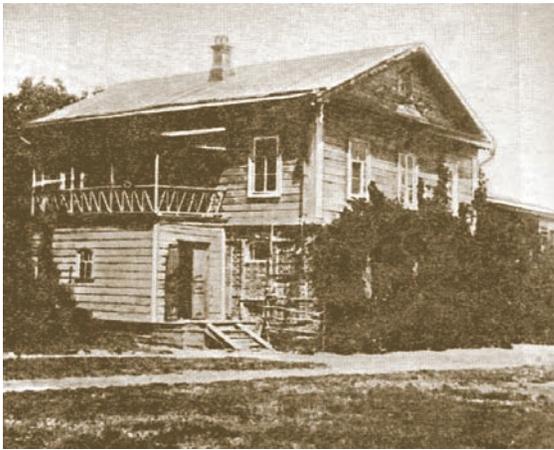
Одинокий, в подбитом ветром стареньком пальто, он попадает вдруг в дом Лодыженских. Анна Александровна не была счастлива в браке, будучи замужем за человеком, каких в России называли непутёвыми. В постоянном его отсутствии, занятого какими-то своими интересами и увлечениями, Анна страдала от одиночества. Женщиной она была незаурядной. Почти красавица, она обладала прекрасным голосом, замечательно пела, особенно цыганские таборные романсы (говорят, была она сродни вольному роду). Два одиноких тоскующих сердца, они бросились друг к другу в объятия, обожжённые пламенем взаимного страстного порыва чувств.

Не желая вести двойную жизнь, скрывая свою увлечённость. Сергей уходит из дома Сатиных, поселяется в меблированных комнатах. Содрогаются сердце. Представляя весь ужас этих убогих номеров самых дешёвых, грязных, наполненных специфическим запахом московских гостиниц.

О, как усиленно сердце больное бьётся,
И просит, и жаждет покоя?
Чем я взволнован, испуган в ночи?
Стукнула дверь, застонав и завоя.
Гаснувшей лампой блеснули лучи...
Боже мой! Дух мой в груди захватило!
Кто-то зовёт меня, шепчет уныло...
Кто-то вошёл...
Моя келья пуста,
Нет никого, это полночь пробило...
О одиночество, о нищета!

В течение полутора лет он пытался согреться «у чужого огня». Она, шестью годами старше Сергея, обладавшая жизненным опытом, понимала бесперспективность их отношений. И однажды, придя как обычно вечером, он не застал её дома. Отчаяние вылилось в музыку страстного романса:

О нет, молю, не уходи!
Вся боль — ничто перед разлукой.
Я слишком счастлив этой мукой,

Флигель в Ивановке, где обычно жила семья Рахманиновых

творческого вдохновения он становился сосредоточенным и задумчивым. Как бы отсутствующим, — писала Л. Д. Ростовцева (до замужества Л. Д. Скалон) в своих воспоминаниях о Рахманинове. — Тогда он сторонился всех. Уходил на любимую «красную» аллею. Можно было издали видеть его высокую фигуру в рус-

ской рубашке-косоворотке. Он шёл, опустив голову, барабанил пальцами по груди и что-то подпевал».

Холмы, ручей в низине, беседки и родник, а там... пролегла дорожка в луга и дальше в поле. Чудесный уголок родной природы позволял композитору побыть наедине с самим собой, сосредоточиться и погрузиться в мир звучаний, рождённых его творческим воображением. Из тишины, из дали, из раздумья возникают мелодии чудесной красоты:

Здесь хорошо...
Взгляни,
вдали огнём горит река;
цветным ковром луга легли,
белеют облака.

Здесь нет людей...
здесь тишина...
здесь только Бог да я,
цветы да старая сосна,
Да ты, мечта моя.

Мечта не замедлила воплотиться в прелестный образ Верочки Скалон, младшей из трёх сестёр в семье генерала Д. Скалон. В свои 15 лет была она изяшна и мила. Она обладала живым умом и прирождённым чувством юмора. И это уживалось с присущей возрасту наивностью, застенчивостью и одновременно отчаянным и безоглядным озорством. Прошёл момент первого неприятия этого высокого («какая каланча») и замкнутого в себе, и чем-то постоянно озабоченного «странствующего» музыканта. А он, и сам того не замечая, украдкой наблюдал за этой девочкой, тоненькой, как камышинка. Ему хотелось почему-то знать, чем живёт и томится эта хрупкая, едва раскрывшаяся душа.

В большой компании молодёжи, где все друг другу приходились двоюродными сёстрами и братьями, они также искренне предавались веселью, разговорам, шуткам, взобравшись на копну соломы, подальше от деревни, в поле. Но постепенно между ними начали возникать маленькие секреты.

С. В. Рахманинов в имении Игнатово с сёстрами Скалон, 1897 год

Они предательски краснели, когда их усаживали рядом за обеденным столом. Они могли одни от всех уехать поздним вечером на дрожках, и голос его, со струями летнего ветерка ласково шептал ей: «Ах, с какой радостью я увёз бы так мою психопатушку (одно из безобидных прозвищ Верочки) на край света». Она же в тёмный сумеречный час на цыпочках подходила к открытому окну его комнаты, протягивала свои ладони, наполненные спелой земляникой...

Его чувство начинало звучать в мелодиях сочинений — в медленной части фортепианного концерта, ещё ярче в музыке посвящённого ей романса:

О, долго буду я в молчаньи ночи тайной
коварный лепет твой, улыбку, взор,
взор случайный,
перстам послушную волос,
волос твоих густую прядь
из мыслей изгонять
и снова призывать;
шептать и поправлять былые выраженья
речей моих с тобой,
исполненных смущенья,
и в опьянении, наперекор уму,
заветным именем будить ночную тьму.

...Не судилось. И счастье, что мгновенье трепетало, словно солнечные блики на крыльях бабочки, унеслось в беспредельную даль.

Это лето в Ивановке останется светлой страницей в их жизни, полной тайных надежд и мечтаний. Их романтическое увлечение станет драмой для Веры Скалон и для Сергея Рахманинова. Родители сами решат её

судьбу, выдав замуж за человека основательного, друга детства Сергея Толбузина. «Она была верной женой и нежной матерью, — вспоминает Ростовцева о Вере, — но забыть и разлюбить Серёжу ей не удалось до самой смерти». Что ж до него, то разрывающее сердце его отчаянье и боль, сомкнувшись с поэтической рифмой И. А. Бунина собрали потрясающую силу выражения в одном из самых трагических его монологов:

Как светла, как нарядна весна!..
Погляди мне в глаза, как бывало,
И скажи, отчего ты грустна.
Отчего ты так ласкова стала?
Но молчишь ты, слова, как цветок...
О молчи! Мне не надо признанья...
Я узнал эту ласку прощанья...
Я опять одинок!

Конечно, время, участие близких помогут затянуться ранам сердца, помогут обрести смирение и покой в любви к немеркнущим и неизменным идеалам. Святой любовью для Рахманинова осталась родина, Россия, тем более желанная, чем дальше отдалялась она для художника, живущего за океаном. Подобно Бунину, Россия видится ему сквозь дымку грусти — «Я понял красоту ее в печали и счастье в печальной красоте».

И в этой дымке живо так трепещут те воспоминания, которыми только и живёт его сердце:

Ночь печальна, как мечты мои...
Далеко, в глухой степи широкой,
огонёк мерцает одинокий...
В сердце много грусти и любви,
Но кому и как расскажешь ты,
что зовёт тебя, чем сердце полно?
Путь далёк, глухая степь безмолвна,
Ночь печальна, как мои мечты.

Ольга Сергеевна Королёва родилась в Коломне. Окончила музыкальное училище и Московский государственный институт культуры. По специальности — дирижёр-хоровик, руководитель академического хора.

Работала в Московском областном Доме народного творчества, музыкальном обществе Московской области, издательстве «Столица», хоровой студии «Костёр».

После смерти мужа — русского писателя Валерия Королёва — занимается изучением и подготовкой к публикации его творческого наследия. Издала книгу повестей «Древлянская революция».

Воспитала двух дочерей. Старшая — Василина Королёва — стала признанным художником; её работы публикуются в каждом номере «Коломенского альманаха».

Член редколлегии православной газеты «Благовестник».

Очерк

НЕИЗВЕСТНЫЙ АЛЯБЬЕВ

Ещё совсем недавно, в 2012 году, мы отмечали 200-летие начала Отечественной войны 1812 года и 225-летие со дня рождения композитора Александра Александровича Алябьева. Эти даты — не случайные для нашего города.

А. А. Алябьев — участник войны 1812 года, друг и соратник Дениса Давыдова, провёл в ссылке в Коломне около полутора лет. Жизнь его полна ярких встреч и событий, творчество ещё только начинает открываться нам, его потомкам.

Сегодня за окном год 2014-й: двести лет назад, в марте 1814 года, войска союзников торжественно вступили в Париж. Спустя несколько дней Наполеон подписал акт отречения от престола и война, длившаяся три года, закончилась.

В те дни Алябьев находился в Париже. В его формуляре особо отмечено, что, будучи «употреблён в самых опаснейших местах, везде отлично исполнял данные поручения». Он с честью выдержал все суровые испытания войны.

Есть творцы (художники, композиторы, поэты), обретающие славу и бессмертие благодаря единственному произведению. Таков Алябьев — автор знаменитого романса «Соловей» на стихи А. Дельвига. Этот романс звучит во всём мире в концертных обработках М. Глинки, А. Дюбюка, Ф. Листа, А. Вьетана, ему посвящают стихи и рассказы, количество его безымянных переложений безгранично, его поют и мастера вокального искусства и неискушённые в вокале дилетанты.

И до сего дня Алябьев остаётся для большинства любителей музыки авто-

Ранние годы

Александр Алябьев родился 15 августа 1787 года в Тобольске, куда отец его, действительный статский советник Александр Васильевич, был назначен правителем наместничества (гражданским губернатором).

В годы пребывания в Тобольске отец будущего композитора проявил себя как талантливый администратор, способствуя развитию торговли и промышленности Западной Сибири. С его именем связано открытие первых в Сибири семи народных училищ, Тобольского театра и «вольной» типографии, издание периодического журнала.

Мать Алябьева, Анна Андреевна, урождённая Новикова, была близкой родственницей известного просветителя Н. И. Новикова.

Пример отца — неутомимого труженика, человека смелых, независимых действий — оказал благотворное влияние на будущего композитора, развил в нём природную энергию и воспитал чувство долга и ответственности. Формированию молодого человека способствовала и музыкальная атмосфера в доме.

В марте 1796 года семья поселилась в Петербурге, Александру исполнилось 14 лет, его зачислили на гражданскую службу по горному ведомству.

Документальных сведений о том, где получил общее образование будущий композитор, не имеется. Скорее всего, он занимался дома, т. к. в приказе о зачислении на службу именуется «недорослем из дворян», а не учеником какого-либо учебного заведения. Сам Алябьев впоследствии скромно указывал, что кроме владения языками: французским и немецким, «географии, истории и математике знает».

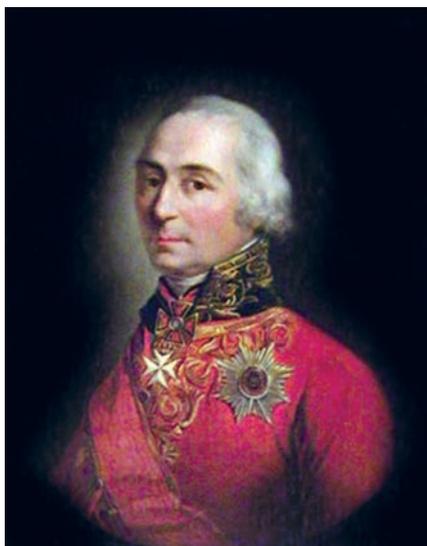
В Петербурге он начинает серьёзно, с учителем, заниматься музыкой. Иоганн Генрих Миллер — всесторонне образованный музыкант, композитор, теоретик — знаток контрапункта, пианист, скрипач и педагог. Из русских музыкантов, учеников Миллера, можно назвать А. Н. Верстовского, М. Ю. Виельгорского, Л. Н. Салтыкова, А. С. Грибоедова.

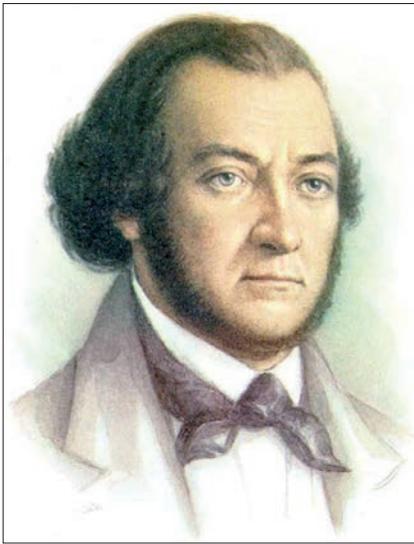
Музыкально-концертная жизнь тогдашней столицы была той атмосферой, в которой развивалось дарование молодого Алябьева, формировались его эстетические вкусы. (Исполнялись оперы Давыдова, Титова, Кавоса, балеты Вальберха, симфонические и ораториальные произведения Гайдна, Моцарта, Керубини, Мегюля, Дюсека, позже — Штейбельта и Фильда.)

12 мая 1804 года А. А. Алябьев переводится в Москву.

В 1810 году, когда Алябьеву исполняется 23 года, он публикует первые музыкальные произведения: французский романс и два фортепианных вальса. А чуть позже — полонез.

Как композитор Алябьев выступил поздно. К 23 годам — по тем временам, зрелому возрасту — он опубликовал всего четыре произведения.

А. А. Алябьев, 1844 г.

Музыка ещё не стала для него главным и любимым делом. Основным в его жизни было другое — события 1812 года.

Война

День 12 июня 1812 года, когда войска Наполеона вторглись в Россию, застаёт Алябьева в Москве в кругу родных. Он оставляет гражданскую службу и вступает в армию.

Во время пожара Москвы Алябьев на Украине. С 15 сентября в составе 3-го Украинского казачьего полка он совершает переход от Белой Церкви к Брест-Литовску и при переправе через реку Буг у местечка Ловчицы получает боевое крещение. Начинается новая жизнь: марши, перестрелки, сражения.

В декабре 1812 года происходит встреча с Денисом Давыдовым, чьи беззаветная храбрость, высокий патриотизм и смелость суждений, горячая любовь к литературе и искусству были близки Алябьеву. Вскоре их отношения перешли в дружбу.

1 января 1813 года Алябьев вместе со своим полком (в составе авангарда корпуса под начальством генерал-адъютанта Винценгероде) начинает поход против корпуса генерала Ренье. Через месяц он принимает участие в крупном сражении у Калиша, в котором русские наносят тяжкое поражение саксонскому корпусу Ренье.

Часть, в которой сражается Алябьев, переводят в тыл, а он остаётся и принимает участие в действиях партизанского отряда Дениса Давыдова. Вместе с отрядом участвует в прославленном взятии Дрездена.

Своими действиями Давыдов вплёл новые лавры в венок воинской славы и в то же время нашёл крупную неприятность: за самовольные действия его хотели отдать под суд. Давыдов пишет о дружбе с Алябьевым: «Алябьев поехал со мною; он не имел команды и потому был свободен; но служба при партии представляла ему случай к отличию и награждениям, езда со мною – одну душевную благодарность мою; он избрал последнее».

В составе действующей армии Алябьев дерётся в прославленном сражении у реки Кацбах в Силезии (и отмечен за участие в захвате в плен неприятельского генерала с двумя батальонами и двумя пушками), в сражении у Лейпцига переходит реку Рейн близ Мангейма и вступает на территорию Франции. После непрерывных боёв 18 марта 1814 года русские войска вступили в Париж.

Война закончена.

После войны

Закончилась боевая жизнь Алябьева. За боевые заслуги он получил два ордена Анны 3-й степени, орден Владимира 4-й и медаль в честь войны 1812 года.

После окончания войны Алябьев ещё несколько лет остаётся на военной службе, которая теперь, в мирное время, всё больше и больше его тяготит. Он начинает думать о выходе в отставку, подобно многим русским офицерам. «Железные кровавые когти Аракчеева сделались уже чувствительны повсюду, — пишет декабрист Владимир Раевский. — Служба стала тяжела и оскорбительна. ... требовалось не службы благородной, а холопской подчинённости. Я вышел в отставку». Оставляют военную службу А. С. Грибоедов, П. Я. Чаадаев, Н. М. Муравьёв и многие другие.

16 октября 1822 года скончался Александр Васильевич Алябьев — отец композитора. Александр Александрович получает возможность просить об отставке, мотивируя это стеснённой материальными средствами. Приказ, напечатанный в издании «Русский инвалид, или Военные ведомости» от 23 ноября 1823 года, гласил: «Отправить в отставку адъютанта корпусного командира 4-го резервного кавалерийского корпуса генерал-адъютанта Бороздина 2-го лейб-гвардии конноегерского полка капитана Алябьева подполковником, с мундиром и пенсионом полного жалования». В тот же день был уволен в отставку и Денис Давыдов.

Алябьев поселяется в Москве, где завязывает много новых знакомств. Это и член декабристского тайного общества А. А. Тучков, и семья Майковых, и В. К. Кюхельбекер, и многие другие. Снова видится с А. А. Бестужевым, А. С. Грибоедовым, Н. А. Римским-Корсаковым, П. А. Вяземским, Д. В. Давыдовым.

В жизни многих выдающихся русских людей той поры, например, А. С. Грибоедова, Д. В. Давыдова, немалое место занимают кутежи, азартные игры. Алябьев также не чужд этому. Он посещает светское общество и участвует в различных развлечениях, достойных толстовского Долохова: играет в карты, ухаживает за женщинами. Впоследствии он шутиливо говорил о себе как о жертве «страсти к игре и страсти любовной...». Но помимо этого он неприменный участник благотворительных концертов — не только как композитор, но и как певец с «необыкновенным вкусом» и «прелестным тенором», по свидетельству современников.

У Алябьева в Москве сильное музыкальное окружение: А. С. Грибоедов, В. Ф. Одоевский, А. Н. Верстовский, братья Виельгорские и Ф. Е. Шольц, что позволяет углубить музыкальные познания и становится второй после И. Г. Миллера солидной музыкальной школой.

К 1825 году Алябьев уже известен в Москве как завоевавший признание композитор. Успехи его в жанре оперы-водевиля, по сути, являвшегося русской комической оперой, заслужили широкое признание. Современники ценили его дарование. Но пока ещё он редкий по талантности дилетант, занимающийся музыкой для своего удовольствия в часы досуга.

Катастрофа

24 февраля 1825 года — роковой для А. А. Алябьева день, круто изменивший всю его жизнь. Ему — герою Отечественной войны и известному

Тобольск. Вид у подножия горы

414 композитору — было предъявлено обвинение в убийстве помещика Времева. Он долго сидел в тюрьме, находился под следствием, а по вынесении приговора был подвергнут гражданской казни, лишён знаков отличия, чинов и дворянства, сослан в Сибирь в Тобольск (где 40 лет назад родился) и предан церковному покаянию.

Надо сказать, что дело о смерти помещика Времева, последовавшей вскоре после пощёчины, данной ему Алябьевым во время карточной игры, было запутанным, и, конечно, на окончательный приговор оказало влияние и время его вынесения (после 14 декабря 1825 года), когда строго наказывались все сколько-нибудь близко знакомые с участниками декабрьского восстания.

Это было тяжким ударом для Алябьева, но не сломило его, что и показали его музыкальные сочинения. Несмотря на проносящуюся над его головой бурю, он только ещё серьёзнее занялся композицией, посвящая всё своё время и силы сочинению романсов, инструментальных, симфонических и оперных произведений, церковных песнопений.

Ссылка

В Тобольске Алябьев написал более тридцати церковных произведений для смешанного трёх- и четырёхголосного хора и хоров для мужского состава, он руководил оркестром, писал музыку, организовал регулярные симфонические концерты, лично обучал музыкантов, выступал в качестве дирижёра и пианиста.

Неоднократно родственники и друзья пытаются добиться пересмотра дела (ведь суд не признал Алябьева убийцей), надеясь на полную реабилитацию несправедливо осуждённого. Однако решение Николая I по этому вопросу резко отрицательное.

*В. А. Перовский, портрет работы
К. Брюллова*

Здоровье композитора ухудшается, ему грозит полная слепота. Теперь хлопотчут уже не о помиловании, а о смягчении условий ссылки. И 27 января 1832 года Алябьев едет на Кавказ.

В творческой деятельности в это время значительное место занимают записи и обработка народных песен: кавказских, украинских, русских. Итогом вокального творчества явился крупный сборник песен и романсов под заглавием «Кавказский певец». Здесь же написан и концерт для смешанного хора на текст 30-го псалма.

Опять хлопоты родных и резолюция царя: отправить Алябьева на жительство в Оренбург. Безрадостный пейзаж и безотрадный климат встречают его, но он продолжает свои занятия композицией.

И тут в судьбу ссыльного вмешивается Василий Алексеевич Перовский — оренбургский генерал-губернатор, участник войны 1812 года, раненый в Бородинском сражении, друг Вяземского и Жуковского, близко знакомый с Пушкиным. Он лично подаёт Николаю I ходатайство о разрешении Алябьеву проживать у родственников в Московской губернии. Разрешение получено: «дозволить жить у родных с запрещением въезда в обе столицы», конечно, под надзором полиции.

В апреле 1835 года Алябьев приезжает к младшей сестре в село Рязанцы Богородского уезда. На время выезжает оттуда в Воронеж, Тульскую губернию, Оренбург, Одессу, в село Пущино Серпуховского уезда. Тем временем Перовский продолжает свои хлопоты и получает предписание о производстве Алябьева в коллежские регистраторы с зачислением в свою канцелярию. Наконец, композитор получает гражданские права и возможность задержаться в Московской губернии и Москве.

В дружеской среде близких Алябьеву музыкантов-профессионалов, артистов, любителей музыки в напряжённой творческой работе проходила в эти годы жизнь композитора.

13 августа 1840 года в селе Рязанцы происходит бракосочетание Алябьева с вдовой Екатериной Александровной Офросимовой, урождённой Римской-Корсаковой, горячее чувство к которой он пронёс через долгие годы и которой посвящено множество произведений.

Этот период жизни Алябьева творчески насыщен, в основном работой над театральной музыкой.

Коломна

В апреле 1842 года, узнав, что в течение нескольких лет под покровительством Перовского Алябьев нарушал строжайший запрет на прожива-

ние в Москве, разгневанный Николай I приказал: «выслать на жительство в Коломну, уволив от службы».

В первый год в городе свирепствовала эпидемия холеры, от которой погибло множество жителей. Поэтому композитор вёл затворническую жизнь. Нам неизвестно, на какой улице и в каком доме он жил. Доподлинно знаем, что 31 октября 1842 года крестил в Успенском соборе Николая — сына канцеляриста Михаила Николаевича Лаврова и его жены Екатерины Сергеевны. Восприемниками были «коломенский помещик Александр Александрович Алябьев и коломенская дворянка девица Варвара Васильевна Иванова». А первого апреля 1843 года в церкви Николы Гостинного в кремле был крещён Иосиф, сын коломенского уездного доктора, коллежского советника и кавалера Фёдора Егоровича Сабина и жены его Любви Николаевны. Восприемниками были подполковник Степан Кондратьевич Канищев и «чиновница дворян» Екатерина Александровна Алябьева.

По архивным документам восстановлен возможный круг общения Алябьева в Коломне. Из наиболее известных коломенцев он мог встречаться с титулярным советником Иваном Ивановичем Мещаниновым и «почётным гражданином Савином Дементьевичем Шераповым, храмосоздателем и благотворителем неимущих», как отзывался о нём литератор Н.Д. Иванчин-Писарев, выпустивший в 1843 году книгу «Прогулка по древнему Коломенскому уезду».

Сам Иванчин-Писарев тоже вполне мог навещать Алябьева, т. к. имел к нему родственное отношение: его тётка Елизавета Петровна была женой Петра Андреевича Новикова — дяди композитора. Кроме того, Алябьев написал музыку к двум стихотворениям Николая Дмитриевича.

Новиковы тесно связаны с Коломенским уездом. Родовая вотчина матери Алябьева — село Юрасово. В 1843 году троюродному брату Алябьева литератору Петру Александровичу принадлежало село Непецино; двоюродному брату Николаю Петровичу — Тарбушево, Обухово; Алешково, Речицы, Хахалево — зятю И. А. Новикова Петру Артамоновичу Кожину; Мощаницы — двоюродной сестре Авдотье Ивановне Новиковой.

В Коломне Алябьевых могли навещать их родственники Соймоновы, Сорокины и другие, а также знакомые. Установлено, что в Коломну к Алябьевым неоднократно приезжал их зять капитан артиллерийской бригады Сорокин. Он был в начале июня, конце июля 1842 года и в конце февраля 1843 года.

Муж сестры композитора отставной подполковник В. М. Исленьев был в Коломне на Новый, 1843 год и с 11 по 18 марта 1843 года.

По дороге в своё имение Непецино мог заезжать и статский советник П. А. Новиков: так, 26 июля 1842 года он вернулся в Москву из Коломны, а около 15 июня 1843 года — выехал в Коломну.

Один из братьев Виельгорских также мог по дороге в своё имение навещать опальных. «Действительный статский советник граф Виельгорский» отправился в Коломну 19 июля 1842 года.

Алябьев завершает некоторые ранее начатые произведения (оперу «Рыбак и русалка», отдельные номера оперы «Волшебная ночь») и все силы посвящает работе над оперой «Аммалат-бек» по повести А. А. Бестужева-Марлинского. Он пишет несколько превосходных романсов

(«Черкесскую песнь» на слова М. Ю. Лермонтова, «Кабак» на слова Н. П. Огарёва, «Почтальон» на слова Е. Н. Грёбенки).

Не оставляет сочинений для церковных хоров. Точно известна дата одного из них — «Отче наш» — для смешанного четырёхголосного хора: «1842 года 30 сентября, г. Коломна».

Здесь же он получает от известного петербургского нотоиздателя М. И. Бернарда письмо и пять экземпляров фортепианной транскрипции своего романа «Соловей», сделанной Ференцем Листом.

В ответном послании Алябьев пишет: «Я горжусь тем, что мой романс заинтересовал такого знаменитого автора, как г-н Лист: музыка этой транскрипции восхитительна». И далее: «Коломна, 1842 г., 20 августа».

Ещё в 1833 году на тему «Соловья» написал свои прекрасные фортепианные вариации Михаил Иванович Глинка, а незадолго до своей смерти в 1856 году он инструментовал сопровождение «Соловья» для оркестра.

6 апреля 1843 года Екатерина Александровна подала прошение князю Д. В. Голицыну о восстановлении её мужа на службе и разрешении ему жить в Москве. В июне дозволение, наконец, получено. Пятого июля в Коломенском городническом правлении Алябьев сдал подписку городничему Зенгбушу в том, что ему «о Высочайшем соизволении разрешения ... жительства в Москве, коломенским господином городничем ... объявлено».

На этом коломенская ссылка закончилась, и 17 июля 1843 года Алябьев прибыл в Москву и остановился в доме своей жены на Новинском бульваре.

Последние годы

Неся клеймо «убийцы», Алябьев живёт замкнуто, старается не показываться на публике. Он как будто смирился со своей участью. Здоровье его ухудшается, жена также хворает, денег всегда недостаёт.

По-прежнему главное место в жизни занимает музыка. Он часто выезжает в Клинский уезд, где находится сельцо Василёво, принадлежащее его жене.

К этому периоду относится сближение Алябьева с А. И. Дюбюком (известным пианистом, педагогом, композитором), дружеское общение с А. С. Даргомыжским, Н. П. Огарёвым. Он принимает участие в «Русских концертах» петербургского «Общества поощрения бедных в музыкальном отношении».

Особенно творчески насыщенным стал 1850 год. Алябьев вновь обращается к оркестровой музыке и пишет Большую симфонию, польку В-диг, а ещё 13 светских хоров без сопровождения.

А. А. Алябьев умер 22 февраля (6 марта) 1851 года у себя дома в Подновинском и был похоронен в Симоновом монастыре в фамильном склепе, рядом с могилой отца. После смерти мужа Екатерина Александровна часто посещала монастырь, заказывала панихиды. В 1853 году её попечением была возобновлена церковь у северной ограды, освящённая во имя преподобного Александра Свирского чудотворца. До самой её смерти в 1854 году здесь ежедневно служились молебны, а позже, вероятно, исполняя волю покойной, ежедневные службы заказывала её воспитанница Л. В. Сорокина.

Новинский бульвар (ул. Чайковского) в этом доме прошли последние годы А. А. Алябьева

В 1930 году был уничтожен весь ансамбль Симонова монастыря. Захоронение Алябьева и всех его родственников исчезло вместе с ним. Дом на Новинском бульваре, где последние годы жил композитор (уникальный памятник архитектуры, переживший пожар Москвы 1812 года), сгорел в ночь с 28 на 29 апреля 1997 года.

21 февраля 2009 года в районе разрушенного Симонова монастыря у восстановленного храма Рождества Пресвятой Богородицы был установлен и освящён памятный знак А. А. Алябьеву с капсулой земли города Тобольска. В этом памятном событии участвовали подразделения войск, президентского полка и президентского оркестра, представители культурной общественности (в том числе городов Тобольска, Тюмени, Пересвета, Пущина), Государственной Думы, Московской государственной консерватории имени П. И. Чайковского, Российской академии музыки имени Гнесиных.

На сегодня единственный в России памятник Алябьеву установлен в селе Рязанцы Щёлковского района Московской области, единственный в России музей «Дом А. А. Алябьева» — в городе Пятигорске.

В Коломне имя А. А. Алябьева носит музыкальная школа № 2 и переулок рядом со школой.

Литература

Штейнпресс Б. С. А. А. Алябьев в изгнании. — М.: Гос. муз. изд-во, 1959.

Доброхотов Б. В. Александр Алябьев. Творческий путь. — М.: Изд-во «Музыка», 1966.

Трайнин В. Я. Александр Александрович Алябьев. — Краткий очерк жизни и творчества. Л.: Изд-во «Музыка», 1969.

Асафьев Б. В. Русская музыка. XIX и начало XX века. — Л.: Изд-во «Музыка», 1979.

«История русской музыки». Т. 5. М., 1988.

Музыкальный энциклопедический словарь. Гл. ред. Келдыш Г. В. — М.: «Советская энциклопедия», 1991.

Мусский С. А. Самые знаменитые композиторы России. — М.: «Вече», 2003.

Открытая информация сети интернет

Ирина Глебовна Гришанович (в девичестве Ширяева) родилась в городе Коломне. Учёба в детско-хоровой студии «Костёр» (теперь — хоровая школа им. А. В. Свешникова) определила выбор музыкальной профессии. Окончила фортепианный и теоретический отделы 1-го Московского областного музыкального училища, дирижёрско-хоровой отдел Московского государственного университета культуры. Руководитель курса — Ю. М. Уланов (ученик А. В. Свешникова). Работала ведущей-музыковедом в камерном оркестре «Трубадур и менестрели» под руководством П. П. Кедрова. Публиковалась в городских газетах «Коломенская правда», «Ять».

В настоящее время — преподаватель фортепиано, музыкально-эстетического курса, истории искусства в частной школе Москвы.

Очерк

Ирина Гришанович

К БЕРЕГАМ ДЕТСТВА

50-летию детской хоровой студии
«КОСТЁР»
посвящается

... А что вы такое? ... вы всегда заставляли себя в наружном, деятельном проявлении, в делах ваших рук, ... в других. ... Человек в других людях и есть душа человека. Вот что вы есть, вот чем дышало, питалось, упивалось всю жизнь ваше сознание. ... В других вы были, в других и останетесь. И какая вам разница, что потом это будет называться памятью. Это будете вы, вошедшая в состав будущего.

Б. Пастернак. «Доктор Живаго».

Помню, прочла у Марселя Пруста, что память похожа на фотоплёнку, которая может проявиться в любой миг: от соприкосновения с человеком, фотографией, предметом, звуком, запахом. И тогда давно забытое с необыкновенной силой оживает, пробуждая в сознании новые и новые образы былого.

Кто мог подумать, что однажды окажусь на далёком зелёном шестом континенте, и волна воспоминаний о счастливом музыкальном детстве достигнет именно здесь?

2 января 2010 года. Комфортабельный двухэтажный аэробус за какие-то 18 часов полёта переносит за 18 000 км из морозной московской зимы в пекло австралийского лета. С подругой Ольгой Гороховой получаем багаж в аэропорту Мельбурна и двигаемся к зоне выхода. Волнение захлёстывает, сердце бьётся в повышенном ритме-пульсе: сейчас случится, произойдёт, снизойдёт встреча с близким человеком, которого не видела

420 Г. А. Максимова и концертный хор после отчётного концерта. Май 1978 г.

более 15 лет. Встреча с Учителем, наставником, взявшим под свою опеку с малых лет.

Быстро, как ускоренные кадры фильма, перед глазами мелькают картины прошедших лет: город Коломна, Дворец культуры имени Ленина, детская хоровая студия «Костёр», я — маленькая семилетняя девочка, которую папа привёл на прослушивание, первый выход на сцену как пианистки, мечта петь в концертном хоре Галины Андреевны Максимовой...

Стоп! Ощущаю на себе пристальный, пронзительный взгляд знакомых тёмно-карих глаз и замедляю шаг: «Бог мой! Галина Михайловна, дорогая, родная! Наконец, через годы — здравствуйте!»

Не удерживаемся, плачем, не разнимая рук...

Такси мчится по спящему городу, вдоль океанского побережья и останавливается на одной из центральных улиц — City Ingles, ведущей к порту, около красивого двухэтажного дома. «Мои окна — над подъездом. Идёмте».

Но я не могу сделать и шага. В полном ступоре от смятения чувств стою минут двадцать, пока не нахожу силы преодолеть Рубикон. Я — в квартире, которую хорошо знаю из писем, устных рассказов, но волнение не проходит. Когда накрывает эмоциональное цунами такой силы, сложно всё, даже переступить порог австралийского дома двух нежно любимых учителей — двух Галин, с которыми жизнь связана с юных лет.

Первое, что бросается в глаза, — горящая лампадка, рядом — фотография, с которой смотрит улыбающееся лицо Галины Андреевны. В наступившем молчании слышу: «После смерти Галины — первые гости из России... Кажется, не ты приехала, а она вернулась. Ведь ты — последняя, кто видел

*Г. М. Липкина у подъезда своей
квартиры в Мельбурне. 2010 г.*

её живую тогда, в Петербурге, в декабре 2006-го. От этой болезни никто не излечивается».

Отныне каждое мгновение в разговорах с нами незримо присутствует Г. А.

Всю жизнь работая с детьми, постоянно задаю себе вопрос: где те опорные точки, сигнальные маячки в жизни ребёнка, которые определяют движение и развитие его души, интеллекта и ведут к формированию личности? Конечно, они в семье, образовании, социальной среде. Но яркой вспышкой должна быть встреча с сильной, неординарной, харизматичной личностью, способной вовлечь в магнетическую ауру.

Мне повезло. Как и многим, учившимся в коломенской хоровой студии «Костёр». Судьба подарила встречу сразу с двумя потрясающими людьми.

Обе — Галины, обе посвятили жизнь служению людям, искусству. Даже в биографии есть параллели: после революции их семьи были раскулачены и сосланы: одна — из Белоруссии на Украину, другая — из Саратова за сотый километр от столицы, на станцию Цемгигант Рязанской железной дороги.

Судьба привела будущих педагогов в небольшой подмосковный город Коломну, который стал им родным почти на полвека. Галина Михайловна Липкина — бывший директор Дворца культуры им. Ленина. Галина Андреевна Максимова — художественный руководитель и главный дирижёр студии «Костёр». Одна занималась организационными вопросами, другая — только творчеством, только музыкой.

...Несмотря на свои почти девяносто, Галина Михайловна прекрасно выглядит, лишь лицо избородили глубокие морщины и немного тяжелее стала поступь. На помощь приходит изящная трость и... красавец скутер с электроподзарядом и ярким развевающимся австралийским флагом: «Могу к побережью отправиться подышать или в супермаркет заехать, в салон трамвая. Здесь всё для этого приспособлено. Мой «конь» развивает скорость 50 км/ч, это вам не шутки!»

Скутер стоит прямо в квартире. Ему выделена отдельная комната.

Галина Михайловна садится на скутер и вдруг запекает: «Ехал на ярмарку ухарь купец!»

А потом, без паузы: «Ямщик, не гони лошадей...»

Она вообще любит пересыпать речь поговорками, куплетами, строчками стихов.

Какое счастье, что она по-прежнему оптимистична и энергична, с отменным чувством юмора! Даже ходит в тир и выбивает 48 очков из 50-ти (с детства занималась стрельбой и дзюдо).

С ней часами можно говорить обо всём на свете. Искусство и политика — её конёк, хотя любит повторять: «Нет жижее грязи, чем политика. В душе — вечная боль за Россию».

Живёт и ведёт хозяйство одна. По русской традиции очень хлебосольна, любит приготовить что-нибудь вкусное для многочисленных гостей. Фирменные блюда — борщ по-украински и цыплёнок табака.

День строго упорядочен: ранний подъём, новости ВВС и НТВ, единственного российского телеканала, транслируемого в Австралии, прогулка (если термометр не зашкаливает за 30 градусов) и бесконечное чтение газет, журналов, книг с обязательными пометками в особой тетради. «Согласна с учёными, утверждающими, что чтение спасает от слабоумия. Надо постоянно тренировать память. Вот я — стихи учу, иду или еду пассажиром — числа в номерах машин складываю, вдруг «очко» выйдет? Могу повторить номера всех обогнавших машин».

Немного отдохнули от долгой дороги. Насладившись прекрасным завтраком, маслянистыми авокадо, сочными и ароматными манго (в России таких не бывает), тончайшим вкусом белого вина, садимся к журнальному столику, где уже приготовлены фотоальбомы, открытки, газетные статьи, дипломы, награды хора — словом, весь архив, летопись коломенской жизни. В нашем с Ольгой арсенале — воспоминания детских лет и мои интервью с учениками «Костра» и музыкантами, знавшими Галину Андреевну и Галину Михайловну.

Конечно же, разговор сразу заходит о Г. А.

«Она — в бабушку Татьяну, певунью и рассказчицу, — начинает свой рассказ Г. М. — Такая же женственная, изящная, весёлая, энергичная. От неё и любовь к народным сказкам, песням. Родители баловали Галку необычайно, одевали, как куколку. Папа у неё заведовал районным складом.

Она рано повзрослела. В 14 лет поступила в Коломенское музыкальное училище на дирижёрско-хоровое отделение (училище тогда делало лишь второй набор, школьников принимали после 7-го класса). В 16 лет, на третьем курсе, уже начала работать в студии дирижёром среднего хора, а получив диплом — старшего, концертного, стала художественным руководителем студии. Чтобы казаться солиднее — ученики были младше неё лишь на два-три года, — собирала волосы в пучок».

Нам с Ольгой интересно, с чего начиналась наша alma-mater. Галина Михайловна открывает толстую тетрадь, испещрённую убористым каллиграфическим почерком, надевает роговые очки и, обращаясь ко мне, неспешно произносит: «Я, наконец, написала то, о чём ты меня давно просишь».

Смотрит пристально, будто ожидает чего-то. Наверное, моей бурной радостной реакции, что незамедлительно и получает: «Читайте скорее, не томите!»

Г. М.:

«Шёл 1962 год. Однажды в мой кабинет клуба им. Ленина при Коломенском заводе тяжёлого станкостроения пришли два молодых человека:

Концертный хор на сцене Большого зала Московской консерватории. 1979 г.

В. Чевела (педагог музыкального училища¹) и его студент Малышевский. Они предложили организовать студию, чтобы учить детей музыке. Главным предметом должен был стать хор.

Предложение поступило тогда, когда у руководства такой план давно созрел. Идея организации детского хорового коллектива витала в воздухе, её обсуждали в детском секторе завода (взрослые хоровые коллективы существовали: «Рабочая капелла» и «Академический хор», руководитель С. Чекарева — И. Г.).

Первооткрывателем детских хоровых студий в Подмоскowie был Г. Струве с его «Пионерией». Потом возник «Полёт» И. Ионовой в Дубне и наш «Костёр» в Коломне².

Я добавляю: «Знаете, сколько у меня было радости, когда, просматривая подборку газеты «Коломенская правда» за 1963 год, среди строгих советских заголовков-лозунгов: «Семилетку — в четыре года!», «За наше счастье, за коммунизм», «Ленин. СССР. Мир», «Воинствующий атеизм» — нашла крохотную заметку: «Правление клуба имени Ленина Коломенского завода тяжёлого станкостроения объявляет набор в детскую хоровую студию. В программе обучения: сольфеджио, теория музыки, обучение игре на фортепиано, музыкальная литература, хор. Приём заявлений производится с 5 по 20 сентября. Начало занятий — с 1 октября».

¹ Ныне 1-й Московский областной музыкальный колледж.

² Основной целью студийного движения было не профессиональное образование детей, направляющее их в будущем по музыкальной стезе, а общее эстетическое (музыкальное), ставящее задачей привить любовь к прекрасному. На деле оказалось, что выпускники студий не только полюбили музыку — многие избрали её делом своей жизни, получив профессию музыканта.

Г. М. продолжает:

«И потянулись дети с родителями в клуб, в ДХС «Костёр». Много было волнений. Первый набор 1963 года составил 62 ученика, оплата — 12 рублей в месяц (средняя заработная плата в Коломне была тогда 110–130 рублей — И. Г.). Купили ноты, хоровые партитуры, пианино, рояли, баяны. Особенной заботой было создание хорового класса. Необычайно сложно было установить фундаментальные трёхъярусные станки на 70 человек.

Правила поведения для учащихся установили строгие. Но это являлось важнейшим условием, при котором прекращалась разболтанность и торжествовала дисциплина.

Костровцы были воспитательны: внешний вид, общая собранность, внимательность к каждому жесту дирижёра, а главное — мысли и радостно сияющие глаза!

Сразу установили высокую творческую планку. Уже в мае старший и средний хоры выступили на сцене Московской консерватории».

Какой прекрасный, сильный педагогический коллектив сформировался из выпускников и преподавателей Коломенского музыкального училища, педагогов, приглашённых из Москвы! Молодые энтузиасты получили возможность реализовать свои первые творческие планы, обрести бесценный опыт работы с детьми, равняясь при этом на преподавателей «высшего звена». Яркие, интересные личности, прекрасные исполнители, они были влюблены в свою профессию, работали с колоссальной отдачей. В их сердцах и глазах пылал огонь любви к музыке, который они передавали как эстафету ученикам, вовлекая их в чудесное путешествие в мир Прекрасного.

Руководители студии взяли за правило — принимать всех желающих: музыкальный слух есть у каждого ребёнка, его надо только умело развить!

Выпускники тех лет благодарны своим наставникам: С. Фролову, Ю. Амитону, М. Пархомовскому, А. Исенко, Е. Петрожицкой, Н. Харитоновой, Е. Латыш, В. Воскресенскому, Г. Гуськовой, А. Черкасову и многим другим.

Светлана Милецкая (Кравченко), выпускница Саратовской консерватории, преподаватель 1-го Московского областного музыкального колледжа:

«С самого детства я мечтала играть на фортепиано. В 60-е годы иметь дома чёрный, огромный, блестящий инструмент считалось большой роскошью. Прошёл слух, что в клубе имени Ленина, как раз напротив нашей «сталинки», начинает работать детская хоровая студия «Костёр». Стала уговаривать отца записать меня «на фортепиано». Затея вызвала у него сомнения — все песни я пела на один мотив. Но мы всё-таки пошли на экзамен. Исполнила хит того времени — «Солнечный круг», и меня приняли, правда, кандидатом. Галина Андреевна, экзаменатор, объяснила сомневающемуся родителю, что слух и голос у детей развиваются, и всё будет хорошо. Так начался мой длинный музыкальный путь. Немаловажную роль на этом пути сыграла Галина Андреевна Максимова — моя первая настоящая учительница музыки, которой я восхищалась и которую обожала всем сердцем. Взгляд ребёнка — непосредственный и пытливый — «сфотографировал» навсегда милый и дорогой образ: туго забранные в модный пучок светлые волосы, высокие

скулы, улыбающиеся серые глаза, изящные руки с миндалевидными ногтями. И ещё — голос, тембр которого я почему-то сравнивала с карамелью. Мы пытались подражать ей во всём. Я изводила тетрадь за тетрадь, пытаюсь научиться писать, как она. И сейчас, при желании, могу воспроизвести её подпись. А скрипичный ключ до сих пор рисую по-максимовски».

Первый конкурс, в котором участвовал концертный хор, проходил в институте им. Гнесиных в Москве. Организатор — Московское областное музыкальное общество. На прослушивание приехала А. Г. Кондратьева, его председатель.

«Везде Чичков, Шаинский, народная музыка — и только, — спустя годы вспоминала Алевтина Георгиевна. — Ведь тогда существовал партийный «соцзаказ» на репертуар. А Галина Андреевна показала разные направления: русскую, западно-европейскую музыку с сопровождением, пение а сарелла. Смелая она была в выборе репертуара! Поэтому создавалось впечатление, что «Костёр» — зрелый исполнитель. Я потом спросила, что она окончила. Галина Андреевна ответила: «Училище, теперь заочно учусь в консерватории»».

На «Костёр» обратили внимание, начали продвигать, приглашать на конкурсы и концерты. Каждый год мы участвовали в хоровых абонеменах «Поёт юность Подмосковья», проходящих в Концертном зале им. Чайковского в Москве. В одном концерте пели два коллектива по одному отделению. Приезжали хористы не только из московского региона, но и из Латвии, Литвы, Эстонии и других республик СССР. Апофеозом действия был финал каждого концерта — сводный хор. Многосотенная детская аудитория вставала и вместе с хором на сцене пела общие сводные песни, впечатляя грандиозной мощностью звучания! Дирижировал обычно Георгий Струве — московский композитор, хормейстер, дирижёр. Эти выступления были колоссальным опытом для нас, юных хористов.

«Костёр» был частым гостем и на радио в рубрике «Детское хоровое искусство Подмосковья», которую вело Хоровое общество: рассказывали о руководителе, творческой жизни коллектива.

Вспоминаем с Ольгой запись на телевидении в Останкино для передачи «От всей души» Валентины Леонтьевой. Вместе с Львом Лещенко мы исполнили песню «И вновь продолжается бой!». Павильон был хорошо знаком по телеэкрану. Здесь снимали новогодние «Голубые огоньки», «Песню года», которые каждый из нас смотрел всей семьёй. Оказаться на этой площадке, среди «звёзд» советской эстрады, было сродни несбыточной мечте. Однако она стала реальностью.

Впервые близко увидели приму советской эстрады А. Пугачёву. За несколько номеров до нас вместе с группой «Весёлые ребята» она пела «За рекою в непогоде вишня расцвела». Евгений Мартынов исполнял «Лебединую верность». Евгений Петросян читал юмористические миниатюры. Как всё было ново и завораживающе интересно: длинные коридоры с многочисленными комнатами, яркие софиты, телекамеры, бурлящая жизнь закулисья!

Галина Михайловна, как обычно, даёт нам высказаться, выдерживает «мхатовскую» паузу и спрашивает: «Знаете, как вы в Останкино попали? В Коломну часто приезжала Кира Веньевна Чен, директор программы

Композитор Г. Струве в гостях у «Костра». 1979 г.

426

ИРИНА ГРИШАНОВИЧ

«Весёлые нотки» Центрального телевидения. Записывала выступления, делала телерепортажи. Коломенский хор довольно часто появлялся на всесоюзном экране. Она вас и пригласила».

Поправляет роговую оправу, вздыхает, берёт несколько гастрольных фотографий, внимательно рассматривает, вглядывается в лица, узнаёт, называет имена, улыбается: «Это ж Ольга Позднякова, Яна Гаврюшина — ну и хохотушки были! А это Марина Кудрявцева и Оксана Посакарина — маленькие какие, а теперь сами педагогами в хоровой школе работают, руководят! Ира Самедова... Галке нравился её голос».

Галина Андреевна по-прежнему незримо присутствует с нами. Мы будто слышим её голос: «Гастроли — это итог большой творческой работы коллектива, напряжённый график выступлений, усталость — но и чувство удовлетворения. Поездки помогали детям ещё больше сдружиться, поверить в свои силы, безграничность мастерства, почувствовать, что любимое ими хоровое пение нужно слушателям. Гастроли — необходимы. Это уникальная возможность для самовыражения певцов и дирижёра, путь к общению и сплочённости в достижении единой цели — дарить красоту хорового искусства людям».

Мы обожали гастроли! Сама идея ехать вместе в автобусе или на поезде манила новизной и загадочностью.

Во времена «железного занавеса» о поездках за границу не шло и речи. Тогда, что скрывать, многие семьи не имели средств путешествовать даже по России, и некоторые студийцы дальше Москвы никуда не выезжали. Поэтому, когда в сентябре 1979 года на одной из воскресных репетиций Галина Андреевна таинственным голосом сообщила о возможности от-

правиться в Ростов-на-Дону и Новочеркасск, в классе начался такой радостный, безудержный шум и гам, что нас долго не могли успокоить!

Вопросов было много. Всех ли возьмут? В каких костюмах поедem: старых чёрных или новых красных? Где будем жить, что петь? Надо ли сдавать партии? Что с собой брать? И т. д.

«Костёр» отправился в поездку в количестве семидесяти человек. За пять дней дал десять концертов! С хором выступал лауреат всесоюзных и всероссийских конкурсов секретарь Союза композиторов РСФСР Владислав Агафонников. Нам выпала честь быть первыми исполнителями его сюиты «Наш Гайдар». Композитора связывали с «Костром» долгие годы сотрудничества. Хор исполнял его кантаты «Московский Гаврош» и «Баллада об убитой скрипке» (соло на скрипке — Т. Кучабская, Н. Хить).

Галина Михайловна достаёт программки гастрольных концертов, пытается разложить по хронологии лет. Программок так много, что на столе не хватает места: «Ставрополь и Невинномысск — сюда вы поехали уже с высоким званием «Образцовый хоровой коллектив». В этом же, 1980-м, году ещё одна творческая победа. Помните?»

Конечно, мы помним. Это был важнейший в жизни студии концерт на соискание премии Ленинского комсомола Подмосковья, который состоялся 17 февраля. Зал ДК им. Ленина был не просто переполнен — зрители стояли в проходах, сидели на ступеньках, невзирая на инструкцию о пожарной безопасности. Коломна такого ещё не видывала!

Казалось, мы в одном из павильонов Останкино, ведь концерт вели всем знакомые дикторы Центрального телевидения Ангелина Вовк и Валерий Ковеленов. Море цветов, несмотря на февральскую стужу, радостные лица зрителей. Зал замирал в тишине пауз, с вниманием слушал каждое произведение и взрывался шквалом аплодисментов после того, как затихали последние звуки хора или фортепиано.

Напряжение у хористов зашкаливало, колени дрожали от страха, мы боялись спеть плохо. В зале — представительная комиссия из Москвы. Желание одно — напрячь все силы, собраться и выступить лучше обычного. Поэтому на сцене мы видели только Галину Андреевну, её вдохновенные глаза, которые наполняли нас верой в себя. Мы улавливали каждый жест дирижёра, выражение лица, дыхание. Музыка объединила нас в единое целое. До конца не верилось, что мы победили!

И снова гастроли. Казань, Орджоникидзе, Домбай, Ленинград, Рязань... «Как вы пели! Как вас принимали!» — то и дело восклицает Галина Михайловна.

Мы любимо разучивать новые произведения. Всегда особенным был первый показ-исполнение. Дирижёр или концертмейстер играли партию. Галина Андреевна рассказывала о музыке, её авторе, истории создания, стиле. Часто показывала живопись той эпохи, читала стихи, прозу. Класс замирал зачарованный! В детскую душу врываются новые имена и понятия: Моцарт и Сальери, Паганини, живопись передвижников, сонеты Петрарки, полифония, туше, ауф такт, basso ostinato, кода. Значения многих слов порой не понимали, воспринимали как тайну, которую нужно обязательно разгадать: через самообразование, чтение, прослушивание пластинок, общение.

С замиранием сердца внимали музыке, которая лилась из-под пальцев аккомпаниаторов: пианистов Н. Шкуренко, Е. Петрожицкой, Е. Мацютиной, В. Матвеева, Л. Шапиро, Г. Гуськовой, М. Андреевой, Л. Лебедевой.

«Неаполитанская песенка» Чайковского, «Амурские волны» Кюсса, «Музыкальный момент» и «Серенада» Шуберта, «Терцет» Баха, «Весенние воды» Рахманинова, «Аве Мария» Баха-Гуно... Впервые я услышала их на репетициях хора и однажды осознала, что классическая музыка мне очень нравится. Она оглушала красотой и мелодичностью, стройным звучанием гармоний, рождала непривычную для ребёнка созерцательную вдумчивость. Наверное, это было пробуждением души из сна детства.

В начале перестройки 1990-х годов начали восстанавливать и открывать храмы, заброшенные и полуразрушенные за годы Советской власти. Тогда в программе наших концертов стали появляться ранее запрещённые произведения русской духовной музыки.

«Русская хоровая музыка не столь грандиозна, как западно-европейская, т. к. исполняется без инструментального сопровождения, — говорила Галина Андреевна. — Но она несёт в себе такую человеческую философию и духовность, что способна при настоящем исполнении очистить душу и привести к полному катарсису. Вот это мне очень близко».

И в концертах зазвучали «Отче наш», «Да исправится молитва моя» Бортнянского, «Крест-хранитель» Архангельского, «Покаяния отверзи двери» Чеснокова и др.

Н. Кочеткова, заслуженный работник культуры России, преподаватель 1-го Московского областного музыкального колледжа:

«Неоднократно бывала на выступлениях студийного хора в шикарном зале тогда только что построенного Дворца культуры им. Ленина. Невозможно было не восторгаться и режиссурой, и радостной торжественностью атмосферы, и красочным оформлением сцены, и исполнением! А также чёткими и красивыми жестами дирижёра, которым так чутко, так послушно подчинялись четыре партии певцов и концертмейстер, изящным, словно выточенным ювелиром, силуэтом на авансцене. Когда хор давал концерты в зале музыкального училища, как же организаторы заботились о детях! В одной из аудиторий обязательно раскидывали «скатерть-самобранку», всегда были наготове бутерброды, фрукты, горячий чай в термосах. Вспоминаю о концерте, знаменательном в большей степени для меня. Исполнялись произведения духовного жанра. В том, что этот пласт хоровой культуры не оставался за гранью художественных интересов дирижёра, секрета не было. Звучали не претендующие на эффектность, зато так чудно проникающие в сердце родные православные песнопения. А потом руководитель посвятила в процесс работы с детским коллективом, рассказав, в частности, о беседах, где обсуждается глубинный смысл текстов. Рассказывала эмоционально, образно, и становилось понятно, как это впечатляет ребячьё воображение. Рождалось чувство нескланной благодарности за то брошенное в сердце юных исполнителей семя духовности, которой многие из них в силу разных причин были лишены. Ни в школе, ни в семье большинство ничего подобного не слышали. Всё это стало откровением: безукоризненное мастерство, великолепное звучание, содержательность программы и нравственная цель работы педагога».

В хоре появились замечательные солисты, пение которых вызывало наше восхищение, порой и тайное чувство зависти: Е. Золотавина («Песня о весёлом ветре» Дунаевского), А. Тельнюк («Отважная песня» Пахмутовой), И. Гращенкова («Ты слышишь, море» Зацепина, «Девочке из Мензелинска» Чичкова, «Ласточка» Крылова), М. Калачёва («Соловушка» Чайковского, «Репетиция к концерту» Моцарта), Т. Зинченко («Белеет парус одинокий» Варламова), В. Кириченко («Трус не играет в хоккей» Пахмутовой). Многие из их песен стали визитными карточками коллектива, своеобразными «отрядными песнями», которые мы пели не только на концертах, но и в хоровых лагерях, в автобусах, на встречах выпускников.

Рассказываю Ольге и Галине Михайловне потрясший меня эпизод. Мне — лет десять. Почти все сверстницы уже перешли в старший хор, а я задержалась в среднем, хотя была отличницей. Очевидно, не обладала яркими голосовыми данными. Петь в этом коллективе мечтали многие костровцы. И уж если повезло, счастливцев вовлекался в калейдоскоп концертов и поездок, отправлялся в хоровые лагеря (где отдых сочетался с разучиванием произведений нового сезона), становился обладателем волшебных контрамарок в зрительный зал Дворца культуры на выступления кумиров советской эстрады.

Делаю словесный реверанс: «Это всё вашей неустанной заботой о нас, Галина Михайловна!»

На отчётных концертах студии «Костёр», которые проходили в мае, младший и средний хоры пели в первом отделении. Затем отправлялись в зрительный зал слушать старших.

Я обязательно садилась поближе к сцене и ждала выхода концертного хора.

Он появлялся неспешно и стройно, под аплодисменты публики, из двух встречных кулис. Коллектив тогда был большой, места на трёх станках не хватало, поэтому вставали четвёртым рядом на полу. Как такой массой управляет дирижёр, как голоса могут расходиться на разные мелодии, а потом вдруг сливаться в один?

Я ещё не знала слов «многоголосие», «унисон», в среднем хоре мы чаще пели в один голос.

Нравилось следить за лицами певцов, рассматривать их чёрные костюмы, белые блузки с кружевными жабо: такие красивые — вот бы и мне такую!

Все песни слушала очень внимательно. Но одну запомнила больше других — «Дикая собака Динго» (солировала Е. Золотавина). Никогда прежде не отличалась сентиментальностью. О существовании души не имела ни малейшего понятия. И вдруг... МУЗЫКА ворвалась в меня нежной, задушевной мелодией, в которой было столько щемящей печали, что сердце дрогнуло. Голос солистки поднимался и замирал на таких высоких нотах в сопровождении тихих аккордов хора, что всё во мне замерло, остановилось, а потом прорвалось бурным потоком неостановимых слёз. Казалось, у души впервые открылись врата переживаний, сильных эмоций.

Я безумно захотела петь в концертном хоре! С этим желанием-просьбой пришла к Галине Андреевне одна, без родителей.

Помню своё августовское счастье перед началом учебного года, когда узнала, что мечта сбылась!

Начались гастроли, поездки, концерты. Каждое выступление — празд-

ник музыки, аплодисменты, улыбки, цветы, слёзы радости и благодарности!

«Познание начинается с удивления», — говорили древние. Галина Андреевна как-то незаметно зажигала детские сердца, учила трудиться, мыслить, творить, верить в победу. Всё было оглушающе ново. Слушали во все уши. Смотрели широко открытыми глазами. Осознавали ли мы тогда неповторимость тех мгновений? Блаженные дни и годы жизни! Хор переставал быть только репетицией и концертом. Здесь общались, учились, взрослели. В «Костре» царила атмосфера радости и познания: от торжественного посвящения в первоклассники до выпускного «Огонька», программу которого готовили в глубокой тайне от преподавателей.

Прошлое и настоящее, детство и взрослость — всё соединилось здесь, в воспоминаниях на австралийской земле.

Продолжаем листать фотолетопись гастролой 80-х и удивляемся: как Галина Андреевна могла выезжать в путешествие и брать на себя ответственность за несколько десятков детей?

«С начала учёбы в «Костре» ощущала трепет по отношению к дирижёру, — рассказывает Ольга. — Вокруг царил культ Галины. Что в ней было такого? Что за притягательность и обаяние в ней — маленькой, хрупкой, одновременно сильной, временами даже жёсткой?

В шесть лет меня не приняли в музыкальную школу, и мама, забрав из детского сада, повела на прослушивание в «Костёр». Я была совершенно не озабочена ответственностью момента, в отличие от мамы, которая до бесконечности просила повторять «Голубой вагон» и тянуть при этом звук. Отчётливо вижу третий этаж Дворца культуры имени Ленина и наше ожидание кого-то. Если б знала тогда, что жду очень важного в моей жизни человека!

Галина Андреевна появилась лёгкой походкой, одетая в блузку «с женщинами» (так моё тогдашнее сознание это отобразило) и брюки клёш. Позвала в класс № 5 и попросила что-то простучать, нажать на клавиши пианино. Про «Голубой вагон» почему-то ничего не помню. Ярko запечатлелось её склонённое надо мной лицо, мягкий голос.

Меня приняли. Вначале пела в хоре «Искорки» у Е. А. Морозовой. Очень нравились песни «Наследники революции», «Матерям погибших героев».

Уже в третьем классе, минуя среднюю ступеньку, оказалась в концертном хоре и сразу стала солировать — как я была горда! Двухголосие, партия второго альта, старшие девочки, давно окончившие студию: это было не просто чем-то новым для девятилетнего ребёнка — я будто попала на неведомую планету!

Перед концертом в класс принесли вешалки с красными костюмами (мечтой каждого костровца) и коробки с чёрными «галошами» (так мы называли чёрные лаковые туфли почти без каблука). Мне долго не могли найти костюм, я была слишком маленькой.

Счастье длилось недолго. Подруги остались в младшем хоре, на репетициях ощущала скуку и одиночество, с фортепиано не ладилось. Начала прогуливать уроки, а потом и вовсе перестала появляться в студии. Маме исправно показывала музыкальный дневник, где красовались большие пятёрки, выведенные моей рукой.

Г. А. Максимова, 1980 г.

Так продолжалось бы неизвестно сколько, если б не звонок Галины Андреевны. Родители пришли в ужас: «Не хочешь заниматься музыкой — не надо!»

Как меня не исключили тогда из студии?! Спасибо Галине Андреевне — она оказалась настоящим психологом детской души. Вызвала к себе, нежно и проникновенно, как только она умела, посмотрела в глаза и произнесла такие, казалось бы, простые слова: «Оленька! Ты — очень способная и талантливая девочка. Тебе обязательно надо заниматься музыкой и после студии поступать в музыкальное училище». Ни одной нотации, ни следа укора!

И я услышала эти слова! Так, лишь к шестому классу, у меня проснулся интерес к музыке, которой оказалось суждено стать моей профессией».

Галина Андреевна владела прекрасной школой дирижирования, её руки «пели», завораживая и хористов, и слушателей. У неё были хорошие учителя: С. Чекарева, Е. Юрьева (в Воскресенской музыкальной школе), Н. Баева (в музыкальном училище) и Е. Сидорова (в Саратовской государственной консерватории). О последующих наставниках Г. А. говорила: «Я «варилась в каше» московских хоровиков. Застала репетиции Свешникова. Госэкзамен в училище принимал Краснощёков. И конечно, любимым учителем был В. Соколов, профессор, народный артист СССР».

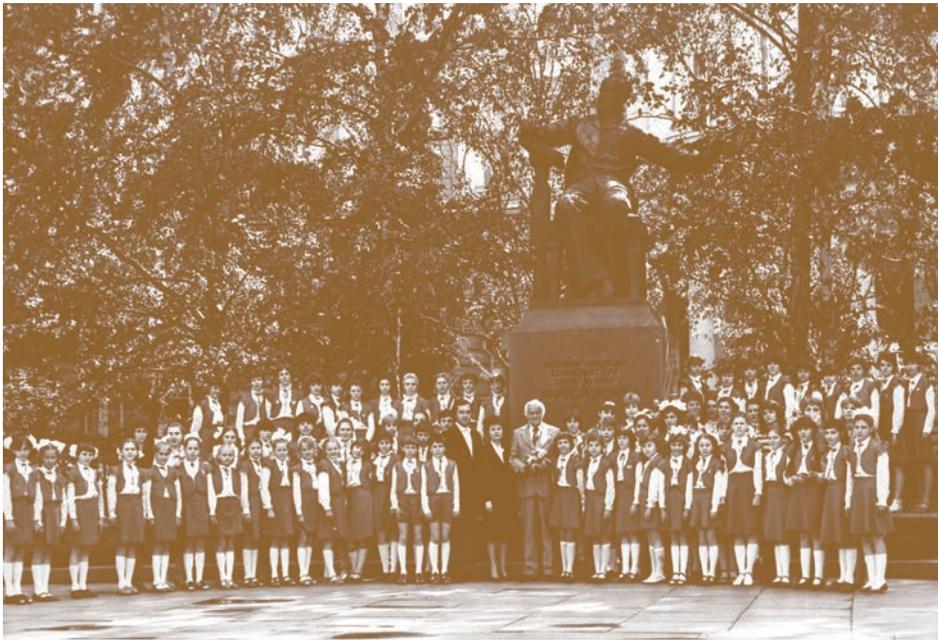
Галина Михайловна имела уникальную возможность через профсоюз завода приглашать для работы с хором именитых дирижёров: М. Ковшаря, В. Глазунова, И. Журавленко, Г. Струве, вокалиста и фониатра В. Емельянова.

У меня с собой интервью со многими музыкантами, хорошо знавшими Г. А. Два читаю вслух.

Игорь Журавленко (ученик А. В. Свешникова, заслуженный артист РСФСР, руководитель камерного хора «Виват», ансамбля «Русский партес»):

«Галина Андреевна всю жизнь училась, причём у тех музыкантов, у которых хотела. Это очень важно. Нас познакомил московский дирижёр, хоровик В. И. Глазунов, и Галина Андреевна пригласила меня как консультанта для подготовки к исполнению «Маленькой мессы» Гайдна и «Короткой мессы» Бриттена. Хотела узнать как можно больше о произведении с точки зрения исполнения, стиля, на что обратить внимание, какой голос ведущий, какой

Г. А. Максимова, композитор В. Соколов, скрипач Н. Хить и концертный хор после выступления в Московской консерватории, 1979 г.

432

ИРИНА ГРИШАНОВИЧ

второстепенный. Это имело большое значение. Галина Андреевна добивалась разности тембральной окраски голосов в хоровой партитуре: сочетание звучания двух партий — сопрано с его лёгкостью и воздушностью и альта, дававшего наполнение, глубокое звучание — для неё было принципиальным. К сожалению, сейчас многие это потеряли, стали петь в немецкой манере, где все три голоса равны. Для сравнения, как если бы звучали не скрипка, альт и виолончель, а три скрипки с одинаковым тембром. Большое место в работе Максимовой занимала работа над словом. Галина Андреевна — обаятельнейшая личность — всегда говорила страстно. Она являлась романтиком и дирижёром пластического начала. В её личности мне была симпатична волевая основа, которая сочеталась с теплотой человеческого отношения. Я видел глаза — собранные, внимательно впитывающие, почти не моргающие. Она терпеть не могла панибратства. Удивительно, но её энергетика сохранилась в музыкальных произведениях, которые на Концерте памяти в 2007 году пели выпускники. Когда исполняли «Ты слышишь, море», я вдруг услышал Галинину трактовку и её звуковедение. Хор запомнил её энергетический посыл!»

Алевтина Кондратьева (заместитель председателя правления Московского областного музыкального общества, заслуженный работник РСФСР):

«Костёр» всегда был в авангарде хорового движения региона, входил в пятерку самых сильных и ярких коллективов. Благодаря студийному движению хоровое искусство Подмосковья поднялось на высочайший уровень, что дало импульс и общеобразовательным школам. В Коломне первой в этом на-

правлении шагнула школа № 15, где усилиями Г. Максимовой и Т. Семаевой создали прекрасный хор. Творческий авторитет Галина Андреевны в Коломне был огромен. Максимова всегда была в лидерах среди московских хоровиков. Обладала большим музыкальным вкусом, отличалась интеллигентным подходом. Дирижёру очень важно сочетать в себе разные качества: педагогические, нравственные, эстетически-культурные, музыкальные, эмоциональные. Объективно оценивала возможности — свои и коллектива. Брала крупные формы, яркие произведения. И всегда репертуар отличался многообразием. Очень любила пропагандировать современных авторов: Чичкова, Шаинского, Агафонникова, Парцхаладзе, Арутюнова и других, выбирая у них самое интересное. Была очень тонким музыкантом. Её коллектив отличала культура во всём. Галине Андреевне всегда хотелось, чтобы Коломна стала «градом поющим», и она очень много для этого сделала. Создала уникальный детский коллектив — студию «Костёр», которая в 1995 году преобразовалась в Городскую школу им. Свешникова, но при этом сохранила все свои традиции. Как продолжение идей Галины с 2002 года в Коломне проходит хоровой фестиваль имени Свешникова, часты хоровые концерты, в том числе и в Дни славянской письменности и культуры. В нашем объединении мы считали Галину Андреевну председателем «коломенского хорового отделения». Она была своеобразным проводником наших идей. Шла навстречу цели большими шагами. Посещала много концертов, все заседания «Камертона» (музыкального объединения при Союзе композиторов — И. Г.) в Доме композиторов. Обладала даром всё время совершенствоваться. Ищущая была очень, пытливая! Хотела перебрать разнообразные методики, сделать занятия ярче, материал объяснить доступнее, чтобы дети могли себя реализовать».

433

Аккуратно складываю листки в папку.

«Меня тоже поражала её жажда нового, вечные творческие поиски, стремление меняться и расти, — подтверждает Ольга. — С её авторитетом и именем, имея за плечами тридцатилетний опыт работы, можно было давно успокоиться и почивать на лаврах. Удивляло, когда Галина Андреевна советовалась со мной, тогда ещё студенткой Гнесинской академии музыки, спрашивала о трактовках произведения. Когда окончила первый курс аспирантуры, Галина Андреевна приехала в Москву из Австралии, и я показала ей запись своего аспирантского концерта. Одним из номеров были шесть женских хоров Рахманинова, некоторые мы пели в студии. Профессора академии хвалили мою работу. Но мне было интересно именно её мнение. Очень хотелось, чтобы она увидела, чего я достигла. Часто потом на репетициях, концертах, гастролях московской «Геликон-оперы», в труппе которой работаю много лет, или во время творческих проектов с известными музыкантами: В. Ростроповичем, Г. Вишневской, Роберто Аланья, Хосе Кура, М. Гулегиной — ловила себя на мысли: вот бы меня сейчас Галина Андреевна увидела! Наверное, всегда хотелось, чтобы она мной гордилась. Моя творческая жизнь складывается интересно и чем-то похожа на детство в студии: гастроли, поездки, новые проекты и страны. Выступаю на тех же концертных площадках: Большой зал консерватории, Концертный зал им. Чайковского, академия им. Гнесиных, Колонный зал Дома Союзов. Только щемяще грустно, что сегодня уже не могу пригласить туда своего педагога, обнять Галину Андреевну и сказать, как она важна для меня...»

Милая Галина Андреевна! Как нам Вас не хватает!

Чтобы объяснить, насколько мы любили «Костёр» и своего педагога, вспоминаю один эпизод. Однажды пришли на воскресную утреннюю репетицию, но вместо Галины Андреевны увидели незнакомую женщину, которая представилась новым дирижёром. Смятение, возмущение, протест, желание понять, в чём дело, и вернуть, спасти нашу любимую Галину Андреевну вылилось в письмо... советскому Генсеку!

«Дорогой Леонид Ильич! Пишет Вам концертный хор студии «Костёр». Простите нас, пожалуйста, что занимаем Ваше время. Вы очень заняты государственными делами. Но мы знаем, как Вы любите детей, поэтому просим помочь. Вся надежда только на Вас. Сняли с работы нашего любимого руководителя и дирижёра Галину Андреевну Максимову. Мы не можем понять, за что. Ведь сейчас конец учебного года, и должен быть отчётный концерт, а у нас нет дирижёра. Вот уже две недели нет репетиций. Галина Андреевна такая хорошая, столько сил и энергии вложила в нас. Она учит самому светлому и прекрасному — музыке. Мы поём, чтоб приносить радость людям. Песня воспитывает в нас доброту, любовь к Родине, уважение к старшим. Именно Галина Андреевна создала наш коллектив. Нашему хору 19 лет. Мы — народный коллектив, лауреаты премии Ленинского Комсомола Подмосковья. И это, конечно, победа нашей Галины Андреевны... И так далее.

Не знаю, помогло ли письмо, но к сентябрю, к началу учебного года, репетиции концертного хора возобновились, и мы вместе с Галиной Андреевной обсуждали творческие планы на текущий год, хотя так и не узнали причину этого увольнения.

Втроём подходим к лампадке у фотографии — каждый в молчании думает о своём...

После рассказа Ольги осознаю, что меня взяли в «Костёр» «по благу» (папа хорошо знал Липкину по профкому). Ярких способностей на прослушивании я, видимо, не проявила. Помню лишь ощущение того дня: лица, слова, звуки, окружение слились в единый образ, некое облако ослепительного тёплого света доброты и улыбок, куда захотелось непременно вернуться, некую энергетическую воронку, куда сразу же «засосало». И фразу Галины Михайловны, которую папа потом не раз цитировал: «Не волнуйся, Глебушка, будет она у тебя играть и петь. Сделаем из неё хорошего человека».

Галина Михайловна прерывает наше молчание. Обращаясь ко мне, спрашивает: «У тебя есть фотография, где ты на сцене Дворца за роялем исполняешь «Прелюдию» Рахманинова?»

Я не могла и мечтать, что этот снимок у кого-то сохранился, тем более в Австралии! Бережно беру в руки, слышу внутри себя аккордовый колокольный набат первых тактов вступления до-диез-минорной прелюдии и вспоминаю студийного преподавателя по фортепиано Ю. А. Амитона.

Он работал в музыкальном училище. В «Костре» набирал лишь несколько учеников. Попасть к замечательному педагогу было большой удачей. Я оказалась среди четырёх счастливиц. О новом преподавателе и будущей профессии: «Ты должна стать музыкантом!» — Липкина объявила как о состоявшемся факте всего за несколько минут до занятия, случайно

встретив в трамвае! Такое в 12 лет может оглушить и взорвать сознание: за меня сделали выбор всей жизни! Оставалось одно — подчиниться, о чём ни разу не пожалела.

Начался длительный путь музыкального восхождения. Амитон закрывал меня в классе, чтобы выучила пассажи, провожал до дома в поздний час, брал с собой на загородные концерты, а главное — часами играл Дебюсси, Шопена, Баха, Бетховена, от чего я замирала с придыханием — хотела так же! И опять щедрый жест Галины Михайловны: по её распоряжению я могла в любое время суток заниматься на рояле с шикарным звучанием, а не на домашнем пианино, в своём любимом четвёртом классе!

Мы все прошли в «Костре» школу Липкиной и Максимовой. Говоря словами Г. Струве, костровцы получили «хорошую прививку».

Ольга включает фильм, специально записанный для этой поездки. Мы неспешно «двигаемся» по коломенским улочкам к дому Галины Михайловны на улице Ватутина, «входим» во Дворец культуры имени Ленина, во второй хоровой класс. И здесь Г. М. ждёт сюрприз: «встреча» с выпускниками студии. Они поют специально для неё. Выбрали любимое — то, что неизменно пели в хоровых лагерях, автобусах и электричках, после выпускного на берегу ночной Оки: «Криницы», «Будет садом город мой», «Ты, соловушка, умолкни», «Ты слышишь, море» (традиционно солировала И. Гращенкова). Сколько добрых слов подарили Галине Михайловне!

Она вздыхает: «Милая Коломна! Как часто тебя вспоминаю!»

До сих пор личность Г. М. Липкиной вызывает восхищение у многих. Вспоминают человека энциклопедических знаний, образованнейшего ума, огромной энергии, человека капиталистической формации с мозгами антрепренёра и предпринимателя. Кто забудет эти глаза, пристально смотрящие на вас немного исподлобья, которые «сканировали» насквозь, этот низкий властный голос?

Её жизнь в Коломне овеяна легендами и загадками. Казалось, в ней жило несколько личностей. Многие спрашивали, откуда у неё такое чувство музыки, знание сцены, внутренняя культура? Она отвечала: «Абсолютный слух — от природы. Остальное — от семьи и образования». Человек железной самодисциплины и целеполагания, судящий о других не по словам, а исключительно по делам, великий дипломат и психолог, до сих пор следует своим девизам: «Шаг назад — два вперёд!», «Никогда не меняйте своих принципов», «Хороший экспромт должен быть хорошо спланированным», «Оставь суть себя для самого себя».

Сама работала, как зверь, и от других требовала того же. Каждое утро обходила все коридоры и этажи Дворца, указывала на неполадки и спокойно говорила: «Когда пойду обратно, чтоб было исправлено». Прямо могла навести одним лишь взглядом строгих глаз. Её крутой нрав знали все — под горячую руку лучше было не попадаться! Но уж если кого полюбит — тот нашёл покровителя и друга на всю жизнь. Липкину боялись, но уважали.

Решая организационные вопросы, находила время присутствовать на всех репетициях хора и экзаменах как минимум первые десять лет существования ДХС, пока процесс не вошёл в устойчиво созидательное русло.

Не любила фотографироваться, выходить на сцену: «Нескромность какая! На сцену выходит артист! А я труженик, работник — больше ни-

кто». О себе почти ничего не рассказывала, хотя её жизнь интересна и порой интригующая.

Нам повезло — Галина Михайловна нарушает свои принципы и рассказывает о своей жизни.

«Я родилась в Могилёве, в Белоруссии. В семье росли шестеро детей, были домашний врач, две бонны: русская и немка, свой выезд: фаэтон и две чудные лошади: Яго и Мишка. Порядок существовал такой: родился ребёнок — ему сразу покупали дом. Мы — ещё крошечные, а у нас уже имелись дома.

Мама окончила женскую гимназию, пела в церковном хоре. Папа работал управляющим трестом «Лисичанскуголь» — большая должность в то время. Прекрасно пел, обожал Пушкина, мог часами декламировать наизусть.

Я была любимицей отца, он меня баловал, часто возил в цыганский театр».

Как часто бывало, Галина Михайловна начинает читать, по-липкински певуче и выразительно:

«Цыгане шумною толпой
По Бессарабии кочуют.
Они сегодня над рекой
В шатрах изодранных ночуют».

Останавливается, переводит дыхание, смотрит на нас чуть свысока и продолжает:

«Предками своими горжусь. Дедушка по матери был капельмейстером духового оркестра Императорского театра, дедушка по отцу — купцом первой гильдии, занимался мехами, пушниной, проводил аукционы от Парижа до Риги. ... Школу окончила с отличием. ... В 1943 году поступила на курс С. Герасимова во ВГИК в Алма-Ате, куда институт эвакуировали во время войны. Тогда режиссёрский и актёрский факультеты объединили. В общежитии жила в одной комнате с Кларой Лучко, Инной Макаровой, дружила с Нонной Мордюковой. ... Окончила только три курса, т. к. по просьбе матери пришлось вернуться домой — не было денег на учёбу (отец погиб на фронте в первый год Великой Отечественной). После войны окончила Историко-архивный институт и в 1958 году переехала в Коломну».

За три года она сделала прекрасную карьеру: от диспетчера транспортного цеха Коломенского завода тяжёлого станкостроения до директора заводского клуба!

«Хочу показать Коломне настоящий театр, настоящее искусство!» — такую цель поставила перед собой. И она делает почти невозможное для советских 70–80-х годов.

Кого только не видела Коломна! Е. Петросяна, Г. Хазанова, М. Магомаева, Т. Синявскую, А. Пугачёву, В. Высоцкого, И. Кобзона, Н. Мордюкову, М. Бернеса... Целое поколение коломенцев воспитывалось на лучших образцах театрального и музыкального искусства.

Почему пишу об этом? Потому что ещё раз хочу подчеркнуть размах личности наших учителей, широту интересов и твёрдую волю характера,

высказать благодарность судьбе за возможность общаться с ними с раннего детства и впитывать, как губка, любовь к прекрасному. Всегда, во всём иметь преданность идее, преданность красоте. Пишу как ученица и коллега (свою преподавательскую деятельность начала в «Костре»), друг и соратник в творчестве.

Почти одновременно мы трое заговорили о памятном концерте в Колонном зале Дома Союзов (2 апреля 1989 года). Роскошный световой фейерверк сияющих хрустальных люстр, строгий архитектурный ритм белых колонн зала бывшего Дворянского собрания, ведущая — диктор Центрального телевидения Ангелина Вовк — создавали атмосферу праздника. Конечно, ведь это был юбилейный концерт, посвящённый 25-летию студии!

Программа обоих отделений была невероятно сложной. Наряду с народной песней «Как на дубе» звучали «Белеет парус одинокий» Варламова (соло Т. Зинченко), «Не пой, красавица, при мне» и «Весенние воды» Рахманинова, любимая загадочная «Ночная история» Гецелера, нежно льющаяся «Мама» Гаврилина (солистки И. Гращенкова, Н. Маркелова) и «Самаиа» Парцхаладзе с ярким колоритом грузинской мелодики (солистка И. Самедова). Торжественным аккордом прозвучали номера из «Stabat Mater» Перголези, «Gloria» из «Мессы» Гайдна, исполненная с Ансамблем старинной музыки (руководитель Н. Милецкий), и «К фонтану Бахчисарайского дворца» А. Власова в сопровождении ансамбля скрипачей Коломенского музыкального училища (руководитель Л. Конторович).

С этими творческими коллективами «Костёр» сотрудничал многие годы. Сколько было исполнено прекрасной старинной музыки, какой особый тембральный колорит инструменты вносили в хоровое звучание!

«Концерт в Колонном зале пришёлся на мой день рождения, — улыбается далёкому прошлому Галина Андреевна. — Весной мела метель — странное явление для этого времени года! Концерт кончился. Ещё не стихли аплодисменты, вдруг на сцену вышли коллеги из Всероссийского хорового общества и объявили, что меня удостоили звания «Заслуженный работник культуры РСФСР». Было очень приятно!»

Галина Михайловна раскрывает тяжёлые папки с лауреатскими дипломами зарубежных конкурсов. Память переносит в тяжёлые годы перестройки.

Студия, все годы существовавшая на хозрасчёте (за счёт денег родителей), пережила тяжёлый кризис и оказалась на грани гибели. Уникальный детский коллектив спас город. Студию преобразовали в муниципальную детскую хоровую школу «Костёр» (с 1995 года — Городскую хоровую школу им. А. Свешникова).

В эти лихие девяностые Галина Андреевна задумала поездку... в Европу, на международный фестиваль в итальянском курортном городе Рива дель Гарда! Финансовую сторону вопроса решил случай. В Москве мне удалось раздобыть достаточно большую сумму денег, которой хватило на покупку авиабилетов 55 хористам и сопровождающим лицам. Спонсором стал московский знакомый, человек приятный и любящий искусство, но по всем внешним показателям попадающий в разряд так называемых «новых русских» — молодых людей России, волей случая стремительно

Муниципальная хоровая школа «Костер» на фестивале в Рива дель Гарда (Италия)

разбогатевших, по негласному соглашению носящих отличительные бордовые пиджаки. Чтобы понять плачевную материально-экономическую ситуацию тех лет и произошедшее расслоение в обществе, достаточно сказать, что проживание хора оплатил... 21 спонсор Коломны!

Значит, мы летим в солнечный край — в весенние ароматы виноградных долин, манящую красоту озёр Града! Петь в Италии, увидеть волшебство каналов Венеции — об этом прежде не могли и мечтать!

Впечатления от поездки помню очень ярко. Роскошный аэропорт Милана, жаркие объятия весеннего солнца, комфортабельный европейский автобус, везущий сквозь горные тоннели. Предупреждающие сигналы встречного транспорта на крутых поворотах, хороший саунд итальянских песен. Мы пребывали в каком-то неведомом восторженном счастье!

В фестивале приняло участие 90 хоров. Выступали в пяти категориях. Галина Андреевна вспоминала:

«Каждая категория имела своё жюри. В номинации «Женские хоры» работал Марчелло Аббадо, брат всемирно знаменитого дирижёра. Конкуренция сильная: наши соперники — ещё восемь коллективов. Большую трудность представляло исполнение обязательного сочинения современного итальянского композитора Орландо Дипьяццо в стиле полифонической музыки Баха. Музыкальный язык сложный. А главное, времени на разучивание произведения дали очень мало — наверное, хотели посмотреть возможности хора. Ох, уж и помучились мы с этим полифоническим строем! Удержаться в тональности при звучании а capella 4–5-голосных аккордов, звучащих порой диссонантно, было далеко не просто. Что касается творчества, общение с коллегами, познание новой музыки — это колоссальный толчок. Каждая поездка давала заряд на будущее.»

Результата выступления ждали с замиранием сердца. Когда объявили, что у нас «серебряный диплом», радости не было предела!

Г. А. Максимова и Г. М. Липкина в день получения австралийского гражданства, 1999 г.

Вслед за Италией последовали две головокружительные поездки в Грецию (всё в том же 1994-м — и вновь дипломы победителей, аплодисменты публики.

...А в январе 1995-го, неожиданно для многих (в том числе для меня), Галина Андреевна и Галина Михайловна уехали на постоянное место жительства в Австралию.

Творческая жизнь Галины Андреевны Максимовой сложилась и в Мельбурне, где она провела последние одиннадцать лет своей жизни. Рабочий кабинет по коломенской привычке называла «мой любимый пятый класс». Не могла привыкнуть, что её называют на европейский манер — только по имени, без отчества. Много сил было потрачено на изучение английского языка. Создать свой хор Г. А. смогла лишь через год, в 1996-м. «Просто не могу без этого жить», — говорила Галина Андреевна.

Формировать коллектив пришлось с нуля. Русско-этническое представительство помогло познакомиться с первыми хористками. Поначалу их было чуть больше десяти человек. Половина не знала ни нотной грамоты, ни русского языка. Пели на слух, учили партии по магнитофонным кассетам.

С годами ситуация менялась: вливались молодые силы, появились солисты с профессиональным вокальным образованием. Так постепенно формировался Русский женский камерный хор Мельбурна.

Став членом Всеавстралийской хоровой ассоциации, коллектив получил широкую известность не только в штате Виктория, но и в других штатах. «По натуре я человек, который всю жизнь учится», — сказала о себе Галина Андреевна в одном из интервью. Защита диссертации на тему «Традиции русской церковной ортодоксальной музыки в Австралии» — яркое тому подтверждение.

Случай познакомил Галину Андреевну с прекрасным музыкантом Эмой Липпа — заслуженной артисткой РСФСР, 25 лет проработавшей кон-

Выступление Городской хоровой школы им. А. Свешникова

цертмейстером в Большом театре Москвы с М. Плисецкой, В. Писаревым и другими великими актёрами. После выхода на пенсию Эмма с семьёй уехала в Австралию, подписав контракт с Сиднейским национальным балетом. В течение двух лет она сотрудничала с Галиной как аккомпаниатор.

Все эти годы Галина Михайловна Липкина оставалась антрепренёром хора Галины Андреевны: организовывала концерты, гастрели.

Г. А. мечтала объединить хоровые силы Мельбурна, Сиднея и создать русский смешанный хор церковного пения, проводить сводные хоровые праздники, началом которых должно было стать исполнение духовных сочинений Г. Свиридова, одного из её любимых композиторов.

О признании дирижёрского таланта Г. А. говорит такой факт: она получила предложение занять высокую позицию — пост главного дирижёра Национального детского хора радио и телевидения Австралии (аналогичного хору В. Попова в России). Но этому не суждено было сбыться... Иногда то, чего мы очень ждём, приходит к нам слишком поздно...

Многие воспитанники Галины Андреевны Максимовой и Галины Михайловны Липкиной стали музыкантами. Назову лишь некоторых из них. М. Агафонова поёт в московском театре «Ленком», О. Горохова — в «Геликон-опере», В. Матвеев — солист Московской филармонии, Л. Смирнова (Кондакова) преподаёт в школе № 8, Т. Ловцова (Баранова, Е. Золотавина, Л. Козлова — в музыкальных школах Коломны, Москвы и Петрозаводска, И. Гришанович (Ширяева) — в московском детском центре, Т. Пояркова (Чурсина), Т. Ткачук (Киселёва) и С. Милецкая (Кравченко) — в 1-м Московском областном музыкальном колледже. Вадим Кириченко — саксофонист, участник групп «Маэстро джаз» в Воскресенске и Stayless Blues Band в Москве.

Многие ученики избрали профессией сопричастные к музыке области. А. Кирсанова (Кунакова) руководит городской детской общественной организацией «Радуга детства». И. Иванова (Гращенко) — главный специалист отдела культурно-досуговой и образовательной деятельности комитета по культуре администрации городского округа Коломна. Н. Маркелова занимает высокий пост председателя этого комитета. Показательно, что её предшественником на этой должности долгие годы была тоже выпускница студии — С. Волкова (Степучева), ныне искусствовед, арт-директор «Арт-экспо галереи», руководитель регионального отделения международного благотворительного детского фонда «Новые имена».

Т. Шиморская (Брызгалова) работает заместителем директора библиотеки имени Гнесиных. М. Седова (Головина) — ведущий преподаватель коломенской художественной детской школы им. М. Абакумова. И. Лопатин — аранжировщик, фотограф, дизайнер. А. Козлова (Маслова) — кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы пединститута Коломны, Т. Бонкало (Патрикеева) — доктор психологических наук, профессор, проректор по научной работе Московского института Русского театра. Список далеко не полный. Галина Андреевна как-то в шутку назвала студию «кузницей кадров».

Традиции учителей верно хранят их ученики, теперь преподаватели школы имени Свешникова: В. Матисен (Юньюшина) — преподаватель по классу фортепиано, Е. Козякова (Сорокина) — преподаватель по классу аккордеона, Г. Семёнова (Дмитриева) — концертмейстер, О. Гришина (Посакарина) — руководитель младшего хора «Искорки» и хора мальчиков, М. Хотяновская — руководитель хора первоклассников, Н. Маркелова — преподаватель по классу вокала, М. Стукнина (Кудрявцева) — директор школы, главный дирижёр.

Все мы — «родом из детства». Оно прорастает в нас незримо: воспоминаниями, привычками, образом жизни и мышления, иногда глобально — в профессии. Родник воспоминаний так кристально чист, глубок, в словах тех лет так много счастья, трогательной детской наивности и мудрости одновременно, что понимаешь — остров детства остаётся на всю жизнь той обетованной землёй, к берегам которой душа стремится вернуться мыслями вновь и вновь.

ИМЯ ОЛЬГИ

В этом году вышел в свет сборник, посвящённый памяти Ольги Юриковой. Именно благодаря её энергии, патриотизму, глубокому знанию истории родного края, поэтическому слову и появился удивительный феномен: «Девичье поле». Это не только комплекс исторических памятников, не только общественное движение. Это духовное и культурное явление, запечатлённое в стихах и прозе, живописи и скульптуре, которое уже никогда не исчезнет из истории Коломны. 19 октября в Центральном выставочном зале Коломны состоялась презентация сборника, подготовленного поэтом Владимиром Дагуровым. И это стало поводом, чтобы ещё раз вспомнить дорогое для нас имя.

Когда она входила в любое помещение, там словно бы прибавлялось света. Это сияние горело в ней, как пламя в прозрачной лампаде, оно изливалось на окружающих через эти светлые глаза, через эту улыбку. И сердца равнодушных людей невольно тянулись к этому сиянию.

У Ольги был замечательный талант привлекать к себе людей, зажигать их общей идеей. Надо откровенно признать: если бы не Ольга и её единомышленники, не было бы сегодня Протопопова. Это древнее село должны были снести во время строительства нового жилого района Кольчёво. И село уже начали уничтожать, но благодаря общественному движению «Девичье поле» варварский проект был остановлен.

В школе № 17 открыли «Думную». Так образовался не просто обычный школьный музей. Здесь возник центр притяжения творческих сил, краеведческой и просветительской работы. Но труды патриотического содружества не ограничились только лишь историческими исследованиями и выступлениями в прессе. Последовали и конкретные дела.

Появились: надкладная часовня у Сергиева источника, памятный знак на Девичьем поле у Малого Кольчёва, Поклонный крест на месте разрушенной церкви Троицы-в-Протопопове. Ежегодно с размахом стали отмечать День поля, вспоминая подвиги древнерусских ратников. С молебнов и панихид у Святого колодца и Поклонного креста берёт начало возрождённая православная община Протопопова.

Именно благодаря Ольге родился, в самом хорошем смысле слова, миф Девичьего поля, духовный образ, созданный трудами поэтов, прозаиков, живописцев, скульпторов, графиков, историков, краеведов, фотохудожников, журналистов, педагогов — целой дружины талантливых людей. И Ольга Юрикова была полководцем этой дружины!

Не удивительно, что на презентации книги, посвящённой её памяти, прозвучало столько хороших слов и воспоминаний. На встрече были не только коломенцы. Приехал и Владимир Дагуров — муж Ольги, и широко известная московская писательница Лариса Васильева — её друг.

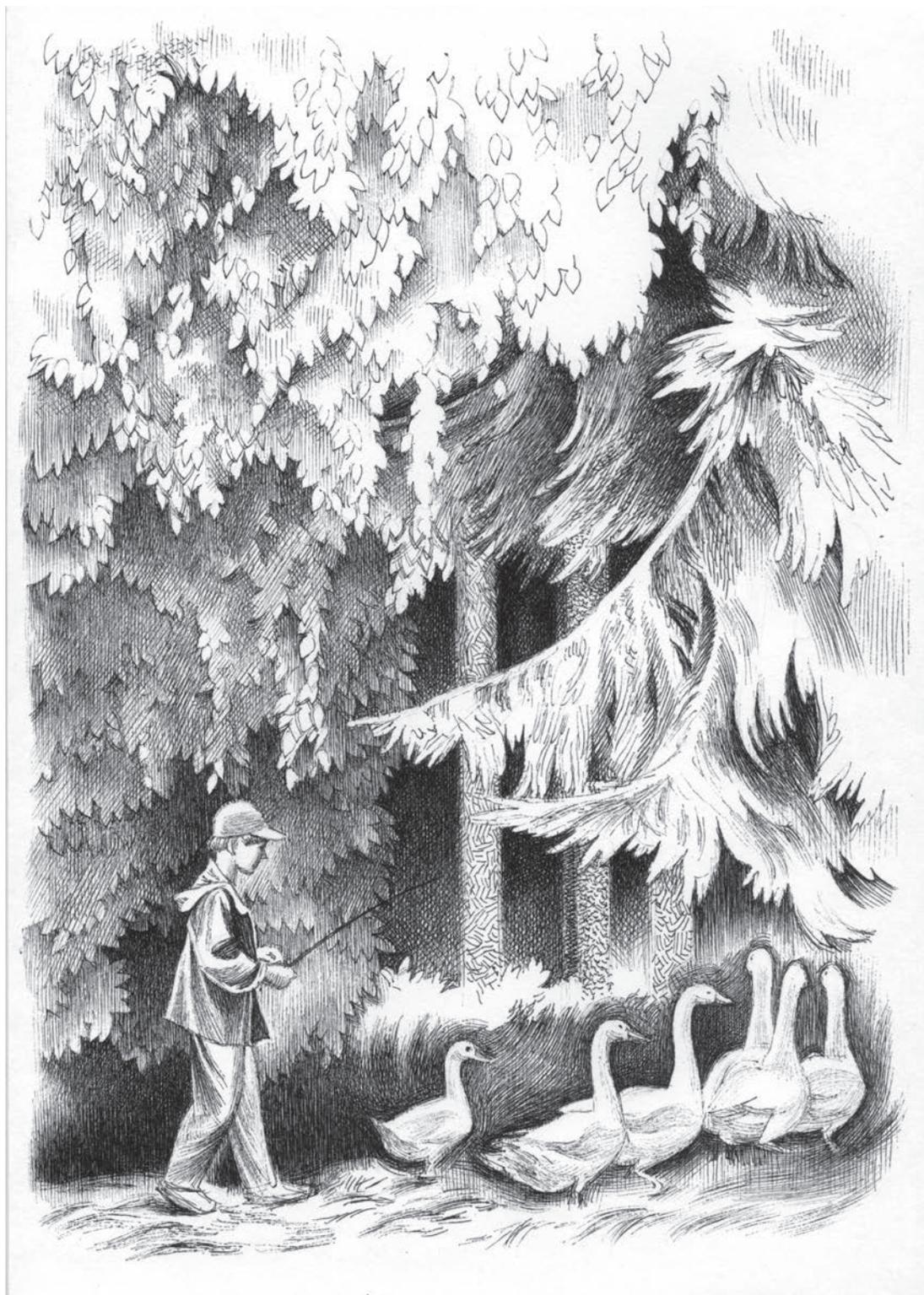
Но среди всех замечательных слов хотелось бы выделить одну идею. Нужно обновить работу «Думной». И не просто обновить, а сделать так, чтобы тема творчества и духовного подвига Юриковой красной нитью прошла через всю экспозицию. И конечно же, надо присвоить «Думной» имя нашей славной воительницы! А со временем, возможно, и школу назвать в её честь. И это будет лишь малой данью памяти замечательному человеку.

Её труды, исследования, коллекции, её проникновенная поэзия — достойны увековечения. Так пусть всегда звучит над широкой Окой прекрасное и незабвенное имя! Имя Ольги.

Родимая
сторона

Графика Василины Королёвой

РОДОСЛОВНАЯ ЛЮБВИ

Лариса Николаевна Васильева родилась в Харькове. В 1958 году окончила филологический факультет МГУ.

Автор более двадцати поэтических сборников и поэм. В них обращается к темам войны, исторических судеб России, любви и природы, размышляет над противоречиями и сложным внутренним миром современника.

Лариса Васильева также автор многих мемуарных, публицистических и литературно-критических работ: «Книга об отце», «Жизнь, смерть и Пушкин» и других. Её произведения переведены на несколько иностранных языков, в том числе на английский. Писательница также занимается переводами с английского языка.

Тему духовных ценностей и роли писателя в деле нравственного совершенствования человека раскрывает книга «15 встреч в Останкине» (1989). В её основу положены выступления по Центральному телевидению писателей В. П. Астафьева, Ю. В. Бондарева, В. Г. Распутина и других.

В 2012 году в Коломне прошла презентация книги «Евдокия Московская» — о жизни и Житии супруги великого князя Димитрия Донского.

Исторический очерк

День свадьбы и её место — Коломна — были назначены за долго, Евдокия ничем не выдавала радости или волнения. Несколько раз бывала во Владимире у Той иконы. Отец сопровождал её.

Князь Димитрий Константинович всегда замечал особую задумчивость Евдокии. Говорил, что похоже задумывалась святая жена Евфросиния Суздальская, дочь князя Михаила Черниговского, зверски замученного в Орде. Евфросинию в миру звали Феодулией. Ей было 25 лет, когда началось нашествие Батыея на Русь. С младенчества была она необыкновенной. Не брала грудь кормилицы, если та накануне ела мясо. Откуда знал про мясо грудной ребёнок? Ниоткуда. Или Оттуда? Мать девочки во снах видела, как возносится вместе с нею на Небо.

Отец учил княжну Евдокию Священному Писанию. Князь Михаил Черниговский также учил свою юную дочь Феодулию. В 1233 году её просватали за суздальского князя Феодора Ярославича, старшего брата Александра Невского. Невеста, мечтавшая о монашеской жизни, явилась из Чернигова в Суздаль, истово моля Бога спасти её от замужества. Тут-то и свершилось — накануне свадьбы князь Феодор внезапно умер.

— Мог ли Бог вынять такой мольбе? — удивлялся отец Евдокии, рассказывая об этом. Ещё более удивился он её ответу:

— Мог. Семья без любви стала бы горем для обоих. Как у Андрея Боголюбского с Улитой. Может, от большой семейной беды забрал Бог князя Фео-

*Княгиня Евдокия, жена Дмитрия Донского.
Художник Виктор Васнецов*

дора к себе, на Небеса, а ей на Земле дал великую судьбу.

«Ну и дочь у меня. Зрело рассуждает!» — думал князь, в душе соглашаясь с нею. Впрочем, люди думали иначе. «И бысть в веселия место плач и сетование», — сокрушались летописи.

Похоронив жениха, Феодулия осталась монахиней Евфросинией на его родине, в Суздале. Евдокия и это объяснила отцу по-своему:

— Пострижением и всей своей жизнью в Суздале она показала верность земному жениху.

Сама же Евдокия молила Богородицу беречь драгоценную земную жизнь её жениха Дмитрия Московского, потому что полюбила его больше жизни своей.

Задолго до рассказов отца наслушалась княжна о суздальской святой Евфросинии от стариц и старцев. Возможно, зрелые мысли, удивлявшие отца, она почерпнула там. Странники рассказывали: Евфросиния Суздальская всю жизнь дни и ночи проводила в молитвах, подолгу безмолствовала, пила одну воду. Ходила в рубище. Людей и их болезни прозревала насквозь. Был у неё и дар предвидения.

Говорили, что это она предупредила Русь о приближении Батые. Когда в 1238 году он, разорив Суздаль, шёл к монастырю, где жила монахиня Евфросиния, она застила ему глаза, и Батый сбился с пути. Все, кто слушал, ахали, не понимая, как Евфросиния сделала это. Никто сказать не мог. Юная княжна Евдокия помалкивала, но непонятно откуда знала — как: нужно крепко закрыть глаза, представить себе густое облако пыли и, собрав весь Божий Свет внутри себя, Светом оттолкнуть это бурое облако. Оно окутает злодея, запорошит ему глаза.

Многие уверяли, будто Евфросиния Суздальская предсказала мученическую смерть в Орде своего отца, князя Михаила Черниговского. Церковь объявила его святым.

Предупредила Евфросиния народ и о надвигавшемся землетрясении в Суздале, молила Богородицу спасти город. Умолила.

Она же, по слухам, прославилась своей борьбой с бесами. Одержимых бесовством водят к её мощам, и, видит Бог, мощи помогают.

Готовя Евдокию к новой жизни, оба родителя давали наставления. Мать учила хозяйствовать. Отец знакомил со своей библиотекой. Она читала Гомера, Вергилия, Платона, Аристотеля. Жалела их: жили до Рож-

дства Христова и поэтому многого не умели объяснить себе и людям. С особым интересом познавала труды врачей — Галена и Гиппократы. Удивлялась: великие врачи слабо ощущали Богоприсутствие в телах тех, кого лечили. Разве так можно?

Её огорчало в истории Феодулии-Евфросинии одно: святая не познала счастья материнства. Без него Евдокия не представляла своей жизни. Не стыдясь, делилась с матерью мечтами о детях: много их нарождает она князю Димитрию. Рассказывала, как будет растить, как воспитывать и даже чем кормить — мальчиков и девочек по-разному.

Старшая сестра Марья после венчания говорила невесте:

— Тебе хорошо, увидела его в окошко и влюбилась. Мне каково — впервые встретиться на собственной свадьбе. Хорошо, мой Николай Вельяминов не хуже твоего Димитрия, а если бы оказался противным? Терпеть всю жизнь? Терпела бы. Куда денешься?

Историков, как правило, не слишком интересуют детали личной жизни женщин, даже если они становятся жёнами великих людей. Откуда взялись разноречивые сведения о свадьбе Димитрия и Евдокии? Трудно сказать. Впрочем, так ли уж важно знать, где происходило торжество и сколько свадеб в одно время играли в Коломне? Важно, что на той свадьбе случилось нечто, изменившее ход истории. Но по порядку.

Венчание Димитрия с Евдокией и пир обрисовывать не буду. Что толку переписывать подробности из книжек про быт русских царей и цариц. Всё происходило по традициям. Ожидая встречи с невестой, Димитрий иногда опасался — та ли девушка, что смотрела на него из окна суздальского дома, теперь идёт к нему в жёны? Каждый день приближения Евдокии почему-то укреплял его уверенность:

— Она!

Отец Евдокии благословил дочь иконой Богородицы. У Евдокии от счастья кружилась голова, но она успела заметить: икона похожа на Ту, но икона другая.

Димитрий на свадьбе старался ни на миг не разлучаться с Евдокией, словно боясь, чтобы жену не подменили.

Вот оно, слово выскочило. Евдокию никто подменить не мог, но подмена на коломенской свадьбе была. После, когда разбирали подарки, хватились. Вместо золотого пояса, подаренного тестем князю Димитрию Московскому, оказался другой, попроще. Никто вроде бы сразу не заметил подмены, кроме Евдокии. Да и она ничего точно не могла бы сказать. В какой-то момент заметила: из каморы, где складывали подарки, вышел родственник, один из устроителей свадьбы, тысяцкий Василий Вельяминов, свёкор её сестры Марьи, и что-то золотистое на миг сверкнуло внутри его широкого рукава. Евдокии показалось, что это пояс, привезённый её отцом в подарок будущему зятю. И — забыла. О том ли тогда было думать ей?!

Юная княгиня зачала первенца Даниила. Прожил недолго. Первое горе ещё больше сблизило их. Димитрий хотел везти жену во Владимир к Той иконе, но она отговорила его.

— Не будем Её тревожить. Эта икона не вспомогательница родов. Она — державная. Власть даёт. Когда-то Она меня в Успенском соборе Владимира на жизнь благословила, значит, и на земную жизнь моих детей

благословение распространяется. Взято на Небо первое дитя? Может, так было надо. Богородица впредь нас не забудет.

И сама от своих слов успокоилась Евдокия.

Дети пошли один за другим. Двенадцать раз рожала княгиня. Вот они, в перечислении:

Даниил умер,

Василий — великий князь Московский.

Георгий (Юрий) — князь Звенигородский и Галичский,

Андрей — князь Можайский и Белозёрский,

Пётр — князь Дмитровский,

Иван умер,

Симеон умер,

Константин — князь Угличский.

Четыре дочери: Анастасия, Анна, Мария, София.

Все княгини — святые жёны Руси — отличались верностью, честностью, правдолюбием, искренностью, терпеливостью. Многодетность также была особенностью замужних княгинь:

Иулиания Муромская родила тринадцать детей,

Анна Кашинская — пятерых.

Княгиня Евдокия вместе с мужем или одна, когда он бывал в походах, вела запись своей и его родословной. Искала по книгам и летописям.

Многобожий уклад жизни когда-то разрешал многожёнство. С 988 года жизнь обрела другой семейный порядок — князь Владимир окрестил Русь. Несколько веков отделяли те времена от времени Евдокии. Она записывала примерно следующее.

Первый — князь Рюрик. Многобожец. Подробностей о его жене (или жёнах) Евдокия нигде не нашла. Он, по её пониманию, родом был из Старой Русы.

Далее сын его, князь Игорь, убитый древлянами за поборы. Многобожец. Киевский князь. Его привёз ребёнком из Новгорода в Киев дядя, князь Олег, родня Рюрика, и посадил в Киеве на престол.

Князь Святослав, сын князя Игоря и первой в роду христианки, жены Игоря княгини Ольги. Святослав — многобожец. Воин.

Владимир, сын князя Святослава и Малуши, ключницы княгини Ольги. По прозвищу «Красное Солнышко». Креститель Руси. Откуда Малуша? Разное писали. То ли пленённая Киевом дочь древлянского князя Мала, то ли пленница-христианка из Иерусалима. Женой, единственной после крещения, была у князя Владимира греческая княжна Анна. Так ли?

Князь Ярослав, сын князя Владимира и гордой полоцкой княжны Рогнеды. Прозван Мудрым.

Князь Всеволод, любимый сын Ярослава Мудрого. Женат на Марии, греческой царевне из дома Мономахов. Великий киевский князь. Был миролюбив, но приходилось воевать.

Князь Владимир, сын князя Всеволода, по прозвищу Мономах. Великий киевский князь. Это ему, по преданию, константинопольский Патриарх Хризотерх прислал Ту икону, что во Владимире, городке, им основанном и названном в его честь.

Князь Ярослав, один из сыновей Владимира Мономаха.

Князь Феодор, старший сын князя Ярослава, жених Феодулии, ставшей святой Евфросинией Суздальской.

Князь Александр, сын князя Ярослава, прозван Невским. Великий воин.

Все они, начиная с князя Владимира Крестителя, веровали во Христа и Богородицу.

Евдокия легко отслеживала прямую линию родства с отцовской стороны. Материнская линия также была непрерывным предметом её внимания, но в ней княгиня находила пробелы и неясности. Удивлялась, замечая, как быстро стирается память о людях или обрастает сказаниями, часто не имеющими никакой связи с реальностью. Замечала, женская жизнь мало занимала летописцев. Разве что про княгиню Ольгу были в летописях подробности, да и те запутанные. Кто она была? Откуда родом? Вроде бы из Пскова. Сожгла город Коростень, потом окрестилась. Где крещена? Кто крестил? Когда? Разное писали и говорили.

Юную Евдокию влюблённый муж привёз из Коломны в Московский кремль, можно сказать, на пепелище. Над Боровицким холмом ещё дымились развалины, но уже громко стучали топоры. Мужики затаскивали на холм глыбы известняка — его добывали поблизости, в Дорогомилове.

— Здесь встанут палаты белокаменные. И обнесём каменной стеной весь Кремль. Никто не подступится к нам, — говорил князь, обходя вместе с женой своё кремлёвское владение: — Краснó будет.

Поверить в это, глядя окрест, тогда было трудно, но Евдокия верила, ведь обещал не кто-нибудь, а Димитрий, дарованный ей Самой Богородицей. В Кремле с первой минуты ей было необходимо всё понять и уберечь. Она любила. Она хотела всемерно помочь любимому. Отныне и на всю жизнь Кремль стал её домом.

Старательно выписывала Евдокия имена своих и Димитрия предков. Чертила схемы — так научил отец.

Если её отец и её муж — сводные четвероюродные братья, значит, она своему мужу сводная четвероюродная племянница! Не ближняя родня, но родня. По отцовской линии.

Явление Чуда, во многом связанное с явлениями икон, стало после Крещения Руси жизненной необходимостью для людей, ощущавших Богоприсутствие во всём. Евдокия шла по жизни, и осозная в ней Чудесное, и творя его. Если мы хотим понять, как она творила, нам не помешает обращение к знаковым словам русского языка.

Два слова, «вера» и «мера» — явные лингво-родственники, в каждом три одинаковые буквы из четырёх. Это разные слова, но по сути — неразделимые. В кириллических обозначениях разных первых букв «в» и «м» заключено смысловое различие их глагольных форм: «верить» и «мерить», отделённых друг от друга, но не разъединённых. Вера — от понимания. Мера — от знания. Вера ведёт в Небо. Мера — по Земле. Если они не вместе, то неполноценны. Если вместе — сила!

Свойства русского алфавита подсказывать нечто важное даны нам Свыше. В других языках свои подсказки. Когда человек забывает о них, нарушается гармония в соответствиях быта и Бытия.

В отъединённости религий от наук и наук от религий, веками нарастающей, создалась драма человечества двух последних тысячелетий: люди,

в большинстве своём, не поняли во Христе Божьего Слова. Не узнали Его. Не услышали. Не прочитали.

В объединённости религий с науками и наук с религиями, ещё не совершившейся, возможно, сокрыт путь спасения. «Ищите и обрящете». Но кто и как ищет? Есть люди, настолько проникнутые пониманием законов Богоприсутствия в Природе Мироздания, что им нет необходимости искать гармонию. Она — в них. Как Божественный Свет.

Такова была Евдокия — меру её веры вряд ли возможно определить, ибо она безмерна и необратима. Димитрий, озабоченный отчётливыми реальностями средневекового патриархального воинственного быта, мог бы и нарушить меру своей веры, но Евдокия зорко оберегала его от этого. И он радостно порой повиновался ей. Да, да, иначе как объяснить, что в Сонм Святых она вошла на пять веков раньше, чем он? Так Бог управил, а Церковь разрешила.

Необходимость стоять на защите тяжело складывающегося государства уводила Димитрия в походы. Он, впрочем, ни на минуту не забывал, что за спиной остался мир семьи. Был её защитником, но и семья защищала его. Евдокия незаметно, ненастойчиво создавала в доме особое настроение. В наше время оно называется атмосферой. Какой же была она в Кремле? Можно ли сегодня это прочувствовать?

Да, если проникнуться тем, что называется «душевность».

Справедливости ради следует сказать, что душевность московского княжеского дома создавала ещё мать князя Димитрия, вдовая княгиня Александра. Она, покуда была жива, согревала теплом своей семьи осиротевшего племянника Владимира, князя Серпуховского, и выпестовала его глубочайшую дружескую верность брату Димитрию. Княгиня Александра была гостеприимна и хлебосольна. Евдокия, выросшая в похожих условиях, вошла в кремлёвское традиционное радушие просто, без затруднений. И главное, что удалось новой задушевной молодой хозяйке Кремля, это наполнить его Чудесным духом, привезённым с задворок родительского дома, где собирались люди, ищущие себя в Боге и Бога в себе. Простые. Бедные. Находящие радость и в страданиях. Верящие в Чудо Божоявления; мера их веры была настолько велика, что они не сомневались в чудотворных силах икон и умели понимать, какая икона чем помогает молящемуся перед нею человеку. Всё это восприняла и Евдокия — как истину, не требующую доказательств.

Веками придворная жизнь властителей, больших и малых, в разных странах, у разных народов, слалась в традиционно схожих обстоятельствах и условиях. Власть имущие по вертикали строили свои дворы при дворцах, где лживые, лстыивые, угодливые свиты пышно растили, соответственно нарядам и драгоценностям, чинам и титулам, свои характеры и нравы. Предательства, измены, подлости как норма жизни, задрапированные в бархат и кружева, ослепляли искусственным блеском и одаривали пустотой время существования тех или иных фигур и их правления.

Я совершенно уверена в том, что никогда ни до, ни после периода давней московской жизни, озарённого именами Димитрия и Евдокии, ни в Киевской, ни во Владимиро-Суздальской, ни в Московской Руси, ни в многовековой России, ни, тем более, в Советском Союзе не было рядом с властью столь могучего, столь сгущённого в своём скромном

Божественном проявлении скопления людей величайшего благородства, искренности, нравственного великодушия, совершенного ума, подвижничества, верности идеалам, как во дни соединения, расцвета и угасания семейной княжеской пары Димитрия и Евдокии, чьё счастье озарял Свет очей Богородицы.

Всего лишь перечисление имён священнослужителей, чьи судьбы были связаны с Димитрием и Евдокией, даёт возможность понять, какое окружение было у этой княжеской пары: Сергей Радонежский, Стефан Махрищский, Димитрий Прилуцкий, Дионисий Печерский, Кирилл Белозерский, Савва Сторожевский и другие высокие имена. Эти люди, чьи жизни были посвящены Богу, имели возможность часто встречаться с Димитрием и его супругой, потому что он и она с радостью и надеждой шли навстречу этому.

Кремль стал высоконравственным семейным домом, где во храмах звучали молитвы, а в теремах щебетали детские голоса. Собиравшиеся в нём святые люди, разумеется, духовно были выше многих старцев и старик с княжеских задворков, среди которых росла и любила бывать девочка Евдокия, но общее ощущение могучего Богоприсутствия в человеческой жизни давало им всем единую высоту. И это на фоне несоответствий окружающей жизни, признанных фактами истории: драк, жестоких противостояний как в семьях, так и вне их.

Период, о котором здесь идёт речь, начавшийся появлением на пепелище Московского кремля Димитрия и Евдокии и окончившийся вместе с ними, можно определить как эпоху Рождества.

Рождение и Рождество — два равновеликих слова, определяющих жизнь и Житие, земное и Небесное, человеческое и Божие, преходящее и Вечное состояние. Они неразделимы во всех своих проявлениях. Чтобы не разлучаться с ними, святые подвижники несли идеи всё новых и новых храмов и монастырей на пространствах, где творилось Чудо созидания новой российской государственности, увы, далеко не всегда умевшей в простоте и ясности быта видеть Чудесные знаки Бытия.

Митрополиты Пётр и Феогност, предшественники митрополита Алексия, воспитавшего князей Димитрия Московского и Владимира Серпуховского, не прихоти ради выбрали Москву для своего проживания. Евдокия почувствовала это сразу, попав в Кремль, хотя детинец встретил её руинами. Взойдя на Боровицкий холм вместе с мужем, она увидела, как возрождается первый на Москве храм Иоанна Предтечи, построенный некогда в основании языческого капища. Ужаснулась было, но собралась с мыслями, и словно кто-то в ней произнёс удивившие её слова:

«Общее основание — знак единства, нераздельности прошлого с настоящим. Разве случайно многобожеский праздник рождения Ивана Купалы совпадает с праздником Рождества Иоанна Предтечи? Знаки Неба повсюду здесь, на Земле. Замечай их. Следи за ними. Учись понимать их уроки».

Митрополит Алексий и игумен Сергей сразу прозрели в юной жене князя Димитрия то, чего не замечали другие, те, чья духовная жизнь сводилась к проблемам и проявлениям быта: озарённость Евдокии Божественным Светом, хотя она никому, кроме мужа, не рассказывала про Свет очей Богородицы. Оба святителя, известные великими делами,

провидели в поступках княгини будущие Деяния. Она сразу вошла в мир пониманий Алексия и Сергия. И, как могла, помогала им обоим. Они назвали её озарённая.

Митрополит Алексий прославлен созданием многих храмов и монастырей. Чудов монастырь, по ряду свидетельств, появился в Кремле в честь Спаса Нерукотворного, как память о Чуде спасения от бури путников, возвращавшихся из Константинополя на Русь, среди которых был Алексий.

Игумен Сергий послал в Москву митрополиту Алексию своего ученика Андроника, чтобы он основал на берегу Яузы Спасский монастырь.

Рождеству Богородицы посвятил митрополит Алексий Симонов монастырь, основанный племянником игумена Сергия Феодором на месте «звонимом от древних Симоново». Княгиня Евдокия приезжала в Симоново, когда возводились стены, в 1375–1377 годах, а в 1382 году Феодор Симоновский окрестил Андрея, сына Димитрия и Евдокии.

Замечено: даты рождений их детей мужского пола, сыгравших ту или иную роль в истории Руси, давались летописцами в точности. Евдокия сама следила за этим:

30 декабря 1371 года родился Василий.

26 ноября 1374 года родился Георгий (Юрий).

14 августа 1382 года родился Андрей.

29 июня 1385 года родился Пётр.

Василий, Георгий, Пётр — крещены игуменом Сергием Радонежским.

При всей значительности своего положения в обществе Евдокия была открыта для самых разных встреч, не разделяя людей на умных и глупых, богатых и бедных. Она благоволила к тем, с кем могла долго говорить либо кого могла долго слушать. Но встречались люди, от общения с которыми она мягко отодвигалась с первой минуты, ничего никому не объясняя. Говорили, что княгиня ясновидящая с детства и насквозь прозревает каждого подходящего к ней человека, но не желая обидеть даже злодея, быстро и легко находит способ отвести его от себя или самой отодвинуться.

Без благословения того или иного близкого ему игумена, митрополита или скромного старца князь Димитрий не начинал никаких решительных действий. Не принимал ни одного государственного решения. И это в трудно складывавшемся государстве становилось принципом единого управления — духовного и светского.

Евдокия вела себя иначе. Она, черпая силы для разного рода собственных решений в беседах, к примеру, с игуменом Сергием или Кириллом Белозерским, сами решения принимала перед образами Богородицы. В одиночестве. В молитве. Не всегда её поступки совпадали с советами старцев, но замечательно умела она спокойно и негромко соединить в душе их понятия с теми знаками, какие давали ей иконы Богородицы. Что думали старцы, видя, как княгиня поступает не по их советам, она не знала, ибо они не говорили с нею об этом, но по их доброжелательному отношению к её поступку видела — согласились.

Пример? Пожалуйста.

Горячо вознамерилась в 1383 году Евдокия вызволить своего сына, подростка Василия, из ордынского плена, куда он был отправлен к хану Тохтамышу в заложники. Решила нанять там, в Орде, людей, способных помочь ему бежать. Договорилась с князем Витовтом, чтобы спрятал у

себя беглеца. Суровые советы святых отцов были против этого. Дмитрий, отлично зная, а главное, понимая свою Евдокию, был уверен: в этом случае всех выслушает, никого не послушается.

— Не нанимай людей в Орде — грех. Бог Сам решит, как освободить Василия. Молись.

— Не проси помощи у Витовта. Он сам живёт в изгнании. Он менее всего друг Москвы. У него литовская вера. Молись о сыне. Жди. Имей терпение.

Такое внушали ей старцы.

Ах, тысячу раз правы были святые отцы, но у неё оказалась своя правота — сила материнского инстинкта. Ни один из них не мог познать материнства. Ни один из них не мог испытать родов. Не дано Природой. А ей дано. Значит, действовать должна по-своему.

Однажды бессонной ночью, в мыслях о спасении Василия, привиделась Евдокии икона. Не Та, Владимирская. Не та, какой благословлён был её союз с Дмитрием в Коломне. Похожая на обеих. Но лик повернут не вправо, а влево. И младенец не справа сидел, а слева. Не принял щёчку к Ней. Был отстранён. Держал руку в двуперстном знамении. Взрослыми виделись Евдокии фигура и лик Его на этой иконе. Не похож был на младенца. Будто даже что-то внушал Богородице...

Княгиня Евдокия явственно видела икону над собой, в столбе света.

Икона медленно растворилась в воздухе, и княгиня ощутила сильный запах мира. Тронула своё правое плечо. Миров с плеча перелилось на ладонь. Ярко-солнечного цвета, круглая, упругая, большая капля. Повинуясь какому-то безмолвному совету, Евдокия закрыла лицо ладонями, в которых оказалась капля мира, и через минуту отняла их от лица. На ладонях — ни следа, а глаза Евдокии наполнились нежной влагой. И зоркостью.

«Вот оно, благословение Богородицы, — думала она, — Христос на иконе — взрослый. Это Знак: мой Василий уже не младенец, он взрослый, он не просит помощи, он зовёт действовать».

Обычно она вставала с солнцем, так поднялась и на сей раз. Помолясь, вышла к людям и уверенно попросила послать в городок Тихвин святых старцев для встречи Чудотворной иконы.

Откуда знала княгиня, что некая икона нынче перед рассветом впервые действительно явилась над рыбаками, вышедшими на промысел в Ладожском озере? Никто бы не мог сказать. Княгиня за минуту до своей просьбы не ведала о ней. Слова сами рождались: «Иконе в Тихвине нужно поставить часовню. Это Чудотворная. Она поможет всем».

Княгиня также попросила написать для себя этот Образ. Его написали по её словесному рисунку. Так появился у Евдокии первый список иконы Богородицы «Тихвинская». Она помогла ей выручить сына из плена.

АХМАТОВСКАЯ ТРОПА

(к 125-летию поэта)

В последние годы в Коломне зарождается настоящий культ Поэзии. Во множестве выходят стихотворные сборники и публикации, грандиозные Поэтические марафоны каждый год заполняют кремль и Старый город волнами созвучий. И не удивительно, что лейтмотивом в этом многоголосном хоре звучит ахматовская нота.

Ахматова провела под Коломной три летних сезона: в 1936, 1952 и 1956 годах. В городе побывала лишь единожды, 16 июля 1936-го, но этот день глубоко запечатлелся в её памяти. Итогом тех лет стал изумительный цикл стихов, связанный с Коломенским краем и коломенцами.

Как же отблагодарить великого поэта за драгоценный дар? И вот в городе возник проект «Ахматовской тропы»: пешеходного маршрута по литературной Коломне, которым Анна Андреевна прошла в тот памятный жаркий день, от железнодорожной станции Коломна через Посад и кремль — до Маринкиной башни. Дело не ограничивается только романтической прогулкой. Ахматовские строфы покидают страницы книг, они выходят на улицы и одушевляют фасады зданий.

Знаменательный юбилей со дня рождения Ахматовой, который мы празднуем в этом году, отмечен не только мемориальными текстами, публикацией книг и выпуском множества памятных подарков. Объявлен конкурс, на котором молодые литераторы, художники, исследователи воплотят поэтические образы, по-новому взглянут на биографию поэта.

Закономерно, что проект «Ахматовская тропа» получил высокую оценку и специальный грант Московской области.

Но главное, конечно же, не только в материальных приметах. Гораздо более значимо духовное присутствие гения в жизни города. И свидетельство нашей памяти — заупокойная лития по рабе Божией Анне, которая вот уже второй год совершается в Коломенском кремле.

Столетие с четвертью миновало со дня рождения Ахматовой. Но душа её, бессмертное её слово по-прежнему остаются с нами!

УРОКИ САМООТВЕРЖЕННОСТИ

Нисон Семёнович Ватник родился 22 июля 1948 года в Кишинёве. В 1966 году поступил на исторический факультет Коломенского педагогического института, который окончил с отличием в 1970 году. С 1970 по 1978 год работал учителем истории и заместителем директора Парфентьевской средней школы Коломенского района. В 1978 году перешёл на работу в Коломенский педагогический институт (ныне — Московский государственный областной социально-гуманитарный институт), где последовательно занимал должности ассистента, старшего преподавателя, доцента, заведующего кафедрой истории (1991–2006 гг.). В настоящее время — доцент кафедры отечественной и всеобщей истории МГОС-ГИ, кандидат исторических наук.

Нисон Семёнович Ватник — автор (соавтор) более 110 научных и научно-методических работ. Среди них — монография «Подмосковье из века в век: очерки истории Московского края», очерки «Путешествия вокруг Москвы», энциклопедия «Московская область: история, экономика, культура», «Детская энциклопедия», учебное пособие «Страницы истории Подмосковья», «Летопись Подмосковья» и другие.

Краеведческий очерк

Взглянув на название этого очерка, осведомлённый читатель наверняка предположит, что его ожидает встреча с детьми эпохи Великой Отечественной войны — пионерами и комсомольцами, которые трудились на колхозных полях и в цехах заводов, приближая Победу над фашизмом. И ошибётся. Речь пойдёт о коломенских гимназистах и гимназистках, волей судеб оказавшихся современниками событий столетней давности — Первой мировой войны, которая решающим образом повлияла на течение всемирной и российской истории.

В начале XX века Коломна наряду с Дмитровом, Сергиевом Посадом и Серпуховом входила в группу ведущих образовательных центров Московской губернии. Здесь действовали три гимназии: мужская и две женские, уездное духовное училище, одиннадцать начальных городских училищ, несколько профессиональных школ. Но статусными для города, конечно, являлись средние учебные заведения: казённая восьмиклассная мужская гимназия, женская правительственная гимназия и женская частная с правами правительственной прогимназия М.В. Падеревской. В 1910 году в мужской гимназии (основана в 1874 году) обучался 281 человек, в женской гимназии (открыта в 1869 году) — 564, в гимназии М. В. Падеревской (открыта в 1911 году) — 149 учениц. Преобладание учащихся женских школ характерно и для Коломны, и для всей России начала столетия. Дело в том, что женские правительственные гимназии государство финансировало максимум на 10 процентов, а оставшиеся расходы

Коломна. Женская гимназія.

Коломенская женская гимназия

покрывала плата за обучение, взносы городских дум, земских управ и благотворителей; частные гимназии, разумеется, полностью содержались на средства родителей учениц. Напротив, бюджет мужских гимназий на 50 процентов формировался за счёт поступлений из казны, и поэтому, удовлетворяя просьбы городских обществ открыть очередное учебное заведение, Министерство народного просвещения отдавало предпочтение минимально дотационным женским или самофинансируемым частным школам.

Состав коломенских учащихся в полной мере отражал торгово-промышленный и поликонфессиональный облик города. Как типичные приведём данные по мужской гимназии: здесь явно преобладали дети купцов и мещан — 44,5%, выходцев же из семей личных дворян и чиновников было 7,5%, детей духовных лиц — 8,5%, весьма значительной выглядела доля детей разбогатевших крестьян — 24,9%. Основная масса учащихся — 269 человек (95,7%) — были православными, по 5 человек (1,8%) — иудеи и инославные (неправославные) христиане, 2 человека (0,7 процента) — католики.

Учебную, воспитательную и внешкольную деятельность учебных заведений регулировали соответствующие нормативные акты: мужской гимназии — «Устав» 1871 года, женских школ — «Положение о женских гимназиях» 1870 года. Государство не допускало какого-либо вмешательства общественности в жизнь учебных заведений, равно как и пресекало любые попытки воспитанников влиять на порядки в своей *alma mater*. К тому же, исходя из принципа «школа есть храм науки», власти стремились изолировать учащихся от «проблем жизни», исключить или минимизировать воздействие событий в стране (особенно политических) на их мировоззрение и поведение. Правда, в годы первой российской революции как Министерство просвещения, так и администрация гимназий (в том

Манифест 20 июля 1914 года о начале войны с Германией (Петербургский листок. 21 июля 1914 г.)

числе и коломенских), столкнувшись в 1905–1906 годах с массовым ученическим движением, были вынуждены разрешить деятельность родительских комитетов, пойти на некоторое смягчение дисциплинарного режима, а также разнообразить формы воспитательной работы. Эта первая волна перемен оказалась не последней: «июльский кризис» 1914 года на Балканах и Манифест Николая II о войне с Германией окончательно разрушили барьеры между школой и окружающим миром и вновь, как в 1905 году, сделали в юношеской среде популярным лозунг — «Мы не только учащиеся, но ещё и граждане!» (подчеркнём, с противоположным быллой революционности, иным — проправительственным — содержанием).

В воскресенье 20 июля 1914 года император подписал Манифест. В последующие два-три дня документ напечатали во всех газетах, и он стал общеизвестным. Саму войну подавляющее большинство русского общества расценивало не только как традиционную помощь православным балканским народам, ставшим жертвами австро-германской агрессии, но и как защиту православия от наступления протестантизма и католицизма (современники, осознавая масштабность происходившего, называли её «Большой войной», «Великой войной», «Второй Отечественной», «Великой Отечественной», «германской»). Всё это вызвало среди школьной молодёжи подъём патриотических настроений. Зримым выражением таких чувств явились демонстрации во многих губернских городах, в которых, несмотря на каникулярное время, приняли участие гимназисты и реалисты из старших классов. В столице гимназисты и гимназистки у сербского посольства до хрипоты кричали: «Жививо!» («Да здравствует! Ура!») и вместе с другими манифестантами восторженно приветствовали появление императорской четы на балконе Зимнего дворца. Причём в отличие от 1905 года школьное начальство и учителя с пониманием отнеслись к столь явному нарушению правил.

В Коломне общегородские акции такого рода не происходили, в учебных же заведениях, кроме обычных — в связи с началом учебного года, — состоялись молебны «о ниспослании победы христолюбивому воинству».

Но участие в официальных мероприятиях далеко не полностью отражало эмоциональный подъём молодёжи. Разворачивавшиеся на её глазах события воспринимались продолжением Русско-турецкой войны 1877–1878 годов, о которой подробно рассказывали на уроках истории. Особо внимательно гимназисты читали газеты со сводками с театра во-

Демонстрация на Дворцовой площади в С.-Петербурге в связи с началом войны с Германией (Фото К. К. Булла)

енных действий, в классах вывешивали карты и самодельные схемы мест сражений. Необычайную популярность получили книги по военной истории, особенно русской.

458

НИСОН ВАТНИК

Свойственную юношеству бурю чувств, где переплелись патриотические переживания, идеализация действительности и экзальтация, очень точно подметил в рассказе «Гимназистки (Ава)» писатель И. С. Соколов-Микитов, хорошо знакомый с жизнью коломенских гимназий (здесь учились жена писателя Лидия Ивановна и её брат Анатолий Иванович Малофеев — впоследствии известный советский военачальник, генерал-майор артиллерии). Картины, изображённые выдающимся прозаиком, исторически достоверны. Как доказал коломенский краевед А. И. Кузовкин, сюжет рассказа, типажи героев и многие детали быта провинциального города начала XX века подсказала автору его супруга, а точность её воспоминаний была весьма велика — только десять лет отделяли подлинные события от их литературной интерпретации («Гимназистки» публикуются в 1928 году и получают благожелательные оценки критиков, вплоть до лестного сравнения с бунинскими «Тёмными аллеями»). Поэтому далее мы будем неоднократно обращаться к тексту рассказа, оценивая его как специфический исторический источник, близкий к беллетризованным воспоминаниям.

Приведём несколько красочных зарисовок Коломны первых месяцев войны, сделанных Соколовым-Микитовым. «Война вдруг изменила, преобразила город, всколыхнула привычное бытё-житиё. Город наполнили новые люди... По бульвару и Пушкинской нынче гуляли новоиспечённые прапорщики в ремнях и новеньких погонах; проходили, семена ножками, сёстры милосердия в чёрных монашских косынках. Первое время всё это — прапорщики, ремни, косынки, музыка и песни всякий день проходивших по городу и топтавших рыжий снег солдат — казалось занимательным и

модным. Гимназистки сходили с ума, мечтая о косынках милосердных сестёр; гимназисты готовились добровольцами на фронт. ...Казалось, скоро-скоро въедут храбрые русские генералы на белых и вороных конях в главный немецкий город, кончится война, и будет долго ликовать Россия».

Увлечение героикой войны обусловило стремление попасть на фронт, в первую очередь, среди подростков. Стали распространённым явлением побеги на фронт, об этом постоянно сообщали столичные и провинциальные газеты. В имеющихся в Центральном историческом архиве Москвы документах коломенских гимназий свидетельство таких побегов не выявлено, зато есть примеры участия старшеклассников мужской гимназии в «добровольческом движении». Речь идёт о стремлении молодых людей 16–19 лет как можно скорее попасть на фронт: одни предпочитали разрешённую родителями и учебным начальством запись в действующую армию (т. е. «добровольчество»), другие же — отстаивали возможность ускоренно поступить в юнкерские училища. Реализации планов способствовала ситуация на фронтах: осенью 1914 года кадровые потери русской армии в Восточной Пруссии и Галиции, в Варшавско-Ивангородской операции оказались настолько велики, что пресса предлагала пополнить «выбитый офицерский состав» выпускниками средних учебных заведений, сдавшими выпускные экзамены «не поздней весной, а в рождественские каникулы». Множественные обращения учащихся Владимира, Москвы, Перми, Петрограда, Саратова, Томска, Ярославля, Коломны, Сергиева Посада и других городов, поддержанные попечителями учебных округов и общественным мнением, возымели действие: Министерство просвещения и Святейший Синод разрешили организовать досрочные испытания. Свой шаг навстречу стремлениям молодёжи сделало и военное ведомство, с 1915 года разрешив приём в военные училища без экзаменов юношей, окончивших шесть классов средних учебных заведений или два класса духовной семинарии.

Имена троих коломенских гимназистов-добровольцев перечислены в донесении директора мужской гимназии А. Ф. Лебедева попечителю Московского учебного округа от 28 мая 1915 года. Директор сообщил, что с разрешения родителей Гавриил Дмитриевский и Александр Пробатов отправились на театр военных действий в октябре 1914 года, а Исаак Левитан — в январе 1915 года. В документе содержатся известные директору подробности воинской службы Дмитриевского и Пробатова. Оба «были причислены к воинским частям, принимали деятельное участие в боевых операциях против неприятеля. Дмитриевский, простудившийся во время зимней кампании, был эвакуирован на Родину и возвратился в гимназию. Пробатов поддерживал сообщение во время боёв между отдельными частями действующей армии, был контужен и как оказавший существенные услуги делу борьбы с врагом был награждён орденом Святого Георгия Победоносца; в марте Пробатов возвратился из армии на Родину».

Здесь же приведены имена гимназистов, поступивших в военные училища: в январе 1915 года — это Константин Ежов, Николай Буткин, Иван Беляев, Иван Надеждин, Сергей Успенский, Николай Флерин, Георгий Якобс; в апреле 1915 года — Сергей Вихрев и Сергей Чекарев; в мае 1915 года — Николай Кравчинский. К сожалению, каких-либо сведений и об их службе, и о воинской судьбе Левитана в архиве не обнаружено.

Первые месяцы войны показали, что болезни, увечья и смерть не обходили стороной юношей-добровольцев, хотя взрослые воины по возможности пытались их уберечь. Отражая общественное беспокойство о судьбах молодого поколения, московский журнал «Гимназист» спрашивал своих читателей: «Должны ли мы помочь Родине ... личным участием на поле брани, или для этого мы ещё слабы, и не принесём ли мы больше пользы ... на местах тем или иным посильным для нас трудом?» И здесь же давал ответ: «Кругом столько лазаретов, питательных и санитарных пунктов, так часты кружечные и другие сборы ... и ваша помощь, сочувствие и поддержка здесь для вас нравственны и обязательны». Та же мысль высказывалась в предназначенном для педагогов «Вестнике воспитания»: «Нельзя всем сражаться», а мирная работа в тылу «бесконечно разнообразна».

Для учащихся первым и наиболее доступным способом поддержать армию стала «помощь раненым и увечным». Она стихийно возникла уже осенью 1914 года в связи с созданием в тыловых городах перевязочных отрядов, госпиталей, большинство из которых находились в помещениях средних учебных заведений и общественных зданиях (например, в Коломне под лазарет был отдан дом коммерческого собрания). Поэтому частым стало дежурство юношей на железнодорожных станциях для встречи санитарных поездов, старшие гимназистки помогали в палатах.

Для иллюстрации приведём фрагмент из рассказа «Гимназистки (Ава)»: «Гимназистки, всякий день проходившие мимо лазарета с повисшим флагом над входом, стали отдавать свои завтраки и покупать на карманные деньги папиросы. И всякий раз раненые поджидали проходивших гурьбою, звеневших голосами девочек, принимали подарки, ласково шутили. Весело смеялся, отрывая ровные, сплошные и белейшие зубы, раненный в руку весёлый солдат Серёга, которого знала и любила вся женская гимназия».

Учащиеся постоянно занимались уличными «кружечными сборами» денег в пользу пострадавших сербов и черногорцев, русских беженцев, раненых и увечных. На уроках рукоделия гимназистки «прилежно шили кисеты и вязали шарфы, вкладывая в махорку надушенные записочки солдатам в окопы».

Однако со временем война показала своё недоброе лицо. Её зримым воплощением стали раненые в больничных палатах с забинтованными культишками; на улицах города наряду с ожидавшими отправки на фронт сёстрами милосердия и офицерами были и инвалиды. В поведении учащихся появились те черты, которые не могли не беспокоить педагогов: в первую очередь, национальная нетерпимость и излишняя возбуждённость. В 1914–1915 годах столичные и губернские газеты неоднократно сообщали о случаях, когда ученики требовали удалить учителей-немцев и прекратить преподавать немецкий язык. Правда, в большей степени такие перемены (идушие обычно из семей школьников) были характерны для крупных городов, где толпы обывателей громили магазины с немецкими вывесками и избивали иностранцев. В провинции же если и отмечался «подъём патриотического духа», то без выраженного шовинизма. Применительно к коломенским школам эту местную специфику подметил и Соколов-Микитов: «Немка Демицилия Адольфовна ходила сконфуженная, робея поднять глаза, а чтобы покрепче ей насолить, розовая и круглая

Дуня Кудрявцева, сидевшая на крайней парте, перестала, как всегда делала раньше, вскакивать и закрывать за немкою дверь. Краснея, теряясь на глазах недружелюбно молчащего класса, Демицилия Адольфовна неловко поворачивалась длинною своею, зятанутой в форменное зелёное платье спиной и сама закрывала стеклянную дверь. ... Демицилия Адольфовна, чувствовавшая себя виновной за разразившуюся войну, не спрашивая уроков, всем стала ставить пятёрки». Напротив, «представитель» союзников удостоился чествования: гимназисты «до обморока качали на руках француза Эмиля Альфредовича Корню, высокого черноусого многосемейного человека, занимавшегося прежде скромным кондитерским ремеслом».

Как отмечала педагогическая пресса, молодёжь «крайне нервировали» и отвлекали от учебных занятий неблагоприятные сводки с театра военных действий, гибель или увечье соседей, знакомых и близких родственников. Перемены в восприятии повседневной жизни приводит и Соколов-Микитов: «Давно пригляделись франтившие перед отправкой на войну прапорщики, примелькались монашеские косынки сестёр, будничнее и грознее стала казаться война, чаще ходили недобрые по городу слухи. Весною, перед экзаменами, у Сони Воронцовой убили на войне брата, и она неделю не ходила в класс, потом явилась заплаканная, бледная, с крепом на гимназическом значке. У многих девочек забрали отцов и братьев. Взяли из гимназии сторожа Степана, открывавшего парадную дверь и звонившего на лестнице в колокольчик: у Степана под лестницей, в каморке, которую он занимал, с маленьким окномцем на задний двор, оставались жена и ребёнок, и вся гимназия перебивалась под лестницей смотреть маленького ... сына Степана, на Степанову заплаканную и растерянную жену Дашу, сидевшую на краю кровати со сбитым ситцевым одеялом, плакавшую горько и кормившую грудью ребёнка».

Гнетущее впечатление произвело отступление русских войск в 1915 году. И дело не только в огромных потерях и оставленных больших территориях. Из западных губерний в центр России хлынул поток беженцев, сюда эвакуировали русские учебные заведения, разместив в действующих средних школах. Так, в Коломне появилась Андреевская учительская семинария (из Келецкой губернии Царства Польского), которая расположилась в здании высшего начального училища (позднее, в 1918 году, её перевели под Волоколамск, в бывшее имение Безобразовых, где она стала базой широко известного племенного совхоза-техникума «Холмогорка»). Рассказы эвакуированных сверстников и беженцев разрушали юношески романтические представления о войне.

Постепенно снижались доходы семей школьников, росли цены на продукты питания и жильё. Это ставило под сомнение продолжение образования для детей из семей не только с низким, но и со средним достатком. В школах же начались нарушения незыблемого, как казалось, учебного распорядка и воспитательного режима. Очередной, 1915/1916-й учебный год мужская гимназия не смогла начать вовремя, так как большую часть её помещений отдали «на нужды военного ведомства», и в распоряжении гимназии остались только канцелярия, учительская и библиотечная комната. Занятия теперь проходили по вечерам в женской гимназии. К чему это привело, колоритно передаёт Соколов-Микитов: «Пылью, шумом и грохотом, непривычною топотнёю наполнился коридор и чистенькие

классы женской гимназии. Больше всех сердился на гимназистов кривой Авдеич, гимназический сторож, ставший на место Степана, писавшего жене письма из немецкого плена (письма эти жене Степана, по-прежнему жившей под лестницей, приходили читать гимназистки, и о Степановых бедах знала вся гимназия). ... По утрам гимназистки находили в партах измятые окурки, а в уборных нестерпимо разило табачным дымом».

Учителей, родителей и учащихся серьёзно будоражили мероприятия Министерства просвещения, связанные с предстоящей в 1915 году школьной реформой (расширялись функции родительских комитетов, смягчался внешкольный надзор за учениками, гимназиям разрешалось в 1916 году отменять переводные и выпускные экзамены, обсуждалась отмена балльной оценки знаний). И всех без исключения волновали слухи о повсеместном предательстве и немецких агентах.

Но все эти перемены принципиально не сказались на отношении ученической молодёжи к происходящему, к войне. Наоборот, юноши стали придавать особое значение спортивным занятиям, которые считались необходимой частью подготовки к военной службе. В целом, в молодёжной среде возникло стремление к физическому здоровью, и потому получил высокую оценку спорт, искореняющий «недостатки человека, например, вялость, колебания, болезнь». Один из ученических журналов непосредственно увязал занятия спортом и патриотизм: «В такой момент, когда наша Родина переживает все ужасы войны за лучшее будущее народов, ей нужно много сильных, решительных и выносливых людей. Так да здравствует разумный спорт!» Воплощению этих призывов в Коломне способствовало наличие в мужской гимназии полноценного спортивного зала со «снарядами и гимнастическими машинами», что было редкостью в провинции. Наряду с физкультурными гимназисты посещали занятия кружков Коломенского гимнастического общества и организовали футбольную команду, успешно выступавшую на городских соревнованиях. Приобрели популярность уроки строевой подготовки и овладение ружейных приёмов: одиночные и шереножное учения, взводные и ротные перестроения, фехтование на ружьях как «приготовление к исполнению воинского долга».

В 1915–1916 годах в России получила распространение трудовая помощь учащимся фронту. Появившееся стихийно в первые месяцы войны, в 1915 году это движение получило одобрение императора, а затем и циркулярную регламентацию со стороны Министерства просвещения. Признали полезным и желательным, чтобы молодёжь «отдала часть своего рабочего времени на изготовление предметов снаряжения для армии»: рекомендовался перечень таковых (рукоятки для пехотных и кавалерийских топоров, черенки для пехотных лопат и кирок, снарядные ящики, траншейные перископы), указывались размеры и исходные материалы. Все работы должны были производиться за счёт учебных заведений, но при помощи земств и городских управ и только во внеурочное время.

По примеру других школ в Коломенской гимназии наладили изготовление траншейных перископов. Образец предоставило командование расквартированного в городе 198-го запасного батальона, материалы и необходимые инструменты гимназия приобрела на свои средства. Производственные помещения в гимназии отсутствовали, и все работы осуществляли в учительской комнате; здесь трудились 15 воспитанников

V–VI классов, а в роли мастеров выступали учителя И. А. Рокицкий и Н. И. Никольский. О качестве готовых изделий можно судить по одобрительным оценкам офицеров-фронтовиков из упомянутого запасного батальона: «Перископы весьма полезны и вполне удовлетворяют своему назначению». К сожалению, ведомственная несогласованность не способствовала успеху этого, со всех сторон полезнейшего, предприятия: на запрос директора гимназии об отправке «предметов государственной обороны» по назначению Московский губернский комитет Всероссийского земского союза заявил, «что не имеет заказы на изготавливаемые предметы от интендантского ведомства».

Наряду с «производственной» другой активной формой помощи стали сельскохозяйственные дружины. Образованные в 1915 году в земледельческих училищах, они, по разрешению Министерства просвещения и при деятельном участии земских органов, в течение последующих двух лет распространились во многих общеобразовательных и технических школах России. Помогая семьям воинов и запасных, дружинники занимались обычным крестьянским трудом. Архивный поиск позволил выявить участие в деревенской страде 1916 года на территории Коломенского уезда по меньшей мере двух сельскохозяйственных дружин, сформированных из учащихся московских учебных заведений: частной гимназии В. Д. Касицына и 2-го реального училища.

В обоих случаях приглашающей стороной являлись земские учреждения: Московское губернское и Коломенское уездное. Они же финансировали поездки и предоставляли учащимся и преподавателям в пользование сложные сельскохозяйственные машины: конные грабли, косилки и жатки. Для проживания дружинников гимназии В. Д. Касицына было подготовлено помещение Акатьевской земской школы, расположенной примерно в 14 верстах от Коломны.

С 4 июля по 5 августа они работали в селениях Акатьевской волости (Акатьева, Васильева, Игнатьева, Жилева, Молзина). Трудовой день начинался, как и у местных крестьян, в 3–4 часа утра (для косцов) и продолжался до захода солнца. Перечень работ довольно внушителен: сушка и уборка сена, машинная косьба трав на общественных лугах, машинная жатва ржи. Желаящие получить в помощники дружинника должны были заявить об этом накануне, и утром следующего дня к ним посылали 1–2 гимназистов. Удовлетворить просьбы всех не удавалось, поэтому только особенно нуждающимся постоянно выделяли помощников, а менее нуждающимся — через день, а то и совсем никогда.

Сами учащиеся относились к порученному делу настолько усердно, что, по словам директора гимназии, «иной раз приходилось их сдерживать».

Примечательно, что по просьбе уездного земства преподаватели и гимназисты обучали местных жителей работе на машинах, чтобы земский прокатный пункт сельскохозяйственного инвентаря мог продолжать работы и самостоятельно. Сначала освоили конные сенокосилки. Когда же 21 июля в Акатьева убрали рожь, опробовали и жатку. Своё поле «с некоторым страхом» предоставил крестьянин Алпатов. Успех превзошёл ожидания: машина работала так легко и хорошо, что изо всех сёл в изобилии посыпались заявления; пришлось посылать машину подённо по очереди: на день в Молзино, на день в Акатьево, на день в Игнатьево и т. д.

Педагогический класс Коломенской женской гимназии. Выпуск 1917 года

Примерно в то же время в примыкающих к Коломне пяти селениях работала сельскохозяйственная дружина 2-го реального училища. Она включала 33 ученика I–VI классов (примерно 9–15 лет) и «стояла» в земской школе села Сандыри. Для удобства управления дружина была разделена на три возрастные группы с выборными старшими, которые ведали учётом исполненных работ и следили за порядком. Пестрота возрастов, по наблюдениям учителей, имела свои преимущества: надзор за младшими доверили старшим, что было особенно важно, когда самостоятельные группы, «партии», учащихся работали в отдалённых местах.

При таком трудовом образе жизни не могло быть и речи о плохом поведении и проступках. Взаимоотношения дружинников были самые благожелательные, и вся организация напоминала одну большую семью. Об объёмах сделанного можно судить по сохранившемуся отчёту за период с 15 июля по 5 августа: учащиеся обслужили 5 селений, скосили руками 5 десятин (1 десятина — 1,09 га), косилкой — более 23 десятин, сворошили более 4 десятин, убрали жнейкой свыше 9 десятин ржи. Губернское и уездное земства затратили на проезд, проживание и питание почти 628 рублей. Если учесть, что стоимость только машинных работ, выполненных учащимися, составила 260 рублей, то дружина лишь за счёт машинного труда почти отработала своё пропитание (293 рубля).

Показательно, как изменилось отношение крестьян к появившимся в деревне гимназистам и реалистам. Вполне объяснимая настороженность к «городским» барчукам постепенно сменилась доверием и «самым лучшим расположением». В Акатьеве местные жители стремились всячески отблагодарить юных помощников: среди дня привозили в поле самовар, чтобы ребята не ходили за три версты на обед в школу, угощали яблоками и ягодами, а в день отъезда, пожелав всяческих благ, преподнесли на

прощанье хлеб. То же было и в Сандырях, где с населением установились самые искренние отношения и дружина своим усердием и работоспособностью вполне заслужила одобрение крестьян.

События Февральской революции 1917 года не только привели к отречению императора Николая II, но и пробудили к активной социальной и политической жизни все слои российского общества. Не осталась в стороне и школьная молодёжь: во многих городах России проходили собрания учащихся, создавались ученические комитеты и союзы, стал популярным лозунг «Свободная школа в свободной России».

Многое переменилось и в Коломне. Соколов-Микитов передаёт это следующими штрихами: «Город стал похож на большую разворощённую муравьиную кучу. Люди были, как воробьи, обрадовавшиеся весне. По городу ходили толпы; исчез куда-то, словно провалился, городской Василий Князев; арестовали и отпустили вышедшего на дежурство ... жандарма Трушко; в женской гимназии по ошибке вместо портрета царя Авдеич снял и отнёс на чердак портрет самого Пушкина. В гимназии о. Валериан служил молебен, и гимназистки, как прежде, чинно стояли в белых парадных фартуках, а после молебна Марья Васильевна обратилась с речью, требуя от гимназисток ещё большего внимания к своим обязанностям, объявила под конец, что с этого дня им разрешается носить открытые на платьях воротнички. На другой день почти все гимназистки явились в класс в переделанных платьях, с голыми шеями. Тогда же ходили отпирать тюрьму. Чёрная на снегу толпа — гимназисты, солдаты, рабочие, родственники и приятели сидевших в тюрьме воров — стояла у большого красного закопчённого здания тюрьмы, требовала освобождения политических. ... У ворот тюрьмы спорил с толпой высокий бородастый старик надзиратель с ключами у пояса, бил себя в грудь и божился, что нет в тюрьме политических, не хотел отдавать ключей, и толпа, не веря на слово бородатому, выбрала делегацию (главным в делегации был гимназист Коля Смоленский) для проверки. ... Те дни были в гимназии суетно и невесело; для многих гимназисток страшными, пугающими казались проплывавшие под окнами красные флаги». Гимназисты-восьмиклассники обратились к женской гимназии с посланием: «уговаривали гимназисток объединиться с ними, учиться совместно, и для почина предлагали устроить собрание и общий избрать комитет». Такое собрание состоялось, несмотря на отрицательный ответ гимназисток и кокетливые обвинения в адрес юношей, что «совсем не для революции вы к нам подъезжаете, а только бы поухаживать за хорошенькими».

Определяя свою позицию по общенациональным и академическим проблемам, ученические комитеты неизбежно затрагивали и отношение к войне. Анализ резолюций собраний и уставов союзов учащихся, постановлений Всероссийского съезда учащейся молодёжи (май 1917 года) позволяет говорить о господстве настроений «революционного оборончества»: теперь война рассматривалась как справедливая борьба с «германским монархизмом, стремящимся уничтожить свободную революционную Россию». В ученической прессе появились заметки о подвигах на фронте, призывы бороться с лозунгами «Долой войну!», подписываться на «Заём Свободы», организовывать однодневные «трудовые мобилизации» и создавать трудовые дружины.

Но в отличие от 1914–1916 годов таким призывам массово не следовали, но по-прежнему помогали раненым в лазаретах. В городах тому причиной были трудности с земским снабжением школьных производств материалами и инструментами; в свою очередь, из-за роста преступности и массовых крестьянских волнений результаты летней деятельности сельскохозяйственных дружин оказались весьма скромными.

К осени 1917 года стало ясно, что благородные порывы молодёжи не востребованы новой властью — Временным правительством. К тому же, в зависимости от общественной позиции и личных воззрений, основные интересы учащихся теперь сосредоточились на вопросах школьной жизни, партийно-политической борьбы или на устройстве собственной судьбы, постепенно оттеснив войну на второй план.

Смену умонастроений коломенских гимназистов косвенно подтверждает Соколов-Микитов: на вечере в гимназии после получения аттестатов разговоры выпускников вперемежку шли «о революции, о танцах, о женских курсах и университете». Заметим, среди тем разговоров писатель не упомянул войну, что далеко не случайно. Для поколения «ровесников двадцатого века» её события, лишившись остроты, стали частью недавнего прошлого, школьной юности, когда они, переполненные патриотическими чувствами, стремились в меру молодых сил помочь сражающейся Родине и следовать своему высоко понимаемому гражданскому и нравственному долгу.

Владимир Петрович Енишерлов родился 26 декабря 1940 года в Москве. Его семья издавна была связана с Коломной. Прадед Владимира Петровича, генерал-майор Пётр Иванович Вельяшев, потомственный коломенский помещик, владел имениями в селе Гололобове и усадьбой Новосёлки. Несколько лет был коломенским уездным предводителем дворянства, известным в Коломне земским деятелем.

После революции 1917 года, когда семья лишилась своих владений под Коломной, никто из её членов в Новосёлках до недавнего времени не бывал, сохранив память о них в домашнем архиве — фотографиях, письмах, дневниках.

Владимир Петрович Енишерлов окончил Литературный институт им. А. М. Горького и аспирантуру. Защитил кандидатскую диссертацию на тему «Александр Блок — литературный критик». Автор книг, статей, публикаций, посвящённых литературе Серебряного века, писателям и поэтам — А. Блоку, Н. Гумилёву, С. Городецкому, А. Белому, М. Цветаевой, К. Чуковскому...

Владимир Петрович Енишерлов — главный редактор журнала «Наше наследие» с 1987 года. Член Союза писателей России. Лауреат Государственной премии Российской Федерации. Кавалер ордена Дружбы. Живёт в Москве.

Краеведческий очерк

Владимир Енишерлов

ВОЗВРАЩЕНИЕ В НОВОСЁЛКИ

*Усадьбы старые разбросаны
По всей таинственной Руси.*

Н. Гумилёв

Названия эти помню я с детства: Новосёлки, Дубёнки, Шейно, Гололобово — дворянские усадьбы и деревни близ Коломны, где жили до революции мои предки и родственники — Вельяшевы, Енишерловы, Расторовы, Сазоновы. Теперь-то мне понятно, почему, говоря о давних временах и вспоминая те места, старшие понижали голос, чтобы не дай Бог кто-нибудь посторонний не услышал. Советское время не располагало к поискам прошлого. Но постепенно нам, тогда молодым, что-то становилось понятно, словно спадала пелена, складывалась из отдельных деталей целостная картина бытия просвещённой семьи, чьи представители веками верой и правдой служили Отечеству, строили Россию, защищали её в сражениях, писали книги, стояли на страже закона... Иногда моя тётушка (Нина Николаевна), она была у нас главным хранителем памяти, доставала какую-нибудь акварель, фотографию, книгу или изящную вещицу и начинала вспоминать усадьбу Новосёлки, с которыми этот раритет был связан, и следовал очень эмоциональный рассказ о веселой, беззаботной юности, прогулках на лодках по более полноводной тогда живописной речке Коломенке, заграничных путешествиях, крокете и теннисе, старой библиотеке с портретами предков. И всегда грусть чувствовалась в её голосе. Особое место в этих воспоминаниях занимал парк в Новосёлках, отделённый оврагом от

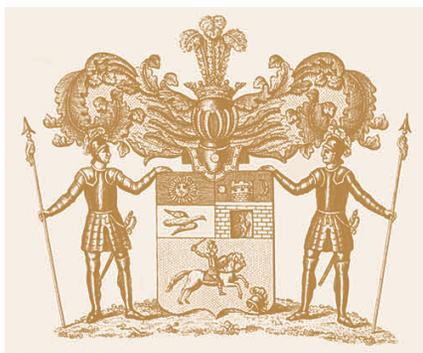

*Генерал-майор П. И. Вельяшев (1812–1897).
1860-е годы. Санкт-Петербург*

одноимённой деревни, и яблоневые сады, которыми была славна усадьба. И парк, и сады, которые весной превращались в бело-розовое огромное облако, очень любил, разводил и берег мой прадед Пётр Иванович Вельяшев, окончательно поселившийся в родовой усадьбе после того, как вышел в отставку в чине генерал-майора, проведя три десятилетия в сражениях Кавказской войны. Его дочь, Александра Петровна, моя бабушка, которую я прекрасно помню, в 80-х годах XIX века вышла замуж за подающего надежды молодого юриста Н. М. Енишерлова. Так Новосёлки стали подмосковной родиной моего отца, Петра Николаевича, его сестры Нины и двух младших братьев, Михаила и Льва, получившего фами-

лию Енишерлов-Вельяшев, так как род Вельяшевых по мужеской линии на нем обрывался. Неожиданно, года два тому назад, попался мне в журнале «Знамя» рассказ Б. Пильняка «Три брата». Я знал, что Пильняк после революции жил в Коломне, писал о ней, но то, что прочёл я в этом рассказе, пробудило чувства гораздо большие, чем любопытство. Действие происходит в начале 20-х годов прошлого века. Пильняк писал: «Мой спутник, старый женский велосипед, начавший своё существование вообще с начала существования велосипедов, поэтому даже не мобилизованный. Я накачивал моего спутника и ехал на нём к жене в Новосёлки. Когда-то были помещики Енишерловы, они исчезли вместе с революцией, но дом остался, в старом парке, засаженном лиственницами и клёном; на холме между оврагом и речкой Коломенкой, совсем один в лесу. В революцию дом отбыл постои и детской колонии и трудармии; потом его заколотили за неимением в России стёкол. И тогда в мезонине на лето поместилась моя жена с дочерью и собачкой-малышом. Каждый раз, когда я приезжал ночью (всю дорогу меня провожали коростели), дом с главной аллеи утверждал мне подлинность Тургенева, верилось в тургеневскую девушку, которая сейчас выйдет из виноградника, с террасы. — На Коломенке кричали лягушки <...> Мне не важно, что новосёлковский дом знает длинную историю, с Императрицы Екатерины, — я обуваю чулки, беру корзинку и иду за грибами...»

Писатель был во многом точен. Гуляли по этому парку и тургеневские девушки, и дом был весь обвит диким виноградом, и ночи были несказанно романтичны и прекрасны в старом парке над Коломенкой. А историю новосёлковский дом имел более давнюю, чем с екатерининских времен, как предположил Пильняк. Как минимум, с эпохи императрицы Анны Иоанновны владели этим поместьем Вельяшевы.

Летние ночи в Новосёлках были действительно какие-то необыкновенные. Примерно за десять лет до Пильняка Пётр Енишерлов записал в дневнике: «В саду Новосёлок. Бабушка и все спят. Какая ночь! Серебряно светит, в тысячах капель отражается луна — полная, чистая, точно омытая холодной, хрустальной, кристально-прозрачной водой. И как лёгкие, чистые мысли, набегают облака — маленькие и прозрачные; набегают, но не затеяют царственного блеска серебра, победно заполняющего всю землю. Цветы дышат, живут, чувствуют эту ночь. Она божественно прекрасна. Красота режет, бьёт грудь, задыхаешься перед такой величественной природой. Великий Пан оделся в свои лучшие ризы лунных лилий, окутанный одурманивающим и кружащим голову запахом. Какое наслаждение!» Этот сад левкоев, напоенный ароматом и вся эта старинная усадьба будут местом, на фоне которого развернётся наше повествование, а там — «два-три звена и уж ясны заветы тёмной старины».

Мой прадед, Пётр Иванович Вельяшев, родился ровно 200 лет тому назад, 7 октября 1812 года, в год, символический для русской истории. Коломну почти не затронула война с Бонапартом, хотя коломенский полк и был в Бородине, но в битве не участвовал. Но если непосредственных сражений с французами вблизи Коломны не было, то, конечно, беженцы из сожжённой Москвы, других мест, захваченных французскими войсками, находили в Коломне, соседних имениях и деревнях приют, относительный покой и кров. Хотя устрашённые французы некоторые коломенцы отправлялись в глубь России. Александра Федоровна Вельяшева (урождённая Любавская) уехала из своего московского дома в Неопалимовском переулке в Коломну, а затем в Новосёлки ещё весной, там пережила московский пожар, приютила родственников, бежавших от Наполеона, и в начале октября родила сына, крещённого Петром в ближайшей к имению Христорождественской церкви. Петр оказался последним Вельяшевым, имевшим в Коломенском уезде Протопоповской волости поместья в селе Гололобове и сельце Новосёлки.

Из материалов разных архивов и исторических справочников известно, что Вельяшевы — старинный русский дворянский род, ведущий начало от Бориса, Василия и Ермолая Григорьевичей, владевших в 1581 году населенными поместьями в Новгородской губернии. Род Вельяшевых был занесён в шестую часть Родословной книги по Московской, Петербургской, Тверской и Ярославской губерниям. В «Общем гербовнике Российской империи» говорится: «Вельяшевы — Вильяшевы тож. фамилии Вельяшевых многи Российскому Престолу служили, за дворянские службы жалованы были от Государей в 1621 (7129) и других годах поместными и денежными окладами. Всё сие справками Разрядных архивов и родословной Вельяшевых подтверждается».

Первым из Вельяшевых, к линии которого принадлежал появившийся на свет в 1812 году младенец Пётр, нам известен как Дружина — Василий

Дом в имени Новосёлки под Коломной. 1910-е годы

Борисович. Он родился в 1550 году при правлении Ивана IV Грозного, а службу закончил при государе Михаиле Фёдоровиче «Кротком». Служил он «головой своею и <...> с конём и человек с конём с ним бывал». В Тверском уезде у озера Селигер владел он деревнями с несколькими сотнями душ крестьян, а когда пришло время «бил челом Царю и Великому князю Михаилу Фёдоровичу в том, что он де стар и руки у него посечены, и полковую службу служить не может. И велел Государь от полковой службы его отставить и служить ему осадную службу». Так сказано в справке Разрядного Архива, «за скрепою на листах дьяка Данилова».

В XVII веке воеводой в Изборске, старинном русском городе-крепости на Псковщине, был ещё один Вельяшев, Захарий Алексеевич, принявший город по Указу Государя и Великого князя Михаила Фёдоровича 6 сентября 1638 года от воеводы З. Т. Веригина с городовыми ключами, пушечными запасами и прочими необходимыми по тому времени атрибутами.

Первым Вельяшевым, упомянутым в читанных мной официальных бумагах как владелец поместий в Коломенском уезде, был отставной секунд-майор Василий Максимович Вельяшев. Чин секунд-майора соответствовал тогда в русской армии позднему чину капитана. О Василии Максимовиче, жившем во времена Анны Иоанновны, известно, что он был помещиком в Нижегородской и Московской губерниях, где ему принадлежало село Гололобово и сельцо Новосёлки. А в городе Старица Тверской губернии был у нашего отставного секунд-майора двухэтажный, с хозяйственными постройками и садом, дом. Через два поколения одна из обитательниц этого дома промелькнула в судьбе А. С. Пушкина, оставшись навсегда в маленьком шедевре поэта.

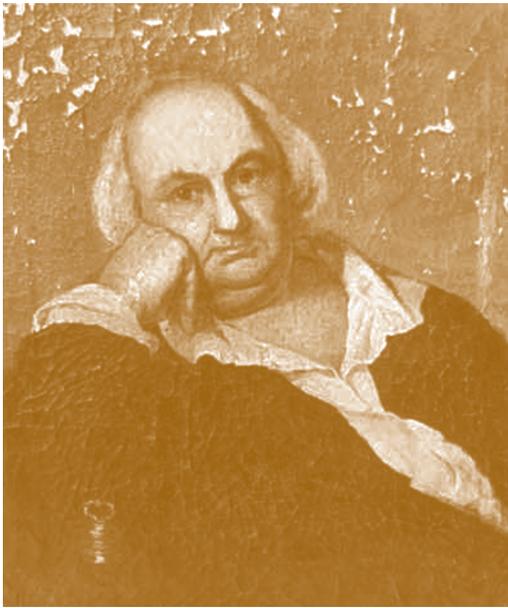
Жена В. М. Вельяшева, Прасковья Михайловна, родила ему трёх сыновей и дочь Анну. Старший, Иван Васильевич, появившийся на свет в

1737 году, служил в армии (почти все Вельяшевы, из той ветви, которая нас интересует, были военными), в отставку вышел премьер-майором и в 1783 году был выбран в Московский Верховный суд заседателем. Ему был присвоен гражданский чин надворного советника, соответствующий чину подполковника в армии и дающий право на официальное к нему обращение «Ваше высокоблагородие». Именно от Ивана Васильевича, помещика села Песцово в Московской губернии, и его супруги протянется в будущем ниточка, связавшая Вельяшевых и Пушкина. Иван Васильевич был женат на дочери гвардии секунд-майора П. Я. Голохвостова Екатерине Петровне, принесшей ему приданое в виде поместий и деревень на реках Согоже и Синьке в Ярославской и Тверской губерниях.

Коломенские владения Вельяшевых – Гололобово и Новосёлки достались младшему брату Ивана Васильевича Петру, родившемуся в 1762 году и при Екатерине Великой вступившему в Лейб-гвардии Конный полк. Гвардейский офицер, он вышел в отставку поручиком по собственному прошению и в гражданской службе числился коллежским регистратором, посвятив себя жизни и хозяйству в своих поместьях под Коломной. Имел он также поместье и в Нижегородской губернии. Следуя далее по родословной Вельяшевых, мы постепенно приближаемся к тем звеньям рода, о которых осталась общественная память.

Сын Петра Васильевича Вельяшева Иван родился 9 марта 1788 года. В 1799 году он был «явлен» на смотре недорослей, где было удостоверено, что грамоте российской он обучен, читать и писать умеет, и был Иван Вельяшев зачислен в Тамбовский гарнизонный батальон, откуда через несколько лет по прошению вышел в отставку. Как и отец, он был коллежским регистратором, то есть имел низший гражданский чин XIV класса в Табели о рангах Российской Империи XVIII–XIX веков. Но, будучи весьма состоятельным помещиком, видимо, низким чином не очень тяготился. Ему принадлежали поместья: в Вышневолоцком уезде – село Крутец со 189 душами крестьян, в Коломенском уезде – село Гололобово и сельцо Новосёлки с 286 душами, в селе Красном Подольского уезда Московской губернии, в 20 верстах от Подольска, был у Ивана Петровича и его жены дом, который обслуживали 14 крепостных. Не совсем понятно, почему подмосковные краеведы в статьях о селе Красном относят его исключительно к Салтыковым. Но известно, что господский дом в Красном унаследовал по разделу с братьями сын Ивана Петровича Николай Иванович Вельяшев. Впрочем, возможно, в большом селе Красное было несколько усадеб и господских домов, как и в Гололобове, и до наших дней дошла память лишь о владельцах Красного — Салтыковых.

Бог знает, в какие исторические глубины приходится погружаться, чтобы хоть как-то восстановить непрерывность цепи, которая объединяла Вельяшевых в единый и дружный, как мне кажется, род. У И. П. Вельяшева и его жены Александры Фёдоровны было четверо сыновей — Николай, Никита, Пётр, Евграф. Их жизнь пришлась на годы, знаменательные для России: Отечественная война с Наполеоном, восстание декабристов, освобождение крестьян и т. д. и т. д. Всем сыновьям Вельяшевы дали прекрасное домашнее воспитание. Российская и всеобщая история и словесность, география, математика, другие науки и особенно иностранные языки — французский, немецкий, английский, латынь — легли в осно-

*Неизвестный художник.
И. П. Вельяшев (1788–1832),
отец генерала П. И. Вельяшева,
владелец поместий в с. Гололобове
и Новосёлках. Начало XIX века.
Холст, масло*

ву их образования. Отличное знание иностранных языков, полученное от учителей и гувернёров, постоянно живших в семье, в будущем сыграло свою роль в судьбе братьев. Всем им отец выбрал военную карьеру. Россия много воевала в те годы, и служба в войсках считалась для дворянских детей непременным условием сохранения своей идентичности. Николай Вельяшев в отставку вышел по прошению в чине штаб-ротмистра. Кстати, после смерти отца именно ему кроме дома в Красном поначалу досталось в наследство и поместье в Гололобове и Новосёлки. Но он поменялся со старшим братом Петром Ивановичем, который отдал за родовые коломенские владения имение Крутец в Вышневолоцком уезде.

Самый младший их брат — Евграф Вельяшев прошёл путь в Московском пехотном полку от рядового до поручика, адъютанта командира полка. В его бумагах сохранились сведения о Высочайшем благоволении за образцовое участие в смотрах, парадах и манёврах в районе Бородина. Место великой битвы оставалось тем полигоном, на котором воспитывался патриотизм, верность царю и Отечеству у поколения русских солдат, наследовавших кутузовским богатырям. Вторую часть жизни провёл Евграф Иванович в делах и заботах в имениях в Даниловском уезде Ярославской губернии, которые передала ему сразу же после свадьбы его жена Любовь Лукинична Анчутина. И всё же, как донесли отрывочные семейные предания, родным домом считали братья Вельяшевы Новосёлки, где всегда ожидал их просторный родительский дом в старинном парке, где прошли их детство и юность на рубеже XVIII–XIX веков.

Я с детства помню большой, написанный маслом портрет, который всегда висел в нашей квартире в Чистом переулке, в комнате бабушки Александры Петровны, внучки Ивана Петровича Вельяшева. Грузный, с круглым выразительным лицом, обрамлённым лёгкими седыми волосами, высоким лбом и внимательным взглядом господин в свободной, распахнутой на груди домашней одежде, смотрит с холста, заключённого в старинную раму. На столике у его руки лежат тонкие «грибоедовские» очки и стоит бронзовый витой колокольчик для вызова слуг. «Запомните, это мой дедушка», — говорила бабушка, а мы, дети, не могли понять, как это у нашей бабушки, читавшей бесконечные английские, французские и немецкие романы, которые ей несли со всей Москвы родственники,

друзья и знакомые, мог быть «свой» дедушка. Лишь много позже разобрал я на портрете латинскую монограмму (J. W.), (Иван Вельяшев) и понял что к чему. А тот колокольчик, что изображён на портрете, сохранился среди немногих вещей, спасённых после революции и бегства из Новосёлки в Москву, и хранится он сейчас на моем письменном столе. Такая вот осязаемая, вещная связь времён.

Теперь вернёмся немного встарь и вспомним о двухэтажном доме, которым владел в древнем тверском городе Старица Василий Максимович Вельяшев. По наследству дом этот достался его внуку Василию Ивановичу, старицкому исправнику, женатому на Наталии Ивановне Вульф. Василий Иванович приходился двоюродным братом тому самому Ивану Петровичу, о котором мы только что говорили и портрет которого сохранился. Както, в конце января 1829 года, А. С. Пушкин заехал из Михайловского в Старицу, где познакомился с Катенькой Вельяшевой, родственницей по матери его друзей и соседей по имению Осиповых-Вульф, кузиной его давнишнего приятеля Алексея Вульфа. Как раз в это время старицкий исправник Вельяшев давал в городе бал. Пушкин без устали танцевал с юной прелестной Катенькой Вельяшевой. Она очаровала поэта. Описывая посещение Пушкиным Старицы, Алексей Вульф записал в дневнике: «Здесь я нашёл <...> Катеньку Вельяшеву, мою двоюродную сестру, в один год, который я её не видал, из 14-летнего ребёнка расцветшую прекрасную девушкою, лицом хотя и не красавицею, но стройною, увлекательною в каждом движении, прелестною, как непорочность, милою и добродушною, как её лета». Приятели — Пушкин и Вульф — прозвали Катеньку Вельяшеву «Гретхен»», и по пути из Старицы в Петербург Пушкин написал обращенное к ней стихотворение:

Подъезжая под Ижоры,
Я взглянул на небеса
И вспомнил ваши взоры,
Ваши синие глаза.
Хоть я грустно очарован
Вашей девственной красой,
Хоть вампиром именован
Я в губернии Тверской,
Но колен моих пред вами
Преклонить я не посмел
И влюбленными мольбами
Вас тревожить не хотел <...>

Пушкин ещё раз, через несколько месяцев, по пути из Арзрума в Петербург, заехал в Старицу. «Гретхен хорошеет и час от часу становится невиннее», — пишет он с дороги Алексею Вульфу. Катенька, видимо, всерьёз задела чувства поэта. Во всяком случае, он трижды рисует её портреты на полях своих рукописей, в том числе незаконченной повести «Роман в письмах», в чертах одной из героинь которой узнаётся Катенька Вельяшева. А единственная известная нам её фотография в относительно молодые годы сохранилась в дошедшем до наших дней альбоме троюродного брата Екатерины Алексеевны (в замужестве Жандр), генерал-майора Вельяшева.

В этом же старинном альбоме находится очень старый дагеротип, на котором изображён сам П. И. Вельяшев. Он изображён, видимо, рядом со своим боевым товарищем, имя которого нам, к сожалению, неизвестно. Черкеска, кинжал, длинные висячие усы — все свидетельствует о Кавказе, где десятки лет довелось сражаться П. И. Вельяшеву. Он честно прошёл боевой путь от унтер-офицера до генерал-майора. И это не была карьера военного чиновника, паркетного шаркуна, а судьба настоящего воина, мужественного и бесстрашного. Проследим этапы его боевого пути.

В 15 лет Пётр Вельяшев, получивший, как я уже писал, прекрасное домашнее образование, свободно владевший немецким, английским и французским языками, был определён отцом на военную службу и поступил унтер-офицером в знаменитый 65-й Его Императорского Величества Московский пехотный полк, имевший богатейшую боевую историю. Шёл 1827 год. Ещё не растворилась тревога, порождённая декабрьским восстанием. Наступила суровая николаевская эпоха. Уже многие годы Россия вела ожесточённые военные действия, направленные на присоединение Северного Кавказа к Империи. Покорение горских племён, защищавшихся часто до последнего бойца, стоило России в первой четверти XIX века огромных жертв. Конца Кавказской войне не было видно. Горцы отчаянно сопротивлялись, и сам генерал А. П. Ермолов не смог завоевать Кавказ. В то время, когда юный Пётр Вельяшев начал службу, его полк, состоящий из одного батальона — своеобразный полк-батальон находился в России, неся каральную службу, участвуя в учениях, смотрах, парадах, локальных операциях на границах. Пётр Вельяшев не случайно попал в славный Московский пехотный полк. Он имел хорошую протекцию. В

то время полком командовал подполковник Алексей Фёдорович Любавский, родной брат матери Петра — Александры Фёдоровны. Отдавая сына под начало его дяди, боевого заслуженного офицера, Вельяшевы могли быть уверены, что военная служба его будет хотя и тяжёлой, как всякая ратная служба, но справедливой и достойной. Наверное, Иван Петрович Вельяшев, отправляя сына в полк, наставлял его примерно теми же словами, которыми Андрей Петрович Гринёв в «Капитанской дочке» давал напутствие перед расставанием

*Е. В. Вельяшева (в замужестве Жандр)
(1813–1865). Адресат стихотворения
А. С. Пушкина «Подъезжая под
Ижоры...», троюродная сестра
П. И. Вельяшева. Середина 1850-х годов*

П. И. Вельяшев (слева) со своим боевым товарищем по Кавказской войне. Дагеротип 1850-х годов

своему сыну: «Прощай, Пётр. Служи верно, кому присягаешь, слушайся начальников; за их ласкою не гоняйся; на службу не напрашивайся, от службы не отговаривайся; и помни пословицу: береги платье снову, а честь смолоду». Именно дворянская честь была едва ли не главной сословной добродетелью, она не давала человеку никаких привилегий, но определяла образ жизни дворянина, тем более офицера, каким был Пётр Иванович Вельяшев.

Два года прослужил унтер-офицер Вельяшев во внутренней России. Он возмужал, постиг азы ратной службы и был готов к участию в боях, когда командованием решил двинуть на Кавказ 14-ю дивизию, в которую входил Московский пехотный полк подполковника Любавского. Дело в том, что основатель мюридизма Кази-мулла, ставший вождём всех горских народов Кавказа, поднял на священную войну с неверными, как они называли русских, горные области Дагестана и Чечни. Провозглашённый имамом, Кази-мулла выдвинул идею объединения мусульманских народов Чечни и Дагестана в единое государство имамат. Полк, в котором служил П. И. Вельяшев, присоединился к отдельному Кавказскому корпусу генерал-фельдмаршала И. Ф. Паскевича-Эриванского, состоя по-прежнему в 14-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта Розена 4-го и в 1-й бригаде генерал-майора Таубе 1-го. Основной задачей москвичей стала защита русских селений от непрекращавшихся набегов горцев. В этих условиях командиру полка приказали сформировать 2-й батальон, что и было исполнено. Московский пехотный полк постепенно втягивался в Кавказскую войну, и командиру полка А. Ф. Любавскому присвоили звание полковника. П. И. Вельяшев непосредственно участвовал в боях при движении войск в Северном Дагестане, в Кумских владениях и при подавлении начавшихся там горских волнений. Май и июнь 1830 года П. И. Вельяшев в составе своего полка прошёл в походах по горам и ущельям Кавказа. В середине мая 1830 года отряд под командованием генерал-лейтенанта барона Розена 4-го, в котором находился Вельяшев, вёл с горцами отчаянную перестрелку в районе села Гимры и, в конце концов, взял его, принудив жителей присягнуть на верноподданничество России. В этом деле отличился унтер-офицер Вельяшев, обратив на себя внимание начальства храбростью и исполнительностью. В 1831 году горцы возобновили ожесточённые набеги на русские пограничные селения.

Московский полк, который предполагалось вернуть в Россию, вновь выдвинулся в Чечню. Здесь П. И. Вельяшев в составе москвичей попал в отряд генерала А. А. Вельяминова, который атаковал непокорных горцев в селении Чир-Юрт, где тогда находился сам Кази-мулла. В то время в Московском пехотном полку служил рядовым сосланный Николаем I в солдаты Александр Полежаев. Конечно, они знали друг друга, молодой унтер-офицер и опальный поэт, бросавшийся в самое пекло битвы, чтобы заслужить офицерский чин. Вот как в поэме «Чир-Юрт» описывает Полежаев сражения против горцев, в которых постоянно вела русская армия:

Всё истребляет, бьёт и губит
Везде бегущего врага;
Его, беспамятного, рубит
Кинжал и шашка казака;
Жестокой местию пылая
В бою последнем, роковом,
Его пехота удалая
Сражает пулей и штыком.
Дитя безумного мечтанья,
Надежда храбрых умерла
И падшей гордости стенанья
С собой в могилу унесла.
Бежит злодей, несомый страхом,
За ним летучая гроза
И смерти лютая коса <...>
О, кто, свирепую душою
Войну и гибель полюбя,
Равнина, бранная, тебя
Омыл кровавою росой?
Кто по утёсам и холмам,
На радость демонам и аду,
На пир шакалам и орлам,
Рассеял ратную громаду?
Какой земли, какой страны
Герои падшие войны?
Всё тихо, мертво над волною;
Туман и мир на берегах;
Чир-Юрт с поникшею главою
Стоит уныло на скалах.
Вокруг него, на поле брани,
Чернеет дыму полоса
И смерти алчная коса
Сбирает горестные дани!

Во множестве таких страшных, кровавых боёв проявил себя П. И. Вельяшев. В 19 лет, в 1831 году, он получил первый офицерский чин — прапорщика, что и было утверждено Высочайшим повелением. Тем временем, когда Московский пехотный полк готовился к возвращению в Россию, произошло важное по тем временам и военным порядкам событие — в

1832 году офицерам полка дозволено было отпустить и носить усы. И на всех сохранившихся изображениях П. И. Вельяшева, а их, увы, очень немного, мы можем любоваться его длинными, свисающими усами, неким знаком боевой кавказской доблести. В начале 1833 года Московский пехотный полк выступил через Екатеринослав и Воронеж в Россию, в город Ковров Владимирской губернии, а П. И. Вельяшев получил отпуск по семейным обстоятельствам и отправился в Новосёлки, где скончался его отец Иван Петрович.

А затем мы вновь видим Петра Ивановича на Кавказе. В 1836 году он получает за личное мужество и отличие в делах против горцев свой первый боевой орден Святой Анны 4 степени с надписью «За храбрость», а вскоре Вельяшев произведён в поручики и назначен адъютантом начальника 17-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта фон Кнорре. Кавказская война, несмотря на все усилия российского правительства, брошенные на Кавказ огромные средства и человеческие ресурсы, принимала затяжной и всё более кровавый характер. После великого мятежа, охватившего всю Чечню, в войне, бывшей до того в общем успешной для русских войск, наступил перелом. Экспедиции против горцев всё чаще оказывались неудачными. Стратегия карательных походов побед не приносила, и император Николай I приказал более не проводить наступательные действия, а ограничиться удержанием завоёванного на Кавказе. Наступила пауза, так называемый период «ни мира, ни войны». Россия напряжённо искала выход из сложившейся ситуации. Тем не менее стычки с горцами продолжались. П. И. Вельяшев непрерывно в боях, которые вели отряды его дивизии. Под прикрытием леса горцы постоянно обстреливали колонны русских войск, нёсших огромные потери, а воины Шамиля растворялись от погони в лесах и на горных склонах. Это абсолютно точно напоминает войну на Северном Кавказе, которую Россия вела и через полтора века. Русские войска, которыми командовал ставший с 1844 года наместником Кавказа князь М. С. Воронцов, стали постепенно менять тактику. «Покорение Кавказа, — говорил Воронцов, — задача не только военная: оружием можно завоевать территорию, но не души людей». Генерал Воронцов не посылал карательные экспедиции в горы, а прокладывая в лесах дороги, строил крепости и укреплённые линии обороны, защищая преданные русским горские и казацкие селения. В этих военных мероприятиях не раз отличался П. Вельяшев, многожды награждённый за свою храбрость и ревностное служение Отечеству. Во второй половине 1840-х годов стратегия генерала Воронцова постепенно приносит России преимущество. Под контроль метрополии переходит предгорная Чечня, Приморский и Южный Дагестан. Шамиль вынужден отойти глубоко и высоко в горы, преследуемый русскими. Все это время боевой офицер П. Вельяшев находится в гуще событий. В 1841 году, как следует из его служебного досье, штабс-капитан Вельяшев «за отличную, усердную и ревностную службу Высочайше награждён орденом Святой Анны 3-й степени». Через два года, блестяще выдержав в Рязанском пехотном полку испытания, П. И. Вельяшев был произведён в майоры со старшинством и назначен офицером для особых поручений при командующем войсками на Кавказской и Черноморской линиях с оставлением по армии, без перевода в казацкие войска, нёсшие здесь службу. Кавказская и Черноморская

линии, их укрепления и крепости, были организованы для охраны южных губерний России от набегов горцев, особенно черкесов, угонявших скот, захватывающих жителей в плен, сжигавших селения, что делало жизнь казаков-хлебопашцев невыносимой. В 1851 году майор П. И. Вельяшев участвовал в большой военной экспедиции против сподвижника Шамиля Магомед-Эмина, в которой многочисленные войска Эмина были разбиты. В результате Вельяшев получил за мужество очередной орден Святой Анны 2-й степени, о чём было объявлено в приказе по Отдельному Кавказскому корпусу, и назначен адъютантом командующего войсками на Кавказской и Черноморской линиях генерала от кавалерии, наказного атамана Черноморского казачьего войска Н. С. Завадовского. После смерти во время одного из походов в 1853 году генерала Завадовского П. И. Вельяшев по приказу командования блестяще выполнил необычное и деликатное поручение. Он сопровождал в С.-Петербург группу малолетних горцев, направленных для обучения в столичные военные учебные заведения. Правительство стремилось воспитать себе союзников из горских народов, предполагалось, что, окончив с.-петербургские военные училища, молодые люди «будут действовать на умы единомышленников своих в видах нашего правительства». Доставив молодых горских князей в столицу «в отличном состоянии», П. И. Вельяшев был награждён не в зачёт 300 рублями серебром и весело и с пользой провёл почти месяц в С.-Петербурге, который знал и очень любил. За долгое время кавказской службы он бывал в отпусках в Москве и Коломне, в столице на Неве и в Париже, где у него было немало знакомых, в том числе политический изгнанник, русский вольнодумец, товарищ А. И. Герцена Н. И. Сазонов, которого Вельяшев знал еще в молодости как молодого помещика соседнего Рязанского уезда, острый ум, высокую образованность и образ мыслей которого весьма ценил.

Двадцатилетие службы на Кавказе встретил Петр Иванович полковником, командиром 7-го батальона Кубанского егерского пехотного полка. Он ещё не раз был отмечен за отличия в делах против горцев, получил золотое оружие с надписью «За храбрость», ордена Святого Станислава 2-й степени с императорской короной; Святого Владимира 4-й степени с бантом, а в 1859 году за проявленную храбрость в сражениях в составе первой бригады Кубанского казачьего войска был Всемиловейше награждён орденом Святой Анны 2-й степени с короной, мечами и бантом. Словом, когда в 1861 году, в год освобождения крестьян, П. И. Вельяшев после 35 лет непрерывной воинской службы на Кавказе был зачислен в Запасные войска в чине генерал-майора, это был один из заслуженных кавказских боевых генералов. Уйдя в запас П. И. Вельяшев отправился в любимые Новосёлки, где предстояло ему заниматься освобождением крестьян, земской деятельностью, вести хозяйство в своих поместьях. Ко времени отставки исполнилось Петру Ивановичу 49 лет. Был он холост, родители умерли, у братьев был свой путь, и открывалась перед Вельяшевым новая штатская жизнь, воспринятая им очень серьёзно, жизнь, в которую он вошёл легко благодаря настойчивому, доброму характеру, прекрасному образованию, воинской закалке и бывшего выше уездных интриг, сплетен и пересудов. Пётр Иванович уделял много внимания общественной деятельности в уезде, живя постоянно в Новосёлках с их

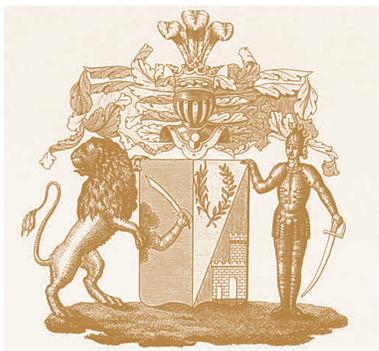
удобным, прекрасно обставленным домом, английским парком и тремя фруктовыми садами. В 1863 году в Коломенском уезде состоялась выборы предводителя дворянства. Это была важная должность в пореформенной России. Земские собрания, которые возглавлял предводитель, определяли очень многое в жизни уезда. Генерал-майор П. И. Вельяшев со сторонниками, представившими новое веяние в политике, противостояли консервативной партии акатьевского помещика, действительного статского советника Г. Н. Львова. На выборах победил Вельяшев и на три года стал, как он говорил, «директором Коломенского уезда».

Параллельно судьбе П. И. Вельяшева, воевавшего на Кавказе, шла в России и Европе жизнь его давнего знакомого, почти ровесника (родился в 1815 г.), сына богатого рязанского помещика, статского советника И. В. Сазонова, Николая Ивановича Сазонова. Подавая прошение в Московский университет, Сазонов написал о своём домашнем образовании то, что мог бы написать и П. Вельяшев: «... От роду имею 16 лет, обучался в доме родительском: Закону Божьему, логике и российской словесности, арифметике, алгебре, геометрии, истории и географии, языкам – латинскому, немецкому, французскому и английскому». Молодые дворяне из хороших семей получали, как видим, прекрасную домашнюю подготовку, а далее выбирали военную службу, научную карьеру или, как А. Герцен и Н. Сазонов, бросались в политику. Пятая часть “Былого и дум” Герцена завершается разделом “Русские тени”. Первая глава раздела называется “Н. И. Сазонов”. В Московском университете, где Сазонов учился на физико-математическом отделении, он не только примкнул к кругу Герцена, но благодаря своему выдающемуся дарованию и “редкому самолюбию” стал одним из его лидеров. «Первый товарищ, ясно понявший нас, был Сазонов, — писал А. Н. Герцен, мы нашли его совсем готовым и тотчас подружались». Разделявший политические взгляды Герцена и Огарёва вместе с новыми друзьями, Сазонов включился в юношескую политическую борьбу. «Идеи были смутны, — писал К. С. Аксаков, мы проповедовали декабристов и французскую революцию <...>, но пуще всего проповедовали ненависть к всякому насилию, к всякому правительственному произволу». После того как университетский кружок распался — Герцена, Огарёва и других его участников отправили в застенки, Сазонов чудом уцелел, блестяще закончил университет, получив золотую медаль и вскоре уехал в Париж навсегда. Поначалу не стеснённый в средствах Сазонов вёл в Париже жизнь богатого русского барина, завсегдатая ресторанов и кабачков, окружённый разношёрстной парижской богемой, в свободе и праздности. Но в то же время Н. И. Сазонов — постоянный слушатель парламентских дебатов, посетитель общественных собраний и литературных клубов, он поддерживает связь с деятелями французских тайных обществ, сближается с политэмигрантами, в 1843 году знакомится с Карлом Марксом и становится его корреспондентом. А. И. Герцен, кстати, достаточно сурово и часто несправедливо писавший в своих мемуарах о Н. И. Сазонове, встретился с ним в Париже в 1847 году и увидел, что «горели его глаза и наполнились слезой при памяти о наших университетских мечтах... Внутри его глубоко уязвлённого самолюбия все ещё хранилась вера в близкий переворот России и в то, что он призван играть в ней большую роль». Революция 1848 года во Франции показалась Сазонову предвестницей политических

событий в России. Он целиком отдаётся революции, как публицист сотрудничает в демократических газетах, в том числе в «La Tribune de Peuples» («Трибуна народов»), возглавляемой польским поэтом Адамом Мицкевичем. Герцен не случайно рекомендует П. Ж. Прудону передать иностранный отдел его газеты «La voix du Peuple» («Голос народа») Н. Сазонову, знатоку четырёх европейских языков, литературы, политических направлений и партий... Н. Сазонов первым перевёл на французский язык первую часть «Манифеста Коммунистической партии», но французское издание тогда не осуществилось из-за лености второго переводчика, о чем упоминается в переписке Маркса и Энгельса. К. Маркс в письме как-то назвал Сазонова «известным русским писателем». И он был недалёк от истины, хотя работы одного из первых русских политических эмигрантов с трудом доходили до России и появлялись там под псевдонимом «Карл Штахель». Знакомый с Шарлем Бодлером именно Сазонов (Штахель) первым перевёл и опубликовал на русском языке стихи, вошедшие в сборник «Цветы зла», и напечатал в 1856 году в «Отечественных записках» статью «Новейшая поэзия во Франции, в Италии и в Англии», где впервые для русских читателей называет имя Бодлера и говорит о его стихах. Жестокие политические памфлеты Н. Сазонова, направленные против императора Николая I, участие его во французской революции, активная общественная деятельность не прошли незамеченными на родине. Царское правительство потребовало от него вернуться в Россию. Сазонов отказался и «по Высочайше утверждённому 14 декабря 1850 года мнению Государственного Совета», по приговору Сената был признан навсегда изгнанным из отечества и лишён всех прав состояния. Его имения были конфискованы. Как раз с этого времени начинается все более активная литературная деятельность Сазонова, обращённая к России. Он переводит на французский язык и публикует во Франции, вставляя

в свои критические обозрения, «Сказку о рыбаке и рыбке» и стихотворения — «Три ключа» Пушкина, «Поэт» и «Есть речи — значенье...» Лермонтова, пишет статью «Место России на всемирной выставке в Париже», печатается под псевдонимом в России в «Отечественных записках» и «Петербургских ведомостях»... Всё это не приносило много денег. Сазонов по-настоящему бедствовал и даже попал в

Герб рода Сазоновых

Варвара Иосифовна Сазонова (урождённая Мицкевич, во 2-м браке Вельяшева) (1836–1914). Дагеротип 1850-х годов

долговую тюрьму Клиши, откуда его выручила, узнав о бедах, преследующих любимого Николеньку, которого она считала гениальным, примчавшаяся в Париж его богатая, бездетная старшая сестра Мария Ивановна Полуденская. Она погасила все долги брата и вытащила его из долговой ямы.

В 1855 году Н. И. Сазонов, ведший до того весьма вольный, даже разгульный образ жизни, купавшийся в парижской богемной среде, женился на прелестной 19-летней польке Барбаре Мицкевич, возможно, родственнице

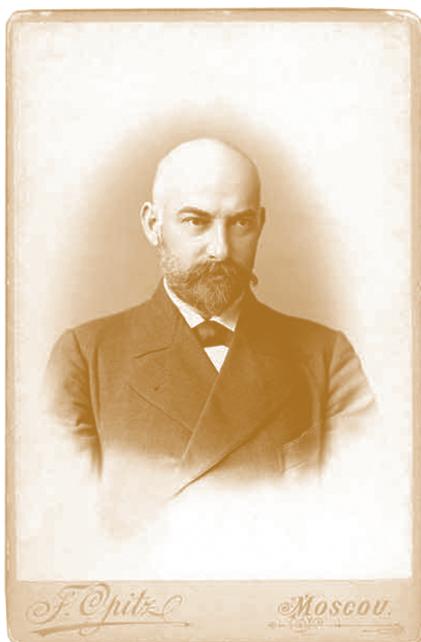
поэта, перешедшей перед венчанием из католичества в православие и крещённой Варварой. Именно с этого момента начинают сближаться через несколько лет пересёкшиеся линии жизни семей Н. Сазонова и П. Вельяшева. А пока у Николая Ивановича и Варвары Иосифовны Сазоновых в Париже один за другим рождаются дети-погодки: Иван — в 1856, Александр — в 1857, Лев — в 1858, Мария — в 1859, Варвара в Женеве — в 1861 году.

Но здоровье Николая Ивановича, подорванное бурной жизнью, с годами не становилось лучше, и по настоянию старшей сестры он обратился к императору Александру II, сыну своего политического врага и гонителя, с прошением о помиловании и дозволении вернуться на родину. Просьба была Всемилостивейше удовлетворена. Не сразу, но Сазонову разрешили возвратиться в Россию с восстановлением его во всех гражданских и имущественных правах. Пришли либеральные времена, и Государь даровал Николаю Сазонову и его детям утраченное потомственное дворянство. Но по пути в Россию, в Швейцарии, в 1862 году «этот русский человек необыкновенного ума», по словам П. Я. Чаадаева, умер и был похоронен в городке Гран-Саконе кантона Женевы. Оставшаяся вдовой с пятью малышами на руках, Варвара Иосифовна Сазонова решила все же ехать на родину мужа, чтобы дать детям русское воспитание, как он завещал перед смертью. Молодая вдова направилась прямо в Коломну, где у Сазоновых был собственный, один из лучших в городе каменный дом. Когда Варвара Иосифовна с детьми приехали из-за границы, Мария Ивановна Полуденская формально оформила передачу ей и своим племянникам дома в Коломне и земель в Рязанском и Коломенском уездах, что было утверждено Государем.

Немалую роль в выборе Варварой Иосифовной местом жительства Коломны сыграло и то, что там жил хороший знакомый мужа, генерал Вельяшев, на чью помощь она очень рассчитывала.

«Свидетельство.

По указу Его Императорского Величества из Московской духовной Консистории дано сие в том, что в Метрической книге Коломенского

*Лев Николаевич Сазонов (1858–1910-е гг.).
Фотография Фр. Опитца в Москве*

уезда, в Христорожественской церкви села Гололобово в 1869 году совершён обряд венчания Генерал-майора Петра Ивановича Вельяшева 57 лет, православного вероисповедания, первым браком взял за себя Варвару Иосифовну Сазонову, православного вероисповедания, вторым браком, 33 года.

Обряд совершил священник Сергей Птенцов».

Венчались в селе Гололобове, в старой деревянной церкви Рождества Христова, вместо которой в конце XIX века был возведён каменный храм, ныне восстановленный и действующий. В церкви было много близких

друзей и соседей — Расторовы, владельцы имений Дубёнки и Шейно, Ложечниковы, Преображенские... Ещё до брака в 1868 году у Петра Ивановича и Варвары Иосифовны родилась дочь Александра, крещённая в Преображенской церкви, и он, как честный человек и истинный аристократ, поспешил попросить руки матери его дочери. А 26 июля 1869 года у них родилась дочь Ольга, которую крестили в гололобовской церкви Рождества Христова. Восприемниками были соседи — генерал-майор Василий Агафонович Преображенский и помещица Елизавета Александровна Ложечникова.

Вступив во второй брак, Варвара Иосифовна поменяла фамилию Сазонова на Вельяшеву, дети же её от первого брака остались Сазоновыми. Коломенское общество, склонное, как и все провинциалы, к сплетням и осуждениям ближних своих, на удивление тепло восприняло этот брак.

У Вельяшевых образовалась большая и очень дружная семья. Для того чтобы дать детям хорошее образование, кто-то из семьи на зиму переезжал в Москву, в Обухов (ныне Чистый) переулок, но в Коломне и Новосёлках жили постоянно. П. И. Вельяшев активно участвовал в общественной жизни уезда, избирался почётным мировым судьёй, был Председателем земской управы. В 1864 году Уездный предводитель дворянства П. И. Вельяшев был Высочайше награждён орденом Святого Владимира 3-й степени. Когда П. И. Вельяшеву исполнилось 60 лет, возраст по тем временам почтенный, он подал прошение об отставке с военной службы:

«Докладная записка состоящего по Армейской кавалерии и Запасного войска генерал-майора Вельяшева.

В службу вступил 3 сентября 1827 г. — произведен в первый офицерский чин 26 апреля 1831 г.

Настоящий чин — генерал-майор 13 ноября 1861 г. с зачислением по Армейской Кавалерии и в Запасные войска.

Александр Николаевич Сазонов (1857–1910), действительный статский советник. 1890-е гг. «Большая французская фотография в Москве на Никитском бульваре»

Во время состояния моего по Запасным войскам занимал я должности по выборам дворянства: Предводитель дворянства Коломенского уезда три года, после того Председатель Коломенской земской управы три года, а в настоящее время состою Депутатом Дворянства того же уезда. Ныне по расстроенным домашним обстоятельствам в необходимости оставить лестную для меня военную службу, на поприще которой состоял 45 лет, в том числе боевой Кавказской.

В службе с 3 сентября 1827 г. — унтер-офицер Московского пехотного полка.

За отличие в делах против горцев:

26 апреля 1831 г. — прапорщик

12 ноября 1834 г. — подпоручик

23 апреля 1837 г. — поручик

3 декабря 1843 г. — капитан

7 июня 1848 г. — майор

20 января 1852 г. — подполковник

28 мая 1854 г. — полковник

14 сентября 1861 г. — генерал-майор (с назначением по Армейской кавалерии и в Запасные войска)

20 декабря 1863 г. — Предводитель дворянства Коломенского уезда, Председатель Коломенской Земской управы на трёхлетие с 1865 г.

Утверждён в этой должности Московским губернатором 27 июля 1865 г.

22 февраля 1872 г. на 3-летие избран депутатом Дворянства для составления и продолжения Дворянских родословных книг и утверждён в сей должности.

Жительство по отставке буду иметь в Москве.

Пенсию желаю получать из Московского Губернского Казначейства. Москва. Июля 20 дня 1872 г.»

18 августа 1872 года было Высочайше повелено отставить Вельяшева генерал-майором. Пётр Иванович был уволен из армии 7 сентября 1872 года. А 2 января 1873 года он был утверждён Почетным мировым судьёй по Коломенскому уезду.

Всем своим детям Вельяшевы дали прекрасное образование, и они нашли себя в созидательной жизни. Иван Николаевич Сазонов окончил Петербургский морской кадетский корпус, служил на Балтийском флоте и в Сибирской флотилии, в отставку вышел капитаном второго ранга и сделал прекрасную гражданскую служебную карьеру. Коломенцам он запомнился как инициативный, умный Уездный предводитель дворянства, попечитель благотворительных заведений. С 1906 года он был

губернатором города Владимира, принимал там в 1913 году Николая II, посетившего город по случаю торжеств, связанных с 300-летием дома Романовых. Отметив особые труды И. Н. Сазонова по случаю юбилея, внук гонителя его отца — императора Николая I, удостоил сына вольнодумца Н. И. Сазонова, одного из первых русских политических эмигрантов, «Высочайшей благодарности». Ему было присвоено звание почетного гражданина г. Владимира. Через год тайный советник И. Н. Сазонов уехал в Санкт-Петербург. Его братья Александр и Лев окончили Московский университет, жили в Москве и Коломне, часто бывали в Новосёлках, где порой собирались три поколения семьи.

Две дочери Вельяшевых — Александра и Ольга, как их называли Вельяшева 1-я и Вельяшева 2-я, учились в Москве, на Пречистенке в знаменитой женской гимназии С. А. Арсеньевой, дочери архитектора А. Л. Витберга, которому, как и Сазонову, А. И. Герцен посвятил немало страниц в «Былом и думах». Преподавали там те же учителя, что и в легендарной, находившейся по соседству, на противоположной стороне Пречистенки, мужской Поливановской гимназии. Интересно, что сохранился дневник-журнал гимназистки Александры Вельяшевой. Его аккуратно еженедельно просматривали П. И. и В. И. Вельяшевы, о чем свидетельствуют их собственноручные подписи после каждой записи классной наставницы.

Вскоре после окончания гимназии А. П. Вельяшева вышла замуж за юриста Н. М. Енишерлова, выпускника Харьковского университета, моего деда, в будущем действительного статского советника, последне-

го владельца Новосёлок. Сестра бабушки, Ольга Петровна Вельяшева, обвенчалась со статским советником, соседом по имению, помещиком села Дубёнки, находящегося в одном километре от Новосёлок, Алексеем Ростиславовичем Расторовым, владевшим в Гололобове кирпичным заводом, бывшим также председателем Коломенской земской

Иван Николаевич Сазонов (1856–1915), капитан 2-го ранга в отставке, коломенский уездный предводитель дворянства с детьми: Варварой, Николаем, Анастасией. 1900-е годы. На обороте паспарту надпись: «Фотография М. П. Бортияевой в Коломне на Брусенской ул., соб. дом»

*А. П. Енишерлова (урожденная Вельяшева)
(1868–1952) с сыновьями Михаилом и Львом. 1905*

управы. Уже после смерти Петра Ивановича у них родился сын Алексей Расторов, ставший после революции авиационным инженером, конструктором самолётов.

Постепенно П. И. Вельяшев писал свои «Записки о Кавказе». Лишённый того блестящего литературного таланта, которым обладал Н. И. Сазонов, генерал, как вспоминали, был скрупулёзно точен в описании деталей кавказских реалий, сражений и характеров своих боевых товарищей. К сожалению, его мемуары не были опубликованы и погибли в революцию вместе с новосёлковским архивом, почти всей библиотекой, словом, с прошлой

жизнью. Но внуки Петра Ивановича успели прочитать его манускрипт и вспоминали, что это было захватывающее и очень страшное чтение для них, молодых и не знающих, что такое кровь и война, особенно бесконечная Кавказская война. Когда я сейчас думаю о своём прадеде — боевом старом генерале, писавшем на склоне жизни, стоя за конторкой в своём кабинете в мезонине дома в Новосёлках о былом, мне приходит на ум стихотворение Николая Гумилева «Туркестанские генералы». Надо лишь мысленно заменить в тексте стихотворения «солончаки» на «горы», «верблюжью поступь» на «бег коней», «Уч-Кудук и Киндерли» на «Гимри и Гуниб», «Хиву» на «Дарго», а Туркестан на Кавказ. Конечно, в некоторых строфах пропадёт ритм и исчезнут рифмы, но как бы явятся из тени наши герои — кавказские генералы. Поэт создал проникновенный образ старых бойцов, воевавших во славу России.

Под смутный говор, стройный гам,
Сквозь мерное сверканье балов,
Так странно видеть по стенам
Высоких старых генералов.

Приветный голос, ясный взгляд,
Бровей седеющих изгибы
Нам ничего не говорят
О том, о чём сказать могли бы.

И кажется, что в вихре дней,
Среди сановников и денди,

*Н. М. Енишерлов (1860–1942), юрист,
действительный статский советник,
последний владелец Новосёлок. Харьков. 1884*

Они забыли о своей
Благоухающей легенде.

Они забыли дни тоски,
Ночные возгласы: «К оружию» <...>

Забыли? Нет! Ведь каждый час
Каким-то случаем прилежным
Туманит блеск спокойных глаз,
Напоминает им о прежнем.

«Что с вами?» — «Так, нога болит».
— «Подагра?» — «Нет, сквозная рана» <...>
И мне сказали, что никто
Из этих старых ветеранов,
Средь копий Греза и Ватто,
Средь мягких кресел и диванов,

Не скроет ветхую кровать,
Ему служившую в походах,
Чтоб вечно сердце волновать
Воспоминаньем о невзгодах.

Генерал-майор П. И. Вельяшев прожил долгую жизнь, в конце её практически не выезжая из Новосёлок далее Коломны. Он успел увидеть двух из пяти своих внуков — Петра, названного в его честь, и Анну (домашнее имя — Нина), названную в честь бабушки по отцу Анны Николаевны Бекетовой (Енишерловой), родной сестры Андрея Николаевича Бекетова, ректора С.-Петербургского университета, деда поэта Александра Блока. Генерал-майор Петр Иванович Вельяшев умер на 85-м году жизни, 29 марта 1897 года, в своём доме в Новосёлках и был похоронен на варварски уничтоженном в 60-х годах XX века древнем погосте в Гололобове рядом с деревянной Христорождественской церковью. Варвара Иосифовна пережила мужа на 17 лет. Она умело и мудро управляла Новосёлками, постоянно общалась с обожавшими её детьми и внуками, была любима крестьянами и дворовыми людьми, горничными девушками, гувернантками, француженками, боннами, англичанками, которые постоянно жили в доме, воспитывая новые поколения его обитателей.

Варвара Иосифовна так и не научилась говорить по-русски без акцента и дома предпочитала объясняться, переходя с французского на английский и немецкий языки, что было исключительно полезно для её внуков. Следуя традициям Вельяшевых, она сумела содержать английский парк как прекрасное произведение ландшафтного искусства. У неё был несомненный художественный талант, чувство пейзажа, земли, цветов, деревьев, трав, которые она полностью воплотила, руководя садовниками в новосёлковском парке.

Летом в Новосёлках и Дубёнках всегда было многолюдно — сюда охотно съезжались гости, молодежь, Сазоновы, внуки Варвары Иосифовны. Скакали на лошадях, играли в крокет и теннис, купались, катались на лодках по Коломенке, ставили спектакли, увлекались ша-

В. И. Вельяшева (справа) с дочерью О. П. Расторовой (слева), В. Р. Расторовым, владельцем имения Шейно, и его матерью А. К. Расторовой в саду имения Дубёнки. 1910-е годы

радами, осенью ходили за грибами. Конечно, в этой романтической атмосфере завязывались юношеские романы. Летом 1905 года четырнадцатилетний Петя Енишерлов, живший в то лето “у тётки Оли” в Дубёнках, написал в своем дневнике искренние строки о прощании в Новосёлках со своей сводной двоюродной сестрой и ровесницей, Вавой (Варварой) Сазоновой, дочерью И. Н. Сазонова, гостившей у бабушки, Варвары Иосифовны. «14. Воскресенье. Завтра Вава уезжает. Тяжело было сегодняшнее прощание! Мы с Вавой зашли в домик в большом саду и там оба плакали; но слёзы облегчили нас, и потом было уже легче. Вава взяла с меня клятву, что я никому не расскажу о наших близких отношениях. Сегодня мы ещё раз с ней гуляли — как мне жалко Ваву, что трудно себе представить. Я её прямо обожаю. Никогда не забуду её чёрные, жгучие и в то же время ласковые глаза, которые я так часто целовал! Вернувшись из Новосёлок вечером, я опять горько, горько плакал... Завтра ещё разок увидимся, и прощай моя Вавочка! Может, долго мы не увидимся, но во всяком случае скоро я тебя не забуду! Новосёлки без тебя — для меня уже ничто. Буду возвращаться в Харьков и все время думать о тебе, моя милая, дорогая Вавочка!... 15. Понедельник. Сегодня, как в шутку сказала бабушка, я овдовел. Вава уехала. Я в 9 часов пришёл в Новосёлки, в последний раз прошли мы по саду, посидели в липовой беседке. Вава опять немного поплакала; несколько раз мы с ней крепко поцеловались, и около 11 часов она уехала. В последний раз обернулась она у пролётки, послала мне воздушный поцелуй и скрылась. Я пошёл вниз к прудам и там долго безутешно рыдал. Погода ещё более усиливала моё грустное настроение: холодно, пасмурно, неприветливо кругом... Как сейчас, вспоминаю я летний день, разлука была ещё далеко. Весело ходили мы с Вавой по саду; она мне рассказывала о своей владимирской жизни, о своих увлечениях и т. д. И хорошо, и весело было нам обоим. А теперь... Все оборвалось...»

Когда я недавно бродил по заросшему бурьяном, слившемуся с лесом месту бывшей новосёлковской усадьбы, невозможно было даже представить, что здесь был потрясающей красоты романтический парк с липовыми и лиственничными аллеями, декоративными кустарниками, куртинами пионов и роз, живописными полянами и различными экзотическими породами деревьев, среди которых был кедр европейский и его колонновидная форма, сосна чёрная, бархат амурский, пихта бальзамическая, лиственница европейская, липа крупнолистная, берёза далекарлийская и, конечно, бесконечно любимая всеми обитателями Новосёлок сирень, белая и лиловая, выизветшая, дворянская, ароматом которой весной был напоён воздух. И цветы любили душистые — левкой, ночной табак, горошек, розы, резеду. Варвара Иосифовна Вельяшева, дважды вдова — русского политического вольнодумца и боевого кавказского генерала, слава Богу, не дожила до революции, когда был уничтожен и осквернён этот рукотворный рай. Она скончалась в год начала Первой мировой войны, было тогда «бабушке», как ласково называли её не только внуки, но и местные крестьяне, 88 лет. Её упокоили рядом с мужем возле старой церкви в Гололобове, на том самом, уничтоженном погосте.

Старший внук Вельяшевых, Пётр Николаевич Енишерлов, удивительно похожий на своего деда-генерала (пошедший, как говорили, в Вельяшевых), учился в Харьковском технологическом институте им. Александра III и, как мы уже упоминали, вел дневник, в котором очень много написано о Новосёлках, Дубёнках, их хозяевах и гостях. Из Харькова он всё время рвался в коломенские усадьбы. «Вдруг потянуло меня в Новосёлки, — пишет он в мае 1910 года. — Закат. Тихо, тихо. Едет экипаж с лёгким поскрипыванием в ухабах, впереди согнутая фигура извозчика, всей грудью вдыхаешь, всей душой впитываешь дивный свежий воздух, такой живительный после города. Какая-то лёгкая весенняя грусть и тоска разлита кругом, тревога в чёрных тучах, перерезывающих кое-где длинными полосами заходящее за Коломну солнце, в поле, раскинувшимся дальше кругом, в свежей зелени, в запахе травы и, наконец, когда видишь Гололобово, всё те же избушки, всё ту же красную церковь, сладкое умиление охватывает душу и с благоговением погружаешься в эту тихую, спокойную жизнь».

Гости и жители Новосёлок очень любили, когда Пётр Николаевич играл в доме, при открытых окнах, Шопена или Рахманинова. Инженер-технолог, он был и прекрасным пианистом. Кабинетный «Мюльбах», который я помню уже у нас в квартире в Чистом переулке, пел и рыдал под его руками. Он был талантливым учеником известного харьковского педагога Александра Иоахимовича Горовица, окончившего Московскую консерваторию по классу Скрябина, дяди великого пианиста Владимира

*А. Р. Расторов, владелец имения Дубёнки.
Начало 1900-х годов*

Имение Растановых Дубёнки над рекой Коломенкой. 1915

Горовица. Играл он для себя, а слушатели тихонько располагались в парке и наслаждались музыкой, чудесной ночью и дыханием цветов, которыми был напоен ночной воздух.

Студент последнего курса Технологического института П. Н. Енишерлов успел даже поработать вблизи Новосёлок на строительстве кирпичного завода в Гололобове. У меня есть документ, выданный “Строительной конторой инженеров М. Бруцкуса и Д. Я. Романова в селе Гололобово, ст. Карасёво, М.-Каз. ж.д.”. В Москве контора имела два адреса – на Мясницкой, ул. 24 и в Даевом пер., 31.

«Москва, 9 декабря 1914 г. Свидетельство. Настоящим свидетельствую, что студент 5 курса Харьковского Технологического института Пётр Николаевич Енишерлов служил у нас помощником главного заведующего, инженера фирмы Ф. Л. Смиidt и К^o при постройке кирпичного завода для Московско-Казанской Железной Дороги. Господин П. Н. Енишерлов самостоятельно вёл разбивку зданий, наблюдал за каменными, плотницкими работами и за монтажом машин. Инж. М. Д. Бруцкус и Д. Я. Романов». Осталось около десяти фотографий, сделанных отцовским “Кодаком”, во время строительства кирпичного завода.

Вся эта жизнь постепенно подходила к концу. Завершающие записи в дневнике осенью 1916 года опять о Новосёлках: «Тихий вечер. Слышны звуки деревни, стрекотанье кузнечиков. Внизу граммофон. Тучи опять собираются на горизонте. Но тепло. Я с сожалением думаю, что это один из последних вечеров. Сейчас играл Шумана и играл как по вдохновению, вполне переживая все чувства этих пьес. Какое наслаждение! Уезжаю из Новосёлок. Сегодня в последний раз ходил в Дубёнки. Какая

*О. П. Расторова (урождённая Вельяшева)
(1869–1926) с сыном Алексеем. 1914*

осень, вокруг сверкающие леса, настоящая Россия. Тихая и в это время полноводная Коломенка, отражающиеся в тёмной воде золотые деревья, жёлтое жнивье — все это непостижимо грустно и прекрасно. Всегдашнее чувство, охватывающее меня при отъезде из Новосёлок, вновь овладело мной. Снова я меняю мирную жизнь деревни на суету города. Снова впереди неизвестное будущее. Сегодня последний вечер, в последний раз вышел в поле, в последний раз играл на нашем старом рояле Рахманинова. Сазоновы уже уехали. Жалко мне покидать Дубёнки и

Новосёлки, грустные предчувствия почему-то охватывают меня». Предчувствие его не обмануло.

С 1917 года никто из обитателей Новосёлок в усадьбу больше не приезжал. Как написал Б. Пильняк «Были... и исчезли». Я оказался в этих местах почти через век. Место, где стоял дом моих предков, показала нам 90-летняя женщина, чей дом стоит на окраине до сих пор существующей деревни Новосёлки. Даже потомков крестьян, живших в деревне до революции, мы не встретили. За оврагом, напротив деревни, на холме, поросшем сейчас старыми деревьями, и была усадьба. Место её очень чётко определяется очертаниями холма. В очень высокой траве и в зарослях разросшихся кустарников трудно было найти фундамент дома, из которого, как нам рассказали, даже после войны местные крестьяне брали для своих хозяйств камень. Но ещё заметны аллеи, вдруг какое-то необычное растение вырвется из одичавшей растительности. Некоторые деревья — липы, лиственницы, клёны — очень старые, встречается много одичавших яблонь разных сортов.

Если перейти овраг и пройти от Новосёлок около километра по просёлочной дороге — вскоре доберёшься до деревни Дубёнки, где была усадьба ближайших родственников Вельяшевых — Расторовых.

*Последнее юное поколение обитателей
имения Новосёлки: Л. Н. Енишерлов-
Вельяшев, М. Н. Енишерлов,
П. Н. Енишерлов, Н.Н. Енишерлова.
1908. Харьков. Фотография Де Ламитье*

Справа налево, сидят: студент-технолог П. Н. Енишерлов, Г. А. Сазонов; стоят: О. К. Недзвецкая (будущая жена Г. Сазонова), Н. Н. Енишерлова. Новосёлки. 1914

Место в Дубёнках и теперь очень живописно. Недаром так любили гулять здесь обитатели Новосёлки. Деревня стоит над обширной, поросшей лесом долиной реки Коломенки, которая, конечно, с тех давних пор обмелела, но все равно это хорошая равнинная река с очаровательными заводями и бочажками как раз в районе Дубёнок, маленькой в одну улицу деревеньки, по которой спокойно разгуливают гуси. Точное место парка и дома Раstorовых найти трудно. Там просто ничего, кроме одной, да и то трудно определяемой липовой аллеи, нет. Но вид от того места, где я мысленно представил усадьбу Дубёнки, очень хорош.

Это короткое путешествие под Коломну, в прошлое, о котором уже практически ничто не напоминает в тех местах, где когда-то счастливо обитала большая, дружная дворянская семья, «коротенький обрывок рода русского, живший в условиях типично русской жизни», заставляет задуматься о катаклизмах, после которых судьба отдельного человека уже не зависит лишь от него самого, когда его и его близких

Алёша (А. А. Раstorов) с любимой собакой в Дубёнках. 1915

*Хозяева и гости в имении Дубёнки. Справа — О. П. Расторова (Вельяшева),
А. Р. Расторов. Третий слева — настоятель церкви в с. Гололобове. Середина 1910-х гг.*

настигает беспощадное и слепое колесо истории и настоящая беда, если это — Красное колесо. После него остаётся лишь пустыня, мерзость запустения, да печаль, охватывающая тех, кто пустился всё-таки на поиски прошлого.

* * *

Автор благодарит за помощь и представленные материалы К. Л. Енишерлову-Вельяшеву, Т. С. Дубинко, Д. А. Расторова, А. А. Расторова-Бернальдо де Кирос.

Эта работа была бы не возможна без генеалогических исследований изысканий Л. Н. Енишерлова-Вельяшева (1904–1987), успешного в раннем детстве пожить в тех местах, о которых рассказано в нашем очерке, много и плодотворно работавшего в архивах в 60–80-е годы прошлого века.

КОЛОМЕНСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ КАЛЕНДАРЬ

Знаменательные и памятные даты 2014 года

10 января. 90 лет со дня рождения Юрия Александровича Князева (1924—1990) — члена Союза журналистов СССР, заслуженного работника культуры РСФСР. В 1940—50-е годы работал в редакции газеты «Коломенская правда». Автор многих публикаций на темы культуры и искусства, очерков о коломенцах. Впоследствии работал в редакции радио и телевидения Чувашской АССР, был корреспондентом ТАСС и газеты «Правда» в Чувашии.

15 января 1934 года в посёлке Пески Коломенского района родился Герман Петрович Струнин, член Союза журналистов СССР. Работал в многотиражной газете Коломенского тепловозостроительного завода. После окончания Высшей профсоюзной школы работал редактором ряда газет, ответственным секретарём ведомственной газеты «Воздушный транспорт». Ныне — редактор многотиражки «Наш посёлок» посёлка Пески Коломенского района, где живёт. Автор публикаций в альманахах, сборниках. Издана книга его стихов.

20 января. 90 лет назад в Коломне родился Георгий Викторович Константинов (1924—1994) — народный артист РСФСР, лауреат Государственной премии Марийской АССР. С 1964 по 1994 год работал главным режиссёром Русского драматического театра города Йошкар-Ола. Театру присвоено имя Г. В. Константинова.

24 января 1954 года родился Валерий Иванович Шувалов — глава городского округа Коломна, член общественного совета редакции литературно-художественного издания «Коломенский альманах».

24 января 1989 года Секретариат Союза художников РСФСР принял решение о создании в Коломне художественной мастерской.

26 января 1939 года в Коломне родилась Галина Николаевна Матвеева — член Союза журналистов СССР/России, заслуженный работник печати Московской области. С осени 1965 по 1993 год работала в редакции газеты «Коломенская правда»: заведующей отделом культуры, заместителем редактора, редактором. С 1995 года — ведущий, главный специалист администрации города Коломны. В последние годы по её инициативе и с её участием в городе прошло несколько мероприятий, получивших широкий резонанс: конкурс «Красота своими руками», Коломенский поэтический марафон, проект «Ахматовская тропа» и другие.

8 февраля (27 января по ст. ст.). 180 лет назад в селе Щурове (ныне в черте города Коломны) умер Адриан Моисеевич Грибовский (1767—1834), бывший статс-секретарь императрицы Екатерины II. Похоронен в Коломне в Старо-Голутвине монастыре. Автор сочинения «Записки о императрице Екатерине Великой». Сделал несколько переводов с французского ряда повестей. Выступал в периодической печати. В честь А. М. Грибовского в Коломне названа улица.

11 февраля. 55 лет назад умер рабочий поэт Михаил Васильевич Праскунин (1877—1959). Родился в селе Подлесная Слобода нынешнего Луховицкого района Московской области. Трудовую и революционную закалку получил на Коломенском машиностроительном заводе, куда устроился 19-летним юношей. Автор нескольких поэтических сборников.

12 февраля. 110 лет со дня рождения писателя, профессора Александра Абрамовича Исбаха (1904—1977). В середине 1920-х годов работал редактором газеты «Коломенский рабочий». На коломенском материале написал несколько повестей.

28 февраля. 20 лет назад умер известный коломенский краевед Игорь Валентинович Маевский (1957—1994). Автор книги «Очерки по истории Коломенского края», многих публикаций в сборниках, журналах, газетах.

29 февраля 1964 года родился журналист, руководитель рекламно-полиграфического центра «Тираж» Игорь Валерьевич Шах-Назаров. Издающаяся им газета «Вопрос-Ответ» постоянно печатает материалы из «Коломенского альманаха» под рубрикой «Страница краеведа».

9 марта 1944 года в Коломне родился Юрий Иванович Ерёмин — народный артист РСФСР, режиссёр. В 1971 году окончил режиссёрский факультет ГИТИСа. 7 лет работал в Ростове-на-Дону главным режиссёром Театра юного зрителя и Драматического театра имени М. Горького. С 1982 года живёт в Москве. До 1988 года был главным режиссёром Центрального академического театра Советской армии. Наиболее известные постановки — «Идиот» Ф. М. Достоевского и «Старик» А. М. Горького. С 1988 по 2000 год — главный режиссёр театра имени А. С. Пушкина. Наиболее известные постановки — «Палата № 6» А. П. Чехова и «Бесы» Ф. М. Достоевского. С 2000 года — режиссёр в театре имени Моссовета. Поставил несколько спектаклей в МХТ им. А. П. Чехова, в РАМТе.

15 марта 1949 года родился Владимир Григорьевич Мирошниченко — журналист, писатель. После окончания в Коломне средней школы № 11 свою жизнь связал с армейской службой.

16 марта 1929 года вышел первый номер многотиражной газеты Коломзавода «Наш завод». Ныне выпускается под названием «Куйбышевец», является органом трудового коллектива ОАО «Коломенский завод».

16 марта (4 марта по ст. ст.). 140 лет назад родился Михаил Владимирович Самыгин (1874—1952) (литературный псевдоним Марк Криницкий) — прозаик, драматург. В начале XX столетия жил в Коломне, преподавал русскую словесность и историю в женской и мужской гимназиях.

16 марта 1929 года вышел первый номер многотиражной газеты Коломзавода «Наш завод». Ныне выпускается под названием «Куйбышевец», является органом трудового коллектива ОАО ХК «Коломенский завод».

31 марта 1949 года родился Аркадий Сергеевич Арзуманов — директор Коломенского краеведческого музея, краевед, автор проекта «Коломенский Арбат — пешеходная улица», председатель художественного совета арт-галереи «У Николы-на-Посаде». Успешно выполнил выстраданный им план по открытию мемориальных и памятных досок на домах, связанных с жизнью известных людей, и по изданию брошюр серии «Коломенский Арбат».

3 апреля. 120 лет со дня рождения Николая Ивановича Петропавлова (1894—1942) — краеведа, статистика. Его книга «Коломенский уезд Московской губернии. Статистико-экономический очерк», вышедшая в 1924 году, является настольной книгой для всех, кто интересуется историей родного края. В Коломне на улице Посадской, где Н. И. Петропавлов жил до ареста в 1937 году, открыта мемориальная доска. Реабилитирован посмертно.

4 апреля. 105 лет со дня рождения писателя Роберта Александровича Штильмарка (1909—1985), автора популярного романа «Наследник из Калькутты». В 1978—1979 годах жил в селе Нижнее Хорошово Коломенского района на улице Луговой, в доме № 13, где написал повесть «За Москвой-рекой» (о драматурге А. Н. Островском).

15 апреля. 115 лет со дня рождения краеведа, журналиста, писателя Николая Михайловича Мхова (Гальперина) (1899—1964). Его считали знатоком природного богатства Коломенского края и исследователем-историком. Работал в Коломенской городской газете, спецкорреспондентом в Московских изданиях.

16 апреля. 120 лет со дня рождения писателя Александра Владимировича Перегудова (1894—1989). Не раз бывал в Коломне, в том числе и у своего друга детских и юношеских лет Бориса Пильняка.

16 апреля (4 апреля по ст. ст.) 1899 года в Коломне открылась общественная библиотека. Ныне это районная библиотека имени И. И. Лажечникова.

16 апреля 1934 года ЦИК СССР установил высшую степень отличия — звание Героя Советского Союза. Награды удостоены 55 коломенцев. Первым из наших земляков Героем Советского Союза стал Иван Тимофеевич Спиринов, впоследствии генерал-лейтенант авиации, профессор, доктор географических наук, член Союза писателей СССР, автор нескольких увлекательных книг об авиаторах.

24 апреля 1669 года построенному в селе Дединово Коломенского уезда первому русскому военному парусному кораблю (трёхмачтовому фрегату) царским указом присвоено имя «Орёл».

25 апреля 1954 года родилась игуменья Ксения, настоятельница Свято-Троицкого Ново-Голутвина монастыря в Коломне.

26 апреля 1949 года в Сасовском районе Рязанской области родился Александр Михайлович Дудкин — краевед, фотохудожник. С ранних лет живёт в Коломне. Участвовал в оформлении многих книг, брошюр, буклетов и другой печатной продукции, имеющей отношение к Коломне. Член редколлегии литературно-художественного издания «Коломенский альманах».

3 мая. 700 лет назад родился преподобный Сергей Радонежский, в миру Варфоломей (1314—1392) — русский святой, национальный герой России.

5—6 мая 1964 года состоялся заключительный тур первой городской литературной олимпиады школьников.

5 мая 2009 года митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий благословил издание нового печатного средства массовой информации — церковно-культурного журнала «Апостол». Издаётся при храме апостола Иоанна Богослова.

8 мая (27 апреля по ст. ст.). 270 лет назад в селе Авдотьино Коломенского уезда родился Николай Иванович Новиков (1744—1818) — просветитель, издатель, журналист.

12 мая 1934 года родился Эдуард Васильевич Харитонов — член Союза журналистов России, автор нескольких книг, в том числе о нашем земляке Герое России А. С. Маслове, о Коломенском истребительном батальоне, «Коломзаводу 150. Страницы истории».

22 мая 1939 года в Коломне родилась Галина Михайловна Кузнецова — музыкант, педагог, заслуженный работник культуры Российской Федерации.

В мае 1939 года рядом с Дворцом культуры Коломенского машиностроительного завода приступили к строительству городского театра. Завершить начатые работы помешала Великая Отечественная война.

1 июня 1949 года в селе Бобренево Коломенского района родился краевед, начальник отдела администрации городского округа Коломна Николай Иванович Шепелёв.

4 июня (23 мая по ст. ст.). 190 лет назад в семье священника в Коломне родился Никита Петрович Гиляров-Платонов (1824—1887) — богослов, философ, публицист-славянофил. Двадцать последних лет жизни издавал и редактировал популярную газету «Современные Известия». При жизни Н. П. Гилярова-Платонова в Москве вышла лишь одна его книга — «Из пережитого» (воспоминания). По сей день она является важным источником по некоторым вопросам быта и нравов Коломны и коломенцев.

11 июня 1979 года в Коломне родилась Василина Валерьевна Королёва — член редколлегии литературно-художественного издания «Коломенский альманах». Окончила четыре курса Рязанского художественного училища и художественный институт имени Сурикова в Москве. Член Союза художников России. Её рисунки иллюстрируют многие выпуски «Коломенского альманаха» и книги коломенских авторов.

23 июня 1934 года на Коломенском патефонном заводе вышел первый номер многотиражной газеты «За советский патефон».

29 июня 1934 года президиум исполкома Московского областного Совета РК и КД вынес решение об отводе земель для кооператива «Советский художник» в Коломенском районе недалеко от железнодорожной станции Пески. С историей Песковского кооператива «Советский художник» связаны имена многих корифеев изобразительного искусства. Здесь на своих дачах трудились выдающиеся художники В. Н. Бакшеев, А. А. Дейнека, А. М. Герасимов, А. Н. Комаров, А. В. Куприн, Е. Е. Лансере, А. В. Лентулов, Ю. И. Пименов и многие другие.

В июне 1989 года в Коломенском педагогическом институте вышел первый номер газеты «Народный учитель».

8 июля (26 июня по ст. ст.). 145 лет назад скончался известный русский писатель Иван Иванович Лажечников (1790—1869). Родился в Коломне. Похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище.

16 июля (4 июля по ст. ст.). В Коломне 150 лет назад родился Александр Александрович Смирнов (1864—1943) — литературный и театральный критик, автор стихов, общественный деятель.

26 июля (14 июля по ст. ст.). 135 лет назад родился известный русский дирижёр, контрабасист и музыкальный деятель Сергей Александрович Кузевицкий (1874—1951). Его усадьба находилась в селе Акатьево, недалеко от Коломны. Здесь бывали композитор, пианист, режиссёр Сергей Васильевич Рахманинов, всемирно известный певец (бас) Фёдор Иванович Шаляпин.

1 августа 1974 года в Коломне родился Евгений Львович Ломако — краевед, кандидат исторических наук, заведующий коломенским Музеем Боевой славы.

18 августа. 75 лет со дня рождения краеведа, журналиста, писателя, заслуженного работника культуры РСФСР Анатолия Ивановича Кузовкина. Член редколлегии литературно-художественного издания «Коломенский альманах», его постоянный автор.

20 августа. 90 лет со дня рождения ветерана войны и труда, члена Союза журналистов СССР, заслуженного работника культуры РСФСР Бориса Григорьевича Беловолова (1924–1998). С 1964 по 1983 год работал редактором газеты «Коломенская правда».

1 сентября 1954 года в Коломне открыто Московское областное музыкальное училище с контингентом учащихся в 80 человек.

3 сентября 1934 года открылся для посещения Коломенский краеведческий музей.

15 сентября 1939 года начались занятия в открытом в Коломне учительском институте, ныне МГОСГИ.

12 октября. 120 лет со дня рождения писателя Бориса Андреевича Пильняка (1894–1938). Дом № 7 по Арбатской улице в Коломне, где он жил, отмечен мемориальной доской.

12 октября 1989 года в Коломне прошли Первые пильняковские чтения.

13 октября. 130 лет назад (1 октября по ст. ст.) родился Алексей Никанорович Комаров (1879–1977) — известный художник-анималист, народный художник РСФСР. 40 лет жил в посёлке «Советский художник» близ Песков. Похоронен на кладбище соседнего села Конев Бор.

17 октября. 140 лет назад (5 октября по ст. ст.) в Коломне родился Анатолий Павлович Доброхотов (1874 — умер после 1918) — поэт, переводчик, журналист.

23 октября. 80 лет назад в селе Нижнее Хорошово родился Игорь Алексеевич Солдатёнков (1934–2009) — заслуженный художник России.

29 октября. 90 лет со дня рождения известного в Коломне художника, педагога, заслуженного работника культуры России Николая Ивановича Бодрягина (1924–2003).

7 ноября 1939 года родилась Тамара Степановна Жучкова — директор МУ «Коломенская городская централизованная библиотечная система», заслуженный работник культуры Московской области.

18 ноября 1934 года в селе Пирочи Коломенского района родился Пётр Максимович Лунцов — художник. Живёт в Коломне.

23 ноября 1949 года в Коломне родился Владимир Александрович Потлов — скульптор, член Союза художников России. Автор нескольких памятных знаков, установленных в Коломне. Много лет увлечённо работал над моделью памятника знаменитому земляку писателю И. И. Лажечникову.

6 декабря (23 ноября по ст. ст.). 150 лет назад в д. Хонятино Коломенского уезда в семье крестьянина родился Николай Петрович Краснов (1864–1939) — известный архитектор. По его проекту в Крыму, в Ялте, был построен роскошный Ливадийский дворец. В комплекс вошли также дом для свиты, кухня, сад. За строительство Ливадийского дворца Н. П. Краснов получил звание Архитектора Высочайшего Двора, а Петербургская Академия художеств приняла его в свои члены.

16 декабря. 130 лет назад в селе Озёры Коломенского уезда родился Михаил Васильевич Крюков (1884—1944) — архитектор. В 1921 году организовал трест «Мосстрой» и девять лет руководил им. С 1933 года — первый ректор Всесоюзной академии архитектуры.

25 декабря. 50 лет со дня рождения коломенского поэта Евгения Михайловича Кузнецова.

27 декабря (16 декабря по ст. ст.). 280 лет назад в Коломне в семье купца родился Пётр Кириллович Хлебников (1734—1777) — генерал-аудитор-лейтенант, известный библиофил.

31 декабря 1974 года в Коломне родился Дмитрий Николаевич Дунаев — заслуженный артист Российской Федерации.

В декабре 1869 года в Коломне начала работать земская почта.

В 1874 году открыто первое в Коломне фотозаведение В. Болозина (располагалось в кремле на улице Брусенской, ныне Лажечникова). От него дело перешло к братьям Епифановым. С 1891 года фотографией стала владеть Матрёна Панфиловна Бортняева. Её муж, коломенский мещанин И. В. Бортняев, прошёл обучение у московских фотохудожников и стал классным фотографом. Бортняевская фотография действовала и многие годы в советское время.

В 1899 году Коломенский машиностроительный завод открыл в селе Боброво театр. Это было уникальное деревянное сооружение, построенное в стиле модерн. В 2005 году здание снесли.

Календарь подготовил Анатолий КУЗОВКИН

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

ЗОЛОТАЯ НИТЬ

На дорогую парчу похожа история Коломны. И каждый исследователь вносит в её ткань свой узор. Но есть в городе такой мастер, с которым мало кто сравнится. Анатолий Кузовкин — вот чьими трудами прежде всего украшается летопись Коломны. Тянется драгоценная нить — и каждый год прибавляет нам новые имена творцов и героев, открываются неведомые образы ярких событий и биографий.

Дорогой Анатолий Иванович! В знаменательный год твоего 75-летия мы желаем тебе успешного продолжения славных трудов. Пусть Господь преумножит в тебе остроту духовного зрения, творческое вдохновение и столь нужное для умелого архивиста терпение!

Пусть не иссякает в твоих руках золотая нить, являя миру блестящие находки, мудрые страницы книг и радость человеческих встреч!

Коллектив редакции

ВИВАТ, ОЛИМПИАДА!

Через Коломну проследовало пламя грядущих спортивных побед

Наш город первым после столицы принял эстафету Олимпийского огня, который прибыл к месту старта на трамвае.

Раннее утро 10 октября 2013 года. Пасмурно. Однако площадь Советская многолюдна и похожа на большой разбуженный муравейник.

— Ощущения сравнимы с космическими! — немного волнуясь, сказал перед стартом первый факелonosец коломенского этапа эстафеты Герой России лётчик-космонавт Михаил ТЮРИН. Он зажёл факел от лампы, привезённой на площадь в украшенном олимпийской символикой трамвайном вагоне, и после напутственных речей кортеж вышел на маршрут. Пятидесяти двум факелonosцам предстояло преодолеть десятикилометровую трассу, пролегающую по главным городским магистралям.

Сменяя друг друга, в течение полутора часов факелonosцы без происшествий и под несмолкаемые овации зрителей добрались до финальной точки маршрута — конькобежного центра. Здесь прошёл самый зрелищный этап эстафеты. Заслуженный мастер спорта России по конькам Екатерина ЛОБЫШЕВА спустилась с факелом по ступеням к ледовому дворцу, и в этот момент у неё над головой совершил головокружительный пируэт на мотоцикле предпоследний участник эстафеты, мастер спорта России Алексей КОЛЕСНИКОВ.

Кульминацией же действия стало зажжение на ледовой арене чаши Олимпийского огня. Честь провести этот ритуал была оказана заслуженному мастеру спорта СССР по конькам, заслуженному тренеру СССР, старшему тренеру сборной России Валерию МУРАТОВУ.

БЛАГОДАРИМ

Издание выходит при поддержке
главы городского округа Коломна В. И. Шувалова
и коломенских меценатов

- Николая Тимофеевича ВОРОНИНА** —
генерального директора ООО ПКФ «ДОММ»;
- Николая Николаевича СИДЕЛЁВА** —
директора межрайонного автотранспортного
предприятия «Автоколонна 1417».
Филиал ГУП МО «Мострансавто»;
- Сергея Семёновича ТУБОЛЕВА** —
генерального директора ЗАО «Колнаг»;
- Игоря Викторовича ЧИРКОВА** —
индивидуального предпринимателя;
- Валерия Семёновича КОССОВА** —
генерального директора ОАО «ВНИКТИ»;
- Михаила Яковлевича АРЕНЗОНА** —
учредителя Издательского дома «Ять»;
- Алексея Анатольевича РАКШИНА** —
генерального директора ООО «ТЕХНО-АС»;
- Евгения Владимировича ЗАХАРЧЕНКО** —
генерального директора ООО «Прогресс»;
- Юрия Михайловича УГОЛЕВА** —
генерального директора ООО «Экологическая
научно-производственная фирма «Новатор»;
- Натальи Николаевны ДРАНЕЕВОЙ** —
директора НОУ ДПО «Научно-учебный центр
«Знание-Коломна»;
- Эдуарда Насибулловича ТУМЕРКИНА** —
директора ОАО «Ракурс»;
- Игоря Валерьевича ШАХ-НАЗАРОВА** —
директора ООО «Тираж»;
- Татьяны Сергеевны ЛАПТЕВОЙ** —
директора негосударственного образовательного
учреждения дополнительного образования
«Коломенский компьютерный центр».

Фото Ю. Елиханникова

ДРУЗЬЯМ

*Что есть истоки меценатства?
Когда душевное приятство
Патриций римский ощутил
В тот час,
когда поил, кормил
Своих приятелей-поэтов,
Художников.
И до рассвета
Хрип хор ответных голосов
И славил дело Мецената.*

*Вот так возникло всё
когда-то...*

.....
*В дворянство возвести готов
Своих друзей за меценатство!
Увы, не царь.
Но славою братство
Людей, причастных к миру слов.*

Евгений Кирсанов

Фото Ю. Имханицкого

Фото Ю. Имханицкого

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ
«КОЛОМЕНСКИЙ АЛЬМАНАХ»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
В. С. МЕЛЬНИКОВ

ЗАМЕСТИТЕЛИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА
Р. В. СЛАВАЦКИЙ
А. А. САХАРОВ
В. В. УШАКОВА

РЕДКОЛЛЕГИЯ

А. П. Ауэр, Т. Ф. Башкирова (редактор отдела поэзии),
Е. С. Гринин (главный художник), **А. М. Дудкин, С. В. Калабухин,**
Т. И. Кондратова (шеф-редактор гуманитарных проектов), **О. В. Кочетков**
(референт главного редактора), **В. В. Королёва** (художник), **А. И. Кузовкин,**
Т. С. Лаптева, В. Н. Леонов, С. И. Патрикеев, И. Е. Ракша (шеф-редактор
аналитических проектов), **М. М. Сигал, Т. А. Форисенкова**
(редактор-библиограф)

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ РЕДАКЦИИ

В. Н. Ганичев — председатель Союза писателей России
Ю. В. Козлов — главный редактор журнала «Роман-газета»
В. Н. Крупин — писатель
С. Ю. Куняев — главный редактор журнала «Наш современник»
В. В. Личутин — писатель
А. Б. Мазуров — ректор Московского государственного областного
социально-гуманитарного института
Н. В. Маркелова — председатель Комитета по культуре
городского округа Коломна
С. М. Харламов — народный художник России
Н. П. Бурляев — народный артист России
В. И. Шувалов — глава городского округа Коломна
Е. Ю. Юшин — главный редактор журнала «Молодая гвардия»

В оформлении обложки использован фотоэтиюд Юрия Колесникова
Городская хроника, опубликованная в альманахе, представлена редакциями
газет «Коломенская правда» и «Вопрос — Ответ»

На стр. 2 помещены награды альманаха — медаль имени И. А. Ильина
и медаль И. И. Лажечникова

Художники **Е. С. Гринин, В. В. Королёва**
Компьютерная вёрстка **Т. А. Титова**
Корректоры **В. В. Ушакова, Л. А. Вагина**

140402, Московская область, г. Коломна, ул. Кирова, д. 163. Тел. (8-496) 618-70-71;
e-mail: melnikov-vs@yandex.ru

Электронная версия альманаха: www.kolomna.biblio.narod.ru

Подписано в печать 27.02.2014. Формат 70x100/16. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.

Усл.-печ. л. . Тираж 1000 экз. Заказ

Издательство «Инлайт». Московская область, г. Коломна, ул. Левшина, д. 19.

Тел. (8496) 616-36-64. Факс (8496) 612-70-28

Отпечатано в ГУП МО «Коломенская типография»

140400, Московская обл., г. Коломна, ул. III Интернационала, д. 2а